ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2014. № 386. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2014. № 386. September

Томский государственный университет
2014

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьёв**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 386 Сентябрь 2014

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 386 September 2014

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Звягина С.В. Роман А.Ф. Писемского «Тысяча душ»: диалог с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя 5
Казакова Н.Н. Варьирование образной семантики слова по данным психолингвистического эксперимента 11
Прокопьева Л.Б. Античные буколики в интерпретации М.Н. Муравьева (к истокам сентиментализма) 18
Серышева Ю.В., Филь Ю.В. Глаголы с вторичными префиксами ПЕРЕ- и НЕДО- сквозь призму языкового сознания носителей русского языка 24
Ян Фан. Положительная оценка в рекламно-информационном журнальном тексте 36

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Данилова Е.А. Внешнеполитическое позиционирование государственной инновационной политики Российской Федерации 43
Карпова А.Ю. «Русский студень»: молчание – знак согласия? 47
Нехаева И.Н. Граница истории: язык или искусство? 53
Петрова Г.И., Ершова И.А., Зоткин А.О. Исследовательский университет versus университет классический? 59
Шпагин С.А. Социальный капитал в региональных политических сетях (на примере Томской области) 64

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Березовская С.С. Методологические предпосылки универсалии в контексте классической метафизики 70
Золотарева Н.В. Куклы обских угров как фактор формирования этнокультурных смыслов и компетенций 79
Коробейникова Л.А. Ценности современной культуры: эволюция рационализма 85
Красильникова М.Б. Трактовка времени и метаистории в идеях русского культурного ренессанса 89
Савельева Е.Н. Европейский кинематограф XX в.: пути утверждения национально-культурной идентичности 94

ИСТОРИЯ

Гамерман Е.В. Российский Дальний Восток в системе обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии 99
Гумерова Ж.А. «Человеческое измерение» в русской исторической мысли начала XX в. (на примере творчества Г.П. Федотова) 105
Запорожченко Г.М. Потребительская кооперация Сибири в начале XX в. в контексте проблемы кооперативной идентичности 112
Кушнарева М.Д. Развитие пушной торговли Акционерным обществом спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в Северо-Восточной Сибири в начале XX в. 117

CONTENTS

PHILOLOGY

Zvyagina S.V. A.F. Pisemsky's *One Thousand Souls*: a dialogue with Gogol's *Dead Souls* 5
Kazakova N.N. The variety of figurative semantics of the word by psycholinguistic experiment results 11
Prokopieva L.B. Classical bucolics in M.N. Muravyev's translations (the beginnings of sentimentalism) 18
Serysheva Yu.V., Fil Yu.V. Verbs with secondary prefixes PERE- and NEDO- in the linguistic consciousness of Russian speakers 24
Yang Fang. Positive evaluation in advertising informational journal text 36

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Danilova E.A. Foreign policy positioning of the Russian Federation as an innovation state 43
Karpova A.Yu. "Russian aspic": does silence mean agreement? 47
Nekhaeva I.N. The boundary of history: language or art? 53
Petrova G.I., Ershova I.A., Zotkin A.O. Research university versus classical university? 59
Shpagin S.A. The social capital in regional political networks (by example of Tomsk Region) 64

CULTURAL STUDIES

Berezovskaya S.S. Methodological premises of universal phenomena in the context of classical metaphysics 70
Zolotareva N.V. Dolls of the Ob-Ugric peoples as a factor of forming ethnic and cultural meanings and competencies 79
Korobeynikova L.A. Values of modern culture: evolution of rationality 85
Krasilnikova M.B. Interpretation of time and metahistory in the Russian cultural Renaissance 89
Savelieva E.N. European film of the twentieth century: ways of promoting national and cultural identity 94

HISTORY

Gamerman E.V. The Russian Far East in the security in Northeast Asia 99
Gumerova Zh.A. The human dimension in the Russian historical thought in the early 20th century (by G.P. Fedotov's works) 105
Zaporozhchenko G.M. Consumption cooperation of Siberia in the early 20th century in the context of the cooperative identity problem 112
Kushnaryova M.D. Development of fur trade by "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov" joint stock company of match and fur factory in north-eastern Siberia in the early 20th century 117

Луков Е.В. Внешнеэкономическая деятельность Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» в 1990-е гг. 121
Морев В.А. К истории советской стандартизации в 1918–1945 гг. 130
Путренко Д.В. Сравнительный анализ мер государственного регулирования венчурного бизнеса в России и Японии 135
Соколов В.Ю. Опыт проектирования процессов самоидентификации в школьном историческом образовании 140
Тартаковская К.А. «Томские епархиальные ведомости» об организации санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. 146

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л. Целевая ориентация правовых подсистем как исходная посылка для научных исследований 149
Кремлев М.В. Понятие, этапы информационного обеспечения процесса расследования преступлений. Его особенности в условиях учреждения исполнения наказания 152
Лозинский И.В. Дальнейшее реформирование уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности: совершенствование или декриминализация? 155
Ширижик В.М. Обычное право как регулятор общественных отношений монголо-тюркских народов Центральной Азии в период Чингисхана 161

ЭКОНОМИКА

Казаков В.В. Государственно-частное партнерство: мировой опыт и отечественная практика 165
Козловская О.В., Акерман Е.Н., Елисеев Ю.А., Бурец Ю.С. Модельное нормотворчество в сфере инновационной деятельности в межрегиональном контексте: первый опыт в рамках Ассоциации инновационных регионов России 172

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Разуванова А.В., Кошельская Е.В., Смердова О.С., Капилевич Л.В. Физиологические и биомеханические особенности фазы приземления при выполнении прыжка в длину с места 183
Федоров И.В. Респонзивная динамика эмпатической активности 188

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Архипова Н.В., Макаренко Н.А., Парначёв В.П., Архипов А.Л. Экогеохимические особенности почвенного покрова и донных отложений кластерного участка «Озеро Иткуль» Государственного природного заповедника «Хакасский» 193
Бетхер О.В., Афонин И.В., Ивлев Д.А. Литофациальный анализ и палеогеографические реконструкции верхнесеноманских отложений горизонта ПК1–2 (покурская свита, Ван-Еганское месторождение, Западная Сибирь) 201
Горбатов А.А. Уточнение фациального расчленения и межскважинной корреляции отложений пласта $АС_{12}$ Приобского месторождения 209
Кучеренко И.В. Магматогенные геолого-генетические концепции образования гидротермальных месторождений золота: факты и аргументы 214
Мананков А.В., Владимиров В.М., Страхов Б.С. Высокопрочные петроситалловые конструкции для работы в особых условиях арктики 223

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 233

Lukov E.V. International economic activity of the interregional association "Siberian Accord" in the 1990s 121
Morev V.A. On the Soviet standardization in 1918–1945 130
Putrenko D.V. The comparative analysis of venture business state regulation measures in Russia and Japan 135
Sokolov V.Yu. Experience of self-identification processes design in the school historical education 140
Tartakovskaya K.A. *Tomsk Diocesan Sheets* about health education organization in Tomsk Province in the 19th – early 20th centuries 146

LAW

Akhmedshin R.L. Target orientation of legal subsystems as a premise for scientific research 149
Kremlev M.V. Concept and stages of crime investigation information support. Its features in penal institutions 152
Lozinsky I.V. Further reformation of the Russian Federation criminal law protecting social relations in the sphere of economic activity: improvement or decriminalization? 155
Shirizhik V.M. The common law as a regulator of the Mongol-Turkic peoples' social relations in Central Asia during Chenghis Khan's reign 161

ECONOMICS

Kazakov V.V. Public private partnership: international experience and domestic practice 165
Kozlovskaya O.V., Akerman Ye.N., Eliseev Yu.A., Burets Yu.S. Model lawmaking in innovation activities in the inter-regional context: first experience within the association of innovative regions of Russia 172

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Razuvanova A.V., Koshel'skaya E.V., Smerdova O.S., Kapilevich L.V. Physiological and biomechanical features of the landing phase of the standing long jump 183
Fedorov I.V. Responsive dynamics of empathic activity 188

EARTH SCIENCES

Arkhipova N.V., Makarenko N.A., Parnachev V.P., Arkhipov A.L. Ecogeochemical features of soil and bottom sediments of the cluster area "Lake Itkul" in the State Natural Reserve "Khakassky" 193
Betkher O.V., Afonin I.V., Ivlev D.A. Lithofacial analysis and paleogeographic reconstruction of Upper Cenomanian deposits of horizon PC1-2 (Pokurskaya suite, Van-Yogan field, Western Siberia) 201
Gorbatov A.A. The refinement of facies dismemberment and inter-well correlation in the AC_{12} seam deposits of the Priobskoye field 209
Kucherenko I.V. Magmatogene geology-genetic conceptions of the hydrothermal gold deposits formation: facts and arguments 214
Manankov A.V., Vladimirov V.M., Strakhov B.S. High-strength petrositall constructions for working in special conditions of the Arctic 223

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 233

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882(09)

С.В. Звягина

РОМАН А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ»: ДИАЛОГ С «МЕРТВЫМИ ДУШАМИ» Н.В. ГОГОЛЯ

Изучен диалог романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя на уровне сюжета и системы персонажей. Установлено, что обращение к гоголевской поэме осуществляется посредством реминисценций, которые позволяют писателю расширить границы своего произведения и наполнить его глубоким смыслом. Рассмотрены теоретические аспекты этого художественного приема и оценена его роль в структуре произведения. Показано, что, вступая в диалог с «Мертвыми душами», Писемский следует собственной идее и рисует картину современного ему общества, где царит атмосфера потребления и, следовательно, нет места новому герою, признающему аморальность своего поведения и пытающемуся исправить совершенные ошибки.

Ключевые слова: реминисценции; диалог; гоголевский сюжет; живые / мертвые души.

Русская литература 40–50 гг. XIX в. развивается под знаком новых исканий и открытий в разных направлениях художественного отражения характеров и всего процесса жизни, но в них все еще сильны традиции А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя [1. С. 389].

В этот период перемен и начал свой творческий путь Алексей Феофилактович Писемский (1821–1881), который был воспринят современниками как достойный продолжатель «пушкинских» и «гоголевских» идей, поскольку в его сочинениях они проявились «как генетически близкие и художественно взаимодополняющие» [2. С. 7]. Его дар повествователя и умение следовать за реальностью позволяют говорить о нем как о писателе-реалисте [3. С. 210, 211], который, отдавая дань традиции, все же пошел самостоятельной дорогой и создал в своих произведениях уникальный художественный мир, расширивший границы реалистического искусства.

С юных лет Писемский был увлечен творчеством Н.В. Гоголя, а за годы учебы в университете, которые позволили ему всесторонне осмыслить великую русскую литературу, навсегда сделался его «пламенным поклонником и последователем» [4. С. 6]. При этом Писемский не только читал произведения «великого маэстро» [5. С. 139], но и играл его персонажей в любительских спектаклях.

С «учительством» Гоголя, как отмечают критики, связаны многие моменты художественного творчества Писемского. Так, близкий друг писателя Б.Н. Алмазов [6. С. 453] указывал, что литературными образцами для Писемского были творения Пушкина и Гоголя. А В. Дерели, представляя весной 1880 г. французской публике неизвестного русского сочинителя, говорил: «Писемский считается в России за одного из наиболее известных литераторов. Признавая в нем преобладающими качествами точный анализ характеров и юмористический реализм наблюдений, его называют преемником Гоголя, знаменитого автора Мертвых душ и Ревизора» [5. С. 792]. Этой позиции придерживался и Ю. Айхенвальд. Он, анализируя «Тысячу душ» и «Мертвые души», акцентирует внимание на сходстве художественной манеры Писемского и Гоголя: и здесь и там даны картины быта, представлена физиология русской общественности и показана яркость жанра [7. С. 264].

Современные исследователи также фиксируют «преданность» писателя традициям Гоголя. Так, В.А. Мысляков отмечает, что уже первое произведение Писемского – повесть «Боярщина» – своей установкой на «натуральность» изображения, критическим пафосом и стилистикой повествования, окрашенной интонациями непринужденно-живого, иронического рассказа, заставляет нас вспомнить о гоголевской школе [8. С. 82].

Однако о положительном влиянии Гоголя говорили не все. Ю.Ф. Самарин, например, упрекал всех писателей гоголевского направления (а значит, и Писемского) в том, что они мало знают жизнь провинции, которую изображают в своих произведениях, и «умеют видеть только то, что показал, описал и назвал по имени Гоголь» [9. С. 86], они ученически следуют за ним. Относить это утверждение к личности Писемского в полной мере нельзя, поскольку он долго жил и служил в провинции и своими глазами видел среду провинциальной бюрократии и дворянства, а потому оперировал материалом, извлеченным из глубин русской жизни.

Писемский учился у Гоголя литературному мастерству – правдивому изображению действительности, однако если «великий маэстро», как правило, старался избегать в своих произведениях цитат и литературных отсылок, стремился спрятать как можно глубже всякий литературный источник [10. С. 102], то Писемский действовал иначе: он не боялся обвинений в литературности. И поэтому в своем вершинном произведении – романе «Тысяча душ» – писатель прибегает к активному диалогу с «Мертвыми душами» Гоголя путем включения в текст литературных реминисценций.

Цель нашей работы – выявление роли гоголевских реминисценций в романе А.Ф. Писемского «Тысяча душ» и оценка их влияния на идею, сюжет и систему персонажей.

Данный ракурс исследования продиктован интересом современного литературоведения к художественной многозначности текста, поскольку, несмотря на свою уникальность, все произведения художествен-

ной литературы существуют в ситуации «полилога культуры» [11. С. 364], т.е. непременно вступают во взаимосвязь с литературной и культурной традицией. Этот факт и обусловливает, и объясняет использование писателями приема реминисценции – бессознательного или целенаправленного воспроизведения фрагментов чужого текста.

Реминисценция – это способ создать определенный настрой для восприятия произведения, подключив его к традиции, и одновременно возможность продемонстрировать отличие, новизну создаваемого произведения, вступить в диалог с традицией [12. С. 15]. Реминисценции глубоко значимы в художественной литературе разных стран и эпох [13. С. 269], однако их активное использование в русской поэзии и прозе приходится на XIX–XX столетия. Реминисценции вносят в текст множество новых значений и позволяют с помощью всего нескольких слов расширить границы произведения. Их выявление позволяет расшифровать авторский код, что, следовательно, приближает нас к постижению «скрытого» смысла.

Реминисценции ассоциативно связывают первый и второй контексты художественных произведений, обогащая восприятие последнего путем включения в него прямых или трансформированных цитат, сюжетных заимствований или просто имен авторов, их персонажей и названий произведений.

Так, преклоняясь перед талантом Гоголя, Писемский неоднократно упоминает в романе его имя и произведения, как бы отдавая дань «великому маэстро». Центральный персонаж «Тысячи душ», Настенька Годнева, в одном из разговоров о литературе называет среди «великих русских писателей» имена Пушкина, Лермонтова и Гоголя. А вот главный герой, Яков Калинович, хоть и заявляет, что Гоголь – «громадный талант» (отдавая ему предпочтение перед Пушкиным и Лермонтовым), но общее направление его творчества считает односторонним, поскольку Гоголь «с приличною ему силою является только как сатирик, а потому раскрывает одну сторону русской жизни, и раскроет ли ее вполне, как обещает в “Мертвых душах”… – это еще сомнительно» [14. С. 50].

Размышляя в пьесе «Театральный разъезд» над отличительными особенностями нового времени, Гоголь писал: «Всё изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» [15. С. 142]. Раздумья эти были близки и понятны Писемскому. Касаясь в самом начале работы над романом его основной мысли, он писал А.Н. Майкову: «Что бы про наш век ни говорили, какие бы в нем ни были частные проявления, главное и отличительное его направление практическое: составить себе карьеру, устроить себя покомфортабельнее, обеспечить будущность свою и потомства своего – вот божки, которым поклоняются герои нашего времени» [5. С. 77, 78]. И действительно, брак без любви, стремление к материальному благополучию, отсутствие идеалов – все это в изобилии представлено в его романе [16. С. 626].

Писемский убежден, что «для нас, детей нынешнего века, слава... любовь... мировые идеи... бессмертие – ничто перед комфортом... <…> Для комфорта чистым и нечистым путем ищут наследство; для комфорта берут взятки и совершают, наконец, преступления» [14. С. 136]. Эти признаки века Писемский воплотил в образе князя Ивана Раменского, который «ни за какое дело не возьмется без явных барышей» [Там же. С. 318]. Именно он, преследуя целью обогащение, предлагает Калиновичу жениться на Полине Шеваловой – его родственнице, обладательнице внушительного состояния. При этом князь вовсе не соблазняет Калиновича богатствами, он лишь озвучивает ему его собственные желания. Первоначально герой, еще полный надежд преуспеть благодаря своему таланту литератора, отказывается, но как только убеждается в том, что писательская карьера не принесет ему ни желаемой славы, ни денег, он без доли сожаления оставляет литературное поприще. Чиновничья карьера тоже не складывается, и он уже готов пойти на решительный шаг – жениться на «тысяче душ». Однако этот путь мучителен для Калиновича. Свою сделку с миром знатных богачей он воспринимает как катастрофу, и только встав на путь борьбы с этой средой, Калинович чувствует себя удовлетворенным.

На стадии замысла романа в основе сюжета должна была лежать история писательской карьеры главного героя – Якова Калиновича, чему и соответствовало первоначальное название романа – «Умный человек». Однако в письме от 1853 г. Писемский сообщил А.Н. Майкову, что «выведется литератор не по призванию, а из самолюбия» [5. С. 62]. Изменив название сочинения, Писемский тем самым подчеркнул тему приобретательства и материального интереса, что сближало «Тысячу душ» с «Мертвыми душами» Гоголя.

Произведения разделяет чуть более 15 лет, но в культурно-историческом плане это целая эпоха. «Мертвые души» создавались Гоголем в то время, когда роман только выдвигался на первое место в русской литературе [1. С. 324], а «Тысяча душ» – в период, когда русский реалистический роман уже стал ведущим жанром художественной литературы.

Главные герои обоих произведений, Чичиков и Калинович, – люди, несомненно, разные, различны и их действия на пути к достижению цели: в одном случае – это предпринимательство «нового» человека, в другом – традиционная женитьба-сделка. Но цель, которую они преследуют, – одна: это «комфорт», эквивалентом которого являются приобретаемые души.

Персонаж Гоголя – Павел Иванович Чичиков – ездил по городам и весям русской земли, поскольку был охвачен желанием стать обладателем капиталов, которые принесут с собой «жизнь во всех довольствах» [17. С. 228]. Поставив себе цель, Чичиков проявляет для ее достижения громадную энергию, упорство и невероятную изобретательность. Главный его козырь во всех жульнических операциях – это талант искусного ведения разговора: он, как «настоящий хамелеон, меняющий в зависимости от обстоятельств речь и манеру обхождения» [18. С. 12], в любой новой обстановке быстро становится «своим человеком». Именно благодаря обаянию и постижению, как гово-

рит сам Гоголь, великой тайны нравиться, гениальная афера приносит желаемые плоды: Чичиков становится обладателем четырехсот мертвых душ.

В романе Писемского путь героя наверх – тоже своего рода путешествие. Карабкаясь по ступеням социальной и карьерной лестницы, Яков Калинович сталкивается с массой разнообразных лиц: от низшего сословия до верхов. «Путешествие» начинается с провинциального города Энска, куда он назначен на должность смотрителя училища. Однако это не его уровень. Выпускник юридического факультета Московского университета способен на большее: у него есть ум, сила воли и, наконец, самое главное – огромное желание выбиться в люди.

Герой Писемского, как и Чичиков, действует активно и целеустремленно. Он получает невесту с тысячью душами, должность вице-губернатора, а затем и губернатора.

Однако если, по мнению современных исследователей [18. С. 14], гоголевский авантюрист не антисимпатичен читателю – мы, следуя за ним, непременно желаем ему одержать победу над помещиками, – то образ Калиновича, несмотря на то что Писемский берет его под свою защиту, объясняя поведение героя характером современной русской и европейской жизни, в которой «рыцари переродились в торгашей», вызывает противоположные эмоции. Казалось бы, князь Раменский и Полина Шевалова ничуть не лучше гоголевских продавцов, мы не сочувствуем им, однако и не оправдываем Калиновича. Причина данного диссонанса кроется в образе Настеньки Годневой – милого, доброго человека с большим сердцем, любовь которой Калинович предает, поскольку эта девушка не способна помочь в реализации его планов.

В названии обоих произведений («Тысяча душ» и «Мертвые души») присутствует слово «душа», однако в содержательном отношении между ними существует огромная разница. Для раскрытия смысла слово «душа» обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля:

«Душа. 1. Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении человек, с духом и телом. 2. Говоря душа, подразумевают людей обоего пола, либо только мужского, душу ревизскую, что означает человека податного состояния. 3. Душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство» [19. Стб. 1256].

Из этих значений следует, что слово «душа» – понятие многогранное, при этом оно всегда употребляется в отношении к человеку, к живому существу. Однако в анализируемых нами произведениях «душа» приобретает предметное значение.

Гоголь писал: «Приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых...* (курсив Н.В. Гоголя. – *С.З.*) <…> Не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое» [17. Т. 6. С. 242].

Герой Гоголя совершает именно такое приобретение. Он скупает у помещиков – «целой галереи пародий на людей» [20] – «мертвые души», которые по документам – «ревизским сказкам» – значились до очередной проверки живыми. И делает это он с целью обогащения, поскольку за каждую душу рассчитывает получить в Опекунском совете по двести рублей. К тому же, как отмечает герой, теперь «время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, славу богу, не мало» [17. С. 240]. Таким образом, получается, что «душа» – это средство наживы.

Е.А. Смирнова [21. С. 7–10], анализируя «Мертвые души», рассматривает понятие «душа» как центральную категорию в творчестве Гоголя, которая непосредственно связана с поиском положительного идеала. Это обусловлено тем, что Гоголь всегда чувствовал, что позади мертвых душ души живые, и потому он, следуя за Чичиковым, не оставляет надежды найти таких людей, которые бы несли в себе начало жизни и возрождения, в то время как его героя интересуют только мертвые души [22. С. 80].

Реализацию гоголевской идеи – «приобретение – вина всего» – мы наблюдаем и в «Тысяче душ» у Писемского. Так, например, наследница миллионного состояния Полина Шевалова жалуется, что у нее «гривенника на булавки нет» [14. С. 119], а ведь ей по закону принадлежит пятьсот душ. Эти души, как мы понимаем, – крепостные крестьяне, владение которыми делало ее завидной невестой, несмотря на то что красотой она не блистала.

Калинович тоже, окунувшись в мир высшего света, размышляет: «Впереди были две дороги: на одной невеста с тысячью душами... однако, ведь *с тысячью*! (курсив А.Ф. Писемского. – *С.З.*), – повторял Калинович, как бы стараясь внушить самому себе могущественное значение этой цифры. <…> На другой дороге… литература с ее заманчивым успехом, с независимой жизнью в Петербурге» [Там же. С. 189]. Невеста с тысячью душами – это предмет, обладание которым гарантировало бы Калиновичу безбедное существование, и именно существование, поскольку Полину он не любил.

Первоначально герой, еще полный надежд, выбирает Петербург, однако его мечты о литературной славе быстро рушатся, и он меняет «траекторию движения» – женится на «тысяче душ» и таким образом подчиняется распространенной в обществе установке – «любовь ничто перед комфортом».

Той же идеей руководствуется и князь Иван Раменский, соблазняя Калиновича миром, где властвуют деньги: «Вы (он обращается к Калиновичу. – *С.З.*) теперь приняты в дом генеральши так радушно, с таким вниманием к вам, по крайней мере, со стороны mademoiselle Полины, и потому... что бы вам похлопотать тут – и, – боже мой! – какая бы тогда для вас и для вашего таланта открылась будущность! Тысяча душ, батюшка, удивительно устроенного имения, да денег, которым покуда еще счету никто не знает. Тогда поезжайте, куда вы хотите: в Петербург, в Москву, в Одессу, за границу... Пишите свободно, не стесненные никакими другими занятиями, в каком угодно климате, где только благоприятней для вашего вдохновения...» [Там же. С. 186].

Однако следует отметить, что у Писемского слово «душа» ассоциируется не только с чисто материаль-

ными и меркантильными интересами, но приобретает и оттенок светлого и возвышенного, когда речь идет о Настеньке Годневой. Эта простая уездная барышня – человек сильных и глубоких чувств. Она воплощает в своем характере тип человека, способного в любую минуту прийти на помощь, пожертвовать всем ради счастья близкого человека. По отношению к ней отец, дядя, да и сам Калинович употребляют словосочетание «душа моя», тем самым акцентируя внимание на ее богатом внутреннем мире и моральной чистоте.

Настенька, обращаясь к Калиновичу, тоже использует производные от этого слова: «Не езди, душечка, ангел мой, не езди!» [14. С. 123] или «О душка мой, Калинович!..» [Там же. С. 139]. Она искренне верит всем его обещаниям и видит лишь положительную сторону личности своего возлюбленного. А он предает ее ради лучшей жизни, так как не желает довольствоваться участью скромного смотрителя уездного училища.

Семью Годневых Писемский рисует в ином ключе, нежели остальных жителей Энска. Годневы – это единственный светлый луч в этом сухом и бессердечном мире, где главной житейской установкой является представление о том, что деньги для человека – все! В этих скромных и добрых людях Писемский реализовал идею благородства и красоты души. Потому Петр Михайлович, отец Настеньки, характеризуется прилагательным «добродушный», а Флегонт Михайлович, ее родной дядя, словом «душка». Мир Годневых противопоставлен в романе и провинциальной пошлости, и великосветской опустошенности.

Таким образом, «душа» у героев Писемского и Гоголя – это символ материального благополучия бездуховного содержания, но у Писемского она отражает еще и нечто светлое, присущее простым людям, таким, как семья Годневых.

Разграничение позиций живое / мертвое – один из ключевых элементов в раскрытии духовно-нравственного смысла «Мертвых душ» [23. С. 129]. Так, А.С. Курилов [24. С. 19] утверждает, что выведенную Гоголем галерею помещиков никак нельзя считать мертвыми душами, а Чичиков со своей неунывающей натурой, неустанной деятельностью и предпринимательской изобретательностью вообще «живее всех живых». Единственная сторона жизни, точнее одна ее составляющая, относительно которой души гоголевских персонажей действительно «мертвы», – это общественные интересы. А.В. Быков придерживается другого мнения. Он считает, что категория живого присуща лишь русскому народу, которым писатель восхищается в поэме, однако это восхищение является абстрактной верой Гоголя в прекрасное будущее, поскольку в реальности многие представители этого народа мало чем отличаются от своих господ [25. С. 373].

В романе Писемского данная параллель также присутствует, однако в завуалированном виде. Основная мысль романа – идея своекорыстного индивидуалистического успеха любыми средствами – типологически сближает «Тысячу душ» с широко распространенным в западноевропейской литературе XIX в. «романом удачи» (или успеха) [26. С. 75]. Однако на протяжении повествования этот «роман успеха» плавно перетекает в «роман отчаяния». После женитьбы на Полине Шеваловой Калинович достигает немалых высот: получает должность вице-губернатора, а вместе с ней и привилегированное положение в высшем свете. Однако, волею судьбы, герой возвращается в провинциальный Энск, где начинает позиционировать себя блюстителем «бесстрастной идеи государства». На этом пути он терпит полный крах: Калиновича отстраняют от должности и отдают под суд как человека беспокойного, который и сам не пользуется благами жизни и другим жить мешает. Борьба героя со злом желаемого результата не приносит, и это надламывает его.

Отчаянье не обходит стороной и светлую душу Настеньки Годневой: она после всех выпавших на ее долю испытаний и предательств теряет интерес к жизни.

Получается, что если в «Мертвых душах» ведутся поиски живой души, то у Писемского изначально живые души становятся мертвыми, о чем писатель сообщает нам на последних страницах романа: «Я никак не могу, подобно старым повествователям, сказать, что главные герои мои… пристали, наконец, в мирную пристань тихого семейного счастия. <…> Сломанный нравственно, больной физически, Калинович решился на новый брак единственно потому только, что ни на что более не надеялся и ничего уж более не ожидал от жизни, да и Настенька, более уж, кажется, любившая Калиновича по воспоминаниям, оставила театр и сделалась действительною статскою советницею скорее из сознания какого-то долга, что она одна осталась в мире для этого человека» [14. С. 461, 462].

«Тысяча душ» завершается, таким образом, полагающейся по законам сюжета традиционного романа свадьбой героев, но этот финал – не начало счастливой жизни, а начало бессмысленного существования, поскольку души героев опустошены.

Проведенный нами анализ показывает, что роман Писемского – это сознательная вариация (термин М. Эпштейна) гоголевской поэмы, и реализуется она при помощи художественной реминисценции. Данный прием способствует расширению границ восприятия произведения и формированию собственного уникального художественного мира писателя не только в пределах анализируемого произведения, но и творчества в целом.

«Мертвые души» – это своеобразный код к постижению замысла «Тысячи душ». Писемский, опираясь на образ гоголевского персонажа и заимствуя основную идею «Мертвых душ» («приобретение – вина всего»), не только ярко характеризует отрицательные стороны главного героя, но и делает в решении этой идеи шаг вперед, показывая, что путь исправления не приносит желаемого результата, и обусловлено это не столько морально-нравственными установками отдельных людей, сколько положением дел в обществе в целом. К тому же если в поэме Гоголя за мертвыми душами видны души живые, то у Писемского изначально живые души переходят в ранг мертвых. Следовательно, опираясь на опыт «великого маэстро», Писемский смог найти свою оригинальную тропу: он показал нового героя,

который признает аморальность своего поведения и даже пытается исправить совершенные ошибки, но царящая в обществе атмосфера не позволяет возродить к жизни мертвую душу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История* русского романа : в 2 т. М. ; Л., 1962. Т. 1.
2. *Вершинина Н.Л.* А.Ф. Писемский // История русской литературы XIX в. : в 3 ч. / под. ред. В.И. Коровина. М. : ВЛАДОС, 2005. Ч. 3.
3. *Mirsky D.S.* A history of Russian literature from its beginnings to 1900. Northwestern University Press, 1958.
4. *Еремин М.* Вступительная статья // А.Ф. Писемский. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1959. Т. 1.
5. *Писемский А.Ф.* Письма. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936.
6. *Алмазов Б.Н.* Алексей Феофилактович Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 453–467.
7. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей : в 2 т. М., 1998. Т. 1.
8. *Мысляков В.А.* Писемский о Гоголе // Русская литература. 1992. № 4. С. 81–91.
9. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения : в 10 т. М., 1877. Т. 1.
10. *Ветловская В.Е.* Проблема источников художественного произведения // Русская литература. 1993. № 1. С. 100–116.
11. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
12. *Романичева Е.С.* Учим читать постмодернистский текст // Литература. 2005. № 24. С. 13–17.
13. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М. : Высш. шк., 2005.
14. *Писемский А.Ф.* Тысяча душ. М. : Худ. лит., 1988.
15. *Гоголь Н.В.* Театральный разъезд после представления новой комедии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 5.
16. *Reference* guide to Russian literature / ed. N. Cornwell. Routledge, 2013.
17. *Гоголь Н.В.* Мертвые души. Т. 1 // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6.
18. *Труайа А.* О «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Русская словесность. 2006. С. 10–17.
19. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1903. Т. 1.
20. *Луков Вл.А.* Русская литература: генезис диалога с европейской культурой. М., 2006. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Vl_A_Russian_literature.
21. *Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л. : Наука, 1987.
22. *Манн Ю.В.* Постигая Гоголя. М., 2005.
23. *Жаравина Л.В.* Шаламов и Гоголь: живые / мертвые души // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 129–134.
24. *Курилов А.С.* Мертвые ли души у героев «Мертвых душ»? // Русская словесность. 2009. № 5. С. 17–22.
25. *Быков А.В.* Русская провинция Н.В. Гоголя, или Изображение зла в поэме «Мертвые души» // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы. V Международные Стахеевские чтения : материалы науч. конф. Елабуга, 2012. С. 368–373.
26. *Недзвецкий В.А.* История русского романа XIX века: неклассические формы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2014 г.

A.F. PISEMSKY'S *ONE THOUSAND SOULS*: A DIALOGUE WITH GOGOL'S *DEAD SOULS*

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 5-10. DOI: 10.17223/15617793/386/1

Zvyagina Svetlana V. Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

Keywords: reminiscences; dialogue; Gogol's plot; living/dead souls.

Alexey F. Pisemsky began his creative career in the 1840s and his contemporaries perceived him as a worthy successor to the best literary traditions of "Pushkin" and "Gogol" schools. Pisemsky was fascinated by N.V. Gogol's works from youth: he did not only read the works of the "great maestro", but also played his characters in amateur theatricals. He learnt Gogol's literary skill, truthful depiction of reality; however, if Gogol tried to avoid citations and reminiscences in his works, Pisemsky had a different style. His chief work – the novel *One Thousand Souls* – is rich in reminiscences: the author enters into a dialogue with the *Dead Souls* by Gogol on figurative and ideological levels. So, Pisemsky transferred Gogol's idea that "acquisition is the fault of all" into his novel, and put his hero to a test by the world based on the concept that money is everything for the person. There is no doubt that Gogol's and Pisemsky's characters (Chichikov and Kalinovich) are different, and their actions on the way towards achievement of an objective are different as well. In one case it is entrepreneurship of a "new" man, while in the other circumstances – a traditional marriage-bargain. However, the goal both characters pursued was the same: "comfort" (material well-being), and possessed souls were the equivalent of that "comfort". Moreover, readers sympathize with Gogol's adventurer, while Pisemsky's character, on the contrary, arouses quite opposite emotions. The dissonance is in the character of Nasten'ka Godneva, a pleasant, kind person with a large heart, whose love Kalinovich betrayed as the girl was unable to help him in realizing his plans. Both titles have the word "soul" (*One Thousand Souls* and *Dead Souls*), but each writer plays upon it guided by his own tasks. So, in Gogol's work "soul" is a means of profit, because Chichikov buys "dead souls" aiming to become rich. According to Pisemsky, the word "soul" has two meanings: firstly, it is a symbol of material welfare of a soulless content; secondly, it is a symbol of nobility and inner beauty, typical of ordinary people such as the Godnev family. In his novel Pisemsky interprets Gogol's views on "living/dead" in his own way: in Gogol's *Dead Souls* there is a search for a living soul, while in Pisemsky's novel initially living souls turn into dead ones, the author saying about it on the last page of the novel. *One Thousand Souls* is routinely completed by the marriage of the heroes as required by a traditional novel, though such an ending is not the beginning of a happy life but the start of pointless existence since the souls of the heroes are wasted. Thus, *Dead Souls* is a kind of a key to gain insight into the idea of *One Thousand Souls*, which Pisemsky realizes using literary reminiscences. Basing on Gogol's character and borrowing the main idea of *Dead Souls* ("acquisition is the fault of all") Pisemsky does not only describe the drawbacks of the main character but also takes a forward step in the problem and shows that the way of improvement does not bring a desirable result: it does not revivify a dead soul.

REFERENCES

1. *Istoriya russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel. In 2 vols.]. Moscow – Leningrad, 1962. Vol. 1.
2. Vershinina N.L. *A.F. Pisemskiy* [A.F. Pisemsky]. In: Korovin V.I. (ed.) *Istoriya russkoy literatury XIX v.: v 3 ch.* [A history of the Russian literature of the 19th century. In 3 parts]. Moscow: VLADOS Publ., 2005.
3. Mirsky D.S. *A history of Russian literature from its beginnings to 1900*. Northwestern University Press, 1958. 383 p.
4. Eremin M. *Vstupitel'naya stat'ya* [Introduction]. In: Pisemskiy A.F. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works. In 9 vols.]. Moscow: Pravda Publ., 1959. Vol. 1.
5. Pisemskiy A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow – Leningrad: USSR AS Publ., 1936.
6. Almazov B.N. Aleksey Feofilaktovich Pisemskiy i ego dvadtsatipyatiletnyaya literaturnaya deyatel'nost' [Aleksey Pisemsky and his twenty-five-year-long literary activity]. *Russkiy arkhiv*, 1875, book 1, pp. 453-467.
7. Aykhenval'd Yu. *Siluety russkikh pisateley: v 2 t.* [Silhouettes of Russian writers. In 2 vols.]. Moscow: Terra – knizhnyy klub; Respublika Publ., 1998. Vol. 1.
8. Myslyakov V.A. Pisemskiy o Gogole [Pisemsky about Gogol]. *Russkaya literatura*, 1992, no. 4, pp. 81-91.
9. Samarin Yu.F. *Sochineniya: v 10 t.* [Works. In 10 vols.]. Moscow, 1877. Vol. 1.
10. Vetlovskaya V.E. Problema istochnikov khudozhestvennogo proizvedeniya [The problem of sources of fiction]. *Russkaya literatura*, 1993, no. 1, pp. 100-116.
11. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
12. Romanicheva E.S. Uchim chitat' postmodernistskiy tekst [Teaching to read the postmodern text]. *Literatura*, 2005, no. 24, pp. 13-17.
13. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2005.
14. Pisemskiy A.F. *Tysyacha dush* [A thousand souls]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988.
15. Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t.* [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow – Leningrad: USSR AS Publ., 1949. Vol. 5.
16. Cornwell N. (ed.) *Reference guide to Russian literature*. Routledge, 2013.
17. Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t.* [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow – Leningrad: USSR AS Publ., 1951. Vol. 6.
18. Truaya A. O "Mertvykh dushakh" N.V. Gogolya [On Gogol's Dead Souls]. *Russkaya slovesnost'*, 2006, no. 2, pp. 10-17.
19. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language. In 4 vols.]. St. Petersburg – Moscow, 1903. Vol. 1.
20. Lukov Vl.A. *Russkaya literatura: genezis dialoga s evropeyskoy kul'turoy* [Russian literature: the genesis of the dialogue with the European culture]. Moscow: MUH Publ., 2006. Available at: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Vl_A_Russian_literature.
21. Smirnova E.A. *Poema Gogolya "Mertvye dushi"* [Gogol's Dead Souls]. Leningrad: Nauka Publ., 1987.
22. Mann Yu.V. *Postigaya Gogolya* [Discovering Gogol]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2005. 206 p.
23. Zharavina L.V. Shalamov i Gogol': zhivye/mertvye dushi [Shalamov and Gogol: live / dead souls]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 2, pp. 129-134.
24. Kurilov A.S. Mertvye li dushi u geroev "Mertvykh dush"? [Are the souls of the heroes of Dead Souls dead?]. *Russkaya slovesnost'*, 2009, no. 5, pp. 17-22.
25. Bykov A.V. [Russian province of N.V. Gogol, or the image of evil in the poem Dead Souls]. *Oblik rossiyskoy provintsii: istoricheskie i sovremennye sotsiokul'turnye problemy. V Mezhdunarodnye Stakheevskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii* [The image of the Russian province: historical and contemporary socio-cultural issues. V International Stakheev readings: Proceedings of the conference]. Elabuga, 2012, pp. 368-373. (In Russian).
26. Nedzvetskiy V.A. *Istoriya russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy* [History of the Russian novel of the 19th century: non-classical forms]. Moscow: MSU Publ., 2011.

Received: 22 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 11–17 DOI: 10.17223/15617793/386/2

УДК 81’23

Н.Н. Казакова

ВАРЬИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Описана комплексная методика экспериментального изучения осознания образного значения лексических единиц носителями русского литературного языка, представлены результаты серии психолингвистических экспериментов. Подробно рассматривается вариативность понимания образной семантики, отраженная в показаниях метаязыкового сознания носителей языка. Приведена классификация лексико-семантических вариантов образных слов-стимулов, задействованных в экспериментальном исследовании. Основанием для представленной классификации является характер экспликации в реакциях информантов компонентов морфосемантической структуры образных слов.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент; лексическая образность; метатекст; мотивированность; вариативность.

Одной из актуальных исследовательских задач современной лингвистики является изучение общеязыковой метафорической системы, представляющей отражённый в языке образный взгляд человека на мир. Эта проблематика рассматривается в рамках когнитивной теории метафоры [1–4 и др.], концептологии [5–8], лингвокультурологии [9–12 и др.], теории лексической и фразеологической образности [13–19 и др.].

Данное исследование продолжает теоретическое осмысление образности как лексико-семантической категории, предложенное в трудах представителей Томской лингвистической школы О.И. Блиновой и Е.А. Юриной, в которых данный феномен понимается как «структурно-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, обладающих семантической двуплановостью и метафорическим способом её выражения» [20. С. 7; 21. С. 130; 22. С. 6]. К числу образных лексических единиц относятся языковые метафоры (***лиса*** ‘хитрый человек’) и собственно образные слова – производные лексемы с метафорической внутренней формой (***кувшинка*** ‘цветок, по форме напоминающий кувшин’). Значение образных слов представляет собой двуплановую содержательную структуру, в которой «взаимодействием предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержания предаётся стереотипное (прототипическое) конкретно-чувственное представление о называемом явлении посредством метафорического воплощения признаков этого явления» [19. С. 50]. Е.А. Юрина в структуре образного значения слова выделяет три составляющие: денотатив (представление о называемом явлении – референте образной номинации), ассоциатив (представление об уподобляемом явлении – агенте образной номинации) и символ (общие признаки уподобляемых явлений) [Там же. С. 50–52].

На сегодняшний день наиболее разработанными являются системно-структурный, когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический, лексикографический аспекты анализа образных лексических и фразеологических средств языка [23–25]. Результаты комплексного многоаспектного исследования образности нашли воплощение в серии словарей образных средств литературного языка и диалекта (говоры Среднего Приобья) [20, 22, 26, 27]. Если при семантизации образной лексики диалекта исследователями учитывались показания метаязыкового сознания диалектоносителей, отражённые в диалектных текстах, то семантика образных средств литературного языка интерпретировалась исключительно с опорой на данные толковых словарей и собственную языковую интуицию. При этом не учитывалась возможность иной интерпретации образной семантики рядовыми носителями русского литературного языка, следовательно, не устанавливалось реальное психологическое значение образного слова.

Экспериментальные методики анализа образной лексики фрагментарно привлекались при изучении детской речи [28]; при сопоставительном исследовании русской и английской образной лексики, характеризующей человека [24]; при мотивологическом анализе наименований птиц, растений, предметно-бытовой лексики [29–32]. Задача полномасштабного экспериментального исследования образной лексики с целью выявления осмысления образности слова носителями русского литературного языка на сегодняшний день не решена. Это обусловливает актуальность изучения образной семантики слова по данным метаязыкового сознания говорящих.

Работы, в которых объектом изучения становятся показания метаязыкового сознания, формируют такое направление в языкознании, как металингвистика. Её предметом являются представления рядовых носителей языка о самом языке и формах его реализации [33–41 и др.]. Психолингвистический эксперимент выступает наиболее продуктивным методом исследования человеческого фактора в языке, так как метатексты, полученные в результате его проведения, отражают обыденное восприятие единиц языка его носителями. Анализ показаний метаязыкового сознания позволяет делать выводы о реальном функционировании языковых средств и их взаимосвязи друг с другом. Всё вышеизложенное обусловливает актуальность экспериментального анализа семантики образной лексики.

Исследование лексической образности по данным психолингвистического эксперимента ориентировано на выявление осознания носителями языка структуры и семантики образного слова. Анализ полученных метатекстов позволяет проследить механизмы метафорического уподобления отражённых в семантике образного слова разнородных явлений действитель-

ности, даёт возможность представить широкий спектр восприятия заключённой в слове образности рядовыми носителями русского языка: от полного или частичного осознания до индивидуального переосмысления и забвения.

Для решения поставленных задач была проведена серия психолингвистических экспериментов, включающая пять этапов направленного и заключительный свободный ассоциативный эксперимент.

В направленных экспериментах приняли участие 400 носителей русского литературного языка в возрасте от 15 до 55 лет, имеющие разный уровень образования и различную социальную принадлежность. В качестве слов-стимулов на каждом из этапов эксперимента было задействовано 300 образных слов. Каждая отдельная анкета включала формулировку вопроса-задания и список слов-стимулов от 10 до 20 единиц. Одному испытуемому была предложена только одна анкета. Время её заполнения ограничивалось 15–20 минутами.

Направленность рефлексии информантов на осмысление семантики образного слова-стимула задавалась вопросом анкеты, нацеливающим на актуализацию ассоциативно-мотивационных связей между уподобляемыми явлениями действительности, выраженными в значении слова посредством его метафорической внутренней формы. Наиболее ярким примером актуализации служат мотивирующие обыденные толкования, например: ***безмозглый*** *– глупый, без мозгов*; ***вороной*** *– цветом ворона; чёрный, как ворона.* Косвенно актуализирующие реакции представлены ответами информантов, которые содержат языковые элементы, характеризующие номинируемый объект посредством иных образов: ***ершистый*** *– колючий*; ***опростоволоситься*** *– сесть в лужу*. К числу нейтрализующих отнесены реакции, в которых вераблизуется исключительно предметно-понятийное содержание образного слова: ***безудержно*** *– по своему желанию*; ***двурушник*** *– нечестный человек; умелец, всем угодить может; предатель*.

Направленный эксперимент выявил высокую степень осознания образности слова (около 80% рефлексивов демонстрировали актуализацию образной семантики в метатексте). В связи с этим представлялось важным верифицировать полученные результаты, сопоставив их с данными свободного ассоциативного эксперимента, выявляющего первые спонтанные реакции информанта на образное слово-стимул. Это позволило проследить, в какой степени свободные реакции эксплицируют образный компонент семантики слов-стимулов.

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 300 носителей языка, получено 6 000 ассоциативных реакций, по 20 рефлексивов на каждый из 300 слов-стимулов. Доля повторяющихся реакций, формирующих ядро ассоциативного поля слова-стимула, составила 70%; единичных реакций – 24%, нулевых (отказ от ответа) – 6%. Реакции, актуализирующие мотивированность и метафоричность внутренней формы слов-стимулов, составили более половины всех полученных рефлексивов. Свободные лексические реакции свидетельствуют об осознании образности слова-стимула посредством выражения всех содержательных планов его семантики: денотативного содержания слова (***дармоед*** *– пользующийся чужим трудом*); мотивированности слова (***дармоед*** *– даром ест*); ассоциативно-образного плана значения слова (***дармоед*** *– даром щи хлебает, сидит на шее* (2), *сидящий на спине кого-либо)*; эмоционально-оценочных коннотаций (***дармоед*** *– наглый* (3), *наглый человек* (2)).

Итогом проведения серии направленных экспериментов стала эмпирическая база, состоящая из 13 388 лексических и метатекстовых реакций 700 носителей русского литературного языка. Совокупность рефлексивов, распределённых по словам-стимулам, составила 300 ассоциативно-мотивационных полей, которые включают по 25–45 реакций различных типов, в разной степени эксплицирующих компоненты образной семантики стимула. Например: ***крохотка*** *– маленький, как кроха* (5); *от слова «крошка»* (3); *от «крошка», то есть маленький; от слова «крошка» – маленькая по размеру; от «кроха», что-то маленькое, милое, человека с такими качествами так и называли; маленький человек, буквально крохотный + уменьшительно-ласкательный суффикс; маленький человек, буквально кроха; крохотная, суффикс «к» уменьшительно-ласкательный.* Свободные ассоциации: *кроха* (4); *крошечный* (4); *маленький* (3); *малыш* (3); *как кроха; маленькая; малюсенький; колибри; 0* (2). Внутри поля рефлексивы располагаются в порядке частотности, в скобках указано количество одинаковых реакций. Совокупность результатов всех этапов направленного эксперимента представляет собой уникальный материал, с разных сторон раскрывающий отражение семантики образных слов в сознании современных носителей языка.

В лексических и метатекстовых реакциях на ряд образных слов-стимулов было выявлено варьирование образных значений. В рамках данной статьи представлен анализ варьирования образной семантики в метаязыковом сознании носителей языка.

Группу слов-стимулов с вариативной семантикой составили 75 образных лексических единиц, предметно-понятийная и ассоциативно-образная семантика которых оказалась истолкованной информантами отлично от стандартных узуальных значений.

Первый тип представляет варьирование предметно-понятийной семантики образного слова, что проявилось в реакциях на 17 стимулов. В этом случае метатексты эксплицируют обыденные толкования нескольких лексико-семантических вариантов, как соответствующих нормативным значениям, закреплённым в словарях, так и отклоняющихся от нормы и в разной степени соответствующих узусу. Например, в ответах информантов на слово-стимул ***докапываться*** были представлены обыденные толкования, соответствующие нормативному лексическому значению ‘доискиваться истины’: *дойти до истины* (4); *выяснить правду*, а также присутствовали метатексты, актуализирующие просторечное значение ‘надоедать’: *постоянно надоедать, как лопатой копать*; *доставать, как будто душу копать*. Метатексты на слово-стимул ***толстосум*** выражают нормативное значение ‘богатый человек’: *тот, у которого тол-*

стая сумка, богач (3); *от «толстая сумка»; богатый человек, у которого много денег;* а также окказиональное обыденное значение ‘полный человек, который похож на большую, толстую сумку’: *толстяк*; *толстый, как сумка*; *неуклюжий.*

Второй тип варьирования состоит в различной интерпретации информантами характера метафорического уподобления реалий, отраженных в двуплановом значении образного слова: варьируется «символ метафоры». Этот тип варьирования проявился в реакциях на 7 образных слов-стимулов. Например, внутренняя форма названия растения ***бессмертник*** интерпретируется информантами двояко: ‘растение, которое даёт бессмертие’: *даёт бессмертие; даёт бессмертие, оказывает на организм действие, которое замедляет процесс старения; волшебный цветок, дающий бессмертие*; и ‘растение, которое не умирает’ – *нет смерти, вечный* (4); *без смерти, не имеющий смерти, долго держится; растёт очень много лет, словно бессмертный; не вянет, как бессмертный; долго стоит, не вянет, как бы бессмертный, неувядающий цветок.* Слово-стимул ***ветреница*** ‘легкомысленная девушка’, по данным проведённого эксперимента, имеет два варианта истолкования образного значения: 1) ‘легкомысленная девушка, у которой «ветер в голове»’; 2) ‘легкомысленная девушка, непостоянная, как ветер’. Первое значение эксплицировано в 11 метатекстах из 21: *ветер в голове* (2); *ветер в голове гуляет, несерьёзная*; второе значение актуализировано в 10 реакциях из 21: *как ветер; меняет пристрастия, как ветер меняет своё направление; ведёт себя как ветер; подобная ветру; непостоянная девушка, меняет кавалеров, меняет объекты внимания, так же, как ветер меняется; непостоянная, как ветер в мае.* Подобное варьирование семантики проявляется преимущественно в реакциях на стимулы с затемнённой внутренней формой.

Третий тип варьирования состоит в различной интерпретации ассоциативно-образной семантики слова, которая возникает по причине установления информантами ассоциативно-мотивационной связи с различными лексическими мотиваторами. Например, ассоциативно-образное содержание слова ***головотяп*** ‘тот, кто делает что-то некачественно, небрежно’ получило два варианта истолкования: 1) ‘делать неаккуратно, как бы тяп-ляп’: *как попало, тяп-ляп; от «тяп-ляп»; делает всё тяп-ляп – лишь бы как; тяп-ляп и готово; безответственный, тяп-ляп и готово;* и 2) ‘делать неаккуратно, бездумно, как бы тяпать’: *тяпать – совершать несложные, грубые движения; делать бездумно, как тяпать; тяпать.*

Варьирование четвертого типа связано с тем, что в ассоциативно-мотивационом поле слова-стимула (в 5 случаях) присутствуют рефлексивы как актуализирующие, так и нейтрализующие образность слов. Например, на слово-стимул ***свистопляска*** были получены реакции, актуализирующие два образных значения 1) ‘неразбериха’: *непонятный момент, когда где-то свистят, где-то пляшут и создаётся хаос; ситуация, при которой ничего не понятно: кто свистит, кто пляшет;* 2) ‘динамичное развитие событий’: *всё спуталось – начался свист и пляс – полный беспредел; свист + пляска (всё вверх дном), беспорядочное движение, явление, которое невозможно контролировать;* и нейтрализующие реакции, передающие значение ‘весёлое гуляние, где пляшут и свистят’: *пляшут и свистят; пляска со свистом, весело, хорошо, народ гуляет; свистят и пляшут; это пляска в сопровождении свиста.* Нейтрализация образности осуществляется посредством деметафоризации внутренней формы слова-стимула, которая может сопровождаться установлением новых мотивационных связей и появлением иного (необразного) мотивационного значения. Так, слово-стимул ***безбрежный*** получает в ряде рефлексивов обыденные толкования *человек, который не бережёт свои вещи; неаккуратный; неряха; грязнуля*, связывающие толкуемую лексему с мотивирующими предлогом ***без*** и глаголом ***беречь***. В результате переосмысления мотивационных связей образность утрачивается.

Анализ рефлексивов в составе ассоциативно-мотивационных полей многозначных слов-стимулов выявил случаи актуализации в обыденных толкованиях лишь одного из лексико-семантических вариантов лексемы. Сужение семантической структуры полисеманта проявилось в реакциях на 31 слово-стимул. Например, слово ***бойкий*** имеет три образных значения: 1) ‘отважный, решительный (о человеке)’ *бойкий юноша*; 2) ‘быстрый, подвижный (об уме, речи, движении)’ *бойкая речь*; 3) ‘активный, полный движения, деятельности (о явлениях жизни)’ *бойкая торговля*. В метатекстовых и лексических реакциях информантов эксплицировано только первое, наиболее экспрессивное и конкретное значение: *активный, готовый к бою; рвётся в бой; отважный, решительный человек, от слова бой; рвётся в бой, готов вступить в бой в любой момент*.

В ассоциативно-мотивационных полях 11 слов-стимулов содержались реакции, актуализирующие исключительно обыденные толкования образной семантики, не соответствующие их узуальному лексическому значению: ***упоительный*** ‘приводящий в состояние умиротворения’: *успокаивающий* (4); *как бы напаивает спокойствием; дающий душевный покой, как бы напаивающий душу; от «поить» – давать что-то дарящее радость и наслаждение, покой; чрезвычайно приятный, успокаивающий;* вместо нормативного ‘приводящий в восторг, восхищение’.

Варьирование семантики, проявляющееся в реакциях информантов на образные слова-стимулы, актуализирует различные аспекты восприятия морфосемантической структуры образных лексических единиц. Выявление разных образных значений, присущих одной образной лексеме, свидетельствует об установлении информантами разнообразных ассоциативно-мотивационных связей с мотивирующими единицами, что приводит к изменению семантической структуры лексемы – как в сторону расширения, так и в сторону сужения.

Вариативность в осмыслении морфосемантической структуры образного слова также проявилась в обыгрывании внутренней формы, в переосмыслении структурных компонентов звуковой оболочки слова, в установлении новых мотивационных отношений.

Данные случаи, с нашей точки зрения, представляют феномен языковой игры, который понимается как намеренное и осознаваемое отклонение от языковой нормы для достижения стилистического, комического или эстетического эффекта. Получены 64 рефлексива на 32 слова-стимула, передающих «игровую» интерпретацию семантики стимула: ***крохобор*** – *машина по собиранию крох*, ***глазунья*** – *девушка в очках*.

В зависимости от способа обыгрывания слова-стимула в лексических и метатекстовых реакциях выделены группы рефлексивов: 1) структурно деметафоризирующие, в которых актуализированные в метатекстах компоненты внутренней формы слова-стимула интерпретируются в их буквальном, прямом значении: ***крохобор*** – *курица, клюющая крошки*; 2) семантически деметафоризирующие, в которых компоненты внутренней формы не актуализированы в метатексте: ***занозистый*** – *плотник Юра* (в занозах, так как работает с деревом), ***бесхребетный*** – филе кальмара (у кальмара нет хребта); 3) деметафоризирующие с установлением новых мотивационных отношений и обретением иной внутренней формы: ***дармоед*** – *дары моря поедающий*; *моет за бесплатно (даром)*; 4) косвенно деметафоризирующие, основанные на установлении мотивационных отношений с «ложным» мотиватором: ***глазунья*** – *человек, который подсматривает* (мотивируется глаголом ***глазеть*** ‘смотреть, наблюдать из любопытства’).

Ассоциативно-мотивационные поля образных слов, представленные лексическими и метатекстовыми реакциями, могут служить источником формулировки психологически релевантного образного значения слова с учётом его реального функционирования в речемыслительной деятельности говорящих. Данный принцип семантизации образной лексики представлен в созданном по результатам экспериментов «Ассоциативно-мотивационном словаре образных слов русского языка». Исследование вариативности в осмыслении образной семантики говорящими явилось необходимой частью семасиологического и лексикографического описания образных слов: определились типовые и окказиональные значения образных слов. В метатекстовых формулировках обыденных толкований были разъяснены особенности ассоциативных связей, выраженных метафорической внутренней формой слова-стимула. Реакции нейтрализующего и игрового типов продемонстрировали направления деметафоризации внутренней формы образного слова, состоящей в её буквальном прочтении и игровом переосмыслении. Все эти моменты были учтены при разработке структуры словарной статьи «Ассоциативно-мотивационного словаря образных слов русского языка», в котором толкование заглавного слова в полной мере опирается на показания метаязыкового сознания.

Толкование заглавного слова включает только те компоненты его семантики, которые актуализированы в показаниях метаязыкового сознания: денотативное содержание; указание на признаки денотата, актуальные для метафоризации; элементы ассоциативного содержания; элементы, указывающие на степень проявления метафорически выраженного признака называемой образным словом реалии; элементы, отражающие коннотативную семантику. Ассоциативно-мотивационное поле структурируется в словаре следующим образом: а) метатекстовые и лексические реакции, полученные в направленном эксперименте; б) свободные ассоциации; в) реакции, эксплицирующие языковую игру.

Лексико-семантические варианты многозначного образного слова представлены в словаре в виде отдельных словарных статей, объединённых одним заглавным словом. Они располагаются в зависимости от количества актуализирующих это значение реакций в порядке убывания. Лексико-семантические варианты со схожими предметно-понятийными и различающимися ассоциативно-образными компонентами также разделяются на разные статьи, так как основная задача словаря – передать особенности осознания ассоциативно-образного значения слова. Обыденные толкования, не соответствующие нормативным, отмечены знаком ⚐; метатексты, отражающие языковую игру, следуют за значком ☺.

Приведём в качестве примера несколько словарных статей:

БЕЗ/БРЕЖ/НЫЙ. 1. Без/гранич/ный, как бы «**без берегов**». – *Безграничный (4); не имеет границ; бесконечный, как бы не имеющий берегов; берега есть у реки, они являются её границами, а без берегов границ нет; то есть безбрежный – ничем не ограниченный; беспредельный; бескрайний; неоглядный; ничем не ограниченный*.

Свободные ассоциации: океан (5); нет берега (2); море; море, небеса, страх; небо; душа; любовь; нету конца, берега; неограниченный, бесконечный; нескончаемый.

2. ⚐ Не **бережливый** человек, не/аккурат/ный. (В этом значении слово не имеет свойства образности). – *Неаккуратный (4); неряха (3); человек, который не бережёт свои вещи; грязнуля*.

Свободные ассоциации: неаккуратный; беспорядок в помещении; беззаботный; холостяк; 0.

БУКВО/ЕД. 1. ⚐ Человек, который любит читать, как бы «**ест буквы**». – *Много читающий, как бы поедающий буквы (4); много учится, читает в таких количествах, что кажется, будто он пожирает (ест) буквы; читающий человек, пожирающий буквы, текст; читает, «поедает» буквы; умный человек, который много читает букв, как бы ест буквы; человек, читающий всё подряд, гурман по буквам; пожиратель литературы; человек, проводящий всё время за чтением книг; любит читать, жить без книг не может; любит читать, книжный червь, хороший человек; любит читать*.

Свободные ассоциации: читатель (3); заучка; посетитель библиотеки; отличник.

2. Педант и формалист, старается делать правильно, по инструкции, как бы «**въедаясь** в каждую **букву**». – *Придирается к документам, как будто ест буквы; человек, воспринимающий всё буквально, не утруждающий себя раздумьями; въедливый; пунктуальный до педантичности; педант, человек, который хорошо и правильно говорит и делает тоже всё как надо, как бы по инструкции.*

Свободные ассоциации: ест буквы (5); въедливый; формалист; неприятный; затягивает дело; неудачник; сильно правильный.

3. ⚐ Человек с дефектом речи, при говорении он как бы «проглатывает **буквы**». – *Тот, кто «глотает» буквы в слове, т.е. не произносит их; съедает буквы на конце слова, метафорическое слово; человек с дефектом речи (напоминает пьяного человека).*

Свободные ассоциации: заика; 0 (2).

☺ Человек с нестандартными гастрономическими особенностями; тот, кто ест печенье «Алфавит».

О/ГОРОШ/ИТЬ. 1. О/задач/ить, повести себя неожиданно, как «кидаться или о/сып/ать **горохом**». – *Озадачить (3); кидаться горохом неожиданно; если кинуть в человека горохом, то он будет озадачен; ситуация: я кину в вас горох, не предупредив, не говорите мне что не удивлены; кинуть в кого-то горохом; сделать то, что от тебя не ожидают; внезапно сообщить или сделать что-то неожиданное; неожиданно осыпать мелкими пакостями; внезапно осложнить; горох?; расстроить кого-то; обсыпать горохом – совершить что-то неординарное.*

Свободные ассоциации: неприятно удивить (4); внезапность (2); маму; шокировать; обмануть; отломить; удивить; любовник; посадить; опустошить; горох; ударить.

2. О/шелом/ить, произвести такое впечатление, будто бы «**горох** сыплется на голову». – *Как горох на голову (2); когда горох соприкасается с поверхностью, сыплется сверху, то это происходит очень громко; если с неба посыплется горох – неожиданно; поразить, как бы насыпать сверху гороха; от «горох»; ошеломить; окатить.*

Свободные ассоциации: на голову; орошать; 0 (2).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
2. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М. : Наука, 1988. С. 172–184.
3. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
4. *Баранов А.Н.* Русская политическая метафора : материалы к словарю. М., 1991. 193 с.
5. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–73.
6. *Карасик В.И.* Лингвокогнитивный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 75–79.
7. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.
8. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М. : Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
9. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 285 с.
10. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
11. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.
12. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С. 172–184.
13. *Блинова О.И.* Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3–11.
14. *Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1998. 204 с.
15. *Лукьянова Н.А.* Слова с простыми и сложными образами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 3, вып. 1 : Филология. Новосибирск, 2004. С. 15–25.
16. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб. : Фолио-Пресс, 1999. 469 с.
17. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 152 с.
18. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 141 с.
19. *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
20. *Блинова О.И., Юрина Е.А.* Словарь образных слов русского языка / ред. О.И. Блинова. Томск : UFO-Plus, 2007. 364 с.
21. *Юрина Е.А.* Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. : по материалам Международной научной конференции, посвященной 95-летию томской школы русистики. Томск, 2012. С. 129–144.
22. *Блинова О.И., Толстова М.А., Юрина Е.А.* Словарь образных единиц сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
23. *Юрина Е.А.* Комплексное исследование образной лексики русского языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. № 38. Ноябрь 2004. 218 с.
24. *Шерина Е.А.* Национально-культурная специфика образной лексики языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2010. 22 с.
25. *Капелюшник Е.В.* Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 21 с.
26. *Блинова О.И, Мартынова С.Э., Юрина Е.А.* Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой, худож. Т.М. Бельчикова. Томск : Изд-во научно-технической литературы, 1997. 207 с.
27. *Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А.* Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
28. *Гарганеева К.В.* Явление мотивации слов в социовозрастном аспекте : дис. … канд. филол. наук. Томск, 1999. 206 с.
29. *Жакупова А.Д.* Сопоставительная мотивология: сущность и направления (на материале славянских и тюркских языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2009. 45 с.
30. *Шевчик А.В.* Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2011. 20 с.
31. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Орнитонимы. М., 2012. 198 с.
32. *Чижик Н.А.* Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 11 с.
33. *Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М. : Наука, 1989. С. 122–127.
34. *Голев Н.Д.* Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
35. *Гольдин В.Е.* Русская ассоциативная лексикография. Саратов : Научная книга, 2008. 77 с.
36. *Гуц Е.Н.* Ассоциативный словарь подростка // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь : ПГУ, 2004. С. 72–74.
37. *Жакупова А.Д.* Методика «направленного» психолингвистического эксперимента в сопоставительной мотивологии // Вестник ПГУ. Сер. Филология. 2008. № 3. С. 90–108.

38. *Катышев П.А.* Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2005. 358 с.
39. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. 194 с.
40. *Сдобнова А.П.* Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня. Вып. 3 : Проблемы лексикографии. М., 2004. С. 286–295.
41. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Ламберт, 2011. 192 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Psiholingvistika/Psiholingvisticheskoe_znachenie_slova_i_ego_opisanie_2011.pdf

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2014 г.

THE VARIETY OF FIGURATIVE SEMANTICS OF THE WORD BY PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT RESULTS

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 11-17. DOI: 10.17223/15617793/386/2

Kazakova Natalia N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kazakova-kalinkina@yandex.ru

Keywords: psycholinguistic analysis; lexical imagery; metatext; motivation; variability.

The topicality of the research of figurative tools of language is due to their pragmatic potential (which is connected with expressing axiological attitude to objects and phenomenon that are named). Following the founders of the theory of figurative semantics (Blinova O. I. and Yurina E.A.) we understand this linguistic phenomenon as a category that generalizes units of the lexical-phraseological level of language with two planes of semantics expressed metaphorically. This article shows the experimental research of realization of figurative lexical units proper. It involved 700 hundred people aged 15 to 55 with different level of education and different social origin as respondents. This research was aimed to identify how the native speakers realize such features of figurativeness as motivation, metaphoricalness and expressiveness. The stages of the research and its results are described below. The results from each stage of this research are a unique material that reveals the reflection of semantics of figurative words in the minds of native speakers from different perspectives. Lexical units that had ordinary interpretation (they identified several variants of semantic content) were included in the group of stimulus words (about 75) with variable figurative semantics. There are six types of variation of figurative semantics. These types differ by structure elements of figurative meaning or by the inner form of the motivation word: 1) the variety of the denotation component, which causes the appearance of several object-conceptual meanings; 2) the variety with which the motivation word has lexical-semantic variants with one denotative, one associative and different symbols of figurative meanings; 3) the variety expressed in the appearance of lexical-semantic variants with one denotative and different associatives and symbols of figurative meanings; 4) the variety expressed in neutralization of stimulus word figurativeness. The variety of the semantics of the figurative word (expressed in reactions of informants to figurative stimulus words) actualizes different aspects of perception of lexical figurativeness. Different figurative meanings indicate the variety of associative-motivational links that motivate the figurative word of the unit, their changes from generalization to specification. The phenomenon of inverse creation of metaphor is one of the ways to interpret the inner form of the word and cannot be a proof of neutralization of its figurativeness in the metalanguage consciousness of native speakers.

REFERENCES

1. Lakoff J., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. In: Arutyunova N.D. Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 387-415.
2. Teliya V.N. *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaphorization and its role in the creation of the linguistic picture of the world]. In: Serebrennikov B.A. (ed.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke* [The role of the human factor in the language]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 172-184.
3. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in contemporary political communication]. Ekaterinburg, 2003. 248 p.
4. Baranov A.N. *Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu* [Russian political metaphor: materials for a dictionary]. Moscow: Institute of the Russian Language USSR AS Publ., 1991. 193 p.
5. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Cultural linguistics, language personality, concept: the emergence of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 64-73.
6. Karasik V.I. *Lingvokognitivnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya* [Linguistic-cognitive concept as a unit of study]. In: Sternin I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001, pp. 75-79.
7. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Linguistic-cultural concepts and meta-concepts. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Volgograd, 2004. 39 p.
8. Cherneyko L.O. *Lingvofilosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic-philosophical analysis of the abstract name]. Moscow: MSU Publ., 1997. 320 p.
9. Gudkov D.B., Kovshova M.L. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [Body code of Russian culture: materials for a dictionary]. Moscow: Gnozis Publ., 2007. 285 p.
10. Krasnykh V.V. *"Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'* ["Native" among "foreigners": myth or reality]? Moscow: Gnozis Publ., 2003. 375 p.
11. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguistic-cultural method in phraseology. Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2012. 453 p.
12. Teliya V.N. *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaphorization and its role in the creation of the linguistic picture of the world]. In: Serebrennikov B.A. (ed.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke* [The role of the human factor in the language]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 172-184.
13. Blinova O.I. *Obraznost' kak kategoriya leksikologii* [Imagery as a category of lexicology]. In: Timofeyev K.A. (ed.) *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii* [Expressiveness of vocabulary and phraseology]. Novosibirsk: NSU Publ., 1983, pp. 3-11.
14. Ilyukhina N.A. *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [The image in the lexical-semantic aspect]. Samara: SSU Publ., 1998. 204 p.
15. Luk'yanova N.A. Slova s prostymi i slozhnymi obrazami [Words with simple and complex images]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2004, vol. 3, issue 1, pp. 15-25.
16. Mokienko V.M. *Obrazy russkoy rechi: Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of the Russian language: historical and etymological phraseology essays]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 1999. 469 p.
17. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. 152 p.
18. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of nominative units semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 141 p.

19. Yurina E.A. *Obraznyy stroy yazyka* [Figurative structure of the language]. Tomsk: TSU Publ., 2005. 156 p.
20. Blinova O.I., Yurina E.A. *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Figurative Russian Words]. Tomsk: UFO-Plus Publ., 2007. 364 p.
21. Yurina E.A. [Motivological foundations of the theory of lexical figurativeness]. *Aktual'nye problemy motivologii v lingvistike XXI v.: po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Topical problems of motivology in linguistics in the 21st century. Proceedings of the International Scientific Conference]. Tomsk, 2012, pp. 129-144. (In Russian).
22. Blinova O.I., Tolstova M.A., Yurina E.A. *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk: TSU Publ., 2014. 220 p.
23. Yurina E.A. Kompleksnoe issledovanie obraznoy leksiki russkogo yazyka [Complex study of figurative Russian vocabulary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Byulleten' operativnoy nauchnoy informatsii*, 2004, no. 38, 218 p.
24. Sherina E.A. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraznoy leksiki yazyka (na materiale sobstvenno obraznykh slov, kharakterizuyushchikh cheloveka)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Cultural features of figurative lexicon (based on figurative words describing the person). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 22 p.
25. Kapelyushnik E.V. *Kulinarnyy kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Culinary culture code in the semantics of figurative language means. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2012. 21 p.
26. Blinova O.I, Martynova S.E., Yurina E.A. *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of the Folk Dialect]. Tomsk: NTL Publ., 1997. 207 p.
27. Blinova O.I, Martynova S.E., Yurina E.A. *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of the Folk Dialect]. 2nd edition. Tomsk: TSU Publ., 2001. 308 p.
28. Garganeeva K.V. *Yavlenie motivatsii slov v sotsiovozrastnom aspekte*. Dis. kand. filol. nauk [The phenomenon of word motivation in social and age aspect. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1999. 206 p.
29. Zhakupova A.D. *Sopostavitel'naya motivologiya: sushchnost' i napravleniya (na materiale slavyanskikh i tyurkskikh yazykov)*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Comparative motivology: the essence and directions (based on the Slavic and Turkic languages). Abstract of Philology Dr. Diss.]. Almaty, 2009. 45 p.
30. Shevchik A.V. *Kompleksnoe motivologicheskoe issledovanie zoonimov russkogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Complex motivology study of zoonyms in the Russian language]. Tomsk, 2011. 20 p.
31. Savenko A.S. *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' russkogo i angliyskogo yazykov. Ornitonimy* [Motivational Comparative Dictionary of the Russian and English languages. Ornithonyms]. Moscow: LENAND Publ., 2012. 198 p.
32. Chizhik N.A. *Motivatsionno-sopostavitel'nyy aspekt issledovaniya predmetno-bytovoy leksiki russkogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Motivational comparative aspect of the study of subject-household Russian lexicon. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2005. 11 p.
33. Blinova O.I. *Yazykovoe soznanie i voprosy teorii motivatsii* [Language consciousness and problems in the theory of motivation]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and person]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 122-127.
34. Golev N.D. Peculiarities of modern metalinguistic consciousness reflected in discussions about language construction issue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 5-17. (In Russian).
35. Gol'din V.E. *Russkaya assotsiativnaya leksikografiya* [Russian associative lexicography]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2008. 77 p.
36. Guts E.N. *Assotsiativnyy slovar' podrostka* [Associative Dictionary of a Teenager]. In: *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Problems of linguistic regional studies]. Perm: PSU Publ., 2004, pp. 72-74.
37. Zhakupova A.D. Metodika "napravlennogo" psikholingvisticheskogo eksperimenta v sopostavitel'noy motivologii [The method of "directed" psycholinguistic experiment in comparative motivology]. *Vestnik PGU. Filologicheskaya seriya*, 2008, no. 3, pp. 90-108.
38. Katyshev P.A. *Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy*. Dis. d-ra filol. nauk [Polymotivation and semantic multidimensionality of word-building forms. Philology Dr. Diss.]. Kemerovo, 2005. 358 p.
39. Rostova A.N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya* [Metatext as a form of metalinguistic consciousness explication]. Tomsk: TSU Publ., 2000. 194 p.
40. Sdobnova A.P. *Individual'nyy assotsiativnyy slovar' shkol'nika* [Individual associative dictionary of a schoolchild]. In: *Russkiy yazyk segodnya* [The Russian language today]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2004. Issue 3, pp. 286-295.
41. Sternin I.A., Rudakova A.V. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie* [Psycholinguistic meaning of the word and its description]. Lambert, 2011. 192 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Psiholingvistika/Psiholingvisticheskoe_znachenie_slova_i_ego_opisanie_2011.pdf.

Received: 05 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 18–23 DOI: 10.17223/15617793/386/3

УДК 821.161.1

Л.Б. Прокопьева

АНТИЧНЫЕ БУКОЛИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М.Н. МУРАВЬЕВА (К ИСТОКАМ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА)

Рассматриваются буколические традиции в русской литературе XVIII в. и творчестве М.Н. Муравьева в частности. Сравниваются переводы начальных стихов (1–17) эклоги первой «Буколики» Вергилия, выполненные М.Н. Муравьевым и В.Г. Рубаном. Переводы сопоставляются в их лексико-семантической, синтаксической и эмоциональной близости к первоисточнику. Отмечаются традиции классицизма и новые веяния сентиментализма в переводе М.Н. Муравьева.

Ключевые слова: перевод; римская поэзия; Вергилий; буколики; русская литература XVIII в.; М.Н. Муравьев; В.Г. Рубан; классицизм; сентиментализм.

М.Н. Муравьев – одна из самобытнейших фигур русского Просвещения, человек универсального дарования, оказавший влияние на развитие словесной культуры рубежа XVIII–XIX вв. Поэт, прозаик, переводчик, историк, философ, государственный и общественный деятель, он заложил основы новых для русской литературы жанров, став предвестником русского сентиментализма, воспитателем будущего императора Александра I, попечителем Московского университета, товарищем министра народного просвещения, оставил после себя таких гениальных последователей, как Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский. Достоверно известно, что творчество М.Н. Муравьева высоко ценили Г.Р. Державин, А.С. Пушкин.

Время творчества М.Н. Муравьева (конец XVIII – начало XIX в.) – переломный период в истории мировой и русской культуры, когда сошлись две системы – классицизм и сентиментализм – и обе обратились к Античности. Влияние Античности на литературный процесс этого периода огромно. Классицисты нашли в ней те правила и образцы, которые были родственны их собственным литературным задачам (культ разума, гражданственности, общественной пользы, просветительства). Сентименталисты обратили внимание на эмоциональный строй античной литературы, на проблему «чувствительного человека».

Таким образом, истоки литературных, культурных, исторических, философских взглядов М.Н. Муравьева следует искать в Античности, в частности в творчестве Вергилия.

Влияние Вергилия на творчество М.Н. Муравьева началось очень рано. В конце 1770 г. его отец получает назначение в Вологду и берет с собой сына. Позже М.Н. Муравьев вспоминал об этом времени: «Где то прекрасное время, когда, еще не имея ни способов, ни столько просвещения, просиживал я дни… в Вологде за Виргилием…» [1. С. 279].

М.Н. Муравьев очень трепетно относился к Вергилию, называл его в «Эмилиевых письмах» (1790 г.) «главой стихотворцев римских» [Там же. С. 142], высоко ценил его творчество; «Буколики» были, по его мнению, «совершеннейшими в своем роде стихотворениями» [2. С. 251]. Для М.Н. Муравьева, стоявшего у истоков русского сентиментализма, очень важны чистота, мягкость и чувствительность античного автора в «Буколиках»: «Ничто не может более засвидетельствовать тихости и нежности его нрава, как сие самое, что первое избрание его склонилось к эклогу» [Там же. С. 252].

В связи с этим встает вопрос о влиянии Вергилия на поэзию М.Н. Муравьева, его переводную деятельность.

Цель данной работы – исследование рецепции буколических традиций Вергилия в оригинальном творчестве М.Н. Муравьева и выявление своеобразия поэтики перевода М.Н. Муравьевым отрывка из поэмы Вергилия «Буколики» в сравнении с переводом В.Г. Рубана.

В соответствии с поставленной целью необходимо обозначить античные буколические традиции в русской литературе XVIII в. и оригинальном творчестве М.Н. Муравьева, выявить художественное своеобразие переводов М.Н. Муравьева и В.Г. Рубана начальных стихов (1–17) эклоги первой «Буколик» Вергилия путем их сравнительно-сопоставительного анализа, а также выявить традиции классицизма и новые веяния формирующего сентиментализма в переводе М.Н. Муравьева.

Поэма «Буколики» написана Вергилием в 41–39 гг. до н.э. во время гражданских войн в Италии. Это была попытка автора уйти от ужасов действительности в прекрасную, идеальную Аркадию, населенную мирными пастухами, которые состязаются в пении, ссорятся, мирятся, а вокруг царит любовь:

Omnia vincit amor et nos cedamus amori
Все побеждает Амур, итак – покоримся Амуру!
(стих 69 эклоги X, перевод С. Шервинского)

Как писал И. Бродский, «люди жаждали мира и стабильности, и, вероятно, поэтому Вергилий выбрал пасторальную (т.е. сельскую) декорацию как для своей поэзии, так и для своего реального обитания. Земля осталась единственным оплотом, и в приверженности поэта философии “жить в согласии с природой” мы чувствуем ноту того отчаяния, которое и есть мать мудрости» [3. С. 5]. Вергилий объединил сочиненные им пастушеские песни в сборник из десяти эклог, нечетные стихи были написаны в диалогической форме, четные – в повествовательной. Организующим началом произведения стало изображение жизни пастухов, которыми Вергилий откровенно любуется, сочувствует их переживаниям, радуется любовным и поэтическим победам.

«Главным героем» «Буколик» становится пение, автор делится радостью, наслаждением от возможности изливать свою душу с помощью поэзии, творчества, для него и его героев петь – значит жить по-настоящему. По мнению М. фон Альбрехта, «буколика – одна из привлекательнейших и наиболее таин-

ственных ветвей поэтического древа и при этом один из самых противоречивых жанров. Внешне она подчеркнуто проста, но может обращаться к самым возвышенным предметам. В конечном счете у нее фольклорные корни, однако именно она в особой степени стала поприщем высокого поэтического искусства. Иногда кажется, что она удаляется от реального мира, однако вновь и вновь помогает его преодолению» [4. С. 726]. Как отмечают филологи-классики, философией «Буколик» становится показ идеального мира, свободного от человеческих пороков, от стремления к богатству и власти. Пастухи Вергилия условны, они воплощают идеал частной жизни, прекрасных чувств на лоне природы, показанной также весьма условно [5].

Введя в римскую литературу жанр буколик, Вергилий следовал традициям ориентации на греческую литературу, в частности на идиллии Феокрита (III в. до н.э.), в которых постоянно использовался литературный прием «ответной» («амебейной») песни двух состязающихся пастухов. Но пастухи Вергилия более условны, бытовые подробности, часто грубые у Феокрита, затушеваны, любовное чувство передано не иронично, а напряженно и трагично. Использовав материал греческого поэта, Вергилий создал нечто новое по настроению.

В русской литературе XVIII в. первооткрывателем буколической поэзии стал В.К. Тредиаковский. Он создал теоретическую базу для этого жанра, определив круг действующих лиц, место действия, сюжет, окружающую обстановку. Именно В.К. Тредиаковский указал на воспитательное воздействие буколической поэзии: «Всяк, кто полюбопытствует читать авторов, писавших о деревенской жизни, увидит, что они все говорят об ней с похвалою, как о целомудренной и блаженной. Предлагают они всегда, что деревенская жизнь ведет человека к справедливости, к воздержанности, к трезвости, к искренности, словом, ко всем добродетелям, и что хранит она его, как в закрытии, от всех волнующих и кипящих страстей…» [6. С. 722]. В 1756 г. В.К. Тредиаковский написал первую русскую буколическую оду «Вешнее тепло», воспевающую весну, пробуждение природы. В ней он описывает разные занятия сельских жителей (пастуха, рыбака, пахаря, охотника) и поет гимн простым человеческим радостям:

Исшел и пастырь в злачны луги
Из хижин, где был чадный мрак;
Сел каждый близ своей подруги,
Осклабленный склонив к ней зрак;
В свирель играет и в цевницы,
Исполнь веселий в сень зарницы:
Там кароводы, в тишь погод,
Плясанием своим красятся;
Там инде песенки гласятся;
Безвинных много там выгод! [7].

Эклоги и идиллии также писал А.П. Сумароков, изображая пастушков и пастушек и выражая в их образах мечту об идеальных человеческих отношениях.

В 1771 г. юным М.Н. Муравьевым (в 14 лет) написана «Эклога» с посвящением А.В. Олешеву (писатель, переводчик философских произведений, близкий знакомый М.Н. Муравьева, 1724–1788 гг.), которая явно перекликается с «Буколиками» сюжетом, действующими лицами, настроением: два пастушка, Дафнис и Коридон (показательно, что М.Н. Муравьев использует греческие имена для героев пастушеских стихов) поутру выводят своих овечек на пастбище:

Уже два пастуха, два юноши прекрасны,
Искусны оба петь и в песнях их согласны,
С горы высокой в дол овечек повели
На паства, где цветы весенни расцвели
[8. С. 85].

В такой идиллической обстановке, на лоне природы, начинается состязание в пении. Вначале Дафнис и Коридон договариваются о закладе, и здесь заметна прямая отсылка к Вергилию, так как Дафнис ставит в заклад чашу, которую ему подарил Мелибей, оставляя эти пастбища. В ходе состязания оба пастушка воспевают разнообразные достоинства своих пастушек (Дафнис – Дорисы, Коридон – Еглеи), судит их Палемон, который в итоге присуждает победу обоим, иронично закончив:

Уж солнце в небесах высоко поднялось.
Вы пели – а меж тем все стадо разошлось
[Там же. С. 88].

«Эклога» подражательна, написана в русле классицистических традиций, но она доказывает, что пасторальная тема близка автору, уже тогда склонному к сентиментализму, своей идиллической направленностью, культом чувствительной и нежной личности, простых человеческих отношений.

Вариации на пасторальную тему звучат также в стихотворении «Возвращение весны» 1775 г., в котором изображается долгожданный приход весны, новой жизни, цветение, наступление радости вокруг. Пастушок со своей свирелью выходит в поле, однако всеобщего счастья он не разделяет:

Но в сердце пастуха весны приходу нет.
Твой, Ниса, хладный взор мрачит мой ясный свет.
Как все приемлет жизнь, я жду своей кончины
[Там же. С. 142].

Идиллическая картина наступления утра описывается в стихотворении «Прекрасной всход зари» 1775 г.:

Тогда росой прохладной
Смочен цветочек жадный, <…>
Кругом зефиры пляшут
И крылушками машут
[Там же].

Здесь же:

Украшены венками
Пастушки с пастухами
[Там же].

Пастушка Филомела в последний раз выходит в поле, и лирический герой замечает: она так прекрасно поет, что теперь без нее:

Все птички смелы,
Взлетев на древеса,
Ударят в голоса
[Там же].

Эстетике М.Н. Муравьева близка философия буколической поэзии. Сентиментализм, зарождавшийся в недрах его творчества, расставлял свои акценты в жанровой системе с учетом понятия «чувствительность», руссоистской идеи возвращения к природе в

поисках утраченной гармонии. М.Н. Муравьеву становится важен в буколиках не столько «пастушеский антураж», сколько культ уединения на лоне природы, душевного покоя, чувствительный пейзаж, «синтез “своего”, русского, с “античным”, в котором поэту угодно видеть не столько “чужое”, сколько известную соприродность, соотнесенность того и другого через общее им “идиллическое” начало, разлитое в природе, и тех, кто населяет рощи, луга, берега реки…» [9. С. 82]. Кроме этого, близка М.Н. Муравьеву-сентименталисту и идея противопоставления городской, порочной и суетной, жизни и мудрой сельской: «…разворачивается контраст… города, гнезда пороков и волнений, и простой сельской жизни… Можно ввести особое понятие идеального ландшафта, выступающего как цель бегства …лирического персонажа и адекватного его устремлениям…» [10. С. 143].

Весной 1778 г. М.Н. Муравьев переводит начальные стихи (1–17) эклоги первой «Буколик», прикоснувшись таким образом к величайшей мировой литературной традиции, начатой Феокритом и обновленной Вергилием, что ярко демонстрирует человеческие и поэтические склонности молодого, но уже опытного переводчика.

До М.Н. Муравьева по одной-две строчки из второй, третьей, пятой, шестой эклог «Буколик» переводил только М.В. Ломоносов (есть отрывки, приведенные в «Риторике», и цитаты в других произведениях и письмах). В 1777 г. в Санкт-Петербурге вышло издание «П. Виргилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги», в котором был опубликован перевод Эклоги I, сделанный В.Г. Рубаном, поэтом, сотрудником и издателем журналов, переводчиком [11. С. 270]. Это единственный до М.Н. Муравьева перевод первой эклоги «Буколик», к тому же неизвестно, читал ли М.Н. Муравьев труд своего предшественника.

Начало поэмы – диалог Мелибея и Титира, двух пастухов. В этом эпизоде обозначены многие узловые моменты произведения: место действия, статус главных героев, волнующие их проблемы, общее настроение. Диалогическая форма организации текста могла привлечь М.Н. Муравьева своими богатыми художественными средствами для показа живого, непринужденного общения героев, изображения мгновенного отклика на высказывание собеседника вместе с возможностью в неофициальной обстановке высказать свои жизненные принципы, идеи.

В целом перевод М.Н. Муравьева начальных стихов «Буколик» демонстрирует внимательное отношение к тексту Вергилия, к передаче характеров героев, общего настроения произведения. Большую роль в этом сыграл размер первоисточника и перевода. «Буколики» написаны гекзаметром, высоким, неспешным, торжественным шестистопным размером. М.Н. Муравьев передает его русским шестистопным дактилическим гекзаметром, отражающим ореол античного гекзаметра. Автор, уже опытный переводчик, почувствовал лексико-синтаксический потенциал классицистического стиля и ритмические возможности гекзаметра для передачи семантического и эмоционального пространства «Буколик». Кроме этого, М.Н. Муравьев успешно соединил в своем переводе традиции классицизма и новые веяния сентиментализма. Уже заметна склонность автора к лиризму, психологизму, о чем говорит и выбор отрывка для перевода, и сам перевод, созданный будущим основателем нового литературного направления. По мнению В.Н. Топорова, перевод М.Н. Муравьева начала эклоги I Вергилия представляет собой «…существенное приближение к переводу, собственно сам перевод, степень соответствия русского текста латинскому оригиналу достаточно высок… он достаточно точен, стилистически выверен и по своему уровню ближе к оригинальным стихотворным текстам Муравьева» [12. С. 530, 531].

Достоинства перевода М.Н. Муравьева ярко видны при сопоставлении его работы с переводом этих же стихов Вергилия В.Г. Рубаном (1742–1795 гг.), опытным переводчиком, имевшим классическое образование, который сделал свой перевод годом ранее (1777 г.).

Подстрочный перевод:	**В.Г. Рубан:**	**М.Н. Муравьев:**
1. Титир, ты, почивающий под покровом раскидистого дуба,	1. Титир, ты ветвистаго возлежащий под сению бука,	1. Ты почиваешь, Титир, под листвием дуба широким,
2. Лесную музу простой свирелью замышляешь:	2. Нежной пастушьей свирелкою муз услаждаешь дубравных;	2. Муза твоя между тем вымышляет сельские песни.
3. Мы отечества пределы и милые оставляем пастбища.	3. Мы своих чужды домов, и оставивши нивы любезны:	3. Чужды отечества, мы оставляем милые паства,
4. Мы бежим из отечества; ты, Титир, нежащийся в тени,	4. Прочь из Отчизны бежим – ты Титир спокойно под тенью;	4. Мы оставляем отечество – ты же, о Титир, счастливец!
5. Учишь леса повторять имя прекрасной Амариллиды.	5. В рощах кудрявых гласить Амариллу прекрасную тщишься.	5. Ах! в роскошной тени о любовнице воздыхаешь…
6. О Мелибей, бог нам этот покой доставил,	6. О Мелибей, сию Бог нам ныне отраду доставил:	6. О Мелибей, мне бог сотворил сию праздность, затем что
7. И будет он мне всегда богом, его алтарь	7. Бог он мой будет всегда: и его Олтари освященны	7. Будет он богом мне, будет он вечно – и нежный
8. Часто молодой ягненок из наших овчарен будет орошать.	8. Нежные Агнцы мои напаять будут кровию часто.	8. Часто от стад моих агнец омоет алтарь его кровью.
9. Он моим быкам позволил бродить, как видишь, и самому	9. Он бо здесь волам, да и мне дозволяет, как видишь;	9. Он-то телицам моим бродить по пажням тучным
10. Играть, что хочу на сельской свирели. Мелибей	10. Что пожелаю, играть на приятной пастушьей свирелке. Мелибей	10. (Зри, как они заблуждаются тамо), он-то позволил
11. Я не завидую, я больше удивляюсь; отовсюду на	11. Я не завидую в щастье тебе, наипаче дивлюся	11. Мне самому на свирели играть, как волнуется сердце. Мелибей
12. Всех полях идет тревога. Вот и сам коз	12. Все в восхищенье зря поле, а я моих козлищ	12. Пастырь, будь счастлив! Я не завидую, я удивляюсь,

13. Дальше гоню больной; эту даже с трудом, Титир, веду. 14. Здесь среди густого орешника только что двойню, 15. Надежду стада, ах, на голом камне, родившая, оставила. 16. Часто зло это нам, если ум не был бы неумелым, 17. Пораженные молнией, я помню, предсказывали дубы.	13. В далней полянке пасу, да и то чуть Титир имею, 14. Там не за долго пред сим меж густаго орешника двойни, 15. Стада надежда на голом ах! пали безвременно камне. 16. Часто несчасья сего я приметы не сложныя видел: 17. Дуб надо мною разбит от грозы, мне гросил сею напастью, 18. Часто и крик злых ворон с дубловатого клена я слышал [13. С. 101–103].	13. Что у владетелей паств их мило стяжанье отвсюду объемлют. 14. Я несчастный, я сам, с недугом насилу боряся, 15. Козлищ влачу во изгнанье: сию на верви, о Титир! 16. Здесь недалеко она в густом орешнике двойню, 17. Стада надежду, увы! На голом оставила камне. 18. Часто мне бедство сие предвещали громовые стрелы, 19. Кои, ниспад предо мной, пробегали древние дубы.

Перевод М.Н. Муравьева двух первых стихов более точен и образен, автор передает основные акценты первоисточника: отдыхающий в тени дуба пастух сочиняет простые песни о сельской жизни. В то же время перевод М.Н. Муравьева синтаксически прозрачен и прост, в отличие от перевода В.Г. Рубана, который в первом стихе приводит громоздкий и тяжеловесный оборот с родительным падежом и неоправданной инверсией (*ветвистаго возлежащий под сению бука)*. Кроме этого, В.Г. Рубан заменяет слово *дуб* на *бук,* а *простая свирель* у него превращается в несколько легковесную *свирелку*. Второй стих у обоих переводчиков демонстрирует больший отход от первоисточника по сравнению с первым: у М.Н. Муравьева заменен субъект действия (*муза… вымышляет… песни*), а у В.Г. Рубана изменена семантическая составляющая текста (*муз услаждаешь*). Однако стих М.Н. Муравьева звучит художественней и легче, В.Г. Рубан же излишне утяжелил текст за счет инверсии.

Оба перевода 3–4-го стихов Вергилия удачны и схожи друг с другом. Переводчики акцентируют внимание на трагизме ситуации, когда люди становятся чужими на родине и вынуждены бежать, оставляя дорогие для себя места. Авторы используют важные ключевые слова *чужды, бежим – оставляем, милые паствы – нивы любезны.* Но у М.Н. Муравьева масштаб потери усилен, так как он более близко к Вергилию перевел первую строчку: у В.Г. Рубана герои *чужды домов*, а у М.Н. Муравьева – *чужды отечества*. К тому же М.Н. Муравьев смог передать авторскую анафору (*Мы… мы*), призванную увеличить напряжение момента, чего нет в переводе В.Г. Рубана.

В переводе 4–5-го стихов у М.Н. Муравьева усилен личностный, эмоциональный момент (Титир назван счастливцем), 5-й стих начинается с междометия *ах*, тогда как В.Г. Рубан передает состояние героя более нейтрально (*спокойно… тщишься*). Эпитет М.Н. Муравьева более ярок, красочен и оценочен (*в роскошной тени*), В.Г. Рубан говорит всего лишь о *кудрявых рощах.* Семантика перевода 5-го стиха у обоих переводчиков не совсем соблюдена, поэтому можно их сравнить по попытке передать настроение Вергилия: герой перевода М.Н. Муравьева страдает о любовнице, а у В.Г. Рубана глагол *тщишься* имеет, скорее, семантику мук творчества.

6–8-й стихи Вергилия переведены обоими авторами примерно с одинаковой точностью. Оба обращают внимание на доминирующий в этих стихах Вергилия образ бога-благодетеля (у М.Н. Муравьева – *будет он вечно,* у В.Г. Рубана – *он мой будет всегда*), перед которым герой преклоняется, но в переводе М.Н. Муравьева этот акцент проставлен ярче, так как поэт, повторяя *будет он богом мне, будет он вечно,* обращает особое внимание читателей именно на этот факт. Агнец у авторов *нежный*, но момент жертвоприношения у М.Н. Муравьева передан более удачно с лексической и синтаксической сторон, а В.Г. Рубан, используя инверсию в 8-м стихе, затрудняет понимание текста. Слово *покой* первоисточника М.Н. Муравьев удачно передает эмоционально окрашенным *праздность,* его перевод ближе к первоисточнику и одновременно точнее лексически и семантически.

9–10-му стихам Вергилия у В.Г. Рубана соответствуют также 9–10-й стихи, а у М.Н. Муравьева – 9–11-й. Здесь к находкам М.Н. Муравьева относится анафора *он-то*, передающая чувство особой признательности героя за все своему благодетелю, удачно сделан акцент на лирическое начало с помощью придаточного *как волнуется сердце*. Всех этих моментов нет в переводе В.Г. Рубана, он достаточно безыскусно передает общий смысл стихов Вергилия, добавив к *свирелке* лишь эпитет *приятной.* Неудачей В.Г. Рубана стало отсутствие в переводе глагола, относящегося к существительному «волам» (у Вергилия это *бродить*). От этого семантика данных стихов размывается, стихи допускают двусмысленное прочтение. Правда, в переводе М.Н. Муравьева тоже встречается существенный отход от первоисточника: он внес в свой текст отсутствующие в «Буколиках» строки *зри, как они заблуждаются тамо*, по-видимому, это свидетельствует о желании автора придать стихам большую эмоциональность и визуальность.

Переводы 11–13-го стихов Вергилия доказывают большее внимание М.Н. Муравьева к передаче эмоций и настроения римского поэта, что достигается путем акцентирования несчастья героя (*будь счастлив, я несчастный*), В.Г. Рубан ограничивается только констатацией благополучного положения Титира, который пребывает *в щастье*, не передается состояние крайней тревоги, царящей в мире пастухов, болезни Мелибея, а рассказ о его потерях сводится только к тому, что он пасет скот *в далней полянке,* а про доходы говорит: *чуть… имею*. М.Н. Муравьев в этом отрывке семантически точнее и лексически ярче В.Г. Рубана, так как он вновь обращает внимание на положение героя-изгнанника (*козлищ влачу во изгнанье*), которое усложняется физической слабостью (*с недугом насилу боряся*).

При переводе 13–15-го стихов М.Н. Муравьев более точен семантически, так как В.Г. Рубан опускает

момент напряжения физических сил героя, которому с трудом приходится тащить больное животное, М.Н. Муравьев передает эту ситуацию с помощью словосочетания *сию [влачу] на верви*. Оба автора удачно показывают потерю так необходимого приплода, точно переводя Вергилия (*стада надежду, на голом камне, оставила – пали*), используют эмоциональное междометие (*увы – ах*).

В заключительных стихах (у В.Г. Рубана: 16–18-й, у М.Н. Муравьева: 18–19-й) оба автора опускают сожаление героя Вергилия по поводу своей ненаблюдательности («если ум не был бы неумелым»), но В.Г. Рубан отходит от первоисточника, синтаксически изменив текст (*я приметы не сложныя видел*, *дуб надо мною разбит от грозы),* введя строчку, отсутствующую у античного автора (*часто и крик злых ворон с дубловатого клена я слышал*). М.Н. Муравьев также меняет синтакис предложения Вергилия, употребив вместо причастного оборота деепричастный *ниспад предо мной,* но не отступив от первоисточника семантически. Переводческой удачей обоих авторов становится передача слова *зло* Вергилия более эмоциональным и образным *бедство – несчастье.*

Сопоставив два перевода начальных стихов «Буколик» Вергилия, можно отметить, что предшественник М.Н. Муравьева проделал свою работу достаточно удачно. Как и М.Н. Муравьев, В.Г. Рубан стремился как можно более точно передать лексическое и ритмическое построение текста, использовав возможности русского гекзаметра, бережно отнесся к образным средствам античного автора, позволив себе при этом еще более украсить перевод с помощью собственных поэтических находок. Но синтаксическая организация текста у М.Н. Муравьева проще и одновременно ближе к первоисточнику, чем у В.Г. Рубана. Классицист В.Г. Рубан хорошо и точно передал модель построения стихотворения буколического жанра. У М.Н. Муравьева язык классицизма оттесняется языком чувств: использовав античные и классицистические традиции, поэт в силу своих субъективных и поэтических пристрастий более удачно, красочно донес до читателей эмоциональный план поэмы, продемонстрировав особый талант при передаче чувств героев, настроения произведения.

Можно утверждать, что М.Н. Муравьев учился у Вергилия особому видению мира, когда простые и нежные человеческие чувства, нравственная чистота передаются через художественные пластичные образы, через умение живописать мелкие детали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сочинения* Муравьева. СПб., 1847. Т. I.
2. *Сочинения* Муравьева. СПб., 1847. Т. II.
3. *Бродский И.* Вергилий // Старое литературное обозрение. 2001. № 2.
4. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. М., 2004.
5. *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1951. С. 382.
6. *Сочинения* Тредьяковского. СПб., 1849. Т. 1.
7. *Тредиаковский В.К.* Лирика. «Телемахида» и другие сочинения. Астрахань, 2007.
8. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967.
9. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М., 2003. Т. II : Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2.
10. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.
11. *Античная* поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. СПб., 1998.
12. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М., 2007. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века. Исследования. Материалы. Публикации. М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. III.
13. *Рубан В.Г.* Публия Виргилия Марона Буколистических сочинений Эклога I, называемая Титир // П. Виргилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги… СПб., 1777.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2014 г.

CLASSICAL BUCOLICS IN M.N. MURAVYEV'S TRANSLATIONS (THE BEGINNINGS OF SENTIMENTALISM)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 18-23. DOI: 10.17223/15617793/386/3

Prokopieva Liliana B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lilianaprokopeva@sibmail.com

Keywords: translation; Roman poetry; Vergil; bucolic; Russian literature of the eighteenth century; M.N. Muravyev; V.G. Ruban; classicism; sentimentalism.

M.N. Muravyev is one of the most distinctive figures in the Russian Enlightenment, and his time (late 18th – early 19th centuries) is marked as a crucial period when classicism and sentimentalism united and both turned to ancient literature. This paper studies the reception of Vergil's bucolic traditions in original Muravyev's works and purports to reveal the distinctions of the poetic translation of Vergil's poem "The Bucolics" made by M.N. Muravyev and by V.G. Ruban. In this paper it is important to identify classical bucolic traditions in the Russian Literature of the 18th century and in the works by M.N. Muravyev in particular. The author compares the artistic features of the initial verses (1-17) of the eclogue in the two translations. The "Bucolic" by Vergil is analyzed and new trends forming sentimentalism in M.N. Muravyev's translation are discussed. V.K. Trediakovsky was a pioneer of bucolic poetry in the Russian Literature of the 18th century. A.P. Sumarokov also wrote eclogues and idylls showing the images of shepherds and shepherdesses as a dream of ideal human relations. In 1771, at the age of 14, Muravyev wrote his "Eclogue" which clearly echoed the bucolic plot, characters and atmosphere when two swains were competing in singing in the morning. His poems "Vozvrashchenie vesny" ("The Return of Spring") and "Prekrasnoy vskhod zari" ("The Rising of a Beautiful Dawn") written in 1775 also reflect the bucolic theme. In the spring of 1778 Muravyev translated the opening verses (1-17 lines) of the eclogues of the first "Bucolic" showing his careful attitude to Vergil's text, his characters and the general atmosphere. The size of the original text and the translation itself helped to create all this. M.N. Muravyev translated the verses using the iambic dactylic hexameter reflecting their ancient style. Moreover, in his translation M.N. Muravyev successfully combined classical traditions and new trends of sentimentalism, lyricism and psychologism. The advantages of Muravyev's translation are clearly observed when we compare his work with the translation of

the same verses made by V.G. Ruban (1742-1795) in 1777. Comparing the two translations of Vergil's "Bucolic" we can notice that Muravyev's predecessor sought to convey the lexical and rhythmic construction of the text using the Russian hexameter which is referred to as the stylistic figurative means of the ancient author. The syntactic organization of the text of Muravyev's translation is simpler and closer to the original text than that of V.G. Ruban. In Muravyev's translation the classical language is pushed aside by the language of feelings. Combining ancient and classical traditions M.N. Muravyev rendered the emotional atmosphere of the poem more successfully. M.N. Muravyev is claimed to be taught by Vergil's special vision of the world, when simple and gentle human emotions and moral purity are manifested through soft artistic images, through the ability to describe subtleties and details.

REFERENCES

1. Muravyev M.N. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1847. Vol. 1.
2. Muravyev M.N. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1847. Vol. 2.
3. Brodsky J. Vergiliy [Virgil]. *Staroe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 2.
4. Albrecht M. *Istoriya rimskoy literatury* [History of Roman literature]. Translated from German. Moscow, 2004.
5. Tronskiy I.M. *Istoriya antichnoy literatury* [The history of ancient literature]. Leningrad: RSFSR Ministry of Education Publ., 1951.
6. Trediakovsky V.K. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1849. Vol. 1.
7. Trediakovsky V.K. *Lirika. "Telemakhida" i drugie sochineniya* [Poems. "Tilemakhida" and other works]. Astrakhan, 2007.
8. Muravyev M.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1967.
9. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. Vol. 2, book 2.
10. Kochetkova N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian sentimentalism]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994.
11. Sviasov E.V. *Antichnaya poeziya v russkikh perevodakh XVIII-XX vv.* [Antique poetry in the Russian translations of the 18th-20th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1998.
12. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2007. Vol. 2, book 3.
13. Ruban V.G. *P. Virgiliya Marona Georgik, ili O zemledelii chetyre knigi* [*Publius* Vergilius Maro's Georgics, or four books on farming]. St. Petersburg., 1777.

Received: 22 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 24–35 DOI: 10.17223/15617793/386/4

УДК 81'23

Ю.В. Серышева, Ю.В. Филь

ГЛАГОЛЫ С ВТОРИЧНЫМИ ПРЕФИКСАМИ ПЕРЕ- И НЕДО- СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию глаголов с вторичными префиксами на основе показаний языкового сознания. Несмотря на опыт лингвистики в описании русского глагола, обращение к нему по-прежнему актуально. Анализ новых данных, полученных экспериментальным путем, позволит определить характер и степень осознаваемости вторичных глагольных префиксов ПЕРЕ- и НЕДО-. В работе делается вывод о том, что указанные приставки устойчиво осознаются русскоговорящими как элементы общей модели обозначения действия по отношению к норме.

Ключевые слова: полипрефиксальные глаголы; вторичные префиксы; норма глагольного действия; психолингвистический эксперимент.

Исследование глагола как языковой единицы в русской лингвистике имеет длительную историю, которая находит начало еще в трудах М. Ломоносова, Н. Некрасова, Г. Павского, Н. Греча, А. Потебни и продолжается в работах С. Карцевского, А.В. Исаченко, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, Б.Н. Головина, М.В. Черепанова, Е.В. Петрухиной и др. Описание специфики русского глагола шло параллельно с изучением глагольных префиксов как средств грамматического оформления глагольной единицы и ее семантических распространителей. В ходе проведенных исследований были описаны механизм глагольного видо- и словообразования, лексическая и видовая функции русских префиксов, представлена типология глагольной лексики, выявлены принципы взаимодействия глагольной основы и приставки, поставлен целый ряд вопросов, определивших круг научных интересов современных языковедов. Результатом подобных работ стало представление о глаголе как единице, занимающей особое место в номинативной системе русского языка, так как он призван не только называть действие с учетом его разнопорядковых параметров, но и оценивать называемое действие (и всю обозначаемую глаголом ситуацию) с точки зрения критериев протекания определенного типа действия, представляя его как градуируемое и положительно или отрицательно осознаваемое. При этом исследователи отмечали, что свойства глагола (как семантические, так и синтаксические) «часто оказываются следами фундаментальных свойств приставки» [1. С. 180], которая обладает способностью «маркировать отдельные ситуации в семантической структуре производного глагола» [2. С. 81], повышая изобразительные качества глагольной единицы в целом.

В номинации любого действия немаловажную роль играет образ этого действия, в содержание которого носитель языка вкладывает соответствующее количество субъектов и объектов действия, их качества, выполняемые ими роли; сам порядок протекания действия, время, отпущенное на его выполнение; ожидаемый и полученный результат действия, параметры его оценивания. При этом функция префикса как семантического распространителя глагола заключается в том, что приставка способна передавать степень интенсивности обозначаемого действия, целевые, количественные и другие критерии, с которыми субъект называния и оценивания подходит к тому или иному действию; отражать соответственно признаки действия, его параметры на шкале интенсивности. «Представление о стандартах, или эталонах, и есть та антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [3. С. 39] и отдельный фрагмент действительности. Л.Г. Ефанова предлагает рассматривать действие, обозначенное приставочным глаголом, посредством понятия *нормы глагольного действия*, т.е. особого вида предела действия. Этот предел «отражает наиболее вероятный исход ситуации, обозначенный данным глаголом, но в то же время предполагает оценку результата этого действия с точки зрения должного, т.е. такого представления о результате действия, которое существует в сознании воспринимающего данное действие субъекта и может быть оценено как идеал или стандарт» [4. С. 4]. Указанное понятие находится на пересечении категорий предельности, множественности, интенсивности, деминутивности, оценочности и т.п. Образец, по которому оценивается называемое действие, связан с определенным типом деятельности, закреплен в сознании носителей языка и выражается в сфере глагольной лексики посредством приставок.

Предметом анализа в данной работе являются русские глагольные префиксы ПЕРЕ- и НЕДО- как средства выражения нормативно-оценочных смыслов при номинации фрагментов динамического мира. Действие, названное глаголами с указанными префиксами, оказывается отнесенным к «левой» или к «правой» стороне от нормы и характеризуется недостаточной или избыточной степенью интенсивности, в то время как норма действия соотносится с общепринятым для данного типа действия стандартом.

Префикс ПЕРЕ- проявляет в современном русском языке особую активность как в качестве первичной, так и в качестве вторичной приставки, соединяясь с глагольными основами с семантикой конкретного физического действия (*переписать, перемыть, перезастелить*), интеллектуально-психической, речевой и социальной деятельности (*перевоспитать, перевоссоздать, переоценить, перерассказать, перевыбрать*). Особенностям семантики данного префикса и глаголам с данной приставкой посвящены работы М.А. Шелякина, Л.И. Ройзензона, Ф.И. Вирченко, Е.А. Земской, Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой,

Л.Г. Ефановой, Л.А. Вараксина, Е.Р. Добрушиной, Е.А. Меллиной, Д. Пайара, Ю.В. Королевой, Е.В. Тумаковой и др.

Следует отметить, что приставка ПЕРЕ- является представителем префиксов, «располагающих» глагольное действие по «правую» сторону (т.е. со знаком +) от нормы глагольного действия: *переварить кашу, переохладить(ся) на морозе, перенаселить страну* и т.д. В данном случае речь идет о способности указанной приставки выступать в чрезмерно-нормативном значении: *Приказчик предложил обедать, выражая опасение, чтобы не* ***переварилось*** *и не* ***пережарилось*** *приготовленное его женой угощение* (Л. Толстой); *Кофе у ней* ***перекипел****, сливки подгорели, чашки валились из рук* (И. Гончаров), однако в зависимости от глагольной основы и контекста частные значения приставки варьируются (от чрезмерно-нормативного до дистрибутивного): *Хуже харчевни сделал его: стены сургучом измазал, полы* ***перегноил*** (П. Мельников-Печерский). В последнем случае значение совершения действия с нежелательно большой длительностью и / или интенсивностью смыкается со значением многообъектности действия. В приведенных примерах именно префикс фиксирует отклонения от нормы глагольного действия, «вписывает» реальное действие (переваривание, пережаривание и т.п.) в идеальную рамку (= норму), демонстрируя несоответствие реального действия образцу, так как по своему течению и / или результату оно интенсивнее ожидаемого. В подобные рамки носитель языка может помещать и иное глагольное содержание, т.е. образ действия, способного к квантификации: приготовление пищи, консервирование и другие процессы с определенной технологией, состояние человека и т.п. Кроме того, сопоставление реального действия с идеальным, маркированное глаголом с префиксом ПЕРЕ-, «предполагает и негативную оценку реального действия: *переостудить компот* = остужать компот дольше обычного и получить более холодный, чем обычно, результат, а это плохо, вредно, расходится с желанием производителя действия» [5. С. 252], т.е. носитель языка оценивает данное действие не только как соответствующее / не соответствующее его параметрам, но и как соответствующее / не соответствующее его целевому назначению. При этом для окончательного оформления целевой оценки действия необходим не только внутрисловный контекст: «...префикс задает параметры действия, вносит в смысловое содержание глагола указание на оценку действия, а окончательная трактовка действия как желательного, нежелательного, совершенного для пользы или во вред человеку, принадлежит единицам более высокого уровня» [Там же. С. 253], в том числе контексту.

Префикс НЕДО-, представляющий собой в определенном смысле оппозитивную пару приставке ПЕРЕ-, является малоизученным в отечественной литературе и рассматривается в основном в орфографическом аспекте (см. работы Л.М. Андреева, Т.Ф. Морару, Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой, О.А. Пацюковой). Отдельные замечания по исследованию семантики единиц с приставкой НЕДО- встречаются в связи с изучением вопросов аспектологии, глагольной деривации и теории нормы в исследованиях М.В. Черепанова, Ю.В. Королевой, Л.Г. Ефановой и др. В силу своего иного, чем у большинства глагольных префиксов, происхождения – «в результате переразложения на стыке префикса и производящего слова, содержащего префикс (ср. *недооценить, недовыполнить, обезболить, обезлюдеть* и т.д.)» [6. С. 102] – данное приставочное образование считается не собственно глагольным [7]. Однако «в последней трети 20 века префикс НЕДО- стал широко использоваться в системе глагольного словообразования, о чем свидетельствует появление двадцати четырех новообразований (*недорассчитать, недовыполоть, недоизжить, недоизобразить, недопоказать, недоосвоить* и др.)» [8. С. 197].

Рассматриваемый префикс, характеризующийся семантикой недостаточно-нормативного действия, наиболее активно сочетается с глаголами целенаправленного действия, среди которых отмечаются глаголы физического действия, интеллектуально-психической, речевой, социальной деятельности (*недопришить, недооценить, недоузнать, недорассказать, недоизбрать* и др.). Заметим, что ранее потенциальная деривационная активность единиц (в данном случае с префиксом НЕДО-) способна в определенный момент стать реальной, что и отмечается на современном этапе, когда среди неузуальных приставочных глаголов начинают преобладать единицы, которые «наряду с общими временными характеристиками процесса (начало, окончание) имеют дополнительные оттенки градуального характера – большой / малой интенсивности, полноты / неполноты действия» [9. С. 135]. По всей видимости, рост подобных единиц в языке отражает общую тенденцию русской речи, для которой характерна высокая эмоциональность, рефлексивность и оценочность, в том числе и в отношении изображения действия.

В нашей работе мы исходим из положения о том, что такая значимая часть слова, как префикс (особенно «агглютинирующая» вторичная приставка), способна выступать своеобразным формальным и смысловым ориентиром в опознавании многоприставочного глагола в целом. В основе статьи лежит **гипотеза** о том, что в сознании носителей русского языка вторичные приставки ПЕРЕ- и НЕДО- представляются специализированными средствами выражения нормы глагольного действия и оценки (положительной или отрицательной) называемой глаголом ситуации действительности. По мнению исследователей, посредством глагольных префиксов «передается множество значений и оттенков, сложных и плохо воспринимаемых неносителями языка» [10. С. 96], в то время как носитель языка легко оперирует приставками, воспринимая их как узуальные словообразовательные средства родного языка, которые можно использовать для передачи определенного глагольного содержания. При этом следует отметить, что та легкость, с которой в норме протекает речевая деятельность носителя языка, является свойством метаязыкового сознания. Под последним мы вслед за О.И. Блиновой понимаем «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных

особенностях, о нормах произношения, словоупотребления и т.д.» [11. С. 122], которые различаются по объекту осознания (какие именно элементы речи осознаются) и по уровню осознания («от автоматической регуляции речи до четких высказываний о языке» [12. С. 179–180]).

Категория осознанности является ключевой в исследованиях метаязыкового сознания, направленных на решение главного вопроса: как осуществляется переработка представлений о действительности, закрепление, накопление и хранение сведений о мире посредством языковых единиц. Данным вопросам посвящен целый ряд работ (см. работы Т.В. Ахутиной, Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.А. Залевской, Е.С. Кубряковой, Н.Г. Морозовой, Н.Б. Лебедевой, А.А. Леонтьева, А.Н. Ростовой, Ю.А. Сорокина и др.). В рамках объекта нашего исследования особый акцент следует сделать на работах, посвященных изучению процессов восприятия носителями языка морфологически сложных слов. Проблема поэлементного восприятия слов (морфем, слогов, звуков) решается в исследованиях отечественных (см. работы Л.И. Гараевой, С.И. Гороховой, Т.И. Доценко, Т.Ю. Сазоновой и др.) и зарубежных (см. работы Butterworth, Henderson, Stemberger, Balota, Sandra и др.) авторов. В данных работах ставится вопрос: «...всегда ли индивид производит морфологический анализ воспринимаемых слов, а если это происходит, то когда именно – на основе (и после) графемного и / или фонологического анализа или параллельно с ним?» [13. С. 183]. Отвечая на этот вопрос, ученые допускают два конкурирующих способа переработки в памяти полиморфемных слов при их восприятии: морфологическую переработку, при которой аффиксы выделяются до лексического доступа к единице, и лексическую переработку – «процедуру адреса целого слова» [Там же. С. 184]. При этом стратегии опознания морфологически сложных слов зависят от типа языка (агглютинативного или неагглютинативного), от регулярности употребления сложных слов и частотности аффиксов.

Отдельно следует остановиться на исследовании Дж. Стембергера по изучению функционирования полиморфемных слов [Там же]. По мнению ученого, морфемы извлекаются из памяти как правила о языковых нормах, а не хранятся во множестве копий в лексиконе человека. Извлечение слова из лексикона происходит поморфемно по «словным» правилам, согласно которым семантика соотносится с признаками структурных составляющих слова, при этом актуализируется набор возможных слов, имеющих эти признаки. Если имеются все признаки, требуемые словом, применяется «правило», и данное слово извлекается из лексикона. Как считает исследователь, основная характеристика правил заключается в том, что «они кодируют информацию раздельно от единицы более высокого уровня, к которой они могут относиться» [Там же. С. 185]. Особо Дж. Стембергер выделяет аналогию как средство извлечения информации из лексикона человека: «...аналогия может быть полностью неосознаваемым автоматизированным процессом (продуктивность регулярных аффиксов может быть аналогией такого рода) и осознаваемым, произвольным процессом применения метаязыкового знания» [Там же. С. 185]. Таким образом, Дж. Стембергер приходит к выводу о том, что морфемы в морфологически сложных словах являются правилами извлечения информации о слове. При этом непродуктивные аффиксы ученый трактует как «малые» правила (требующие дополнительной информации, например, ориентир на единицы более высокого уровня), продуктивные аффиксы могут извлекаться как «основные» (извлекаются прямо на основе семантической информации) и «малые» правила одновременно. Отметим, что рассматриваемые нами вторичные префиксы ПЕРЕ- и НЕДО- представляют собой продуктивные средства вторичной глагольной префиксации и, следовательно, должны расцениваться не только как «малые», но и как «основные» правила.

Обобщая мнения исследователей по данному вопросу, можно утверждать, что морфологическая переработка при восприятии полиморфемных слов представляет собой сложный процесс, при котором сначала предположительно происходит разложение слова на составляющие, а после этого извлекаются лексические «файлы», связанные с содержанием разного типа морфем. Однако, несмотря на широкий спектр работ по исследованию проблем восприятия морфологически сложных слов, до сих пор нет единого мнения в трактовке данного феномена.

Следует отметить, что вопросы, касающиеся физиологических процессов восприятия слов, находятся в русле еще одной научной полемики, которая сосредоточена на проблеме структуры метаязыкового сознания, его уровней. Как отмечают исследователи, метаязыковое сознание может функционировать на двух уровнях: теоретическом (научные знания) и обыденном («набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях») [14. С. 6]. Обыденное метаязыковое сознание формируется в повседневной речевой практике и отражает донаучные знания человека о языке. В последнее время усилился интерес лингвистов к изучению метаязыковой деятельности рядового носителя языка (см. работы О.И. Блиновой, И.Т. Вепревой, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, З.И. Резановой, А.Н. Ростовой, Б.С. Шварцкопф и др.). Как отмечает Н.Б. Лебедева, метаязыковые знания «простых» носителей языка («знания О языке») могут включать два уровня: осознанный и неосознанный [15. С. 51]. Неосознаваемый уровень, уровень чувств и ощущений, предполагает здесь спонтанные представления о языке и речевой деятельности *(«ну ты и сказала!»)*; осознанные метаязыковые знания включают знания, полученные о языке в школе, учебных заведениях (падеж, вид, лицо и т.д.), а также осознанное высказывание неспециализированного лингвистического мнения (рефлексия над языком и речью).

В нашем исследовании мы не отрицаем факт практических навыков владения русскоговорящими морфемным потенциалом языка в сфере глагола на уровне автоматизма (т.е. бессознательного), но вместе с тем мы предполагаем, что процесс формирования многоприставочной единицы, выбор того или иного

префиксального комплекса для передачи фрагмента действительности происходит осознанно (т.е. носители языка осознают семантические различия в значениях глагольных префиксов). То же следует утверждать и в отношении обратного процесса – восприятия полиморфемного глагола.

Изучение метаязыкового сознания осуществляется преимущественно экспериментальными методами, которые способны «описать и объяснить особенности функционирования языка как психического феномена» [13. С. 36]. Метод психолингвистического эксперимента дает продуктивные результаты на материале ряда лингвистических объектов: процесса образования префиксальных и бесприставочных глаголов-неологизмов, словообразовательной потенциальности и лексической реализации префиксальных глаголов, осознания категории глагольного вида, роли суффикса в формировании глагольной семантики, деривационной семантики отглагольных имен существительных, механизма мотивации слов разных частей речи и др. (см. работы И.А. Акимовой, О.П. Болдиной, М.В. Виноградовой, В.О. Макавчик, Н.Б. Лебедевой, Т.Г. Родионовой, М.В. Русаковой, Л.В. Сахарного, Т.И. Свистуновой, Н.Г. Фурман и др.). Обращение к метаязыковому сознанию носителей языка в исследовании многоприставочных глаголов посредством психолингвистического эксперимента представляется перспективным, так как это, на наш взгляд, позволит выявить степень и характер осознаваемости русскоговорящими вторичных глагольных префиксов ПЕРЕ- и НЕДО- в семантическом наполнении глагола. Под характером осознаваемости нами понимается принцип восприятия носителями языка вторичных префиксов в формально-структурном и семантическом планах. Предполагается, что он может быть устойчивым или неустойчивым (в зависимости от того, насколько четко носитель языка осознает формальный статус префикса в структуре глагола и смысловое содержание, стоящее за приставкой); однородным или вариативным (в зависимости от того, насколько однозначно воспринимается содержание, соотносимое носителем языка с префиксом). В отличие от характера, степень осознаваемости вторичных префиксов носителями языка – понятие релятивное, определяемое при сравнении осознания носителем языка одного префикса по отношению к другим. При этом в данной работе акцент делается на том, что глагольные префиксы ПЕРЕ- и НЕДО- рассматриваются как своеобразные аксиологические показатели действия, как и многие другие «агглютинативные» по местоположению в глаголе, связи с глагольной основой и функциональным качествам вторичные приставки.

С целью подтверждения рабочей гипотезы в рамках данного исследования была проведена серия психолингвистических экспериментов, респондентами в которых выступали русскоговорящие информанты с гуманитарным, техническим и медицинским образованием. Сложность исследования семантической стороны рассматриваемых единиц состояла в том, что глагольные префиксы не являются самостоятельными единицами, поэтому для выявления смыслов, вносимых вторичными приставками, необходим был ряд экспериментов, позволяющих обнаружить компоненты их психологически реального значения, определить способность / неспособность носителей языка дифференцировать значения приставок. Главным критерием отбора в проводимых экспериментах являлся принцип «скрытого» анализа исследуемых единиц. При формировании каждого эксперимента особое внимание уделялось формулировке задания: оно должно было быть сформировано таким образом, чтобы не направлять намеренно мысли испытуемых к проведению структурного (поэлементного) анализа многоприставочных единиц.

Эксперимент приемом дополнения (завершения) был направлен на выявление степени осознаваемости русскоговорящими семантических особенностей вторичных префиксов ПЕРЕ-, НЕДО- и глаголов с данными приставками через восстанавливаемый испытуемыми контекст. В качестве стимульного материала испытуемым было предложено по 15 неоформленных предложений с исследуемыми префиксальными глаголами, каждое из которых состояло из двух-трех слов, разделенных пропусками: *Я… переостудил… поэтому…*; *Сегодня… недоупаковал… из-за…* и т.п. Испытуемым было предложено дополнить поврежденные предложения, вставив пропущенные слова. Данная методика, разработанная еще в 1953 г. Уильямом Тейлором, позволяет проанализировать семантическое окружение исследуемых языковых единиц. Чтобы получить более достоверные данные по глаголам с каждой рассматриваемой вторичной приставкой, в анкете были использованы единицы с разными префиксами (ПЕРЕ-, НЕДО-, а также НА-, ПРИ-, ПОД- и др.). В целом анкета эксперимента состояла из 7 предложений. Целью данного эксперимента было выявление характера осознаваемости носителями языка семантических особенностей глаголов с исследуемыми префиксами в контексте. Предполагалось, что при осознании смысла, стоящего за вторичным префиксом, респондент мог эксплицитно выразить это, восполнив тот или иной пропуск в структуре предложения. Например, «*Я <u>сильно / сверх нормы / очень</u> переостудил горло*» либо «*Я вчера переостудил <u>сильно / сверх нормы / очень</u> горло*». Полученные контексты разбивались на группы нейтральных реакций и реакций, указывающих на осознание содержания, стоящего за вторичным префиксом в структуре предложенного многоприставочного глагола. Выявленные в предложениях компоненты значений вторичных приставок подсчитывались по частотности их представленности в сознании носителей языка. Общее количество полученных реакций по глаголам с приставкой ПЕРЕ- составило 180 восстановленных предложений. При проведении эксперимента в качестве стимульного материала нами использовались единицы, в которых вторичный префикс ПЕРЕ- в зависимости от предполагаемого контекста мог выступать в разных значениях: репродуктивном (*переизбрать, переоформить, переподготовить* и т.п.); дистрибутивном (*перезавять, перерассказать, переприменить* и т.п.) и чрезмерно-нормативном (*переостудить, перенаполнить, перевыполнить* и т.п.). Предполагалось, что некоторые из единиц могли быть

использованы информантами в разных значениях: например, *перерассказать историю другу* / *перерассказать все главы книги подряд* (возможно **перерассказать больше обычного*).

Как показали результаты эксперимента, носители современного русского языка осознают содержание, вносимое вторичным префиксом ПЕРЕ- в семантику глагола, и соотносят его с предполагаемым спектром значений: 1) «действие, совершенное повторно, иногда по-новому, иначе» – 56% от общего числа реакций (***Сегодня*** *президента* ***переизбрали*** *на второй срок; Я* ***переподготовил*** *домашнее задание,* ***потому что*** *в первый раз сделал его не правильно*; ***Я переналадил*** *машину после механика* и т.п.); 2) «действие, совершенное с чрезмерной (нежелательной) интенсивностью» – 27% реакций (*Ты* ***переутомил*** *меня сегодня,* ***так как*** *задавал слишком много вопросов;* ***Утром*** *после пробежки я* ***переохладилась, поэтому*** *заболела* и т.п.); 3) «действие, совершенное многократно и / или последовательно над многими (всеми) объектами или совершенное многими (всеми) субъектами» – 11% реакций (*Мы* ***перепримерили*** *юбки,* ***потому что*** *они продавались со скидкой*; *Садовые* ***цветы****, принесенные домой,* ***перезавяли*** *в течение пяти дней* и т.п.). Нейтральные контексты / иные значения составили 6% реакций.

При анализе полученных результатов эксперимента было выявлено, что вторичный префикс ПЕРЕ- в языковом сознании русскоговорящих соотносится со значением «действие, совершенное повторно, иногда по-новому, иначе» в 100% реакций на предложенные в анкетах «репродуктивные» глаголы *переизбрать*, *переподготовить, перевоспитать* и т.п. Данное значение испытуемые вкладывали даже в те глаголы-стимулы, которые предлагались в заданиях со значением многократного действия с рядом субъектов / объектов (*Выступающие* ***перепримерили*** *костюмы,* ***потому что*** *их немного изменили*).

Результаты эксперимента показали, что дистрибутивная семантика, вносимая в глагол вторичным префиксом, осознается испытуемыми неоднозначно. При этом в реакциях на дистрибутивные глаголы значение многократного, последовательного действия, по-видимому, осознавалось информантами, но дополнительно маркировалось не всегда (*Полевые* ***цветы*** *уже* ***перезавяли*** *и сгнили; На уроке я* ***перерассказал*** *весь сюжет романа; Мы еще не* ***перепримерили*** *все, что нам предстоит,* ***потому что*** *очень устали* др.). Следует отметить, что, как показывают реакции респондентов, дистрибутивное значение вторичной приставки ПЕРЕ- находится в отношениях пересечения с чрезмерно-интенсивным значением, т.е. действие, совершенное много раз, распространенное на многие объекты, мыслится как заканчивающееся бо́льшим, чем обычно, результатом, т.е. с отклонением от нормы глагольного действия.

В данном эксперименте оказываются показательными грамматические реакции, которые косвенным образом позволяют дифференцировать значение вторичного префикса ПЕРЕ- и глагола в целом в тех случаях, когда одному глаголу может быть приписано несколько значений. Так, например, в контекстах типа *«**Мы переотмыли** окно после того, как опять проехала машина и забрызгала всё окно»* и «***Мы*** *с девочками* ***переотмыли*** *окна в классе, плохо отмытые нашими родителями»*, единица «окно», употребленная в форме единственного числа, указывает на осознание информантом значения повторности действия над тем же объектом, что и в ходе предыдущего аналогичного действия; та же единица в форме множественного числа указывает на осознание респондентами многократного действия, совершенного над многими объектами.

Действие, совершенное выше определенной нормы, легко осознавалось респондентами как маркированное глаголами с приставкой ПЕРЕ- (***Утром*** *стужа* ***переохладила*** *меня,* ***поэтому*** *мое сердце превратилось в льдинку*; *Я сильно* ***переутомился, так как*** *совсем не соблюдал режим сна и отдыха*; *Река* ***перенаполнилась*** *водой* ***из-за*** *большого количества снега этой зимой* и др.). Подобное действие представляется в языковом сознании русскоговорящих относительно нормы глагольного действия и оценивается в соответствии с ней. Так, в некоторых контекстах испытуемые выражали соотносимую с предложенным глаголом отрицательную («*Кружка* ***перенаполнилась из-за*** *твоей невнимательности;* ***Я*** *сильно* ***переостудил*** *мороженое,* ***поэтому*** *было больно зубам»*) или положительную («***Мы перевыполнили*** *норму,* ***и*** *нам выдали премию»*) оценку действия и всей обозначаемой ситуации.

В целом полученные экспериментальные данные показали, что отождествление глаголов с вторичным префиксом ПЕРЕ- с соответствующим им содержанием (дистрибутивным, репродуктивным, чрезмерно-нормативным) практически не вызывает затруднений у респондентов, однако данное содержание воспринимается носителями языка неоднозначно. В большей степени испытуемые осознают значение повторного действия, соотносимое с глаголами с ПЕРЕ-, которое, по всей видимости, составляет ядерную часть психологически реального значения приставки (под последним в данной работе понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков» [16. С. 5]). Далее следует значение чрезмерно-интенсивного действия, соотносимое респондентами с содержанием вторичной приставки ПЕРЕ-. Семантика многократного действия сливается в языковом сознании носителей языка со значениями повторного или чрезмерно-интенсивного действия.

Кроме того, что смысловое содержание, соотносимое респондентами с вторичным префиксом ПЕРЕ-, представляется вариативным, следует отметить ограниченные возможности заданных рамок эксперимента, основанного на приеме дополнения, который не позволяет в полной мере выявить психологически реальное значение единицы с вторичной приставкой и самой приставки, поэтому исследование этого значения было продолжено посредством **комплекса ассоциативных экспериментов**. В рамках данного ис-

следования были проведены **направленный ассоциативный эксперимент** с заданием типа «Продолжите предложения типа: *Насобирать – это…*»; **свободный ассоциативный** (цепочечный) **эксперимент** с заданием зафиксировать первые реакции на слова (в данном случае анализируемые глаголы) из предложенного списка; направленные **ассоциативные эксперименты на подбор симиляров** (слов-реакций, близких по значению со словом-стимулом) и **оппозитов** (слов-реакций с противоположными слову-стимулу значениями) [17. С. 44]. По результатам проведенных экспериментов были составлены обобщающие ассоциативные поля для каждого глагола-стимула, обработанные результаты по каждому глаголу-стимулу суммировались и обобщались следующим образом: выделялись сходные ассоциаты на слово-стимул в разных экспериментах (свободном, направленном на подбор симиляров и оппозитов), определялась частотность их употреблений респондентами, данные суммировались, и на основе этого выделялись компоненты психологически реальных значений вторичных глагольных префиксов ПЕРЕ- (а также НЕДО-) в глаголах, выступавших в качестве слов-стимулов. При этом квалифицировался тип реакций, маркирующих указанные компоненты, подсчитывалось количество реакций, указывающих на соответствующие компоненты значения глагола, и на основе частотности их употреблений определялась яркость представленного семантического компонента в сознании испытуемых. Следует отметить, что при анализе результатов экспериментов исследовательское внимание было сосредоточено на реакциях респондентов, направленных на экспликацию осознания семантики вторичных префиксов, вносимой ими в совокупное глагольное содержание, указанные реакции отграничивались от реакций по лексической семантике соответствующего глагола. Таким образом, следует отметить следующие типы реакций информантов: лексические (представляющие собой слова и словосочетания со значением, тождественным или близким значению, вносимому вторичным префиксом в значение глагола), семантические (представляющие собой слова, в значении которых выделяются семантические компоненты, тождественные или близкие компонентам, вносимым вторичным префиксом в значение глагола), дублирующие реакции (т.е. реакции, в которых респонденты дублируют вторичный префикс, приводя в качестве слов-реакций единицы с тем же префиксом, тем самым подчеркивая его статус как формального и семантического элемента глагола).

В качестве стимульного материала в ассоциативных экспериментах были предложены двухприставочные глаголы разных ЛСГ с префиксами ПЕРЕ-, НЕДО- (а также НА-, ПРИ-, ПОД-, ПО-, ДО-). С приставкой ПЕРЕ- было задействовано 20 глаголов: *переприметить, перерассказать*, *перевыполнить*, *перенагреть, переостудить, переоценить, перезаключить* и др.

Охарактеризуем полученные типы реакций на приведенные глаголы, указывающих на осознание психологически реальных значений, соотносимых с содержанием вторичной приставки.

1. Лексические реакции составляют 1) слова или словосочетания, обозначающие «действие, совершенное повторно, иногда по-новому, иначе»: *переприметить* – «примерить что-либо еще раз, примерить второй раз, надеть заново»; *перезастелить* – «постелить постель заново из-за какой-либо причины, застелить снова, застелить еще раз»; *перезарядить* – «зарядить заново, сделать по-другому, вновь зарядить»; *перезахоронить* – «выкопать и закопать на новом месте, погрести заново»; *переосмыслить* – «понять что-то иначе после повторного обдумывания, подумать по-другому, взглянуть по-новому» и др.; 2) слова или словосочетания, обозначающие «действие, совершенное многократно и / или последовательно над многими (всеми) объектами или совершенное многими (всеми) субъектами»: *переприметить* – «много всего померить, всё подряд»; *перезанять* – «несколько раз взять взаймы»; *перезавять* – «массовый процесс увядания (все перезавяли), множество цветов засохли, завяли»; *перерассказать* – «всё на свете» и др.; 3) слова или словосочетания, обозначающие «действие, совершенное с нежелательной чрезмерной интенсивностью»: *перенагреть* – «сильно нагреть, сделать что-либо чересчур горячим, слишком перегреть, очень горячий, нагреть выше необходимого»; *перевыполнить* – «сделать больше нормы, сделать полностью сверх плана или нормы, выполнить сверх положеного, избыток, перебор»; *переостудить* – «охладить что-либо очень сильно, остудить сверх меры, остудить намного сильнее, чем нужно»; *переоценить* – «оценить сверх нормы, дать слишком высокую оценку кому-либо или чему-либо, оценить выше, чем стоило бы, чересчур оценить» и др.

Как видим, маркеры чрезмерности действия и его результата «сверх нормы», «сверх меры» свидетельствуют о наличии в сознании испытуемых представления об определенной норме глагольного действия, связанной с определенным типом действия. При этом и два первые значения, соотносимые респондентами с рассматриваемыми глаголами, также соотносятся с подобной нормой действия, его образцом: *делать что-то по-новому, переделывать* следует в тех случаях, когда результат предыдущего действия не удовлетворяет нормам его выполнения; совершать действие с привлечением большого количества субъектов и объектов означает отклонение от обычного хода данного действия.

2. Семантические реакции представлены 1) словами, в семантике которых есть компонент, выражающий повторность действия: *переприметить* – «переодеть» (т.е. сменить вещь на другую); *перезарядить* – «получить новый заряд» (т.е. взамен прежнего); *перезанять* – «по новой или после кого-то / чего-то» (т.е. снова занять); *переподготовить* – «улучшить» (т.е. сделать по-другому, лучше прежнего); *переоформить* – «переделать, исправить оформление, изменить договор» (т.е. сделать заново, по-иному, по-другому) и др.); 2) словами, в семантике которых есть компонент многократности, последовательности, многообъектности действия: *перезанять* – «занять денег в долг, вернуть и опять занять; деньги занимал и еще занимаешь» (т.е. многократно занимать деньги) и др.; 3) словами со значениями нежелательной чрезмерной интенсивности: *перенагреть* – «раскалить, нагреть до-

красна, сгореть» (т.е. очень сильно, превысить норму); *переостудить* – «переохладить, *оппозит* обжечься»; *переоценить* – «завысить оценку» (т.е. дать оценку выше заслуживаемой) «перехвалить, превысить значение» (т.е. оценить выше нормы); *перевыполнить* – «перестараться, перетрудиться» (т.е. проявить излишнюю старательность) и др.

Отметим, что некоторые из полученных контекстов содержат одновременно и лексические, и семантические реакции: *переизбрать* – избрать новое, поменять выбор; *перезанять* – занять денег в долг, вернуть и опять занять.

Здесь следует привести и **деривационно-семантические** реакции, в которых префикс ПЕРЕ- заменяется приставкой, близкой / противоположной по значению: *переприменить* – «*оппозит* НЕДОприменить»; *перенагреть* – «РАСкалить, *оппозит* НЕДОнагреть, *оппозит* НЕДОгреть»; *перепродать* – «*оппозит* ДОкупить»; *перевыполнить* – «*оппозит* НЕДОвыполнить, *оппозит* НЕДОделать»; *перезавять* – «ИСсохнуть, Увянуть, СВЕРХзавять, Испортиться; *оппозит* НЕДОзавять»; *перезаключить* – «*оппозит* НЕДОзаключить» и др. Особый исследовательский интерес вызывает замена в реакциях испытуемых вторичного префикса ПЕРЕ- на вторичный или первичный префикс НЕДО- (реже ДО-), составляющий, как уже отмечалось, коррелятивную пару с ПЕРЕ-. В данном случае в сознании носителей языка действие мыслится как имеющее несколько возможных исходов: не довести результат действия до нормы – довести действие до нормы – получить результат, превышающий норму.

3. К грамматическим реакциям относятся слова в формах единственного или множественного числа (окончания в данном случае являются показателями разграничения репродуктивного и дистрибутивного значений в рамках одного глагола), косвенно указывающие: 1) на осознание значения «действие, совершенное повторно, иногда по-новому, иначе» (т.е. репродуктивного): *переприменить* – «лыжный костюм»; *перезастелить* – «постель, кровать, покрывало, скатерть»; *перезарядить* – «телефон, компьютер, ноутбук, пистолет»; *перезаключить* – «договор, соглашение, сделку»; *перерассказать* – «историю, шутку»; *переподготовить* – «доклад, предмет, экзамен, скважину» и др.; 2) на осознание значения «действие, совершенное многократно и / или последовательно над многими (всеми) объектами или совершенное многими (всеми) субъектами» (т.е. дистрибутивного): *переприменить* – «платья, покупки»; *перезавять* – «цветы, растения»; *перевоспитать* – «студентов»; *перерассказать* – «сказки, сплетни»; *переподготовить* – «людей, сумки, кадры» и др. Данные реакции отражают характер осознаваемости респондентами вторичного префикса ПЕРЕ-, который проявляет особенность трансформировать семантику повторности действия в семантику многократности действия (ср. *перезанять* – «взять у кого-то повторно» / «несколько раз взять взаймы»).

Для ассоциаций на глаголы-стимулы с рассматриваемой приставкой характерно большое количество **дублирующих реакций**, в которых респонденты повторяют префикс в глаголах-реакциях: *переприменить* – «ПЕРЕодеть, ПЕРЕпроверить, *оппозит* ПЕРЕотмерить, *оппозит* ПЕРЕснять, *оппозит* ПЕРЕодеть»; *перенагреть* – «ПЕРЕгреть, *оппозит* ПЕРЕохладить, *оппозит* ПЕРЕостудить»; *перезастелить* – «ПЕРЕделать что-то, ПЕРЕстелить, ПЕРЕзаправить, ПЕРЕнакрыть, ПЕРЕубрать»; *перевыполнить* – «ПЕРЕбор, ПЕРЕделать, ПЕРЕстараться, ПЕРЕтрудиться»; *перезавять* – «ПЕРЕувянуть, *оппозит* ПЕРЕцвести» и др. Данный тип реакций респондентов является преобладающим, это подтверждает мнение исследователей о том, что на современном этапе развития русского языка вторичный глагольный префикс ПЕРЕ- проявляет наибольшую деривационную активность (в сравнении с другими префиксами).

Среди полученных реакций выделяются нейтральные (18% от общего числа реакций), которые не отражают информацию о характере и степени осознаваемости семантики вторичного префикса ПЕРЕ-: *переприменить* – «магазин, зеркало, принять»; *переодеть* – «забота, помощь, шкаф», *перезавять* – «ботаника, ваза» и др.

Анализ результатов проведенных ассоциативных экспериментов на глаголы-стимулы разных ЛСГ позволил выявить следующие семантические компоненты, которые в языковом сознании носителей языка соотносятся с содержанием вторичного префикса ПЕРЕ-.

1. «Действие, совершенное повторно с целью изменения первичного результата» (73%): (*перезастелить* – «перестелить по-новому», *перезахоронить* – «выкопать и закопать на новом месте; захоронить по-другому», *переоформить* – «оформить заново, по-другому, правильно», *переизбрать* – «выбрать кого-то на следующий срок; заново избрать кого-то на какой-либо пост, должность» и др.); а также без видимого изменения результата первоначального действия (*перезарядить* – «повторно зарядить, вновь зарядить», *переспросить* – «спросить еще раз то же самое; спросить заново; еще раз задать интересующий, но не услышанный вопрос» и др.).

2. «Действие, совершенное с нежелательной чрезмерной интенсивностью, с превышением обычной нормы (как правило оцениваемое отрицательно)**»** (18%) (*перенагреть* – «нагреть, но очень сильно, довести до состояния, которое тебя не устраивает; нагреть чересчур сильно; нагреть выше необходимого», *переостудить* – «остудить сверх меры; остудить намного сильнее, чем нужно», *переоценить* – «дать оценку выше действительности; оценить сверх нормы» и др.). Этот компонент психологически реального значения объясняет особую экспрессивно-оценочную функцию единиц с ПЕРЕ-, по мнению исследователей, она указывает «на высокую интенсивность, насыщенность, исчерпанность действия и характеристику его результата» [9. С. 136]. Так, исследуемый префикс может выражать как отрицательную (*переприменить* – «недовольство; остались не довольны результатом и решили снова переприменить первое»; *перенагреть* – «больно; довести до состояния, которое тебя не устраивает»), так и положительную (*перевыполнить* – «премия»; *переподготовить* – «улучшить; подготовить человека правильно») оценку действия.

3. «Действие, совершенное многократно и / или последовательно над многими (всеми) объектами или совершенное многими (всеми) субъектами» (9%) (*переперемерить* – «много всего померить, всё подряд», *перезанять* – «несколько раз взять взаймы», *перезавять* – «массовый процесс увядания (все перезавяли); множество цветов засохли, завяли», *перерассказать* – «всё на свете», *перезастелить* – «много постельного белья» и др.).

В целом можно утверждать, что результаты экспериментов подтвердили выдвинутую в начале исследования гипотезу о характере осознаваемости носителями языка вторичного префикса ПЕРЕ-: данный префикс как часть структуры и содержания глагола оказывается отрефлексированным в сознании носителей языка. При отмечающейся разнородности его значений участники экспериментов легко осознают содержание, которое данный префикс вносит в общеглагольную семантику, степень его осознаваемости носителями современного языка высока. В языковом сознании участников экспериментов при осмыслении ситуаций действия, названных глаголами с ПЕРЕ-, актуализируются параметры «многократность действия», «множественность и исчерпанность объектов», «длительность», требующиеся для выполнения указанных действий. При этом подобные ситуации оцениваются как превышение нормы глагольного действия, приводящее, как правило, к отрицательному результату. Несоответствие норме, ее превышение в реакциях респондентов маркируются дополнительно, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в сознании носителей языка вторичный префикс ПЕРЕ- представляется как специализированное средство выражения ситуации «чрезмерного» действия в целом.

В отличие от разнородного спектра семантических компонентов значения вторичного префикса ПЕРЕ-, приставка НЕДО- устойчиво связывается исследователями с выражением значения неполноты действия.

С целью определения частных компонентов семантики незавершенности действия, связанной в сознании носителей языка с вторичным префиксом НЕДО-, мы провели направленный эксперимент, используя **прием дополнения (завершения)**. Как показали результаты эксперимента, все информанты восстановили поврежденные предложения (180 предложений, 100%) и, следовательно, рассматривают глаголы с приставкой НЕДО- в качестве узуальных, употребительных единиц. Анализ восстановленных предложений демонстрирует осознание респондентами вторичного префикса НЕДО- как выразителя семантики незавершенности действия или его несоответствия норме действия. Указанное значение дублируется различными маркерами: отрицательным глаголом с частицей НЕ- (***Мне*** *сегодня* ***недорассказали*** *историю,* ***так как*** *не успели;* ***Сегодня*** *я* ***недоупаковал*** *чемодан* ***из-за*** *того, что не рассчитал время;* ***Я*** *сегодня* ***недособирала*** *клубнику,* ***потому что*** *не поехала в сад; Режиссеры* ***недосняли*** *фильм,* ***и*** *зрители не насладились новой картиной* и др.), который объясняет причину незавершенности действия, обозначенного композитами с НЕДО-; существительным с приставкой НЕ- (***Сегодня*** *продавец* ***недоупаковал*** *продукты* ***из-за*** *своей невнимательности; Я вчера* ***недосдал*** *металлолом* ***из-за*** *нехватки денег;* ***Я недосдал*** *предмет* ***из-за*** *нежелания* и др.); дублированием приставки НЕДО- в глаголах-реакциях (***Я недосдала*** *зачеты* ***из-за*** *того, что их недоучила;* ***Мы*** *с родителями* ***недоукрепили*** *дом* ***и*** *недообустроили;* ***Я*** *на занятиях* ***недовыполнила*** *контрольную,* ***ведь*** *я недопоняла задание* и др.).

Среди ответов респондентов отмечались парадигматические реакции с оппозицией по норме глагольного действия («незавершенность» – «чрезмерность»), в которых семантика приставки НЕДО- маркировалась наречиями и прилагательными меры и степени с противоположными значениями *очень, много, большой* (*Декан ФИЯ* ***недоподписал*** *зачетки первому курсу,* ***потому что*** *их очень много;* ***Я недопроветрил*** *свою комнату,* ***потому что*** *стало очень холодно;* ***Я*** *опять* ***недовыполнила*** *задание,* ***ведь*** *оно слишком сложное; Сестра* ***недоубирала*** *комнату,* ***ведь*** *она такая большая;* ***Сегодня,*** *увы,* ***недоупаковал*** *багаж* ***из-за*** *большого количества вещей* и др.), а также единицами с приставками ПЕРЕ- в чрезмерно-нормативном значении (***Сегодня*** *продавец* ***недоупаковал*** *айфоны* ***из-за*** *переизбытка серотонина*) и ДО- в значении завершения действия (*Его* ***недовоспитали*** *в детстве,* ***и*** *он решил довоспитаться*).

По данным эксперимента видно, что норма является для носителя языка особым показателем действия, при этом результат действия, который находится выше нормы, может оцениваться говорящими положительно или отрицательно, в то время как результат действия, располагающийся на шкале интенсивности ниже нормы, осознается как нежелательный, отрицательный. Так, во всех восстановленных предложениях действия, обозначенные глаголами с вторичным префиксом НЕДО-, оцениваются большинством испытуемых как «незаконченные действия, приводящие к отрицательному результату и / или являющиеся результатом отрицательных действий»: ***Я,*** *как оказалось,* ***недооценил*** *песика,* ***поэтому*** *он меня покусал;* ***Сегодня*** *продавец* ***недоупаковал*** *продукты* ***из-за*** *своей невнимательности;* ***Мы*** *шторы* ***недоукрепили*** *с папой,* ***и*** *они упали;* ***Утром*** *я* ***недозаправил*** *кровать,* ***поэтому*** *после школы мама сделала мне замечание; Ученые* ***недоиспытали*** *аппарат,* ***поэтому*** *погибло много людей* и др.

С целью выявления компонентов психологически реального значения вторичного префикса НЕДО- как элемента двухприставочного глагола нами был проведен комплекс **ассоциативных экспериментов** (как и в случае с глаголами с ПЕРЕ-). Нас интересовало, какой спектр частных значений общей семантики незаконченности, незавершенности действия вкладывается русскоговорящими в единицы с вторичным префиксом НЕДО- и восстанавливается при соотнесении с ним, а также каким образом эти значения эксплицируются в данных респондентами реакциях. В указанных экспериментах в качестве слов-стимулов было задействовано 18 глаголов разных ЛСГ: *недоснять, недоукрепить, недоупаковать*, *недоубрать*, *недопродать, недовыполнить* и др.

Прежде всего следует отметить, что практически все реакции можно охарактеризовать как указываю-

щие на осознание участниками эксперимента значения «действие, совершенное не полностью, не до конца, не доведенное до необходимой нормы». Охарактеризуем данные типы реакций.

1. Лексические реакции, представленные словами или словосочетаниями, обозначающими незаконченность действия: *недоупаковать* – «упаковать, но не до конца; упаковать не полностью»; *недоснять* – «не завершить съемку до конца, не закончить какую-то работу, оставить незаконченным»; *недоукомплектовать* – «укомплектовать не до конца, не закончить до конца комплектацию»; *недособирать* – «собрать что-либо не полностью, собрать меньше нормы, собрать не всё, собрать недостаточно» и др. Лексические реакции являются преобладающими над другими типами реакций.

2. Семантические реакции, к которым относятся слова, в семантике которых есть компонент «незавершенность действия», соотносимый с содержанием вторичной приставки НЕДО-: *недоснять* – «не снять что-то в задуманном объеме» (т.е. совершить действие меньше желаемой нормы); *недосоединить* – «сделать зазор» (т.е. оставить узкий промежуток между частями чего-либо, вследствие чего не достичь соединения); *недопродать* – «остатки» (т.е. продать не полностью, не весь товар)»; *недозакрыть* – «щель» (т.е. не полностью закрыть, оставить промежуток) и др.

Среди семантических реакций особо следует выделить **деривационно-семантические**, в которых вторичный префикс НЕДО- заменяется в словах-реакциях приставкой, близкой / противоположной по значению: *недооценить* – «*оппозит* ПЕРЕоценить»; *недовыполнить* – «*оппозит* ПЕРЕвыполнить, *оппозит* ПЕРЕстараться»; *недоостудить* – «*оппозит* ПЕРЕостудить, *оппозит* ЗАморозить», *недозакрыть* – «ПРИкрыть, ПРИоткрытый, *оппозит* ЗАкрыть, *оппозит* ПЕРЕзакрыть»; *недоснять* – «ПРИспустить, *оппозит* ПЕРЕснять, *оппозит* ДОснять» и др.). Как видно из приведенных примеров, бо́льшая часть таких реакций выстраивается на структурно-смысловой оппозиции единиц с префиксами НЕДО- / ПЕРЕ-.

Ряд **дублирующих реакций** формируют контексты, в которых респонденты воспроизводят префикс НЕДО- в словах-реакциях: *недоукомплектовать* – «НЕДОфасовать, НЕДОдать, НЕДОсобирать, НЕДОложить»; *недособирать* – «НЕДОколлекционировать»; *недозаправить* – «НЕДОлить, НЕДОзалить, НЕДОзарядить, НЕДОпоправить»; *недооценить* – «НЕДОпонять, НЕДОтягивать»; *недопродать* – «НЕДОкупить, НЕДОсобрать»; *недоиспытать* – «НЕДОэкспериментировать, НЕДОтестировать, НЕДОделать» и др.). Отметим, что подобное проявление потенциального характера многоприставочных глаголов в данном случае реализуется в полной мере: высокая формальная осознаваемость носителем языка смысла вторичного префикса делает возможным легкое присоединение его к глаголам разной тематической направленности и структуры. При этом фактор длины слова оказывается не первостепенным, как в случае с единицей *недоэкспериментировать* и др.

Исходя из полученных реакций на глаголы-стимулы с НЕДО- можно утверждать, что данный префикс в языковом сознании русскоговорящих обладает ярко выраженной семантикой «действия, совершенного не полностью, не до конца, не доведенного до необходимой нормы». Степень его семантической осознаваемости по сравнению с рассмотренной ранее приставкой ПЕРЕ- (а также с другими вторичными префиксами) значительно выше, число **нейтральных** реакций незначительно (9%). К ним следует отнести реакции: *недоупаковать* – «товар, магазин, вещи, бантик, посылка»; *недособирать* – «корзинка»; *недосоединить* – «электричество, розетка»; *недопродать* – «рынок» и т.п.

Обобщив результаты проведенных нами ассоциативных экспериментов по глаголам разных ЛСГ, мы выявили семантические компоненты, которые в сознании носителей языка соотносятся с вторичным префиксом НЕДО- как маркером определенного смысла в общем содержании глагола. Речь идет о значении **«Действие, не доведенное до конца, до необходимой нормы»** (100%) (*недоубрать* – «не убрать до конца, не до конца навести порядок», *недовыполнить* – «сделать не до конца», *недопонять* – «понять не до конца», *недосдать* – «не завершить сдачу», *недорассказать* – «не закончить рассказ, недоговорить», *недоснять* – «не завершить съемку до конца, не до конца снять»). Однако результаты экспериментов выявили и то, что указанное значение префикса реализуется через ряд частных смыслов:

1. «Неполнота действия, связанная с недостаточным количеством объекта, на который направлено действие» (*недоиспытать* – «провести недостаточное количество испытаний, не хватать», *недосдать* – «сдать что-либо, но не в полной мере; сдать не всё», *недопродать* – «продать не всё, не успеть продать определенное количество товара, остаток», *недоснять* – «не снять что-то в задуманном объеме», *недоукомплектовать* – «отсутствие полного комплекта, забыть деталь» и др.).

2. «Неполнота действия, связанная с недостаточной степенью его интенсивности» (*недоиспытать* – «не прочувствовать до конца, чувство неполного счастья», *недозакрыть* – «прикрыть, закрыть не полностью», *недоостудить* – «сделать что-либо чуть холодным», *недоукрепить* – «слабо укрепить, слабый, ослабить» и др.).

3. «Неполнота действия, связанная с недостатком времени действия» (*недоободрать* – «не закончить обработку в срок», *недорассказать* – «не успеть закончить рассказ», *недоснять* – «не успеть снять весь фильм» и др.).

Особо следует отметить, что вторичный глагольный префикс НЕДО- в сознании испытуемых оказывается «ответственным» за оценку называемой глаголом ситуации действительности: 1) чаще отрицательную: *недоукрепить* – «не хорошо укрепить, плохо, плохие гастарбайтеры»; *недосоединить* – «какой-то провод и работать не будет, полениться, плохо включить»; *недозакрыть* – «плохо закрыть, мама ругается»; *недоубрать* – «плохо сделать уборку, мусор, грязь, оставить крошки, халтура» и др.; 2) реже положительную: *недопродать* – «оставить непроданным что-либо; оставить себе; не продать, а отложить вещь».

Таким образом, результаты проведенных экспериментов показали, что гипотеза, выдвинутая в отношении глаголов с префиксом НЕДО-, подтвердилась: в семантическом плане вторичный глагольный префикс НЕДО- осознается носителями языка устойчиво и соотносится с одним значением «действие, совершенное не полностью, не до конца, не доведенное до необходимой нормы». Кроме того, результаты ассоциативных экспериментов позволили выявить «компактно расположенные» внутри смыслового ядра частные значения психологически реального значения рассматриваемой приставки, а также подтвердить высокую степень ее семантической осознаваемости. Причины этого, по-видимому, кроются в деривационной активности данного префикса на современном этапе, его соотнесенности с отрицательной частицей и хорошо осознаваемыми предлогом и приставкой ДО- (в чем нам видится влияние фактора общей «морфемной» среды). Немаловажным здесь является и поддерживающая такое осознавание единиц с НЕДО- когнитивная модель интерпретации действий, обозначенных глаголами с префиксами НЕДО- и ПЕРЕ-, в языковом сознании носителей языка, позволяющая не только называть действие, но и характеризовать его как лежащее на нормативной шкале и соотносимое носителями языка с нормой глагольного действия.

В целом отметим, что не раз описываемая в отечественной литературе семантическая самостоятельность вторичных префиксов, обусловленная их «нефузионной» связью с глагольной основой, как показал психолингвистический эксперимент, характерна и для рассматриваемых в данной работе вторичных префиксов ПЕРЕ- и НЕДО-. При этом сам по себе префикс является частью многоприставочной композиты, и содержание, вкладываемое в его формальную оболочку, представляется элементом общей модели обозначения действия, созданной, отработанной и, следовательно, отрефлексированной носителями языка в совокупности всех ее элементов. Однако для того чтобы такая модель работала, носители языка должны осознавать ее основные компоненты и их семантические функции. Это и происходит в случае с русскими глаголами с вторичными приставками ПЕРЕ- и НЕДО-. Как показали данные проведенных экспериментов, на современном этапе развития русского языка в качестве таких моделей языковым сознанием расцениваются структурно-семантические типы глаголов с рассматриваемыми вторичными префиксами ПЕРЕ- и НЕДО- (а также ряд словообразовательных типов других композит). Выявленные в ходе исследования ядерные и периферийные компоненты психологически реальных значений, с которыми русскоговорящие соотносят содержание данных префиксов, позволили определить характер осознаваемости исследуемых единиц. Характер семантической осознаваемости вторичных префиксов ПЕРЕ- и НЕДО- можно охарактеризовать как устойчивый, при этом он представляется однородным в случае с префиксом НЕДО- и вариативным в отношении префикса ПЕРЕ-. Степень осознаваемости носителями языка смыслового содержания префикса оказывается выше у приставки НЕДО- с «компактной» семантической системой и четко очерченным ядром, так как чем меньше параметров действия отражает вторичный префикс, тем легче он осознается носителем языка и проще находится в памяти при восприятии или воспроизводстве полиморфемного слова. Вследствие того что вторичные приставки призваны выражать несколько значений, и интерпретируются они в языковом сознании носителей языка как маркеры нескольких смыслов, не всегда расчлененных между собой. Последнее в определенной мере относится к приставке ПЕРЕ-, содержание которой представлено в сознании русскоговорящих несколькими частными смыслами, однако устойчиво составляет оппозицию префиксу НЕДО- в отношении к норме глагольного действия, что позволяет считать эти префиксы специализированными средствами ее экспликации. В сознании русскоговорящих вторичные префиксы предстают носителями определенных смыслов, направленных на характеристику параметров действия, а также аксиологическими маркерами ситуации действия, отражающими оценку носителя языка по отношению к называемой ситуации действительности. Наиболее «оценочными» являются компоненты психологически реального значения префиксов, связанные с нормой глагольного действия. Превышение или недостижение нормы оценивается русскоговорящими, как правило, как отрицательный результат.

Заключая сказанное, отметим, что, испытывая потребность в номинации действия, человек соотносит его с уже известным ему прототипом этого действия, хранящимся в его сознании, оценивает рамки реального действия по отношению к указанному прототипу (его законченность / незаконченность, степень интенсивности, соответствие норме, применимой к данному типу деятельности) и называет совершенное действие исходя из содержания, которое он желает вложить в глагол. С другой стороны, исследуемые префиксы играют особую роль в восприятии глагольной единицы в целом, содержание, вносимое ими в общее значение многоприставочного глагола, устойчиво осознается носителями языка. При этом, как показывают проведенные эксперименты, в силу продуктивности рассматриваемых префиксов и их способности актуализировать важные в номинативном и коммуникативном планах аксиологические смыслы они способны извлекаться из памяти носителей языка, говоря в терминах Дж. Стембергера [13], и на основе аналогии, т.е. как «малые» правила (характерные для извлечения из памяти аффиксальных и иных релятивные единиц языка), и осознанно, т.е. как «основные» правила, приравненные к правилам выделения из памяти единиц лексического уровня. Таким образом, проведенное исследование еще раз демонстрирует сложность и неоднозначность процесса восприятия слов с полиморфемной структурой, каковыми являются русские многоприставочные глаголы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_68445#180

2. *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.
3. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
4. *Ефанова Л.Г.* Норма как разновидность предельности глагольного действия : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1995. 19 с.
5. *Королева Ю.В.* Глагольная префиксация как средство выражения параметрической оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 232–254.
6. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М. : Учпедгиз, 1959. 245 с.
7. *Черепанов М.В.* О формировании структурно-семантического типа образований со сложным префиксом НЕДО- в русском языке // Исследования по лексике и фразеологии русского языка и методике их изучения. Саратов, 1965. С. 76–110.
8. *Пацюкова О.А.* Проблема разграничения на письме сложного префикса «НЕДО-» и омофоничного сочетания отрицательной частицы «НЕ-» и префикса «ДО-» в глаголах // Проблемы современного коммуникативного словообразования в вузе и школе : материалы II Всероссийской научно-практ. конф. (Новокузнецк, 19-20 февраля 2009 г.) : сб. ст. / под ред. Т.Ю. Зотовой, Т.А. Федосеевой, М.С. Хлебниковой. Ч. 1. URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-51491.html?page=19
9. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.
10. *KORYČÁNKOVÁ, Simona a Kateřina KONEČNÁ.* Pristavočnyje glagoly dobit i dobyt v russko-češskom sopostavitelnom analize. In Evrazijskij nacionalnyj universitet Gumiljova. Til žene ruchanijat: ozekti meseleler. Astana : Kazachstán, 2011. S. 90–97.
11. *Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 122–126.
12. *Тульвисте Т.* О структуре и функциях метаязыкового сознания // Языковое сознание : тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988. С. 179–180.
13. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику : учеб. М. : РГГУ, 2007. 560 с.
14. *Голев Н.Д.* Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2008. № 3 (4). С. 5–17.
15. *Лебедева Н.Б.* Структура языкового сознания // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: мат-лы I Международной научной конференции (23–24 марта 2006 г.) / отв. ред. Н.Б. Лебедева. Кемерово, 2006. Вып. 1. С. 49–54.
16. *Стернин И.А.* Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Воронеж : Истоки, 2005. Вып. 7. С. 4–10.
17. *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. Калинин, 1977. 82 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 июня 2014 г.

VERBS WITH SECONDARY PREFIXES PERE- AND NEDO- IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SPEAKERS

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 24-35. DOI: 10.17223/15617793/386/4
Serysheva Yulia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eifrige@sibmail.com
Fil Yulia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 2fil@inbox.ru
Keywords: polyprefixal verbs; secondary prefixes; norm of verbal action; psycholinguistic experiment.

Russian polyprefixal verbs have a special place in the nominative language system, as these units do not only serve to express the character of the action, specifying its parameters, but also contain a vivid evaluative component in their semantic structure. Estimation of a designated action by intensity is expressed by prefixes in verbal vocabulary. In this aspect, the prefixes PERE- and NEDO- are indicative as a means of expressing the excess or lack of intensity of action. There are numerous works on verbal polyprefixation, yet some issues are to be discussed, including questions about the particular meanings of secondary prefixes, their psychologically real semantic components, etc. Therefore, it seems promising to turn to the linguistic consciousness of Russian speakers in order to identify the nature of the conscious treatment of secondary prefixes as semantic and structural elements of a polyprefixal verb. The article presents the results of a series of psycholinguistic experiments designed to study the nuclear and peripheral components of psychologically real meanings of these prefixes, the establishment of the nature and extent of the conscious treatment of their semantics. The novelty of the study is a new approach to the study of the semantic structure of the verb by reference to the metalinguistic consciousness of ordinary native speakers. The phenomenon of metalinguistic consciousness is considered as a complex multi-level system, part of the structure of language consciousness. In the study a specific role belongs to the category of awareness of linguistic phenomena. The work is based on the assertion, popular in modern psychology and linguistics, that perception of polymorphic words is a complex and ambiguous process in which special emphasis is made on the realization of relative units, which are secondary verbal prefixes. The obtained experimental data indicate that the linguistic consciousness of native speakers when thinking about situations of action described by verbs with the secondary prefix PERE- actualizes the parameters "repeated action", "multiplicity of objects and exhaustion", "excessiveness", etc. In contrast to the diverse range of the semantic components of the meaning of the secondary prefix PERE-, the respondents related the prefix NEDO- with expressing the meanings of incompleteness of the action. The content that the respondents refer to the prefixes under consideration is conceptualized through the notion of the norm of verbal action, the excess of which is usually regarded negatively. The results of the study allow stating that native speakers understand the secondary verbal prefixes PERE- and NEDO- as elements of the general model of designating actions reflected in the totality of all its elements, and are a specialized means of expressing the norm of verbal action.

REFERENCES

1. Krongauz M.A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in the Russian language: semantic grammar]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. Available at: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_68445#180.
2. Lebedeva N.B. *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksal'nykh glagolov)* [Polysituational nature of verbal semantics (based on the Russian prefixal verbs)]. Tomsk: TSU Publ., 1999. 262 p.
3. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki yazykovykh edinits* [Connotative aspect of the semantics of linguistic units]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 143 p.
4. Efanova L.G. *Norma kak raznovidnost' predel'nosti glagol'nogo deystviya*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Norm as a kind of a limitness of verbal action. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1995. 19 p.

5. Korolyova Yu.V. *Glagol'naya prefiksatsiya kak sredstvo vyrazheniya parametricheskoy otsenki* [Verbal prefixation as a means of parametric estimation expression]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: TSU Publ., 2005, pp. 232-254.
6. Shanskiy N.M. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu i leksikologii* [Essays on Russian word formation and lexicology]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1959. 245 p.
7. Cherepanov M.V. *O formirovanii strukturno-semanticheskogo tipa obrazovaniy so slozhnym prefiksom NEDO- v russkom yazyke* [On the formation of structural and semantic type of formations with the complex prefix NEDO- in the Russian language]. In: Serdobintseva N.Ya. (ed.) *Issledovaniya po leksike i frazeologii russkogo yazyka i metodike ikh izucheniya* [Studies on the vocabulary and phraseology of the Russian language and methodology of their study]. Saratov, 1965, pp. 76-110.
8. Patsyukova O.A. [Problem of differentiation in writing of the complex prefix NEDO- and its homophone combination of the negative particle NE the verbal prefix DO-]. *Problemy sovremennogo kommunikativnogo slovoobrazovaniya v vuze i shkole: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakt. konf.* [Problems of modern communicative word-formation in higher school and school. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]. Novokuznetsk, 2009. Pt. 1. Available at: http://do.gendocs.ru/docs/index-51491.html?page=19. (In Russian).
9. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryaev E.N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General questions. Derivation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 276 p.
10. Koryčánková S., Konečná K. *Pristavočnyje glagoly dobit i dobyt v russko-češskom sopostavitelnom analize*. In: *Evrazijskij nacionalnyj universitet Gumiljova. Til žene ruchanijat: ozekti meseleler*. Astana: Kazachstán, 2011, pp. 90-97.
11. Blinova O.I. *Yazykovoe soznanie i voprosy teorii motivatsii* [Language consciousness and problems in the theory of motivation]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and person]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 122-126.
12. Tul'viste T. [On the structure and functions of metalinguistic consciousness]. *Yazykovoe soznanie: Tezisy IX Vsesoyuz. simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Language consciousness: Abstracts of IX All-Union Symposium on psycholinguistics and communication theory]. Moscow, 1988, pp. 179-180. (In Russian).
13. Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: RGGU Publ., 2007. 560 p.
14. Golev N.D. Peculiarities of modern metalinguistic consciousness reflected in discussions about language construction issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 5-17. (In Russian).
15. Lebedeva N.B. [The structure of language consciousness]. *Slavyanskaya filologiya: issledovatel'skiy i metodicheskiy aspekty: mat-ly I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Slavic Philology: Research and methodological aspects: Materials of the I International Scientific Conference]. Kemerovo, 2006, issue 1, pp. 49-54. (In Russian).
16. Sternin I.A. Kontsept i znachenie: kakomu vidu soznaniya oni prinadlezhat? [Concept and meaning: what kind of mind do they belong to?]. *Yazyk i natsional'noe soznanie*, 2005, issue 7, pp. 4-10.
17. Zalevskaya A.A. *Problemy organizatsii vnutrennego leksikona cheloveka* [Problems of person's internal lexicon structure]. Kalinin, 1977. 82 p.

Received: 12 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 36–42 DOI: 10.17223/15617793/386/5

УДК 81'42

Ян Фан

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА В РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Представлены типы языковой репрезентации положительных оценок в текстах рекламно-информационных журналов. Осуществлена соотнесённость оценочных единиц с тематикой текстов и с объектами оценки. Данными психолингвистического эксперимента подтверждается контекстная зависимость восприятия адресатом оценочных смыслов языковых единиц в рекламно-информационных журнальных текстах. Новизна подхода к изучению феномена оценки связана с выявлением специфики её реализации в сфере рекламно-информационной журнальной коммуникации.

Ключевые слова: рекламно-информационный журнальный текст; положительная оценка; тип оценки; объект оценки; контекст; восприятие оценочных смыслов.

Современный этап развития социума обусловливает появление и развитие новых видов коммуникации. Среди них заметное положение заняла информационно-рекламная коммуникация, которая активизируется за счет процессов, происходящих в экономической, культурной и социальной жизни. Традиционно реклама рассматривается как один из вариантов воздействия на сознание людей, который может влиять на их мотивацию. Социокультурной популярности рекламы способствует то, что она соответствует важнейшему из человеческих стремлений – обладать желаемыми предметами.

Рекламно-информационные журнальные издания – популярные, с высоким качеством полиграфии печатные периодические журналы – ориентированы на активных потребителей качественных товаров и услуг. Бо́льшая часть представленных в них текстов направлена на презентацию новой продукции, популяризацию современной досуговой деятельности, знакомство с новыми для российского читателя и для русской картины мира реалиями [3. С. 7]. Материалом для исследования послужили тексты центральных и региональных (томских) рекламно-информационных журналов: «Cosmopolitan», «Glamour», «Malina», «Milavitsa», «Серебряный кофе», «Комильфо», «Глобус-тур», «Л′Этуаль», «Лиза», посвящённые рекламированию современных предметов быта, гаджетов, возможностей организации досуга, путешествий, разного рода услуг. Проанализировано около 1 300 языковых единиц, в семантике которых содержится положительная оценка.

В соответствии с целью рекламно-информационного журнального текста – прорекламировать товары и услуги, описать их достоинства, воздействовать на потенциального потребителя – в нём преобладают языковые единицы с положительной оценкой. В статье ставится задача исследовать специфику реализации разных типов положительной оценки в рекламно-информационном журнальном тексте: выявить особенности языковой репрезентации оценочных единиц, их соотнесённость с тематикой текстов и с объектами оценки; обосновать контекстуально обусловленный характер положительной оценки в тексте рекламно-информационного журнала и контекстную зависимость восприятия адресатом оценочных смыслов языковых единиц.

Под оценкой в лингвистике принято понимать такое субъективное отношение говорящего к предмету речи, которое основано на противопоставлении понятий «хорошо / плохо»: «...оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [1. С. 5]. В квалификации оценок мы присоединяемся к мнению многих исследователей, которые признают, что классификация Н.Д. Арутюновой, где в качестве оснований оценок выделяются и чувства, и ощущения, и психологические и рационалистические мотивы, является наиболее полной. Н.Д. Арутюнова выделяет несколько разновидностей оценок на основе их содержательной стороны, разграничивает оценку общую и частную: общая оценка передает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к её объекту. Она представляется в виде отношений не только «хорошо / плохо», но и «нравиться / не нравиться», «ценить / не ценить», «одобрять / не одобрять» и т.п. Основанием общей оценки служат чувство, желание, эмоции индивида, которые можно считать субъективными (собственно оценочными) факторами, почему эту оценку и называют субъективной [2. С. 183–224]. Частная оценка направлена на те признаки предметов, которые являются их собственными свойствами. Основанием оценки служат потребности, интересы, установки личности, стандарты, стереотипы, образцы, правила, запреты, цели. Частные оценки более многочисленны и разнообразны, чем общие.

Методологическую базу исследования составили труды, посвящённые разным аспектам изучения феномена оценки таких авторов, как Н.Д. Арутюнова [1], Е.М. Вольф [2], А.А. Волкова [3], А.В. Голованова [4], А.В. Заморева [5], Е.В. Луганская [6], Ю.В. Мещерякова [7], Е.В. Мякишева [8], Т.В. Писанова [9], А.И. Приходько [10], А.В. Руденко [11], Е.К. Скаженик [12], О.О. Шкиль [13]; работы китайских ученых, направленные на изучение оценки в русском и китайском языках: Тань Аошуан [14], Лань Цяолин [15], Ли Цзэхоу [16], Чжань Жуй [17], Чжу Гуанцянь [18], Чжу Джижун [19], Юй Веньцзин, Лю Инь [20], Ян Лифан [21]. Для данного исследования особую значимость приобретают работы, в которых объектом исследования являются реализация и функционирование оценки в современных СМИ: Н.А. Андрамонова, И.Я. Балабанова [22], Е.Н. Беседа [23], Е.Ю. Выгузова, О.А. Гливенкова [24], И.Н. Качалова [25], С.В. Ляпун

[26], Н.Г. Нестерова [27], К.М. Полодянц [28], Е.А. Савельева [29], Ю.А. Сальникова, Д.Р. Пысларь [30], В.Н. Серкина [31], О.С. Синепупова [32], Г.В. Соколова [33], Д.В. Третьякова [34], Г.Ф. Иванова [35], V.L. Thomas, K. Fowler, P. Grimm [36].

В ходе исследования выявлено, что в текстах рекламно-информационных журналов реализуется широкий спектр положительных оценок. Общие положительные оценки встречаются редко, так как их особенностью является выражение положительного отношения субъекта к объекту без сообщения о свойствах объекта: *отличный вариант* (для детской), *отличная панорама города, прекрасная основа, удивительное лето, идеальная погода, прекрасные отели, чудесный берег, великолепно, обувь прекрасно подходит*.

Для рекламно-информационного текста важна характеристика рекламируемого объекта, поэтому в нём широко представлены частные оценки, ядерное положение среди которых занимают эстетическая, утилитарная, гедонистическая.

Эстетическая оценка приписывает объектам эстетические ценности [35. С. 67]. В проанализированных текстах рекламно-информационных журналов она составляет 27% от общего количества выявленных оценочных средств и связана с широкой тематикой: предметы быта, оформление помещений, путешествия, питание. Объектом эстетической оценки становятся прежде всего артефакты: шторы, обои, мебель, сантехника; учреждения и офисы, их интерьер; предметы, сопровождающие жизнь делового человека (компьютер, портфель, автомобиль), одежда: *шикарный блеск обоев, изящные гобелены, предметы мебели становятся более изысканными, элегантность утонченного гламура*, *автомобиль выглядит элегантно, элегантные линии* (о дизайне компьютера)*, изысканный бутик, причудливые сооружения*, *красивая машина.*

Натурфакты получают эстетическую оценку в текстах, посвященных путешествиям и описанию природы туристически привлекательных мест. В таких текстах эстетические оценки выражают прежде всего восхищение человека ландшафтом, природными условиями и условиями размещения туристов: *живописное место, живописное озеро, море выглядит красиво, красота природы, изумительные природные достопримечательности, красивый оттенок, ковры красивы, красивая картинка.*

Утилитарная оценка основана на выборе того, что может быть полезным или благоприятствовать в решении важной для человека задачи; реализуется в темах: здоровье, уход за собой, разного рода услуги (лечебные, косметологические, бытовые). Языковые единицы с семантикой утилитарной оценки составляют 23% от общего количества выявленных оценочных средств. Посредством утилитарных оценок в рекламно-информационном рекламном тексте осуществляется указание на такие качества рекомендуемого товара / услуги, как полезность, комфортность, практичность, надёжность, удобство в использовании, выгода: *омолаживающие результаты, крем успокаивает, самые экологичные обои, система выгодна, целительное масло, стимулирует развитие мышц.*

В качестве объекта оценивания в исследуемом материале зафиксированы: *косметика, сауна, лекарство, мебель и др.*: Ядро вербальных средств, репрезентирующих утилитарную оценку в рекламно-информационном журнальном тексте, составляют прилагательные *удобный*, *комфортный, полезный, уютный* и их дериваты *удобно, удобство, комфортно, полезно, уютно*: *удобное кресло, комфортная работа, комфортная температура, комфортабельный spa-suite, уютный круг света, уютный отель, уютное заведение, опытные квалифицированные врачи*. Семантику «пользы» содержат также слова *предпочитать, практичен: практичен и удобен стеллаж, практичная обстановка, обувь практична в носке.* Семантический компонент «способствующий, помогающий чему-либо, удобный для чего-либо» содержится в лексемах *благоприятный, благотворный* и в глаголах с подобной семантикой: *благотворная энергия, благотворно влияет, прекрасно смягчает кожу, восстанавливает потерянную влагу, расслабляет, приятно охлаждает и успокаивает, успокаивающие орнаменты, атмосфера тепла и уюта, мягкие подушки.*

Часто утилитарные оценки используются для подчёркивания удобства современных услуг: *Популярность <u>натяжных потолков</u> в Томске стабильно растет: по цене они сравнимы с гипсокартонными, но* ***более удобны в использовании; Еще одно удобство –*** *<u>все необходимые анализы можно сдать на месте</u>, сразу же, а не приезжать специально еще раз; Если место назначения вашего перевода входит в <u>сеть Migom,</u> то эта система будет для вас* ***наиболее удобной.***

Гедонистическая (сенсорно-вкусовая) оценка составляет 15% от выявленных оценочных средств. В рекламно-информационных журнальных текстах она реализуется в темах: путешествие, отдых, еда, уход за собой; объектами оценки становятся: природа, блюда, продукты, парфюмерия, запах, аромат, вкус: *благоухание, благоухать, блаженство*, *аппетитные и соблазнительные фруктовые нотки.* Для выражения значений «приятный для обоняния, приятно пахнуть» ключевыми становятся слова *запах* и *аромат*: *успокаивающий аромат, упоительный аромат, оживляющий аромат, ароматный код весны, насыщенный ароматом, приятный запах.* Для выражения вкусовых оценок ключевым является слово *вкус* и его дериваты: *приятный вкус, вкусная еда, изысканные блюда, деликатесы, прекрасная кухня.* Для языковой репрезентации положительной гедонистической оценки, как правило, достаточно слов и словосочетаний, однако во многих случаях она проявляется в более широком контексте, чем словосочетание. Ср. высказывания, в которых отражена причинно-следственная зависимость между оцениваемым объектом и эмоциональным состоянием субъекта: *В изысканном бутике чуть слышные* ***запахи свежести и летних цветов*** *<u>помогут покупательницам почувствовать себя неотразимыми</u> в нарядах из весенне-летней и других сезонных коллекций; В морозный зимний день* ***повеет весенней свежестью*** *– и <u>улыбка и состояние влюбленности</u> весь день сопутствуют вам.*

Психологическая оценка направлена на осмысление мотивов оценки [Там же. С. 33], она не связана

с определёнными темами, представлена а) **интеллектуальной** оценкой (7%), б) **эмоциональной** оценкой (9%). Объектом интеллектуальной оценки становятся разные стороны реальной действительности, которые могут быть оценены с точки зрения способности возбуждать интерес, увлекать, мотивировать целесообразность чего-либо: *умные аппараты, разумный выбор, настраивает на рабочий лад, оригинальные комбинации интерьера, оригинальное покрытие, интересное покрывало, интересное сочетание, талантливый мальчик, активные люди, искушённая публика.* В качестве объекта оценки, как следует из приведённых примеров, может выступать человек.

Вторая разновидность также не имеет тематической отнесённости: *радостное настроение, незабываемые дни, незабываемое шоу, счастливая жизнь, счастливые здания, веселый досуг, любимый герой, желанный берег, ласковый шёпот морских волн, божественный стиль, пленительный колорит, настоящий рай, гармоничное слияние с природой.*

Суть эмоциональной оценки заключается в процессе переживания субъектом речи своего отношения к объекту речи, его эмоционального впечатления от объекта речи. Эмоциональная оценка связана не столько с выявлением объективных ценностных свойств данного объекта, сколько с субъективно-личностным восприятием его [Там же. С. 34]. Ср.: *С наступлением теплых деньков все вокруг становится красочнее и* ***веселее****; Секрет* ***увлекательной жизни*** *– в новизне впечатлений; Имиджевые ноутбуки с первой встречи в магазине* ***трогают душу****.*

Исследуемый материал свидетельствует, что этот тип оценки часто выражается средствами синтаксиса, среди которых ключевое положение занимают восклицательные предложения, многие из которых включают прецедентные феномены: *Чем лучше Фэншуй здания – тем больше денег!; Представляете, какая экономия квадратных метров!; Ах, дача! Сколько в этом звуке для сердца дамского слилось... и где-то там отозвалось... Шик, блеск, красота – и бизнес-леди покорена!*

Суть **нормативных** оценок (10%) состоит в соотнесении предмета или ситуации со сложившимся в социуме представлением о норме, в том числе в отношении здоровья человека, качества товаров и услуг, известности, авторитетности современного оборудования, гаджетов и т.д.: *правильные строгие формы, правильно подобрав светильники, правильно распределить, правильная установка, стандартные перебивки, верный ход, правильные квадраты, кожа здорова, сильные густые волосы, престижные / знаменитые бренды, имиджевый / стильный / экстраординарный ноутбук, солидный стильный кошелек, модные ткани, модная мебель, модное направление, современное оборудование, новейшая модель.*

Телеологические оценки (8%) указывают на практические интересы и целесообразность чего-либо для человека, на универсальность и результативность. Реализуются они прежде всего в текстах, посвящённых медицинским и косметологическим услугам, соотносятся с такими объектами, как услуги врача, лекарства, косметика, средства личной гигиены. Ядро вербальных средств выражения составляют лексические единицы: *эффективный, эффективно, устойчивый эффект, успешно, надёжный способ, надёжная защита, несравненный эффект, высококачественный клей, чудодейственная сила, непревзойдённый результат, успешный человек, эффективно работает, желаемый эффект, перспективный партнёр.*

Этические оценки (1%) связаны с удовлетворением нравственного чувства. Объектом этических оценок являются поступки, поведение человека, в соответствии с которыми оценивается и сам человек [Там же. С. 54]. Специфика этической оценки состоит в том, что объектом оценивания является не товар или услуга, а человек, так или иначе связанный с рекламируемым объектом: *вежливо встретят, гостеприимство, щедрая натура, благородство, приветливый персонал, гостеприимный город, душевная атмосфера, добрые встречи, радушие хозяев, разговор по душам.*

Распределение языковых единиц по типам оценок носит в некоторой степени условный характер. Эта условность связана с многозначностью качественных прилагательных, значение которых проявляется в контексте; по существу, значение прилагательного (а следовательно, тип оценки) определяется объектом рекламирования. К примеру, *шикарный наряд* – скорее, красивый, стильный, а *шикарное авто* – обязательно дорогое; в словосочетании ***солидные*** *костюмы* прилагательное выражает нормативную оценку, а в словосочетании ***солидные*** *люди* – интеллектуальную. В семантике многих слов усматривается совмещение оценочных смыслов. Так, ***роскошный*** *отель* – это и красивый, и удобный, и оборудованный в соответствии с современными требованиями к качественному отдыху (совмещаются эстетическая, утилитарная и нормативная оценки); ***модные*** *туфли* – это и современные, стильные, и красивые (совмещаются нормативная и эстетическая оценки: ведь стильные туфли воспринимаются как красивые).

Заметим, что для лингвопрагматического подхода, ставящего в центр внимания воздействующий потенциал положительной оценки, вопрос о разграничении типов оценок не является принципиальным. Прагматически значима плотность положительно-оценочных единиц в тексте.

В рамках одного рекламно-информационного журнального текста, как правило, обнаруживается взаимодействие и пересечение различных типов положительных оценок. Для примера приведем результаты анализа текста *"У Тараса" – как дома»* (Серебряный кофе. Май 2007. № 33), посвящённого ресторану «Корчма у Тараса».

Первое впечатление о ресторане создается использованием трёх типов оценок: утилитарной (*уютное* заведение, *атмосфера тепла* и *уюта*), эмоциональной (к нашей *радости*), интеллектуальной (*приятный* подарок). Общая характеристика ресторана обеспечивается также комплексом языковых единиц, демонстрирующих разные типы оценок: гедонистическую (*вкусно* и *сытно* поесть, *вкусная* украинская еда, *манящими ароматами*), интеллектуальную (*фирменный стиль*, *самобытность* украинской культуры), этическую (с *радушием* хозяев).

Для ознакомления с общей обстановкой ресторана использованы следующие типы оценок: гедонистиче-

ская (*наслаждаться кухней*, удаётся *вкусно* поесть, выпить *свежего* разливного пива), этическая (разговор *по душам*), утилитарная (*уютные* посиделки), эмоциональная (для *разгульного веселья*, *приятно* провести время, *с удовольствием* проведёте время, любителей бильярда *порадуют* столы с зеленым сукном, *романтическая* встреча, *романтической* уединенности).

Сервис ресторана также описывается с использованием гедонистической (*вкусная* домашняя кухня, *замечательная* кухня, истинное *удовольствие*, одно *удовольствие*), этической (*приветливый* персонал, *душевная* атмосфера), эмоциональной (*прекрасно*, *радостные* хлопоты, *от души веселиться*), утилитарной (*уютно* и *по-домашнему*) оценок.

В конце текста с целью привлечения внимания к рекламируемому заведению использованы эмоциональная и утилитарная оценки: *великолепное* застолье и *незабываемый* отдых всем гостям! *Уютное* место, *добрые* встречи!

Насыщенность оценочными единицами делает текст коммуникативно нагруженным, благодаря чему воздействующий эффект текста заметно усиливается.

В квалификации оценочности языковых единиц мы считаем весьма значимой роль адресата, поэтому к числу ключевых вопросов в изучении специфики реализации и функционирования оценки относим вопрос о контекстной зависимости восприятия адресатом оценочных смыслов языковых единиц. В рамках исследования был проведён психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 88 студентов филологического факультета и факультета журналистики ТГУ. Реципиентам предлагалось отметить в текстах слова с положительной оценкой. Полученные в ходе эксперимента данные позволили подтвердить предварительную квалификацию единиц, содержащих в семантической структуре положительную оценку, а также выявить не только состав собственно оценочной лексики, но и потенциально оценочные слова, оценочное значение которых актуализируется в контексте. Эти наблюдения коррелируют с позицией исследователей, которые утверждают, что в тексте оценка чаще всего не является независимой, а входит как часть в общее изложение и органически связана с объективной, описательной его стороной. По мнению Н.Д. Арутюновой, средства оценки информативно недостаточны, поэтому в тексте так или иначе компенсируется их смысловая неполнота и неоднозначность. Оценочные предикаты обладают сильной валентностью на смысловое развёртывание, и эта валентность составляет одно из основных свойств прагматического значения оценочных единиц [2. С. 215–218]. Подтверждением сказанному являются отмеченные респондентами языковые единицы, которые вне контекста оценочностью не характеризуются. Контекстуально оценочные значения основаны на ассоциациях с социальным или личным положительным опытом, с личными желаниями.

В первом из предъявленных текстов – о современных технологиях создания ароматов («Чем пахнет счастье». Серебряный кофе. 2007. № 31) – как единицы с положительной оценкой отмечены: *весенне-летняя* (коллекция), *морозный зимний* (день), *водные элементы (фонтаны, пруды), Фен-шуй*. В русском языковом сознании прилагательное *весенне-летняя (коллекция)* связано с ожиданием весны, которая ассоциируется с оживлением природы, с яркостью и радостью лета; прилагательные *морозный зимний* в сочетании со словом *день* связаны ассоциациями с чистотой воздуха, здоровьем; словосочетание *водные элементы (фонтаны, пруды)* ассоциируется с благоприятной энергией; слово *Фен-шуй* связано ассоциациями с небесной удачей, с благополучием человека.

Чаще всего оценка выражается прилагательным, в соответствии с законами русской грамматики употребляющимся с существительным, в сочетании с которым характеризует предмет экстралингвистической действительности. Минимальным контекстом для выражения оценки во многих случаях можно считать словосочетание как контекст, достаточный для реализации оценочного значения: *чудесный городок, курортный городок, песчаный пляж, мелкая галька, мягкий песок, живописное место, истинный рай* – эти словосочетания из второго предъявленного для опроса текста – о курортном местечке в Испании («Тихие курортные радости». Серебряный кофе. Сентябрь – октябрь 2005) звучат как рекламный ролик, обещающий комфортный отдых. В ряду приведенных словосочетаний обращают на себя внимание *горные курорты, путешествия по Золотому кольцу, отдых в Греции*. В семантической структуре входящих в эти словосочетания единиц положительная оценка не содержится, в контексте же она проявляется благодаря положительным ассоциациям. В рекламно-информационном тексте упоминание о *горных курортах* рождает в памяти «картинки» горных рельефов, чистого воздуха с ароматом хвои; горные курорты весьма полезны для физического и душевного здоровья. *Путешествия по Золотому кольцу* ассоциируется со старинными русскими городами, в которых сохранились уникальные памятники истории и культуры России, позитивно воздействует на интеллектуальную и эмоциональную сферу адресата. *Отдых в Греции* ассоциируется с древнейшей цивилизацией, с символом любви – Эгейским морем, с великолепной природой и высокой репутацией отдыха в этой стране.

Проведённый анализ показал, что положительная оценка в рекламно-информационном журнальном тексте вербализуется средствами лексического и грамматического уровней языка. Положительно-оценочная лексика составляет ядро лексического фонда рекламно-информационных журнальных текстов. Языковые единицы, не содержащие в своей семантике оценочных коннотаций, могут приобретать их в контексте. Разные типы оценок в тексте переплетаются и не всегда строго дифференцируются. При этом эстетическая оценка занимает ядерное положение: посредством оценочной лексики моделируется представление о красоте, которое входит в сознание потребителя через рекламируемые товары и услуги. Эстетическая оценка находится в тесном взаимодействии с другими типами оценок: так как реклама служит цели продвигать товары, создаваемый образ должен соответствовать интересам рекламодателя и быть привлекательным для потребителя. Эти два основных

требования обусловливают выбор используемых языковых средств, формирующих эстетическую оценку в сочетании с утилитарной, подразумевающей пригодность, полезность рекламируемой продукции в определенных целях. Взаимообусловлены эстетические оценки и эмоциональные, а утилитарная оценка, как правило, совмещается также с телеологической. Морфологический анализ оценочной лексики показывает, что бо́льшую часть составляют прилагательные, но в оценочной функции выступают также существительные, наречия, глаголы.

Изучение способов выражения положительной оценки в рекламно-информационной журнальной коммуникации позволяет не только уточнить характер реализации оценочных смыслов лексических единиц, но и обнаружить закономерности формирования контекстуально обусловленной оценочности, когда положительная оценка передаётся в тексте посредством оценочно нейтральных слов. Сделанные в ходе исследования наблюдения позволяют говорить о специфической роли оценки в рекламно-информационном журнальном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. С. 183–224.
3. *Волкова А.А.* Стратегия обеспечения понимания текста с иноязычными вкраплениями: (на материале региональных рекламно-информационных журналов) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
4. *Голованова А.В.* Ценности и оценки в языковом отражении (на материале русского и польского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 236 с.
5. *Заморева А.В.* Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке: системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа : автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2007. 26 с.
6. *Луганская Е.В.* Аксиологическая оценка в гендерном аспекте: на материале англоязычных открытых писем : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 18 с.
7. *Мещерякова Ю.В.* Эстетические ценности в языковой картине мира // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. Волгоград : Перемена, 2003. С. 29–34.
8. *Мякишева Е.В.* Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2009. 22 с.
9. *Писанова Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 393 с.
10. *Приходько А.И.* Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Запорожье, 2004. 42 с.
11. *Руденко А.В.* Модификация оценки в дискурсе СМИ: когнитивно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 178 с.
12. *Скаженик Е.К.* Категория оценки в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах (на материале речи студентов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002. 24 с.
13. *Шкиль О.О.* Целенаправленная деятельность и её оценка: лингвокогнитивный аспект: на материале русского языка : дис. … канд. филол. наук. Омск, 2010. 206 с.
14. *Тань Аошуан.* Коннотация ключевого эстетического слова mei в китайском языке // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2004. С. 290–293.
15. *Лань Цяолин.* Оценка и оценочное высказывание в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук. Харбин, 2003. 73 с.
16. *Ли Цзэхоу.* Три книги об эстетике. Тяньцзинь : Общественные науки, 2003. 548 с.
17. *Чжань Жуй.* Оценочное высказывание в русском языке в аспекте прагматики // Вестник Хэйлунцзянского педагогического института. 2007. № 2. С. 129–131.
18. *Чжу Гуанцянь.* Психология литературоведения. Хэфэй : Анхойское образование, 1996. 357 с.
19. *Чжу Джижун.* Теория китайской эстетики. Пекин : Пекинский университет, 2005. 241 с.
20. *Юй Веньцзин, Лю Инь.* Причина разницы в выражении оценочности в русском и китайском языках с этнической точки зрения // Сибирские исследования. 2008. № 4. С. 48–50.
21. *Ян Лифан.* Семантическая категория общей оценки в современном русском языке // Вестник Военного института иностранных языков. 2011. № 2. С. 32–36.
22. *Андрамонова Н.А., Балабанова И.Я.* Оценочность как неотъемлемый компонент семантической структуры рекламного текста (на материале французского и русского языков) // Филология и культура. 2011. № 26. С. 148–154.
23. *Беседа Е.Н.* Оценочность как основной стилеобразующий фактор речевого жанра «читательский отклик» (на материале женских британских и американских журналов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. С. 76–85. URL: http://scientific-notes.ru
24. *Выгузова Е.Ю., Гливенкова О.А.* Функциональные средства выражения оценки экономической ситуации в СМИ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т 1, № 2. С. 159–166.
25. *Качалова И.Н.* Феномен языковой игры как средства выражения оценочной семантики в текстах СМИ // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2010. № 2. С. 83–87.
26. *Ляпун С.В.* Метафорическая оценочность в аналитическом газетном тексте // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 7. С. 141–147.
27. *Нестерова Н.Г.* Коммуникативно-прагматический потенциал оценки в речи радиоведущего // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 30–33.
28. *Полодянц К.М.* Информационно-прагматический потенциал оценки в профессиональном винодельческом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 113–115.
29. *Савельева Е.А.* Утилитарные оценки в рекламном дискурсе // Речевая коммуникация в современной России : материалы Междунар. конф. : в 2 т. / под ред. О.С. Иссерс. Омск : Вариант-Омск, 2011. Т. 2. С. 80–85.
30. *Сальникова Ю.А., Пысларь Д.Р.* К вопросу о функциональных особенностях оценки в языке массмедиа // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 1 (10). С. 73–78.
31. *Серкина В.Н.* Прецедентные тексты как средство выражения эмоциональной оценки: функциональный аспект (на материале региональных СМИ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 82–88.
32. *Синепупова О.С.* Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте: на материале печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 22 с.
33. *Соколова Г.В.* Онтологический аспект значимости оценочной лексики в СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 4. С. 36–41.

34. *Третьякова Д.В.* Формирование оценки в газетном креолизованном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 962–964.
35. *Иванова Г.Ф.* Ментальные сферы языка: оценка. Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. 124 с.
36. *Thomas V.L., Fowler K., Grimm P.* Conceptualization and exploration of attitude toward advertising disclosures and its impact on perceptions of manipulative intent // Journal of Consumer Affairs. September 2013. Vol. 47, is. 3. P. 564–587.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июля 2014 г.

POSITIVE EVALUATION IN ADVERTISING INFORMATIONAL JOURNAL TEXT

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 36-42. DOI: 10.17223/15617793/386/5

Yang Fang. Shenyang Ligong University (Shenyang, China), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yangfang2010@yandex.ru

Keywords: advertising informational journal text; positive evaluation; evaluation type; object of evaluation; context; perception of evaluation meanings.

Language means with positive evaluation dominate in the advertising informational journal text, because its purpose is to advertise goods and services. In the article the primary objective is to investigate the specifics of language representation of different types of positive evaluation in advertising informational journal texts and compare positive evaluation with the theme of the texts and objects of evaluation. Language representation peculiarities of evaluation means are revealed in this research. Evaluation is often expressed by adjectives. Adjectives are used with nouns in accordance with the laws of Russian grammar and characterize the subject of extra-linguistic reality. The phrase that contains evaluation is a minimal context for evaluation representation. This context is quite sufficient for the evaluation meaning. Positive evaluation is represented by means of vocabulary and grammar in the advertising informational journal text. A psycholinguistic experiment confirms that the recipient sees evaluation meanings only in the context. Different evaluation types cannot be separated from each other in the text. In this case aesthetic evaluation takes the leading position: evaluative vocabulary models ideas of beauty and these images are included in the consumer's mind through advertising goods and services. Aesthetic evaluation is in close cooperation with other types of evaluations. This image should correspond to the interests of advertisers and be attractive for the consumer because advertising serves the purpose of promoting goods. These two basic requirements determine the choice of the language means which form the aesthetic evaluation combined with the utilitarian one. The utilitarian evaluation implies availability, usefulness of the advertised products for specific purposes. Aesthetic and emotional evaluations influence each other. The utilitarian evaluation, as a rule, is combined with teleological. Morphological analysis of evaluative vocabulary shows that adjectives are a large part of evaluative vocabulary. But nouns, adverbs and verbs also implement the evaluation function. The analysis showed that the study of the language representation of different types of positive evaluation allows not only to identify the evaluation meanings of lexical means, but also to discover the regularities of forming evaluation caused by the context (when positive evaluation is expressed in the text by neutral words). Observations made in our investigation allow speaking about the specific role of evaluation in the advertising informational journal text. The novelty of the approach to the study of the evaluation phenomenon involves identifying the specifics of its implementation in the sphere of advertising and information journal communication.

REFERENCES

1.Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 228 p.
2. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 183-224.
3. Volkova A.A. *Strategiya obespecheniya ponimaniya teksta s inoyazychnymi vkrapleniyami: (na materiale regional'nykh reklamno-informatsionnykh zhurnalov)*. Dis. kand. filol. nauk [Strategy to ensure understanding of the text with non-native linguistic elements: (based on regional advertising and news magazines). Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2008. 184 p.
4. Golovanova A.V. *Tsennosti i otsenki v yazykovom otrazhenii (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov)*. Dis. kand. filol. nauk [Values and evaluation reflected in the language (based on the Russian and Polish languages). Philology Cand. Diss.]. Perm, 2002. 236 p.
5. Zamoreva A.V. *Reprezentatsiya kontsepta "obshchaya otsenka" v sovremennom russkom yazyke: sistemno-strukturnyy, kognitivnyy i funktsional'no-pragmaticheskiy aspekty analiza*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Representation of the concept "total evaluation" in the modern Russian language: systematic and structural, cognitive and functional-pragmatic aspects of the analysis. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Ufa, 2007. 26 p.
6. Luganskaya E.V. *Aksiologicheskaya otsenka v gendernom aspekte: Na materiale angloyazychnykh otkrytykh pisem*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Axiological evaluation from a gender perspective: on the material of English open letters. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Irkutsk, 2005. 18 p.
7. Meshcheryakova Yu.V. *Esteticheskie tsennosti v yazykovoy kartine mira* [Aesthetic values in the linguistic picture of the world]. In: Karasik V.I., Krasavskiy N.A. (eds.) *Problemy lingvokul'turologii i teorii diskursa* [Problems of cultural linguistics and discourse theory]. Volgograd: Peremena Publ., 2003, pp. 29-34.
8. Myakisheva E.V. *Esteticheskaya otsenka cheloveka v sovremennom russkom yazyke: lingvisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Aesthetic evaluation of the human in the modern Russian language: linguistic and linguistic-cultural aspects. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Omsk, 2009. 22 p.
9. Pisanova T.V. *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenochnoy semantiki (esteticheskie i eticheskie otsenki)*. Dis. kand. filol. nauk [Ethno-cultural aspects of the evaluation semantics (aesthetic and ethical evaluation). Philology Dr. Diss.]. Moscow, 1997. 393 p.
10. Prikhod'ko A.I. *Kognitivno-diskursivnyy potentsial otsenki i sposoby ego vyrazheniya v sovremennom angliyskom yazyke*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Cognitive-discursive potential of evaluation and ways of its expression in modern English. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Zaporizhia, 2004. 42 p.
11. Rudenko A.V. *Modifikatsiya otsenki v diskurse SMI: kognitivno-pragmaticheskiy aspekt*. Dis. kand. filol. nauk [Modification of evaluation in the media discourse: the cognitive-pragmatic aspect. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2012. 178 p.
12. Skazhenik E.K. *Kategoriya otsenki v lingvokul'turologicheskom i lingvokognitivnom aspektakh (na materiale rechi studentov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Category of evaluation in linguistic-cultural and linguistic-cognitive aspects (based on the speech of students). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Taganrog, 2002. 24 p.
13. Shkil' O.O. *Tselenapravlennaya deyatel'nost' i ee otsenka: lingvokognitivnyy aspekt: na materiale russkogo yazyka*. Dis. kand. filol. nauk [Purposeful activity and its evaluation in the linguistic-cognitive aspect: on the Russian language material. Philology Cand. Diss.]. Omsk, 2010. 206 p.

14. Tan Aoshuan. *Konnotatsiya klyuchevogo esteticheskogo slova mei v kitayskom yazyke* [The connotation of the key aesthetic word mei in Chinese]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness]. Moscow: Indrik Publ., 2004, pp. 290-293.
15. Lan Tsyaolin. *Otsenka i otsenochnoe vyskazyvanie v sovremennom russkom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Evaluation and evaluative statement in the modern Russian language. Philology Cand. Diss.]. Kharbin, 2003. 73 p.
16. Li Tszekhou. *Tri knigi ob estetike* [Three books on aesthetics]. Tientsin: Obshchestvennye nauki Publ., 2003. 548 p.
17. Zhang Rui. Evaluation Sentence in the View of Pragmatics. *Journal of Heilongjiang College of Education*, 2007, issue 2, pp. 129-131.
18. Zhu Guantsyan. *Psikhologiya literaturovedeniya* [Psychology of literary criticism]. Hefei: Ankhoyskoe obrazovanie Publ. 1996. 357 p.
19. Zhu Dzhizhun. *Teoriya kitayskoy estetiki* [Theory of Chinese aesthetics]. Beijing: Peking University Publ., 2005. 241 p.
20. Yu Ventszin, Liu In. Prichina raznitsy v vyrazhenii otsenochnosti v russkom i kitayskom yazykakh s etnicheskoy tochki zreniya [The reason for the difference in the expression of evaluation in Russian and Chinese from the ethnic point of view]. *Sibirskie issledovaniya*, 2008, no. 4, pp. 48-50.
21. Yan Lifan. Semanticheskaya kategoriya obshchey otsenki v sovremennom russkom yazyke [Semantic category of the overall assessment in modern Russian]. *Vestnik Voennogo instituta inostrannykh yazykov,* 2011, no. 2, pp. 32-36.
22. Andramonova N.A., Balabanova I.Ya. Estimation component of semantic structure of advertisement text (based on the Russian and French languages). *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2011, no. 26, pp. 148-154. (In Russian).
23. Beseda E.N. Evaluation as a principal style forming factor of the genre "Reader's letter" (based upon British and American magazines for women). *Uchenye zapiski – Scientific Notes*, 2008, no. 2, pp. 76-85. (In Russian).
24. Vyguzova E.Yu., Glivenkova O.A. Functional Means of Formulating Economic Situation Estimation in Mass-media. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2010, vol. 1, no. 2, pp. 159-166. (In Russian).
25. Kachalova I.N. Phenomenon of language games as a means of expressing evaluation semantics in the texts of media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – "Bulletin MGOU" series "Russian philology"*, 2010, no. 2, pp. 83-87. (In Russian).
26. Lyapun S.V. Metaphorical evaluation in an analytical newspaper text. *Vestnik Tambovskogo universiteta – Tambov University Review*, 2008, no. 7, pp. 141-147. (In Russian).
27. Nesterova N.G. Communicative-pragmatic potential of evaluation in radio presenters speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 353, pp. 30-33. (In Russian).
28. Polodyants K.M. Informatsionno-pragmaticheskiy potentsial otsenki v professional'nom vinodel'cheskom diskurse [Information and pragmatic potential of evaluation in the professional winemaking discourse]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie,* 2010, no. 1, pp. 113-115.
29. Savel'eva E.A. [Utility assessment in advertising discourse]. *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii: materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii. V 2-kh t.* [Speech communication in modern Russia. Proceedings of II International Conference. In 2 parts]. Omsk: Variant-Omsk Publ., 2011. Vol. 2, pp. 80-85. (In Russian).
30. Salnikova Yu.A., Pislari D.R. On the issue of functional peculiarities of evaluation in mass media language. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema*, 2012, no. 1(10), pp. 73-78. (In Russian).
31. Serkina V.N. Pretsedentnye teksty kak sredstvo vyrazheniya emotsional'noy otsenki: funktsional'nyy aspekt (na materiale regional'nykh SMI) [Precedent texts as a means of expressing emotional evaluation: a functional aspect (based on regional media)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 2011, no. 4, pp. 82-88.
32. Sinepupova O.S. *Otsenochnaya "kartina mira" v publitsisticheskom tekste: na materiale pechatnykh SMI*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Evaluation picture of the world view in a journalistic text: on the material of print media. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 22 p.
33. Sokolova G.V. Ontological aspect of the importance of assessment lexicon in mass media. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2012, no. 4, pp. 36-41. (In Russian).
34. Tretyakova D.V. Forming an assessment in a creolized newspaper text. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of UNN*, 2010, no. 4 (2), pp. 962-964. (In Russian).
35. Ivanova G.F. *Mental'nye sfery yazyka: otsenka* [Mental spheres of language: evaluation]. Ufa: BSPU Publ., 2007. 124 p.
36. Thomas V.L., Fowler K., Grimm P. Conceptualization and exploration of attitude toward advertising disclosures and its impact on perceptions of manipulative intent. *Journal of Consumer Affairs,* 2013, vol. 47, issue 3, pp. 564-587. DOI: 10.1111/joca.12019

Received: 24 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 43–46 DOI: 10.17223/15617793/386/6

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

Е.А. Данилова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследуются концептуальные основы формирования международного имиджа государства. Поставлена проблема выработки научно-методологических и практических рекомендаций российским научным сообществом политологов в части конструирования внешнеполитического имиджа государства. Сделан вывод о необходимости диверсификации моноориентированного имиджа России как сырьевой державы и выработки эффективных механизмов представления России мировому сообществу как инновационного государства, способного претендовать на лидерство в наукоемких сферах.

Ключевые слова: позиционирование; инновационная политика; инновационное государство; международный имидж; внешняя политика.

В современных условиях глобализации и стремительно меняющегося миропорядка проблема убедительного внешнеполитического позиционирования становится все более актуальной. Выраженный дисбаланс в пользу сырьевого сектора на фоне истощения мировых природных запасов делает уязвимыми как экономику, так и восприятие России на международной арене. Явный политический окрас экономической политики ОАО «Газпром» в отношении Украины и ее ультимативный характер в связи с обострением геополитической ситуации после присоединения Крыма к Российской Федерации подчеркивает моноориентацию имиджа Российской Федерации в качестве сырьевой державы и выявляет пробелы в части внешнеполитического позиционирования. Необходимость перехода на инновационный путь развития представляется неоспоримой. Государственные инициативы, направленные на поддержку субъектов инновационного процесса в сфере национальной экономики, безусловно, важны и необходимы для ее устойчивого инновационного роста. Не менее значимыми являются шаги по формированию многоаспектного имиджа Российской Федерации как важного элемента глобальной экономики и политики.

В соответствии с Концепцией внешней политики РФ одной из основных целей внешнеполитических усилий является «создание благоприятных внешних условий для модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития» [1]. Согласно Стратегии национальной безопасности до 2020 г., «обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы» [2]. В связи с заявкой на включение России в общемировую геополитическую инновационную инфраструктуру актуализируется задача выработки эффективных механизмов представления России мировому сообществу как инновационного государства, способного претендовать на лидерство в наукоемких сферах. Вопрос ее эффективного решения становится злободневным и для первых лиц, и для российской дипломатии, и для российского политологического сообщества. Неоднозначное восприятие России за рубежом и усложняющаяся геополитическая обстановка на постсоветском пространстве указывают на необходимость концептуального осмысления основ формирования внешнеполитического образа страны. Особую актуальность приобретает проблема выработки научно-методологических и практических рекомендаций российским научным сообществом политологов в части конструирования внешнеполитического имиджа государства.

Говоря о необходимости формирования благоприятного восприятия страны на международной арене, стоит признать, что в отечественной политологии нет общепринятого глоссария в области страновой имиджелогии. Понятия «имидж» и «образ» во многих исследованиях используют как взаимозаменяемые. По определению Э.А. Галумова, «имидж (образ) страны – комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития российской государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства… это – база, определяющая, какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром» [3. С. 12]. Таким образом, восприятие страны определяет ее репутацию, которая при определенных условиях может конвертироваться, в том числе, в финансовые дивиденды, поскольку «от того, какой видят Россию в мире – партнером или противником, – зависит развитие международного сотрудничества в экономической, политической и социальной сферах» [4. С. 107].

В русле политической психологии понятия «образ» и «имидж» разграничиваются. Так, Д.А. Леонтьев называет имиджем впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образом – то, которое формируется спонтанно. Образ можно конструировать специально, и тогда он становится имиджем [5. С. 19]. Е.Б. Шестопал понимает под образом отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индиви-

дуальном сознании граждан; под имиджем (или брендом) – специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т.д.) [6. С. 13]. Согласно Е. Егоровой-Гантман и К. Плешакову, имидж – это «специально создаваемый, преднамеренно формируемый политический образ для достижения поставленных целей» [7. С. 5]. Все эти определения указывают на искусственную природу имиджа как сознательно формируемого конструкта для решения определенных задач. По мнению А.А. Гравера, четко разграничивающего категории «образ», «имидж» и «бренд» (понятие, заимствованное из маркетинга) страны, «образ страны – это наиболее общая категория, которая охватывает весь объем представлений о стране – от философского анализа до прикладных исследований. Имидж страны в данном случае является более узким понятием и означает образ, на который пытаются воздействовать с целью изменения. Бренд страны подразумевает реализацию позитивных характеристик страны с целью извлечения прибыли» [8. С. 39]. А. Соловьев определяет имидж как «сознательно сконструированный образ, формируемый целенаправленно путем контроля над содержанием распространяемой информации и коммуникационными потоками» [9. С. 543]. Это определение как делает акцент на обозначенной выше целенаправленности формирования имиджа, так и указывает на способ формирования – через контроль над информацией. Г. Почепцов полагает, что информация становится все более важной составляющей национальной безопасности любого государства и вводит понятие «информационная война», которая представляет собой «всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах… реализации национальной политики» [10. С. 3]. «Создание облика страны ныне подчиняется законам PR, а репутация формируется с помощью целенаправленной информационной политики, трактующей реальные или возможные действия на международной арене… облик государства и его международная репутация во многом базируются на элементах мифа и устойчивых стереотипах имиджа, доля которых в политике достаточно велика» [11. С. 71], – пишет Л.Г. Мартынова. Политическая коммуникация – всегда влияние. В этом смысле внешнеполитическая деятельность и способы ее позиционирования в современном информационном обществе приобретают особое значение: применение тактики информационного доминирования решает задачи доминирования политического.

Внешнеполитическая коммуникационная стратегия Российской Федерации сегодня носит, по большей части, пропагандистский характер. В качестве примера можно привести отвечающее требованиям внешнеполитической конъюнктуры создание в 2005 г. нового 24-часового канала для западного зрителя на английском языке «Russia Today», служащего обеспечению комплексной пророссийской пропаганды. Подобным образом ряд прогосударственных официальных СМИ несут функции не только информирования, но и позиционирования Российской Федерации на международной арене, формирования позитивного образа российской власти как внутри страны, так и за ее пределами. Поиск форм пропагандистского влияния на западное общественное мнение в декабре 2013 г. был выражен масштабной реорганизацией государственных СМИ и созданием ФГУП «Международное информационное агентство “Россия сегодня”», основным направлением деятельности которого является освещение за рубежом государственной политики Российской Федерации и общественной жизни в Российской Федерации [12]. В целом в среднесрочной перспективе проблема создания позитивного имиджа России останется актуальной, и, учитывая общий негативный «внешнеполитический фон», одной пропаганды в любом случае будет недостаточно для исправления имиджевых пробелов. Кроме формирования внешнеполитического имиджа с помощью СМИ, Российская Федерация использует и другие инструменты влияния на мировое сообщество.

Формализованная позиция государственных структур в части внешнеполитического позиционирования выражена в вышеобозначенных Концепции внешней политики РФ, Стратегии национальной безопасности до 2020 г., а также в Военной доктрине РФ, где указывается на «усиление роли информационного противоборства» [13], и в Доктрине информационной безопасности РФ [14], которая развивает Концепцию национальной безопасности Российской Федерации применительно к информационной сфере. Кроме того, на создание благоприятного имиджа России за рубежом направлено создание таких институциональных структур, как Управление по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами при Администрации Президента РФ [15], Межкомиссионной рабочей группы Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии [16], в 2000-х гг. активизировавшего свою деятельность Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России (РОСЗАРУБЕЖЦЕНТР), Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) [17] и др.

Значимым для позиционирования России как инновационного государства шагом является ее принадлежность к статусным международным организациям: членство в «большой восьмерке», вступление в ВТО, попытка создания ОЕЭП с Европейским Союзом и т.д. Неслучайно ход событий начала 2014 г. вокруг определения статуса Крыма повлек за собой санкции со стороны Запада скорее «имиджевого» характера: приостановление любого практического гражданского и военного сотрудничества с НАТО (с сохранением возможностей взаимодействия на уровне послов и выше), приостановление сотрудничества с НАСА (за исключением сотрудничества на МКС, составляющего большую часть проектов НАСА с Россией), приостановление членства в ПАСЕ (имеющего рекомендательные функции).

В то же время ведущие мировые державы осознают их очевидную взаимозависимость с Россией в гло-

бальном мире. Несмотря на политическое охлаждение, полная изоляция России в текущих условиях невозможна, и проблема ее эффективного позиционирования может быть частично переведена в русло науки и инноваций, что потенциально может способствовать смягчению геополитической ситуации. Эффективным шагом на пути к формированию благоприятного образа Российской Федерации в глазах мировой общественности является вовлечение международных партнеров в совместные научно-производственные проекты с использованием инновационных инструментов. К таким инструментам относятся: Федеральная целевая программа «Научно-исследовательские разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 гг.» (мероприятия 2.1. «Проведение исследований в рамках международного многостороннего и двустороннего сотрудничеств» и 2.2 «Поддержка исследований в рамках сотрудничества с государствами членами Европейского союза») [18]; включение международных партнеров в деятельность технологических платформ [19], участвующих в формировании тематик, отбора проектов и контроля за их реализацией в рамках реализации указанной ФЦП [20]; Постановление Правительства Российской Федерации № 220 от 9 апреля 2010 г. [21], обеспечивающее финансирование лабораторий, формируемых под руководством ученых с мировым именем. Популяризация совместных научно-исследовательских инновационных проектов могла бы способствовать смягчению негативизации внешнеполитического имиджа Российской Федерации.

В целом, позиционирование Российской Федерации как инновационного государства в современном глобальном информационном обществе требует преодоления многих устоявшихся негативных стереотипов с помощью выстраивания актуальной коммуникативной стратегии, активизации международного научно-технического сотрудничества в наукоемких отраслях промышленности и посредством формирования последовательной и убедительной внешней политики исходя из системного взгляда на современный мировой порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Концепция* внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 года // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/785 (дата обращения: 14.04.2014).
2. *Указ* Президента РФ № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 13 мая 2009 года // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/news/4047 (дата обращения: 03.03.2014).
3. *Галумов Э.А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М. : Известия, 2003. 450 с.
4. *Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д.* Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. 2010. № 4. С. 107–121.
5. *Леонтьев Д.А.* От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. 2000. № 1. С. 19–22.
6. *Образы* государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. М. : Аспект Пресс, 2008. 288 с.
7. *Егорова-Гантман Е., Плешаков К.* Политическая реклама. М. : Никколо-М, 1999. 240 с.
8. *Гравер А.А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29–45.
9. *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2001. 559 с.
10. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2000. 280 с.
11. *Мартынова Л.Г.* Международный имидж России // Россия в современных международных отношениях : сб. ст. аспирантов и преподавателей / под общ. ред. В.А. Михайлова. М. : Изд-во РАГС, 2004. 238 с.
12. *Указ* Президента РФ о мерах по повышению эффективности деятельности государственных СМИ № 894 от 9 декабря 2013 года // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/news/19805 (дата обращения: 06.04.2014).
13. *Военная* доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 года // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 23.03.2014).
14. *Доктрина* информационной безопасности. 9 сентября 2000 года // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/OFICIAL/DOC/MIN_AND_VEDOM/MIM_BEZOP/DOCTR.SHTM (дата обращения: 14.04.2014).
15. *Указ* Президента РФ № 1848 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами» от 25 декабря 2008 г. URL: http://www.fpa.su/zakon/ukazi-prezidenta-rf/12789-ukaz-prezidenta-rf-ot-25-dekabrya-2008-g-n-1848 (дата обращения: 20.04.2014).
16. *Межкомиссионная* рабочая группа Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии // Общественная палата РФ. URL: http://www.oprf.ru/about/structure/mezhcomworkgroups/ mezhcomworkgroups2012/236 (дата обращения: 03.04.2014).
17. *Федеральное* агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). URL: http://rs.gov.ru/node/28132 (дата обращения: 26.03.2014).
18. *Федеральная* целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития технологического комплекса РФ на 2014–2020 годы» // Министерство образования и науки РФ. URL: http://2014.fcpir.ru/participation_in_program/for-mation_topics/ (дата обращения: 15.04.2014).
19. *Формирование* технологических платформ // Министерство экономического развития РФ. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation (дата обращения: 17.04.2014).
20. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 2 мая 2013 г. № 736-р // Министерство образования и науки РФ. URL: http://минобрнауки.рф/документы/3376/файл/2200/13.05.02-Распоряжение_736р.pdf (дата обращения: 01.04.2014).
21. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 года № 220 «О мерах по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования» // Привлечение ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. URL: http://www.p220.ru (дата обращения: 22.04.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 июля 2014 г.

FOREIGN POLICY POSITIONING OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN INNOVATION STATE

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 43-46. DOI: 10.17223/15617793/386/6

Danilova Elena A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena.a.danilova@yandex.ru

Keywords: positioning; innovation policy; innovation state; international image; foreign policy.

Modern geopolitics updates for Russia the problem of a convincing foreign policy positioning. Escalation of the political situation at the post-Soviet space and necessity of defense of national interests show the importance of the problem of Russia's perception by its foreign partners and opponents and that of forming a ponderable foreign policy state image. In the article the conceptual fundamentals of forming the international image of a state are researched. The categories "image" (as produced), "image" (as existing), "brand" with reference to country imagology are studied. Basic points of view in domestic political science in the field of the international image forming are analyzed. A conclusion about a high degree of topicality of working-out of scientific methodological and practical recommendations by Russian political science community in the field of construction of the foreign policy state image is drawn. The set of instruments of Russian internal and foreign policies for the country's positive international image formation, from foreign policy propaganda to international scientific and technical collaboration in science intensive branches of industry, is researched. The formalized position of the Russian state structures in the part of document basis of the strategy for the foreign policy positioning is examined. The main political institutions and organizations, functioning for an effective positioning of Russia at the international arena, are explored, and the reasons of their insufficient effectiveness are analyzed. The problem of the mono-orientation of Russia's image as a primary resources power and need in its diversification due to the characteristic of "innovativeness" is set. The necessity of inclusion in the global innovation infrastructure demands making effective mechanisms for introducing Russia to the world community as an innovation state capable to be a leader in science intensive spheres. In the article the global interdependence of Russia and the leading world powers is indicated. In spite of the temporary political coolness, full isolation of Russia in the present-day conditions is impossible, and the problem of its effective positioning may be partly moved to the field of science and innovations for a potential softening of the geopolitical situation. It is the author's opinion that an effective measure for the formation of the Russian Federation's positive image for the world community is involvement of international partners in the joint research-and-production projects with the use of innovation instruments.

REFERENCES

1. Foreign Policy Concept of the Russian Federation. July 15, 2008. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/. (Accessed: 14th April 2014). (In Russian).
2. Presidential Decree no. 537 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020" May 13, 2009. Available at: http://www.kremlin.ru/news/4047. (Accessed: 03rd March 2014). (In Russian).
3. Galumov E.A. *Mezhdunarodnyy imidzh Rossii: strategiya formirovaniya* [Russia's international image: formation strategy]. Moscow: Izvestiya Publ., 2003. 450 p.
4. Pishcheva T.N., Vinogradova N.S., Nedova A.D. Obraz Rossii pod uglom zreniya politicheskikh kommunikatsiy [The image of Russia from the standpoint of political communication]. *Polis*, 2010, no. 4, pp. 107-121.
5. Leont'ev D.A. Ot obraza k imidzhu. Psikhosemanticheskiy brending [From picture to image. Psychosemantic branding]. *Reklama i zhizn'*, 2000, no. 1, pp. 19-22.
6. Shestopal E.B. (ed.) *Obrazy gosudarstv, natsiy i liderov* [Images of states, nations and leaders]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2008. 288 p.
7. Egorova-Gantman E., Pleshakov K. *Politicheskaya reklama* [Political advertising]. Moscow: Nikkolo-M Publ., 1999. 240 p.
8. Graver A.A. The obraz, image and brand of the country: concepts and direction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2012, no. 3 (19), pp. 29-45. (In Russian).
9. Solov'ev A.I. *Politologiya: politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii* [Political science: political theory, political technologies]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2001. 559 p.
10. Pocheptsov G.G. *Informatsionnye voyny* [Information wars]. Moscow: Refl-buk Publ., Kyiv: Vakler Publ., 2000. 280 p.
11. Martynova L.G. *Mezhdunarodnyy imidzh Rossii* [Russia's international image]. In: Mikhaylov V.A. (ed.) *Rossiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Russia in contemporary international relations]. Moscow: RAGS Publ., 2004. 238 p.
12. Presidential Decree on measures to improve the efficiency of state-owned media no. 894 of December 9, 2013. Available at: http://news.kremlin.ru/news/19805. (Accessed: 06th April 2014). (In Russian).
13. Military Doctrine of the Russian Federation. February 5, 2010. Available at: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461. (Accessed: 23rd March 2014). (In Russian).
14. Information Security Doctrine. September 9, 2000. Available at: http://www.rg.ru/OFICIAL/DOC/MIN_AND_VEDOM/MIM_BEZOP/DOCTR.SHTM. (Accessed: 14th April 2014). (In Russian).
15. Presidential Decree no. 1848 "On approval of the Regulations on the Administration of the President of the Russian Federation for Interregional and Cultural Relations with Foreign Countries" of December 25, 2008. Available at: http://www.fpa.su/zakon/ukazi-prezidenta-rf/12789-ukaz-prezidenta-rf-ot-25-dekabrya-2008-g-n-1848/. (Accessed: 20th April 2014). (In Russian).
16. Inter-Commission Work Group of the Public Chamber of the Russian Federation for International Cooperation and Public Diplomacy. Available at: http://www.oprf.ru/about/structure/mezhcomworkgroups/mezhcomworkgroups2012/236. (Accessed: 03rd April 2014). (In Russian).
17. Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo). Available at: http://rs.gov.ru/node/28132. (Accessed: 26th March 2014). (In Russian).
18. Federal Target Program "Research and development in priority areas of technological complex of Russia for 2014-2020". Available at: http://2014.fcpir.ru/participation_in_program/formation_topics/. (Accessed: 15th April 2014). (In Russian).
19. Formation of technology platforms. Available at: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation. (Accessed: 17th April 2014). (In Russian).
20. Resolution of the Government of the Russian Federation dated May 2, 2013, no. 736-p. Available at: http://minobrnauki.rf/dokumenty/3376/fayl/2200/13.05.02-Rasporyazhenie_736r.pdf. (Accessed: 01st April 2014). (In Russian).
21. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 9, 2010 no. 220 "On measures to attract leading scientists at Russian institutions of higher education". Available at: http://www.p220.ru. (Accessed: 22nd April 2014). (In Russian).

Received: 04 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 47–52 DOI: 10.17223/15617793/386/7

УДК 316.343.652

А.Ю. Карпова

«РУССКИЙ СТУДЕНЬ»: МОЛЧАНИЕ – ЗНАК СОГЛАСИЯ?

Статья посвящена сравнительному анализу современной интеллигенции в России с учетом предложенного А. Грамши в работе «Тюремные тетради» разделения интеллигенции на органическую и традиционную. Рассматривая интеллигенцию не как сложившийся социальный слой, а как динамичную структуру, в которой существуют внутренние противоречия и проблемы воспроизводства, обозначены причины молчаливого протеста традиционной интеллигенции в России. Автор делает вывод о том, что необходимо слияние органической и традиционной интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция; интеллектуал; гегемония; культурное ядро; традиционная интеллигенция; органическая интеллигенция; идеология; управление; власть.

Несколько лет назад в дискуссии о том, сохранилась ли интеллигенция в России или исчезла, мне довелось услышать такие слова: «Какая интеллигенция? О чем тут можно говорить? Интеллигенция – это пережиток тоталитарного советского прошлого». Дискуссии такого рода всегда остаются без конкретного ответа, поскольку однозначного ответа нет, да и не может быть, ведь само понятие интеллигенции расплывчато, как и понимание ее роли в судьбе России. Научные дискуссии по этому поводу то затихают, то разгораются с новой силой, то на волне осуждения, то на гребне похвалы в адрес интеллигенции. Причем поиск ответа на вопрос узко очерчен рамками определения, кого считать интеллигенцией, и соответственно этому ответу определения той роли, которую должна выполнять та или иная социальная группа, определенная как интеллигенция. Стоит вспомнить фандоринские слова: «Классический интеллигент – существо для России вредное, даже губительное!.. До тех пор, пока интеллигентское сословие не научится драться за свои идеалы, ничего путного в России не будет!» [1. С. 33]. Не умаляя важности определения самого понятия «интеллигенция» и определения ее роли в судьбе России, в данной работе своей задачей мы видим поиск ответа на вопрос: интеллигенция в России выражает молчаливый протест или молчаливое согласие действующей власти?

В поисках утраченного смысла. Сам термин «интеллигенция» (лат. intelligens – понимающий, разумный) многозначен и до сих пор не имеет устоявшегося определения. Под это понятие чаще всего подводят описание социальной группы людей, профессионально занятых умственным трудом [2]. В современном звучании под интеллигенцией понимается «прослойка людей, лишенных предрассудков, веротерпимых. Духовно более подвижна, многообещающа и с большим трудом поддается политическому руководству, чем другие группы населения, но вместе с тем она более лабильна, менее инстинктивна, жизненно опаснее. Интеллигенция ближе стоит к людям искусства, но по своему поведению менее эмоциональна, чем они» [3].

В отечественной науке интеллигенция чаще всего рассматривалась с точки зрения изучения культурно-нравственного фона, который, по мнению многих исследователей (философов, историков, культурологов, социологов), задает интеллигенция как нравственная основа общества, совесть нации. В работах философов и социологов второй половины XIX в., которые заложили основы создания теории интеллигенции, предприняты попытки описать основные черты русской интеллигенции как специфического феномена, присущего именно русской культуре.

В советское время интеллигенция определялась как социальная прослойка [4]. Направление в изучении данного феномена сводится к ранжированию по статусу и поиску места интеллигенции в социально-классовой структуре советского общества. Предпринимаются попытки определения количественного состава советской интеллигенции. Особенно остро в этот период времени ставится вопрос о противоречиях, возникших внутри самой прослойки – интеллигенции – по поводу ее отношения к существующему политическому режиму. Подчеркивается вторичная роль интеллигенции в сравнении с рабочим классом по поводу организации производства.

Во время перестройки появились работы на основе идей заложенных в «репутационной теории» У.Л. Уорнера, теории социальной стратификации М. Вебера, классовой теории К. Маркса. Под влиянием данных теорий в отечественной науке стало складываться направление, в котором интеллигенция дифференцируется по уровню материальной обеспеченности. Соответственно имеет тенденцию к сближению с близкими по данному статусу социальными группами, адаптируясь и эволюционируя в новой социальной реальности политических преобразований и становясь необходимым ресурсом власти. Ухудшение социально-экономического положения интеллигенции, усугубление социального неравенства между социальными слоями российского общества, увеличение разрыва между бедными и новым формирующимся слоем богатых повлекло за собой утрату интеллигенцией функции нравственного эталона общества, потерю ценностной ориентации. Описание роли интеллигенции в данный период времени сводится к уничижительным характеристикам, обвинениям в продажности и в своем крайнем негативе к определению вины интеллигенции в провале модернизации и реформ. В противоположной позиции отдельными авторами предпринимаются попытки исследовать причины происходящих процессов в среде интеллигенции: эволюцию ценностного сознания, духовного обновления общества, социальных деформаций в условиях переходного периода, социокультурных ориентаций, социальной самоидентификации.

На рубеже столетия разгорелась острая дискуссия, начало которой было положено в работе Д.С. Лихаче-

ва «О русской интеллигенции» в 1993 г. [5. С. 4]. Дискуссия разгоралась по поводу предпринятой Д.С. Лихачевым попытки изменить существующие научные представления о феномене интеллигенции, систематизировать и обозначить ее основные черты и роль в обществе. Научные дискуссии коснулись в первую очередь обозначенной им такой черты интеллигенции, как свобода. Понимая свободу как нравственную категорию, Д.С. Лихачев подчеркивал, что интеллигент не свободен только от своих мыслей и своей совести. «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше» [6. С. 371]. В дальнейшем такой подход возвращает отечественных исследователей к позиции, доминирующей на рубеже XIX в., когда в центре внимания рассматривалась духовно-нравственная позиция. Интеллигенция как совесть нации обязана обладать гражданской, социальной ответственностью, мучительно переживать за народ и жертвовать личным благом во имя блага общественного, при этом не требуя для себя ничего взамен.

В отличие от отечественной науки, которая, начиная с XIX в., вменяет интеллигенции мессианскую роль, западная наука не приписывает интеллигенции функции нравственного эталона. Западный подход к определению интеллигенции имеет прагматичный и утилитарный характер. Интеллигенция там понимается как наиболее сознательная, культурная часть социума, людей разных профессий, но профессионально занимающихся умственной (интеллектуальной) деятельностью. В связи с этим и само понятие «интеллигент» отсутствует, замещаясь на понятие «интеллектуал» (intellectuals). Универсальную природу интеллигенции еще в начале XX в. описывал немецкий социолог Карл Манхейм, рассматривая ее в общемировом масштабе как культурный, сознательный и необходимый элемент любого общества. В дальнейшем западные исследователи разрабатывают два вектора изучения, которые вписываются в рамки разработанной Г. Моска и В. Парето теории элит. Первый вектор направлен на изучение стратификационных показателей, таких как доход, собственность, имущественное положение, власть. Второй имеет функциональную направленность: интеллектуалы оказывают существенное влияние на общество (С.М. Липсет, Д. Бэлл), интеллектуалы постепенно утрачивают свою роль и влияние на общество (Р. Миллс, Э. Фромм). В рамках данных направлений разрабатываются теории, в которых ведущую роль в жизни общества играют либо интеллектуалы-технократы, либо интеллектуалы-гуманитарии. Под влиянием данных теорий в отечественной науке формируются два направления исследований: технократической и гуманитарной интеллигенции. Круг исследований замыкается на изучении ценностной и социальной идентичности, определении круга проблем, связанных с имиджем и социальным статусом, а также проблеме воспроизводства и поиска оригинальных подходов к изучению феномена интеллигенции.

Если обратиться к современным исследованиям, то следует отметить, что радикальные трансформации в современном российском обществе, так же как и на Западе, привели к изменениям в определении социальной роли и социального статуса интеллигенции. При этом проблема определения самого понятия выходит на второй план, замещаясь проблемой определения, существует ли сегодня интеллигенция вообще или исчезла как социальный слой. Рассуждения об исчезновении интеллигенции в России, по мнению известного российского социолога О.Н. Яницкого, у некоторых авторов сводятся к постоянной критике этой группы. Он считает, что это ведет к «усилению идеологии нетерпимости в обществе и тем самым разрушает его культуру» [7]. В своей новой книге «Социальные движения: теория, практика, перспектива» О.Н. Яницкий подчеркивает несостоятельность обвинений в адрес интеллигенции некоторых современных авторов [8]. Непонимание роли «лидеров “третьего сектора”», которые, по его мнению, являются социальной базой политических реформ, приводит некоторых авторов к высказыванию прогноза о наступлении конца российской интеллигенции, утрате функции нравственного эталона и оппонента власти [Там же. С. 199].

Сегодня, на наш взгляд, сложились две диаметрально противоположные точки зрения. С одной стороны, интеллигенция – это интеллектуальный и общественный лидер, индикатор настроения и состояния общества, особый морально-этический феномен, люди думающие, неравнодушные, обладающие внутренним духовным стержнем, пользующиеся доверием народа, чье поведение для общества является образцом. С другой стороны, все громче звучат голоса, называющие этот социальный слой «интеллигенцией согласия», кричащие о наивности интеллигенции, ангажированности властью, вымирании, утрате духовно-нравственного стержня и предсказывающие конец российской интеллигенции. Такое положение дел создает настроение как в известном анекдоте: «ложечки-то нашлись, а осадок остался». Вроде бы в поиске определения понятия интеллигенции нашли, что искали, но вот как быть с пониманием того, что осталось от первоначального смысла.

«Культурное ядро» – опора гегемонии. Почти сто лет назад итальянский философ, политик, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши в своем труде «Тюремные тетради» [9] предпринял попытку создать теорию революции, ключевым разделом которой является учение о гегемонии. Обратим внимание на наиболее важные, на наш взгляд, предположения, высказанные автором:

– «Государственная власть держится на двух опорах: сила и согласие».

– «Гегемония наступает только при условии, когда достигается тот уровень активного согласия, при котором граждане добровольно желают того же, что желает господствующий класс».

Гегемония – это непрерывный (по Грамши, «молекулярный») процесс, при котором подрыв политической стабильности ведет к утрате или установлению

гегемонии. «Молекулярная агрессия» – это поток бесконечно повторяющейся информации (через книги, журналы, газеты, пересуды), дублирование одних и тех же утверждений, целенаправленно разрушающих «культурное ядро».

«Молекулярный процесс» протекает не как открытая классовая борьба, а при помощи изменения сознания большинства в необходимом господствующему классу русле. За изменения сознания большинства, т.е. мыслей и настроений масс, должен бороться как господствующий класс, защищающий свою гегемонию, так и революционные силы, созревшие для борьбы за свою гегемонию.

«Культурное ядро» – опора гегемонии. Именно с его помощью создается «устойчивая коллективная воля», которая является гарантом стабильности существующего политического порядка. Революция возникает в случае «молекулярной агрессии» на «культурное ядро», вследствие чего разрушается «коллективная воля» и происходит переход к новому политическому порядку. В понятие «культурное ядро» Грамши вкладывает всю совокупность существующих представлений о мире, традиций, верований, обычаев, но именно интеллигенцию он считает основой «культурного ядра».

Исследуя происхождение интеллигенции в различных обществах, Грамши приходит к выводу, что как особая социальная группа интеллигенция возникла в тот период времени, когда возникла потребность в установлении или подрыве гегемонии через идеологию. Поэтому профессиональная функция (заниматься умственным трудом) уходит на второй план. Грамши подчеркивает, что большинство исследователей допускают существенную методологическую ошибку, когда ищут критерий отличия интеллигента от неинтеллигента в сущности интеллектуальной деятельности, тогда как данный критерий надо искать в той деятельности (общественной), которую осуществляет социальная группа. «На этом основании можно было бы утверждать, что все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов» [9. С. 330]. Поэтому, по мнению Грамши, исторически формируются «…специализированные категории людей для осуществления функций интеллигенции» [Там же], которые являются «приказчиками господствующей группы, используемыми для осуществления подчиненных функций социальной гегемонии и политического управления» [Там же. С. 332].

Главная функция интеллигенции, по мнению Грамши, – это создание и распространение идеологии. Интеллигенция обеспечивает господствующей группе согласие широких слоев населения, следовательно, обеспечивает и доверие господствующей группе, и поддержку государственного аппарата убеждения и принуждения. В результате интеллигенция создает условия для достижения гегемонии господствующего класса.

Грамши предпринял грандиозную попытку дать историческое объяснение происхождению интеллигенции в различных обществах и определить ее роль и функции в обществе. Поэтому столь краткий обзор не раскрывает всей сути его работы. Обозначив наиболее существенные аспекты его работы, мы хотим акцентировать внимание на тех предположениях Грамши, которые позволяют приблизиться к пониманию современной русской интеллигенции.

Интеллигенция есть в каждом социальном слое. Если взять за основу данное утверждение Грамши, то подтверждением этому высказыванию послужит формирование новой интернет-интеллигенции. Сетевое общество, которым опутано все информационное пространство, использует идеологические ресурсы для рекрутирования в свои ряды все новых членов, разжигая недовольство и ведя поиск виновника во всех бедах русского народа. «Молекулярная агрессия» направлена на подрыв гегемонии господствующего класса. Нравственные ориентиры у данного сообщества отсутствуют. Это следует из того, что лидеры данного сообщества, подобно флюгеру, готовы развернуться в любую сторону, «взрывая» Интернет по любому поводу, будь то тема коррупции или произвола властей, тема терроризма или выборы на государственные должности, нарушения в сфере ЖКХ или рейдерские захваты. Все зависит от того, какая на данный момент времени тема является актуальной. В соответствии с этой темой лидеры сообщества разжигают «молекулярную агрессию». При этом Интернет является тем пространством, в котором контроль за высказыванием минимален, а уровень попадания в недовольное большинство велик. Кроме того, любая иллокутивная ловушка, расставленная в сети, позволяет получить моментальный отклик. Разрушая доверие к политике, проводимой господствующим классом, вызывая несогласие с проводимым политическим курсом, интернет-интеллигенция реализует идеологическую функцию, направленную на реализацию тех преобразований в жизни общества, которые выгодны данной группе, т.е. пытается разрушить одну гегемонию, создав новую.

Интеллигенция традиционная и органическая. Такое различение, предложенное Грамши, мы полагаем обоснованным и заслуживающим внимания современных исследователей. Следуя данному предположению, к органической интеллигенции можно отнести интернет-интеллигенцию. Грамши считал, что органическая интеллигенция возникает в тех слоях, которые являются на данный момент времени наиболее социально активными.

К традиционной интеллигенции, которая, по мнению Грамши, формируется веками и существует на протяжении длительного исторического периода, можно отнести ту интеллектуальную, пассивную часть общества, которая молчаливо выражает свой протест действующей власти. Этот вид интеллигенции имеет утопичную, по его мнению, позицию, считая себя самостоятельной и независимой от господствующей группы. Однако стоит подчеркнуть, что он видел в традиционной интеллигенции огромное значение для общества и считал, что любая социальная группа, борющаяся за установление гегемонии, стремится привлечь на свою сторону именно традиционную интеллигенцию.

Следуя предположению Грамши о «молекулярной агрессии», органическая интеллигенция (интернет-

интеллигенция) поддерживает свое существование и деятельность при помощи тиражирования той идеологии, которая создается в сообществе, ее породившем. При этом интернет-интеллигенция активно вовлекает в свои ряды традиционную интеллигенцию. В своих блогах лидеры данного сообщества привлекают к участию в дискуссиях таких представителей традиционной интеллигенции, как известные литераторы, актеры, ученые, журналисты, общественные деятели.

Функции органической и традиционной интеллигенции определяются соотношением социально-политических сил, которые на данный конкретно-исторический момент времени завоевывают или пытаются сохранить гегемонию.

Можно обозначить характерные черты современной органической интеллигенции, позволяющие обеспечить ей рост и влияние на широкие слои населения:

– открытая оппозиция к власти;

– развитая коммуникационная сеть;

– обеспечение обмена информацией в различных социальных стратах;

– расширение круга интересов, тем самым обеспечивая себе внимание со стороны различных групп населения;

– возможность быстрого реагирования, моментального отклика на любую проблемную ситуацию;

– использование вербальных и невербальных средств воздействия на массовое сознание;

– активность.

Традиционная интеллигенция на сегодняшний день отчасти не понимает важности и в большинстве своем не хочет использовать такой могущественный ресурс, как Интернет. Вследствие этого утрачивает свое влияние на массы. При этом часть традиционной интеллигенции примыкает к органической интеллигенции, а часть остается разрозненной и пассивной группой. По нашему мнению, причины утраты традиционной интеллигенцией влияния на широкие общественные слои населения заключается в следующем:

– традиционная интеллигенция слишком замкнута в своей страте;

– между представителями традиционной интеллигенции из различных профессиональных групп отсутствует коммуникация;

– обмен информацией, обсуждение и дискуссии в среде традиционной интеллигенции узко очерчены рамками своей профессиональной группы;

– круг интересов также очерчен рамками своей профессиональной группы;

– пассивность.

В среде думающей и образованной понимание настоящего положения дел в стране можно описать словами «власть натирает купола и звонит в колокола». Соответственно, молчание традиционной интеллигенции обусловлено: недоверием власти, пониманием тщетности устремлений, страхом за последствия выражения своего мнения.

Если рассматривать интеллигенцию не как сложившийся социальный слой, а как динамичную структуру, в которой существуют внутренние противоречия и проблемы воспроизводства, то причин молчаливого протеста традиционной интеллигенции, по нашему мнению, может быть несколько.

1. Глубинные изменения в социально-политической, экономической ситуации в стране вынуждают интеллигенцию искать способы выживания, при этом оставляя для себя даже в этих условиях возможность для самореализации, потому как в этой среде исторически сложилось правило «не хлебом единым жив человек».

2. Процесс адаптации интеллигенции к рыночным условиям, несомненно, займет гораздо более длительный промежуток времени, чем у такого социального слоя, как бизнес-класс, поскольку интеллигенция в большинстве своем, с одной стороны, не может, с другой – не хочет преодолевать и разрушать свои нравственные устои.

3. Невостребованность в России людей умственного труда – негативная тенденция, которая складывается уже на протяжении последних десятилетий. Следовательно, интеллигенции необходимо сделать выбор между патриотизмом и желанием «сытой жизни». Есть и третий вариант – поиск возможности быть востребованным на Западе, но при этом иметь возможность вернуться в тот момент, когда ситуация станет благоприятной в России. Вариант достаточно сложный и часто невыполнимый, поскольку ожидание перемен к лучшему может растянуться не на одно поколение эмигрантов. В истории послереволюционной эмиграции множество тому примеров.

4. Неадекватное современным реалиям бюджетное финансирование и оплата труда. Соответственно страх в среде интеллигенции потерять даже то, что имеют. Это основная причина молчания в среде интеллигенции старшего поколения, потому что постоянная угроза безработицы означает фактически обреченность на нищенское существование.

5. Снижение престижа и статуса профессий, связанных с умственным трудом. Пример из советского прошлого: профессор университета получал заработную плату в десятки раз выше, чем работник торговли или бухгалтер. Кроме того, в советском обществе он пользовался уважением и почетом. Сегодняшние реалии: профессор университета получает заработную плату на уровне продавца, бухгалтера, менеджера среднего звена, которые не тратят на свое обучение и повышение квалификации десятки лет. Уважение и почет – в прошлом, потеря имиджа и прежнего статуса – в настоящем. Иными словами, большая часть интеллигенции находится в состоянии нисходящей мобильности.

6. Безразличие со стороны государства к проблемам интеллигенции порождает апатию и пассивность в данной среде. Как следствие, социальная аномия общества в целом.

«Русский студень». Пытаясь дать историческое объяснение появления интеллигенции в разных странах и исследуя ее роль в обществе, Антонио Грамши употребляет меткий эпитет в адрес русской нации, назвав инертные и пассивные национальные силы «русским студнем». На наш взгляд, данный эпитет как нельзя точно отражает суть традиционной интеллигенции в России. Примеряя данное высказывание к

сегодняшнему дню, можно сказать, что за прошедшие сто лет ничего не изменилось. Преодолеть пассивность традиционной интеллигенции, ее молчаливый протест господствующей власти возможно только в результате слияния с органической интеллигенцией, поскольку «интеллектуальная борьба, если она ведется без борьбы реальной, стремящейся к коренным изменениям ситуации, бесплодна» [9. С. 404]. Проблема состоит в том, каким образом возможно осуществить это слияние двух видов интеллигенции.

По мнению Грамши, «русский студень» исторически приобретает «твердый каркас» только под влиянием европейского опыта: «…elite из наиболее активных, энергичных, предприимчивых и организованных выезжает за границу, где осваивает культуру и исторический опыт наиболее развитых западных стран, не теряя при этом своей национальной самобытности и не порывая эмоциональных и исторических связей со своим народом. Завершив таким образом свое интеллектуальное ученичество, они возвращаются домой, побуждают народ очнуться от спячки и начать ускоренными темпами безостановочно двигаться вперед» [Там же. С. 338]. На выполнение интеллигенцией просветительской функции указывают и современные авторы. Например, Е.В. Бакшутова, создавая социально-психологический портрет русской интеллигенции (конец XIX – начало XX в.), исследует материалы литературно-политического журнала «Русская мысль». Автор работы указывает на то, что «принятая интеллигенцией задача по адаптации западных схем развития (религиозных, конституционных, правовых) в России требовала постепенного их усвоения, просвещения и воспитания народа с учетом национальной культуры, социально-экономической среды» [10. С. 108].

Органическая интеллигенция из наиболее активных слоёв (elite) также использует западный опыт для создания своей идеологии, борясь с исторической инертностью и преодолевая пассивность традиционной интеллигенции. Традиционная интеллигенция может привнести в «молекулярный процесс» весь накопленный арсенал знаний и свое главное оружие – интеллект. Используя неограниченный информационный ресурс органической интеллигенции, традиционная интеллигенция может остаться тем «культурным ядром», которое необходимо для создания идеологии, открывающей путь к гегемонии. Что последует за этим, можно только предполагать. Как говорил один из героев романа Б. Акунина, «чтобы не загнить, не затянуться ряской, общество нуждается в периодическом взбалтывании» [11. С. 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акунин Б.* Весь мир театр. М., 2010.
2. *Философский* словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М. : Политиздат, 1981. 445 с.
3. *Философский* энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. 2003. 585 с.
4. *Социология* в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 696 с.
5. *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2.
6. *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006.
7. *Яницкий О.Н.* «Новый средний класс» – это кто? // Власть. 2013. № 12. С. 199–203.
8. *Яницкий О.Н.* Социальные движения: теория, практика, перспектива. М. : Новый хронограф, 2013. 360 с. (Серия: «Российское общество. Современные исследования».)
9. *Грамши А.* Тюремные тетради : в 3 ч. / пер. с ит. Г.П. Смирнова и др. ; под общ. ред. М.Н. Грецкого и Л.А. Никитич. М. : Политиздат, 1991. Ч. 1. 560 с.
10. *Бакшутова Е.В.* Социально-психологический анализ русской интеллигенции (по страницам журнала «Русская мысль» 1880–1918 гг.) // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2, № 1. С. 92–109.
11. *Акунин Б.* Статский советник. М., 2005.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 апреля 2014 г.

"RUSSIAN ASPIC": DOES SILENCE MEAN AGREEMENT?

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 47-52. DOI: 10.17223/15617793/386/7

Karpova Anna Yu. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: belts@tpu.ru

Keywords: intelligentsia; intellectual; hegemony; cultural core; traditional intellectuals; organic intellectuals; ideology; governance; power.

The article studies the Russian intelligentsia in its historical retrospective, analyses its role and function in society. The author seeks the answer to the question of whether the Russian intelligentsia expresses silent protest or agreement with the current government. The first part of the article is devoted to the study of the very concept of the intelligentsia which still does not have an established definition. The author provides an overview of the definition of this concept in domestic science in the last century. The impact of the theory of social stratification and class theory of Karl Marx on the domestic research in this area is highlighted in the article. The accent is made on the debate that raged in the mid-90s in domestic science of intelligentsia about the very phenomenon of the intelligentsia and its role in society. The discussion was initiated in 1993 by the publication of the work of D.S. Likhachev "On the Russian intelligentsia". Turning to the western approaches to the definition of the intelligentsia (intellectuals), the author emphasizes the pragmatic and utilitarian nature of this definition. In Western science there are two areas of research under development that are based on the theory of elites by G. Mosca and B. Pareto. The first aims at the study of stratification indicators, such as income, property, wealth, power. The second has a functional course: intellectuals have a significant impact on society (S.M. Lipset, D. Bell), intellectuals gradually lose their role and impact on society (R. Mills, E. Fromm). In the second part of the article establishing the core on the work of A. Gramsci "Prison Notebooks" the author attempts a comparative analysis of the modern intelligentsia in Russia. The author determines the reasons for which the intelligentsia lost its impact on society. The article provides a brief overview of the doctrine of hegemony by Gramsci and describes the basic concepts: a molecular process, a molecular aggression, a cultural core. The essence of the distinction between organic intellectuals and traditional ones is revealed. The author believes the distinction proposed by Gramsci is reasonable and worthwhile attention of contemporary researchers. The main features of modern Russian intelli-

gentsia are described, following the proposed distinction. The author examines the intelligentsia not as an established social layer, but as a dynamic structure in which there are internal contradictions and problems of reproduction, and indicates the reasons for the silent protest of traditional intellectuals in Russia. In the third part, the author draws attention to the epithet that Gramsci used against the Russian nation, calling the inert and passive national forces "Russian aspic". The author emphasizes that this epithet accurately reflects the essence of traditional intellectuals in Russia. The main conclusion of the author is that it is necessary to merge the organic and traditional intellectuals basing on the proposed definition of the role of intellectuals by Gramsci as a core cultural hegemony.

REFERENCES

1. Akunin B. *Ves' mir teatr* [All the world's a stage]. Moscow: Zakharov Publ., 2010.
2. Frolov I.T. (ed.) *Filosofskiy slovar'* [Dictionary of Philosophy]. 4th edition. Moscow: Politizdat Publ., 1981. 445 p.
3. Gubskiy E.F. et al. (eds.) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Dictionary of Philosophy]. Moscow: INFRA-M Publ., 2003. 585 p.
4. Yadov V.A. (ed.) *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow: Institute of Sociology RAS, 1998. 696 p.
5. Likhachev D.S. O russkoy intelligentsii [On the Russian intelligentsia]. *Novyy mir*, 1993, no. 2.
6. Likhachev D.S. *Izbrannye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture* [Selected works on Russian and world culture]. St. Petersburg: SPbGUP Publ., 2006.
7. Yanitsky O.N. "New Middle Class" – Who is this? *Vlast'*, 2013, no. 12, pp. 199-203. (In Russian).
8. Yanitsky O.N. *Sotsial'nye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektiva* [Social movements: theory, practice and perspective] Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013. 360 p.
9. Gramsci A. Tyuremnye tetradi. V 3 ch. [Prison Notebooks. In 3 vols.]. Translated from Italian by G.P. Smirnov et al. Moscow: Politizdat Publ., 1991. Vol. 1, 560 p.
10. Bakshutova E.V. Sotsial'no-psikhologicheskiy analiz russkoy intelligentsii (po stranitsam zhurnala "Russkaya mysl'" 1880-1918 gg.) [Socio-psychological analysis of the Russian intelligentsia (the pages of the Russkaya Mysl' journal, 1880-1918)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii – Historical Psychology & Sociology*, 2009, vol. 2, no. 1, pp. 92-109.
11. Akunin B. *Statskiy sovetnik* [The State Counsellor]. Moscow: Zakharov Publ., 2005.
12. Roundtable in the Russian State Humanitarian University. Social status and image of the humanitarian intelligentsia: illusions and reality. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/446/699/1217/011Sots.pdf. (Accessed: 26.01.2014). (In Russian).

Received: 29 April 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 53–58 DOI: 10.17223/15617793/386/8

УДК 78.01

И.Н. Нехаева

ГРАНИЦА ИСТОРИИ: ЯЗЫК ИЛИ ИСКУССТВО?

Статья содержит позицию, проясняющую условия ограничения исторического поля посредством введения в исторический анализ определенных различий между языком и искусством. Особое внимание уделяется крочеанской позиции, выступающей в качестве сильного противовеса двум другим точкам зрения – В. Виндельбанда и В. Дильтея – на взаимодействие истории, искусства и языка, разворачивающееся в познавательном поле. Б. Кроче, отстаивая свою точку зрения, заключающуюся в неразличении опыта и языка, искусства и истории, искусства и языка, пытается преодолеть границу между языком и опытом, поместив и язык, и историю, и искусство в единое познавательное поле.

Ключевые слова: история; язык; искусство; опыт; познание; творчество.

Следует согласиться, что поиск *всеобщности* в контексте исторического поля не следует полагать в качестве чего-то значительного, т.е. того, что с необходимостью должно привести к истине в последней инстанции. Допущение возможности осуществления такого поиска на самом деле часто становится источником проблемы, так сказать, вовсе *не* касающейся природы «исторического», но лишь приобретенной и навязанной самой истории в ходе ее *осмысления*, при котором возникшая ситуации смещения акцентов, к сожалению, приводит к порождению квазипроблемы «всеобщности», вбирающей все внимание и концентрирующей его не на одной (единственно существующей *частной* и *специальной*) истории, а именно на *языковых средствах достижения этой цели.* В этом смысле, действительно, наиболее существенным становится обращение к принципу «всеобщности» как к некоему *собирательному* условию, как может показаться, единственно способному обрабатывать наличную индивидуальность так, что последняя приводит к окончательному свершению процесса осмысления, выраженного в языке. Тем не менее для ясности понимания природы «исторического» необходимо провести *границу исторического пространства*, ценность которой главным образом должна просматриваться в последующем руководстве, касающемся выбора точки зрения на сообразность, с одной стороны, истории и языка, а с другой стороны – истории и искусства. Это, в конечном счете, непременно приведет еще к одной спорной плоскости синтетического взаимодействия составляющих элементов обеих сторон – к *познанию*, в сфере действия которого все выше обозначенные соединения, конечно же, принимают совершенно иной облик, вычерпывая из сложившегося положения дел становление не онтологического, а исключительно *эпистемологического* статуса не только истории, но и искусства.

В связи с этим, а также с учетом теории Б. Кроче, – поскольку именно эта фигура, на наш взгляд, с одной стороны, оказала колоссальное влияние на многих исследователей в области теории искусства, и в их числе, к примеру, Р. Коллингвуд; с другой стороны – столь радикальная в отношении познавательной деятельности позиция Кроче, как представляется, позволит автору исследования использовать ее в качестве того фона, в сравнении с которым любой иной взгляд на историю, искусство и язык будет заметно контрастировать, а значит, позволит наиболее ясно демонстрировать тождества и различия, касающиеся связей, необходимо возникающих между ними в ходе исследования), – выяснение данной позиции в отношении истории (равно как и искусства) непосредственно связано с историей, взятой в качестве *языковой* формы проявления. В результате это становится свидетельством положения *границы искусства*, хотя и сохраняющего свои основные характеристики, которыми остаются *непосредственность* и *индивидуальность*, однако, при сопоставлении этого положения с точкой зрения Кроче, а также с двумя другими им же рекомендуемыми и достаточно разными, но в равной степени касающимися выбора положения истории и искусства на познавательной «арене», позициями – речь идет о мнении на этот счет В. Виндельбанда и В. Дильтея, – искусство, как и история, оказываются *вовлеченными в единое познавательное поле* с той лишь разницей, что Кроче, указывая на специфику исторической природы, счел целесообразным отнести ее к области искусства, как раз в противовес мнению Дильтея, причисляющего историю к «наукам о духе» с целью ее отличия от физики и биологии, принадлежащих к «наукам о природе», именно в силу разницы *объектов* изучения, которыми в первом случае, с точки зрения Дильтея, являются продукты человеческого духа – разум, воля, эмоции, а во втором случае – результаты физико-химических процессов[1]. Позиция Виндельбанда иная, поскольку подчеркивает ненаучный характер исторического познания, заключающийся не в разности изучаемых историей и наукой объектов, а в различии *целей* и *намерений*, определяющих историческое познание в качестве описательного, а научное знание – в качестве законополагающего[2]. Соответственно, любая из обозначенных выше позиций однозначно придерживается точки зрения на познавательную деятельность как вбирающую в себя не только строго научную сферу, но в том числе охватывающую гораздо более широкое пространство, поглощающее и историю, и искусство. Мало того, позиция Кроче, по-видимому, буквально настроена на *тотальность познавательной интенции*, разделяющей все существующее согласно двум видам познания[3]: один исходит из обобщения и концептуализации, другой же – из индивидуализации и интуитивности. Отсюда если Виндельбанд полагал в лице каждого из представленных видов познания разные *типы наук*, то Кроче, напротив, первый *вид познания* определял в качестве *науки*, а второй – в качестве *искусства*[4].

Таким образом, с одной стороны, Кроче, кажется, прав, относя искусство к области познания, и прежде всего потому, что если отталкиваться от самого понятия «искусство», то его действительно следует понимать как некую *форму творчества, пройденного сквозь призму социального среза*, поскольку творчество художника или композитора, взятое в их опытном, единичном исполнении, не подлежит вовлечению в познавательный процесс именно в силу иной природы пространства, само пребывание в котором именуется *опытом*, и где невозможна никакая форма различения, вместе с тем *необходимая* для осуществления познавательной процедуры. И в этом смысле можно смело утверждать, что, к примеру, Моцарт в момент написания музыки находился в том особом эмпирическом состоянии, когда он сочинял именно музыку (а не «музыку Моцарта»), и только впоследствии, в восприятии аналитиков искусства, чьим делом и является анализ данного процесса, музыка, написанная Моцартом, становится «музыкой Моцарта», стало быть, искусством, т.е. музыкой, взятой не в опыте (т.е. в своем первичном действии), а в языке, исторической альтернативой которого представляется исполнение *рассказа* о том, что однажды случилось так, что Моцарт написал музыку, и что теперь это – «музыка Моцарта».

С другой стороны, возражая позитивистской позиции, суть которой состоит в представлении о *всяком* правильном знании исключительно как *научном*, и определяя общепринятые знания в качестве лишь *формально* иных по отношению к научному знанию, Кроче замечает, что отличие науки прежде всего состоит в осуществлении ею способа понимания мира исключительно концептуально, облекая общие истины в понятия. Однако при этом допустимо говорить о существовании отличного от научного способа понимания мира – непосредственного и индивидуализированного, представляющего *непонятийное знание о мире*, которым в данном случае и является искусство, а коль скоро последний способ, по мнению Кроче, не имеет никаких преград для включения в познавательную плоскость, следовательно, он также должен иметь свои *критерии* истины и проверки[5] и, безусловно, имеет их. Отсюда два способа познания – наука и искусство – отличаются друг от друга только *формой, которую они придают соответствующим им восприятиям мира*[6]. И, тем не менее, этим все не заканчивается, поскольку Кроче, противопоставляя научное знание искусству, на наш взгляд, исходит из весьма подозрительного критерия существования помимо правильного знания, каким является наука, еще и, по его словам, *общедоступного и общезначимого знания, продиктованного здравым смыслом*[7]. Казалось бы, само по себе данное представление естественно, но дело в том, что такое общедоступное «знание» (и, надеюсь, многие со мной согласятся) плохо монтируется к искусству, поскольку совершенно очевидно, что творчество не есть пространство применения здравого смысла, а, скорее, напротив, – является уровнем возможной трансформации любой законосообразности.

Помимо этого, важным представляется, что данный факт в конечном счете приводит к различению науки и искусства, выраженному именно в том, какое *направление* обе сферы человеческой деятельности принимают в ходе исследования. Так, в случае с наукой, по мнению Кроче, процессуальный ход разворачивается в направлении от интуитивного отношения к миру в его особенности и завершается подведением частностей под понятия. В случае же с искусством только кажется, что происходит то же самое, правда, за исключением последней стадии, раскрывающейся в процедуре *репрезентации мира как совокупности частностей* [2. С. 442]. Именно здесь возникает своего рода конфликтная ситуация, раскрывающаяся в том, что в своем понимании искусства Кроче, по сути, *трансформирует искусство в язык*, однако надо признать, что в его ситуации это вполне допустимо по причине равно-репрезентативного поведения природы как в отношении к языку, так и к познанию, а поскольку искусство, по мнению Кроче, представляет собой познавательную деятельность, оно автоматически становится *и* языковым действием[8]. Отнюдь не случайно поэтому, что в дальнейшем данная синтетическая позиция усиливается представлением Кроче об искусстве как сфере выявления *возможностей индивидуального существования*, а если к этому еще прибавить, что язык как раз и является *областью возможного*[9] (в своем противопоставлении опыту как *области действительного*, так как опыт однороден и различия в нем обнаруживает лишь язык), то получается интересная вещь: Кроче, по сути, стремясь именно к *неразличению* опыта и языка, искусства и истории, искусства и языка, делает это, по-видимому, для того, чтобы *преодолеть границу между языком и опытом*. Помещая и язык, и историю, и искусство в единое познавательное пространство он пытается актуализировать *возможность представления истории в качестве искусства*, а поскольку границу полностью преодолеть невозможно, – в противном случае исполнение познавательной деятельности стало бы невозможно, – *функцию границы принимает на себя искусство*, которое «*очерчивает* отдельные области реальности, замалчивая свою осведомленность о других, для того чтобы эти очерченные области *представить* более ясно и отчетливо» [2. С. 443]. И если, согласно Кроче, искусство является репрезентацией, проектирующей мир событий на основе воображения, позволяющего художнику работать с тем, что *могло бы* произойти, т.е. с возможностью, тогда как историк ограничен тем, что *уже произошло*, соответственно, именно он работает с реальностью. Однако здесь очень важно понять, что, коль скоро история, представленная в качестве искусства, есть история репрезентаций, то в крочеанском контексте это означает только одно: *создание повествований является искусством истории*.

Из этого следует, что, согласно Кроче, историки в своих работах не должны что-либо объяснять, но только *представлять* прошлое, рассказывая о нем. В связи с этим можно сказать, что все представления историка выкраиваются согласно *эстетическому принципу*, так как история в крочеанской картине мира имеет своей границей искусство. Однако само по себе искусство не является границей, пролегающей

между двумя областями, поскольку, по мнению Кроче, искусство, взятое в качестве границы, не становится исполнителем функции деления, наподобие языка[10], но представляет собой исключительно *линию,* вводящую некоторую формальную устойчивость в хаос чувственных выражений, вырезая тем самым осмысленные образы мира, которые в своей неосмысленности являются лишь бесконечным процессом[11]. Не имея собственного специфического способа выражения, история вынуждена заимствовать *понятия* у науки, дабы придать порядок и форму собственной *интуиции*[12], т.е. такому способу своего проявления, который история обретает в контексте познавательной интенции. И в этом смысле *элементами интуиции*, с позиции Кроче, как раз и становятся «те понятия, которые вмешаны в интуиции и слиты с ними воедино…» [1. С. 12]. Однако при этом понятия выступают лишь в качестве своеобразного *отзвука познавательной деятельности*, поскольку в таком виде они теряют свою независимость и автономию, которую в случае с интеллектуальной деятельностью сохраняли именно благодаря обладанию иной характеристикой – *ясностью* и *отчетливостью*[13], рассеивающимися в моменте проникания таких понятий в область интуиции[14]. Тем не менее совершенно очевидно, что интуиция, взятая отдельно от обозначенного выше проникновения в нее понятия, – которое в теории Кроче является своего рода трансцендентальным условием возможности помещения интуиции в сферу познания:

1) отлична от *восприятия* уже в силу того, что в интуиции образы реального и ирреального являются *неразличимыми*[15], поэтому в интуиции не может быть никакого различия между реальностью и *не*реальностью. Это становится дополнительным поводом провозглашения познавательной тотальности в крочеанской теории;

2) в интуиции такие интеллектуальные различия, какими являются категории *пространство* и *время*, также слиты воедино, и, как полагает Кроче, в противовес высказанному на этот счет мнению Канта[16], в интуиции данные категории не выступают в качестве образований, играющих роль *formaliter*, или упорядочивающей формы, но только *materialiter*, т.е. ингредиентов. В связи с этим следует отметить, что в условиях провозглашенной со стороны Кроче тотальности познания его выступление против позиции Канта по меньшей мере странно, поскольку крочеанская аргументация возможности осуществления ряда интуиций, свершение которых, как полагается, может быть в одном случае лишь с учетом пространственности, а в другом – только временности, как случайных параметров, измерение которых в их действительности (т.е. констатирование данной пространственно-временной специфики созерцания как необходимой) является исключительно делом *последующей рефлексии*, а поэтому, как утверждает Кроче, «то, что интуируется в произведении искусства, есть *характер* или индивидуальная *физиономия* его, а не пространство и время» [1. С. 15].

В связи с этим возникает впечатление, что кантианская точка зрения перестает представлять какую-либо ценность в лице крочеанской позиции только по причине сложности, которая якобы навязывается. На самом деле, суть не в простоте данных функций (пространство и время), а в том, что Кант в связи с этими категориями достаточно ясно выражает суть не научного или художественного познания, а познания *вообще* как своеобразного организма, имеющего свой механизм, реализующийся только при наличии *созерцания*. Согласно Канту, первый шаг познания состоит в данности предмета, а второй – в подведении этого предмета под понятие; стало быть, если Кроче настаивает на тотальности познания, то он не может отрицать имманентность познавательного механизма, называя его «делом последующей рефлексии» и допуская нечто, предлежащее самому созерцанию, которое уже входит в эту «последующую рефлексию», но с учетом того, что Кроче (равно, как и Кант) интенционирует свои интеллектуальные помыслы в одну и ту же область – познавательную. Соответственно, характеристикой «последующей рефлексии» скорее следует наделить крочеанские «характер» и «физиономию», нежели то, что, по сути, их фундирует – кантианское созерцание как начальную форму познавательного действия, и неважно, направлено оно на художественное произведение или на случайный предмет. Это имеет место в силу простой причины: в любом случае действие производится *человеком*, поэтому, является он художником или обычным человеком, созерцает произведение искусства или рисунок, нарисованный ребенком, – познавательная функция как общий для всех механизм действует во всех случаях одинаково.

В-третьих, интуиция не есть ощущение, поскольку для интуиции ощущение является своего рода материей, которая схватывается лишь в качестве формы, представляющейся своеобразной границей, благодаря которой интуиции различаются между собой. Интуиция также не является ни ассоциацией, ни представлением, но ближе всего к интуиции, с точки зрения Кроче, подбирается именно *выражение*, которое, по его мнению, слито с интуицией, поскольку выражение (наравне с интуицией) является духовным *действием*. При этом хотя Кроче и сетует на то, что выражение традиционно заточено в рамки *словесного выражения*, однако известно, что выражения бывают и *не*словесными – это линии, цвета, звуки, и вполне очевидно, что данные несловесные выражения есть всего лишь *средства* выражения, поэтому не случайно, что Кроче, в поиске *смысла* понятия «выражение», обнаруживает его именно в качестве средства, которое «охватывает, таким образом, всевозможные обнаружения человека, – обнаружения оратора, музыканта, художника…» [Там же. С. 18], но никак не в виде *опытного* свершения, которое наделялось бы всеми характеристиками опыта – *целое* и *неделимое*. И хотя Кроче настаивает именно на такой характеристике выражения, способ этого выражения, напротив, прослеживает зарождение некой абстракции: «Выражение представляет собой неделимое целое; имя и глагол не существуют в нем как таковые; это – абстракции, создаваемые нами одновременно с разрушением той единственной лингвистической реальности, которой является *предложение*» [Там же. С. 151].

В своем отношении к реальности точка зрения Кроче вполне созвучна позиции Р. Рорти, которую последний позднее выразил в своем известном восклицании – «Язык вездесущ!». Твердое намерение Кроче настоять на том, что интуиция есть выражение[17], является весьма странным намерением именовать одно действие двумя разными словами, вернее, выражать неизвестное через неизвестное же, поскольку остается непонятным, что, в конечном счете, имел в виду Кроче, полагая интуицию в качестве чего-то общедоступного и общезначимого, ибо ясно, что взятая в таком виде, она свидетельствует только о том, что о ней (также как и об опыте) *нечего сказать*. И хотя Кроче пытается подменить интуицию фантазией, образом или, в крайнем случае, представлением, с учетом, «если под ним понимать нечто выделяющееся и всплывающее над психической массой ощущений…» [Там же. С. 17], и делает он это явно с целью заточения интуиции в «тюрьму познания», то в этом случае о ней, напротив, можно будет *сказать все, что угодно*, так как интуиция, приобретая познавательный статус и становясь интуитивным познанием, нивелирует последнюю возможность допущения чего-то, находящегося вне языка, а именно того, что всегда полагалось в качестве опыта. Надо признаться, что своим провозглашением познавательной тотальности Кроче исполняет свой творческий замысел, вместе с тем устанавливая и языковую тотальность. Аргументацией этому как раз и может послужить необычное на первый взгляд соединение интуиции и выражения, но если внимательно присмотреться к следующему высказыванию Кроче – «интуировать – *значит* выражать и *не значит* ничего другого (ни больше, ни меньше), как выражать» (курсив мой. – *И.Н.*) [1. С. 18], то становится понятно, что в данном случае именно обретение значения становится тем мостом, который Кроче прокладывает между *опытом* (интуиция[18]) и *языком* (выражение).

Таким образом, в настоящий период позиция Кроче является весьма актуальной, поскольку создает контекст «глубокого затруднения» (термин Р. Коллинза) своей радикальностью в отношении взаимодействия языка и искусства даже на фоне лингвистического поворота. Вне всякого сомнения, главная роль здесь закрепляется за познавательной способностью, как известно, достаточно скандально зарекомендовавшей себя в истории философии в качестве такого человеческого превосходства, которое для самого же человека в итоге оборачивается «пожизненным тюремным заключением». В настоящее время такая позиция сильно контрастирует с назревшим и уже вступившим в свое право прагматическим поворотом, причем основная нагрузка в разночтениях между «лингвистическим» и «прагматическим» приходится на становление отношений, необходимо возникающих между языком и опытом, близким аналогом которых становятся соответственно история и искусство.

Неудивительно, что вопрос, фигурирующий в заголовке данной статьи, прокладывая себе путь через учение Кроче, похоже, так и не находит удовлетворительного ответа. А происходит это именно по причине объявленной Кроче тотальности познания, где идиллия совместного существования искусства, истории и языка не позволяет дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Однако верно и то, что язык (как граница) все же имеет здесь явное преимущество, поскольку искусство, по словам самого Кроче, не справляется с поставленной задачей. К тому же, настаивая на познавательном контексте искусства, последнее можно без особых проблем представить в качестве «языка особого рода» (хотя, по правде говоря, такого рода характеристика уже порядком поднадоела). В результате история (равно как и искусство), оказавшись на задворках познания, настолько тесно срастается с языком, что буквально отождествляется с ним, оттесняя и затемняя собственную специфику так, что невозможно и слова сказать об истории или искусстве без того, чтобы не начать говорить о языке. Что ж, Рорти прав – «Язык всемогущ!».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В своем размышлении о различиях построения «наук о природе» и «наук о духе» В. Дильтей приходит к следующему выводу: «…в науках о духе осуществляется построение исторического мира. Этим образным выражением я обозначаю ту идеальную взаимосвязь, где имеет свое бытие объективное знание об историческом мире, которое последовательно расширяет свою сферу, основываясь на переживании и понимании. <…> Построение наук о природе определяется способом, каким дан их предмет, природа» [1. С. 133, 134].

[2] Как отмечает В. Виндельбанд, «специальные науки должны либо в качестве наук описательных и исторических устанавливать те суждения, которые приписывают данным в опыте предметам определенные (частью в данный момент наличные, частью постоянные) предикаты качества, состояний, деятельностей и отношений к другим предметам, либо в качестве наук объясняющих искать те общие суждения, из которых могут быть выведены как отдельные случаи все особые качества, состояния, виды деятельности и отношений отдельных вещей» [2. С. 43].

[3] Согласно Кроче, «познание имеет две формы: оно является либо познанием интуитивным, либо познанием логическим; познанием с помощью фантазии или с помощью интеллекта; познанием индивидуального или познанием универсального; самих отдельных вещей или же их отношений; одним словом, является либо производителем образов, либо производителем понятий» [3. С. 11].

[4] «Либо занимаются наукой… либо искусством. Если подводят частное под общее, то занимаются наукой, если представляют частное как таковое, занимаются искусством» (цит. по: [4. С. 441]).

[5] В частности, применительно к истории и согласно Уайту, критерии истины в историю должны привноситься определенным знанием, благодаря которому могло бы быть сделано такое суждение, обращение которого к некой теории способствовало бы раскрытию того, «как функционирует “реальность”, знания о мире и в особенности знания о мире человеческих поступков, которое дало бы историку ощущение, что мир, представший перед ним как прошлое, *вероятно*, был *таким, как представилось ему*, а не таким, как *вообразил себе писатель*». Имеется в виду, что историк, вооруженный такого рода знанием о прошлом, тем самым имеет доступ к исторической истине, в отличие, например, от простого писателя, обращающегося к прошлому в своих рассказах [4. С. 447].

[6] По мнению Б. Кроче, «различие между научным произведением и произведением художественным, то есть между фактом интеллектуальным и фактом интуитивным, заключается в том результате, в том различном эффекте, который имеется в виду каждым из них и определяет и подчиняет себе все отдельные части их, а не в этих отдельных частях, оторванных и рассматриваемых отвлеченно в изоляции друг от друга» [3. С. 13].

[7] «В повседневной жизни на интуитивное познание ссылаются непрерывно. О некоторых истинах говорят, что их нельзя определить, что их нельзя доказать при помощи силлогизмов, что их нужно воспринять интуитивно… и, наконец, человек практики ведет жизнь интуиции в гораздо большей степени, чем жизнь размышлений» [3. С. 11].

[8] Т. Хилл отмечает, что, с точки зрения Х. Уайтхеда, «в познании всегда имеется "трансцендентный элемент, характеризующий ту определенность, с которой наш опыт должен быть согласован", и этот трансцендентный элемент не отождествляется полностью с элементом опыта» (цит. по: [5. С. 271]).

[9] Это достаточно ясно показано у Л. Витгенштейна в его известной трактовке языка в качестве игры, которая может становиться разной всякий раз при смене правил: «Легко представить себе людей, развлекающихся на лужайке игрой в мяч. Начиная разные известные им игры, часть из них они не доводят до конца, бесцельно подбрасывают мяч, гоняются в шутку друг за другом с мячом, бросают его друг другу и так далее. И вот кто-то говорит: все это время они играли в мяч, при каждом броске следуя определенным правилам. А не случается ли, что и мы иногда играем, "устанавливая правила по ходу игры"? И даже меняя их – "по ходу игры"» [6. С. 118, 119].

[10] В этом смысле на функцию «деления», которую язык демонстрирует всякий раз, как только полагает отличные между собой объекты, указывает, в частности, Д. Юм: «…всякие отличные друг от друга объекты могут быть различены, а всякие различимые объекты могут быть разделены мышлением и воображением. И мы можем прибавить, что эти положения одинаково истинны и в обратном порядке, то есть всякие доступные разделению объекты также и различимы, а всякие различимые объекты также и различны. Ибо, каким образом мы могли бы иметь возможность разделять то, что не различимо, или различать то, что не различно?» [7. Т. 1. С. 77, 78].

[11] Согласно Д. Юму, «общая идея линии, несмотря на все наши абстракции и [умственные] тонкости, при своем появлении в уме обладает точной степенью количества и качества…» [7. Т. 1. С. 78].

[12] По мнению Б. Кроче, «историчность знаменует собою не форму, а содержание: как форма она не отличается ничем от интуиции или эстетического факта. История не ищет законов и не образует понятий, – не производит ни интуиций, ни дедукций, – устремлена *ad narrandum*, *non ad demonstrandum* (к рассказу, а не доказательству (лат.). – *И.Н.*), – не построяет универсалий и абстракций, а полагает интуиции» [3. С. 36].

[13] С позиции Б. Кроче, «чувства и впечатления силою слова переходят из темной сферы психики в ясность созерцательного духа» [3. С. 19]. И дальше, стремясь еще больше прояснить свою мысль, Кроче замечает: «Часть можно бывает услыхать от людей, что у них в голове много важных мыслей, но они-де не умеют их выразить. В действительности, если бы они их имели на самом деле (т.е. в ясном виде. – *И.Н.*), они запечатлели бы их целым рядом красивых звучных слов и тем выразили бы их. Если при попытке их выразить мысли начинают улетучиваться или оказываются тощими и бедными, то это значит, что их вовсе не существовало, либо они были лишь тощими и бедными мыслями» [3. С. 19].

[14] «Философские максимы, будучи вложены в уста какого-либо действующего лица трагедии или комедии, получают, благодаря этому, значение уже не понятий, а характеристик этих действующих лиц, совершенно так же, как красный цвет какой-нибудь нарисованной фигуры фигурирует в ней уже не как понятие красного цвета, присущее физике, а как характерный элемент этой фигуры» [3. С. 12].

[15] «Интуиция есть нераздельное единство восприятия реального и простого образа только возможного» [3. С. 14].

[16] Заметим, что И. Кант делил познание на *философское* – познание разумом *посредством понятий* – и *математическое* знание – познание *посредством конструирования* понятий; при этом последний вид познания он характеризовал в качестве *интуитивного*, а первый – *дискурсивного*, причем различие их полагал в форме. Однако философское познание, по мнению Канта, придерживается лишь общих понятий, тогда как интуитивное исходит из чистого созерцания, но не эмпирического, а априорного, т.е. по сути, вычленяя сам способ, который и является конструированием понятий [8. С. 423, 424].

[17] «*Каждая подлинная интуиция и каждое подлинное представление есть в то же время и выражение*» [3. С. 18].

[18] Здесь имеет смысл обратить внимание на определение, которое, говоря об интуиции, дает Р. Декарт, поскольку, если внимательно вдуматься, данное определение весьма гармонично монтируется к понятию «опыт»: «Под интуицией я разумею не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим, или, что одно и то же, прочное понятие ясного и внимательного ума, порождаемое лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция…» [9. С. 36].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дильтей В*. Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Три квадрата, 2004. Т. 3.
2. *Виндельбанд В*. Что такое философия? // Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. С. 22–58.
3. *Кроче Б*. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М. : Intrada, 2000.
4. *Уайт Х*. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
5. *Хилл Т*. Современные теории познания. М. : Прогресс, 1965.
6. *Витгенштейн Л*. Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.
7. *Юм Д*. Трактат о человеческой природе // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 1. С. 53–655.
8. *Кант И*. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
9. *Декарт Р*. Правила для руководства ума // Сочинения. СПб. : Наука, 2006. С. 31–92.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 июня 2014 г.

THE BOUNDARY OF HISTORY: LANGUAGE OR ART?

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 53-58. DOI: 10.17223/15617793/386/8

Nekhaeva Iraida N. Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

Keywords: history; language; art; experience; knowledge; creativity.

The article contains a position that explains the historical conditions that limit the historical field by introduction of a historical analysis of certain differences between the language and the arts. Particular attention is paid to Croce's position serving as a strong counterweight to the other two points of view – Windelband's and Dilthey's – on the interaction of history, art and language unfolding in the cognitive field. In particular, Dilthey classifies history to the field of "sciences of the spirit" primarily to separate it from the field of physics and biology which, in his opinion, entirely belong to the field of "sciences of nature". Windelband stressed the unscientific nature of historical knowledge due to the difference of goals and intentions, historical knowledge being descriptive and scientific knowledge being nomothetic. Thus both positions proclaim the totality of cognitive activity in its relation to the strictly scientific field and to history, and even to the arts. According to the apt remark by Rorty, this situation argues the totalitarian language, or even more obvious – is a "linguistic prison" to any impression gained from the outside world. On the contrary, Croce, as it seems, struggles to resist this, when he mentions about no distinguishing between experience and language, art and history, art and language in an attempt to overcome the boundary between language and experience, placing language, history, and arts in the cognitive space. Gradually, he strengthens us in thinking about the possibility of presenting history as art and since the boundary between

them cannot be completely overcome (otherwise performance of cognitive activity would be impossible), art functions as a boundary. However, this leads to more internal contradictions arising from necessity and with further identification of intuition and expression, which leads Croce to a conclusion that intuition and expression are basically the same, for expression (along with intuition) is a spiritual action. This is even more confusing, since Croce neutralizes the specificity of the two distinct, in our opinion, actions, and explains their identification by a necessity for them to acquire meanings. This puts everything in its place, because it finally clarifies and allows to determine Croce's position as aggressive linguicism.

REFERENCES

1. Dilthey W. *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works. In 6 vols.]. Translated from German. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2004. Vol. 3.
2. Windelband W. *Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Selected Works: spirit and history]. Translated from German. Moscow: Yurist Publ., 1995, pp. 22-58.
3. Croce B. *Estetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshchaya lingvistika* [Aesthetics as the science of expression and as general linguistics]. Translated from Italian by V. Yakovenko. Moscow: Intrada Publ., 2000. 160 p.
4. White H. *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe]. Translated from English. Ekaterinburg: UrSU Publ., 2002. 528 p.
5. Hill T. *Sovremennye teorii poznaniya* [Modern theories of cognition]. Translated from English. Moscow: Progress Publ., 1965.
6. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Translated from German. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Part 1, pp. 75-319.
7. Hume D. *Sochineniya v 2-kh t.* [Works. In 2 vols.]. Translated from English. Moscow: Mysl' Publ., 1996. Vol. 1, pp. 53-655.
8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 591 p.
9. Descartes R. *Sochineniya* [Works]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006, pp. 31-92.

Received: 18 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 59–63 DOI: 10.17223/15617793/386/9

УДК 378.4

Г.И. Петрова, И.А. Ершова, А.О. Зоткин

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ VERSUS УНИВЕРСИТЕТ КЛАССИЧЕСКИЙ?

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-13-70004 «Корпоративная культура классического университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника».

Поставлена проблема соотношения классической и исследовательской моделей университета, а также изменений, происходящих в современном классическом университете. Доказывается гипотеза о том, что исследовательский университет является формой классического университета, релевантной новым условиям современного глобализированного мира.

Ключевые слова: классический университет; исследовательский университет; мировой университет; глобализация; идея; миссия; критерии.

Трансформации современного университета, выражающиеся в возникновении рядом с классическим университетом других университетских форм, в изменении соотношения его функций – исследования и образования, в содержательных поворотах его идеи и миссии, критериев и оценки деятельности, проявляются эмпирически и требуют аналитики и рефлексии. Университет как проблема (в мире и в нашей стране особенно) вызывает исследовательский интерес, ибо в кардинальности своей постановки вызывает вопрос о возможности своего существования в классической, исторически сложившейся форме. Как ответ на ностальгию по классическому университету развёрнуты исследования, связанные с поиском возможности сохранения университетской классики в современных – неклассических – условиях. На актуальность исследования того, что происходит с классическим университетом в неклассическое время, указывают многие авторы. Так, в докладе ЮНЕСКО 2005 г. эксперты международного уровня (Л. Демаре, Ж. Плуэн и др.) утверждают, что в эпоху постсовременности требуются новые модели развития высшего образования [1]. Ж.-Ф. Лиотар говорит об «устаревании» классического принципа образования (Bildung), о том, что в новых условиях «университет болен» и «будет выходить из употребления» [2. С. 18]. О кризисе, который переживает современный классический университет, говорят Б. Ридингс [3], Ю. Хабермас [4], Р. Барнетт [5] и др. Общим лейтмотивом исследований в области философии современного университета является констатация его «руин» (Б. Ридингс). Классический университет в неклассическое время обрекается на «руины», в которых слышится «отходная по эре профессора» (Ж.-Ф. Лиотар) [2. С. 129]. Такой лейтмотив является следствием не только ностальгии по университетской классике. Он вызывает желание объективного исследования того, что на самом деле происходит с классическим университетом, когда он «обрастает» другими университетскими формами. Трансформации современного университета, таким образом, актуализируют необходимость его идентификации особенно в тех формах, которые получают новые эмблематичные названия (например, «национальный исследовательский университет»).

Проблема статьи состоит в том, чтобы осмыслить возникшее противоречие, когда, с одной стороны, современность требует новых форм образования и, соответственно, новых моделей университета. С другой, возникает вопрос о релевантности их плюрализма тому историческому феномену, который уже более 900 лет именуется «университет». Конкретный и непосредственно обозначенный в названии статьи вопрос обращает к необходимости увидеть релевантность той модели, в которой осуществлял своё историческое развитие классический университет и которая сегодня, трансформируясь, рождает университет исследовательский. Этим проблемным вопросом обусловливается цель исследования. Она состоит в том, чтобы осуществить сравнительный анализ классического и исследовательского университетов. Задачи исследования состоят в том, чтобы, во-первых, доказать релевантность названных университетских форм своему историческому времени. Во-вторых, обосновать возможность положительного ответа на вопрос о том, не является ли новая, недавно возникшая университетская форма – исследовательский университет – продолжением университета классического, который, оказавшись в новых условиях, вынужден менять свою форму, но стремится сохранить свою сущность.

Методология исследования современного университета связана с известными разработками информационного общества (Д. Белл) [6], «пространства потоков» (М. Кастельс) [7], «текучей» социальности (З. Бауман) [8], «теории коммуникативного действия», «производительной силы коммуникации» (Ю. Хабермас) [9]. Все они констатируют коммуникативные изменения современной онтологии социальной реальности, которая в таком качестве становится ответственной за новое содержание социальных структур и институтов постиндустриального мира. Университет как одна из таких социальных структур не может оставаться вне влияния происходящих онтологических изменений. Впитывая их в себя, он вынуждается к трансформациям и оказывается способен к ним. Именно в таком социальном и методологическом контексте встаёт проблема исследования университета, которая сегодня оказывается связанной с необходимостью определения оснований его идентификации как научно-образовательного института, который находится в общем русле коммуникации, динамики, неопределённости и постоянных изменений социальной и культурной реальности.

Переходя к решению поставленной проблемы и реализации целевой установки, следует прежде всего

сказать об отличии университета как порождения западноевропейской культуры от прочих образовательных институтов. Оно состоит в его исторически сложившемся назначении (миссии) – рационально проектировать («грезить» о будущем, трансцендировать рамки существующего) и совершенствовать в интеллектуальном, эстетическом и этическом отношении культуру, социальность, личность.

Эту функцию университет приобрёл в условиях классической культуры. Он был имманентен условиям, когда пространство понималось в рамках национального государства, ценностно актуальным являл себя «дух народа» (В. фон Гумбольдт), а единые национальные идеалы и единство культурной жизни достигались единством традиции как социальным механизмом развития общества. Традиция давала устойчивость и определённость развития, а наличие культурной доминанты – науки с её рациональным стилем мышления – обеспечивало логическую прозрачность общества, стандартность и клишированность шагов развития. Всё это создавало возможность его проектирования. Проект рассматривался алгоритмически выверенной процедурой, служил целям Прогресса и Просвещения. Это был просветительский проект университета. Он базировался на возвышенной вере в «чистое знание» и гуманистическую силу разума и науки, которые обеспечивали возможность совершенного общества. Такой университет исходил из необходимости подготовки специалиста как «человека-знающего», владеющего конкретной и устойчивой суммой знания для прогрессивного развития общества.

Однако сегодня ставится под вопрос сама возможность функции «грезить будущее». Устойчивая традиция уступила свою функцию социального механизма развития инновации, которая привела общество в мобильность, сообщила ему неопределённость развития и вынесла каждую отдельную нацию в мировое «пространство потоков» (М. Кастельс). Способом существования мирового пространства явился хаос, в котором не просматриваются направления движения и постоянно осуществляется процесс «культурпорождения» [10].

В таких условиях университет вынужден отказаться от его традиционных – национальных, классических – форм и принять мировую форму существования. Именно этим объясняется акцент на научных исследованиях, который взят современным университетом. Поскольку наука – интернациональное явление, то доминирование и приоритет, отданный научным исследованиям, выводят его на мировой уровень. Наука, продолжая нести идею университета в мировом пространстве, трансформирует его национальную форму. Университет становится мировым, глобальным. Исследовательский университет – это мировой университет.

В таком качестве видят современный университет его исследователи. Так, по мнению Ф. Альтбаха [11], высшее образование XXI в. представляет собой сочетание глобальных, национальных и локальных тенденций. И это – ответ на вызовы современного информационного постиндустриального мира, в котором знание трансформировалось в информацию и в таком качестве ушло от идеала классического образования. Мировой тенденцией его развития является его служение обществу потребления. Реализация этой тенденции – приобретение им стоимостных товарных характеристик. Соответственно, университетское образование в таких условиях перестаёт быть общественным благом и понимается в качестве образовательной услуги. Его характеристиками становятся массовизация, растущая гегемония мировой науки, доминирующая роль английского языка как языка всемирного общения и глобальной культуры. Все они, считает Ф. Альтбах, являются ответом на вызовы современности. Университеты мирового класса стремятся справиться с ними. И ни одна страна не чувствует себя уверенно без такого вуза [11]. Таким образом, выход университета на мировой уровень в эпоху глобализации является объективной необходимостью. Что делается в этих условиях с традиционным классическим университетом?

Ответ на поставленный вопрос актуализирует необходимость сравнительного анализа идеи университета, его миссии и его критериев в тех их проявлениях, которые они получали в классическом университете, и в тех, что наблюдаются сегодня в новой университетской форме – в исследовательском университете. Именно последний разрабатывает и реализует программы развития, направленные на вхождение в реестр мировых университетов. Такие университеты в первую очередь стоят перед необходимостью идентификации и самоидентификации.

Начиная сравнение, можно высказать гипотезу: «руины» университета – это конфигурация множественности как того «лабиринта», который готовит почву для возникновения новых университетских форм, где классический университет (как одна из них) сохраняется, трансформируясь в проявлениях своей миссии, идеи и критериев. Одной из форм такой трансформации является исследовательский университет. Эта гипотеза ориентирует на необходимость идентификации этих форм. Особенно идентификации требуют те университеты, которые вырастают из классических и получают новое название. Национальный исследовательский университет – один из них.

Осуществить сравнительный анализ классического и исследовательского университетов означает увидеть общее и специфическое в идее, миссии и критериях. Миссия университета в его классической форме формировалась в рамках общей специфики интеллектуального развития западноевропейской культуры и сложилась как назначение рационально проектировать («грезить» о будущем, трансцендировать рамки существующего), совершенствовать в интеллектуальном, эстетическом и этическом отношении культуру, социальность, личность. Рациональные проекты будущего совершенного устройства – это общая специфика западноевропейской интеллектуальной мысли. Классика задала сущностную специфику университета, отличающую его от других образовательных и социальных институтов. План, проект, мечта, греза – это то, что, являя себя сущностью университета, должно оставаться во всех его трансформациях в современном плюрализме его моделей. Общее в разных моделях может приобретать свои нюансировки и ак-

центы на различных социокультурных этапах исторического развития, но всегда сохраняется.

Что касается классической идеи университета, то её содержательный акцент и понимание фиксируются в характерной для неё духовно-гуманитарной специфике. Она выражала проект Просвещения и говорила об университете как о храме познания, где человек возводился к просвещающему и просветляющему началу. Антропологическая модель классического университета – «человек-познающий», восходящий под водительством учителя к вершинам науки, кумулятивно накапливающий профессиональное знание, сохраняющий его багаж в течение всей жизни. Такой человек создавал ситуацию культа учителя.

Однако сегодня встаёт вопрос относительно возможности реализации названных идей, миссии и антропологической модели университета. Можно верифицировать университет на предмет его ответа (соответствия) социокультурным условиям (классическим) индустриального периода социального развития и условиям современного (неклассического) – постиндустриального общества.

Условия постиндустриального информационного общества прежде всего меняют антропологическую модель университета, и современный студент не может не испытывать на себе их (условий) влияния. Динамичность онтологических культурных схем воздействует на понятие личности как целостности человеческого плана существования. «Плюральная субъективность», «многоликое Я», «ускользающая субъективность» – всё это из области новых – не целостных – модусов существования человека. На границы личностного существования сегодня влияет многоуровневая, хаотичная действительность, нониерархичная, децентрированная система бытия. «Многомирности» и полифонизму мира соответствует человек, который учится жить в хаосе и лабиринте. Это заставляет говорить о том, что «в то время как информационные системы и сети увеличивают человеческие силы в организации и интеграции, они одновременно подрывают традиционную западную концепцию… независимого субъекта» (цит. по: [7. С. 44]). Новое понимание личности подрывает саму возможность идеи восхождения человека к единой для всех человеческой сущности, идеи её единства. Действительно, современное – неклассическое – антропологическое видение отказалось от традиционных представлений о детерминационных, властно действующих началах в конструировании человека. Такое же влияние на человека оказало и информационное общество, которое возникло как социальная и технологическая презентация постметафизики. Самоконструирование, самоопределение, самореализация становятся ведущей антропологической программой, которая приобретает актуальность как резонансный ответ информационным изменениям. Резонанс сказывается в новых поворотах проблемы личностной идентификации, когда информационная среда как новый ресурс идентичности порождает кризис «Я». Как ответ на кризис М. Кастельс вводит понятие «новая индивидуальность». Появление этого понятия он оправдывает тем, что в условиях информационного общества категория личности больше не нуждается в алиби. Основными характеристиками «новой индивидуальности» он называет предприимчивость, корпоративность и толерантность. Все они – ответ современному пониманию пространства, где современное производство приобрело форму мировой сети. Человек в этом случае теряет традиционные личностные характеристики духовно-экзистенциального характера и рассматривается лишь как «единица производства». Поэтому он меняется в сторону космополитизма, безликости слияния в единое безнациональное мировое «электронное сообщество» [12].

Кризис личностной идентичности, понимаемой в традиционном смысле, инициирует поиск новых способов и форм идентичности. С этим и связано изменение и миссии, и идеи современного университета. Основная черта этих форм и способов – свобода для самоконструирования. «Сегодня, – говорит М. Кастельс, – допускается приятие полной индивидуализации поведения» [7. С. 28]. Университет в своей миссии берёт на себя заботу подготовить человека, способного к самоопределению, активной и желаемой саморепрезентации. Не случайно в современной философской литературе появилось понятие «технологической субъективности». Вводя это понятие, авторы работы «Университет как центр культурпорождающего образования» говорят о снятии с современной философии обязанности абсолютного настроя на необходимость жёсткой устремлённости к метафизическим пределам. Они считают, что отмеченный «кризис телеологической установки в отношении образования порождает и кризис субъективности, или кризис идеологии целенаправленного её формирования в виде неизменной сущности» [10]. В понятии субъекта в этом случае смещается внимание «с “Я” как сущности на методы конструирования “Я”, на “техники себя”, которые возникают… как продукт серии усилий по самотрансформации» [Там же].

Поскольку новому культурному состоянию должен соответствовать новый способ ориентации в нём, то университет меняет свою миссию: ею становится подготовка человека, способного к самоопределению в динамичном, изменяющемся и не поддающемся точному прогнозу мире. Современный университет формирует иную, по сравнению с классической, антропологическую модель. «Человек-знающий», существующий в Храме науки, уступает место «человеку-креативному», «человеку-трансформеру» – тому, кто может создавать себя сам в ситуации динамики и «текучести» социальной и профессиональной реальности.

Изменения происходят и в современной идее университета, в её духовно-гуманитарном содержании. Все они есть следствие глобализационных процессов постиндустриальной социальности, формирования глобальной культуры, языка всемирного общения, единого экономического порядка и пр. Названные процессы ведут к потере однозначности духовности и национального духа. Появляются условия для возникновения «глобального духа». Можно этот вывод ставить под вопрос, но он теоретически напрашивается. В такой теоретической перспективе изменяется традиционное содержание идеи университета, кото-

рый в своей классической модели уступает место университету исследовательскому как той его форме, которая выводит его в мировое пространство. Исследовательский университет является современным выбором классического университета.

Изменения в миссии и идее современного университета сопрягаются с изменениями в форме проявления его критериев. Так, существенные трансформации претерпел критерий фундаментализации университетского образования. Причина этого – специфика состояния современной науки и научного знания. Во-первых, в условиях постиндустриального общества – общества высоких информационных технологий – изменилась форма его фундаментальности как возведения студента к истине мира, к его всеобщим основам, увиденным в дисциплинарной парадигме отдельных наук. В современном университете наука представлена в междисциплинарной форме, фундаментальные знания переплетаются с прикладными. Образование приобретает форму междисциплинарного единения фундаментальных, технических и технологических знаний. Во-вторых, знание и истина приобретают стоимостные характеристики. Трансформируясь в товар, знание ввергает университет в конкурентную борьбу. Исследовательскому университету приходится доказывать свою конкурентоспособность на мировом рынке.

Таким образом, исследовательский университет не ориентирован на выполнение проекта Просвещения, его задача – выдержать конкуренцию. Рейтинговые показатели университета ориентированы на знаки его успешности как мирового: количество учащихся в его стенах иностранных студентов, количество опубликованных научных статей в иностранных журналах, участие в международных конференциях, индекс цитирования и пр. Следует констатировать, что традиционному пониманию качества образования в этих условиях не отдаётся предпочтения.

Изменения в критерии фундаментализации образования резонансно отзываются и на других критериях классического университета, превращая его в университет исследовательский. Например, он теряет автономию (как гумбольдтовский критерий классического университета), входит в режим зависимости от работы экономики и хозяйственного права, в режим прагматики и утилитаризма. Современный университет становится зависимым не только от государства, но и от структур бизнеса, от работодателя, спонсора, платных студентов и т.д. Изменяется, продолжая оставаться в качестве критерия университета, гуманитаризация образования. Теперь гуманитаризация университетского образования обеспечивается не столько национальной, сколько мировой гуманитарной аурой (тем самым «мировым духом») и воспроизводством поликультурных идеалов мирового сообщества. Наконец, меняется форма современного профессионализма, когда специалист со стабильной суммой предметного знания уступает место транспрофессионалу, обладающему метаспособностями, которые позволяют осваивать способы работы со знаниями, быстро устаревающими и постоянно возникающими как новые.

Таким образом, «руины» классического университета вследствие заложенного классикой потенциала продуктивны в том смысле, что являют собой момент истины и связаны с поиском новых форм существования того, что есть сущность университета. В этом смысле исследовательский университет является современной формой классического университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *К обществам* знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО, 2005. 239 с. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf
2. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 190 с.
3. *Ридингс Б.* Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
4. *Хабермас Ю.* Идея университета. Процессы образования / сокр. пер. с нем. А. Ярина // Alma mater (Вестник высшей школы). 1994. № 4. С. 9–17.
5. *Барнетт Р.* Осмысление университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2008. № 6. С. 46–56.
6. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М. : Academia, 2004. 788 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. ; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2000. 606 с.
8. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
9. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб. : Наука, 2001. 380 с.
10. *Гусаковский М.А., Ященко Л.А., Костюкевич С.В. и др.* Университет как центр культурпорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / под ред. М.А. Гусаковского. Мн. : БГУ, 2004. 279 с. URL: http://www.bsu.by/Cache/pdf/388903.pdf
11. *International* Higher Education: Reflections on policy and practice. Boston College [USA]. Center for International Higher Education. Chestnut Hill, MA, 2006. 187 p.
12. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 июля 2014 г.

RESEARCH UNIVERSITY VERSUS CLASSICAL UNIVERSITY?

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 59-63. DOI: 10.17223/15617793/386/9

Petrova Gailna I., Ershova Irina A., Zotkin Andrey O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seminar_2008@mail.ru; iritza@mail.ru; aozotkin70@gmail.com

Keywords: classical university; research university; world university; globalization; idea; mission; criteria.

Today the theme of the Classical University is being actively discussed within the framework of the challenges it met after the nine centuries of its history. The University was established on the idea of knowledge and advance of a human to knowledge has become its mission. However, the University ended up in a crisis in the 21st century. Therefore, there is a question whether the Classics disappear, as well as what is happening with the Classical University when other University forms have grown around it? The article defines the problem of correlation of the Classical University and the Research University. The Research University is a new type of University. Today the Classic University takes its name. The research hypothesis is expressed that the Research University is a form of the Classical University. This form emerged under the conditions of new sociality, science and culture. These transformations concern the criteria, idea and mission of the Classical University. Globalization processes and dynamics, randomness, unpredictability and multilinearity development characterize the contemporary sociality. Modern sociality specifies the direction of transformations of the Classical University. Problem solving is focused on the wording of these parameters given by Humboldt. Knowledge and truth are the traditional idea of the University, its essential content and symbolic form. Therefore, they evidence about transformations of the modern University and highlight the new state of knowledge (informational status). Information gives the University all its new features (utilitarian nature, cost and product forms, and the possibility of commercialization). The Research University perceives them. At the same time, the Research University is a continuation of the Classical University. The criteria of the Classical University are a legacy for the Research University but these criteria acquire a form relevant for the modernity. This is one of the conclusions of our comparative analysis. Relevance is guaranteed by the fact that the modern Research University is a World University in contrast to the Classical University. The modern Research University enters the competition for global leadership and demonstrates its competitiveness in the world educational space.

REFERENCES

1. Towards Knowledge Societies: UNESCO World Report. Paris: UNESCO, 2005. 239 p. Available at: http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf. (In Russian).
2. Lyotard J.-F. Sostoyanie postmoderna [The postmodern condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 190 p.
3. Ridings B. *Universitet v ruinakh* [The University in ruins]. Translated from English by A.M. Korbut. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2010. 304 p.
4. Habermas J. Ideya universiteta. Protsessy obrazovaniya [The idea of the university. The processes of education]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly),* 1994, no. 4, pp. 9-17.
5.Barnett R. Osmyslenie universiteta [Understanding University]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*, 2008, no. 6, pp. 46-56.
6. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [Coming of post-industrial society: a venture in social forecasting]. Translated from English. 2nd edition. Moscow: Academia Publ., 2004. 788 p.
7. Castells M. *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English by O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2000. 606 p.
8. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos Publ., 2002. 390 p.
9. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 380 p.
10. Gusakovskiy M.A. (ed.) *Universitet kak tsentr kul'turporozhdayushchego obrazovaniya. Izmenenie form kommunikatsii v uchebnom protsesse* [University as a center of culture generating education. Changing forms of communication in the learning process]. Minsk: BSU Publ., 2004. 279 p. Available at: http://www.bsu.by/Cache/pdf/388903.pdf.
11. Altbach Ph.G. *International Higher Education: Reflections on policy and practice*. Boston College, USA. Center for International Higher Education.Chestnut Hill, MA, 2006. 187 p.
12. Castells M. *Galaktika Internet. Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, business and society]. Translated from English by A. Matveev. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2004. 328 p.

Received: 15 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 64–69 DOI: 10.17223/15617793/386/10

УДК [323.212+328.182+316.472.4](571.16)

С.А. Шпагин

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЯХ (на примере Томской области)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №12-13-70002а/Т).

Исследуются политические сети в региональной политике, их типология по качеству социального капитала. Выводятся функции политических сетей и показана специфика их проявления в сетях различных типов. Подчеркивается значение деформализации отношений и механизмов исключения из сети как индикаторов закрытых сетей. На основе материалов интервью с экспертами проведена диагностика политических сетей в регионе и обоснована оценка их как закрытых. Предложена интерпретация одного из наиболее резонансных случаев исключения из политической сети в томской политике.

Ключевые слова: политические сети; социальный капитал; региональная политика; Томская область.

Современные исследования политических режимов и процессов в российских регионах, как правило, концентрируются вокруг проблематики взаимодействия региональной власти с федеральным Центром. С учетом того колоссального воздействия, которое Москва оказывает на региональную политику, подобная фокусировка внимания вполне понятна. К этому же подталкивает исследователей и «вызов унификации», с которым они столкнулись в связи с укреплением властной вертикали и унификацией российского законодательства в 2000-е гг. [1. С. 11]. И все же не стоит оставлять за рамками анализа собственно региональные структуры, явления и практики. Их учет позволяет увидеть в политической жизни субъектов Федерации немало значимых характеристик.

Например, исследование институционального дизайна политической власти в российских регионах показывает фактическую невозможность самостоятельности её законодательной ветви от исполнительной, точнее – от главы субъекта Федерации. Лишь в редких случаях возможна относительная автономия от главы администрации финансово обеспеченных муниципалитетов – главным образом региональных столиц. Зато территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти в регионах пользуются сейчас очень высокой автономией от губернатора [2. С. 86, 87, 90, 91]. Анализ практик организации публичной сферы российского региона позволил выделить в ней ряд идеально-типических моделей институционального порядка, показать доминирование государственной власти среди участников политических дискуссий и контроль исполнительной её ветви над формированием повестки дня [3. С. 99, 100, 107]. В то же время опыт изучения властных структур в регионах средней полосы России говорит о возможности развития в них различных управленческих моделей. Здесь и «традиционно-прямолинейная» модель, в которой доминируют вертикальные связи, и «предправительственно-моноцентричная», где иерархичность сочетается с развитием горизонтальных связей, и «коллегиально-правительственная», включающая в процесс управления как представителей различных центров влияния, так и экспертов гражданского общества [4. С. 23].

Дилемма унификации институтов и многообразия практик осуществления политической власти в регионах может быть разрешена путем использования методологий, альтернативных институциональному подходу. Одну из них предлагает политологии сетевой подход. В отличие от классической теории бюрократии и концепции «нового государственного управления», сетевой подход не упрощает объект государственного управления и не изолирует его от публичной политики. К числу других его достоинств исследователи относят учет морального измерения процесса производства политических решений, перенос фокуса научного интереса с институтов на отношения между ними, а также обращение внимания на издержки принимаемых решений [5. С. 106, 107].

Центральным для этого подхода является понятие «политическая сеть». Согласно определению Т.А. Бёрцель, «политическая сеть – комплекс относительно стабильных связей неиерархической и взаимозависимой природы, объединяющих множество разнородных акторов, которые обмениваются ресурсами, сознавая, что кооперация облегчает достижение совместных целей» (цит. по: [6. С. 20]). Политическая сеть представляет собой множество организаций и учреждений, осуществляющих связь гражданского общества и государства. Между ними существует взаимный интерес, обусловленный не только ресурсной зависимостью, но и стремлением к достижению общих целей. В процессе выработки политического решения эти структуры участвуют на равноправной основе, используя при этом как формальные, так и неформальные нормы [7. С. 240]. Тем самым политические сети образуют собой важное дополнение к формальной организации политической власти, которое не только расширяет ресурсную базу решения социальных проблем, но и вносит в эту организацию новые качества – доверие, ответственность, культуру консенсуса.

Эффективность сетевых структур в выработке политических решений не является постоянной. Исследователи политических сетей обращают внимание на ряд факторов повышения сетевой эффективности. Среди них и ресурсная обеспеченность, и общая сетевая стабильность. Но гораздо большее значение придается интегрированному характеру сети, её централизации вокруг ключевого властного агента, а также прямому финансовому контролю над нею со стороны государства [Там же. С. 244]. Очевидно, что в данном

случае речь не идет о властном регулировании всей системы взаимодействий: это противоречило бы самой сущности сети как механизма горизонтальной координации социальных акторов. Однако именно участие распорядителей властных ресурсов придает решениям, выработанным внутри сетей, действенность и эффективность.

Для качественной характеристики политических сетей в регионе большое значение имеют также структура и качество того социального капитала, который функционирует в сообществе. Вводя в научный оборот понятие социального капитала, П. Бурдье подразумевал под ним разнообразные ресурсы, доступ к которым индивид получает благодаря включению в систему личных связей (знакомств, признаний, обязательств), в ту или иную группу: «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» [8. С. 66]. Такой подход в известной степени снижает значение экономического капитала и имущественного критерия социальной стратификации, поскольку признает возможность не опосредованного рыночными отношениями доступа к ресурсам [9. С. 34], а также извлечения дивидендов из таких нематериальных источников, как репутация, статус в группе или обществе в целом.

Дж. Коулмен подчеркивает, что социальный капитал носит «неосязаемый» характер, «поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов» и тесно связан с доверием в отношениях между ними [10. С. 126]. Развивая эту концепцию, ученый обращает внимание на структуры доверия в Сенате США, наиболее известной из которых является «сенатский клуб», объединяющий в своем составе далеко не всех сенаторов: «В действительности это означает, что некоторые сенаторы “вписались” в систему доверия и, соответственно, имеют некие обязательства. Широко признано, что члены клуба более влиятельны, чем те, кто остался за его пределами» [Там же. С. 128].

Соглашаясь с важнейшим значением доверия как основы социального капитала, Ф. Фукуяма переносит акцент на нормативный аспект этого явления. Он определяет социальный капитал как свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом. Поэтому Фукуяма склонен в этой связи придавать большое значение как макросоциальным, так и профессиональным, корпоративным и иным нормам [11. С. 156].

Исследователи политических сетей в России выделяют два типа социального капитала. *Социальный капитал первого типа* возникает как результат всего предшествующего социально-экономического развития страны и усилий разного рода сообществ по выработке «правил игры», благоприятствующих экономическому и социальному развитию общества в целом. Он существует как деперсонифицированное доверие, в виде общераспространенных норм, правил поведения, запаса социальных контактов агента и проявляется в «открытом» сетевом взаимодействии с иными хозяйствующими субъектами. *Социальный капитал второго типа* складывается как результат усилий отдельных субъектов по формированию замкнутой социальной группы, принадлежность к которой дает право на получение привилегий. Он выступает как персонифицированное доверие, в форме локальных групповых норм и правил, личных связей хозяйствующего субъекта [12. С. 38, 39].

Иерархический анализ структуры социального капитала первого и второго типов позволил исследователям выявить наиболее значимые их компоненты. Для социального капитала первого типа, преобладающего в *открытых* предпринимательских *сетях*, такими компонентами являются неучастие представителей власти в принятии бизнес-решений и в присвоении их результатов, а также так называемые «клубные» барьеры при входе в сеть (т.е. признание деловой репутации новичка со стороны профессионального сообщества). Для социального капитала второго типа и *закрытых* властно-предпринимательских *сетей* в качестве таких компонентов выступают значительные статусные потери при выходе из сети, участие представителей власти в принятии бизнес-решений и присвоении результатов этих решений [Там же. С. 47, 48].

Представляется, что подобная конфигурация компонентов с некоторыми оговорками может быть использована и для диагностики политических сетей, которые складываются в региональной политике. Действительно, невмешательство чиновников и депутатов в принятие бизнес-решений (а если рассматривать шире – в деятельность структур гражданского общества) и в использование их результатов служит подтверждением тому, что официальные институты политического управления (выборы, конкурсное распределение бюджетных ассигнований и т.д.) успешно справляются со своими нормативными задачами. А значимость «клубных» барьеров при вступлении в сеть означает реальный характер конкуренции между её участниками и их относительную автономию от власти. Наоборот, участие представителей власти в принятии экономических решений (и иных управленческих решений *в негосударственном секторе*) и присвоении их результатов служит явным признаком использования ими своего служебного положения и возникающего на этой основе конфликта интересов. Исключение из такой сети означает утрату не только возможностей участвовать в принятии коллективных решений, но и потерю околовластного статуса, административного ресурса, политического «прикрытия». Именно к доминированию подобных коррупциогенных практик приводит преобладание неформального характера взаимодействия власти и бизнеса и персонификации доверия в социальных сетях.

Более того, симметричный характер приведенных выше признаков дает возможность интерпретировать их как специфические функции сети. Участие или неучастие представителей власти в принятии бизнес-решений можно истолковать как амбивалентность *регулятивной функции* сети: её участники вынуждены выбирать между автономной и императивной коорди-

нацией своих действий. Участие или неучастие чиновников в присвоении результатов коммерческой деятельности – выражение *дистрибутивной функции* сети: она предполагает выбор между распределением социального капитала внутри самой сети производителей или выделением в пользу носителей власти дополнительной части этих благ – *административной ренты*. Наконец, включение субъекта в систему неформальных контактов или исключение из неё предполагает оценку его поведения посредством, соответственно, наделения или лишения определенного социального капитала, т.е. *санкционирующую функцию* сети.

Выбор императивной координации и уплаты административной ренты как стратегий минимизации издержек во властно-предпринимательской сети приводит к ослаблению возможностей активного влияния её неправительственных участников на принятие согласованных решений. В этих условиях значение санкционирующей функции в глазах этих участников заметно возрастает: фактически только она позволяет им проявить свою, выражаясь языком мировой политики, «мягкую силу» по отношению к сетевым процессам. Неудивительно, что попытки кого-либо из участников сети взять под свой контроль реализацию этой функции или хотя бы получить преимущество в ее осуществлении должны вызывать протест или даже активное противодействие со стороны иных участников.

Таким образом, при диагностике политических сетей в регионе особое значение имеет степень деформализации отношений между представителями власти, с одной стороны, и гражданским обществом (а в узком смысле – бизнес-сообществом) – с другой. Хотя неформальные отношения между ними повсеместно дополняют собой официальные, явное доминирование первых над вторыми говорит о превосходстве социального капитала второго типа и о закрытом характере сети. Однако если констатация значения неформальных контактов достаточно распространена, то такие признаки смешанных властно-предпринимательских сетей, как участие чиновников в принятии бизнес-решений и присвоении их результатов, обнаружить эмпирически гораздо сложнее, чем ситуации включения в сеть или исключения из неё.

Эти соображения стали методической основой при интерпретации данных цикла нестандартизованных интервью, проведенных сотрудниками кафедры политологии ТГУ в 2012 г. с 26 региональными экспертами из числа представителей власти, бизнеса и некоммерческого сектора в Томской области. Ключевое внимание в их ходе было обращено на значение неформальных связей для успешности бизнеса и общественной деятельности, а также на оценку экспертами уровня препятствий при включении новых участников в сети и масштаба потерь при исключении из её состава.

По единодушному мнению экспертов, неформальные связи выступают доминирующим фактором успешности коммерческой и общественной деятельности: «*В России в целом всегда личные отношения являются определяющими для решения каких-либо вопросов. То есть если бумагу для решения каких-либо даже очень важных, социально значимых проблем, направляют на имя какого-нибудь большого человека, то у меня почти 100% уверенность, что это письмо ничего не даст! А если у меня есть какие-то личные отношения, то, в общем-то, письмо, там неважно, что будет написано, оно нужно только как некий формальный повод для того, чтобы эту помощь оказать. Так что личные отношения решают, наверное, на 90% все вопросы*» (глава религиозной общины). «*Неформальные связи в России – это чуть ли не основная определяющая. Все решается не в рамках правил и законов, а в рамках договоренностей*» (руководитель регионального отделения политической партии, предприниматель). «*Если у тебя есть знакомые люди, и ты "прикрыт", то ты работаешь, если нет – то нет*» (предприниматель в области СМИ). Причем значение неформальных связей охотно признают и муниципальные чиновники, которые считают такое положение вполне нормальным, а в чем-то даже полезным для эффективности функционирования власти: «*В нашей стране, с нашей ментальностью зачастую неформальные отношения стоят во главе и могут быть более значимыми, чем формальные*» (глава администрации района). «*Всю качественную обратную связь можно получать из неформальных контактов, поэтому они играют большую роль*» (заместитель мэра города).

Позиция представителей областных властей несколько осторожнее, но и они склонны признавать распространенность неформальных связей и их большое значение для принятия управленческих решений. Среди неформальных связей выделяются влияние отраслевых, земляческих и этнических сообществ: «*У нас традиционно сильны отраслевые лобби. Есть очень мощная энергетическая мафия, строительная группировка. У нас достаточно хорошо в этом смысле выражены землячества: сильная стрежевская группа, есть бакчарская, асиновская группировка – они не афишируются, но они присутствуют. И они по возможности пытаются влиять на какие-то позиции. К сожалению, у нас есть серьезные национальные кланы. Например, ЖКХ у нас традиционно под татарами. У нас непропорционально было сильно влияние немцев до последнего времени в политике и экономике. Ну, вы понимаете…*» (сотрудник аппарата областной думы).

В противоположность неформальным связям официальные площадки взаимодействия государственной власти с гражданским обществом рассматриваются экспертами как малоэффективные. Причиной тому называют низкий статус совещательных органов, непроработанность механизмов учета рекомендаций общественных экспертов в процессе принятия государственных решений: «*Это отсутствие механизмов обсуждения, как постановки вопросов, так и реакции на них. Вот механизмы-то зачастую работают так, что больше они для создания фасада видимости их работы, чем по существу. Почему у многих и разочарование наступает после участия в каких-то таких вещах, потому что когда два часа потратил, и все – после этого разошлись и забыли*» (руководитель регионального отделения политической партии, предприниматель). Хотя по Уставу области Совет обще-

ственных инициатив (СОИ) при областной думе, Молодежный парламент, а с 2012 г. – Общественная палата Томской области (ОПТО) наделены правом законодательной инициативы, они довольно редко пользуются этим правом, ограничиваясь ролью площадок для обсуждения законопроектов, предложенных администрацией и депутатами.

Эксперты отмечают частичное дублирование функций ОПТО и СОИ. Кроме того, высказывались мнения о формальном характере этих органов, неоптимальности их состава и недостаточной обеспеченности их работы необходимыми ресурсами: «*…Чувствовалось, что Общественная Палата больше создана не потому, что в ней нуждаются, а потому, что она должна быть, поскольку эта волна пошла во всех регионах. Не совсем, мне кажется, было понятно для самой власти, зачем нужна Общественная Палата и что она может… А главное то, что все люди очень загруженные и в качестве таких вот полноценных экспертов работать конечно не в состоянии. Потому что это всё в качестве хобби, в свободное время от остальных дел время, а такого времени у большинства членов Общественной Палаты практически нет. Поэтому проработанную, глубокую, всестороннюю экспертизу Общественная Палата конечно не в состоянии дать*» (глава религиозной общины, член ОПТО). «*Да, есть определенные разочарования, что я вхожу во все совещательные органы при органах власти, но по сути это сейчас только трибуна для высказывания своего мнения… К сожалению, работа во многих таких структурах все больше превращается в фикцию*» (руководитель общественной организации, член СОИ). Заметное обесценивание ранее созданных совещательных органов происходит, по мнению ряда экспертов, в связи с образованием в новой структуре областной администрации экспертных советов при департаментах.

На вопрос о препятствиях на пути включения в систему неформальных связей большинство экспертов проявили склонность связывать обретение таких контактов с опытом работы в той или иной сфере. «*Чем больше мы провели совместных мероприятий, конкурсов, комиссий, экспертных групп, чем больше каждый видит, что есть работа, то конечно это потом влияет. А если ты сидишь в кабинете, то никаких личных связей не будет*» (председатель комитета мэрии). При этом установление необходимых связей и достижение признания внутри профессионального сообщества рассматривалось как вполне реальная возможность.

Несколько сложнее структурировались мнения экспертов по вопросу о потерях в случае исключения из сети. Большинство чиновников отмечают, что уход с государственной или муниципальной службы не влечет для них существенных потерь: они уверены в том, что сохранят накопленный социальный капитал в новой сфере – в бизнесе или в общественных организациях. «*В целом я спокойно смотрю на переход из бизнеса во власть и обратно, и никаких издержек я здесь не вижу, ни репутационных, ни каких-либо еще. Есть другие случаи, когда люди приходят с другими целями, коррупция например. Поэтому издержки могут быть разные*» (заместитель мэра города). Соответственно, в качестве маркера утраты чиновником социального капитала могут выступать вовлечение в коррупционный скандал и недобровольная отставка с занимаемой должности, т.е. ситуации, довольно редкие в регионе.

Предприниматели отмечают, что устранение из сети влечет за собой очень значительные потери – и не только статусные: «*Они, которые в обойме, боятся из нее выпасть, и понимают, что дальше-то все – конец эпохи*» (предприниматель в области СМИ). Впрочем, по их мнению, полное исключение из системы сетевых контактов – это большая редкость, как правило, также связанная с судебным преследованием, отстранением от должности или утратой бизнеса. В качестве наиболее характерного примера такого исключения из системы неформальных связей упоминалась отставка, арест и осуждение бывшего мэра Томска А.С. Макарова. «*А это, думаю, зависело от самого Макарова. Если бы он вовремя "разоружился перед партией", то могло бы быть по-другому. Я не знаю, конечно, до конца всего, но он не такой человек, был максималистом и шел до конца. Я не думаю еще, что Макаров был частью системы, ведь система не однородна. Думаю, что сама система и отторгла, он не хотел в свои записываться, и есть и другие люди, не вписавшиеся*» (руководитель регионального отделения политической партии, предприниматель).

Общественные деятели подходят к оценке ситуации исключения из сетевого взаимодействия функционально: политическая сеть в их понимании – это ресурс осуществления социально значимой деятельности, а не признак статуса. Это не удивительно, если принять во внимание статусные отличия этой категории от остальных. Однако выпадение из сети расценивается как очень нежелательное явление: «*Если человек выпадает из сферы неформальных контактов? Многое теряет. Сегодня в наше время, конечно, очень многое теряет. Почему? Потому что время теряет. Сегодня время очень важно каждому человеку. Поэтому… вы можете это решить завтра, послезавтра, но время теряете*» (глава религиозной общины).

Таким образом, отношения власти, бизнеса и некоммерческого сектора в оценках томских экспертов вполне соответствуют признакам закрытых политических сетей. Относительная слабость официальных каналов сетевого взаимодействия, дублирование их функций и зависимость от органов власти компенсируется огромным влиянием системы неформальных контактов на принятие решений, как в сфере бизнеса, так и в системе политического управления. Вхождение в эту сеть неформальных контактов оценивается как относительно доступное и обусловливается опытом практического участия в решении социальных задач. Исключение же из сети связывается с «несистемным» поведением исключаемого и сопряжено с полной потерей статуса благодаря участию в этом процессе правоохранительных и судебных органов.

С этой точки зрения представляет интерес одна из самых громких региональных отставок 2013 г. В апреле 2013 г. областная дума приняла решение об от-

ставке уполномоченного по правам человека в Томской области Н.С. Кречетовой. Формальным поводом к принятию такого решения стала отрицательная оценка работы уполномоченного депутатами «в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей», а также «несоблюдением уполномоченным ограничений для лиц, замещающих государственные должности Томской области» [13]. Эксперты отмечали, что более значимыми причинами отставки стали неуживчивый характер томского омбудсмена и последовательная политика нового руководства области по вытеснению команды В.М. Кресса с ключевых постов. Но изложенная выше концепция позволяет оценить этот случай с новой стороны.

В период своей работы на посту регионального омбудсмена бывший советник и заместитель губернатора Н.С. Кречетова активно выражала свое мнение по многим актуальным вопросам, имеющим политическое значение. Защищая в суде одних бизнесменов и публично порицая других, критикуя работу различных властных структур – от федеральных до местных, она фактически взяла на себя роль выразителя общественного мнения. Более того, омбудсмен впервые поставил вопрос о создании в области института репутации [14]. Случай с дискредитацией директора одной из строительных компаний мог быть расценен как попытка уполномоченного по правам человека занять позицию распределителя (точнее, «конфискатора») социального капитала, т.е. монополизировать важнейший инструмент саморегуляции закрытой политической сети – её санкционирующую функцию.

Косвенным образом это признали и члены депутатской комиссии, когда пришли к выводу о том, что «конструктивное взаимодействие уполномоченного по правам человека в Томской области с органами государственной власти и местного самоуправления не налажено», отмечая факты «огульной деструктивной критики, не подкрепленной конкретными фактами и не направленной на конструктивное взаимодействие… с иными органами государственной власти» [15. С. 18, 29]. Не случайно за отстранение Н.С. Кречетовой от должности выступили представители различных партийных фракций, федеральных органов и православной епархии. Можно предположить, что именно «конструктивное взаимодействие с иными органами власти», т.е. системное поведение, готовность действовать по неписаным правилам сети, и являлось в глазах депутатов главным критерием соответствия омбудсмена занимаемой должности.

Подводя предварительный итог анализу функционирования социального капитала в политических сетях Томской области, можно отметить, что закрытость этих сетей и срастание бизнеса с депутатским корпусом и исполнительной властью в регионе способствует воспроизводству моноцентристского неконкурентного регионального режима.

Следуя приведенной выше классификации, эту управленческую модель следовало бы назвать «предправительственно-моноцентричной». А для этой модели характерны как тенденция к концентрации властных полномочий в руках доминирующего актора, так и определенные сетевые ограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Туровский Р.Ф.* Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России: противоречия теории и практики измерения // Politbook. 2013. № 1. С. 8–39.
2. *Туровский Р.Ф.* Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 82–92.
3. *Семенов А.В.* Институциональные практики и институциональный порядок публичной сферы региона // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М. : РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 92–114.
4. *Оболонская Е.А.* Сетевые сообщества в политическом пространстве региона // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2008. № 1. С. 19–27.
5. *Сморгунов Л.В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 103–112.
6. *Громогласова Е.С.* Теория и практика политического управления в Европейском союзе. М. : ИМЭМО, 2009. 116 с.
7. *Государственная* политика и управление. Ч. 1 : Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунова. М. : РОССПЭН, 2006. 384 с.
8. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
9. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / под ред. Г.С. Батыгина. М. : Новый учебник, 2004. 248 с.
10. *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 123–139.
11. *Гуськова Н.Д., Клюева А.П.* Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 152–160.
12. *Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С.* Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.
13. *Постановление* «О досрочном прекращении полномочий Уполномоченного по правам человека в Томской области Кречетовой Нелли Степановны» // Официальный сайт Законодательной Думы Томской области. URL: http://duma.tomsk.ru/video/other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf , свободный (дата обращения: 21.11.2013).
14. *Кречетова Н.* Репутационный капитал. Обращение к гражданскому обществу Томской области // Уполномоченный по правам человека в Томской области. Томск, 2011. URL: http://ombudsman.tomsk.ru/articles/kapital.html?catID=3, свободный (дата обращения: 09.08.2012).
15. *Заключение* специальной комиссии о наличии оснований для досрочного прекращения полномочий Уполномоченного по правам человека в Томской области Кречетовой Нелли Степановны // Официальный сайт Законодательной Думы Томской области. URL: http://duma.tomsk.ru/video/ other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf, свободный (дата обращения: 21.11.2013).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 июля 2014 г.

THE SOCIAL CAPITAL IN REGIONAL POLITICAL NETWORKS (BY EXAMPLE OF TOMSK REGION)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 64-69. DOI: 10.17223/15617793/386/10

Shpagin Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpagin@sibmail.com

Keywords: political networks; social capital; regional policy; Tomsk region.

Political networks in the regional policy are investigated, the typology of network communities by the quality of the social capital is tested. The social capital of the first type exists in the form of common norms, rules of behavior, a stock of social contacts and corresponds to the social networks of the open type. The social capital of the second type acts as personified trust, in the form of local group norms and rules, personal contacts of the subject, and corresponds to the closed social networks. The most important components of open networks are non-participation of authorities in making business decisions and in appropriation of their results, as well as the so-called "club" barriers when entering a network. The loss of status when leaving a network, authorities' participation in making business decisions and in appropriation of their results are such components for closed networks. These features were used for the diagnosis of political networks which develop in the regional policy, and also for singling out the specific functions of a political network: regulatory, distributive and sanctioning. During the research the special significance of the sanctioning function in closed networks was proved both for functioning of network interactions and for the recognition of the features of closed networks in the political space of the region. The value of deformalization of the relations and mechanisms of exclusion from a network as indicators of the closed networks is stressed. The diagnostics of the political networks in Tomsk Region was realized on the basis of the interviews with experts, and the assessment of those networks as closed ones was founded. The experts confirmed the opinion on the decisive nature of informal communications in network interaction, and allocated sectoral, patriotic and ethnic relations among the informal relations. Official platforms of interaction of the state authorities and civil society are considered by experts as ineffective. In addition, views about the formal nature of these agencies, non-optimality of their composition and their insufficient supply of necessary resources were expressed. Inclusion in the system of informal relations is considered by experts as a natural consequence of long professional activity. The situations of prosecution and dismissal are the signs of exclusion from a political network. Exclusion from a network is linked to the "non-systemic" behavior of the excluded and it is associated with a complete loss of status due to the participation of law enforcement and judicial bodies in this process. It can be noted that the closed nature of political networks and business accretion with the authorities contributes to the reproduction of a mono-centrist noncompetitive mode in the region.

REFERENCES

1. Turovsky R.F. Effectiveness and democracy scores of regional political regimes in modern Russia: the controversy of measurement's theory and practice. *Politbook*, 2013, no. 1, pp. 8-39. (In Russian).
2. Turovsky R.F. Institutsional'nyy dizayn rossiyskoy regional'noy vlasti: kazhushchayasya prostota [Institutional design of the Russian regional authorities: the apparent simplicity]? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 5, pp. 82-92.
3. Semenov A.V. *Institutsional'nye praktiki i institutsional'nyy poryadok publichnoy sfery regiona* [Institutional practices and the institutional order of the public sphere in the region]. In: Patrushev S.V. (ed.) *Grazhdane i politicheskiye praktiki v sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiya institutsional'nogo poryadka* [Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order]. Moscow: RAPN Publ.; ROSSPEN Publ., 2011, pp. 92-114.
4. Obolonskaya E.A. Policy networks at the regional political area. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya — Proceedings of Voronezh State University. History. Political science. Sociology*, 2008, no. 1, pp. 19-27. (In Russian).
5. Smorgunov L.V. Setevoy podkhod k politike i upravleniyu [Network approach to policy and management]. *Polis*, 2001, no. 3, pp. 103-112.
6. Gromoglasova E.S. *Teoriya i praktika politicheskogo upravleniya v Evropeyskom soyuze* [Theory and practice of political governance in the European Union]. Moscow: IMEMO Publ., 2009. 116 p.
7. Smorgunov L.V. (ed.) *Gosudarstvennaya politika i upravlenie* [Public policy and management]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. Part 1, 384 p.
8. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60-74.
9. Gradosel'skaya G. V. *Setevye izmereniya v sotsiologii* [Network measurements in sociology]. Moscow: Novyy uchebnik Publ., 2004. 248 p.
10. Coleman J. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* 2001, no. 3, pp. 123-139.
11. Gus'kova N.D., Klyueva A.P. Sovremennye teorii sotsial'nogo kapitala [Modern theories of social capital]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki – University proceedings. Volga region. Social science*s, 2012, no. 2, pp. 152-160.
12. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S. Struktura sotsial'nogo kapitala kak faktor institutsional'nogo razvitiya regiona [The structure of social capital as a factor in the institutional development of the region]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 6, pp. 37-51.
13. Resolution "On the early termination of powers of the Commissioner for Human Rights in Tomsk Region Krechetova Nelly Stepanovna". Available at: http://duma.tomsk.ru/video/other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf. (Accessed: 21st November 2013). (In Russian).
14. Krechetova N. *Reputatsionnyy kapital. Obrashchenie k grazhdanskomu obshchestvu Tomskoy oblasti* [Reputation Capital. Appeal to the civil society of Tomsk Region]. Tomsk, 2011. Available at: http://ombudsman.tomsk.ru/articles/kapital.html?catID=3. (Accessed: 09th August 2012).
15. Conclusion of the Special Commission on the grounds for early termination of powers of the Commissioner for Human Rights in Tomsk Region Krechetova Nelly Stepanovna. Available at: http://duma.tomsk.ru/video/ other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf. (Accessed: 21st November 2013). (In Russian).

Received: 03 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 70–78 DOI: 10.17223/15617793/386/11

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 111.3 + 141.1

С.С. Березовская

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УНИВЕРСАЛИИ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

Рассматриваются особенности корреляции универсалии с антропологическими интенциями. Разум человека создаёт идеальную конструкцию – универсалию, которая в своём содержании зависит от характера работы рацио. Античность, Средневековье и Просвещение базируют себя на едином типе рациональности (метафизический). Анализ классических проектов философии по созданию универсалий в предлагаемых метафизикой обстоятельствах даёт возможность выявить инвариантное содержание понятия «универсалия».

Ключевые слова: универсалия; метафизика; рационализм; субстанция; бытие; категория; истина; архэ.

Являясь мыслительными конструктами, мыслеформами, универсалии складываются начиная с того момента, когда «мысль осознала себя как мысль, когда для ней открылось бытие, тот особый срез реальности… который был дан только мышлению» [1. С. 20]. Таким образом, трудно удержаться от предположения, что истоком дискурс-формирования универсалий, их ойкуменой является эпоха Античности. В этой «колыбели антропного мира» универсалии кристаллизуются, проходят «первичную шлифовку», причём это происходит уже в исследовательских программах раннегреческих натурфилософов. По мнению С.Н. Амельченко, смысловая бесконечность, априори характерная для универсалий, в эпоху Античности «позволила развести их содержание, сомкнув, в одном случае, понятие с существительными “субстанция” и “сущность”, а в другом случае – с глаголом “быть”» [2. С. 103]. Далее обе эти интеллектуальные традиции рассматриваются более подробно: универсалия как субстанция-сущность и универсалия как бытие.

Что касается первой линии – «субстанциональной», то она хорошо прослеживается среди зачинателей философии – речь идёт о представителях Милетской школы. Системообразующей матрицей их философствования является поиск некоего первоначала, обуславливающего многообразие вещей в мире. Иными словами, вопрос, который занимает умы философов из Милета, состоит в следующем: из чего появляется всё в мире? Очевидно, данный вопрос является перифразом другого, более раннего вопроса, инициированного мифологией: кто и как породил всё? Эксплицитное сходство этих вопросов фиксирует преемственность ранней античной философии в отношении более древних мифологических систем мирообъяснения. И всё-таки размышления о первоначале мира – субстанции (от греческого upostasiq – «лежащее под») – становятся возможны лишь тогда, когда человеческое сознание достигает более высокого уровня мыслительного абстрагирования. В результате наряду с образованием всеобщей понятийной структуры, каковой и является субстанция, складывается обоснованное теоретико-философское знание – гораздо более логичное по сравнению с этиологическим мифом, хотя отдельные их мотивы на ранних этапах явно перекликаются между собой. Это хорошо прослеживается на примере гипотезы, которую выдвигает Фалес – «первый европейский учёный» и собственно основатель Милетской школы. В качестве начала всех вещей Фалес выделяет воду. Другой, более поздний мыслитель – Анаксимен – оспаривает взгляд на воду как на первоначало, предлагая альтернативу в виде воздуха. Разумеется, отождествление воздуха с субстанцией является пролонгацией теории Фалеса о воде, так что нельзя не отметить толику прогрессивности, наличествующую в учении Анаксимена. Очередной милетский философ – Анаксимандр – в своеобразной манере трактует идею субстанции (читаем: универсалии), экстенсивно расширяя её до «апейрона», что в переводе с греческого означает «безграничное», «бесконечное», «неопределённое». Семантическая ёмкость понятия «апейрон» обуславливает размытость его характеристик, и тем не менее это не умаляет того факта, что Анаксимандр увидел универсалию абстрактно, а значит, «умным зрением». Выходит, анаксимандрово учение об апейроне наиболее «выпукло» и «объёмно» фиксирует идею универсалии, какой её знает более зрелая философия.

Непреложным является факт, что каждый из милетских философов на свой лад развивает идею «единого» (универсалии), предлагая всякий раз новую субстанцию как «физическое» основание бытия и, что важнее, как его «метафизический» источник. Действительно, «вода», «воздух» и т.п. у досократиков – это универсалии, а следовательно, метафизикой рождённые категории. В общем и частном, изучая и анализируя теоретические выкладки Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, можно охарактеризовать всех троих как адептов субстанциализма, который, по сути своей, является исторически первой вехой в дискурсе об универсалиях.

Примечательно, что траектория мысли, проторенная Милетской школой, задаёт определённые гносеологические параметры для дальнейших поколений исследователей, побуждая их прокладывать новые мыслительные глиссады. С этой точки зрения элейская философия может рассматриваться как новый значимый рубеж применительно к дискурсу об универсалиях. Известно, что элейская школа философии представлена идеями Ксенофана, Парменида и Зенона, но ни пантеистический монотеизм первого, ни

апории последнего, пожалуй, не представляют такой ценности для поиска методологической установки относительно понимания культурных универсалий, какую обнаруживают в себе онтологические воззрения Парменида. Парменидовское учение зиждется на представлении о бытии как о метафизическом понятии, которое доступно мысли, а значит, познаваемо и выразимо. Вот почему Парменид постулирует существование не только вещей и природных объектов, но и плодов интеллектуальной деятельности вроде алгебраических формул, геометрических фигур, морально-этических норм, образов искусства и т.п. Все эти «тонкие материи» подлинно есть, существуют наряду с другими сущими, правда, они идентифицируются совершенно специфическими путями. На их постижение брошены особые поисковые способности человеческого духа, в числе которых не только логика, но и «паралогика» (интуиция, вера, воображение, эмпатия и пр.). Последний тезис наводит на явную мысль о целесообразности рассмотрения основных положений философской системы Парменида, поскольку они подспудно содержат в себе универсалистские интенции и в этом смысле могут рассматриваться как «недостающее звено» в глубоком и всестороннем анализе культурных универсалий.

Поиск новых «водоразделов» по линии «универсалия как бытие» в дальнейшем сопрягается с фигурой Сократа, мыслетворчество которого можно охарактеризовать как своеобразный гимн Разуму. Рационализм есть «альфа и омега» сократовского учения, отправной точкой которого является сомнение, о чём свидетельствует излюбленная апофегма афинского философа: «Я знаю, что я ничего не знаю» [3. Т. 4. С. 74]. Такая рефлексивно-конструктивная позиция открывает перед индивидом перспективу достижения мудрости, а её Сократ отождествляет не только с нравственной добродетелью, но и с самой Истиной. В самом деле, Истина в представлении Сократа интеллектуальна и нравственна, а беспристрастный поиск «истинного», динамическое приобщение к нему есть важнейшая прерогатива человека. Таким образом, человеческая личность интегрируется Сократом в особый бытийственный режим, в условиях которого она трансформируется из человека Знающего в Человека Познающего, причём интеллектуальная активность последнего как раз и выступает подлинной мерой бытия. Итак, Сократ открывает особую реальность – она объективируется через мышление. Очевидно, что эта реальность состоит в диалогическом отношении с бытием, каковым его описывает Парменид. В обоих случаях мыслить и быть суть одно и то же, правда, единство бытия и мышления не акцентуируется Парменидом столь нарочито, в то время как «смысловая связка “истина – субъект, к ней приобщающийся”, начиная от Сократа, всегда имела место в философии в качестве определяющей и доминирующей» [4. С. 20]. Однако необходимо признать, что и Парменид, и, тем более, Сократ, в сущности, говорят об одном – они репрезентируют особый срез реальности – эта реальность – «вотчина» Разума, который является здесь тотальной организующей и дисциплинирующей силой. Неудивительно, что эту реальность населяют культурные универсалии. Итак, будучи верно понятым, данный тезис составляет часть важного уразумения: культурные универсалии являются прерогативой познающего рассудка – они конструируются человеком, чьё спекулятивное мышление алчет смысла и потому стремится запечатлеть все данности предпосланной реальности в их легитимности и своеобразии, а затем перевести их – полностью и адекватно – в абстрактные понятия.

В целом Сократ решает основной вопрос философии идеалистически: в его системе координат сознание первично, а значит, действительно, в то время как материя ирреальна. Данная позиция кристаллизуется в период античной классики. Речь идёт о философском творчестве рафинированного идеалиста Платона. Рассмотрение его учения «здесь и сейчас» обусловлено не столько общей логикой развития философского знания, сколько тезисом одного из современных учёных (Д.В. Вохмянин): «...осознание универсалий исторически восходит к учению Платона об организующих мир сущностях – “идеях”…» [5. С. 177]. Платоновские «идеи» действительно могут расцениваться как предтечи культурных универсалий, так что смысловые параллели между ними более чем оправданы. При этом следует принять во внимание разработанную Платоном трёхчастную онтологию, согласно которой «эйдосы» опосредуют «мир идей» и «мир вещей». Итак, реконструируя трёхуровневую онтологию Платона, можно констатировать, что её «верхний предел» очерчивает абстрактная идея, «нижний предел» – чувственно-конкретная вещь, а «медиатором» между идеей и вещью выступает эйдос, фиксирующий родовой признак вещей, объединяющий их в классы. То есть универсалия создаёт всю множественность единичностей в классе однородных предметов, при этом сама она – не существует как предмет. Что до идей, то прежде в древнегреческом языке слово «идея» обозначало «видимость», «внешность», «наружность» той или иной вещи. Однако Платон придаёт этой лексеме метафизическое измерение. Для него «идея» – это безукоризненный идеал, первообразец, сама Истина – неявленная, но аподиктически очевидная. Она существует вне времени и пространства и, несомненно, обладает высшим бытием, качественно отличным от материального. Так, следуя логике Платона, все лошади являются носителями одной тотальной упорядочивающей их множество идеи «лошадности», благодаря чему каждая отдельно взятая лошадь идентифицируется как лошадь. Это ли не яркое свидетельство властно конструирующей роли Разума в философии метафизического периода?

По факту – пространственно-временной континуум как форма целостности культуры нарушается и позитивно преобразуется Платоном. Ему удаётся «прорваться» к метафизическим горизонтам, минуя препоны материи, интересы которой в разное время и в разной степени отстаивали Гераклит, Левкипп, Эмпедокл, Демокрит, Эпикур, Лукреций. Платон же «наводит мосты» между «единым» и «многим», «идеальным» и «материальным» – в том смысле, что им «выявляется объективно-идеальная сущность, которая

не репрезентируется ни именем, ни определением, ни чувственными образами» [6]. Эти бестелесные умопостигаемые сущности образуют целый мир идеального, который «воодушевляет» текучую материю. Эта способность идей, определённо, роднит их с универсалиями культуры. Памятуя о том, что универсалии принадлежат как раз к области «идеального», нельзя не отметить их контекстуальное сходство с идеями в платоновском понимании. Следовательно, правомочно восприятие универсалий в качестве более позднего наименования идей.

Весомый вклад в концептуальное моделирование культурных универсалий совершает Аристотель – он не разделяет платоновских взглядов на «идею» как на «высшую инстанцию» в системе онтологии. Напротив, он ниспровергает идею «с небес на землю» и помещает её непосредственно внутрь предмета, полагая, что предмет и маркирующая его идея как бы органически едины – они не могут существовать обособленно друг от друга. И лишь разумная душа способна представить идею отдельно от вещи, деинсталлировать её. В трактате «О душе» Стагирит пишет: «Душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же есть энтелехия: стало быть, душа есть энтелехия такого тела» [7. Т. 2. С. 39]. Можно заметить, что «душа» у Аристотеля соотносится с такими метафизическими понятиями, как «сущность», «форма», «возможность», «энтелехия». Пожалуй, среди прочих наиболее трудна для понимания последняя – энтелехия. «Способ бытия» – вот русское словосочетание, которое передаёт смысл аристотелевой «энтелехии»… Словосочетание «способ бытия» можно сократить до слова «бытие», но только если понять бытие правильно. Правильное понимание предполагает чёткое отделение бытия от сущего. Примеры сущего: камень, дом, кошка. Примеры бытия: падение (камня), горение (дома), выслеживание (кошкой мышки) [8].

Важное место в системе аристотелевской метафизики отводится иерархии «душ», которую интересно и целесообразно рассматривать, «вооружившись» собственно аристотелевским определением «души» и приняв на веру ремарку относительно её категориальной принадлежности (душа как способ бытия). Аристотель специфически ранжирует «души», подразделяя их на «растительную», «животную» и «человеческую». Очевидно, основанием для такого деления послужил принцип возрастающей умственной активности, в то время как зависимость формы от материи здесь обратно пропорциональна. Обозначив интенциональность души (от «растительной» до «человеческой»), необходимо внимательнее рассмотреть именно последнюю – в основном для того, чтобы уяснить особенности её корреляции с культурными универсалиями. Действительно, если «низшую» душу (растительная) характеризует способность к питанию, «среднюю» (животная) в основном отличает способность ощущать, включая простейшие эмоциональные реакции вроде гнева, радости и т.п., то «высшая» душа всё-таки предполагает наличие ума. Как это уже отмечалось, «монополизм» Разума является доминантной чертой внутри античной традиции.

Как известно, «Зерно Разума» присуще человеку – это тот самый «рубикон», отделяющий его, человека, от прочих тварных существ. Уразуметь идею предмета отдельно от его материи – такова компетенция «человеческой» души. В этом плане мыслящая душа может восприниматься как универсальная идея, способная вобрать в себя множество иерархически низших идей. Собственно, они присутствуют в ней – не актуально, но потенциально, и только за счёт познания они актуализируются. При этом высшие из форм, которые «схватывает» душа в аспекте ума, Аристотель называет категориями (от латинского «categoriae» или «praedicamenta»). Заслуга Аристотеля в связи с темой «универсалии» главным образом заключается в том, что он разрабатывает уникальную систему таких категорий. Предикаментом «первой величины», согласно Аристотелю, является сущность или субстанция. Остальные девять категорий: количество, качество, место, время, положение, состояние, действие, обладание, претерпевание. Думается, что каждая из этих категорий по-своему раскрывает наиболее существенные аспекты бытия.

Известно, что впоследствии Аристотель редуцирует вводимый им же категориальный ряд до трёх предикатов: сущность, время и место. Впрочем, символическая нагрузка категорий от этого качественно не меняется. Категории по-прежнему образуют «координатную сетку» мироздания: они структурируют природно-культурное мироустройство, и ничто в подлунном мире не способно ни «мыслиться», ни, тем более, существовать безотносительно к этим сущностным основаниям. Тем не менее аристотелевские категории – это не константы, застывшие во времени, – в ходе дальнейшего осмысления их перечень менялся, однако теоретические выкладки Стагирита – это неиссякаемый и в определённом смысле эталонный источник идей, относящихся к универсалиям. Аристотель, таким образом, не только утверждает понятийный аппарат философии, но и, определённо, задаёт вектор к теории культурных универсалий.

Разумеется, ни Аристотель, ни его учитель Платон, ни вообще кто-либо из греческих философов не ведёт речи в точности о культурных универсалиях, но они, несомненно, угадываются в логике их суждений. Универсалии словно бы предчувствуются, провидятся греками, которые смотрят на бытие сквозь призму логических структур. С этой точки зрения культурные универсалии не просто дискурсивны, но и интуитивны.

В общем и частном, анализируя плюрализм метафизических горизонтов, обнаруживающий себя в проблемном круге обращения античных мыслителей к универсалиям, нужно отдать должное грекам в том, что касается построения философской методологии, в рамках которой Разум принимает на себя роль специфического декларатива. Это событие – непроизвольное и крайне серьёзное – даёт возможность атрибутировать античные универсалии как «знаниевые», поскольку они обретаются человеком именно в процессе познания. Учитывая всю важность гносеологического фактора, можно утверждать, что мир открывается человеку в Истине, но, вместе с тем, он неизбежно формализуется, подвергается интеллектуальной ре-

дукции. Выходит, что вся сложность и непосредственность индивидуального существования сглаживается и как бы исчезает. Тем не менее в полученных нивелированных образах античное сообщество находит своё адекватное отображение. В то же время высокий потенциал универсалий – содержательный и методологический – позволяет продолжить их постижение в следующую за Античностью эпоху, а именно в Средневековье.

Несомненно, побудительным мотивом для обращения средневековых схоластов к изучению универсалий послужила теологическая проблематика. В это время выпестованные Античностью универсалии теряют свою автономность, поступив на службу к богословию, благодаря чему, с одной стороны, статус культурных универсалий можно расценивать как сервитут, но, с другой стороны, рассмотрение универсалий в консонансе с верой обеспечивает появление новых продуктивных смыслов.

Неоспоримым достоинством «людей античной стати» является своеобразный выход в рацио, предпринятый ими и связанный с попыткой-необходимостью детерминировать нечто, «откуда есть пошло» всё вокруг. Что же касается Средневековья, то здесь пожинаются своего рода институциональные плоды выше упомянутого «выхода». Таким образом, философский рационализм, открытый Античностью, входит в философию Средних веков и укрепляется здесь в силе своей методологической потенциальности для культуры. В частности, уже на рубеже эпохи Августин Аврелий высказывает ряд идей, способных дать инструментарий для более глубокого понимания роли и специфики универсалий в контексте эпохи Средних веков. По сути, Августин придерживается основных положений платоновской онтологии – с той разницей, что они заметно христианизируются им. В результате «мир вещей» Платона замещается августинианским «земным царством» с его финитной темпоральностью, а «мир идей» преобразуется в извечное «Царство Божие». Понятно, что эти миры состоят в контрапозиции «мнимый – истинный», и неидеальной посюсторонней действительности надлежит уподобиться истинной потусторонней реальности на том основании, что в ней пребывают самые чистые, эссенциальные сущности во главе с Богом. Последний понимается Августином как абсолютное живое внетелесное личностное Начало; он – зиждитель, ибо созидает всякую материю, в том числе человека. И хотя «венец творения» – человек – создаётся по образу и подобию Бога, Богу как олицетворению «больше-чем-жизни» [9. Т. 2. С. 23], он отнюдь не тождественен. Однако человек снабжается душой, благодаря которой обеспечивается определённая связь с Богом. С.В. Перевезенцев уточняет понимание души Августином: «…душа нематериальна и к ней неприложимы никакие пространственные и количественные характеристики. Основные же способности души, заложенные в неё Богом – разум, память и воля» [10]. Благодаря этим трём способностям Августин аттестует душу как органон, с помощью которого познающий субъект выходит на универсалии. Безусловно, Августину не чужда универсалистская проблематика. Сам он освещает как минимум одну значимую универсалию – число, причём оно понимается Августином как самодостаточная сущность, не связанная с исчислением некоего предметного ряда. То есть это сугубо спекулятивное понятие, как и категория «сколько» у Аристотеля. И это ещё раз доказывает тот факт, что средневековая философия является преемницей Античности, а следовательно, она продолжает рационалистическую тенденцию в плане обоснования универсалий.

С другой стороны, изолируя универсалии из тела античной культуры, принимая их в новый контекст, средневековые мыслители активно практикуют рассмотрение «универсального» в ракурсе «индивидуального». Это новшество продиктовано изменением структуры духовного опыта, поскольку Средние века базируют себя не столько на познании, знании и Истине (оплот Античности), сколько на обнаружении Бога в душе каждого отдельного человека. Здесь нужно заметить, что умозрение общего, то есть Бога, в индивидуальном (человек) заметно усложняет характер функционирования универсалий. Его можно описать как «горизонтальный», а выражается это в том, что индивидуальное одновременно становится универсальным. Из сказанного ясно, по крайней мере, одно: Средневековье не предпринимает рациональных атак на сущее, как это делала, скажем, Античность, – оно исповедует другую, более мягкую стратегию, предпочитая двигаться по пути синтеза.

По-своему примечательно, что в Средние века вырабатывается определённая культура дефиниций, причём она превращается в важнейший инструмент средневекового рационализма. Понятие «универсалия» проникает в тезаурус эпохи Средневековья и прочно закрепляется в нём с подачи Северина Боэция. Он апеллирует к тексту «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля, при этом интерес Боэция спровоцирован следующим тезисом Порфирия: «Существуют ли виды и роды (такие, как собака и животное) в действительности или же они реальны только в понятиях, и, если они представляют собой действительно существующие реальности, существуют ли они отдельно от материальных вещей или только в последних» [11. С. 23].

Безусловно, разрешение вопросов, приведённых выше, является сложной и в известном смысле фундаментальной теоретической задачей. Между тем Боэций в своё время преуспевает в решении проблемы, описанной Порфирием. Путём последовательного рефлексивного осмысления видов и родов Боэций инициирует следующее решение: будучи связаны с материальными вещами, роды и виды существуют в области чувственного, но мыслятся они помимо тел, как существующие самостоятельно. С учётом отмеченного представляется возможным судить о том влиянии, какое оказали герменевтические практики Северина Боэция на философскую мысль Средневековья. В то же время полученная трактовка универсалий сформировалась под влиянием аристотелевской концепции. Это обстоятельство едва ли можно назвать случайным, поскольку именно учение Аристотеля некогда оказалось в фокусе исследователь-

ского интереса Порфирия, а впоследствии и самого Боэция. Таким образом, создаётся устойчивое впечатление, будто в пору схоластики завещанная Античностью универсалистская проблематика с сопутствующими ей вопросами соотношения умственного и чувственного, общего и единичного не только не теряет своей актуальности, но и по-новому резонирует, в том числе в связи с необходимостью обоснования христианских догматов. Философские построения Ансельма Кентерберийского полностью отвечают этой установке.

Как известно, предмет умственных забот Ансельма – доказательства бытия Бога, представленные в его знаменитых сочинениях «Монологион» и «Прослогион». Как отмечает Е.Г. Драгалина-Черная, «референция к столь необычному объекту представляет собой особый рефлексивный акт, в котором "познающий интеллект осознаёт себя познающим", будучи обращён сразу к двум уровням: предметному уровню "вещи, о которой идёт речь" и метауровню "мысли об этой вещи"» [12. С. 172]. Интересно, что, параметризируя Бога, Ансельм обращается к идее Блага в платоновском понимании, справедливо полагая, что Бог – это Благо во всей его возможной полноте. Наряду с этим Ансельм оперирует такими понятиями, как «величина», «бытие», «совершенство». Резонно заметить, что Ансельм, тем самым, схватывает в мысли, концепирует теологические универсалии (метауровень), которые в широком смысле, а точнее, вне предметных фреймов, заданных Средневековьем, могут и должны быть поняты как универсалии культурные. И действительно, теоцентризм накладывает отпечаток на интеллектуальную культуру Средневековья. Бог утверждается здесь в качестве главной ценности, а с ним и Вера, поскольку наличие Бога в картине мира уже само по себе предполагает Веру в него. И всё-таки даже при таких обстоятельствах Разум раздвигает свои границы и осуществляет гуманитарную интервенцию в область Веры, оспаривая её директивы. Вместе они рождают феномен схоластического рационализма. Казалось бы, Вера и Разум – это два радикально отличающихся мотивационных комплекса. Насколько оправдана их импликация? Тем не менее в Средние века они комплементарны. По-видимому, Истина открывается человеку в Вере, но для того, чтобы человек мог лучше понять и усвоить эту Истину, ему вверяется Разум. По мнению итальянского дуэта медиевистов Реале–Антисери, «разум артикулирует истину веры – вместе они образуют прекрасный ансамбль, основу точную и незыблемую…» [13. С. 128]. Очевидно, этим синтезом продиктовано возникновение целого ряда средневековых идиом – это и «понимающая вера» (intellectus fidei) Ансельма Кентерберийского, и «разумная душа» Аквината и пр.

Важнейшей фигурой средневекового «универсализма» по праву считается Фома Аквинский. Он, как и многие его предтечи, трактует универсалии в ментально-рациональном ключе, что, с одной стороны, рождает «гносеологическое дежавю». С другой стороны, новшество, привнесённое томизмом, заключается в том, что универсалии, традиционно воспринимаемые как человеческие имманенции, в логике Аквината предстают рядоположенными универсалиям-Божественного-Ума и универсалиям-в-вещах. Из сказанного следует, что универсалии входят в сознающий ум человеческого существа апостериори, т.е. в результате точечных контактов с материальными объектами, аффицирующими чувственность, и, что важнее, с их имматериальными формами. В результате Разум отмежёвывает и возвышает над эмпирическими предпосылками форму («чтойность» познаваемой вещи) и, в конечном счёте, генерирует общее понятие, далеко не всегда и в принципе не обязательно связанное с реально существующей вещью, от которой отталкивается рациональная схема. В этой связи нужно особенно подчеркнуть, что в процессе абстрагирования универсалия формируется не на основании чувств, но на куда более прочной и незыблемой разумной основе.

Выходит, схватывание мыслью сущности видимых вещей есть залог постижения их абстрактных субстантивов, к коим относятся виды и роды, а они, по убеждению схоластов, образуют «лаз» в мир божественного совершенства и, тем самым, обеспечивают (хотя и не полностью) знание о Боге как о Творце мира. Однако у В.П. Гайденко – Г.А. Смирнова встречается весьма любопытная ремарка, указывающая на то, что «Бог в средневековой схоластике рассматривается не только как Творец всех вещей видимых и невидимых, но и как Творец рациональной структуры мира… Бог творит и бытие, и логику бытия; в божественном мышлении содержится полнота всех (концептуально постижимых) форм. Более того, он не может, по убеждению большинства схоластов, творить, не сообразуясь с законами логики… Бог обречён быть логиком. Бог, под пером схоластов, становится законодателем всей рациональной сферы, включающей как мышление, так и бытие…» [14. С. 119].

Действительно трудно переоценить значение Разума в контексте средневековой культуры. Августин, Ансельм и Аквинат – лучшее доказательство тому, что философия Средних веков тоже была рациональной, а значит, готовила универсалии рационально. Разумеется, средневековые мыслители, будучи теологами, не торопились объявлять Разум панацеей, но в то же время они истово верили в то, что многие религиозные истины становятся очевидными, стоит направить на них гордо пламенеющий светоч Разума.

Интересно, что в Средние века связь с «людьми античной стати» не только не ослабевает, но и является характерной чертой средневековой философии – так сначала под влияние Аристотеля подпадает Северин Боэций, а впоследствии воззрения Стагирита приобретают специфическое интонирование в работах Аквината. Примечательно, что аристотелизм, как веяние, проникает и на арабский восток, где получает широкое распространение среди мусульманских мыслителей (Авиценна, Ибн Рушд). В то же время неоспоримо влияние платонизма на духовно-интеллектуальный климат Средневековья, что и прослеживается в работах Ансельма Кентерберийского, Августина Блаженного. При этом следует подчеркнуть, что обращение к рациональным принципам Платона и Аристотеля не является свидетельством того, что христианская экзегетика искажает или даже

профанирует античную философскую мысль с её наследием в виде универсалий. Дело в том, что античные мыслители обращаются к универсалиям, скорее, в русле гносеологической проблематики, в то время как в Средние века происходит открытие субъективности, ведь и Разум, и душа человека таят в себе глубокие потенции индивидуальности. Таким образом, «индивидуальное» предстаёт как «универсальное», а значит, получает онтологический статус. Отсюда небезызвестная полемика между реалистами, номиналистами и концептуалистами относительно того, каков этот статус. Кроме того, на этапе Средневековья универсалии оформляются ещё и терминологически, т.е. они входят в лексическую систему языка. Всё это в целокупности позволяет универсалиям в каком-то смысле «завершить гештальт». Однако изменение мировоззренческого контекста вынуждает формулировать универсалистскую проблематику если не изнова, то, во всяком случае, при помощи иных символических средств. Так, в эпоху Просвещения универсалии ожидают новые теоретические коллизии, требующие анализа.

Сам факт обращения к универсалиям, их рассмотрение в рамках новоевропейской философии опять же справедливо связывать с властным всепронизывающим рационализмом. В то же время притязания Разума в культуре Нового времени беспрецедентно высоки; они будто возводятся в превосходную степень. Внутримирную позицию «нововременного» человека можно описать как уход в себя (самоуглубление), вследствие чего оптимизируются ментальные силы человека. В результате – физический мир с его вещественным разнообразием удостоверяется как существующий тогда и только тогда, когда он проходит через горнило Разума. «По содержанию мышление не столько предметно, зависимо от внешнего мира, сколько рефлективно, самодостаточно и способно дать себе бытие» [15. С. 43]. Неудивительно, что любые элементы религиозно-мистического опыта элиминируются, а впоследствии и сам Бог за ненужностью подвергается остракизму. Человек присваивает себе статус единоличного демиурга действительности, он становится Великим архитектором Вселенной, и первые шаги по направлению к «метафизике индивидуализма» предпринимаются уже Р. Декартом.

Изучая проблему бытия, Картезий пытается вывести некое основополагающее понятие, способное отразить его сущность, – в качестве такого понятия им избирается субстанция. Что вкладывает Декарт в это понятие? Философ отвечает на вопрос следующим образом: «Под субстанцией мы можем разуметь лишь ту вещь, коя существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи» [16. Т. 1. С. 334]. В свою очередь, Декарт подразделяет субстанции на материальные (res extensa) и духовные (res cogitans) – и те и другие подвергаются атрибуции. В связи с этим отметим, что протяжённость – это атрибут материальных субстанций, а мыслимость – духовных. При этом мышление (мыслимость) обладает определённым набором модусов, а именно: чувство, представление и желание. В свою очередь инкорпорация этих модусов как раз и являет знаменитое картезианское Cogito (от латинского cogitare – «мыслить»).

Стоит пристально вглядеться в декартову мыслящую (духовную) субстанцию, как не составит особого труда распознать в ней «реинкарнированную» универсалию, причём Cogito отводится важная роль в её практическом освоении. Сам Декарт признаётся: «Под именем “cogitatio” я понимаю всё то, что для нас, сознающих притом самих себя, в нас происходит…» [Там же. С. 58]. Картезий ведёт речь о «когитарном» мышлении, возымевшем власть в творении реальности. Эта «конкистадорская» сила проявляется, во-первых, в том, что положение «Я мыслю» служит необходимым и достаточным условием конституирования наличного бытия человеческой личности. Во-вторых, принятие факта собственного существования ввиду способности к проведению логических операций влечет за собой экстериоризацию всего объективно-предметного мира. Таким образом, философию Декарта можно идентифицировать как точку бифуркации, ознаменовавшую поворот к самопознанию и субъективности. Естественно, это обстоятельство не могло не сказаться на характере развития универсалии – отныне она не эманирует в сознание извне (из «мира идей» или даже логоса Бога). Универсалии суть плоды живородящего человеческого Разума, в то время как внешняя реальность представляет собой лишь напечатления духовных субстанций (универсалий).

Итак, переход к Новому времени провоцирует переосмысление способа бытия сущего, и, разумеется, это обстоятельство влечёт за собой переоткрытие универсалий. В этой связи уместно обратиться к философским изысканиям И. Канта – классик немецкой философии подспудно уточняет искомое понимание универсалии.

Интеллектуальные симпатии кёнигсбергского мыслителя находятся на стороне субъективного идеализма. Именно поэтому Кант заостряет и весьма отчётливо формулирует вопрос вторичности наличного бытия по отношению к сознанию. Философ отводит человеку роль активно мыслящего субъекта, который не просто имеет дело с эмпирической данностью, но творчески преобразует её, статуируя мыслительные категории – новые по форме и содержанию (так называемые феномены, или «вещи для нас»). Можно сказать, что всякий объект вещно-предметного мира раскрывается лишь в ходе гносеологической процедуры, которая осуществляется трансцендентальным субъектом. Более того, «если уничтожить наши субъективные свойства, – пишет Кант, – то окажется, что представляемый объект с качествами, приписываемыми ему чувственным созерцанием, нигде не встречается, да и не может встретиться, так как именно наши субъективные свойства определяют форму его как явления» [17. Т. 1. С. 269].

Таким образом, в логике рассуждений Канта представлен синтез практической способности Разума, могущей «созерцать» чувственное многообразие посюсторонней действительности, и теоретической его способности, обращённой к трансцендентальной потусторонности. Позднее М. Фуко назовёт носителя этих комплексных способностей «эмпирико-трансцендентальным дублетом». Фактически – эмпиризм и рационализм тесно переплетаются Кантом на

том основании, что «без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один предмет бы не мыслился» [Там же. С. 42]. Тем не менее есть нечто, что сохраняет своё бытие, оставаясь независимым от нашего восприятия, не нуждаясь в акте восприятия как таковом. Речь идёт о стержневом понятии кантовской философии – «вещи в себе» – она не подлежит апостериорному познанию, но и априорной формой познания также не является. Вот почему сам Кант называет «вещь в себе» «проблематическим понятием». Ко всему прочему, парадоксальность «вещи в себе» усугубляется за счет ее апофатического характера, ведь все истинные утверждения о «вещах в себе» (исключая, пожалуй, тезис об их подлинном существовании) на деле чреваты отрицаниями: так, например, известно, что они пребывают вне времени и пространства. И. Кант пишет по этому поводу: «…пространство и время суть определения не вещей в себе, а явлений: каковы вещи в себе, я не знаю и мне незачем это знать, потому что вещь никогда не может предстать мне иначе как в явлении» [Там же. С. 325]. Таким образом, ноумен (универсалия) не подлежит познанию, поскольку Разуму никогда не выйти за рамки, очерченные возможным опытом, а всякого рода попытки в этом направлении приводят к столкновению с антиномиями. Однако «живительным шлюзом», позволяющим приблизиться к миру вещей в себе, служат феномены, ибо они будируют чувственность и рождают некие представления. «Для действительности внешних предметов я также мало имею нужды делать умозаключение, как и для действительности предмета моего внутреннего чувства (моей мысли), ибо как то, так и другое только представления, непосредственное восприятие которых (сознание) служит доказательством их действительности», – утверждает И. Кант [Там же. С. 637].

Определённо, Кант вершит трансцендентальный («коперниканский») переворот, смысл которого заключается в том, что человеческий Разум подчиняет, субординирует природу, ведь только «тот, кто самому себе ясен до дна» [18. С. 56], способен конвертировать Истину внеположенной реальности (природной и социальной). Другими словами, природа такова, какой ей предписывает быть «канон Разума». Аналогичный посыл встречается и в философском творчестве Гегеля, чей лапидарный тезис «что разумно, то действительно» [19. Т. 1. С. 89] является своего рода реминисценцией декартовского «мыслю, следовательно, существую». Неслучайно Гегель предоставляет человеку роль решительного звена в процессе самораскрытия абсолютной идеи, становление которой завершается в момент оформления понятийных форм (универсалий), разлитых в сфере философии, а также в искусстве и религии. Однако нужно понимать, что в логике Гегеля универсалия позиционируется отнюдь не как содержание мышления субъекта, так как это в определённом смысле лишает ее объективности, потому что в данном случае универсалия всецело зависела бы от интеракции человеческих созерцаний, чувств, представлений. Вероятно, в этом и состоит качественное отличие гегелевской концепции универсалии в рамках объективного идеализма от предлежащей кантовской (субъективный идеализм) и картезианских размышлений: согласно Гегелю, универсалия складывается не столько в ходе мыслительной процедуры, которую можно описать как абстрагирование с последующим нахождением и соединением общего в предметах – «алгоритм», предложенный ещё Сократом. По Гегелю, универсалия всегда как бы опережает познающего субъекта, и ей лишь остаётся ждать часа, когда субъект рассмотрит её «идеально», «расколдует» её в рефлексии, ведь, продолжая следовать мысли Гегеля, «духовный субъект имеет опосредствование не вне себя, а есть оно само» [20. С. 113].

Итак, главная мысль, которая иллюстрировалась выше, состоит в следующем: в период Нового времени человеческий Разум как никогда активен, и, что характерно, он снова присягает Истине. Строго говоря, познание Истины становится приоритетным направлением ещё среди ренессансных гуманистов-энциклопедистов. Уже тогда наблюдается тенденция к возврату в Античность – к её идеалам, не говоря уже о «параллелях между аттической интеллектуальной революцией V–IV вв. до н.э. и всеевропейской интеллектуальной революцией второй половины XVIII в. как в области мысли, так и в области эмоциональной атмосферы вокруг мысли» [21. С. 12]. Вот лишь некоторые из таких «параллелей»: во-первых, вновь обретённая дихотомия «универсальное – индивидуальное», а во-вторых, чисто секулярный характер универсалии. Отсюда это свободное, ничем не стеснённое «конкистадорство» Разума. Однако наш экскурс по истории философии приводит к мысли о том, что рационалистическая подоплёка в принципе свойственна метафизике, и, более того, именно разумное начало является гарантом целостности последней.

Несомненно, вся метафизика, начиная с философов-досократиков, возводится исключительно на почве рефлексии. На этом фундаменте произрастают универсалии западноевропейского толка – от «воды» Фалеса до Cogito Декарта и т.д. Любая из этих концептуальных моделей носит внеэмпирический характер. Для большей убедительности достаточно сапеллировать к тому факту, что «водой» Фалеса невозможно наполнить стакан, как нельзя утолить ею жажду – этой воды «самой-по-себе» в мире просто нет и никогда не существовало. То же самое относится и к другим умственным построениям вроде «категорий» Аристотеля или «вещи в себе» И. Канта. Все эти категории действительно «надуманы» (в лучшем смысле слова). Примечательно и то, что все они покоятся на «архэ» (от греческого «arche» – начало, принцип, власть). То есть, по сути, архэ выполняют роль скреп, обеспечивающих «сцепление всей человеческой мысли в единую рациональность» [22. С. 123].

Общая тенденция настолько прозрачна, что вынуждает говорить о метафизическом стиле мышления, который зарождается в Античности, оттуда со всей очевидностью перетекает в Средневековье, а затем и в эпоху Просвещения, где абсолютизируется, достигает своего апогея. Метафизический способ мысли отдаёт явное предпочтение Разуму как «добытчику» и даже «знатоку» Истины. Пожалуй, отклонение от этой парадигмы наметилось лишь однажды – в Средние века.

Впрочем, даже тогда рационализм не покидает пространство культуры. Таким образом, метафизическая картина мира не просто утверждается, но безраздельно господствует в культуре вплоть до конца XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Конев В.А.* Проблема универсалий в новом повороте // Идея университета и топос мысли. Самара : Самарский университет, 2005. С. 20–32.
2. *Амельченко С.Н.* Универсалии «бытие», «сущее», «должное» в познании культуры: опыт систематизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 100–111.
3. *Платон.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1993. 526 с.
4. *Петрова Г.И.* Сократ как философ «подозрения к разуму: «до-трансценденталистская антропологическая атака» на трансцедентализм классической философии. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3(7). С. 18–24.
5. *Вохмянин Д.В.* Природа универсалий // Казанская наука. 2011. № 9. С. 167–170.
6. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Пути к универсалиям // Диалог культур XXI век, 2012. URL: http://www.culturedialogue.org/drupal/en/node/5566
7. *Аристотель.* О душе / Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. 828 с.
8. *Вольнов В.* Приглашение в философию. Античность. URL: http://v-volnov.narod.ru/LargeWorks/InvitationToPhilosophyAntiquity_Aristotle-AboutSoul.htm
9. *Зиммель Г.* Созерцание жизни // Избранное. Соч. : в 2 т. М. : Юрист, 1996. Т. 2. 608 с.
10. *Перевезенцев С.В.* Аврелий Августин // СЛОВО. URL: http://www.portal-slovo.ru/history/35537.php
11. *Боэций.* Комментарий к Порфирию // «Утешение философией» и другие трактаты Боэция. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 413 с.
12. *Драгалина-Чёрная Е.Г.* «Слово к внемлющему» или диалог с «безумцем»? Логика и риторика «Прослогиона» // Модели рассуждения – 1: Логика и аргументация. Калининград : Изд-во Российского университета им. И. Канта, 2007. С. 170–180.
13. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 2 : Средневековье. СПб. : Петрополис, 1994. 356 с.
14. *Гайденко В.П., Смирнов Г.А.* Западноевропейская наука в средние века. М. : Наука, 1989. 351 с.
15. *Петров Ю.В.* Антропологический образ философии. Томск : Изд-во НТЛ, 1997. 448 с.
16. *Декарт Р.* Первоначала философии // Сочинения. Калининград : Янтарный сказ, 2005. 352 с.
17. *Кант И.* Критика чистого разума. Соч. : в 6 т. СПб. : Тайм-аут, 1993. 472 с.
18. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М. : Наука, 1993. 670 с.
19. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1975. 451 с.
20. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология Духа. М. : Наука, 2000. 495 с.
21. *Аверинцев С.С.* Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13.
22. *Конев В.А.* Категориальная структура культуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. № 1. С. 122–131.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 7 июля 2014 г.

METHODOLOGICAL PREMISES OF UNIVERSAL PHENOMENA IN THE CONTEXT OF CLASSICAL METAPHYSICS

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 70-78. DOI: 10.17223/15617793/386/11

Berezovskaya Sofya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofber@mail.ru

Keywords: universal phenomenon; metaphysics; rationality; substance; being; category; verity; arche.

Universal phenomena have been formed since the Antiquity epoch. The Greeks consider them in connection with such concepts as "substance" ("essence") or with the verb "to be". We can see the substantial line in the works of such philosophers as Thales, Anaximenes, Anaximander. Each of them produces the idea of the universal phenomenon, every time offering a new substance as a physical basis of being and as its metaphysical source. Plato refined this position: he developed the doctrine of entities which organize the world – the ideas. In turn, searches of "the universal phenomenon as being" were made by Parmenides and Socrates. Both represent a specific reality where reason serves as a disciplining force. Universal phenomena fill this reality. They are constructed by a person whose intellect imprints the givens of an empirical reality and then transforms them into abstract concepts. Aristotle organizes these concepts (ten categories). The Greeks managed to build a philosophical methodology where Reason takes the role of a declarative. The medieval philosophy takes rationalism from the Antiquity in terms of universal phenomenon justification. Augustine, Anselm, Aquinas are the best proofs of it. Despite the fact that Faith is declared to be the main value in the culture of the Middle Ages, Reason challenges its directives. Together they create scholastic rationalism. Faith and Reason are two different motivational complexes, but in the Middle Ages, they are complementary. It is not a coincidence that God in medieval scholasticism is considered not only as the Creator of the visible world, but also as the Creator of its rational structure. However, in the Age of Enlightenment universal phenomena acquire a secular character. The claims of Reason in the culture of Enlightenment are very high. At that time universal phenomena do not emanate to the consciousness from the outside. Universal phenomena are the figments of the human Reason. Descartes, Kant, Hegel formulate the moment of the secondary nature of existence in relation to the consciousness, and every object of the material world is revealed only in the process of epistemological procedures. That is why Reason possesses endless power. However, the rationalist background in general is a feature of metaphysics – it is all built on reflection. Universal phenomena are made on this foundation – Thales's "Water", Descartes's "Cogito", Aristotle's "categories", Kant's "things-in-themselves", etc. All these categories are thought up, all of them rest on the "arche", which means "beginning" in Greek. This is a metaphysical way of thinking which originates in the Antiquity, then goes into the Middle Ages and the Enlightenment where it becomes absolutized. The metaphysical way of thinking gives preference to Reason as an "expert" of Truth. This program setting determines the technomorphism of the European culture. The deviation from this paradigm appeared only in the Middle Ages, yet rationality is still part of culture.

REFERENCES

1. Konev V.A. [The problem of universals in the new turn]. *Ideya universiteta i topos mysli* [The idea of the university and the topos of thought]. Samara: Samara University Publ., 2005, pp. 20-32. (In Russian).
2. Amelchenko S.N. Universal categories "existence", "real" and "due" in the culture cognition: experience of systematization. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 29 (167), pp. 100-111. (In Russian).
3. Plato. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 526 p.
4. Petrova G.I. Socrates as philosopher of "distrust to consciousness": anthropological attack on transcendentalism of classical philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2009, no. 3(7), pp. 18-24. (In Russian).
5. Vokhmyanin D.V. The essence of universals. *Kazanskaya nauka*, 2011, no. 19, pp. 167-170. (In Russian).
6. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. Puti k universaliyam [Ways to Universals]. In: *Dialog kul'tur XXI vek* [Dialog of Cultures. The 21st century], 2012. Available at: http://www.culturedialogue.org/drupal/en/node/5566.
7. Aristotle. *Sochineniya v 4 t.* [Works. In 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 828 p.
8. Vol'nov V. *Priglashenie v filosofiyu. Antichnost'* [Invitation to Philosophy. Antiquity]. Available at: http://v-volnov.narod.ru/LargeWorks/InvitationToPhilosophyAntiquity_AristotleAboutSoul.htm.
9. Simmel G. *Izbrannoe. Sochineniya: V 2-kh t.* [Selected Works. In 2 vols.]. Moscow: Yurist Publ., 1996. 608 p.
10. Perevezentsev S.V. *Avreliy Avgustin* [Augustine of Hippo]. Available at: http://www.portal-slovo.ru/history/35537.php.
11. Boethius. *"Uteshenie filosofiey" i drugie traktaty Boetsiya* ["Consolation philosophy" and other treatises of Boethius]. Moscow: LKI Publ., 2010. 413 p.
12. Dragalina-Chernaya E.G. *"Slovo k vnemlyushchemu" ili dialog s "bezumtsem"? Logika i ritorika "Proslogiona"* ["A word to that who can hear" or dialogue with the "crazy"? Logic and rhetoric of The Proslogion]. In: *Modeli rassuzhdeniya – 1: Logika i argumentatsiya* [Models of arguments – 1: Logic and reasoning]. Kaliningrad: Kant Russian State University Publ., 2007, pp. 170-180.
13. Reale G., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney* [Western philosophy from its origins to the present day]. Translated from Italian. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1994. Book 2, 356 p.
14. Gaydenko V.P., Smirnov G.A. *Zapadnoevropeyskaya nauka v srednie veka* [Western European science in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 351 p.
15. Petrov Yu.V. *Antropologicheskiy obraz filosofii* [Anthropological image of philosophy]. Tomsk: NTL Publ., 1997. 448 p.
16. Descartes R. *Sochineniya* [Works]. Translated from French. Kaliningrad: Yantarnyy skaz Publ., 2005. 352 p.
17. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Translated from German. St. Petersburg: Taym-aut Publ., 1993. 472 p.
18. Schopenhauer A. *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as will and representation]. Translated from German. Moscow: Nauka Publ., 1993. 670 p.
19. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Translated from German. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 451 p.
20. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya Dukha* [Phenomenology of Spirit]. Translated from German. Moscow: Nauka Publ., 2000. 495 p.
21. Averintsev S.S. Dva rozhdeniya evropeyskogo ratsionalizma i prosteyshie real'nosti literatury [Two births of European rationalism and simple literature realities]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 3, pp. 3-13.
22. Konev V.A. Kategorial'naya struktura kul'tury [Categorical structure of culture]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii*, 2007, no. 1, pp. 122-131.

Received: 07 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 79–84 DOI: 10.17223/15617793/386/12

УДК 39

Н.В. Золотарева

КУКЛЫ ОБСКИХ УГРОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ И КОМПЕТЕНЦИЙ

Статья подготовлена при финансовой поддержке совместного конкурса РГНФ и Администрации Томской области, проект № 14-11-70002 «Традиционная игрушка коренных народов Западной Сибири как фактор формирования этнокультурных смыслов и компетенций».

Статья посвящена анализу кукол коренных народов Западной Сибири – обских угров. Раскрыта значимость кукол в формировании смыслового поля культуры. Выявлены психологическая, педагогическая, деятельностная, социальная и мировоззренческая функции кукол. Доказано, что смена материалов, используемых для изготовления кукол, отразила эволюцию отношений человека с окружающим миром. Выявлено, что через конструктивные особенности в куклах раскрывается идея психосоматического единства человека. Сделан вывод о том, что куклы обских угров полисимволичны и играют важную роль в процессе инкультурации.

Ключевые слова: куклы; этнокультурные смыслы и компетенции; мировоззрение; инкультурация.

Процессы глобализации стирают и унифицируют самобытную культуру народов. Вместе с тем в последнее время наблюдается рост национального самосознания, стремление этнических сообществ возродить базовые блоки своей культуры. Указанные процессы активно идут и в Западной Сибири. В связи с этим появляется потребность в исследовании различных элементов культуры, сохранивших в себе основные мировоззренческие установки этноса, и вовлечении их в процесс формирования этнокультурных компетенций у подрастающих поколений. Одним из таких элементов у обских угров (хантов и манси) являются куклы, аккумулирующие психологическую, педагогическую, мировоззренческую функции и выступающие в традиционном обществе в качестве атрибута первичной инкультурации ребенка. Изучая роль традиционной куклы в процессе социализации ребенка, исследователи, как правило, рассматривают ее только как часть игровой деятельности. Однако кукла может приобщать ребенка к ценностям культуры только в том случае, если она сама наделена смыслами, выражающими эти ценности.

С куклой связана игра девочки. В играх она отображает жизнь, занятия бабушки, мамы, сестры. Статус девочки в будущем – хранительница очага, мать, хозяйка, поэтому посредством игры в ней воспитываются такие качества, как хозяйственность, женственность, доброта, терпение. Ухаживая за куклой-дочкой, девочка познает правила ухода за ребенком. Отец или дедушка изготавливает для этого маленькую детскую деревянную колыбельку. От старших родственниц девочки узнают способы изготовления кукол, так как сначала кукол делают бабушка, мама или старшая сестра [1. С. 59, 61]. Гендерно-половая дифференциация кукол способствовала выработке у девочек в процессе игры определенных моделей поведения. А ролевые игры готовили их к вхождению в общество, построенное на определенных типах отношений между определенными социальными группами. Как видим, игра с куклой способствует выработке у девочки определенных личностных характеристик и трудовых навыков, в чем проявляются психологические и педагогические функции куклы.

Куклы у хантов различаются по половым и возрастным признакам. Есть «куклы-мужчины», «куклы-женщины» и «куклы-дети» (рис. 1). При этом оформление кукол различается в зависимости и от возраста куклы. Данное обстоятельство подчеркивает точность, с которой хантыйские дети воспроизводят половозрастные особенности окружающих людей. Изготавливая куклу, ребенок отмечает определенные особенности человека, оформляя куклу соответственно им [2. С. 43]. Главным различием кукол по мужским и женским половым признакам служит одежда, аналогичная традиционным костюмам взрослых. Подборка материалов – меха, лоскутков, лент, бисера, бус – и деталировка украшений производились настолько тщательно, что одетая кукла становилась живым отражением человека, доступным пониманию ребенка, удовлетворявшим его игровые требования и наталкивающим его на активную игровую деятельность [3. С. 122, 123]. При этом куклы-женщины выглядели нарядно и красочно, а куклы-мужчины намного скромнее [2. С. 44], что обусловливалось гендерной спецификой традиционного костюма.

В условиях значительной трансформации современной этнической культуры обских угров особое значение в плане изучения кукол играют музейные коллекции. Автор статьи подробно изучила коллекционные описи и отдельные предметы из собраний Российского этнографического музея (РЭМ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамеры) (МАЭ РАН), что позволило получить дополнительный материал для анализа.

Как пример различия кукол в одежде, связанного с половозрастным признаком, приведем описания экземпляров, хранящихся в фондах РЭМ. Куклы были собраны С.И. Руденко у березовских хантов во время экспедиции 1909–1910 гг. «Куклы-мужчины» одеты в малицу (1711–321, 325, 327). «Куклы-женщины» одеты в меховую шубу (1711–303, 304, 306, 307, 312, 319, 322, 326, 328, 330) или платье (1711–305). «Куклы-дети» одежды не имеют и находятся в берестяной люльке (№ 1711–302, 311) [4. С. 142–147].

Костюм кукол представлял собой мини-копию взрослого. В нем четко противопоставлялась глухая

(мужская) и распашная (женская) одежда, особо подчеркивались платок и накосные украшения женщин. Следует отметить, что «среди атрибутики женской одежды на первом месте стоял платок. Он маркировал статус женщины и выступал явной оппозицией девичеству, символом которого являлись косы» [5. С. 241]. Накосные украшения как знак символизировали статус девичества, а как магическое средство выполняли креативную, коммуникативную и охранительно-очистительную функции [Там же. С. 259]. Таким образом, в куклах через материальный образ человека подчеркивались гендерная характеристика, оппозиция мужское – женское, а также особый магический статус женщины.

Рис. 1. Куклы юганских хантов
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 46)

Для выявления смыслов, заложенных в куклах, рассмотрим их конструктивные характеристики. С учетом данного признака кукол можно разделить на два вида. Наиболее архаичными признаны куклы с головкой из клювика птицы [6. С. 63]. Такие куклы имеются у северных хантов и зафиксированы в этнографической литературе у восточных хантов на Салыме, Васюгане (рис. 2). Что касается манси, то данных кукол у них не выявлено.

Рис. 2. Куклы из клювиков птиц
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 57)

Трактовка кукол первого вида в литературе неоднозначна. Согласно одной точке зрения, образ, воплощаемый в кукле, зависит от выбора клюва водоплавающей птицы. Так, голова из клюва лебедя означает шамана; большого гуся – мужчину; маленького гуся со светлым клювом – «главную», т.е. почитаемую женщину, или маму; уточки – невестку, молодую хозяйку; с темным клювом – бабушку [Там же]. Согласно другой трактовке, с утиными носами шили кукол мужского пола [1. С. 62]. «Туловом», своего рода конструктивной основой этих кукол, служит прилегающая к клюву шкурка птицы. На нее нашиваются цветные полосы сукна, а сверху надевается одежда, имитирующая взрослую [7. С. 14]. Кукла-женщина обдорских хантов имеется в фондах МАЭ РАН (592–7). Ее основу составляет утиный клюв с пришитым к нему прямоугольным куском черного сукна [8. С. 4]. В фондах РЭМ аналогичные куклы хранятся в двух коллекциях: № 1711 (березовские ханты) и № 4047 (аганские ханты). Это «куклы-мужчины» с головой из гусиного (1711–321, 327) или утиного (1711–325) клюва, с туловом из полосок сукна, а также «куклы-женщины» с головой из клюва гуся (1711–303, 312, 322, 328), утки (1711–306, 307, 326, 330; 4047–369) или лебедя (4047–365), с суконным туловищем [4. С. 142–147; 9. С. 139, 140].

Другой вид кукол – это куклы, сделанные из ткани (рис. 3). Главным конструктивным элементом таких кукол, встречающихся у хантов и манси, является вертикальный стержень «тулова» из свернутой в несколько слоев полосы ткани, согнутой посередине. Верхняя часть свернутой ткани считается головой и по сути заменяет клюв утки. В рамках второго вида зафиксировано несколько подвидов, различающихся оформлением лица. Один из них – это куклы, лицо которых сделано из однотонной материи. Такой подвид кукол, встречавшийся у тобольских хантов, имеется в фондах МАЭ РАН в коллекции № 1151, поступившей в музей в 1907 г. от А.В. Журавского. Это «куклы-женщины», голова которых представляет собой лоскутки, обернутые красной (1151–1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 15, 17, 19, 20, 21), розовой (1151–10, 23), оранжевой (1151–13) или малиновой тканью (1151–22) [10. С. 1–6].

Рис. 3. Куклы из ткани (казымские ханты)
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 35)

Приведем описания хантыйских кукол из коллекций МАЭ РАН. Кукла-женщина из коллекции № 1151–7 с лицом из красной материи, с косами из розовой ткани, обмотанной коричневыми шерстяными нитками, соединенными посредине ниткой черного бисера. Спереди имеется украшение из такого же бисера. Одета кукла в шубу, состоящую из спинки и двух полок, надставленную по подолу мехом контрастного цвета. Кукла из коллекции № 2383–102, привезенная в 1914 г. студентом И.Н. Шуховым от хантов р. Казым [11. С. 1], представляет собой мужчину с лицом из красной с черной полосой материи. Одета в меховую одежду с капюшоном.

У восточных хантов наблюдалось большее разнообразие в оформлении лица у кукол (рис. 4, 5). На р. Юган скрученные полосы цветной ткани, обозначающие лицо, образуют овал или полуовал, на р. Аган и р. Тромъеган – сердечко, на р. Пим – концентрические круги [6. С. 63, 64; 12. С. 20].

Рис. 4. Кукла пимских хантов
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 40)

Рис. 5. Куклы юганских хантов
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 47)

Рис. 6. Кукла манси
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 20)

Следует отметить, что манси изготавливали куклы только из ткани (рис. 6). По литературным данным, они имели характерную особенность – туловище из тряпок с довольно большой, круглой тряпичной головой [3. С. 120]. По вещественным источникам, голова данных кукол не отличалась большим размером. Этот вид иллюстрируют куклы, хранящиеся в фондах РЭМ. «Куклы-мужчины», обнаруженные С.И. Руденко в 1909–1910 гг. у манси на рр. Сосьве, Сыгве, имеют тулово из одной или нескольких тряпочек. Они одеты в меховые парки (1710–314, 316, 321, 322). «Куклы-женщины», приобретенные у манси на рр. Лозьве, Сыгве, Сосьве, сшиты из ткани, имеют длинные косы, обмотанные шерстяными нитками. Одеты куклы в меховые шубы и платки (1710–311, 312, 313, 315, 318, 319, 320). «Кукла-ребенок», найденная у манси на р. Обь, изготовлена из тряпок. Она лежит в колыбели, сделанной из горловой кости гуся (1710–317) [13. С. 79–82].

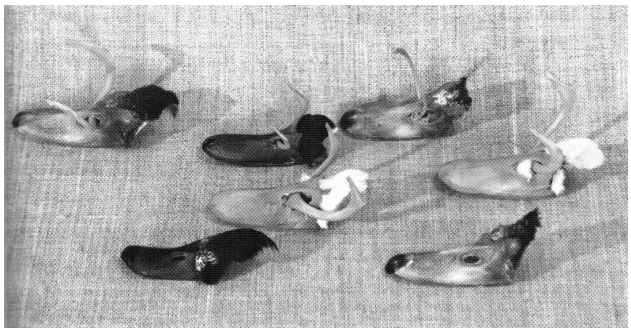


Рис. 7. Игрушки девочек – олени, изготовленные из клювиков птиц
(Финно-угорский мир в играх и игрушках А.М. Тахтуевой. Фотоальбом. Ханты-Мансийск, 2006. С. 91)

Точкой отсчета в эволюции обско-угорских кукол следует признать куклы, изготовленные из шкурки с птичьим клювом. Образ куклы-человека выражался через часть тела птицы. Данное обстоятельство представляется неслучайным. Его трактовка предполагает обращение к глубинным мифологическим основам человеческого мышления. Одним из его признаков

является то, что «первобытный» человек не выделял себя отчетливо из окружающего природного мира и переносил на природные объекты свои собственные свойства [14. С. 164–165]. Характерной чертой в понимании хантами животного мира было полное или частичное уподобление его человеку [15. С. 155, 156]. Очевидно, использование для создания основы куклы-человека шкурки птицы иллюстрирует архаичный пласт в воззрениях обских угров.

При этом важно подчеркнуть, что птичий клюв становился куклой и приобретал значение человека только в том случае, если на нем появлялась одежда. Следует отметить, что у хантов зафиксирована игрушка-олень с туловом из клюва водоплавающей птицы, а рога имитирует вставленная в носовое отверстие изогнутая грудная косточка птицы (рис. 7). Характерно, что олени из «клювиков» предназначались для девочек, ими изготавливались и хранились [16. С. 234]. Таким образом, «голый» утиный клюв мог изображать оленя, но клюв, обернутый в ткань, олицетворял только человека. Следовательно, первым, что отделяло в игрушках «человека» от «животного», являлось не создание антропоморфного облика, а введение материала, созданного человеком [17. С. 243]. Большое внимание, уделяемое одежде кукол, неслучайно. Как было отмечено выше, одежда куклы подчеркивала самые характерные черты в социальном статусе человека. Кроме того, в рамках мифологического сознания особенно тесные отношения связывали человека с одеждой. Одежда была семантически эквивалентна таким понятиям, как кожа, шкура. В более широком смысле одежда являлась воплощением внешнего образа человека, его материализованной субстанцией [18. С. 134].

На всех обско-угорских куклах присутствует комплект одежды, повторяющий взрослую, – сак или шуба, платок, накосные украшения. Однако процесс одевания кукол был, видимо, длительным, и одежда, имитирующая подлинный костюм, – явление довольно позднее. Вначале это была не игрушечная одежда, а ее символ – кусочки ровдуги, ткани. Достаточно было символически обозначить одежду, чтобы подчеркнуть в игрушке образ человека, отделить его от животного мира [17. С. 243, 244]. Дальнейшее развитие куклы шло в русле вытеснения из куклы её «природной» основы. Она полностью входила в рукотворный мир людей. Появились куклы из кусочков цветных тканей. Указанные превращения кукол, видимо, отразили формирование новой парадигмы в человеческом мышлении – разделение человека и природы, установление между ними субъектно-объектных отношений. Таким образом, куклы обских угров отразили эволюцию отношений человека с окружающим миром от их слитности до полного разделения.

Еще один выход игры с куклой в сферу этнокультурных смыслов сопряжен с подготовкой ребенка к восприятию мифологической картины мира, т.е. инкультурацией. Для мифологического сознания события первотворения представляются реальными и определяющими реальность. Мифологическая картина мира мозаична, она складывается из разных кусочков, а структурирующую функцию выполняет ритуал. Один из таких кусочков мировоззренческой панорамы формируется с помощью кукол. При его реконструкции путеводной нитью служит конструктивная специфика наиболее архаичного вида кукол – из птичьих клювов со шкуркой. Образ человека в кукле передается через шкурку птицы, и тем самым отождествляются две разновидности живых существ. Согласно традиционным представлениям манси, душа умершего человека попадала на землю предков (в загробный мир. – *Н.З.*) в образе птицы, и только птицы могли попадать туда, вернуться же в мир людей возможно было лишь через вселение в тело новорожденного ребенка. Ханты на гробе рисовали птицу, чтобы крепче привязать душу покойного к месту погребения [19. С. 88, 89; 20. С. 154]. Как видим, образ птицы нес в себе большую символическую нагрузку. С птицей были связаны пути в иной мир и обратно, птица была связующим звеном между человеком и богами. А самое главное, птица выступала символом души.

Образ птицы в мифологии обских угров многогранный. Птица служит воплощением демиурга: кулика – у хантов и гагары – у манси, эманацией верховного владыки Торума и его сыновей, включая Мирсусне-хума, богини земли Калтась-эквы, преобразованным обликом культурного героя Эква-пырись [21. С. 63, 272, 172, 298, 299, 353]. Разносторонность мифологического образа птицы, наделение его различными ипостасями естественного и сверхъестественного свойства, очевидно, несли идею единства окружающего мира в разных формах его бытия. Кукла способствовала усвоению этой идеи, своей материальной основой она незаметно подготавливала детское сознание для этого важного мировоззренческого вывода.

До сих пор речь шла об игрушке в плане реального содержания игры. Попытаемся посмотреть на нее с точки зрения плана возможного. В указанном ракурсе ключевым понятием становится модель. Исследовательница хантыйской культуры А.М. Тахтуева определила игрушки как «набор предметов будущих занятий в миниатюре» [1. С. 62], т.е. уменьшенных копий реальных предметов. Данное количественное преобразование, по мнению классика этнологии К. Леви-Строса, имеет далеко идущие последствия. Оно делает многообразной власть человека над подобием вещи [22. С. 132].

Во-первых, человек становится субъектом – активным деятельностным началом, влияющим на процессы, явления, вещи. Статус субъекта, или, по выражению В.Н. Топорова, «творца», человеку придает процесс изготовления им вещи, точнее, его толкование мифологическим мышлением. Доведя человека до определенной черты, т.е. способности создавать вещи, демиург передает свою «творящую» функцию самому человеку [23. С. 9]. Созидательность процесса усиливается при создании не просто аналога образцу, но его уменьшенной копии, модели. Сюжет с включением всех рассматриваемых категорий – творец, человек, кукла, игра – неоднократно обыгрывается в обско-угорской мифологии. В ней отождествляются люди и куклы, первые определяются через вторых как «кукольнолицые». Переход от мифического времени к «человеческому» характеризуется так: «В дальней-

шем настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, до окончания песни, до окончания сказки» [21. С. 118]. Составитель и автор вводной статьи к указанному изданию Н.В. Лукина трактует текст следующим образом: люди – это куклы богов, которыми они забавляются [24. С. 43]. Мысль следует продолжить: девочка превращалась в творца, когда играла в куклы. В обоих случаях речь идет о моделировании будущего устройства жизни, в одном случае в качестве субъекта выступают боги, в другом – дети [25. С. 189].

Во-вторых, обращение к модели, по мнению К. Леви-Строса, предоставляет возможность перейти от чувственного восприятия к «умопостягаемым измерениям», при этом в уменьшенной модели познание целого предшествует познанию частей [22. С. 132, 133]. Поскольку кукла служит моделью человека, она должна нести существенную информацию о нем самом. Подсказкой для реконструкции «умопостягаемого измерения» человека через куклу служит одна традиционная норма – запрет на изображение лица. Объяснение этого табу, универсального для всех видов и подвидов кукол, звучит так: чтобы в куклу не вселилась душа. Следовательно, кукла олицетворяла не всего человека, а лишь его телесную, соматическую составляющую. Но не стоит забывать о древнейшем материале, используемом для изготовления основы куклы – шкурке птицы. Птица в мировоззрении обских угров являлась символом души. Если соединить полученные смыслы, то получается, что кукла отражала психосоматическое единство человека в традиционной культуре обских угров.

Как видим, куклы обских угров полисимволичны и наделены глубоким мировоззренческим содержанием. Кроме психологической и социальной функций, выделяемых исследователями применительно к куклам, они выполняли и другую важную функцию, предполагавшую подготовку к восприятию мифологической картины мира. Идея первомодели реализовывалась через куклу, изготовленную из шкурки водоплавающей птицы, символизировавшей акт первотворения. Таким образом, в традиционной культуре проявляла себя идея единства окружающего мира в разных формах его бытия. Кукла способствовала усвоению этой идеи. Кроме того, кукла служила средством моделирования окружающей действительности: девочки становились сопричастны функции творца, когда играли в куклы. Возращение в обиход традиционной куклы позволит возродить традиционные нормы и приобщить подрастающее поколение к мировоззренческим установкам народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Тахтуева А.М.* Игры и игрушки в традиционном воспитании хантыйской семьи // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1996. Вып. 3. С. 58–65.
2. *Оберталлер П.М.* Материалы о хантыйских куклах // Советская этнография. 1935. № 3. С. 42–49.
3. *Рейнсон-Правдин А.Н.* Игра и игрушка народов Обского Севера // Советская этнография. 1949. № 3. С. 109–132.
4. *РЭМ.* Коллекционная опись № 141. 216 с.
5. *Рындина О.М.* Украшения из металла. Семиотический статус // Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск, 2008. С. 233–259.
6. *Федорова Н.Н.* Традиционная игрушка Обского Севера: куклы, олени. Синкретический характер игры и игрушки // Космос Севера. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 59–65.
7. *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970. 296 с.
8. *МАЭ РАН.* Опись коллекции № 592. 18 листов.
9. *РЭМ.* Коллекционная опись № 141а. 386 с.
10. *МАЭ РАН.* Опись коллекции № 1151. 6 листов.
11. *МАЭ РАН.* Опись коллекции № 2383. 12 листов.
12. *Тахтуева А.М.* Хантыйская колыбель, детская одежда и кукла // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994. Вып. 1. С. 15–20.
13. *РЭМ.* Коллекционная опись № 115. 116 с.
14. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000. 408 с.
15. *Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.
16. *Федорова Н.Н.* Традиционная игрушка хантов – олень и ее синкретичный характер // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 232–234.
17. *Павлинская Л.Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 222–252.
18. *Рындина О.М.* «Философия вещей» как универсалия традиционного мировоззрения // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004. С. 127–139.
19. *Попова С.А.* Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. 138 с.
20. *Соколова З.П.* Ханты. Семейная обрядность // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 142–166.
21. *Мифы*, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. 568 с.
22. *Леви-Строс К.* Неприрученная мысль // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999. С. 112–336.
23. *Топоров В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 7–11.
24. *Лукина Н.В.* Введение // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 5–58.
25. *Рындина О.М., Золотарева Н.В.* Кукла обских угров в дихотомии реального и возможного // Этнокультурное наследие народов Севера России : к юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М., 2010. С. 183–190.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 25 мая 2014 г.

DOLLS OF THE OB-UGRIC PEOPLES AS A FACTOR OF FORMING ETHNIC AND CULTURAL MEANINGS AND COMPETENCIES

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 79-84. DOI: 10.17223/15617793/386/12

Zolotareva Natalya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Natashik@sibmail.com

Keywords: dolls; ethnic and cultural meanings and competence; outlook; enculturation.

With the growing interest in traditional culture there appears a desire to study the elements that have preserved basic worldviews of peoples. Dolls of the Ob-Ugric peoples are elements of a traditional society which are the primary attribute of children's enculturation. As the traditional toy does not exist at present, the paper analyzes the dolls of the largest collections of the Russian Ethnographic Museum and the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer). The Ob-Ugric peoples had two kinds of dolls: made of beaks and skins of a bird and made of a fabric. In the first type the image of a doll was expressed by birds, reflecting the union of the person and the natural world. The bird's beak became the doll and was given the human value only if it was clothed. All the dolls have a set of adult clothes. The clothes are the embodiment of the external image of the person. The clothes of the dolls showed the gender characteristics, male-female opposition, the special magic status of women. The evolution of manufacturing materials reflected the formation of a new paradigm in human mentality – the separation of the person and nature, the establishment of subject-object relations between them. If we look at the doll in the context of the possible content of a game, we come to a certain conclusion. The demiurge passes the ability to create to the human. Thus, the girl turned into a creator when she made and played with dolls. Another method of playing with a doll in the sphere of ethnic and cultural meanings supposes to address to the concept of the model. Whereas the doll is a model of people, it shall carry essential information about them. All the dolls have no face, so that no "spirit" would enter them. Thus, the doll symbolizes the external shape of the person. It is evidenced by detailing of the traditional costume because clothing is the personification of the material human image. The most ancient material used for making dolls was skins of birds. The bird was a symbol of the soul in the mentality of the Ob-Ugric peoples. So, dolls expressed the idea of the psychosomatic unity of the person in the traditional ideology of the Ob-Ugric peoples. Thus, the dolls of the Ob-Ugric peoples are endowed with a deep philosophical meaning. In the traditional culture they performed the psychological, social function of enculturation. When making and playing with doll girls developed personality traits, work habits, behaviors, learned the gender division of society and conceived the hidden meanings of the mythological picture of the world.

REFERENCES

1. Takhtueva A.M. *Igry i igrushki v traditsionnom vospitanii khantyyskoy sem'i* [Games and toys in the traditional education of the Khanty family]. In: Lukina N.V. (ed.) *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of the North-Western Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 1996. Issue 3, pp. 58-65.
2. Obertaller P.M. Materialy o khantyyskikh kuklakh [Materials about Khanty dolls]. *Sovetskaya etnografiya*, 1935, no. 3, pp. 42-49.
3. Reynson-Pravdin A.N. Igra i igrushka narodov Obskogo Severa [Game and toy of the peoples of the Ob North]. *Sovetskaya etnografiya*, 1949, no. 3, pp. 109-132.
4. The Russian Museum of Ethnography (REM). List 141, 216 p.
5. Ryndina O.M. *Ukrasheniya iz metalla. Semioticheskiy status* [Metal decorations. Semiotic status]. In: Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. *Khanty Salymskogo kraya: kul'tura v arkheologo-etnograficheskoy retrospektive* [Khanty of the Salym region: culture in archaeological and ethnographic retrospect]. Tomsk: TSU Publ., 2008, pp. 233-259.
6. Fedorova N.N. *Traditsionnaya igrushka Obskogo Severa: kukly, oleni. Sinkreticheskiy kharakter igry i igrushki* [Traditional toy of the Ob North: dolls, deer. Syncretic nature of games and toys]. In: Lagunova O. (ed.) *Kosmos Severa* [Cosmos of the North]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2002. Issue 3, pp. 59-65.
7. Ivanov S.V. *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX–pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of North Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 296 p.
8. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography "Kunstkamera" RAS (MAE RAN). List 592. 18 p.
9. The Russian Museum of Ethnography (REM). List 141a. 386 p.
10. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography "Kunstkamera" RAS (MAE RAN). List 1151. 6 p.
11. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography "Kunstkamera" RAS (MAE RAN). List 2383. 12 p.
12. Takhtueva A.M. Khantyyskaya kolybel', detskaya odezhda i kukla [The Khanty cradle, baby clothes and doll]. In: Lukina N.V. (ed.) *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of the North-Western Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 1994. Issue 1, pp. 15-20.
13. The Russian Museum of Ethnography (REM). List 115. 116 p.
14. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 408 p.
15. Kulemzin V.M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and Nature in the Khanty beliefs]. Tomsk: TSU Publ., 1984. 192 p.
16. Fedorova N.N. [Khanty traditional toy – deer, and its syncretic character]. *Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika. Materialy XI Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii* [Life support system of traditional societies in ancient and modern times. Theory, methodology, practice. Proceedings of XI West-Siberian archeology and ethnography conference]. Tomsk, 1998, pp. 232–234. (In Russian).
17. Pavlinskaya L.R. *Igrushka i mir rebenka v traditsionnykh kul'turakh Sibiri* [Toy and the child's world in the traditional cultures of Siberia]. In: Kon I.S., Taksami Ch.M. (eds.) *Traditsionnoe vospitanie detey u narodov Sibiri* [Traditional parenting of the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1988, pp. 222-252.
18. Ryndina O.M. *"Filosofiya veshchey" kak universaliya traditsionnogo mirovozzreniya* ["The philosophy of things" as a universal of the traditional worldview]. In: Ryndina O.M. (ed.) *Traditsionnoe soznanie: problemy rekonstruktsii* [Traditional consciousness: problems of reconstruction]. Tomsk: NTL Publ., 2004, pp. 127-139.
19. Popova S.A. *Mansiyskie kalendarnye prazdniki i obryady* [The Mansi calendar holidays and ceremonies]. Tomsk: TSU Publ., 2008. 138 p.
20. Sokolova Z.P. *Khanty. Semeynaya obryadnost'* [The Khanty. Family rituals]. In: Gemuyev I.N. (ed.) *Narody Zapadnoy Sibiri* [Peoples of Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 2005, pp. 142-166.
21. Elevich I.L. (ed.) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 568 p.
22. Levi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind]. Translated from French by A. Ostrovskiy. Moscow: Respulika Publ., 1999, pp. 112-336.
23. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in mythopoetics. Selected works]. Moscow: Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 7-11.
24. Lukina N.V. *Vvedenie* [Introduction]. In: Elevich I.L. (ed.) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 5-58.
25. Ryndina O.M., Zolotareva N.V. *Kukla obskikh ugrov v dikhotomii real'nogo i vozmozhnogo* [Doll of the Ob-Ugric peoples in the dichotomy of the real and the possible]. In: Pivneva E.A. (ed.) *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: k yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z.P. Sokolovoy* [Ethno-cultural heritage of the peoples of the Russian North: on the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Z.P. Sokolova]. Moscow: Novosti Publ., 2010, pp. 183-190.

Received: 25 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 85–88 DOI: 10.17223/15617793/386/13

УДК 321.7

Л.А. Коробейникова

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЦИОНАЛИЗМА

Представлен анализ основных направлений теоретизирования по проблеме современного рационализма. Проведенный анализ показывает изменения дискурса по данной проблеме в направлении перехода от универсалистской интерпретации рационализма, которая доминировала в классической парадигме мышления, к попытке структурировать дискурс по проблеме на основании осмысления рационализма в терминах плюрализма, вариативности, культурного разнообразия, фрагментаризации.

Ключевые слова: рационализм; универсализм; плюрализм; вариативность.

В XX–XXI вв. происходят такие метаморфозы культурных образований, которые не укладываются в классическую парадигму культуры. Теряют позиции сциентизм и евроцентризм, что означает распад определенных культурных форм. Сциентистски ориентированная новоевропейская культура претерпевает кризис в своем развитии. Исторически сложившиеся формы ее ценностей (рационализм, гуманизм, индивидуализм, инструментализм) основаны на уже устаревшей картине мира, на идее бесконечности ресурсов, которые находятся в распоряжении цивилизации, и бесконечной деятельности индустриального прогресса (по определению Р. Гвардини). Внутри современной культуры возникают некоторые зачатки, прообразы другого (посттехнократического) периода культурного развития. Новая картина мира будет строиться на преодолении антропоцентристских установок, в центре гуманистического мировозрения должен стоять не человек сам по себе, а бытие человека в мире. Изменения в ядре новоевропейских культурных ценностей формируют новый дискурс по проблемам трансформации ценностей современной культуры. Особенно впечатляющие изменения связаны с ценностью рационализма, рефлексия по поводу которой служит предметом дальнейшего анализа.

Принцип классического буржуазного рационализма состоял в утверждении тождества разума и бытия, при котором разум сам рассматривался как природное свойство. В классическом рационализме все знание трактовалось как продукт самосознающей деятельности разума, являющегося врожденным качеством человеческой природы. В этой связи неразумность и заблуждения в знаниях человека возникают не из самого разума как качества человеческой природы, а из его неправильной деятельности или недостатка опыта. Науки о жизни и истории нанесли в конце XIX в. мощный удар по классическим рационалистическим моделям, выявив историческую ограниченность и относительность последних. Определенное влияние на рациональные убеждения оказало изменение представлений о человеке и человеческой природе. С. Кьеркегор, Ф. Ницше, философия жизни, психоанализ и экзистенциализм продемонстрировали человеку всю сложность его личности, выделили влияние подсознательного на сферу сознания, в том числе и на рациональную мыслительную деятельность.

Кризис натуралистической программы в конце XIX – начале XX в. был связан с осознанием различий природы и культуры. В культурцентристской исследовательской программе культура становится логически первым объектом. В XX в. противоречие двух исследовательских программ: натуралистической и культурцентристской – явилось одним из источников «движения методологического знания и науки» [1. С. 65]. А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Вебер, М. Хайдеггер, К. Ясперс и другие определили тот угол зрения, под которым тема рациональности обсуждается сейчас, а именно как вопрос о формообразующем принципе жизненного мира и деятельности человека, определяющем отношение человека к природе и себе подобным.

В настоящее время понятие рациональности претерпевает коренную ломку. В европейской философии и культуре настал момент, когда выявляются ограниченность и противоречивость сложившегося типа рациональности. А. Этциони выделяет три главные атаки на мышление рационализма: первая была предпринята во имя справедливости и равенства, вторая началась в виде контркультуры, третья – как протест против разграбления природной среды. Рациональность значительно ослабела, но не опрокинута, она остается относительно сильным принципом, ориентирующим в выборе средств и подвергаемым критике основным проектом высокого производства и потребления. «Извне “золотого века” потребления были брошены вызовы рациональности» [2. С. 302]. Одновременно происходит утверждение альтернативных культур и субкультур. Данный процесс отражается в современных дискуссиях вокруг трактовки рациональности.

Кризис классического рационализма обусловлен несколькими причинами: неясностью взаимоотношения трех классических парадигм (представления о рациональности как разумности, как системе методологических норм и как характеристике культурной системы); абстракцией понятия разумности; спецификацией и фрагментаризацией сферы разумного. Разрушается образ самотождественного и автономного разума, присутствующего в человеке, природе, обществе, всегда адекватного и целесообразного, представляющего собой высшую человеческую ценность. Реальный разум ограничен, иногда управляется подсознательными импульсами и влечениями. Кризис разума сопровождается диффузией метода как основного свойства научного знания. Для XX в. характерен переход от статического анализа феномена рациональности к динамическому. Все сферы культуры, познавательной деятельности, духовного производства обнаруживают свои особенные, несводимые к другим формы рациональности.

Критические установки на научную рациональность сопровождаются попытками дополнить ее другими типами: рациональностью мифа, веры, религии, искусства, философии. В дискуссиях по рассматриваемой проблеме можно выделить диапазон представлений – от попыток удержать возможно больше черт классического рационализма до изменения его на противоположный тип (работы Т. Адорно, Дж. Ваттимо, П. Ланжевана, К. Леви-Стросса, А. Роке, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса и др.; Н.С. Автономовой, А.Ф. Зотова, И.Т. Касавина, М.А. Кисселя, Н.В. Мотрошиловой, В.А. Подороги, Б.И. Пружинина, А.И. Ракитова, В.С. Степина и др.). После распада классического рационализма, предполагавшего непосредственное воспроизведение абстрактным субъектом предзаданных оснований, поиск новой рациональности во многом (хотя и неосознанно) определяется задачей переосмысления старой схемы (например, программы децентрации, антифундаментализма и др.). Исследователи зачастую говорят не об отбрасывании классического рационализма, а о его расширении и дополнении. Одним из расширений рационализма является отказ от редукционизма, смысл которого состоит в замене относительно простых объектов анализа конструкции множеством различных интерпретаций. В результате возникает некая голографическая картина, и понимание смысла выходит на новую ступень. Такой подход утверждает множество антиредукционистских интерпретаций, опирающихся на представление об Универсуме «как о некоторой целостной Суперсистеме» [3. С. 6].

Противоречивость познавательной ситуации поиска новой рациональности углубляется усиливающейся тенденцией к иррационализации, проявляющейся в двух формах: концептуальной (философия жизни, экзистенциализм и другие теории) и неконцептуальной (анализ внерациональной практики межличностного общения, мистического, религиозного опыта и т.д.). Критерии отличия рационального от нерационального становятся зыбкими. Эта ситуация проявляется в создании таких «гибрид-объектов» (по определению Н.С. Автономовой), как «дорациональное-рациональное», «рациональное-иррациональное», «мистически рациональное», в которых отражается концепция двух логосов (дискурсивности и логической интуиции), существующих в европейской культуре. В результате возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, критерии рациональности специфицируются и уточняются (например, в естественнонаучном познании), с другой – они размываются под влиянием массы иррационального. В общем мыслительном пространстве возникают неоднородные участки, существующие под общим названием рационального. «При этом ослабленными и размытыми оказываются едва ли не все параметры рациональности в традиционном ее понимании – системность, обоснованность, доказательность, всеобщность» [4. С. 56]. В современной философской литературе утверждается точка зрения, отрицающая существование единого разума.

Плюрализм различных типов рациональности ставит под сомнение существование рациональности «вообще», а само понятие «превращается в смутную идеализацию с неопределенной предметно-смысловой областью». Рациональность варьирует от ее понимания как понятия-проблемы, обладающего псевдометодологическим, псевдопредметным и псевдосоциальным смыслом, до попыток определения через новые оппозиции (рациональное-историческое – Н.С. Автономова, разум – множество разумов – Дж. Ваттимо и т.д.). Дилемма, возникающая в процессе типологизации рациональности, – признание существования суверенных типов рациональности или оценка разных типов рациональности как противоречивого единства. Рассмотрение проблемы в современной философской литературе строится в русле исследования суверенных типов рациональности, что соответствует, на наш взгляд, «мозаичному» типу культуры XX в., отрицающему какие то ни было типологии, классификационные схемы, которые были характерной чертой классической новоевропейской культуры. В связи с этим предлагаемое исследование современных типологий рациональности носит описательный и фрагментарный характер, предзаданный изучаемым предметом. Дихотомия «рациональных» и «традиционных» обществ явилась стимулом к разработке идеи двух типов рациональности, которые были названы М. Вебером ценностной и целевой. Первый тип характеризует традиционные общества, где отношения между людьми строятся в соответствии с системой ценностей, незыблемость которой гарантируется исторической традицией. Целерациональность характеризует деятельность и отношения в рамках буржуазного общества. Тем самым М. Вебер связывает специфику рационального с различными типами социокультурных систем, что открывает перспективу построения рациональности на основе типологии социокультурных контекстов деятельности и мышления. Сама эта идея представляет собой сдвиг огромной важности, так как она вводит «представление о меняющемся социальном содержании и социальном основании рациональности» [5. С. 13].

Узкая интерпретация рациональности строится на ее понимании как различных срезов научной рациональности – это критикуемость (К. Поппер), набор объяснений (С. Тулмин), рафинированный стандарт в рамках одной научной парадигмы (Т. Кун). Расширительную концепцию рациональности выдвинул Д. Кинс, показавший, что рациональность представляет собой универсальный социокультурный феномен, регулирующий согласованную групповую деятельность. Протест против логицистской формы представления исторического, получивший высшее развитие в философии Гегеля, вылился у сторонников формирующегося антропологического направления в неприятие рационализма в его прежней форме, не способного, с их точки зрения, постичь суть исторических явлений. Метафизический разум подвергается критике в эволюционной теории познания, главная идея которой заключается в том, что интеллектуальные действия человека, возникновение и проявление которых генетически обусловлено, являются результатом биологической эволюции. Метафизический разум нанес особый ущерб в освещении проблемы духовного и телесного. В качестве общенаучной концепции «естественной истории человеческого познания» (К. Лоренц) эта теория сформулировала ряд положений, обогащающих понимание познания.

Философская школа «Ослабления мысли» выдвинула идею плюрализма разумов, основывающуюся на оппозиции: разум – различные виды разума, которая транслировала оппозицию между метафизическим присутствием правды и открытием практического характера рациональных продуктов (произведений). С точки зрения Дж. Ваттимо, открытие Ф. Ницше и М. Хайдеггером «различия», забытое в истории философии, может быть оценено как новый фундамент философской мысли. Более того, оно может быть понято как ослабление метафизического понимания бытия; понимания бытия как цепи событий, а не как стабильной структуры. Такое понимание бытия составляет характерную черту культуры постмодернизма. Деструктивный аспект постмодернистской мысли направлен против описания и легитимации исторического существования в форме классического разума. «Онтология упадка», общая для Ф. Ницше и М. Хайдеггера, не выходит за рамки чистой концептуальности, но, скорее, переходит в отношение «более общей трансформации условий существования, чем и является мир технологии» [6. С. 84]. К этой «онтологии упадка» обращается аналогия «ослабления мысли». Только «слабая мысль» может дать строгую концепцию разума и присутствия бытия, не впадающую в метафизический дискурс. В современных итальянских дебатах можно отметить возрастающую тенденцию к гомологии постмодерна, выражающуюся в фиксации проблемы плюрализма разумов.

Два типа рациональности – законодательный и интерпретирующий – выделяет З. Бауман. Законодательный разум появился в эпоху модерна и нашел отражение в попытках философов заменить хаос порядком, базирующимся на конструкциях, соответствующих законам единообразного утверждения разума. Интерпретирующий разум, стратегия которого была разработана З. Фрейдом, М. Хайдеггером, Л. Витгенштейном, Х. Гадамером, П. Риккером, Ж. Деррида, Р. Рорти, появляется в связи с ощущением человеком «внутренне плюралистической природы мира и ее следствием – амбивалентностью и непредзаданностью человеческого существования» [7. С. 49].

Разрушение классического рационализма проявляется и в трактовке частной проблемы: научной рациональности. Основные тенденции, сложившиеся в ее решении в философии науки: разочарование в науке как едином образце рационального исследования; протест против ценностно-нейтрального подхода к рациональности; различие между типами человеческого отношения к миру и к себе; выход на первый план таких черт рациональности, как относительность, социальность, историчность. Если новоевропейская культура эпохи подъема не сомневалась в том, что все научное лучше ненаучного и что наука способна осчастливить человечество, то в течение последних десятилетий эта картина резко изменилась, сменяясь все более настороженным отношением к науке и ее результатам. П. Фейерабенд начал призывать к распространению плюрализма за рамки конкуренции научных теорий, к критике мышления, института науки и вообще европейской культуры. Во всех науках осознана необходимость методологической реформы. Высказывается критическое отношение к рациональной научной парадигме. Наука в современном словоупотреблении означает разрабатываемый разумом проект добычи объективного знания, что предполагает вызов всех вещей на суд субъекта и расследование их с тем, чтобы они сами выдали нам причину, почему они объективно таковы, каковы они есть. Современная парадигма знания выходит за рамки классической.

Развитие науки привело к тому, что представления о детерминизме становятся все более сложными и гибкими. Современная наука не только стремится к формализованному и алгоритмизированному знанию, но и хочет понять, все ли в мире алгоритмизируемо и формализуемо. Классический детерминизм опирался на представление о неизменных законах, управляющих всеми вещами в мире. В современной науке эти представления вытесняются идеей порядка в универсуме. Новая объяснительная парадигма опирается на понятие порядка, беспорядка, взаимодействия и организации. Человеческий разум составляет конституирующий момент познания, и это представляется указанием на необходимость «преодолеть жесткую метафизическую оппозицию в подходе к случайному» [8. С. 145, 146]. С точки зрения И. Пригожина, нестабильность в современной науке (синергетике) в некотором отношении заменяет детерминизм. Нелинейность – концептуальный узел новой парадигмы.

В мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции. Попытка поисков новой научной рациональности отразилась в социокультурной практике в движении за «банкротство науки». Существует много объединений и групп, пытающихся противостоять тому, что они называют гегемонией науки в культуре. Часть из них сосредоточивает внимание на эпистемологических проблемах и принципах науки, часть – на технологических результатах научного познания, третьи уповают на возврат к романтизированной домодернистской версии науки и познавательной деятельности. Их объединяет одно – отстаивание тезиса о конце науки в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен. Дж. Холтон выделяет среди этих объединений четыре наиболее серьезных течения. Представители первого утверждают, что статус науки не выше статуса любого полезного в практическом смысле «функционального мифа» (Н. Хоссе). Другие – интеллектуалы, не успевающие за фантастическим взрывом науки и «нападающие на нее» (А. Кестлер). Третьи возрождают дионисийство в стремлении отыскать параллели между мышлением «нового века» и восточным мистицизмом. Четвертые видят примитивность современной науки в применении синдрома «андроцентризма». Человечество подошло к черте, за которой может последовать еще более радикальная моральная, социальная, социокультурная, политическая революции, чем это могли себе вообразить основоположники современной западной культуры. Два фактора создают благоприятную почву для современного антисциентизма: протест людей против эры технологического варварства, угрожающего жизни людей, и современное массовое экологическое движение, утверждающее новый рационализм – системно-экологический стиль мышления. Ряд западных культурологов (О. Тоффлер, Э. Фромм) утверждают, что современная цивилизация

достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, в ней преобладают умственная ориентация и интеллект. Дорогу такому подходу проложила наука, которая является доминирующей сферой культуры в европейском сознании начиная с Нового времени. Наука до сих пор выступает главной коммуникативной силой в культуре. «Плюрализм идентичностей – таков один из ключевых факторов современного мира, и наука не является исключением» [9. С. 289]. В процессе формирования новой (посттехнократической) культуры неизмеримо возрастает «роль способов и средств, с помощью которых можно и нужно вырастить человека в человеке – “внутреннего человека”» (Ф.М. Достоевский).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федотова В.Г.* Социальное знание: между наукой и культурой // Наука и технология: методологические аспекты взаимодействия. М. : ИФРАН, 1990.
2. *Этциони А.* Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986.
3. *Моисеев Н.Н.* Мир XXI века и христианская традиция // Вопросы философии. 1993. № 8.
4. *Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. М. : Наука, 1998.
5. *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. М. : Наука, 1989.
6. *Rosso S.* Postmodern Italy: Notes on Crisis of Reason, “Weak Thought”, and “The Name of the Rose” // Exploring Postmodernism. Amsterdam (Philadelphia) : John Benjamin Publishing company, 1987.
7. *Бауман З.* Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3.
8. *Сокулер З.А.* Спор о детерминизме во французской философской литературе // Вопросы философии. 1993. № 2.
9. *Водопьянова Е.В.* Европейская наука в зеркале национальных культур // Европейская культура: XXI век / под ред. Е.В. Водопьяновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 июня 2014 г.

VALUES OF MODERN CULTURE: EVOLUTION OF RATIONALITY

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 85-88. DOI: 10.17223/15617793/386/13

Korobeynikova Larisa A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

Keywords: rationality; universalism; pluralism; variation.

In the contemporary European philosophy and culture the understanding of the limits and contradictory nature of the classical type of rationality is formed. The classical concept of rationality is based on the interpretation of knowledge as the result of reason activity. Reason was considered as a natural ability of human nature. The crisis of the classical concept of rationality is caused by the following motives: 1) vague interrelationships of three classical paradigms (rationality as reason, as a system of methodological norms, as a feature of a cultural system 2) abstraction of the notion of reason; 3) specification and fragmentation of the sphere of reason. The image of the universal reason, which is present in the human being, in nature in its adequate and expedient form of the highest value, is destroyed. Real reason is limited, sometimes governed by unconsciousness impulses and inclinations. All spheres of culture, cognitive activity, mental production have their own specific forms of rationality. Criticism of scientific rationality is concerned with the intention to broaden scientific rationality by adding other types of rationality: myth, beliefs, religion, philosophy, art. Theoretical debates on this problem have different appraisals: from attempts to keep some features of classical rationality in a new form of rationality to attempts of creation of an entirely different type of rationality. After the collapse of classical rationality the search of a new rationality is directed to reinterpretation of the classical scheme (for example, the program of decentration, anti-foundationalism). Researches do not speak about the refusal from the classical scheme, but about its broadening and supplementing. One of the examples of rationality broadening is the refusal from reductionism: such an approach creates a lot of anti-reductionist interpretations based on the idea of the value of the Universe. The discrepancy of the cognitive situation of search of a new rationality is complicated by the growing tendency to irrationality which manifests in two forms: 1) theoretical (philosophy of life, existentialism, post-Freudism, etc.); 2) common discourse (analysis of non-traditional practice of communication; mystic, religious experiences, etc). As a result a paradoxical situation is formed: on the one hand, the criteria of rationality become more specific and precise (for instance, in sciences), on the other hand, these criteria become vague under the influence of irrationality. A narrow concept of rationality (criticism (K. Popper), explanation (S. Toulmin), standard within the boundaries of a scientific paradigm (T. Kuhn)) and a broad concept of rationality as a universal phenomenon which regulates human activity (D. Keens) are formed. In the present-day debates one can find a growing tendency to the homology of postmodernism which manifests in the representation of the plurality of reasons.

REFERENCES

1. Fedotova V.G. *Sotsial'noe znaniya: mezhdu naukoy i kul'turoy* [Social knowledge: between science and culture]. In: Panov M.I. (ed.) *Nauka i tekhnologiya: metodologicheskie aspekty vzaimodeystviya* [Science and technology: methodological aspects of interaction]. Moscow: IFRAN Publ., 1990.
2. Etzioni A. *Masshtabnaya povestka dnya. Perestraivaya Ameriku do XXI veka* [Big agenda. Rebuilding America before the 21st century]. In: Gurevich P.S. (ed.) *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress Publ., 1986.
3. Moiseev N.N. Mir XXI veka i khristianskaya traditsiya [The world of the 21st century and the Christian tradition]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8.
4. Avtonomova N.S. *Rassudok, razum, ratsional'nost'* [Intellect, reason, rationality]. Moscow: Nauka Publ., 1998. 160 p.
5. Kasavin I.T., SokulerZ.A.. *Ratsional'nost' v poznanii i praktike* [Rationality in knowledge and practice]. Moscow: Nauka Publ., 1989.
6. Rosso S. *Postmodern Italy: Notes on Crisis of Reason, "Weak Thought", and "The Name of the Rose"*. In: Calinescu M. and Fokkema D. (eds.) *Exploring Postmodernism*. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamin Publishing company, 1987.
7. Bauman Z. Filosofiya i postmodernistskaya sotsiologiya [Philosophy and postmodern sociology]. *Voprosy filosofii,* 1993, no. 3.
8. Sokuler Z.A. Spor o determinizme vo frantsuzskoy filosofskoy literature [The dispute about determinism in the French philosophical literature]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 2.
9. Vodop'yanova E.V. *Evropeyskaya nauka v zerkale natsional'nykh kul'tur* [European science in the mirror of national cultures]. In: Vodop'yanova E.V. (ed.) *Evropeyskaya kul'tura: XXI vek* [European culture: the 21st century]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2013.

Received: 16 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 89–93 DOI: 10.17223/15617793/386/14

УДК 1.130.2

М.Б. Красильникова

ТРАКТОВКА ВРЕМЕНИ И МЕТАИСТОРИИ В ИДЕЯХ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО РЕНЕССАНСА

Анализируется время как категория культуры, особенности «чувства» времени, проявившиеся в русской культуре начала XX в. Наиболее ярко эпоха рубежа веков выразила себя в русском культурном ренессансе. Религиозно-мистические искания порубежья задали основные линии и сюжеты осмысления проблематики времени. Центральной фигурой культуротворчества эпохи стал В. Соловьев, чье учение во многом резонировало с идеями истории-времени и метаистории, заявившими о себе в начале XX в.

Ключевые слова: время; Вечность; эсхатология; апокалиптика; русская культура.

«Понимание» времени, «чувство» времени, свойственное культуре, является основанием для осмысления социокультурных процессов. В «понимании» времени раскрывается сущность культуры, ее глубинные установки, ценностные ориентиры. Стоит отметить, что это понимание является полисемантичным, так как, во-первых, реализуется на разных уровнях культуры, в разных слоях общества, во-вторых, оно индивидуализировано, т.е. представляет собой субъективное «переживание» времени. Вместе с тем «понимание» времени базируется на общенациональных ментальных основаниях культуры, заявляет о себе в устойчивых культурных сюжетах, мифологемах, в их трактовках и реализуется в определенных социокультурных условиях. В ходе исторического развития идея времени, свойственная культуре, претерпевает изменения. Каждый культурно-исторический период, каждая эпоха привносит в нее свои смыслы. Эти особенности проявляются в интерпретации вневременного, в осмыслении оппозиции «время – Вечность», отражающей ценностные установки культуры, в представлениях о метаистории. В поле нашего внимания русская культура рубежа XIX–XX вв., тот феномен, которым она ознаменовалась, – русский культурный ренессанс – и то переживание времени, которое проявило себя в этом культурном контексте.

Авторство определения порубежной эпохи как культурного, духовного ренессанса принадлежит Н. Бердяеву. По мысли автора, это был не столько хронологический период, представленный совокупностью философских, этических направлений, сколько особый образ мышления и мироощущения, характеризующийся духовной напряженностью, «религиозной взволнованностью» и неким пороговым чувством «таинственности мира». Это была одна из самых утонченных в истории русской культуры эпох, ставшая временем «появления новых душ и новой чувствительности» [1. С. 152–154]. Краткий, но очень напряженный по интенсивности мысли и взлету творчества период не мог не выразить себя в определенном «чувстве» времени. Анализ представлений о времени, сформированных эпохой, видится значимым для исследования ее духовно-культурных движений, а также целостного видения динамики культуры.

Основанием культурного ренессанса стала религиозная философия, представшая лидирующей областью культуры. Мощно заявив о себе на излете «петербургской» эпохи, накануне драматического «разрыва» в отечественной истории, она несла на себе печать этих событий. Острое чувство надвигающейся катастрофы, атмосфера пророчеств о конце мира, апокалиптические настроения эпохи повлияли на общую направленность русской философской мысли. Проблематика времени, истории стала точкой пересечения различных философских, мистических, религиозных исканий эпохи, разрешалась в контексте религиозно-мистических настроений культурного ренессанса.

Центральным вопросом культуры этого периода стал вопрос о смысле истории, о соотношении мира, принадлежащего времени (истории), и вневременного Абсолюта. Сама проблематика, безусловно, была порождением эпохи, осознаваемой неким историческим «поворотом», переходом и даже онтологическим «порогом». Задача выявления принципа соотношения мирского и сакрально-теологической сферы разрешалась в сложном соединении идей, окрашенных религиозным чувством, но при этом не укладывающихся в рамки традиционного православно-христианского миропонимания. Н. Бердяев, анализируя общее мирочувствование эпохи, писал: «Религиозное возвращение было христианообразным, обсуждались христианские темы и употреблялась христианская терминология. Но был сильный элемент языческого возрождения, дух эллинский был сильнее библейского мессианского духа. В известный момент произошло смешение разных духовных течений. Эпоха была синкретической, она напоминала искание мистерий и неоплатонизм эпохи эллинистической и немецкий романтизм начала XIX века» [Там же. С. 152]. Принципом организации культуры этого периода стал синкретизм, соединяющий темы, идеи, сюжеты в одном религиозно-мистическом поле, но не сводящий их в единое органическое целое.

«Религиозная взволнованность» эпохи заставила заговорить о вечном, вызвала к жизни утопические и эсхатологические настроения, проявилась в предельном интересе к проблематике метаистории, т.е., по сути, была основанием для активизации циклической модели времени. Религиозно-мистические искания порубежья в самых разных своих проявлениях устремлены были к одной цели – концу истории, раскрывающему ее смысл. Синкретизм эпохи отразился в способах разрешения «рокового вопроса» о конце времен, сказался на характере философского дискурса.

Соответствующая духу эпохи потребность в осмыслении соотношения и взаимодействия двух

планов бытия отчетливее всего была выражена религиозно-философской концепцией всеединства. Начало учению о всеединстве в контексте культурного ренессанса было задано В. Соловьевым. Сама по себе идея всеединства, конечно, не была новой в философском поле. «Идея (категория, символ, парадигма) всеединства менее всего может причисляться к изобретениям русской мысли, – отмечает С.С. Хоружий. – Под разными именами она присутствует в философии искони, начиная уже с эпохи мифологических истоков философского мышления. Однако это еще вовсе не означает вторичности, эпигонства русской метафизики всеединства, ибо суть и путь всеединства специфичны: оно принадлежит к разряду тех фундаментальных начал, которые не постигаются последовательно и до конца в некотором процессе прогрессивного познания, но всегда остаются новой неисчерпаемой темой философского размышления» [2. С. 33]. В интерпретации русского мыслителя она стала интегрирующей для религиозно-мистических исканий, философских построений и эстетических концепций эпохи. Особенно значимой она была для эстетики символизма, близкой творчеству В. Соловьева.

Учение Соловьева стремилось к разрешению противоречий между тварным и нетварным миром. Проблематика времени и истории прочитывается в контексте разрешения этой задачи. Стоит отметить, что это не было возвращением к традиционному христианскому пониманию соотношения мира, принадлежащего времени, и Абсолюта, вневременного начала. Соловьевская идея связи между миром и Абсолютом содержала в себе утверждение свободного творчества, теургии, творческих (со-творческих) усилий мира как условия преображения, снятия противоречий между временем и вневременным. Тезис о творческих возможностях мира станет основным для интерпретации времени и истории в контексте эпохи. В трудах последователей мыслителя представлен ряд вариантов понимания границ и возможностей творческого акта по «преодолению» времени.

Задача осмысления «тайны связи» двух планов бытия разрешается в построениях Соловьева учением о звене, соединяющем две сферы. Посредствующим элементом между мирами в его учении выступает София – душа мира, вечно соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Абсолютом. Легко установить непосредственные и опосредованные источники собственных идей Соловьева. Он встраивает свое учение в христианскую и дохристианскую традицию, указывает на Ветхий Завет, «Книгу Притчей Соломоновых», где можно найти развитие идеи Софии и где она сама упоминается под еврейским названием Хохма. Его учение возникает не без влияния философии Шеллинга, понимающего Абсолют как единство противоположностей (Единого и его инобытия). Здесь прочитывается тезис Якоба Беме о Вечной Божественной Премудрости – Софии, которую Беме называет отражением Бога, обладающим самостоятельностью и свободой. Кроме философских источников образ Вечной Женственности задан миром поэзии. Чаще всего в исследовательской литературе говорится о влиянии поэзии Гете, сам же Соловьев цитирует строки Шелли, по его утверждению, «самого вдохновенного английского поэта»: «Есть существо, есть женственная Тень, / Желанная в видениях печальных…» и утверждает, что «все истинные поэты так или иначе знали и чувствовали эту женственную Тень» [3. С. 518, 519]. Соединяя и перерабатывая известные религиозно-философские концепции и основываясь на собственном мистическом опыте, Соловьев формирует свое направление в учении о всеединстве, создает концепцию, органически связанную порубежной переходной эпохой и резонирующую с ее общим мирочувствованием.

София предстает в творчестве мыслителя конкретным выражением принципа всеединства. Учение о Софии у Соловьева неоднозначно. Открывается оно в «Чтениях о Богочеловечестве», где понятие Софии тождественно понятию мировой души. Душа мира двойственна: она заключает в себе и божественное начало, и тварное бытие, принадлежит и времени, и вечности. Будучи посредствующим звеном она не определяется исключительно ни тем ни другим. Мировая душа может в своем самоутверждении свободным актом отделиться от божественного начала и утверждать себя вне Бога. Но при этом она перестает быть объединяющим началом, «ниспадает из всеединого средоточия Божественного бытия на множественную окружность творения, теряя свободу и власть над этим творением; ибо такую власть она имеет не от себя, а только как посредница между творением и Божеством…» [4. С. 164]. Временно отторгаясь от божественного всеединства, она становится пленницей земного хаоса. Обособление мировой души в результате проявления своеволия приводит к тому, что тварный мир подвергается «суете и рабству тления», единство мироздания распадается на множество отдельных элементов. Однако, по мысли Соловьева, распавшийся мир все же сохраняет стремление к идеальному всеединству: «Как под божественным порядком все вечно есть абсолютный организм, так по закону природного бытия все постепенно становится таким организмом во времени» [4. С. 165, 166]. Время (история) понимается философом «формой внутреннего объединения» и условием для восстановления органической связи существующего. По Соловьеву, софийное «собирание» мира, мироустроительство, пересоздание действительности, преображение и есть суть исторического процесса. История понимается им как мистерия, персонажем которой является становящееся всеединство. Всеединство, составляющее содержание и цель мирового процесса, окончательно разрешает противоречия между временем и вечностью, так как представляет собой универсальный переход в новую историю, переход, связанный с преображением мира. Преображение возможно свободным творческим актом самого мира.

В сюжете взаимодействия двух планов бытия русская религиозная мысль, а затем и эстетика символизма интенсивно разрабатывали тему творческой активности. В соответствии с христианским учением Абсолют обладает бесконечно большей творческой силой, нежели творческая способность мира. Коренная интуиция учения Соловьева заключается в том,

что творчеству мира отводится особая роль: всеединство не дано как реальность, его нужно воплотить, пресуществить в действительность. «Человек дорог Богу не как страдательное орудие его воли, а как добровольный союзник и соучастник Его великого дела», – утверждает Соловьев [5. С. 258].

Нельзя не видеть противоречивости мысли Соловьева: софиологический детерминизм, вера в то, что исторический процесс ведет к воплощению божественной идеи в мире, вступает в противоречие с идеей свободы, творчества как условия соединения мира с Абсолютом.

Соловьевская идея преображения имела мощный резонанс в культуре порубежья. Она нашла отражение не только в философской рефлексии последователей мыслителя, но и в художественной сфере, в эстетике символизма, так как была созвучна умонастроению эпохи. Учение Соловьева о преображении, понимаемом не как данное свыше, а как свершающееся в истории божественной силой и усилиями становящегося всеединства (по словам Поруса, «преображение мира преображенным человеком»), представляет собой грандиозную утопию, стремящуюся к разрешению противоречия между временем и вечностью. От этой утопии начинаются «перепутья и завихрения русской софиологии» (С. Хоружий) как в философских построениях, так и в мире искусства. «Облик Соловьева – и призрак его Софии – чудятся и мелькают всюду на всем протяжении этой уникальной поры в жизни русского духа. Своим всеединством он задал Серебряному веку серьезную (хотя все ж, увы, архаичную) тему и большую работу; своей Софией он не просто оказался созвучен слабостям и соблазнам этой эпохи, но доброй долей создал эти соблазны», – считает С.С. Хоружий [6]. Исследователь склонен рассматривать соловьевскую Софию не в контексте русской духовной традиции, а как порождение «александрийского духа», особого типа культуры – синкретичной, смешанной, соединяющей разнородные элементы, но не доводящей их до синтеза, и, по сути, культуры переходной. Русская культура Серебряного века также была синкретичной, стремилась к синтезу, но при этом сохраняла разрозненность своих элементов, жила ожиданием великих событий и потрясений. «Российский Серебряный век, как век древней Александрии, – мир в преддверии и предчувствии катастрофы, – утверждает С. Хоружий. – Серебряный век – русская Александрия, и Соловьев с Софией – пророк ее» [Там же]. Философские построения Соловьева рассматриваются исследователем как «датированное» явление – возникшее в определенной атмосфере эпохи и прочитывающееся только в ее контексте. Этим объясняется и влияние учения о всеединстве, Софии: будучи порождением одного культурного контекста, почти все религиозно-философское, поэтико-мистическое творчество эпохи резонировало с идеями Соловьева.

Символисты акцентировали внимание на соловьевской идее свободной теургии, теургического предназначения искусства, возможности и необходимости преображений мира силой искусства, которое в их эстетике стремилось заменить религию. Эстетика символизма выразила общее умонастроение духовного ренессанса – стремление соединить небесное и земное. В творческом акте усматривалась возможность разрешения противоречий между временем и вечностью, возможность «овладения» временем.

Софиологические мотивы в контексте культурного ренессанса разворачиваются по линиям, намеченным в учении Соловьева: хилиастическая утопия софийного мироустроительства, мотив творческого преображения, «прорыва» из истории в метаисторию и сюжет падшей Софии, апокалиптическое видение финала истории.

Утопические чаяния составляли пафос творчества Соловьева до 90-х гг. XIX столетия. Более поздний период характеризуется тем, что мыслитель захвачен другим сюжетом истории – эсхатологическим. В конце жизни он остро переживает чувство трагизма и катастрофичности истории, в его творчестве можно увидеть движение от утопии к апокалиптике. Наложение, совмещение хилиастической утопии и эсхатологии характерны для эпохи в целом.

Ключевая для Соловьева идея преображения мира в интерпретации его последователей оказалась связанной с эсхатологическими ожиданиями эпохи. Проблематика времени в религиозно-философских построениях разрешалась в контексте эсхатологического мифа. Русская духовная культура порубежья создает свой эсхатологический миф – «творческую» эсхатологию не ожидания конца времен, а «преодоления» времени. Даже апокалиптика принимает новые очертания: в каноническом тексте описан фатальный конец мира, конец времени, в контексте культурного ренессанса пассивное ожидание «конца времени» сменяется идеей творческого прорыва.

В эсхатологических предчувствиях ждали в буквальном смысле духовного обновления, грезили «новым небом и новой землей». Было переживание современности как поворотного момента в большом масштабе истории. «Все отчетливее сквозят в нашем времени черты не промежуточной эпохи, а новой эры, наше время напоминает не столько рубеж XVIII и XIX вв., сколько первые столетия нашей эры», – писал А. Блок [7. С. 433]. Было и ожидание грядущей революции как революции духа: социальная революция понималась как «прелюдия» к апокалиптической борьбе космических сил, в которой сгорит старый мир. А. Белый отмечал, что Блок понял «призывы зари Владимира Соловьева как наступление громадной мировой эпохи, переворачивающей все» [8. С. 491]. В публицистике Д. Мережковского революция предстает в образах «геологического переворота», «землетрясения». Он убежден, что «революция духа» будет эсхатологической и ознаменует конец исторического течения времени, поворот к новому небу и новой земле. Политическая и социальная революция, по мысли Мережковского, есть лишь предвестие последней, завершающей революции – религиозной [9. С. 92, 93].

Вместе с тем, говоря о русском культурном ренессансе как об эпохе необыкновенного творческого подъема, Н. Бердяев видел и другое: «…русскими душами овладели предчувствия надвигающихся ката-

строф. Поэты видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир (А. Блок, А. Белый). Религиозные философы проникались апокалиптическими настроениями» [1. С. 153]. В автобиографической книге «Самопознание» он отмечал, что в духовно-культурной жизни России того времени соединились два противоположных чувства: чувство восхода и надежды на преображение жизни и чувство заката и гибели [Там же. С. 29]. Анализируя искусство порубежной эпохи, Бердяев обозначил в нем две ведущие тенденции: аналитическую (футуризм) и синтетическую (символизм), и обе они, по мысли философа, проникнуты катастрофическим мироощущением. Синтетическое искусство, считает Бердяев, стремится сотворить эсхатологическую мистерию. Суть футуризма мыслитель раскрывает через апокалиптические образы. Футуризм, по его мнению, есть порождение скорости, движения, ускорения времени. «Ускоренное время, в котором развивается небывалое, катастрофическое движение, есть время апокалиптическое…» [10. С. 22]. Это напряженное время двойственно, в нем, по мысли философа, величайшие возможности соединены с величайшими опасностями.

Апокалиптическими настроениями оказались охвачены все сферы культуры. Эсхатологические образы улавливаются в творчестве М. Чюрлениса, А.Н. Скрябина, В.В. Кандинского и др. «Апокалипсис русской поэзии вызван приближением конца всемирной истории», – писал А. Белый [11. С. 417]. Архетипические идеи хилиазма и эсхатологии преломились в синкретичном общем культурном «тексте» эпохи, и интерпретация этих идей не могла быть однозначной. Здесь были и искания духовного порядка, и мистика, и «ожидание зорь», и предчувствие катастрофы.

Кроме того, идея преображения имела разное осмысление на разных «этажах» бытия. Художники, философы, поэты, составляющие духовную элиту культуры, задавались решением «предельных» вопросов, оставаясь в границах религиозно-мистических исканий, эстетических теорий, связанных с поисками вечного начала. «Внизу» идея «завершения времен» преломилась в революционной практике. Для многих представителей русской творческой интеллигенции ужас «апокалиптической трубы» оказался гораздо сильнее ожиданий преображения. «Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба», – писал С. Франк [12].

И.А. Бунин, классик рубежа столетий и оппонент утопического, теургического видения истории, создает художественный дневник современности (1918–1919 гг.) – «Окаянные дни». Этот дневник фиксирует во-первых, переживание эпохи как без-временья, т.е. поистине апокалиптического «конца времен» («…времени уже не будет…» Откр. 10:6), во-вторых, экспансию времени, чужеродного прежней устойчивой культуре (запись от 5 февраля 1918 г.: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое» [13. С. 21]). Это «новое» время осознается не только чужим, но призрачно-нереальным: «По вечерам жутко мистически. Еще светло, а часы показывают что-то нелепое, ночное» [Там же. С. 64]. Чувство распада времени соответствует социокультурному разлому, когда на всем пространстве России «вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование…» [Там же. С. 68]. Для автора это «последние времена», смерть без надежды на светлое воскресение. Об этом свидетельствует запись, сделанная в пасхальную ночь 24 апреля 1918 г.: «Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование…» [Там же. С. 72]. Тема «надлома», распада времени прозвучала в творчестве Бунина еще раньше – в «Антоновских яблоках» (1900 г.), где мотив «переживания» времени становится сюжетообразующим. Прежний устойчивый уходящий мир выполняет функцию мифологического пра-времени, оно сменяется «измельчавшим» настоящим временем и наступлением тревожного пред-будущего. В осмыслении драматических событий 1918–1919 гг. «разрыв» времени для Бунина очевиден. Прошлое стало призрачно далеким, и связь с ним – со временем Пушкина, Карамзина – утрачена. Истончается нить истории, мир культуры распался, вместо него – «бродячая кибитка» и кочевничество: «…Время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [Там же. С. 149].

Порубежная эпоха активизировала мифологическое мышление, но особенно значимым для нее оказался эсхатологический миф, сводящий начало истории с ее концом. Он оказался интерпретирован в основном двумя сюжетными линиями: переживание современности как начала новой эпохи – духовного обновления, «прорыва» в метаисторию, творческого преображения мира («творческая эсхатология») – и как «конца времен» – без надежды на воскресение, на вхождение времени-истории в божественную благодатную вечность.

В первом случае миф снимал противоречие между временем и вечностью в соответствии с идеей всеединства творческим преодолением разрозненности и несовершенства мира. Здесь определились два варианта «конца истории»: выход в метаисторию по «вертикали» и завершение «старой» истории прорывом в историческое «завтра» («вечность во времени») «по горизонтали».

Во втором случае эсхатологический миф интерпретировался как апокалипсис в воплощенно-историческом смысле.

Итогом эпохи стало «раздробленное» время. Синтез, заявленный Соловьевым, не состоялся. На смену поэтико-философско-религиозному ренессансу пришла культура другого типа, ценностно-смысловые представления которой оказались соотнесенными с другой моделью времени. Циклическая модель времени, заявившая о себе на рубеже XIX–XX вв. и определявшаяся поиском «срединного пути», связи

мира и Первоначала, в контексте новой культуры отошла на второй план. Ее вытеснило динамичное линейное время, «телеологичность» которого была задана горизонтальным измерением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
2. *Хоружий С.С.* Идея всеединства от Гераклита до Бахтина // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.
3. *Соловьев В.С.* Общий смысл искусства // В.С. Соловьев Философия искусства и литературная критика. М., 1999.
4. *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве. СПб., 1994.
5. *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
6. *Хоружий С.С.* Перепутья русской софиологии // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 141–169. URL: platonanet.org.ua
7. *Блок А.* Владимир Соловьев и наши дни // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. М., 1990.
8. *Белый А.* Речь, посвященная памяти А. Блока // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. М., 1990.
9. *Мережковский Д.* Реформация или революция? // Д.С. Мережковский. В Тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991.
10. *Бердяев Н.А.* Кризис искусства. М., 1990.
11. *Белый А.* Проблемы культуры // А. Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994.
12. *Франк С.Л.* De profundis // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. URL: www.vehi.net/deprofundis/frank.html
13. *Бунин И.* Окаянные дни: Неизвестный Бунин. М., 1991.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 20 июня 2014 г.

INTERPRETATION OF TIME AND METAHISTORY IN THE RUSSIAN CULTURAL RENAISSANCE

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 89-93. DOI: 10.17223/15617793/386/14

Krasilnikova Marina B. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russia). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Keywords: time; eternity; eschatology; apocalyptics; Russian culture.

The article analyzes time as a category of culture and the features of the sense of time in the Russian culture in the early 20th century. The era was characterized by a catastrophic, apocalyptic awareness of the world and perception of the present as a turning point in the history. The turn of the century was most clearly expressed in the Russian spiritual renaissance which gave the main lines for understanding the time concept. The basis of spiritual renaissance was philosophy which united the features of literature and publicism and covered the issues of spiritual culture and social life. The central problem of spiritual renaissance was the relation of the timeless Absolute and the world belonging to time. The most outstanding figure of the century was V. Solovyov. His doctrine settled the question of the definition of "connection mystery" between these two planes of being. His doctrine of the unity and Sophia lined up the plots and the mythologems reflecting the "understanding" of time: Sophian "gathering" of the world, building of the world, recreation of reality and transformation. Solovyov's ideas of sophiological determinism of the history, transformation of the world as a condition of removing contradictions between time and the timeless had a powerful response in the culture of the turn of the century. They were in harmony with the frame of mind of the century, therefore, they were reflected not only in the philosophy of the thinker's followers but also in the artistic sphere. Solovyov's key idea of transforming the world in the works of his followers was associated with the eschatological and apocalyptic expectations of the century in the context of which the idea of time and metahistory was presented. The awareness of the world of the century united the idea of a creative breakthrough into the metahistory and apocalyptic expectations. The beginning of the twentieth century was marked by an activation of the eschatological myth and an original interpretation of the "end of history". The plot of "time completion" was presented by spiritual renaissance in accordance with its two main versions – eschatological and chiliastic ones. In the context of culture of the turn of the century the ambiguous interpretation of these plots distinguished the idea of "active eschatology" dominating in religious philosophy and in aesthetics of symbolism. Appearing under the influence of Solovyov's doctrine in a particular cultural context this idea became the basis of the religious and mystical search of the century and largely predetermined the perception of the revolution. The eschatological myth in the context of the century was basically interpreted in two ways – "overcoming of time" and "decay of time".

REFERENCES

1. Berdyaev N. *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1990. 336 p.
2. Khoruzhiy S.S. *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After the break. Ways of Russian philosophy]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 1994, pp. 32-66.
3. Solovyov V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991, pp. 72-89.
4. Solovyov V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Lectures on Godmanhood]. St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994. 528 p.
5. Solovyov V.S. *Sochineniya. v 2 t.* [Collected Works. In 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. Vol. 1. 1, pp. 47-580.
6. Khoruzhiy S.S. *O starom i novom* [About the old and the new]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2000, pp. 141-169. Available at: platonanet.org.ua.
7. Blok A. *Vladimir Solovyov i nashi dni* [Vladimir Solovyov and today]. In: Blok A., Bely A. *Dialog poetov o Rossii i revolyutsii* [Dialogue of Russian poets and revolution]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990.
8. Bely A. *Rech', posvyashchennaya pamyati A.Bloka* [Speech to the memory of Alexander Blok]. In: Blok A., Bely A. *Dialog poetov o Rossii i revolyutsii* [Dialogue of Russian poets and revolution]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990.
9. Merezhkovskiy D.S. *V Tikhom omute: Stati i issledovaniya raznykh let* [Still waters: articles and studies over the years]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1991, pp. 85-94.
10. Berdyaev N. *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1990. 336 p.
11. Berdyaev N.A. *Krizis iskusstva* [The crisis of art]. Moscow: Interprint Publ., 1990. 48 p.
12. Bely A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 18-25.
13. Frank S.L. *De profundis.* In: *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the depths: Collection of articles on the Russian Revolution]. Moscow: MSU Publ., 1990. Available at: www.vehi.net/deprofundis/frank.html
14. Bunin I. *Okayannye dni: Neizvestnyy Bunin* [Cursed Days: Unknown Bunin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1991. 336 p.

Received: 20 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 94–98 DOI: 10.17223/15617793/386/15

УДК 008+130.2+7.01

Е.Н. Савельева

ЕВРОПЕЙСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ XX в.: ПУТИ УТВЕРЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В ряду важнейших проблем современного глобализирующегося мира особое место занимает кризис национально-культурной идентичности. Свою лепту в разрешение противоречий между гомогенизацией и локализацией культур вносит исследование возможных механизмов сохранения культурной идентичности средствами киноискусства. Развитие национальных кинематографий стран Европы становится примером, демонстрирующим разнообразные пути утверждения самобытности. При этом собственные интересы (институциональные, экономико-производственные и художественно-эстетические) отстаиваются в жестких условиях.

Ключевые слова: европейский кинематограф; национально-культурное самоопределение; культурная самобытность; унификация; киноязык; авторское кино; киноиндустрия.

Противоречия современной действительности зачастую связывают с процессами глобализации, с одной стороны, проявляющимися в гомогенизации и унификации мира, с другой стороны, обостряющими тенденции локализации культур. В этих условиях актуализируется жизнеспособность национально-культурной уникальности регионов и этносов. Однако социополитическая реальность демонстрирует недостаточную эффективность мер по поддержанию национально-культурной идентичности, а также указывает на отсутствие концепции межкультурного диалога и действенных механизмов взаимодействия этносов и культур в глобализирующемся мире.

Свою лепту в осмысление возможных путей решения обозначенной проблемы может внести обращение к кинематографической форме воплощения и утверждения самобытности культур. Будучи продуктом национально-культурной идентичности, базирующейся на системе ценностей данного общества, традициях, морально-этических установках, общей истории, специфике юмора, этнографической экзотике и т.п., кинематограф является эффективным механизмом самоидентификации культуры. Одним из показателей успехов на пути культурного самоопределения, на наш взгляд, является наличие национальных киношкол с четко опознаваемыми признаками. Однако, как показывает история кино, путь самоопределения тернист и крайне неоднороден по итогам. Следует заметить, что историческая реконструкция этапов развития мирового кинематографа историками кино XX в. (Ж. Садуль, Е. Теплиц, Д. Лоусон и др.) в его институциональных, производственных и художественных срезах не предусматривает обращения к трудностям этого процесса. В большей степени акцентируют значение культурно-национальной составляющей киноискусства нынешние киноведы. Одни исследователи затрагивают данную проблему в контексте развития современного мирового кинопространства (К. Разлогов, А. Плахов, А. Долин), другие – с позиции национальной специфики киноискусства стран Европы (Н. Самутина, Х.-Е. Шлегель и др.). Внимание данной статьи, в свою очередь, направлено на анализ ключевых проблем становления европейских кинематографий XX в. При этом идейный посыл культурологического подхода, на котором строится исследование, позволяет опровергнуть представление о том, что глобализация в культуре обязательно сводится к унификации мировоззренческих и художественных процессов. Таким образом, в статье представлена картина борьбы (неявной либо осознанной) за сохранение культурной идентичности, которая сыграла важную роль в формировании кинонаправлений и авторского кино, прославивших европейский кинематограф.

В первую очередь обратимся к основным слагаемым эффективного развития национальных кинематографий первой половины XX в. Не секрет, что эволюцию функционирования такой сложной аудиовизуальной системы, как кинематограф, определяют два измерения: художественное и производственно-экономическое. Указанные стороны кинопроцесса всегда действовали то в напряженном противостоянии, то вполне согласованно, определяя, тем самым, развитие национальных кинематографий. С одной стороны, режиссеры берутся за формирование киноязыка, способного засвидетельствовать неповторимость национально-культурного самосознания. С другой стороны, массовый характер кинематографа определяет сугубо коммерческие приоритеты: финансовый успех, окупаемость кинопроката на внутреннем и внешнем рынке и т.п. Поэтому формирование европейских национальных кинематографий вынужденным образом соотносится с проблемами как художественного развития, так и коммерческой выгоды.

Финансовые ориентиры определяли, как правило, крупные промышленные группировки, стоящие за кинокомпаниями. В разных странах вырабатываются свои методы обеспечения коммерческой эффективности киноиндустрий. Среди действенных механизмов оказывается, к примеру, принятие эстетических стандартов коммерчески успешных образцов. Другим вариантом становится формирование благоприятной политики проката и финансовой поддержки национальной киноиндустрии. Третий путь – подчинение мирового кинопроизводства собственной гегемонии (что временно опробовала Германия и успешно осуществила Америка). Магнаты американского кино сделали все, чтобы постепенно захватить важнейшие позиции во Франции, Италии, Англии и других странах Европы, вызвав тем самым ответное стремление к независимости. Так определяется фактор, способствующий самоопределению и обособлению национальных киношкол. Причем в силу неразрывности

киноискусства и киноиндустрии отстаивать свою независимость приходится как в пространстве художественных поисков, так и в сфере экономико-производственной.

Трудности художественного самоопределения были связаны с тем, что применение киноязыка, выходящего за рамки стандартных приемов, не всегда соответствовало требованиям прокатного спроса и зачастую не пользовалось зрительским успехом. Излишнее увлечение экспериментами держали на контроле продюсеры, которые, по замечанию Ж. Садуля, в первую очередь являлись коммерсантами и не желали вкладывать капиталы и разоряться из одной любви к искусству [4. С. 48]. Кроме того, близкие по идейно-художественному решению какой-либо культуре фильмы в границах другой страны могли не заинтересовать зрителя. Возможно, единообразие культурных ценностей европейских стран и Америки (наиболее серьезного конкурента кинопроката) уравняло бы коммерческие успехи кинопродукции. Однако такого единства никогда не наблюдалось. Проницательные кинопромышленники вполне осознавали разность позиций «привычного мировоззрения». Так, анализируя в 1918 г. причины кризиса французской киноиндустрии, Шарль Пате предлагает сценаристам и режиссерам, стремящимся к вывозу своих картин, «принимать во внимание столь различные у каждого народа взгляды на проявление эмоций и страстей. ...Но еще лучше было бы приспособлять выдуманные им ситуации к психологии, которая не была бы свойственна исключительно французам» [Там же. С. 52].

До Первой мировой войны в авангарде киноязыка и процветающей в коммерческом отношении оказалась Франция, подтвердив возможность непротиворечивого развития обоих измерений кино. Ни одно кинопредприятие не превзошло фирму Патэ, занявшую первое место по «своей финансовой мощности, широте сети дочерних предприятий за рубежом, значению в собственной стране, монополизации смежных отраслей промышленности…» [5. С. 11]. Успешный старт французской кинематографии обеспечило сочетание искусства с коммерческими требованиями. Такой подход практикуется фирмами «Гомон», «Эклер», и особенно фирмой «Фильм д'Ар», организованной группой литераторов и театральных деятелей, стремящихся превратить простонародное зрелище в «высокое искусство».

Однако две мировые войны и революции внесли коррективы в расстановку мировых сил – глобальное преобладание в военном, экономическом, технологическом и культурном измерениях становится принадлежностью США. Большинство стран мира приобщается к американской «массовой культуре» – ее эстетическим нормам и системе ценностей, успешным проводником которых становится киноискусство. Центр мирового кинематографа перемещается в Америку, взявшую на себя смелость решать судьбу национальных кинематографий. Притязание на гегемонию кинопроизводства порождает ответную реакцию Италии, Англии, Дании, Швеции, России и других стран. С этого момента перед европейскими кинематографиями встает проблема национально-культурного самоопределения. Таким образом, на протяжении первой половины XX в. стандартизации киноязыка европейских стран (а именно – приведению к общему знаменателю в мире голливудских эстетических критериев, приемов и образов) противостоит продуктивный поиск средств выразительности, маркирующих собственную культурную уникальность.

В первые послевоенные годы сопротивление вызывала не столько лежащая на поверхности политика захвата кинорынков, сколько проблема насаждения эстетических стандартов и привнесения культурных ценностей, которые не в полной мере разделялись европейцами. Так, в 1918 г. Л. Деллюк, взывающий к национальному духу, с горькой иронией пишет, что на родине Флобера и Верлена все вдруг стараются американизировать любовь. Но «американский фильм должен быть американским фильмом, итальянский должен быть итальянским, а французский фильм должен быть французским!» [4. С. 107].

Начало гегемонии американского кинематографа было положено фильмом Д.-У. Гриффита «Рождение нации», имевшим огромный финансовый успех и поднявшим в глазах американцев собственное национальное кино. Но квинтэссенцией всех устремлений становится Голливуд – центр кинематографической империи с 1913 г. и творческая родина «образцовой» эстетической модели. Основными принципами голливудского кино становятся техническое совершенство, стандартность художественных приемов, наличие ярко играющих «звезд», четкая жанровая структура, «голливудский реализм», преимущественно счастливый конец (happy end) и неизменно нарастающий приоритет зрелищности. Не обходилось без идеологичности, воплощенной в демонстрации стандартов американского образа жизни, выстроенных на основе ценностей народа США. Но принципиальным моментом, характеризующим формулу голливудского кино (которая постепенно отождествляется с американским кинематографом в целом), становится нацеленность на коммерческий эффект. Голливуд не стремился практиковать рискованные эксперименты в области авторского стиля или явно выраженные отсылки к региональным культурам. Уже в 1910-х гг. стремительно превращаясь в промышленность, американское кино представляет собой не столько прогрессивный художественный язык, сколько процветание в коммерческом отношении [Там же. С. 46]. К 1930-м гг. голливудская продукция в некоторых странах составляла до 95%. А после Второй мировой войны гегемония Голливуда определяет развитие почти всего мирового кинопространства.

Как складывается судьба европейских кинематографий в этих условиях и каковы, собственно, итоги противостояния голливудской эстетической формуле? В первую очередь происходит серьезный прорыв в развитии киноязыка. Не только искреннее желание вывести киноискусство на новый уровень, но и «практически любая идея национальной или культурной идентичности, выражаемая средствами кино, вынужденно развивается через противопоставление себя Голливуду, чем по большему количеству параметров, тем лучше» [7]. В ход идут эксперименты с художественными приемами, актерской игрой, утверждается

собственный приоритет тем, сюжетов и фокус кинематографического взгляда на мир. В итоге в 1920-е гг. появляются национальные киношколы, различные настолько, насколько были различны их мировоззренческие интересы и творческие установки.

Вместе с тем до середины XX в. принадлежность к той или иной европейской стране демонстрируется не столько намеренным педалированием этнографической специфики, сколько совокупностью художественных достижений, представленных в общее пользование. Подобное освоение новых средств выразительности, «закрепленных» за конкретной национальной кинематографией (в форме немецкого экспрессионизма, итальянского неореализма или французского авангарда) автоматически выделяет их в общем европейском кинопространстве. И, как мы заметим, за освоением тех или иных средств в определенной степени стоит специфика национально-культурного менталитета, ориентирующего кинематографический интерес, т.е. «адресность» взгляда.

Так, Франция, открывая страницу истории кино, подает пример вполне плодотворной борьбы за кинематографическую независимость. Серьезным достижением, утвердившим французскую кинематографию в качестве художественного лидера мирового кинопроцесса, становится авангардный эксперимент. С его помощью осуществились национально-культурные амбиции французского кино 1920-х гг. и были намечены формы художественного противостояния голливудской модели. Вместо стандартизации судьбу кинематографии определили такие яркие и разнообразные направления киноавангарда, как киносюрреализм (экранное воплощения фантазий, снов и ассоциаций), «чистое кино» (опыт исключительно визуального переживания), киноимпрессионизм (достигающий эффекта изменчивости и текучести действительности). В 1930-е гг. плодом французского кинематографического мышления становится «поэтический реализм», восстановивший «правду жизни». Его эстетику отличает и тонкий эстетизм, к которому тяготеет французская культура, и рационализм гармонии между подлинностью и поэтичностью, установившийся под влиянием французского натурализма и романтизма XIX в., и совершенная пластичность визуального ряда, воспитанная на импрессионизме и авангарде.

Кинематограф Германии, в свою очередь, находит творческие ресурсы для того, чтобы предложить особый формат интереса к миру. Его уникальность выразилась, например, в киноэкспрессионизме 1920-х, отразившем особую – отличную и от творческих задач Голливуда, и от других европейских киношкол – чувствительность немецкого духа к иррациональному, к глубинам человеческой натуры. Поэтика этого продукта национально-культурной самобытности внесла в копилку художественного опыта киносредства, позволяющие передать инфернальную сторону природы человека, который беспомощно «бежит от реальности, но его сознание настолько проникнуто духом насилия и унижения, что он уже не отличает действительность от фантазии» [2. С. 82].

Визитной карточкой национального итальянского кино становится неореализм, предложивший опыт приобщения к заурядной повседневности простого человека. Формирование итальянского неореализма было непосредственно связано с историческими коллизиями 1940-х гг. и явилось выражением национально-патриотического самосознания. Такие базовые принципы эстетики неореализма, как «правда жизни», ее подлинность и человечность, а также национальная традиция и достижения художественной культуры (литературы, театра, живописи), коренным образом отрицали голливудскую модель.

Несмотря на успехи и значимые достижения национальных киношкол, проблемы их независимого существования не заканчиваются. Со второй половины XX в. самоопределение европейских кинематографий обусловливает новый набор как негативных, так и благоприятных факторов. Среди них, во-первых, потеря позиций Голливуда. В 1950-е гг. внешние рынки кинопромышленности США сужаются из-за кризиса, связанного с развитием телевидения. «И почти всюду отступление Голливуда сопровождалось возрождением национального кино» [6. С. 373]. Если до 1950-х гг. история кино могла быть представлена не более чем шестью странами, то теперь национальные школы формируются повсеместно (в восточных странах, Латинской Америке, Центральной Европе и т.д.). С потерей позиций Голливуда привычное противостояние эстетических ориентиров приобретает иной характер. Голливудская модель успешно укореняется в европейском массовом развлекательном кино и не вызывает былого раздражения у мэтров высокого искусства. Более того, наряду с добровольным заимствованием эта «образцовая» формула коммерческого кино становится предметом иронического, пародийного использования.

Во-вторых, безусловный комфорт создают экономическая стабилизация и удешевление кинопроизводства. Правительство многих европейских стран содействует национальному кинематографу, оказывая серьезную поддержку внутреннему прокату. Некоторые преференции получает и низкобюджетное экспериментальное кино. Освобождение от коммерческого прессинга способствует увеличению авторской свободы. В кинематографической практике Европы с конца 1950-х гг. возникает и утверждается феномен «авторского» режиссерского кинематографа. В этом случае именно режиссер (а не продюсер, как в Америке) несет основную ответственность за фильм. Среди признаков такого авторского кино (арт-кино): ориентация на проблемность, новаторство формы, оригинальность киноязыка и изобразительных приемов, обращение к личности, подчеркнутый интеллектуализм, внимание не к действию, а к самой концепции фильма. Отмечается, что с этого момента не направление, принадлежащее кинематографии конкретной страны, а индивидуальность автора в большей степени определяет кинопространство [7].

Наконец, в-третьих, ориентиры кинопроцесса определяют внутренние противоречия глобализирующейся Европы. Установка на «Европу регионов» поощряет развитие национальных кинематографий. Эффективным механизмом такой поддержки становится практика совместных проектов по производству

фильмов (копродукции) разными европейскими странами при финансировании специально созданных европейских структур. Созданы потенциальные условия для арт-кино, пожелавшего привнести в художественное решение фильма отчетливые черты национального менталитета. Однако активное развитие международной копродукции, как показывает современная практика, приводит национальные школы «…к среднеевропейскому уровню качества, а заодно, возможно, и к потере национального своеобразия» [3. С. 215]. Нынешнее кинопространство уже заполнено фильмами, которые окрестили «европудинг», т.е. «сбитыми по успешному образцу “западной красивости”, без гражданства, без лица, без намека на культурную аутентичность» [8].

Другим следствием построения «Общеевропейского дома», объединяющего разнообразные народы и инокультурные ценности, становится потребность в новом единообразии. В связи с этим к концу XX в. актуализируется единая «европейская кинематографическая модель» (Н. Самутина), нацеленная на «европейского субъекта» и призванная продемонстрировать основные ценностные ориентиры европейского сообщества. Ее формирование оказалось по силам в первую очередь режиссерам авторского кино. Причем, несмотря на индивидуальность киномышления, совокупность эстетических признаков таких фильмов избегает маркировки «страны-производителя» и признаков национальной специфики. Отличительной чертой этой части арт-кино становится «принципиальная вненациональность… как способность фильма быть интересным зрителям разных стран не просто в качестве этнографического факта, а в качестве факта их собственной культуры» [7]. Так с объединением Европы самобытность отдельных кинематографий вынужденно вписывается в общее культурное пространство.

Неоднозначность ситуации заключается в том, что путь формирования общеевропейской модели кино уводит не только за пределы национальной специфики, но и за границы возможных интересов условного «европейского субъекта». В данном направлении работает та часть арт-кино, которая избегает бытовой и социальной конкретизации и создает некие универсальные – «глобально-метафорические» фильмы. В них не опознаются ни предметы, ни имена, ни география как специфически национальные. Зато мы приобщаемся к творчеству режиссера, сумевшего вечные ценности «тщательно укутать в радикально актуальную форму» [1. С. 352], понятную не только европейскому зрителю, но и американскому, российскому, азиатскому и любому другому. Такое кино попадает в разряд «общечеловеческого» и (наряду с общеевропейской и национальной моделями) принципиально противостоит глобализированному голливудскому продукту.

Таким образом, комфортные условия кинопроизводства не ведут к непременному стремлению зафиксировать национальную специфику художественного измерения. И к рубежу XX–XXI вв. устанавливается сосуществование нескольких тенденций: общеевропейской модели кино, «универсально-метафорических» произведений, глобализационно-голливудской продукции и кино, придерживающегося национально-культурных традиций.

Итак, самоопределение европейских кинематографий первой половине XX в. происходит в условиях вынужденного балансирования между экономическими интересами и художественными поисками, а также в противостоянии голливудским стандартам, унифицирующим киноязык. В итоге конфигурация европейского кинопространства формируется силами кинонаправлений и школ разных стран, безусловными лидерами среди которых оказываются Франция, Германия и Италия.

Начиная со второй половины XX в. жизнеспособность национальных кинематографий Европы обусловливают такие факторы, как свобода от голливудской гегемонии и достаточно комфортные экономико-производственные условия, способствующие развитию авторского кино. Национально-культурная самобытность получает шанс на воплощение в арт-кино. Вместе с тем противоречивая политика «Общеевропейского дома», поощряющая развитие национальных кинематографий, но и провоцирующая формирование надэтнической общеевропейской модели кино, инициирует новые формы единообразия. В этих условиях самобытность отдельных кинематографий проблематизируется, вынужденным образом вписываясь в общеевропейское культурное пространство.

Обозначенные трудности не становятся непреодолимым препятствием на пути развития киноискусства. Современное кино продолжает справляться с противоречиями социокультурной действительности, демонстрируя разнообразный спектр как унифицированных, так и национально-самобытных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Долин А.* Уловка XXI века: Очерки кино нового века. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2010. 552 с.
2. *Лоусон Д.Г.* Фильм – творческий процесс. М. : Искусство, 1965. 468 с.
3. *Разлогов К.* Мировое кино. История искусства экрана. М. : Эксмо, 2011. 688 с.
4. *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. 1914–1920. М. : Искусство, 1961. Т. 3. 625 с.
5. *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. Кино становится искусством. 1909–1914. М., 1958. Т. 2. 522 с.
6. *Садуль Ж.* История киноискусства от его зарождения до наших дней. М., 1957. 462 с.
7. *Самутина Н.* Современное европейское кино и идея культуры «прошлого». URL: http://viscult.ehu.lt/article.php
8. *Шлегель Ханс-Йоахим.* Проблемы культурной аутентичности в постсоциалистическую эпоху. URL: http://www.kinozapiski.ru/ru/article/

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 23 июня 2014 г.

EUROPEAN FILM OF THE TWENTIETH CENTURY: WAYS OF PROMOTING NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 94-98. DOI: 10.17223/15617793/386/15

Savelieva Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtsu@yandez.ru

Keywords: European cinema; national and cultural self-determination; cultural uniqueness; unification; language of cinematography; auteur films; film industry.

Among the most important problems of the modern globalizing world a special place belongs to the crisis of national and cultural identity. A research of the possible mechanisms of preservation of cultural identity by means of motion picture art can bring a serious contribution to the resolution of conflicts between homogenization and localization of cultures. Along with other art forms in the 20th century the motion picture art assumes the role of an artistic and figurative embodiment and statement of cultural originality. However, mechanisms of self-determination of national cinematographies are subject to serious conceptualization as this problem has not been thoroughly studied in modern humanitarian knowledge. This article is an attempt to present key results and ways of development of cinematographies of the countries of Europe aimed at the preservation of national and cultural interests and uniqueness. For this purpose factors are given that complicate or help to preserve national and cultural identity by means of film language. At the same time the main stages of development of the European film space in the context of the complex opposition of unification tendencies and aspiration to preserve the specifics of national cinema are considered. Results of the analysis of the film process of the first half of the 20th century show the specifics of self-determination of the European cinematographies in the conditions of compelled balancing between economic interests and creative searches, in opposition to the Hollywood standards unifying the film language. The European film space at this stage is formed by film directions and schools of different countries with France, Germany and Italy as undisputed leaders. Since the second half of the 20th century the viability of national European cinematographies is caused by such factors as freedom from the Hollywood hegemony and comfortable economic and working conditions promoting the development of the auteur film. National and cultural originality is embodied in the auteur film. At the same time, the inconsistent policy of the "Common European Home" encouraging the development of national cinematographies yet provoking the formation of the supra-ethnic all-European model of cinema initiates new forms of uniformity. In these conditions the originality expression for separate cinematographies becomes a problem. As a whole the analysis allows to indicate the efficiency of the efforts of European countries' national cinematographies self-determination in the 20th century. Own interests (institutional, economic and production, art and esthetic) are defended in permanently severe conditions.

REFERENCES

1. Dolin A. *Ulovka XXI veka: Ocherki kino novogo veka* [The trick of the 21st century: Essays on the cinema of the new century]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2010. 552 p.
2. Lawson J.H. *Fil'm – tvorcheskiy protsess* [Film: the creative process]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo Publ., 1965. 468 p.
3. Razlogov K. *Mirovoe kino. Istoriya iskusstva ekrana* [World cinema. Screen art history]. Moscow: Eksmo Publ., 2011. 688 p.
4. Sadoul G. *Vseobshchaya istoriya kino* [General history of cinema]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1961. Vol. 3, 625 p.
5. Sadoul G. *Vseobshchaya istoriya kino* [General history of cinema]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1958. Vol. 2, 522 p.
6. Sadoul G. *Istoriya kinoiskusstva ot ego zarozhdeniya do nashikh dney* [History of Motion Picture Arts from its inception to the present day]. Translated from French. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1957. 462 p.
7. Samutina N. *Sovremennoe evropeyskoe kino i ideya kul'tury "proshlogo"* [Contemporary European cinema and the idea of the culture of the "past"]. Available at: http://viscult.ehu.lt/article.php.
8. Schlegel H.-J. *Problemy kul'turnoy autentichnosti v postsotsialisticheskuyu epokhu* [Problems of cultural authenticity in the post-socialist era]. Translated from German. Available at: http://www.kinozapiski.ru/ru/article/.

Received: 23 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 99–104 DOI: 10.17223/15617793/386/16

ИСТОРИЯ

УДК 347(470+571)(0788) Г18

Е.В. Гамерман

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья посвящена вопросам интеграции российского Дальнего Востока в систему обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Рассмотрены система связей субъектов ДВФО с существующими региональными институтами (ШОС, АРФ по безопасности, АСЕМ, ВАС, АТЭС), а также их вовлеченность в систему двусторонних связей по вопросам минимизации угроз военного и невоенного (энергетика, экономика) характера в национальном и региональном масштабе. Автор поэтапно приходит к выводу о крайне низком уровне взаимодействия и участия российских восточных регионов в вопросах обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: региональная безопасность; российский Дальний Восток; интеграция; энергетика; двусторонняя торговля; национальная безопасность.

О необходимости многопрофильного интегрирования Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанский регион, а также о развитии российских восточных территорий как необходимом условии для этого написано очень много статей, докладов, монографий [1. С. 26–38; 2. С. 36–41; 3. С. 5–24]. При этом в имеющейся литературе по проблематике Дальнего Востока России до сих пор не сделано сколько-нибудь внятных попыток проанализировать роль и место дальневосточных территорий России в существующей сегодня системе обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в отдельных субрегионах – Северо-Восточной Азии (СВА), Юго-Восточной Азии (ЮВА). Форум АТЭС во Владивостоке в 2012 г. породил определенную эйфорию в различных общественных кругах относительно упрочения позиций России в регионе, а также относительно государственной стратегии развития дальневосточных территорий.

Однако при этом концепция внешней политики РФ, опубликованная в феврале 2013 г., ясно дает понять, что внешняя политика России по-прежнему имеет главный вектор направленности на евроатлантические страны (если не считать государства СНГ как сферу традиционных интересов России). Ну а государствам Восточной Азии в региональном измерении концепции отводится чуть ли не последнее место [4]. Украинский кризис 2013–2014 гг. и последующее охлаждение отношений РФ с ЕС и США должны несколько изменить направленность внешнеполитических усилий с Запада на Юг и Восток. Стоит ожидать появления к 2015 г. новой редакции концепции. Однако внутри страны материальные ресурсы будут, вероятно, иметь обратную переориентацию – с Сибири и Дальнего Востока на Крымский полуостров. Данная статья призвана выяснить, какое же все-таки место занимает и какую роль играет российский Дальний Восток в системе обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии и насколько это соответствует современной внешней политике России.

Северо-Восточная Азия – это субрегион мировой политики, к которому традиционно относят Японию, КНДР и Республику Корея, Монголию, КНР и Тайвань. Географически к нему примыкает и территория российского Дальнего Востока. СВА является составной частью крупного Азиатско-Тихоокеанского региона. СВА – это в достаточной мере специфический и уникальный субрегион. В нем, прежде всего, очень немного стран-участниц. Однако при этом субрегион исключительно гетерогенен. Разнородность характерна и для политической, и для экономической, и для социально-культурной плоскости.

В политическом плане – это японская многопартийность и демократические ценности, южнокорейская демократия с авторитарными устремлениями, китайский коммунизм и однопартийность, северокорейский казарменный утопический коммунизм, российский военно-бюрократический авторитаризм. В экономическом – самая быстроразвивающаяся и имеющая отдельные наилучшие показатели в мире экономика Китая, наукоемкие экономики Японии, Южной Кореи и Тайваня, полуфеодальная экономика КНДР и Монголии, отсталость и неразвитость экономики российского Дальнего Востока. Нет единства и в социокультурном плане – разные ценности, мировоззрение, уровень жизни и др.

Теперь обратимся к внешней политике и межправительственным объединениям. В целом особенность АТР состоит в наибольшей дезинтегрированности из всех регионов мировой политики, в отсутствии военных блоков. Что касается СВА, то для нее характерно отсутствие субрегиональных организаций, форумов с участием всех или большинства стран (как это характерно, например, для Юго-Восточной Азии).

Конечно, говорить о системе обеспечения безопасности в СВА можно с достаточной долей относительности, так как эта система только формируется. И речь идет как о многосторонних форумах, включающих в том числе страны субрегиона, так и о двусторонних форматах в контексте проблем, угроз безопасности. Международные организации, имеющие непосредственное отношение к данному субрегиону, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Региональный форум по безопасности АСЕАН, АТЭС, ВАС (Восточно-Азиатский саммит), АСЕМ (саммиты Азия – Европа). Последний не играет серь-

езной роли в политических и экономических вопросах региона.

Начнем с ШОС. Это международная организация с сугубо политической ориентацией (деятельность направлена прежде всего на минимизацию существующих угроз безопасности для стран-участниц) [5]. Данная площадка как Китаем, так и Россией используется сугубо в Центрально-Азиатском регионе (для чего, собственно, и создавалась), и дальневосточный потенциал организации никак не реализуется. Отсюда и абсолютное отсутствие вовлеченности российского Дальнего Востока в реализацию решений организации.

Региональный форум по безопасности АСЕАН был образован в 1994 г. и является многосторонней площадкой для диалога по очень широкой проблематике безопасности АТР. Асеановский региональный форум (АРФ) на сегодняшний день объединяет 26 стран и Евросоюз. Россия являлась одним из основателей форума [6]. В рамках форума действует Российский национальный комитет Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ – Россия). Эта площадка существует для эффективной подготовки повестки дня форумов, для обсуждения вопросов, которые невозможно обсудить на более официальном уровне. В его состав входят представители научного сообщества. Однако следует отметить, что ни одного представителя с российского Дальнего Востока в составе совета нет [7].

Следующее интеграционное объединение – это АТЭС. Формально данный форум занимается сугубо экономическими вопросами и торговлей. Но не будем забывать о том факте, что вся современная политика все более зависит от экономических процессов, и проблемы экономической безопасности становятся чуть ли не основными в любой повестке дня. АТЭС объединяет 21 экономику. Россия присоединилась к АТЭС в качестве полноправного члена в 1998 г. В 2008 г. на саммите АТЭС в Сиднее была утверждена русская заявка на проведение саммита в 2012 г. во Владивостоке на острове Русский. Это стало наиболее реальным, наиболее осязаемым поворотом Москвы в сторону российского Дальнего Востока в деле интеграции в азиатско-тихоокеанское пространство. В глазах национальной и мировой общественности данное событие стало рассматриваться как поворотный момент в деле развития восточных регионов России и восточной переориентации внешней политики государства.

Для проведения саммита были реализованы беспрецедентные по масштабам проекты – возведены два вантовых моста, соединяющие две части г. Владивостока и город с о. Русским; полностью, с нуля сооружены здания для проведения мероприятий саммита, проживания гостей (которые в дальнейшем были переданы Дальневосточному федеральному университету); построен новый аэропорт; отремонтированы дороги [8]. Все это должно было само по себе оживить экономическую обстановку в регионе, а также придать дополнительные импульсы для дальнейшего развития. Однако все работы проводились московскими компаниями, дальневосточный бизнес к освоению бюджетных денег допущен не был. В качестве рабочей силы привлекались граждане Китая, Северной Кореи, стран Центральной Азии, а также студенческие отряды [Там же]. Подготовка к проведению саммита обогатила московский крупный капитал и дала работу жителям других стран, тогда как должна была дать импульс для появления и развития новых предприятий малого и среднего бизнеса, дать возможность поработать и заработать уже существующим, помочь в вопросе временного (а в дальнейшем и постоянного) трудоустройства местных жителей, страдающих от безработицы не меньше, чем жители центрально-азиатских государств. Всего этого не случилось. Однако нужно признать, что сдвиги в лучшую сторону все-таки есть. Саммит на острове Русский – первый, реальный шаг к интеграции именно дальневосточных территорий в СВА; инфраструктурные изменения во Владивостоке и попытка создать принципиально новую научно-образовательную площадку в виде ДВФУ тоже можно записать в актив. Кроме того, саммит именно на Дальнем Востоке дал возможность продемонстрировать регион и избавить от ряда мифов о нем представителей целого ряда стран.

ВАС, или Саммит восточно-азиатского сообщества – формат очень молодой. Возникла данная площадка в 2005 г. в составе 16 государств региона (10 стран АСЕАН, Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия). С 1 января 2011 г. в его состав были включены США и Россия. Постепенно главной повесткой дня стали вопросы политические, и прежде всего угрозы безопасности в АТР. Данная институция постепенно набирает обороты, но пока еще непонятно, в каком направлении она будет дальше развиваться. Россия, несмотря на то что формат предполагает присутствие глав государств, еще ни разу не была представлена Президентом на саммитах ВАС. Это подчеркивает (особенно когда речь заходит о «восточной дипломатии») российскую низкую заинтересованность в данном диалоговом механизме и неверие в важность роли ВАС в архитектуре безопасности в регионе [9]. Российский Дальний Восток никаким образом не интегрирован и не вовлечен в работу данной структуры. Однако надо полагать, что отдельные вопросы, в частности территориальные споры РФ с Японией, все-таки будут подниматься на данных саммитах. Но и при этом вовлеченность регионов российского Дальнего Востока будет только опосредованной.

АСЕМ, т.е. саммиты Азия – Европа, является неформальной площадкой, созданной еще в 1996 г. для развития многопрофильного диалога между двумя макрорегионами. Россия вошла в состав данного форума в 2010 г. Количество членов (51 государство) [10] и неформальный характер предопределяют отсутствие каких-либо серьезных, принципиальных решений по тому или иному вопросу межрегионального взаимодействия. РФ в целом и российский Дальний Восток в частности очень слабо интегрированы в данный международный формат. В рамках всех существующих в регионе организаций и объединений российский Дальний Восток имеет минимальную интегрированность в систему обеспечения безопасности субрегиона. Значительно более важный характер для «архитектуры безопасности» СВА имеют двусторонние связи, договоры и договоренности.

Здесь является целесообразным рассматривать отдельно традиционные (военные) и нетрадиционные (имеющие невоенный характер) виды угроз и взаимодействия государств по их минимизации.

Начнем с традиционных угроз и вовлеченности российского Дальнего Востока в систему обеспечения безопасности. После распада СССР Россия многократно сократила свое военное присутствие на Дальнем Востоке. Многими государствами региона это было воспринято как утрата позиций и уход РФ из Азиатско-Тихоокеанского региона. Во многом это нарушило существующий баланс сил и привело к изменению «архитектуры безопасности». В последние 2 года наметилась тенденция к изменению ситуации, начат процесс перевооружения армии, модернизации технического оснащения, увеличения количества боевых кораблей и подводных лодок Тихоокеанского флота. Летом 2013 г. были проведены самые крупномасштабные военные учения за всю постсоветскую историю России, в которых участвовали войска Центрального и Восточного военного округов – всего более 160 тыс. чел. [11]. Эти действия не означают, что Россия готовится к войне на Востоке. Однако это была попытка заявить своим партнерам в Азиатско-Тихоокеанском регионе о российских претензиях на возвращение утраченной роли военного балансира между странами ЮВА и КНР, КНР и союзниками США в регионе.

На данный момент в СВА существует несколько узловых межгосударственных противоречий. Это и Тайваньский вопрос, и проблемы, связанные с ядерной программой КНДР, и территориальные споры между Китаем и Японией, Россией и Японией, Китаем и Южной Кореей. Такого количества неразрешенных противоречий нет ни в одном другом регионе. Между Россией и Китаем после подписания договора 2001 г. и территориального размежевания 2004 г. видимых территориальных противоречий нет. И именно с Китаем наиболее интенсивно из всех стран субрегиона развивается сотрудничество, в том числе в военной сфере. Дальний Восток интегрирован в данном ключе посредством проведения совместных военных учений Восточного военного округа и северо-восточных провинций Китая («Мирная миссия – 2005», «Мирная миссия – 2009», «Морское взаимодействие – 2012», «Морское взаимодействие – 2013») [12], а также путем поставок вооружений (правда, их интенсивность падает) [13. С. 292]. С Японией, в силу наличия территориальных споров, никакого военного сотрудничества нет. Однако и здесь есть определенный прогресс. В 2013 г. по инициативе японской стороны была проведена встреча в формате 2+2 (министры иностранных дел и министры обороны), на которой стороны договорились о подготовке совместных военных учений, направленных на отработку совместных действий против террористов и морских пиратов [14]. Однако украинский кризис и наличие союзнических отношений между Японией и США, а также важность для Москвы нейтральной позиции Пекина, скорее всего, затормозят подготовительный процесс, если он вообще не будет прерван.

Традиционно активное взаимодействие в военной сфере осуществляется Россией и КНДР. Проявляется это прежде всего в поставках военной техники и запасных частей к ней. В 1990-е гг. интенсивность таких сделок резко снизилась. Однако после подписания в 2001 г. межправительственного соглашения о сотрудничестве в сфере вооружений и военной техники взаимодействие приобрело новый импульс. Поставляется военная техника, преимущественно списываемая российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке (в частности вертолеты и БТР) [15]. Сотрудничество в военно-технической сфере с Южной Кореей начато еще в 1997 г. и ведется по линии материально-технического обслуживания военной техники, закупленной Сеулом в счет уплаты по кредитам, предоставляемым еще Советскому Союзу. Однако масштабы данного сотрудничества небольшие.

Однако в целом в субрегионе очень важную роль в обеспечении военной безопасности играют до сих двусторонние военные союзы США – Япония, США – Южная Корея, США – Филиппины, которые появились в период холодной войны. И если тогда США воспринимались этими странами как гарант от вторжения СССР, то теперь наибольшие опасения вызывает набирающий экономические и военно-политические обороты Китай. Данные союзы не воспринимаются пока как рудимент международных отношений, так как пока не появилось никакой внятной двусторонней или многосторонней альтернативы.

Теперь обратимся к проблемам или угрозам безопасности нетрадиционным или невоенным. Здесь наибольшую важность представляют экономические и социально-экономические угрозы, а именно энергетические, миграционные, продовольственные, экономическая составляющая деятельности транснациональных преступных групп.

Начнем с российско-японских экономических отношений. Несмотря на сложные политические отношения двух стран, в области экономики наметились существенные подвижки в сторону интенсификации взаимодействия. Так, в 2012 г. объем торговли между двумя странами составил 31,2 млрд долларов США (15,7 – импорт, 15,5 – экспорт). Однако при этом Россия занимает 15-е место среди внешнеторговых партнеров Японии, а удельный вес РФ составил 1,9%. Япония, в свою очередь, занимает 8-е место среди партнеров России, при этом 4-е – по импорту и 9-е – по экспорту. Доля Японии в товарообороте РФ составляет 3,7%. Важно, что за последние три года объемы торговли выросли более чем в три раза. 98% всех поставок в Японию – это сырая нефть, сжиженные природный газ (СПГ), нефтепродукты, каменный уголь, необработанный алюминий, платина, палладий, морепродукты. Среди импорта более 80% – легковые и грузовые автомобили, а также запасные узлы и агрегаты, строительная техника [16]. Поставки сырой нефти осуществляются прежде всего с месторождения Сахалин-1, а сжиженный природный газ – с Сахалина-2. По итогам 2012 г. РФ стала четвертым по величине поставщиком СПГ в Японию с долей в 9,5% от общего объема, или 8,3 млн тонн. В районе Южно-Сахалинска действует единственный в России завод СПГ. Второй планируется построить в районе Владивостока. Весь сжиженный природный газ, экспортируемый Россией,

добывается на Дальнем Востоке и приобретается странами Северо-Восточной Азии: Японией (75,9%), Республикой Корея (20%) и Китаем (4,1%).

Российско-китайский товарооборот составил в 2012 г. 87,5 млрд долларов США. Рост по сравнению с предыдущим годом – 5,2%. При этом экспорт – 35,7 млрд долларов, а импорт – 51,8 млрд, т.е. отрицательное сальдо составило 16,1 млрд долларов. Начиная с 2010 г. Китай находится на 1-м месте среди торговых партнеров России. Доля Поднебесной во внешнеторговом обороте РФ эти годы колебалась на уровне 10–11%. Россия среди торговых партнеров Китая находилась в 2012 г. на скромном 9-м месте с 2,3% китайского внешнеторгового оборота. В структуре российского экспорта в Китай нефть и нефтепродукты составляют более 69%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 8,5%. В структуре импорта из Китая более 50% составляют машины, оборудование и транспортные средства, еще более 15% – текстиль и изделия из него [17].

Внешнеторговый оборот России с Республикой Корея в том же 2012 г. составил 24,9 млрд долларов США (экспорт – 13,9 млрд, импорт – 11 млрд. Сокращение последнего, по сравнению с 2011 г., составило 5,1%). РФ занимает 12-е место (с удельным весом 1,3%) среди партнеров Сеула. Республика Корея занимает 11-е место (с 3% удельного веса) среди партнеров Москвы. Однако при этом среди стран Восточной Азии по объему товарооборота с Россией Республика Корея занимает 3-е место после Китая и Японии. И опять-таки, в структуре экспорта в 2012 г. 78,8% составили минеральное топливо, нефть и нефтепродукты. Металлы и изделия из них – 8,3%. Импорт из Республики Корея – 73,9% – это машины, оборудование и транспортные средства [18].

Таким образом, если говорить об экономическом блоке угроз региональной безопасности, можно сделать вывод о том, что российский Дальний Восток играет ключевую роль в обеспечении региональной энергетической безопасности. Весь российский сжиженный природный газ имеет сахалинское происхождение и реализуется в рамках субрегиона. Строительство ВСТО, а также поставки газа дали возможность для стран СВА диверсифицировать источники поставок энергетических ресурсов, а также возможность для постепенного наращивания объемов закупок и энергопотребления без лишних логистических и транспортных затрат. Для России торговля энергоресурсами в Восточной Азии также имеет очень важное значение как для обеспечения энергетической безопасности, так и экономической безопасности в целом. Во-первых, российская экономика на данный момент напрямую зависит от торговли энергоресурсами и цен на них. Во-вторых, очень важно диверсифицировать продажи, чтобы не быть в зависимости от одного покупателя. В условиях украинского кризиса стало принципиально важным избавляться от политических рисков торговли и снизить собственную зависимость от потребителя (в данном случае ЕС). Во многом из-за этого Москва стремилась как можно быстрее завершить переговоры с Пекином о поставках в Поднебесную природного газа – даже на условиях Китая с ценами ниже мировых (на данный момент договор заключен, и пока последствия его заключения выглядят очень спорно). Перспективность китайского рынка и вышеозначенные причины заставляют российское руководство идти на уступки. На данный момент Китай потребляет только 4% от СПГ, экспортируемого с российского Дальнего Востока. Сегодня очень высока вероятность переориентации российского энергетического сектора с Запада на Восток и Юг и увеличения удельного веса российских ресурсов в энергетических поставках в Восточной Азии.

Помимо энергетической безопасности и перспектив по развитию сотрудничества в этой сфере, все остальные сферы экономического сотрудничества и обеспечения безопасности оставляют желать лучшего. Если говорить о взаимной торговле стран Северо-Восточной Азии и интегрированности Дальнего Востока России в экономические связи, то здесь мы увидим достаточно печальную картину. Для Японии Россия находится на 15-м месте как торговый партнер, для Республики Корея – на 12-м, для Китая – на 9-м месте. И эти три государства занимают три первых места в торговле с Россией из всех стран АТР. То есть с другими странами мы практически не торгуем. И все эти торговые контакты обеспечены на 70–90% за счет нефти, газа и других ресурсов. Российский Дальний Восток фактически не интегрирован в экономические связи субрегиона и является одним из аутсайдеров в самом перспективном в плане развития регионе мира. Не отвечает интересам национальной экономической безопасности и структура существующих торговых связей, когда вывозится различного вида сырье, а завозятся только готовые машины, строительная техника, одежда. Российскому Дальнему Востоку жизненно необходимы инвестиции, производственные мощности, инфраструктурные проекты, технологии, а не готовые машины.

Подводя итого всему вышесказанному, необходимо отметить, что на сегодняшний день интегрированность российского Дальнего Востока в систему обеспечения безопасности в СВА является крайне низкой. Дальневосточный федеральный округ фактически отстранен от сотрудничества со всеми многосторонними институтами и организациями, взаимодействие с которыми осуществляется сугубо федеральными руководителями в Москве. Первой ласточкой стало проведение форума АТЭС во Владивостоке. Однако пока к каким-то серьезным позитивным изменениям это не привело. В рамках двустороннего взаимодействия российский Дальний Восток имеет наибольшую интегрированность с северо-восточными провинциями Китая в плане обеспечения безопасности как от традиционных, так и от нетрадиционных угроз. Однако и оно носит половинчатый и узконаправленный характер (в сторону энергоресурсов). И объемы его также оставляют желать лучшего. С другими странами региона экономическое взаимодействие является минимальным, а взаимодействие в плане минимизации угроз региональной безопасности фактически отсутствует. Требуется не просто активизация контактов, а изменение самих подходов к развитию восточных территорий, предоставление реальных нало-

говых льгот, создание особых экономических зон и другие меры для получения реального эффекта, усиления интегрированности в региональную экономику и политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай. Стратегическое партнерство и вызовы времени. М. : Форум, 2014. 224 с.
2. *Тихоокеанская* Россия в системе международных отношений и обеспечение безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток, 2012. 324 с.
3. *Ларин В.Л.* Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века: избранные статьи и доклады. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 216 с.
4. *Концепция* внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
5. *Декларация* о создании Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=83
6. URL: http://www.asean.org/communities/asean-political-security-community/category/overview-6
7. *Состав* российского национального комитета азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (РНК АТССБ). URL: http://cscap-russia.fondedin.ru/ru/content/sostav-rnk-atssb
8. *Объекты* саммита. Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: http://apec.primorsky.ru/apec-objects.html
9. URL: http://www.asean.org/asean/external-relations/east-asia-summit-eas
10. URL: http://www.aseminfoboard.org
11. *Более* 150 тактических учений различной направленности проведено на Дальнем Востоке в ходе внезапной проверки боевой готовности. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11804882@egNews
12. *В Таджикистане* завершилось учение «Мирная миссия – 2012». URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11810084@egNews
13. *Ежегодник* СИПРИ 2012. Вооружения, разоружение и международная безопасность : пер. с англ. М. : ИМЭМО РАН, 2013.
14. *Министр* обороны России генерал армии Сергей Шойгу принял участие в переговорах министров оборонных и дипломатических ведомств России и Японии. URL: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11863930@egNews
15. URL: http://portal.sipri.org/publications/pages/transfer/splash
16. *Справка* о торгово-экономическом сотрудничестве России и Японии. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search
17. *Справка* о торгово-экономическом сотрудничестве России и Китая. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search
18. *Справка* о торгово-экономическом сотрудничестве России и Республики Корея. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июля 2014 г.

THE RUSSIAN FAR EAST IN THE SECURITY IN NORTHEAST ASIA

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 99-104. DOI: 10.17223/15617793/386/16

Gamerman Evgeniy V. Blagoveshchensk Branch of Moscow Academy of Entrepreneurship under the Government of Moscow (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: Egamerman@mail.ru

Keywords: regional security; the Russian Far East; integration; energy; bilateral trade; national security.

In this article the author has analyzed the place and role of the Russian Far East in the security in Northeast Asia, and its compliance with the modern Russian foreign policy. We can talk about the security system in Northeast Asia with reasonable relativity, because this system is just being formed. We are talking both about multilateral forums, including, in particular, the subregion countries, and bilateral formats in the context of the problems of security threats. In the frames of all existing region's organizations and associations the Russian Far East has minimal integration into the security ensuring system of the subregion. Bilateral relations, treaties and agreements are of greater importance to the "security architecture" of NEA. It is useful to consider separately the traditional (military) and non-traditional (non-military) types of threats and interaction of the countries to minimize them. It should be noted that at the moment there are several nodal interstate conflicts in NEA in the field of traditional threats. These are the Taiwan question, and problems related to the DPRK's nuclear program, and the territorial disputes between China and Japan, Russia and Japan, China and South Korea. There are not so many unresolved conflicts in any other region. If we talk about the economic block of threats to the regional security, we can conclude that the Russian Far East plays a key role in ensuring the regional energy security. All Russian liquefied natural gas has Sakhalin origin and is exported within the subregion. The building of ESPO and gas supplies have made it possible for the NEA countries to diversify the supply sources of energy resources, as well as to get an opportunity to gradually increase the volume of purchases and consumption without further logistical and transport costs. For Russia energy trade in East Asia is also very important. Today, the integration of the Russian Far East in the security system in Northeast Asia is extremely low. The Far Eastern Federal District is actually removed from the interaction with all multilateral institutions and organizations, the work is done purely by the federal leaders in Moscow. The first sign was the holding of the APEC forum in Vladivostok. However, so far, it has not led to a serious positive change.

REFERENCES

1. Titarenko M.L. *Rossiya i Kitay. Strategicheskoe partnerstvo i vyzovy vremeni* [Russia and China. Strategic partnerships and challenges]. Moscow: Forum Publ., 2014. 224 p.
2. *Pacific Russia in international relations and security building in the Asia Pacific: historical experience and future prospects*. Vladivostok: IIAE FEB RAS Publ., 2012. 324 p. (In Russian).
3. Larin V.L. *Tikhookeanskaya Rossiya v kontekste vneshney politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR v nachale XXI veka: izbrannye stat'i i doklady* [Pacific Russia in the context of foreign policy and international relations in the Asia-Pacific region at the beginning of the twenty-first century: selected articles and reports]. Vladivostok: IIAE FEB RAS Publ., 2011. 216 p.
4. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation Vladimir Putin, February 12, 2013. Available at: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. (In Russian).

5. Declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization. Available at: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=83. (In Russian).
6. Available at: http://www.asean.org/communities/asean-political-security-community/category/overview-6.
7. Structure of the Russian National Committee of the Asia-Pacific Council for Security Cooperation (RNK ATSSB). Available at: http://cscap-russia.fondedin.ru/ru/content/sostav-rnk-atssb. (In Russian).
8. Objects of the summit. Development of Vladivostok as a center for international cooperation in the Asia-Pacific region. Available at: http://apec.primorsky.ru/apec-objects.html. (In Russian).
9. Available at: http://www.asean.org/asean/external-relations/east-asia-summit-eas.
10. Available at: http://www.aseminfoboard.org/.
11. More than 150 tactical maneuvers of various kinds conducted in the Far East during the sudden combat readiness test. Available at: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11804882@egNews. (In Russian).
12. "Peace Mission 2012" maneuver finished in Tajikistan. Available at: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11810084@egNews. (In Russian).
13. *Ezhegodnik SIPRI 2012. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI Yearbook 2012. Armaments, Disarmament and International Security]. Tranlsated from English. Moscow: IMEMO RAS Publ., 2013. 773 p.
14. Russian Defense Minister Gen. Sergei Shoygu took part in the negotiations of diplomatic and defense ministers of Russia and Japan. Available at: http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11863930@egNews. (In Russian).
15. Available at: http://portal.sipri.org/publications/pages/transfer/splash.
16. Information about the trade and economic cooperation between Russia and Japan. Available at: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search. (In Russian).
17. Information about the trade and economic cooperation between Russia and China. Available at: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search. (In Russian).
18. Information about the trade and economic cooperation between Russia and the Republic of Korea. Available at: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search. (In Russian).

Received: 06 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 105–111 DOI: 10.17223/15617793/386/17

УДК 930.1

Ж.А. Гумерова

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в. (на примере творчества Г.П. Федотова)

Рассматривается антропологический подход Г.П. Федотова, который приобретает в его творчестве форму изучения религиозности русского человека. Исследуются процесс формирования его взглядов на проблему, теоретические установки и методологические принципы. Показывается, что воззрения Г.П. Федотова затрагивают актуальные для своего времени проблемы исследования.

Ключевые слова: духовная культура; русское религиозное сознание; русская религиозность; средний религиозный человек.

Г.П. Федотов (1886–1951) – историк, религиозный мыслитель, видный представитель русской эмиграции, внес большой вклад в осмысление судеб русской культуры, исследование сознания русского человека. Преимуществом его творчества уже современники называли умение глубоко проникать в проблему, выявлять дух времени через источник [1. С. 290], отмечали, что он подходил к проблеме русского национального сознания как историк и философ истории [2. С. 254]. Исследовательский интерес к человеку, прежде всего к религиозному сознанию средневекового человека, прослеживается уже в первых работах Г.П. Федотова. Несомненное влияние на его формирование оказал профессор И.М. Гревс, основатель петербургской школы медиевистики. В 1908 г. Федотов поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где на семинарах профессора погружается в атмосферу Средних веков, воспринимает идеи о преемственности исторического процесса, индивидуальности каждой эпохи и культуры, подходы к изучению человека в культуре.

И.М. Гревс считал себя по научному темпераменту более профессором, чем кабинетным ученым, потому «по страсти к преподаванию почти всегда подчинял целям и интересам последнего исследовательские задания» [3. С. 216]. Педагогический талант его можно увидеть в том, что он давал развиться индивидуальности ученика, «с редкой объективностью взращивал самые противоположные научные дарования» [4. С. 346]. Представителями петербургской школы медиевистики были О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, Н.П. Анциферов, А.И. Хоментовская и др. [5]. Ранний период творчества этих исследователей характеризовался рассмотрением истории культуры европейского Средневековья, социальной и исторической психологии людей, живших в Средние века. Таким образом, можно говорить, что петербургская школа медиевистики предварила ряд тем не только современной медиевистики, но и исследования школы «Анналов». Значительную роль в этих изысканиях играли привитые профессором навыки работы с источниками и умение видеть в них живую картину прошлого. П.М. Бицилли в рецензии на работу Г.П. Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский» замечал, и это замечание можно отнести в целом к историкам петербургской школы, что Федотов выступал против гипертрофированного сциентизма, «подведения исторической реальности под отвлеченные категории формальных наук» [6. С. 138]. В этом активном использовании исторического источника, способствующем «ощущению связи между прошлым и настоящим» [7. С. 49], проявился отход от позитивистского подхода к источнику, девизом которого было накопление фактов, извлечение историком информации, лежащей на поверхности [8. С. 57, 58].

Глубокому проникновению в историю духовной жизни, раскрытию живого образа прошлого также способствовал индивидуальный стиль письма Г.П. Федотова, оформившийся в ранний период творчества. И.М. Гревс уже в выпускной работе будущего мыслителя отметил черту, замечаемую в дальнейшем в литературных штудиях Г.П. Федотова многими исследователями, которую обозначил как преодоление трудностей «скорее чутким органом мягкой и тонкой поэтической интуиции, чем острым ножом суровой и мелочно точной критики. Но живая нота реконструированного воображения не подавляет в нем вполне сознательного и определенно научного отношения к предмету и тщательной подготовки» [9. С. 315]. Об исследовательском методе, обозначенном как «интуиция» или «дивинация», говорил Л.П. Карсавин, имея в виду восстановление по одному проявлению «народного духа» всего строения этого «духа», а также угадывание иных его проявлений и возможностей [10. С. 66]. Работы Федотова не содержат строгого научного аппарата. Для его исследований характерны прекрасный художественный язык, лёгкость и в то же время глубина изложения. Момент сопереживания, соучастия излагаемой проблеме дает наилучшие результаты. Так, в фундаментальной работе американского периода «Русская религиозность» Г.П. Федотов замечал, что отправным моментом в историческом исследовании считает «предварительное обобщение, пусть хотя бы интуитивное или субъективное» [11. С. 14]. Данный метод познания мыслитель применил в своей работе. Заметим, что современники признали его плодотворность, в частности М. Карпович отмечал убедительность исторической интуиции автора [12. С. 301–303].

Влияние на Г.П. Федотова петербургской школы медиевистики прослеживалось и в исследовательском методе, используемом мыслителем на протяжении всей творческой деятельности. Его можно определить как «отражение в малом» – в вещных, поведенческих, этикетных формах повседневного существования, в

эстетическом идеале и этических нормах – «умственного кругозора эпохи» [13. С. 91]. В своих ранних работах он ставит те же задачи, которые намечает И.М. Гревс, – профессор поднимал проблему взаимодействия личности и культурно-социальной среды, акцентировал внимание на задаче выявления особенностей сознания человека в истории: «…и ныне остается и всегда будет величайшей проблемой истории воссоздание путей развития человеческого сознания в истории человеческого общества» [14. С. 52].

Г.П. Федотов обращается к личности в истории – к характеру, мировоззрению определённого человека, живущего в конкретных исторических условиях. Он указывает, как целая эпоха или небольшой отрезок времени отражаются на сознании личности, и в то же время как личность является выражением эпохи. В статье «Письма блаженного Августина» (1911), взяв за основу переписку христианского теолога и скрупулезно изучив ее, он выявляет «живое и яркое впечатление общего характера эволюции христианского сознания» [15. С. 79], раскрывает его взгляды, интересы, форму мышления. Делая акцент на индивидуализации сознания и рассмотрении его эволюции, мыслитель выявляет черты, свойственные данному историческому периоду, как то: столкновение «новых христианских элементов с традициями античной культуры и вместе с тем церкви с миром. Долгое время Августин живет в двойном свете – Христа и Платона, – пока этот дуализм не преодолевается в практической работе церковного строительства» [15. С. 79]. Также обращение к конкретной личности просматривается в первой крупной работе «Абеляр» (1924), цель которой – «нарисовать не столько *характер*, сколько *самосознание*» философа [16. С. 218], что есть явление культуры, а не природы. Личность Абеляра рассматривается мыслителем в культурно-историческом плане, в данном случае – на путях к Ренессансу. Г.П. Федотов замечает, что самосознание, поставленное им во главу исследования, тем не менее рассматривается в связи с природным характером, материей этической переработки норм, данных в культуре, что не может не привести к рассмотрению вопросов, имеющих «внекультурный интерес». Заметим, что данный исследовательский метод в целом был характерен в этот период для тех мыслителей, кто в определенной степени находился под влиянием И.М. Гревса. Вышедший в 1925 г. сборник «Средневековый быт», содержащий 11 статей разных авторов, рассматривающих различные стороны средневековой культуры, – тому подтверждение (в сборник входили статьи О.А. Добиаш-Рождественской, А.И. Хоментовской, Н.П. Анциферова, М.Э. Шайтана и др.).

Определяющей чертой изучения исторического процесса у Г.П. Федотова явилось сосредоточение внимания на сфере духовной культуры – сначала европейской, затем русской. Исследовательские интенции Федотова отражали общие тенденции исторической науки конца XIX – начала XX в., т.е. акцентирование внимания на «культурной истории». Интерес Г.П. Федотова к русской культуре явился, во-первых, следствием глубокого погружения в источники западной культуры (студенты историко-филологического факультета выезжали за границу для непосредственного знакомства с достижениями Запада) – «возвращаясь из Рима, мы впервые с дрожью восторга всматривались в колонны Казанского собора, средневековая Италия делала понятной Москву» [17], во-вторых, актуализацией проблемы русской культуры после революции 1917 г. В этот период перед отечественной историко-философской мыслью остро встает вопрос о русском национальном сознании, о выявлении сущностных мировоззренческих взглядов русского человека, о духовных истоках общественной жизни.

Федотовские исследования русского сознания условно можно разделить на две группы: историко-культурные, опирающиеся на исторический источник («Святые Древней Руси», «Духовные стихи», «Русская религиозность», «Сокровища русской духовности»), а также многочисленные эссе, дополняющие его исторические построения (статьи «Лицо России», «Письма о русской культуре», «Изучение России» и др.). Важными представляются обе группы работ. Их использование позволяет сформировать более целостную картину по рассматриваемой проблеме. Однако отметим фундаментальность, серьезную источниковую базу и ее проработку в историко-культурных исследованиях, что придает весомость работам Г.П. Федотова.

Проблема человека в культуре у Г.П. Федотова приобретает форму изучения религиозности русского человека. Он отмечает, что раскрыть специфику русского сознания можно «не только в политической истории России, но и в ее философии, искусстве, прежде всего в ее религиозности» [18. С. 126]. Понимание Федотовым русского национального сознания, прежде всего как сознания религиозного, определялось христианской основой его историософской концепции. Православие в целом явилось средоточием идейных и культурных исканий русской религиозно-философской мысли начала XX в. и рассматривалось в качестве определяющей характеристики русского мировоззрения. Большая часть мыслителей считала, что начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания [19. С. 22], что давало возможность объяснить не только настоящее, но и историческое будущее. В этом же русле движется и мысль Г.П. Федотова. Он изучает историю России как историю духовной культуры, полагая, что «политико-экономические кризисы являются лишь отражением более глубокого кризиса, протекающего во всех сферах культуры. Их источник в тяжелом недуге духа, который творит эту культуру» [20. С. 82].

Рассматривая стержнем русского народа, «основой его душевно-духовного мира» православие, ученый сосредотачивает внимание на его субъективной стороне – на сознании человека, отношении «к Богу, миру, собратьям» [11. С. 8]. В центре – «духовная жизнь» в смысле мистико-аскетической жизни и религиозной этики – религиозный опыт и религиозное поведение» [Там же], которые в силу своей динамичности, по сравнению с объективными элементами религии, могут выступать источником исследования религиозного сознания. Г.П. Федотов делает подробный анализ русской религиозности, основанием кото-

рого выступает тот факт, что в России «глубины религиозности оставались нетронутыми и об их существовании даже не подозревали» [11. С. 11]. Данный вопрос являлся объектом рассмотрения светских историков литературы и церковных историков, однако для одних было характерно недостаточное понимание религиозности, для других – отсутствие исторического взгляда. Г.П. Федотов был первым мыслителем в России, который исследовал глубины русской религиозной жизни. Он явился, как верно заметил М. Раев, пионером изучения антропологии религии в историческом контексте [21. С. 231]. Отметим, что истоки религиозной антропологии в России связывают с личностью Л.П. Карсавина [22]. В работе, написанной в 1915 г., он отмечал, что в религиозном человеке важно «не то, во что он верит, а то, что он верит, или то, как он верит» [23. С. 20]. Соответственно, религиозность мыслитель определял как «то душевное состояние или тот душевный строй, в связи с которым находятся субъективно важные для человека положения его веры, делающиеся таким путем положениями его религиозности» [Там же. С. 22]. Однако исследовательский интерес Карсавина был сосредоточен на средневековой Европе («Очерки религиозной жизни Италии XII–XIII вв.», «Основы средневековой религиозности в XII–XIII, преимущественно в Италии»), в то время как Г.П. Федотов исследовал религиозность русского человека.

Г.П. Федотов обратился к тем духовным ценностям, которые в значительной степени определяли поведение человека, что, в свою очередь, позволило ему выявить наиболее существенные черты человека древнерусской эпохи. Мыслитель верно отмечает, что первенство в изучении духовной жизни необходимо отдать Западу, в частности католическим и протестантским ученым. Своими изысканиями он пытался закрыть пробел в данной исследовательской проблеме. Это постановка с христианских позиций социокультурных и философско-исторических проблем; обращение скорее не к религиозной метафизике, но к идее отношения человека к истинным ценностям, к христианской вере.

Г.П. Федотов обращает внимание на то, что специфику религиозности на Руси характеризует этический дуализм, представленный монашеской и мирянской этиками. Соответственно русскую религиозность он рассматривает в двух плоскостях – сознание духовной элиты и духовенства, отражающее высший религиозный идеал, а также сознание народа, средних христиан, осложненное элементами, далекими от церковности. Данная схема соответствует концепции Г.П. Федотова об иерархии боговдохновленности человеческого творчества. Он отмечает, что отрешение от боли о мире является только подвигом монаха, и то лишь отшельника, затворника и молчальника. Для мирян же эта установка является «гордыней и нерадивостью, знаком охлаждения любви» [18. С. 123]. В изучении феномена русской святости Г.П. Федотов исходил из представления, что типология любой культуры определяется характером и степенью ее религиозности. Основной его задачей являлось осмысление особенностей русской национальной истории и культуры. Федотовское изучение религиозности представляет ценность в плане выявления не только его взглядов и идейно-теоретических установок, но и содержания методологических принципов, формирующих остов исследования.

Стоит отметить, что Г.П. Федотов использует – и даже более, предвосхищает – принцип исследования истории о множественности скоростей социального времени, разработанный Ф. Броделем, который проявляется в объяснении Федотовым большей религиозности русского народа по сравнению с остальными народами Европы. Данный факт поясняется различием религиозно-исторического времени России и Европы – Средневековье в России в народных низах длилось до середины XIX в., и это время было аналогично Европе XIV–XV вв. [24. С. 94]. Этот подход – представление о «la longue duree» применительно к истории России – позволил мыслителю избежать превознесения русского народа над остальными народами, признания его особой религиозности в духе славянофилов, а также ряда своих современников, в частности позднего Н.А. Бердяева, который в одной из последних своих работ «Русская идея» выразил мысль об особом религиозно-историческом призвании России, преимуществе России перед другими народами, что проявилось в силе и качестве религиозного мироощущения [25. С. 266–269].

Г.П. Федотов в целом уделял достаточное внимание хронологии, акцентировал внимание на смене культурных форм во времени. Так, применительно к изучению высшего уровня в пределах православной церковной праведности он применял не только отмечаемую выше характеристику длительного времени: глубинные процессы, сказывающиеся спустя столетия, обозначаются Федотовым как глубочайший надрыв истории XVIII в., изменивший во многом направленность ее святости [26. С. 13]. К исследованиям Г.П. Федотова можно применить также характеристику «среднего времени». Имеется в виду акцентирование на смене исторических форм во времени и конкретное рассмотрение на примере русских святых, народной религиозности Древней Руси. Например, исследуя идеал святости на Руси, он делит период с X по XVII в. (характеризующийся присутствием в стране духа святости) на несколько этапов: домонгольская (Киевская или Древняя) Русь, эпоха татарского завоевания (русское Средневековье), московский период. В каждом из них он выделяет определённый тип святости (святые князья – страстотерпцы, пустынножители, юродивые и др.), характерные черты которого определялись, соответственно, культурно-историческими условиями.

Не избегал Г.П. Федотов и «событийного времени», к которому Ф. Бродель относился достаточно скептически [27. С. 117]. Он рассматривал событие не само по себе, но вплетал его в исторический контекст с целью выявления глубоких причинно-следственных рядов. Так, в работе «Святые Древней Руси» мыслитель приводит конкретные примеры жизни святых, позволяющие ему выделить индивидуальные и традиционные черты русского святого. Г.П. Федотов внес большой вклад в изучение русской религиозности. Он поднял вопрос исследования не только сознания верхушки общества, но и сознания народа. Лишь в 1960-е гг. появ-

ляются три направления гуманитарного исследования, объединенные стремлением выбраться из узких рамок идеологий и выявить неподвластные им установки сознания [28. С. 77]. В России изучением духовных процессов занимался М.М. Бахтин, заново открывший глубинные культурные пласты, отчасти – исследователи тартуской семиотической школы; на Западе – историки ментальностей (Ж. Дюби, Э. Леруа Ладюри и др.).

Религиозное сознание народа Федотов исследует, опираясь на «духовные стихи» – древние народные песнопения религиозного содержания, восходящие по сюжету к книжным источникам. Тем самым он положил начало новому направлению – «исследованию религиозной и ценностной модели мира, выраженной в духовных стихах» [29. С. 140]. Здесь мы также сталкиваемся с выработанным им еще в годы обучения у профессора И.М. Гревса подходом к истории, заключающимся в обращении внимания на «затекстовый план», применении фактов для проникновения в живые силы истории.

Обращаясь к исследованию народного сознания, Г.П. Федотов акцентирует внимание на том, какие слои общества он имеет в виду под «народом», сознание какого общественного слоя он подвергает анализу. Специфика авторства духовных стихов позволила ему исследовать религиозность высших слоев народа, тесно соприкасаемых с церковным миром. Источники, используемые в работе «Русская религиозность» (краткие поучения, составляющие содержание «Изборников»; проповеди или послания, адресованные мирянам; летописи; некоторые творения светских авторов), также дают возможность изучения сознания представителя высшего класса, что, в свою очередь, не случайно, поскольку христианство в Киевской Руси первоначально распространялось сверху, в слоях бояр и князей. Тем не менее Федотов употребляет понятие «средний христианин» и уточняет, что он не обязательно принадлежит к зажиточным слоям. Речь идет скорее о духовных чертах человека, а не о его общественном положении [11. С. 184]. Понятие «среднего христианина» Г.П. Федотова можно сравнить с понятием «средний религиозный человек» Л.П. Карсавина, подчеркивающего, что средний человек отнюдь не является обывателем, представителем группы, занимающей промежуточное, срединное положение в социальной структуре. Он заключен в каждом реальном представителе своей группы. Л.П. Карсавин связывал указанное выше понятие с «религиозным фондом», представленным как «совокупность известных черт в некоторой определенной пропорции и связи друг с другом, то есть как система известных черт» [23. С. 31]. Определенное время и среда формируют определенную психическую организацию людей, характерные черты сознания каждого представителя, дающие возможность воспроизведения единства этих элементов. Таким образом, Л.П. Карсавин, как и Г.П. Федотов, во главу угла понятия ставил не социальное положение (здесь он обращался к исследованию так называемой культурной середины, т.е. интеллигенции, клириков, соприкасавшихся с ученостью, а также к изучению образованных мирян), а определенные духовные черты, внутренний мир носителя, который при всей «усредненности» все же несет неповторимость личностных черт.

Заметим, что в начале XX в. установка на изучение сознания типичного человека эпохи отмечалась не только в работе Л.П. Карсавина (Г.П. Федотов обращается к данной проблематике только в 1930-е гг.). В 1916 г. появляется исследование П.М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XII века», во введении к которому рассматривается и принимается термин Карсавина. Салимбене представлен у него как «средний человек» своего времени, под которым понимаются «ординарность, дюжинность, умеренность добродетелей и пороков» [30. С. 236]. Мироощущение, религиозное сознание монаха переносятся Бицилли на значительную часть общества, поскольку, еще раз подчеркнем, Салимбене воспринимался как «типичный для всего времени, по крайней мере для известного круга тогдашнего итальянского общества» [Там же].

Возвращаясь к сравнению теоретических построений Карсавина и Федотова, отметим, что оба мыслителя предполагают неоднородность общества, существование в нем различных групп и отмечают возможность выделения «среднего человека» в каждой группе. Они отмечают, что отдельная личность отражает некоторые черты общего бытия [11. С. 13], «заключает в себе ясно выраженными те или иные черты среднего человека» [23. С. 29], однако стремятся к историческому обобщению, уменьшению числа типичных групп, которое, по мнению одного, является интеллектуальным стремлением к единству [11. С. 13], по мнению второго, придает выводам ценность [23. С. 32]. Однако Федотов, в отличие от Карсавина, в процессе редукции останавливается на двойственности: «...только в двойственности может быть уловлена суть реальности со всеми ее противоречиями» [11. С. 13]. Отмечая явную национальную специфику полярности русского менталитета, он, тем не менее, говорит об общераспространенности данной характеристики. Дуалистичная формула нации, представление о «единстве далеко расходящихся, часто противоречивых индивидуальностей» [31. С. 172] есть сознательная установка в его культурно-исторической концепции.

Исследуя сознание русского человека, Федотов отказывается от монизма, единой характеристики духовно-национального типа, в пользу ее дуализма, полярности двух несводимых типов, между которыми разворачивается постоянная борьба – сотрудничество. Он выделяет два типа «русскости» – московский человек (человек Московского государства) и интеллигентский слой (тот «орден», который начал складываться в 30-е гг. XIX в.). Если для первого типа характерны спокойствие, молчаливость, простота, налет фатализма, юмор, то для второго – энтузиазм, жертвенный порыв, преданность народу, максимализм в служении идее. Он полагал, что их борьба определила драматизм XIX в. [31. С. 177].

Г.П. Федотов явился отнюдь не первым и не единственным мыслителем, обратившимся в проблеме двойственности русской души. Так, И.А. Ильин конкретизировал полярность национального характера следующим образом: «...он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом» [32. С. 5]. С.Л. Франк отмечал невозможность промежуточной

религиозной тенденции для русского человека, который «либо имеет в своей душе истинный “страх Божий”, подлинную религиозную просветленность… либо же есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит и которому все дозволено» [33. С. 132]. Н.А. Бердяев замечал «загадочную антиномичность» России во всем, корень чего видел в «несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере [34. С. 16].

Г.П. Федотов, с одной стороны, выделяет двоецентрие национальной души, с другой – указывает на сложный состав каждого из центров. Он замечает, что используемый им рабочий прием позволяет объяснить «природу исторического движения, драму расколов, кризисов и самую возможность развития» [31. С. 173].

Основной дуализм русской души представлен Федотовым двумя историческими типами. Однако мыслитель рассматривает предмет не только в статике, но и в динамике – исторический подход приводит к необходимости выйти за пределы установленного им же дуализма. Он выявляет последовательные выражения русского духовного типа, такие как: русский человек Киево-Новгородской Руси (древнерусский тип), москвич, человек империи, советский человек. Большое внимание в каждом историческом типе уделяется православному слою как определяющему русское сознание. Однако замечается невозможность выявления его неизменных характеристик, поскольку каждый культурный слой «имел свой ключ к христианству или, по крайней мере, свои оттенки» [Там же. С. 255].

Тем не менее Федотов был убежден в единстве исторической судьбы народа: «В периоды глубоких исторических потрясений распаду подвергаются верхние слои коллективной души – из катастрофы встают более древние пласты» [Там же. С. 164]. Сравнивая культурно-исторические пласты русской души с луковицей, с которой можно снимать слой за слоем, он в каждом историческом типе старается найти черты, роднящие его с человеком Древней Руси, т.е. несмотря на создание национальным духом новых форм бытия, все черты прошлого из жизни народа остаются на определенном уровне в национальном сознании и «могут как освещать прошлое, так и определять настоящее, а также будущее русской религиозности» [Там же. С. 14].

В современных российских исследованиях антропология религии развивается в ключе, заданном в начале XX в. Это направление связано с изучением истории русской религиозности, «народного православия» и использует в качестве материала наблюдения российских и зарубежных этнографов, социологов, культурологов, фольклористов [22]. Согласимся с высказыванием А.П. Гуревича, ссылающегося на одного современного мыслителя: «Двадцать первое столетие будет веком наук о человеке, либо его не будет вообще» [35]. В этом плане актуальным становится исследование антропологического подхода Г.П. Федотова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добиаш-Рождественская О.* Образы человечества // Анналы. 1924. № 4.
2. *Вышеславцев Б.П.* Г.П. Федотов // Грани. 1978. № 110.
3. *Каганович Б.С.* И.М. Гревс – историк средневековой городской культуры // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986.
4. *Федотов Г.П.* С.И. Штейн // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2004. Т. 9.
5. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.
6. *Бицилли П.М.* Рецензия: Г.П. Федотов «Св. Филипп, митрополит Московский» // Русская литература. 1990. № 2.
7. *Бицилли П.М.* Проблемы современной истории // Бицилли П.М. Избранное. София. 1993. Т. 1.
8. *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1.
9. *Гревс И.М.* «Исповедь» бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи» (Рецензия) // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. М., 1996. Т. 1.
10. *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея // Историк-медиевист – Лев Платонович Карсавин (1882–1952). М., 1991.
11. *Федотов Г.П.* Русская религиозность. Часть I // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. М., 2001. Т. 10.
12. *Карпович М.* George P. Fedotov. The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. Harvard Univ. Press. 1946 // Новый журнал. 1947. № 16.
13. *Ястребицкая А.Л.* Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.
14. *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена Империи). СПб., 1899.
15. *Федотов Г.П.* Письма Блаженного Августина // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1.
16. *Федотов Г.П.* Абеляр // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1.
17. *Федотов Г.П.* Лицо России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1.
18. *Федотов Г.П.* Изучение России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. Т. 1.
19. *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. 2-е изд. YMSA-PRESS, 1991.
20. *Федотов Г.П.* Как бороться с фашизмом? // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9.
21. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
22. *Кром М.М.* История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности. URL: http://achronicle.narod.ru/krom.html
23. *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. Петроград, 1915.
24. *Федотов Г.П.* Русский человек // Федотов Г.П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981.
25. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
26. *Федотов Г.П.* Стихи духовные. М., 1991.
27. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.
28. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1.
29. *Никитина С.Е.* «Стихи Духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991.
30. *Бицилли П.М.* Салимбене. Очерки итальянской жизни XII века // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006.

31. *Федотов Г.П.* Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. Т. 2.
32. *Ильин И.А.* О России. М., 1991.
33. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996.
34. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
35. *Гуревич А.Я.* История в человеческом измерении (Размышления медиевиста). URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2014 г.

THE HUMAN DIMENSION IN THE RUSSIAN HISTORICAL THOUGHT IN THE EARLY 20TH CENTURY (BY G.P. FEDOTOV'S WORKS)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 105-111. DOI: 10.17223/15617793/386/17
Gumerova Zhanna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru
Keywords: spiritual culture; Russian religious mind; Russian piety.

The article is devoted to Fedotov's anthropological approach, to the learning of the Russian religious mind. The article shows the process of forming his views on the issue, the theoretical and methodological principles. His views are presented as affecting the topical study problems of the early 20th century. G.P. Fedotov was a Russian historian, a religious thinker, who made a contribution to the understanding of the Russian culture destiny, to the learning of the Russian mind. The research interest to the human can be traced in his early works. It was the result of Professor I.M. Graves's influence. G.P. Fedotov studied the individual in history. He pointed out how the whole epoch or a short period of time was reflected in the consciousness of the person, and at the same time how the person could reflect the era. The defining feature of the historical process study was focused in the field of spiritual culture. Fedotov's research intentions reflected the general trends of the historical science of the late 19th – early 20th centuries. The problem of the human in culture in G.P. Fedotov's works took the form of the Russian religious mind study. This study direction was determined by the Christian foundation of his historiosofic concept. G.P. Fedotov studied spiritual values which determined the person's behavior. He saw that the specificity of the religious mind in Russia was characterized by ethical dualism (monastic and laity ethics). So he considered the Russian religious mind in two planes – the consciousness of the spiritual elite and clergy and the consciousness of the other people. Fedotov's study of the religious mind shows not only his views, ideological and theoretical orientations, but also the content of his methodological principles. He used the history observation principle of the plurality of social time speeds developed by F. Braudel. Fedotov used the term "average Christian", which could be compared with L.P. Karsavin's "average religious person". Both thinkers suggested the existence of different groups in society and noted the possibility of allocating the "average person" in each group. However, Fedotov, unlike Karsavin, stopped on duality in the reduction process. The dualistic nation formula is a conscious setting in its cultural and historical concept. Fedotov analyzed the subject in statics and in dynamics. He identified the historical formations of the Russian soul. Research of the country's past in the historical perspective helped to "grasp" individual characteristics of the Russian mind and the holistic spiritual image. The anthropology of religion is developing in modern Russian studies in the key set in the early 20th century. In this context the study of G.P. Fedotov's anthropological approach becomes relevant.

REFERENCES

1. Dobiash-Rozhdestvenskaya O. Obrazy chelovechestva [Images of the humanity]. *Annaly*, 1924, no. 4.
2. Vysheslavtsev B.P. G.P. Fedotov. *Grani,* 1978, no. 110. (In Russian).
3. Kaganovich B.S. I.M. *Grevs – istorik srednevekovoy gorodskoy kul'tury* [Graves, a historian of medieval urban culture]. In: Rutenburg V.I. *Gorodskaya kul'tura. Srednevekov'e i nachalo novogo vremeni* [Urban Culture. The Middle Ages and the beginning of the New Time]. Leningrad: Nauka Publ., 1986.
4. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy*: *v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2004. Vol. 9.
5. Sveshnikov A.V. *Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva* [St. Petersburg School of medievalists of the early 20th century. Attempt of anthropological analysis of the scientific community]. Omsk, 2010.
6. Bitsilli P.M. Retsenziya: G.P. Fedotov "Sv. Filipp, mitropolit Moskovskiy" [Review: G.P. Fedotov "St. Philip, Metropolitan of Moscow"]. *Russkaya literatura*, 1990, no. 2.
7. Bitsilli P.M. *Izbrannoe* [Selected Works]. Sofiya, 1993. Vol. 1.
8. Gurevich A.Ya. Istoricheskaya nauka i istoricheskaya antropologiya [The science of history and historical anthropology]. *Voprosy filosofii,* 1988, no. 1.
9. Graves I.M. *"Ispoved'" bl. Avgustina kak istochnik dlya ego biografii i dlya istorii kul'tury epokhi" (Retsenziya)* ["Confession" of Augustine as a source for his biography and cultural history of the era (Review)]. In: Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 1996. Vol. 1.
10. Karsavin L.P. *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and the Russian idea]. In: Yastrebitzkaya A.L. *Istorik-medievist – Lev Platonovich Karsavin (1882-1952)* [Historian-medievalist – Lev Platonovich Karsavin (1882-1952)]. Moscow: INION Publ., 1991.
11. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy*: *v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2001. Vol. 10.
12. Karpovich M. George P.Fedotov. The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. Harvard Univ. Press. 1946. *Novyy zhurnal*, 1947, no. 16.
13. Yastrebitskaya A.L. *Povsednevnost' i material'naya kul'tura srednevekov'ya v otechestvennoy medievistike* [Everyday life and material culture of the Middle Ages in the domestic medieval studies]. In: Gurevich A.Ya (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in history]. Moscow: Nauka Publ., 1991.
14. Graves I.M. *Ocherki iz istorii rimskogo zemlevladeniya (preimushchestvenno vo vremena Imperii)* [Sketches from the history of the Roman estates (mainly in the Empire Time)]. St. Petersburg, 1899.
15. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 1996. Vol. 1.
16. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 1996. Vol. 1.
17. Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The fate and the sins of Russia. In 2 vols.]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1991. Vol.1.
18. Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The fate and the sins of Russia. In 2 vols.]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1991. Vol.1.
19. Zernov N.M. *Russkoe religioznoe vozrozhdenie XX veka* [Russian religious renaissance of the 20th century]. 2nd edition Paris: YMSA-PRESS, 1991.
20. Fedotov G.P. Fedotov G.P. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2004. Vol. 9.
21. Raev M. *Rossiya za rubezhom: istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919-1939* [Russia abroad: a cultural history of Russian emigration. 1919-1939]. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994.

22. Krom M.M. *Istoriya Rossii v antropologicheskoy perspektive: istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya, mikroistoriya, istoriya povsednevnosti* [Russia's history in anthropological perspective: the history of mentalities, historical anthropology, microhistory, the history of everyday life]. Available at: http://achronicle.narod.ru/krom.html.
23. Karsavin L.P. *Osnovy srednevekovoy religioznosti v XII-XIII vekakh* [Fundamentals of medieval religiosity in the 12th-13th centuries]. Petrograd, 1915.
24. Fedotov G.P. *Rossiya i svoboda* [Russia and Freedom]. New York: Chalidze Publications, 1981.
25. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. The main problems of theRussian thought of the 19th and early 20th centuries]. In: Maslin M.A. *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of Russian post-October emigre]. Moscow: Nauka Publ., 1990.
26. Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye* [Spiritual poems]. Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991.
27. Braudel F. *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'* [History and social sciences. Historical duration]. In: Kon I.S. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history]. Moscow: Progress Publ., 1977.
28. Gurevich A.Ya. *Problema mental'nostey v sovremennoy istoriografii* [The problem of mentalities in modern historiography]. In: Chubar'yan A., Sogrin V. (eds.) *Vseobshchaya istoriya: Diskussii, novye podkhody* [General history: discussions, new approaches]. Moscow: Nauka Publ., 1989. Issue 1.
29. Nikitina S. E. *"Stikhi Dukhovnye" G. Fedotova i russkie dukhovnye stikhi* ["Spiritual poems" by G. Fedotov and Russian spiritual poems]. In: Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye* [Spiritual poems]. Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991.
30. Bitsilli P.M. *Izbrannye trudy po srednevekovoy istorii: Rossiya i Zapad* [Selected works on medieval history: Russia and the West]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006.
31. Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The fate and the sins of Russia. In 2 vols.]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1992. Vol.2.
32. Il'in I.A. *O Rossii* [About Russia]. Moscow, 1991.
33. Frank S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1996.
34. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1990.
35. Gurevich A.Ya. *Istoriya v chelovecheskom izmerenii (Razmyshleniya medievista)* [History in the human dimension (reflections of a medievalist)]. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html.

Received: 15 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 112–116 DOI: 10.17223/15617793/386/18

УДК 94(571).083

Г.М. Запорожченко

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в. В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КООПЕРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследуются кооперативные потребительские организации с использованием методологических подходов теоретиков кооперативного движения А.В. Меркулова и И.В. Емельянова. Автором рассмотрена двойственная торгово-экономическая и социально-интегративная функция кооперативных потребительских организаций, выявлены особенности кооперативных структур в сравнении с другими общественными организациями и некооперативными экономическими образованиями (предприятиями, акционерными обществами). На примере сибирского кооперативного движения показан процесс осознания кооперативной общественностью опасности псевдокооперативного перерождения, важности соблюдения кооперативных принципов как основы кооперативной идентичности. Исследована социокультурная функция кооперации и роль неторговой деятельности в активизации самодеятельности пайщиков как одного из условий формирования гражданского общества.

Ключевые слова: потребительская кооперация; потребительное общество; предприятие; акционерное общество; общественная организация; гражданское общество; Сибирь.

В создании социально ориентированной экономики особую роль играют кооперативные формы хозяйствования, в том числе потребительская кооперация, всегда занимавшая важное место в российском социуме. Значимость кооперативной организации для российского населения обусловлена ее социальной направленностью и огромным потенциалом в решении проблем бедности и безработицы. Вопросы кооперативного движения в дореволюционной России, в период НЭПа 1920-х гг. и перестройки второй половины 1980–1890-х гг. всегда являлись приоритетными объектами исторических исследований. Возникавшие при этом оценки достижений кооперации и различные интерпретации ее деятельности во многом являлись следствием концептуальных расхождений, неоднозначности использования понятийного аппарата, различных трактовок формальных признаков, характеризующих кооперативное движение. В связи с этим в современной историографии актуализируется проблема кооперативной идентичности, определения родовых кооперативных признаков. В данной статье изучение кооперативной идентичности производится применительно к концепту «гражданское общество», который сегодня является одним из «центральных герменевтических ключей» и «концептуальным кодом эпохи» [1. С. 25].

Сущность и природа потребительской кооперации нашли определенное отражение в нормативно-законодательных актах Российской империи конца XIX – начала XX в. В соответствии с нормальным уставом потребительного общества от 13 мая 1897 г. главной в деятельности последнего являлась заготовительно-торговая функция, неторговая работа фактически запрещалась. В то же время кооперативное движение в России в начале XX в. продемонстрировало не только мощные хозяйственные возможности, но и значительную политическую ангажированность, социореформистский и культурно-просветительный потенциал. Уставные цели, функциональное устройство и деятельность сближали потребительные общества как с экономическими образованиями (предприятиями и акционерными обществами), так и с различными общественными организациями, преследующими идеальные цели. В задачи статьи входит выяснение, насколько адекватным является использование категорий «предприятие» и «общественная организация» применительно к потребительскому кооперативу, что позволит определить место потребительской кооперации как особой торговой и общественной организации в процессе формирования гражданского общества в России в начале XX в.

Особая природа кооперативных организаций теоретически осмысливалась деятелями отечественного кооперативного движения в обширной кооперативной литературе, периодике, материалах Всероссийских кооперативных съездов 1908 и 1913 гг. Очередной раунд полемики состоялся во время обсуждения и принятия правительством законопроекта о прогрессивном подоходном налоге в 1915 г. В целом имеющий важное значение для оздоровления налоговой системы законопроект существенно ухудшал положение потребительской кооперации, которая впредь подлежала подоходному налогообложению, в то время как учреждения мелкого кредита и закупочные кооперативы совершенно освобождались от него. Причем если правительственный законопроект содержал оговорку о том, что потребительские кооперативы подлежат налогу, когда обслуживают не только своих членов, но имеют открытые для публики магазины и пользуются наемным трудом, то на этапе обсуждения в Государственной Думе было решено облагать их налогом без изъятий. Законотворцы считали, что с возникновением кооператива возникает и новый хозяйствующий субъект, получающий в результате продажи прибыль.

Выразителем взгляда кооперативных идеологов на природу кооперации, отличного от правительственной точки зрения, являлся А.В. Меркулов. «В кооперативе, как таковом, мы не находим ни “хозяйствующего субъекта”, ни “продажи”, ни “прибыли”, – считал он. – Перед нами – совершенно новое экономическое явление, для которого должна быть установлена новая экономическая терминология» [2. С. 99]. В отличие от акционерной компании, где несколько владельцев капитала создают новое самостоятельное предприятие (хозяйство), действия которого направлены вовне, на получение прибыли с чуждых лиц, деятельность потребительского кооператива не создает нового хозяйствующего субъекта, она направлена исключительно вовнутрь (если кооператив обслужи-

вает только своих членов) или частично вовне, если имеет магазины, открытые для широкой публики [2. С. 101, 102]. «Мы с математической точностью, – писал А.В. Меркулов, – можем определить, когда кооператив стал извлекать “прибыль”: это происходит в тот момент, когда он продает первый фунт хлеба не члену; он получает уже при этом некоторую долю торговой капиталистической прибыли (если не возвращает ее покупателю в виде премии на забор); в этот лишь момент – и лишь по отношению к этому покупателю – кооператив стал “хозяйствующим субъектом”. Поскольку же кооператив обслуживает лишь членов, он не хозяйствующий субъект, а объединение хозяйствующих субъектов. Он – распространенная складчина» [Там же. С. 103]. «Непостижимой несправедливостью» считали кооператоры взимание с них подоходного налога, когда они продавали только членам, и настаивали на уплате налога лишь с той части операций, которая осуществлялась с посторонними покупателями. Этот пример показывал, как далеко было дореволюционное законодательство от понимания сути и интересов кооперации.

Развитием представленных взглядов на кооперацию стала опубликованная в 1948 и 1995 г. в США фундаментальная работа российско-американ-ского исследователя И.В. Емельянова «Экономическая теория кооперации» (перевод и публикация книги в 2005 г. в России состоялись благодаря усилиям тюменского историка С.А. Пахомчика, а распространение в Новосибирске – благодаря стараниям А.А. Николаева, главного научного сотрудника Института истории СО РАН). Придавая проблеме идентичности кооперации «немалое теоретическое и огромное практическое значение», И.В. Емельянов поставил цель дать ответ на вопрос, какую организацию следует считать кооперативной, и обосновать точное определение кооперации, подчеркнув, что проблема кооперативного типа экономической организации – это проблема экономической морфологии [3. С. 23, 24]. Автор последовательно выполнил научную аналитическую задачу выявления экономического характера кооперативных организаций, строго отделенного от социотерапевтической, социологической, этической и юридической подоплеки. Рассмотрев основные характеристики подлинных кооперативных ассоциаций, наиболее распространенными из которых являлись «кооператив – это предприятие» и «кооператив – это союз людей», он показал ошибочный характер каждого из них и доказал, что, имея внешнее структурное сходство с предприятием и акционерным обществом (коллективным предприятием), кооператив не является ни тем, ни другим [Там же. С. 51]. Обосновав, что первичная экономическая функция предприятия состоит в приобретении (получении прибыли), а первичная функция индивидуального хозяйства – в расходовании (потреблении), ученый показал, что потребительские кооперативы не являются приобретающими экономическими единицами, следовательно, не являются предприятиями [Там же. С. 77]. Потребительские кооперативы, имеющие практически все структурные характеристики акционерной компании (акционерный / долевой / паевой капитал, собрание акционеров, дивиденды, выплачиваемые на акции), не являются также и акционерными обществами благодаря ограничению дивидендов, выплачиваемых по акциям, ограничению числа акций на одного акционера, замене принципа голосования по количеству акций на правило голосования по количеству членов: один пай – один голос [Там же. С. 84].

Исследуя различные типы кооперативов мира в отношении таких категорий, как паевой взнос, паевой капитал, доход от предпринимательской деятельности, дивиденд, прибыль, и такие процессы, как интеграция, слияние, объединение, И.В. Емельянов пришел к выводу, что паевые взносы – это кредит или фонд, ссуженный членами своей кооперативной организации в качестве рабочего капитала; паевой капитал в кооперативе не инвестируется и не используется для получения прибыли; дивиденды являются окончательными расчетами, которые исправляют диспропорцию между авансами и использованием услуг общества отдельными членами; кооперативный доход не является капиталистической прибылью; типичный потребительский кооператив представляет собой не предприятие, а неакционерную, некоммерческую ассоциацию [Там же. С. 98, 99, 105, 106]. Важнейшим, единственным, исчерпывающим и неоспоримым признаком кооперативной организации выступает ее *совокупная структура*: кооператив есть *совокупность* независимых автономных хозяйств. И ни один из принятых кооператорами всего мира за основу деятельности принципов (продажа товаров по среднерыночным ценам, ведение дел за наличный расчет, ограничение числа паев и дивидендов по акционерному капиталу, распределение прибыли пропорционально закупкам, правило «один человек – один голос») не может претендовать на универсальность и возможность применения для всего диапазона кооперативных организаций [Там же. С. 194]. При всём многообразии устройства и деятельности кооперативы имеют идентичную *совокупную* форму. Таким образом, кооператив, не являясь ни предприятием, ни союзом людей, предстает как совокупность автономных хозяйств (экономических единиц), объединившихся для достижения конкретных экономических целей.

Для изучения истории всесословной потребительской кооперации имеют большое методологическое значение указания И.В. Емельянова на важность однородности членства в кооперативах, необязательный характер имущественной бедности членов, неумолимость центробежных тенденций в кооперативе [Там же. С. 229, 230]. Идеальным (подлинным) кооперативом является тот, где все члены являются его клиентами, и наоборот. Операции с внешней клиентурой усложняют функционирование кооператива, порождают тенденцию псевдокооперативного вырождения, превращения кооператива в капиталистическое предприятие, что характеризуется автором как интересный и почти не изученный процесс [Там же. С. 136, 165].

Исследование И.В. Емельянова имеет важное методологическое значение при выявлении идентичности кооперативных и некооперативных экономических образований и помогает провести между ними

различие, так как тенденция рассматривать кооперативы в качестве коллективных капиталистических предприятий очень распространена. Например, М.И. Туган-Барановский рассматривал кооперацию как имеющее некапиталистический характер целевой ориентации хозяйственное предприятие [4. С. 12]. В современный период в Декларации о кооперативной идентичности, принятой XXXI Конгрессом Международного кооперативного альянса в 1995 г., кооператив определяется как «автономная ассоциация лиц, добровольно объединившихся с целью удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей посредством совместно владеемого и демократически управляемого предприятия» [5]. И.А. Фарутин, представивший в свое время богатый материал по истории дореволюционной потребительской кооперации, приводил примеры кооперативов, которые обращали значительную часть прибыли (50–60% в 1911 г.) в дивиденды. Он рассматривал такие кооперативы в качестве коллективных капиталистических учреждений, получавших капиталистическую прибыль, но распространял подобное отношение на всю дореволюционную кооперацию [6. С. 126, 127].

Действительно, перед кооперативами стояла сложная задача соблюсти оптимальные пропорции между собственными и привлеченными средствами, чтобы не допустить банкротства и поддерживать систему материального стимулирования кооперативной деятельности, основу которой составлял порядок распределения доходов. При этом чрезвычайно важной была ориентация не только на внутреннюю, но и на внешнюю клиентуру, которая составляла до 80% всех покупателей, естественно расширяясь в крупных городах. Принципиальное значение имело то, как использовалась прибыль от посторонних, а также соотношение части прибыли, выделяемой на стимулирование денежных вложений в кооперацию – паевых взносов (дивиденд), и части, направляемой на стимулирование участия в хозяйственной деятельности общества (премия на закупки товаров).

На примере деятельности сибирских городских всесословных и рабочих потребительных обществ в 1912 – феврале 1917 г. видно, что дивиденд (процент отчислений на каждый рубль полного пая) составлял преимущественно от 0,9 до 6–8%, редко поднимаясь до разрешенных нормальным уставом 10%. Процент премии на забор устанавливался ниже дивиденда на пай, но в денежном выражении сумма премии на забор превосходила дивиденды. Таким образом, прибыль распределялась главным образом пропорционально сумме закупок. В период Первой мировой войны прослеживалась тенденция сокращения материального стимулирования пайщиков во имя сохранения финансовой жизнеспособности и социального развития кооперативной организации, что выражалось в отказе от дивидендов и направлении их в закупочный и культурно-просветительный фонды. Прибыль от посторонних покупателей также направлялась на пополнение оборотных средств обществ или причислялась к паям потенциальных членов, для чего в некоторых обществах вводились особые талоны для точного определения суммы годовых закупок пайщиков и посторонних [7. С. 90]. Таким образом, кооперативные принципы (распределение прибыли пропорционально закупкам, отказ от присвоения прибыли, получаемой от не членов) были вполне реальными атрибутами кооперативной жизни Сибири, так же как и России [8. С. 257–260].

Если экономическая структура и экономическая деятельность потребительных обществ придавала им внешнее сходство с капиталистическими предприятиями, то неторговая (культурно-просветительная, общественная, благотворительная) работа ставила их в один ряд с общественными организациями, которые являются институциональным стержнем, ядром гражданского общества [9. С. 63, 64]. Различие состояло в том, что общественные организации (научно-просветительские, социально-попечительские, культурно-просветительные, филантропические, спортивные, краеведческие, профессиональные и т.п.) являлись сообществами единомышленников, которые объединяли граждански ответственных членов, преследовавших идеальные цели и универсальные интересы, в то время как кооперативы объединяли граждан для защиты своих индивидуальных экономических интересов. Однако, действуя на основе устава (микроконституции) и оперируя такими понятиями, как представительство, выборы, подотчетность, коллегиальность, кооператив способствовал преодолению индивидуального эгоизма членов, освоению ими «школы общественности», где пайщики учились связывать свои частные и коллективные интересы с универсальными целями общего блага.

В неторговой деятельности кооперации, создававшей многочисленные возможности для общения, образования, культурного досуга, попечительства, благотворительности, отчетливо проявилась связь экономического успеха с социальной интеграцией. Общественная сторона кооперации получила большое развитие в России, не случайно первый номер журнала «Союз потребителей» в январе 1903 г. открывался программной статьей И.Х. Озерова, где освещались «двоякого рода выгоды от кооперации – экономические и духовные», а затем прямо заявлялось, что кооперация – прежде всего «школа общественной жизни» [10. С. 336].

Повсеместно в потребительных обществах и союзах декларировалась, планировалась и частично осуществлялась разнообразная культурно-просветительная работа, хотя сами кооператоры в 1917 г. признавались, что «не проявили достаточное напряжение энергии, не уделили исключительное внимание культурной работе» [11. С. 13]. Продовольственная разруха периода Первой мировой войны, выдвинув на первый план чисто хозяйственные задачи интенсификации торгово-закупочной деятельности, не только не свела на нет культурную работу кооперации, но даже способствовала ее развитию. Как утверждали кооператоры, именно «кошмар войны заставил взглянуть на свою жизнь» и понять важность культурной работы, которая была нужна как самой кооперации, поскольку укрепляла кооперативную организацию, создавая прочные повседневные связи между потребительным обществом и всеми сторонами бытовой и культурной

жизни пайщиков, так и населению в целом. «Теперь, когда расшатаны почти все устои жизни, она приобретает особенную ценность, – писали кооператоры. – Ассигновки на культурные цели легко проходят на общих собраниях. Члены стали понимать, что без знания, без книги, газеты жить нельзя, трудно, как трудно жить слепому человеку. И кооперативы строят Народные дома, библиотеки, школы, устраивают лекции, беседы, народные театры, научный кинематограф и т.п.» [12. С. 19].

Таким образом, потребительские кооперативы занимали особое место в пространстве между частной сферой и государством как некоммерческие общественно-экономические организации, отличные как от некооперативных экономических образований, ориентированных на получение прибыли (предприятие, акционерное общество), в которые кооператив мог превратиться лишь при неправильном управлении, так и от общественных организаций, преследующих лишь идеальные цели. Являясь по причине своей совокупной (кооперативной) формы экономической фикцией, кооперативы всего лишь отражали характер и устремления своих членов. Догоняющий тип модели индустриального развития России в начале XX в., запаздывание её качественных изменений по сравнению с Западной Европой, административно-бюрократическое воздействие власти обусловили историческое своеобразие реализации российской потребительской кооперацией своей двоякой функции – торгово-экономической и социально-интегративной. Российское кооперативное движение характеризовалось не только весомым вкладом в развитие системы розничной торговли и кооперативного производства, но и глубокой верой в социореформистскую миссию кооперации, широким развитием неторговой деятельности, политикой культурного наставничества, направленной на сплочение различных социальных групп и осознание заботы о будущем социума. Объединяя население в бессословных самодеятельных организациях, потребительская кооперация являлась важной и наиболее массовой институцией гражданского общества, элементы которого начинали формироваться в Российской империи в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3.
2. *Меркулов А.В.* Закон о подоходном налоге и кооперация // Вестник кооперации. 1915. № 7. С. 99–105.
3. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций / пер. с англ. А.С. Педерина, С.А. Пахомчика. Тюмень : ТОГИРО, 2005. 304 с.
4. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М. : Экономика, 1989. 495 с.
5. URL: http://iwanowa-karolina2012.narod.ru/index/0-10 (дата обращения: 09.01.2014).
6. *Фарутин И.А.* Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского университета. Общественные науки. Вып. 4. Калининград, 1970.
7. *Запорожченко Г.М.* Формирование хозяйственного механизма городской потребительской кооперации Сибири в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 88–91.
8. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2002. 587 с.
9. *Брэдли Джозеф.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М. : РОСПЭН, 2007. С. 63–99.
10. *Значение* кооперации в экономической и общественной жизни // Кооперация. Страницы истории : в 3 т. М. : Наука, 1998. Т. 1, кн. 2.
11. *Вестник* кооперации. 1917. № 4–5.
12. *Союз* потребителей. 1918. № 17.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июля 2014 г.

CONSUMPTION COOPERATION OF SIBERIA IN THE EARLY 20TH CENTURY IN THE CONTEXT OF THE COOPERATIVE IDENTITY PROBLEM

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 112-116. DOI: 10.17223/15617793/386/18

Zaporozhchenko Galina M. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: galinakoop@yandex.ru

Keywords: consumer cooperative; private enterprise; joint stock company; public organization; civil society; Siberia.

How adequate is the use of categories "enterprise" and "public organization" for a consumer cooperative? The answer to this question will determine the place of consumer cooperation as special trade and public organizations in the process of forming civil society in Russia in the beginning of the 20th century. The use of methodological approaches of the theorists of the cooperative movement A. V. Merkulov and I. V. Emelyanov allows seeing that the cooperative is neither an enterprise nor a joint stock company. With all the variety of devices and activities the most important, unique, exhaustive and conclusive sign of a cooperative organization is its overall structure. The author has considered the dual trade-economic and socio-integrative function of the cooperative consumer organizations, revealed the features of cooperative structures in comparison with other public organizations and non-cooperative economic entities (private enterprises, joint stock societies). By example of the Siberian cooperative movement the author shows that cooperatives were aware of the danger of pseudo-cooperative rebirth and understood the importance of compliance with cooperative principles as the basis of cooperative identity. In the Siberian city and working consumer societies in 1912 – February 1917 dividends ranged from 0.9 % to 6-8 %, rarely rising to 10 % allowed by the normal Statute. In monetary terms, the amount of bonus for the purchase of goods exceeded the dividends. Thus, profit was distributed, mainly, in proportion to the amount of purchases. During the First World War the trend of reduction of material stimulation of shareholders in the name of saving the financial viability and social development of cooperative organizations was growing. This was manifested in the refusal of dividends and directing them in the purchase and cultural funds. Profit from non-members was not issued to the members, and was also directed to cultural objectives. Unlike public organizations which were communities of like-minded people and united civilly responsible members pursuing the ideal goals and universal interests, cooperatives united the citizens to protect their individual economic interests. However, acting

on the basis of the Charter and operating by such concepts as representation, elections, accountability, collegiality, cooperative helped overcome individual selfishness of the members and taught shareholders to link their private and collective interests with the public interests and the universal public good. In Russia the social dimension of cooperation received a large development creating numerous opportunities for communication, education, cultural activities, guardianship and charity. This clearly showed that economic success contributed to social integration. Non-trading activities of cooperation played a significant role in encouraging initiative.

REFERENCES

1. Golenkova Z.T. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii [Civil society in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997, no. 3.
2. Merkulov A.V. Zakon o podokhodnom naloge i kooperatsiya [Income Tax Act and cooperation]. *Vestnik kooperatsii*, 1915, no. 7, pp. 99-105.
3. Emelyanov I.V. *Ekonomicheskaya teoriya kooperatsii. Ekonomicheskaya struktura kooperativnykh organizats*iy [Economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations]. Translated from English by A.S. Pederin, S.A. Pakhomchik. Tyumen: TOGIRO Publ., 2005. 304 p.
4. Tugan-Baranovskiy M.I. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social bases of cooperation]. Moscow: Ekonomika Publ., 1989. 495 p.
5. Available at: http://iwanowa-karolina2012.narod.ru/index/0-10 vykhod 09.01.2014. (Accessed: 09th January 2014).
6. Farutin I.A. Kharakter i osobennosti kooperativnogo dvizheniya v dorevolyutsionnoy Rossii [Nature and features of the cooperative movement in pre-revolutionary Russia]. *Uchenye zapiski Kaliningradskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*, 1970, issue 4.
7. Zaporozhchenko G.M. Formation of the economic mechanism of urban consumer cooperation in Siberia in the beginning of 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2013*, no. 373, pp. 88-91. (In Russian).
8. Fayn L.E. *Rossiyskaya kooperatsiya: istoriko-teoreticheskiy ocherk. 1861-1930* [Russian cooperation: a historical and theoretical essay. 1861-1930]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2002. 587 p.
9. Bradley J. *Grazhdanskoe obshchestvo i formy dobrovol'nykh assotsiatsiy: opyt Rossi v evropeyskom kontekst*e [Civil society and forms of voluntary associations: the experience of Russia in the European contex]. In: Pietrov-Ennker B., Ul'yanova G. N. (eds.) *Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [Civic identity and civic activities in the sphere of the Russian Empire. The second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: ROSPEN Publ., 2007, pp. 63-99.
10. Figurovskaya N.K. (ed.) *Kooperatsiya. Stranitsy istorii. V 3-kh t.* [Cooperation. Pages of history. In 3 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1998. Vol. 1, book 2.
11. *Vestnik kooperatsii*, 1917, no. 4-5.
12. *Soyuz potrebiteley*, 1918, no. 17.

Received: 07 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 117–120 DOI: 10.17223/15617793/386/19

УДК 9(С)15

М.Д. Кушнарева

РАЗВИТИЕ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ АКЦИОНЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ СПИЧЕЧНОЙ И МЕХОВОЙ ФАБРИКИ «Н.П. РЫЛОВ И Ф.П. ЛЕСНИКОВ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

На основании ранее не опубликованных архивных источников была предпринята попытка выявить основные проблемы в развитии пушной торговли Акционерным обществом спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников». Автор проанализировал процесс формирования первого на территории Северо-Восточной Сибири акционерного общества в пушной торговле. Была определена динамика скупки партий пушнины акционерным обществом у промыслового населения северных округов Якутской области в 1914–1918 гг. Выявлены основные причины снижения размеров оборотных средств акционерного общества в пушной торговле, связанные с конкуренцией со стороны местного купечества, отсутствием у предприятия собственного речного транспорта и аппарата наемных приказчиков.

Ключевые слова: пушная торговля; акционерное общество; Северо-Восточная Сибирь; партия пушнины; товар.

Акционерные общества и товарищества на паях отличались тем, что в основу их деятельности был положен точно определенный устав, регламентировавший все стороны коммерческого функционирования фирмы. Устав рассматривался в Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов, а с 1906 г. – в Министерстве торговли и промышленности и утверждался императором. Эта форма объединения предоставляла большие преимущества для участников дела. Акции и паи акционерно-паевых предприятий выпускались как именные, так и на предъявителя. По мере развития капиталистических отношений некоторые единоличные предприятия преобразовались в акционерные общества. В них могли входить как экономически сильные фирмы, так и предприятия, терпевшие убытки или близкие к банкротству. Как правило, деятельность акционерных обществ была сильнее в промышленности. Создание торгово-промышленных акционерных предприятий свидетельствовало о переходе торговых фирм к производственной деятельности.

Проблема акционирования в различных отраслях российской экономики в начале XX в. уже привлекала внимание исследователей. Так, Г.Х. Рабинович рассматривает процесс акционирования в винокуренной, спичечной, мукомольной, кожевенной и пивоваренной промышленности [1. С. 100]. Крупные предприятия основывались, как правило, компаниями капиталистов, участие в них для вкладчиков было менее рискованным, чем при единоличном владении [Там же. С. 98]. Акционерные общества в Сибири были новой формой организации капитала [Там же. С. 100]. При этом согласно классификации этапов развития торговых отношений в Сибири Г.Х. Рабиновича можно выделить несколько этапов в организации пушной торговли крупными фирмами. Начало первого этапа приходится на 60–80-е гг. XIX в. На данном этапе происходит организация разъездной меновой торговли и формируется первоначальный капитал фирм в пушной торговле. Второй этап приходится на 80–90-е гг. XIX в. – начало XX в. и характеризуется созданием торговых домов с крупным капиталом. Заключительный этап продолжался с начала XX в. до 1917 г., когда деятельность крупных фирм приводила к монополизации отрасли, в том числе пушной торговли, поглощению фирм со средним и мелким капиталом. На этом этапе происходило преобразование или переход от торгового к производственному капиталу. В нашем исследовании основное внимание будет посвящено данному этапу развития пушной торговли.

По мнению Д.Я. Лившина, появление синдикатов в пушной торговле было вызвано кризисом 1900–1903 гг. в России. «В России создавались акционерные общества для ведения сбытовых операций на комиссионных началах. Это была легальная форма монополии. Такие организации заключали с участниками двусторонние контрагентские договоры, регулировавшие их взаимные отношения, централизовали весь сбыт товаров, вступали в непосредственные отношения с поставщиками и покупателями продукции, имели непосредственные связи с банками, представительными и общественными учреждениями» [2. С. 23].

По мнению А.В. Старцева, «товарищества, объединившие нескольких лиц и несколько капиталов, представляли собой мощную экономическую единицу. Они обладали более широкими финансовыми возможностями, так как их капиталы, как правило, превосходили ресурсы индивидуального частного хозяйства. В связи с этим товарищества имели преимущества в получении кредитов, что увеличивало их оборотные средства, а следовательно, и масштабы коммерческих операций в районе, тем выше была степень ассоциирования капитала» [3. С. 223].

Таким образом, анализ историографии проблемы акционирования в сфере пушной торговли позволяет сделать вывод, что учеными был рассмотрен широкий спектр проблем, однако такой вопрос, как создание и функционирование акционерного общества в пушной торговле на северо-востоке Сибири, ими был рассмотрен в меньшей степени. Остается неисследованным вопрос организации и развития пушной торговли в рамках действовавших акционерных обществ, их эффективности в ведении торговых операций в такой специфической отрасли экономики, как пушная торговля.

В связи с этим целью нашего исследования является выявление основных проблем развития пушной торговли Акционерным обществом спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» на тер-

ритории Северо-Восточной Сибири. В структурном отношении работа состоит из трех частей, в первой из которых мы попытались проанализировать процесс создания акционерного общества в пушной торговле.

Создание первого акционерного общества в пушной торговле датируется 1914 г. Это было объединение трех крупных предприятий: торговый дом «А. и М. Молчановы и Быков», «А.В. Швецов и сыновья» и дела П. Рылова и Ф.П. Лесникова. По своему происхождению учредители акционерного общества в пушной торговле не относились к местному купечеству. Братья Молчановы – выходцы из кяхтинского мещанства, Быков – подданный Китая, Рылов и Лесников – вятские предприниматели [4. Л. 11].

В Уставе Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» сформулирована цель деятельности компании – «продолжение и развитие торговых действий принадлежавших крестьянам Вятской губернии Слободского уезда Николаю Павловичу Рылову и Фролу Петровичу Лесникову фабрик спичечных и меховых изделий, находившихся в Вятской губернии, Слободском уезде при селе Спасском и для торговли предметами производства означенных фабрик и другими товарами» [Там же. Л. 12]. Правление общества состояло из трех директоров и избираемых общим собранием акционеров. Местом пребывания правления была Москва. В ведении общего собрания акционеров находились следующие вопросы: постановления о приобретении недвижимого имущества для общества, отчуждение и передача в аренду и залог такого имущества, расширение предприятия, порядок погашения затрат на приобретение имущества; избрание и смещение членов правления, членов ревизионной и ликвидационной комиссий; утверждение избранного правлением директора – распорядителя в должности; утверждение и изменение инструкции правлению и директору-распорядителю; утверждение и рассмотрение сметы расходов и плана действий на наступивший год и отчетного баланса за истекший год; распределение прибыли за истекший год; разрешение вопросов об изменении размера уставного капитала, расходование запасного капитала, изменение устава и ликвидация общества. Постановления общего собрания акционеров получали обязательную силу, когда были приняты большинством ¾ голосов, участвовавших в подаче голоса акционеров или их доверенных [Там же. Л. 11–20].

Передача учредителями другим лицам своих прав и обязанностей по обществу, присоединение новых учредителей и исключение кого-либо из учредителей допускалось только с разрешения Министра торговли и промышленности [Там же. Л. 13].

Земельная собственность общества составляла 13,5 десятин. Основной капитал 500 тыс. руб., разделенный на 1 000 акций по 500 руб. каждая. Все акции распределялись между учредителями и приглашенными к участию в обществе лицами по взаимному соглашению. Акции общества могли быть именными или на предъявителя [Там же. Л. 14]. В 1916 г. уставной капитал акционерного общества увеличился до 1 млн руб., а в 1917 г. – до 2 млн руб. [5. С. 60].

Отличительной особенностью Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» было то, что предприятие сосредоточило три основных операции с пушниной: скупку, обработку пушнины и изготовление изделий из меха, сбыт пушнины и меховых изделий на крупнейших российских и международных рынках.

Процедура вхождения торговых домов «А.В. Швецов и сыновья» и «А. и М. Молчановы и Быков» в состав акционерного общества выражалась в том, что в 1915 г. служащим торгового дома «А.В. Швецов и сыновья» было объявлено следующее: главными участниками Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» являются члены торгового дома «А.В. Швецов и сыновья». Дальнейшая работа Якутского отделения будет вестись под руководством тех же самых лиц. Далее служащим торгового дома была объявлена благодарность за работу с «ожиданием дальнейшего продолжения сотрудничества» [6. Л. 3]. Все служащие Якутского отделения торгового дома «А. и М. Молчановы и Быков» также перешли в распоряжение акционерного общества, которое выразило надежду на то, «что в деле останутся все те, кто работал в нем ранее» [7. Л. 4].

С 1915 г. бывшие приказчики торговых домов «А.В. Швецов и сыновья» и «А. и М. Молчановы и Быков», будучи доверенными лицами Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», продолжили работу и отчитались о результатах промыслового сезона, закупочных ценах на пушнину [8. Л. 1].

Во второй части нашего исследования рассмотрим особенности организации пушной торговли новым акционерным обществом на территории Северо-Восточной Сибири.

Приведем примеры закупочных партий пушнины акционерного общества за 1914–1917 гг.

В 1914–1915 гг. акционерное общество скупало пушнину в промысловых округах в среднем на сумму от 10 до 30 тыс. руб. Низкий уровень доходности от скупки пушнины приказчики фирмы объясняли «неурожаем» основных пушных видов, малочисленностью промысловиков в округах [Там же. Л. 5].

В 1916 г. Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» совместно с Громовыми приобрело часть партии пушнины у Г.В. Никифорова. Партия состояла из 2 609 шкурок горностая, 21 050 шкурок белки, 10 шкурок песца, 5 шкурок лисицы «сиводушки», 800 шкурок красной лисицы. Партия оценивалась на сумму 41 200 руб. [9. Л. 115, 116].

В 1916 г. приказчиками акционерного общества была скуплена партия пушнины на сумму 126 500 руб., в 1917 г. из промысловых округов прислали пушнины на 387 700 руб. [10. Л. 15, 15 об., 16, 16 об., 17].

Всего за отчетный период 1916 г. акционерное общество закупило пушнины на 10 136 000 руб., за отчетный период 1917 г. – 1 673 000 руб. [10. Л. 15, 16].

Основными промысловыми районами, где велась скупка пушнины акционерным обществом, являлись

Колымский, Верхоянский, Жиганский, Якутский округа Якутской области [10. Л. 15, 15 об., 16, 16 об., 17].

С целью расширения районов и объемов скупаемой пушнины на северо-востоке Сибири акционерное общество в 1918 г. купило дело торгового дома «Наследники А.И. Громовой» в Кюсюре. После принятия дела Громовых выяснилось, что пушное дело в Кюсюре находилось в упадке. Отсутствовали товары, переданные акционерному обществу по описи, в кассе не хватало значительного количества денежных средств, более того, дело имело долги перед разными кредиторами. Совет акционеров принял решение об инвестировании денежных средств в пушное дело в Кюсюре и о создании конкурентоспособного отделения общества в северных округах.

Это заставило акционерное общество ограничить выдачу денег и товаров постоянным клиентам. В результате некоторые клиенты общества были вынуждены дополнить свои потребности товарами и кассой, кредитуясь у «Северного торгово-промышленного товарищества», обязуясь сдать за это часть собственного промысла при расчете весной. Таким образом, акционерное общество фактически потеряло часть своих постоянных скупщиков пушнины, которые вошли в финансовую зависимость от «Северного торгово-промышленного товарищества».

Акционерное общество вложило значительные средства в создание конкурентоспособного дела из предприятия торгового дома «Наследники А.И. Громовой» в Кюсюре, но достичь поставленной цели обществу не удалось. На основании данных главной книги акционерного общества, в развитие пушного дела в Кюсюре было вложено от 450 до 500 тыс. руб. [10. Л. 1–9]. В результате в 1918 г. Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» прекратило доставку и отпуск товаров из Булуна и Кюсюра, закрыло подотчетность клиентов фирмы в этом районе и передало дело братьям Санниковым [10. Л. 11, 11 об., 12, 12 об., 13].

С начала 1918 г. под давлением конкуренции со стороны местного купечества в лице торговых домов «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарева», «Северное торгово-промышленное товарищество», «Г.В. Никифоров» компания теряет свои позиции в пушной торговле [Там же].

Более того, акционерное общество столкнулось с тем, что высокие цены на пушнину в северных округах устанавливались скупщиками, командированными туда торговыми домами «Наследники А.М. Кушнарева», Бидермана, «Г.В. Никифоров», что лишило общество возможности приобретать более или менее крупные партии пушнины. Акционерное общество, вынуждая своих клиентов приобретать пушнину по высокой цене, постепенно лишилось большинства поставщиков, что в условиях северной торговли привело к разрыву деловых связей с промысловым населением и нанесло существенный вред торговому делу. Главный бухгалтер акционерного общества спичечной и меховой фабрики Перевалов в своем обращении к Совету акционеров писал: «...испортив старые добрые отношения, при том наличии самолюбия северного аборигена, едва ли возможно было бы его восстановить вновь» [10. Л. 13].

Установление высоких закупочных цен торговым домом «Наследники А.М. Кушнарева» свидетельствует о том, что фирма стремилась избавиться от конкурента в лице Акционерного Общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», вкладывала средства в поглощение независимых скупщиков, приобретала крупные партии пушнины по высоким ценам. Установление высоких закупочных цен на пушнину препятствовало ее скупке другими фирмами, особенно если доверенные этих фирм не имели достаточного количества наличных денег. К 1918 г. обороты акционерного общества в пушной торговле начинают снижаться. Так, в 1918 г. в Абые акционерное общество приобрело пушнины на сумму 37 750 руб. [10. Л. 11, 11 об.]. В 1918 г. акционерному обществу удалось закупить пушнины в Колымском округе на сумму 37 377,50 руб. При этом партия состояла из песца II сорта, красной лисицы и небольшого количества белки [10. Л. 12, 12 об.].

В заключительной части исследования мы предприняли попытку выявить основные проблемы организации пушной торговли Акционерным обществом спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» на северо-востоке Сибири. Можно выделить несколько групп экономических факторов, которые повлияли на развитие пушного дела акционерного общества.

1. В отделениях общества отсутствовал необходимый ассортимент товаров в достаточном количестве.

2. Приказчики общества испытывали нехватку наличных денег для скупки пушнины.

3. Общество не получало полных и своевременных сведений о состоянии пушного рынка.

4. Предприятие не перешло от розничной торговли с мелкими поставщиками пушнины к оптовой торговле с крупными промышленниками, как сделали к началу XX в. фирмы «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарева», «Северное торгово-промышленное товарищество», «Г.В. Никифоров» и др. Розничная торговля только осложняла ведение дела, так как загружала служащих, а прибыль не повышала.

5. Общество потеряло большинство своих клиентов и не создало надежной системы приказчиков, работавших в сфере скупки пушнины за денежное вознаграждение от фирмы.

6. Предприятие продолжало скупку пушнины на побережье Северного Ледовитого океана в Колымском округе, где в начале XX в. были слабо развиты пути сообщения, затруднены поставки грузов через устье р. Колымы. Товары завозились обществом через Якутск, что существенно влияло на их стоимость. Кроме того, акционерное общество на данной территории было вынуждено конкурировать с американскими торговцами.

7. Предприятие было ослаблено инвестированием денежных средств в отделение в Кюсюре. При этом существенных результатов такая деятельность общества в сфере пушной торговли не дала, поскольку район Булуна и Кюсюра контролировался фирмами Громовых и Кушнаревых, имевших собственный речной флот, налаженные деловые связи с промыс-

ловиками, развитую сеть приказчиков и организовавших оптовое снабжение население края продуктами и товарами первой необходимости. Таким образом, акционерное общество не смогло создать монополию в торговле пушниной на северо-востоке Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975. 357 с.
2. *Лившин Я.И.* Монополии в экономике России. М., 1961. 446 с.
3. *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (II половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 306 с.
4. *Национальный* Архив Республики Саха (НАРС (Я)), Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 2.
5. *Захаров В.П.* Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995. 135 с.
6. НАРС (Я). Ф. 419 (Торговый Дом «А.В. Швецов и сыновья»). Оп. 1. Д. 16.
7. НАРС (Я)). Ф. 418 (Торговый Дом «А. и М. Молчановы и Быков»). Оп. 1. Д. 10.
8. НАРС (Я). Ф. 420. Оп. 1. Д. 16.
9. НАРС (Я). Ф. 420. Оп. 1. Д. 5.
10. НАРС (Я). Ф. 420. Оп. 1. Д. 15.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 мая 2014 г.

DEVELOPMENT OF FUR TRADE BY "N.P. RYLOV AND F.P. LESNIKOV" JOINT STOCK COMPANY OF MATCH AND FUR FACTORY IN NORTH-EASTERN SIBERIA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 117-120. DOI: 10.17223/15617793/386/19

Kushnaryova Margarita D. Irkutsk State University (Irkutsk , Russian Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

Keywords: fur trade; corporation; north-eastern Siberia; lot of fur; goods.

This article analyzes the establishment and functioning of "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov" Joint Stock Company of Match and Fur Factory on the territory of North-Eastern Siberia. Particular attention is paid to the organizational factors of establishing the Joint Stock Company, the amount of the authorized capital in 1914, 1917, and 1918. Parts of the new company in the fur trade became such major companies as "A.V. Shvetsov and Sons" and "A. and M. Molchanov and Bykov" trading houses. These companies were long engaged in buying furs and mammoth ivory from the indigenous population of North-Eastern Siberia. The main purpose of the Company was trading and production activities, including the purchase and sale of furs to the population of North-Eastern Siberia. In addition, the participation of the enterprises of the Molchanov and the Shvetsov brothers in the Company implied strengthening its positions in the fur trade on the basis of pooling the capital. The process of merging enterprises into a single company did not entail significant changes in the internal structure of the enterprises, preserved areas of trading and trading houses staff. In the second part of the study the sizes of buying furs in the commercial areas of North-Eastern Siberia are analyzed, and it is concluded that the greatest lots of the Siberian "soft stuff" were purchased by the Company in 1916-1917. In order to expand the fur business in 1918 the Company buys the business of "Heirs of A.I. Gromova" trade house in Kyusyur. Substantial investments in the case did not lead to the desired result of an extension of the commercial territories and acquiring new customers. In 1918 the Company was forced to close the business and give it to the Sannikov brothers company. This economic policy of the Company weakened its position, problems arose with the issuance of cash to buy up furs, the size and value of fur lots in 1918 reduced significantly. In addition, the corporation experienced ф strong economic impact of the local Yakut merchants in the face of "Heirs of A.I. Gromova", "Heirs of A.M. Kushnarev", "Northern Commercial and Industrial Association", "G.V. Nikiforov" trade houses. The houses established inflated purchase prices for furs at the end of the commercial season, thereby depriving the Company of large fur lots. The Company's turnover also reduced due to the fact that it concentrated its activities in the Kolyma District of Yakutsk Region subjected to a strong economic influence of American merchants. Delivery of goods for fur producers was complicated by the lack of the Company's own fleet, the remoteness of the area and non-development of communication lines. Thus, the Company did not become a monopoly in the fur trade in the North- Eastern Siberia.

REFERENCES

1. Rabinovich G.Kh. *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [Big bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia of late 19th – early 20th centuries]. Tomsk, 1975. 357 p.
2. Livshin Ya.I. *Monopolii v ekonomike Rossii* [Monopolies in the Russian economy]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1961. 446 p.
3. Startsev A. V. *Russkaya torgovlya v Mongolii (II polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Russian trade in Mongolia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State Univeristy Publ., 2003. 306 p.
4. The National Archives of the Republic of Sakha (NARS (Ya)), Fund 420 ("N.P. Rylov and F.P. Lesnikov" Joint Stock Company of Match and Fur Factory). List 1. File 2. (In Russian).
5. Zakharov V.P. *Pushnoy promysel i torgovlya v Yakutii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Fur trade and commerce in Yakutia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1995. 135 p.
6. The National Archives of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 419 ("A.V. Shvetsov and Sons" trading house). List 1, File 16.
7. The National Archives of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 418 ("A. and M. Molchanov and Bykov" trading house). List 1. File 10.
8. The National Archives of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 420. List 1. File 16.
9. The National Archives of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 420. List 1. File 5.
10. The National Archives of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 420. List 1. File 15.

Received: 21 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 121–129 DOI: 10.17223/15617793/386/20

УДК 94(571.1/.5)

Е.В. Луков

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ» В 1990-е гг.

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Анализируется внешнеэкономическая деятельность ассоциации «Сибирское соглашение», в рамках которой шло объединение усилий власти, науки и бизнеса в установлении регионами внешних связей. Делается вывод о том, что межрегиональное взаимодействие стало одним из основных механизмов выхода сибирских территорий на внешний рынок, а также формирования соответствующей институциональной среды как на региональном, так и на федеральном уровне. Реализация межрегиональных проектов повышала интерес различных стран к Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; «Сибирское соглашение»; внешнеэкономическая деятельность; регионоведение России.

Реформы, начавшиеся в нашей стране во второй половине 1980-х гг. под лозунгами демократизации и повышения эффективности общественной системы, резко ослабили влияние центра на все сферы жизни. Последовавшие за этим процессы дезинтеграции единого союзного пространства затронули и Россию, политические элиты которой провозгласили курс на децентрализацию управления, либерализацию экономической системы и выстраивание федеративных отношений. Тем самым, с начала 1990-х гг. российские регионы оказались в новой для себя ситуации правовой неопределенности, когда провозглашенные принципы демократизации и либерализации еще не были закреплены в новых институтах. В условиях спонтанности реформ и острой политической борьбы правовое поле приобретало неустойчивость и подвижность. С одной стороны, это углубляло кризис, охвативший все сферы жизнедеятельности, с другой – создавало возможность для перераспределения полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации.

Одной из таких новых сфер деятельности для регионов стало развитие внешнеэкономических связей, благодаря которым местные власти планировали быстро интегрироваться в мировую экономику и выйти из кризиса. Подобные надежды основывались и на явном интересе со стороны иностранных деловых кругов к Сибири. Однако по мере первых попыток сибирских территорий включиться во внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) стали очевидны многие проблемы, решить которые на уровне регионов оказалось сложно. Прежде всего, отсутствовали необходимый опыт и соответствующая институциональная среда. Нарастала конкуренция между самими территориями Сибири в плане предложения на внешнем рынке экспортных товаров, что приводило к потере прибыли. Ситуация усугублялась наличием серьезных рисков для иностранных участников экономического взаимодействия с сибирскими регионами. Выход виделся в объединении усилий в сфере внешнеэкономических связей как между территориями Сибири, так и регионов с федеральным центром. Институтом, в рамках которого реализовывался курс на взаимодействие, стала созданная в 1990 г. Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» (МАСС). Деятельность Ассоциации в сфере внешних связей развивалась по различным направлениям, однако формат статьи позволяет остановиться на анализе лишь основных из них.

Важнейшим условием для развития ВЭД стало обеспечение ее правовой основы. Совместное участие во внешнеэкономической деятельности изначально было закреплено в учредительных и уставных документах Ассоциации в качестве одного из принципов взаимодействия [1]. Однако этого оказалось недостаточным, чтобы стать «коллективным участником» ВЭД, поскольку существующее законодательство не учитывало таких новых объединений, как межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия (МАЭВ). «Сибирскому соглашению» было отказано в регистрации в качестве участника ВЭД [2. Л. 57]. Определенные подвижки в закреплении полномочий МАСС во внешнеэкономической деятельности были связаны с визитом Б.Н. Ельцина в Новосибирск. Избранный, но еще не вступивший в должность Президент РФ, нуждаясь в поддержке регионов, 1 июля 1991 г. подписал специальное распоряжение, регулирующее деятельность «Сибирского соглашения» [3]. По нему участникам Ассоциации предоставлялось право проводить лицензирование экспорта и импорта товаров, выдавать разрешения на создание предприятий за рубежом, а также регистрировать предприятия и организации независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности в качестве участника внешнеэкономической деятельности.

После распада СССР важнейшим документом, определившим основы Российского государства, стал Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 г. По нему внешняя политика, международные и внешнеэкономические отношения были отнесены к ведению федеральных органов государственной власти. В то же время в Договоре говорилось о том, что субъекты Федерации «являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей». Конституция 1993 г. также закрепила внешние связи за Центральным Федеральным окургом, но координация международных и внешнеэкономических отношений субъектов Федерации была отнесена к совместному ведению. При этом отметим, что фактически до конца 1990-х гг. регионы продолжали апеллировать к нормам Федеративного договора, в том

числе к положению о своей «самостоятельности» в области международных связей. При этом у Министерства иностранных дел (МИД) и Министерства внешнеэкономических связей (МВЭС) были ограничены возможности влиять на регионы в случае превышения ими своих полномочий. Таким образом, в выстраивании взаимодействия, создании соответствующих норм и институтов были заинтересованы не только субъекты Федерации, но и Центр.

Развитие федерального законодательства, непосредственно касающегося МАЭВ, отразило их возрастающее влияние на социально-экономическую политику. Требования сибирских регионов нашли отражение в подготовленном в рамках МАСС проекте Указа Президента РФ «О внешнеэкономической деятельности МАСС». В нем речь шла об установлении экспортных квот для регионов, о льготах при уплате экспортных пошлин, выделении федеральных средств на реконструкцию объектов транспортной инфраструктуры, предоставлении государственных гарантий иностранным инвесторам и др. [4]. Этот указ остался неподписанным, однако вскоре Правительством РФ было утверждено «Временное положение», по которому ассоциации могли участвовать в обсуждении внешнеэкономической деятельности на федеральном уровне, а также взаимодействовать «с министерствами и ведомствами РФ в области развития культурных и экономических связей с зарубежными странами» [5]. По Федеральному закону от 17 декабря 1999 г. МАЭВ получили право разрабатывать и направлять в центральные органы предложения по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации [6].

Полученные «Сибирским соглашением» полномочия в сфере внешнеэкономической деятельности закреплялись на федеральном уровне институционально в форме новых механизмов взаимодействия. Так, в работе советов «Сибирского соглашения» участвовали глава правительства или его первые заместители. По результатам таких встреч формировались поручения министерствам и ведомствам, по которым принимались соответствующие меры [7. Л. 10]. Взаимодействие «Сибирского соглашения» с центральными органами власти и управления осуществлялось через подписание соглашений (деклараций) о сотрудничестве. В частности, такие соглашения были подписаны с палатами Федерального собрания, Правительством, МИД, МВЭС, Торгово-промышленной палатой, Государственным таможенным комитетом и т.д. [8]. Представители МАСС, с одной стороны, включались в состав различных рабочих групп федеральных органов, а также принимали участие в заседаниях их координационных и консультативных органов. С другой стороны, представители центральных ведомств участвовали в работе координационных советов «Сибирского соглашения». Используя сложившиеся механизмы взаимодействия, Ассоциация могла корректировать проекты нормативных актов, программы, концепции и т.д. В частности, были предложены поправки к законам о ВЭД, таможенном тарифе, статусе приграничных регионов, зонах свободной торговли на границе, государственной поддержке развития приграничных территорий и др. Все это позволяло усиливать региональный аспект внешнеэкономической политики государства. Позиция регионов отстаивалась и в ходе парламентских слушаний, в том числе посвященных сотрудничеству с различными странами и регионами мира. По договоренности с федеральными органами власти представители МАСС включались в различные российские комиссии, комитеты, делегации и т.д. Так, например, начиная с сентября 1992 г. представители Ассоциации (в составе российской делегации) участвовали в работе Советов тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС).

Достаточно серьезной проблемой в отношениях центра и регионов в сфере ВЭД оставался вопрос о разделе полномочий, обострение которого происходило в ситуациях резкого углубления социально-экономического и политического кризиса. Так, на состоявшемся в начале марта 1994 г. в Москве Совете МАСС достаточно жестко прозвучали требования Ассоциации к правительству. К ним относились: отмена регистрации экспортеров стратегически важных сырьевых товаров, снижение до 25% норматива обязательной продажи валютной выручки от экспорта, утверждение размеров региональных экспортных квот в объеме не менее 20% от производимой на территории Ассоциации продукции, передача регионам не менее 30% поступлений от уплаты таможенных пошлин, акцизов, НДС, штрафных санкций и т.д. [9].

К концу 1990-х гг. деятельность МАЭВ в развитии внешнеэкономических связей стала достаточно заметным явлением, о чем, в частности, свидетельствовало состоявшееся в феврале 2000 г. заседание Консультативного совета МИД России с повесткой дня «О проблемах участия межрегиональных ассоциаций в развитии международных, внешнеэкономических и приграничных связей субъектов РФ». По итогам заседания было заявлено о дальнейшей поддержке внешнеэкономической деятельности Ассоциации со стороны министерства.

Деятельность «Сибирского соглашения» в сфере ВЭД на межрегиональном уровне включала несколько направлений. Прежде всего, шло создание органов, обеспечивающих взаимодействие регионов при осуществлении внешних связей.

Первоначально решения по внешнеэкономической деятельности, как и по другим направлениям взаимодействия, принимались на Совете МАСС, а выполнение решений координировалось Исполнительной дирекцией Ассоциации и ее представительствами в регионах. Только в ноябре 1992 г. в структуре МАСС стали появляться специализированные органы – координационные советы. Первым из них как раз стал Координационный совет по внешнеэкономической деятельности, вскоре переименованный в Координационный совет по внешним связям (КС ВС). Первоначально его возглавил председатель Красноярского краевого совета В.А. Новиков. 26 июня 1994 г. на эту должность был выбран Президент Республики Тыва Ш.Д. Ооржак [10]. Для оперативной работы назначался ответственный секретарь, которым стал С.В. Тихомиров, одновременно являвшийся заместителем генерального директора по внешнеэкономической дея-

тельности Исполнительной дирекции (ИД) МАСС. В состав КС входили руководители внешнеэкономических подразделений территорий – членов «Сибирского соглашения» (по должности), а также представители научных и предпринимательских структур [11. Л. 15, 18]. Всего КС начитывал от 20 до 30 членов. Постепенно, в ходе деятельности, сложилась практика создания рабочих экспертных групп, которые из временных, связанных с реализацией конкретных проектов, превратились в относительно стабильные, работавшие по утвержденным направлениям. Аналитическая работа по развитию ВЭД велась экспертами СО РАН и Центра международных исследований Томского государственного университета.

Аналитический материал, представленный рабочими группами и научными учреждениями, рассматривался на заседаниях Координационного совета и на основании этого готовились проекты решений, которые выносились на Совет МАСС. Наряду с этим КС должен был решать вопросы финансирования своей деятельности, рассматривать предложения иностранных партнеров и обеспечивать доступ членов «Сибирского соглашения» к соответствующей информации и материалам. Заседания КС ВС должны были проводиться ежеквартально для «оперативного реагирования» и совместной экспертизы документов. На постоянной основе в составе ИД МАСС работал департамент по внешнеэкономической деятельности.

Наряду с горизонтальной (межрегиональной) структурой взаимодействия в сфере ВЭД создавались органы и институты вертикального взаимодействия между Ассоциацией и федеральной властью. В заседаниях КС ВС принимали участие представители федеральных органов, в том числе МИД и МВЭС, в ходе которых обсуждались конкретные механизмы сотрудничества [12. Л. 237, 238]. В 1994 г. при МВЭС РФ была образована рабочая группа по организации взаимодействия с территориями «Сибирского соглашения» во внешнеэкономической сфере [11. Л. 17]. С этого времени начались регулярные заседания рабочих групп МАСС и МВЭС, на которых вырабатывались предложения по дальнейшему развитию внешнеэкономической деятельности территорий [13]. Представитель МАСС был включен в состав Координационного совета при МВЭС по внешнеэкономическим связям территорий. В 1997 г. «Сибирское соглашение» выступило с инициативой создания представительства МВЭС России в рамках Ассоциации, однако из-за реорганизации министерства данная идея не была реализована [14. Л. 38]. При этом с новым Министерством торговли в октябре 1999 г. «Сибирским соглашением» была подписана Декларация о сотрудничестве [15]. В структуре министерства был сохранен Координационный совет по внешним экономическим связям, а в состав его Бюро вошел представитель МАСС [16. Л. 109].

Для кадрового обеспечения международных связей территорий Сибири Ассоциацией был проведен ряд семинаров, налажено сотрудничество с учебными центрами. Оказывалась поддержка Томскому госуниверситету в подготовке сибирских специалистов-международников [17. Л. 15–17]. Получила поддержку КС ВС инициатива Торгово-промышленной палаты РФ о создании межрегионального центра делового образования [11. Л. 25].

Важной частью взаимодействия стала разработка программ, в которых ставились соответствующие задачи и определялись направления развития ВЭД. 10 июля 1992 г. Совет МАСС принял Концепцию комплексной программы развития Сибири, в которой указывалось, с одной стороны, на то, что Сибирь обеспечивает более половины экспортной выручки России, с другой – признавалось, что в ближайшей перспективе вряд ли удастся кардинально преобразовать сырьевую структуру сибирского экспорта. Частично улучшить ситуацию предлагалось за счет «отходов основного производства и “бросового” сырья» (шлаки в металлургии, отвалы угледобычи, горельник и топляк в лесном комплексе и т.д.). Увеличить экспорт также предполагалось за счет наукоемких производств, при объединении науки и конверсируемых предприятий. Дополнительным ресурсом могло стать развитие международного туризма и создание на территории Сибири свободных экономических зон [18].

Специальную Программу совместных действий членов Ассоциации во внешнеэкономической деятельности Совет МАСС утвердил 16 февраля 1993 г. на заседании в Томске, предложив рассматривать её в качестве одного из важных факторов стабилизации экономики Сибири и России в целом. Одной из поставленных в Программе задач стало законодательное закрепление отношений между регионами и центром при распределении экспортных квот, валютной выручки, установлении тарифов, выдачи лицензий и т.д. Закреплялось требование о снижении ценового и таможенного регулирования при проведения экспортно-импортных операций со странами Ближнего зарубежья. На том же Совете МАСС было принято решение о разработке Сибирской программы международных исследований, в научный совет которой вошли представители Томского государственного университета, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и Университета Сибири [19. Л. 25, 26].

Однако вскоре работа по разработке концепции и программы внешнеэкономической деятельности МАСС из-за отсутствия средств была приостановлена [17. Л. 15–17]. Стимулом для продолжения взаимодействия регионов в сфере внешних связей стала разработка Федеральной целевой программы (ФЦП) «Сибирь», работа над которой велась во взаимосвязи с общероссийской стратегией развития ВЭД. В результате взаимодействия территорий, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН при координирующей деятельности КС ВС был подготовлен раздел по ВЭД ФЦП «Сибирь», который рассматривался как основной программный документ для дальнейшей совместной внешнеэкономической деятельности территорий [20. Л. 47]. Несмотря на то что предложения регионов о ВЭД анализировались и обобщались в ходе работы над ФЦП «Сибирь», продолжала существовать проблема объединения усилий регионов по проведению согласованной линии в сфере внешнеэкономической деятельности.

Важнейшей задачей в 1990-х гг. оставалась координация внешнеэкономической деятельности и согласование действий по ключевым позициям. Все это отразилось в конкретных мерах по регулированию экспортно-импортных операций. Уже в 1992 г. было отмечено, что экспортная продукция регионов Сибири однотипная и это превращает участников ВЭД в конкурентов. Решением проблемы могло быть введение «квотирования рынков сырья и материалов, регулирования и поддержания уровня цен на экспортируемые товары, упорядочение… бартерных сделок» [21. Л. 4]. Одним из механизмов стало создание специальных структур, таких как биржа цветных и драгоценных металлов, производимых на территориях МАСС. Однако с середины 1990-х гг. главным вопросом регулирования становится не внутрисибирская конкуренция, а защита сибирских товаропроизводителей в связи с подготовкой вступления России в ВТО. Без учета региональных особенностей это могло привести к тому, что «производство товаров в Сибири окажется неконкурентоспособным, производство будет уничтожено» [22. Л. 71]. По заданию МАСС Институтом экономики СО РАН был подготовлен прогноз о возможных таможенных режимах для сибирских регионов после вступления России в ВТО [23. Л. 71].

Еще одной проблемой, требующей регулирования, стало стимулирование развития экспортного потенциала сибирских производителей [24. Л. 119]. С целью обеспечения благоприятных условий для доступа сибирских товаров на внешние рынки были подготовлены и подписаны рамочные соглашения о сотрудничестве с Министерством промышленности Республики Словакия, ассоциацией внешней торговли Финляндии, инновационной структурой Франции – INOVA, с индийским научно-техническим центром в Дели, Ассоциацией делового сотрудничества «VEXIM» (Эстония) [20. Л. 47, 48]. Шли переговоры о сотрудничестве с промышленным консорциумом «Аирбас индустрии», в состав которого входили Франция, ФРГ, Испания и Великобритания. В ходе визита специалистов консорциума в сибирские регионы ими изучался потенциал предприятий с целью размещения ряда заказов и развития производственной кооперации [23. Л. 71]. Для продвижения сибирской продукции на внешние рынки при участии МАСС были проведены следующие мероприятия: Межрегиональная конференция «Привлечение отечественных и иностранных инвестиций в экономику Западно-Сибирского региона» (январь 1998 г., Новосибирск), Всероссийский экономический форум «Восток − Сибирь − Запад» (октябрь 1999 г., Новосибирск), два российско-итальянских технологических симпозиума по деревообработке (июнь 1999 г., Иркутск, Новосибирск) и др. [25. Л. 40–43].

Особым направлением деятельности «Сибирского соглашения» совместно с МИД РФ являлась работа по привлечению инвесторов. Уже в Программе совместных действий (1993 г., Томск) указывалось на необходимость разработки нормативных документов, предоставляющих право извлекать пользу из имеющиеся на территории участников МАСС природных ресурсов для формирования залогового фонда территорий и использования этого фонда в финансовых отношениях с иностранными инвесторами. Среди мер, направленных на привлечение инвесторов, можно выделить участие представителей Ассоциации в специальных семинарах и инвестиционных биржах; разработка инвестиционных проектов и бизнес-планов по мировым стандартам; велись переговоры с влиятельными банками Азиатско-Тихоокеанского региона; разрабатывались мероприятия по обеспечению гарантий инвесторам, в частности, обсуждался механизм залогового фонда МАСС, который бы формировали регионы, входившие в Ассоциацию. В качестве специфического вида инвестиций регионы предлагали использовать долги других стран России (Индия, Вьетнам и др.), часть которых могла пойти на финансирование региональных программ [24. Л. 119]. Для привлечения иностранных инвестиций также разрабатывались проекты свободных экономических зон (СЭЗ) «Тыва» и «Горный Алтай».

Развитие международного туризма рассматривалось Ассоциацией как важная рентабельная отрасль региональной экономики, позволяющая решать проблемы наполнения местных и федерального бюджетов. Для совместного продвижения сибирского «турпродукта» на внутренний и международный рынки в 1997 г. была создана Комиссия по туризму КС по внешним связям. В нее вошли руководители органов управления туризмом администраций территорий и представители турбизнеса. В рамках деятельности Комиссии туристическим фирмам оказывалась законодательная поддержка на федеральном уровне. При содействии КС ВС был издан «Атлас туристско-рекреационной структуры Западной Сибири» на русском и английском языках. В нем были представлены Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области. Атлас получил высокую оценку на федеральном уровне, а Госкомитет по физической культуре и туризму РФ поддержал проект, отметив важность его ежегодного издания [20. Л. 49]. В 1998 г. под эгидой «Сибирского соглашения» были проведены три международные туристические выставки: «Байкалтур-98» (Иркутск), «ТурСиб-98» (Новосибирск) и «АлтайТур-98» (Барнаул) [23. Л. 118, 119]. В 1999 г. началась реализация проекта «Чайный путь», имеющего целью создание совместного сибирского туристического маршрута по аналогу имеющихся в европейской части России маршрутов, таких как «Золотое кольцо России» [25. Л. 40–43].

Обязательным условием развития ВЭД считалось создание единого информационного пространства. Одной из задач стало создание собственного регионального информационного центра «Сибирского соглашения». После проработки ряда проектов 15 мая 1997 г. при участии МАСС в Новосибирске был открыт Западно-Сибирский межрегиональный информационный центр по вопросам внешней торговли, который стал частью проекта Всемирной торговой сети (GTPNet), осуществляемого под эгидой Конференции по торговле и развитию ООН (ЮНКТАД). Создание такого Центра способствовало объединению в одном месте деятельности внешнеторговых структур – таможни, банков, транспортных и страхо-

вых компаний и т.д., что позволяло комплексно оказывать услуги региональным участникам ВЭД. Наряду с этим Центр предоставлял необходимую коммерческую информацию, а также имел выход на глобальные торговые сети. Совместно с ИД МАСС Центр приступил к формированию программы своей деятельности. Участники «Сибирского соглашения» приглашались к сотрудничеству с ЗСЦВТ, в том числе для повышения своей инвестиционной привлекательности, распространения информации о предприятиях и их коммерческих предложений и т.д. [26. Л. 66]. Однако из-за отсутствия средств не был осуществлен в полном масштабе проект информационно-аналитического обеспечения внешнеэкономической деятельности «Сибирского соглашения» [17. Л. 15–17].

Первоначально одним из способов выхода сибирских территорий на внешние рынки стала организация Ассоциацией встреч с представителями зарубежных фирм, на которые приглашались руководители регионов, а также коммерческие структуры. В частности, уже летом 1992 г., с целью налаживания делового сотрудничества, была организована поездка в Сибирь группы старших дипломатов и бизнесменов (около 50 человек) восьми стран АТР. Параллельно шла работа по включению «Сибирского соглашения» в крупные международные проекты. Так, в 1992 г. МАСС стала учредителем Международной программы «Интегратор-XXI», целью которой являлось создание и реализация общей стратегии развития Сибири и Дальнего Востока в рамках единого экономического пространства с привлечением финансового и научно-технического потенциала государств Азиатско-Тихоокеанского региона [21. Л. 4].

Вскоре «Сибирское соглашение» выступило одним из учредителей Российского национального комитета азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, основной целью которого является координация усилий по развитию взаимодействия сибирских территорий со странами АТР. На базе Дальневосточной и Сибирской ассоциаций были образованы два региональных центра РНК ТЭС. На заседании Президиума Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству 28 ноября 1992 г. «Сибирскому соглашению» было поручено разработать две программы для Сибири и Дальнего Востока: по сельскому хозяйству и по энергетике и ресурсам, и представить их на рассмотрение комитету.

Новый импульс участию сибирских территорий в интеграционных экономических процессах в АТР был дан со вступлением России в 1998 г. в Международную организацию – Азиатско-Тихоокеанское экономическое содружество (АТЭС). Представители координационных советов МАСС были включены в состав российской части соответствующих международных рабочих групп – по энергетике, телекоммуникациям, науке и технологиям, малому и среднему бизнесу, по туризму [23. Л. 71, 72].

Одним из широкомасштабных, стратегически важных для Сибири и в целом для России международных проектов стал проект «Энергомост “Восточная Сибирь – Восточный Китай”», в рамках которого предполагался экспорт в Китай избыточной электроэнергии (на первом этапе 30–40 млрд кВт·ч в год) [23. Л. 70]. В целях изучения позиции китайской стороны и создания позитивного отношения к проекту был проведен российско-китайский семинар «Научно-техническое сотрудничество сибирских территорий с КНР» (Пекин), а информация по проекту доведена до заинтересованных правительственных структур КНР. В период информационной выставки в Улан-Баторе первичное обсуждение проекта было проведено с руководством министерства энергетики Монголии [20. Л. 48]. Проект был представлен на двух парламентских слушаниях в Государственной думе РФ: «Сотрудничество между Россией и Китаем в области энергетики – традиции, реальные результаты и перспективы» (Москва, март 1998 г.) и «Россия и АТР» (Иркутск, октябрь 1998 г.). Участникам слушаний, в том числе руководящим сотрудникам посольства КНР в России, были представлены доклады по проекту и предложения для включения в рекомендации слушаний. Также рекомендации направлены в Правительство РФ, заинтересованные министерства и ведомства, а также китайской стороне [23. Л. 117].

Одной из приоритетных форм распространения информации и налаживания деловых связей за рубежом стала выставочно-ярмарочная деятельность сибирских территорий. Сами участники Ассоциации оценивали ее как наиболее эффективный инструмент рыночной экономики и необходимый инфраструктурный элемент ВЭД. В этой сфере с «Сибирским соглашением» активно сотрудничали Министерство внешнеэкономических связей и Торгово-промышленная палата, при содействии которых МАСС принимала участие в международных выставках, форумах, конференциях деловых кругов. Это позволяло «Сибирскому соглашению» устанавливать прямые контакты с зарубежными фирмами и международными экономическими организациями.

Обобщив первый опыт проведения выставок и ярмарок, КС ВС указал на ряд факторов, в силу которых была необходима координация деятельности сибирских выставочных комплексов. Среди них – отсутствие выставочных традиций, длительная изоляция от внешнего мира, географические масштабы, уникальные сырьевые и промышленные возможности сибирских регионов [11. Л. 22 об.]. В 1995 г. при КС ВС был образован и начал работу Совет ярмарок и выставок, в задачи которому вменялось развитие выставочно-ярмарочного дела и проведение единой согласованной деятельности сибирских регионов в указанной сфере. Членами Совета приглашались стать на добровольной основе все сибирские выставочные организации. Местом постоянной дислокации штаб-квартиры Совета ярмарок и выставок определялся город Красноярск (на площадях АОЗТ «Красноярская ярмарка») [11. Л. 22 об., 23]. Работа по созданию горизонтальных структур дополнялась выстраиванием вертикальных связей. КС ВС МАСС поддержал предложение ТПП РФ и Союза выставок и ярмарок по созданию Комиссии Правительства РФ по выставочно-ярмарочной деятельности. Наряду с этим активно прорабатывался вопрос о создании Российского фон-

да поддержки выставочно-ярмарочной деятельности [11. Л. 24 об.].

Особенно координирующая роль Совета по выставкам и ярмаркам оказалась востребована в условиях экономического кризиса 1998 г., когда стали закрываться ярмарки, сокращалась площадь арендуемых площадей, специализированные выставки вынужденно расширяли свой профиль. Приоритетным направлением деятельности Совета должно было стать проведение единой согласованной выставочно-ярмарочной деятельности сибирских регионов, а также достижение большей координации, концентрации и специализации ярмарочных центров. Таким образом, созданные ранее координационные структуры могли быть использованы в качестве институтов по борьбе с кризисом на региональном уровне.

География выставочно-ярмарочной деятельности «Сибирского соглашения» была достаточно обширной. Из наиболее представительных мероприятий можно отметить выставку «Экспо-93» в г. Тэджон Республики Корея. В октябре 1995 г. в Австрии (г. Линц) были проведены выставка-презентация «Сибирь приветствует Европу» и международный Конгресс «Сибирь-2000». Мероприятия проводились совместно с МВЭС РФ и торговыми представителями России в европейских странах. По инициативе членов Ассоциации было принято специальное обращение участников Конгресса к политическим и деловым кругам Европы о расширении сотрудничества с сибирскими территориями и благоприятном инвестиционном климате в Сибири [17. Л. 15–17]. В 1997 г. состоялось открытие постоянно действующей информационной выставки в Монголии (г. Улан-Батор). Территории, входящие в «Сибирское соглашение», приняли совместное участие в международной выставке в Ганновере (апрель 1999 г.).

Центрами международных выставок и ярмарок также становились города Сибири. В Новосибирске при поддержке МАСС проводились международные выставки «Сибгород-97» и «Сибполитех-97». К участию были приглашены ведущие российские и зарубежные фирмы в области машиностроения, приборостроения, охраны окружающей среды, ЖКХ [27. Л. 130]. Регулярной стала международная выставка вооружений и конверсионной продукции Сибири, которая проходила в Омске. Международная выставка «Дни Финляндии в Сибири» и бизнес-форум по экономическому сотрудничеству Сибири с Финляндией состоялись в Красноярске (май 1997 г.). Международная промышленная выставка «Сибирь: экспорт-импорт» прошла в Новосибирске (октябрь 1999 г.).

С появлением возможности у субъектов РФ самостоятельно выходить на внешний рынок и образованием новых государственных границ обозначились проблемы, связанные не только с экономическим развитием отдельных территорий, но и с обеспечением безопасности страны в целом. Экономический кризис и свобода внешней торговли привели к появлению огромного числа предпринимателей, занимавшихся поставками товаров из-за рубежа. В то же время существующая пограничная инфраструктура либо не соответствовала требованиям времени, либо вообще отсутствовала на вновь появившихся границах. Возрастал незаконный товарооборот, что наносило ущерб бюджету страны, а также создавало угрозу распространения инфекционных заболеваний из-за бесконтрольного ввоза скота и продовольствия. Увеличивались незаконные поставки наркотических веществ и оружия, что обостряло криминогенную обстановку в стране. Особенно такое положение было характерно для восточных регионов России, где граница с Китаем и Монголией не имела достаточного количества оборудованных таможенных переходов, а граница с Казахстаном фактически оставалась номинальной.

В самом тяжелом положении оказались автомобильные пункты пропуска (АПП) на российско-казахстанской, российско-монгольской и российско-китайской таможенной границе. Большинство из них были обустроены по упрощенной и временной схеме (временная схема обустройства автопереходов предполагала наличие вагончика и шлагбаума, что явно не соответствовало требованиям времени; при этом отсутствовали не только ангары, навесы для выгрузки-погрузки товаров, склады для хранения конфискованной продукции, но и водопровод и канализация), или же выработали заложенный проектом эксплуатационный технический ресурс. Показательной была ситуация на автомобильном пункте пропуска «Ташанта», расположенном на Чуйском тракте, связывающем Россию с Западной Монголией и Китаем. Ташантинский таможенный пост являлся единственным на западном участке российско-монгольской границы. Зона его действия составляла около 300 км. Пропускная способность не превышала 30 автомобилей и 50 человек в сутки, что вело к скоплению нескольких десятков автомобилей и до сотни человек, которые вынуждены были ожидать перехода по нескольку суток. Проблемы были вызваны устаревшей инфраструктурой, созданной еще на рубеже 1920–1930 гг. Отсутствие воды и минимальных удобств способствовало формированию «крайне негативного впечатления о России, таможне и ее сотрудниках» и являлось «сдерживающим фактором в развитии внешнеэкономических связей с Монголией» [28].

Сибирские регионы были заинтересованы как в поддержании правопорядка на своих территориях, так и в развитии приграничного экономического сотрудничества. Для улучшения ситуации требовалось проведение комплексных мер, в первую очередь модернизации, а зачастую и создания необходимой погранично-таможенной инфраструктуры. В свою очередь Федеральный центр не отрицал важности обустройства новой границы и модернизации уже существующей пограничной инфраструктуры. Уже 18 июля 1992 г. был подписан Указ Президента РФ № 788 «О неотложных мерах по организации таможенного контроля в Российской Федерации» и Постановление Правительства о мерах по его реализации. Эти нормативные акты стали основанием для подписания Протокола рабочей встречи делегаций ГТК России и ГТУ Министерства финансов Республики Казахстан 12 марта 1993 г. [28]. В августе 1994 г. между правительствами России и Монголии было подписано соглашение, по которому пункту пропуска «Ташанта»

был придан статус международного грузопассажирского и стороны обязывались произвести его модернизацию. В 1994 г. за счет средств ГТК России поселок Ташанта был электрифицирован. Однако дальнейшие действия для улучшения сложившейся ситуации не предпринимались, и пропускной пункт продолжал работать как двусторонний. В 1998 г. монгольская сторона закончила строительство нового АПП «Цаган-Нур», в то время как российская сторона данное соглашение не выполнила.

В связи с огромной ролью Ташантинского пограничного перехода в развитии внешнеэкономических отношений между сибирскими регионами РФ, Монголией, Казахстаном и Китаем необходимо было принять ряд срочных мер по улучшению таможенной инфраструктуры. В декабре 1998 г. в Барнауле прошло заседание КС по ВЭД, на котором вновь была актуализирована проблема таможенных переходов вообще и МАПП «Ташанта» в частности. 12 апреля 1999 г. состоялось совещание у первого заместителя председателя Правительства РФ В.А. Густова, на котором по инициативе «Сибирского соглашения» было принято протокольное решение о привлечении к строительству МАПП «Ташанта» сторонних инвесторов, в том числе участников МАСС. После сдачи соответствующих объектов в эксплуатацию предполагалась передача их в аренду таможенным органам или компенсация вложенных инвесторами средств в течение 2–3 лет.

Таким образом, организация таможенных пропускных пунктов стала вопросом, где пересеклись общегосударственные, межрегиональные и региональные интересы. Создание МАПП обеспечивало экономическую безопасность страны, увеличивало взимание таможенных платежей, способствовало соблюдению установленного порядка перемещения товаров и транспорта через границу РФ. При этом федеральная власть привлекала Ассоциации к выполнению задач, не входящих в сферу их компетенций, в частности к обустройству границ и таможенных пунктов.

Подводя итог участию «Сибирского соглашения» во внешнеэкономической деятельности в 1990-е гг., необходимо отметить, что объем полномочий регионов и их ассоциаций формировался в условиях структурных реформ и становления федерализма. Следовательно, взаимодействие МАСС с центром во многом было связано со стремлением сибирских территорий добиться перераспределения полномочий, усилить влияние Ассоциации в ходе принятия ключевых решений в сфере ВЭД, а также повысить свой статус и «узнаваемость» за рубежом. В условиях ослабления центра и нестабильности правового поля у федеральных органов также появлялся стимул к развитию сотрудничества, что позволяло им воздействовать на международные и внешнеэкономические связи субъектов Федерации и их ассоциаций. Это способствовало тому, что нормативно-правовое оформление ВЭД шло как «снизу», на уровне регионов, так и «сверху» – на уровне центральных ведомств. В итоге в течение 1990-х гг. в региональных нормативных актах и в федеральном законодательстве были закреплены положения, предоставлявшие субъектам Федерации и их экономическим ассоциациям право заниматься внешнеэкономической деятельностью. Отметим, что, несмотря на существующие в 1990-е гг. неформальные практики в установлении регионами внешних связей, «Сибирское соглашение» рассматривало взаимодействие с федеральными структурами как «неотъемлемое условие реализации на региональном уровне единой внешнеполитической линии России» [23. Л. 119]. Таким образом, можно говорить не об отстаивании со стороны МАСС некой «самостоятельности», а о предложении федеральному центру проводить внешнюю политику через регионы и их ассоциации.

В ходе взаимодействия в сфере ВЭД шло постепенное создание институтов – первоначально в виде организации поездок иностранных представителей с одновременной организацией деловых встреч на местах. Параллельно оформлялись постоянно действующие площадки и структуры, как в Сибири, так и за рубежом. Сложилась особая институциональная форма взаимодействия – взаимное вхождение представителей центра и регионов в состав рабочих органов – координационных советов, комиссий и т.д. Это позволяло учитывать интересы субъектов Федерации при формировании концепций и стратегии развития внешних экономических связей, а также защищать интересы региональных участников внешнеторговой деятельности. В результате экономическое пространство структурировалось на новых основаниях, установленные связи и институты противодействовали процессу дезинтеграции России.

Договорной характер отношений Федерального центра и субъектов во внешнеэкономической сфере свидетельствовал о развитии федеративных отношений, однако выстраивание диалога протекало с серьезными трудностями. В период обострения кризиса регионы усиливали давление на центральную власть, что отчетливо прослеживается по тем инициативам, которые поступали в федеральные органы власти с мест. Центр чаще всего демонстрировал желание идти на уступки, но, как правило, стремился не допустить их нормативного закрепления, а придавал достигнутым договоренностям характер временных соглашений.

На межрегиональном уровне деятельность МАСС способствовала объединению усилий власти, науки и бизнеса в сфере ВЭД, благодаря чему создавалась необходимая институциональная среда для развития внешних связей. В центре решаемых Ассоциацией проблем внешнеэкономической деятельности находились не только «общесибирские» вопросы. Ситуация во ВЭД рассматривалась комплексно, большое внимание уделялось формированию общероссийских институтов, законов, которые имели влияние и на ситуацию в Сибири. Интегрирующее значение для внешнеэкономической деятельности сибирских территорий имели программы ВЭД и межрегиональные проекты, в том числе разработанные в рамках ФЦП «Сибирь». Активная информационная деятельность Ассоциации стимулировала интерес стран ближнего и дальнего зарубежья к сибирскому региону. По мере развития ВЭД можно отметить изменение целевых установок регионов Сибири – от выхода на внешние рынки

«любой ценой» к выстраиванию взаимовыгодных отношений, учитывающих интересы сибирских производителей, при усилении регулирующей функции федеральных и региональных органов власти и управления.

В то же время можно выделить факторы, сдерживавшие развитие взаимодействия: недостаток денежных средств, что вело, в частности, к прекращению научных разработок программ и концепций по развитию ВЭД (работу экспертных групп приходилось финансировать за счет спонсорской помощи предпринимательских структур); «боязнь» отдельных территорий потерять самостоятельность в сфере внешних связей, что приводило к распылению усилий в решении единых для всех сибирских территорий проблем; несмотря на интерес в различных странах к Сибири, в силу высоких рисков ей явно отводилась «второстепенная роль».

ЛИТЕРАТУРА

1. «*Сибирское* соглашение». Об основных принципах экономического сотрудничества местных Советов народных депутатов Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей и Хакасской автономной области; Устав Межрегиональной ассоциации Советов народных депутатов «Сибирское соглашение», утвержденный 16 ноября 1990 г.; Договор учредителей и Устав Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», подписанные 10 июля 1992 г. // Текущий архив Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (далее – Текущий архив МАСС).
2. *Уполномоченному* Министерства внешнеэкономических связей СССР по Новосибирской области… // Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 11.
3. *Вопросы* деятельности межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». Распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 1 июля 1991 г. № 1503/1–1 // Текущий архив МАСС.
4. *О внешнеэкономической* деятельности МАСС. Проект Указа Президента РФ, одобренный Советом МАСС 16 февраля 1993 г. Томск // Текущий архив МАСС.
5. *Временное* положение о порядке формирования, регистрации и деятельности добровольных объединений (ассоциаций) экономического взаимодействия субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 16 сентября 1993 г. № 918.
6. *Об общих* принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации. Федеральный закон от 17 декабря 1999 г. N 211-ФЗ.
7. *О реализации* предложений, высказанных на совещании руководителей субъектов РФ и межрегиональных ассоциаций 2 декабря 1994 г. в Новосибирске // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 79.
8. *Информация* о работе МАСС за 1994 г. // Текущий архив МАСС.
9. *О социально-экономическом* развитии регионов Сибири и ходе экономических реформ. Решение Совета МАСС № 1 от 4 марта 1994 г. (Москва) // Текущий архив МАСС.
10. *О председателе* Координационного совета по внешним связям. Решение № 22 Совета МАСС от 26 июня 1994 г. (Иркутск) // Текущий архив МАСС.
11. *Отчет* о работе Координационных советов МАСС за 1994–1995 годы. Том 1 // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 65.
12. *Министру* иностранных дел РФ… // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 20.
13. *Информация* о деятельности координационного совета по внешнеэкономической деятельности. Приложение к Решению № 21 от 26 июня 1994 г. Совета МА «Сибирское соглашение» // Текущий архив МАСС.
14. *Вице-премьеру* Правительства РФ, министру внешних экономических связей РФ Давыдову О.Д. … // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 135.
15. *Отчет* о работе МАСС в 1998–1999 гг. // Текущий архив МАСС.
16. *Министру* торговли… Переписка ИД МАСС с Правительством РФ, министерствами, госкомитетами… по вопросам основной деятельности (исходящая). Т. 1 // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 218.
17. *Информация* о деятельности КС по внешним связям за 1994–1995 гг. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 64.
18. *Концепция* комплексной программы развития Сибири // Текущий архив МАСС.
19. *Главе* администрации Томской области… // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 38.
20. *Отчет* о работе Исполнительной дирекции и Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» за 1997 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 161.
21. *Краткая* информация о деятельности МА «Сибирское соглашение» за 1992 год и перспективах работы на 1993 год // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 22.
22. *Стенограмма* XVIII заседания Совета МАСС, проведенного 21 июля 1995 года в г. Тюмени // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75.
23. *Информация* о работе Исполнительной дирекции МАСС за 1998 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 198.
24. *Главе* администрации Кемеровской области… // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 79.
25. *Отчет* о работе МАСС за 1998–1999 гг. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 197.
26. *Главе* администрации Новосибирской области… // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 137.
27. *Главе* представительства фирмы Reichhold… // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 137.
28. *Справочный* материал к заседанию МА «Сибирское соглашение» // Текущий архив МАСС.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июля 2014 г.

INTERNATIONAL ECONOMIC ACTIVITY OF THE INTERREGIONAL ASSOCIATION "SIBERIAN ACCORD" IN THE 1990S

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 121-129. DOI: 10.17223/15617793/386/20

Lukov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

Keywords: Siberia; "Siberian Accord"; international economic activity; regional studies of Russia.

At the turn of the 1980s – 1990s the process of power decentralization began in Russia during which Siberian territories as well as other subjects of the Federation received additional authorities including the right to act on the international stage. The regions' interest in the international business development was determined by the necessity to overcome the crisis and to get sustainable progression. However, the situation in Russia was characterized by the decline in production, social problems growth, the absence of organizations relevant to the claimed course to become a market society. The state worsened by the legal uncertainty and fight for the power broken out in the center. Under such conditions interregional interaction was institutionally formalized in the association "Siberian Accord" which became an important resource for solving many problems. Under the Association, the regions created a multi-

level structure coordinating international economic activity and uniting all authorities, scientific, public and manufacturing organizations. The programs of cooperation in the international relations designed by the "Siberian Accord" became the basic mechanism of interaction. Thanks to the Association activity, a united legal and information space, a special institutional form of the center and regions interaction, new economic relationship with international partners, a system of staff training, new conditions for foreign investments attraction, an infrastructure and tourism were created and developed. As a result, the economic space structured on a new base; established contacts and institutes countered the process of Russia disintegration. Under the conditions of the center weakening and legal boundaries instability, regional associations had an opportunity to participate in various Russian foreign economic structures that allowed the "Siberian Accord" to make a claim about itself on the world stage and to raise its status. In turn, the federal agencies could affect international and foreign economic relations of the Federation and their associations through coordination structures. In the end, a mechanism for coordination and of interaction the central and regional administrative institutions was created, which allowed to take into account the Federation interests when forming the concepts and strategies of international economic relations development as well as to protect the interests of the regional participants of foreign trade. All this suggests the development of federal relations in Russia. The regions' reluctance to delegate power to the Association because of the fear to lose independence and the lack of funding for the activities of the inter-regional institutions and projects should be included in the factors hindering the development of Siberian territories interaction in the international economy. Despite the interest to Siberia in various countries, it was clearly assigned a "secondary role" by virtue of high risks.

REFERENCES

1. "Siberian Accord". On the basic principles of economic cooperation of the local Soviets of People's Deputies of the Altai and Krasnoyarsk Territories, Kemerovo, Novosibirsk, Omsk, Tomsk and Tyumen regions and the autonomous region of Khakassia; Charter of the Interregional Association of Councils of People's Deputies "Siberian Accord", approved November 16, 1990. The Current Archive of Interregional Association "Siberian Agreement" (The Current Archive MASS). (In Russian).
2. To the Commissioner of the Ministry of Foreign Economic Relations of the USSR in Novosibirsk Region. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 11. (In Russian).
3. Questions of activities of the Interregional Association "Siberian Accord". Order of the Chairman of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 1, 1991 No. 1503. The Current Archive MASS. (In Russian).
4. On foreign economic activity of the IASA. Draft Decree of the President of the Russian Federation approved by the Board of IASA. February 16, 1993. Tomsk. The Current Archive MASS. (In Russian).
5. Provisional Regulations on the procedure for the formation, registration and activities of voluntary associations of economic interaction of the Federation and local self-government. Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of September 16, 1993, no. 918. (In Russian).
6. On general principles of organization and operation of associations of economic cooperation of the Russian Federation. Federal Law of December 17, 1999, N 211-FZ. (In Russian).
7. On the implementation of the proposals made at the meeting of heads of Russian regions and interregional associations of December 2, 1994 in Novosibirsk. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). FundR-245. List 1. File 79. (In Russian).
8. Information on the work of IASA in 1994. The Current Archive MASS. (In Russian).
9. On the socio-economic development of Siberia and the course of economic reforms. Decision of the IASA Council no. 1 of March 4, 1994 (Moscow). The Current Archive MASS. (In Russian).
10. On the Chairman of the Coordination Council on Foreign Relations. Decision no. 22 of the IASA Council of June 26, 1994 (Irkutsk). The Current Archive MASS. (In Russian).
11. Report of the IASA Coordination Council activities in 1994-1995. Volume 1 The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 65. (In Russian).
12. To the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 20. (In Russian).
13. Information on the activities of the Coordination Council on foreign trade activities. Supplement to Decision no. 21 of June 26, 1994 of the IASA Council. The Current Archive MASS. (In Russian).
14. To Vice-Prime Minister, Minister of Foreign Economic Relations of the Russian Federation O.D. Davydov. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 135. (In Russian).
15. Report on the work of IASA in 1998. The Current Archive MASS. (In Russian).
16. To the Minister of Foreign Trade ... Correspondence of IASA with the Government, ministries, state committees ... on core activities (outgoing letters). Vol. 1. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 218. (In Russian).
17. Information on the activities of the Coordination Council on Foreign Relations in 1994-1995. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 64. (In Russian).
18. The concept of an integrated program of development of Siberia. The Current Archive MASS. (In Russian).
19. To the Head of Administration of Tomsk Region. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 38. (In Russian).
20. Report on the activities of the Executive Directorate and the Interregional Association "Siberian Accord" in 1997. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 161. (In Russian).
21. A summary of the activities of the IA "Siberian Accord" in 1992 and the prospects of work for 1993. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 22. (In Russian).
22. Transcript of the XVIII Meeting of the Board of IASA, held on July 21, 1995 in Tyumen. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 75. (In Russian).
23. Information on the work of the Executive Directorate of IASA in 1998. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 198. (In Russian).
24. To the Head of Administration of Kemerovo Region. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 79. (In Russian).
25. Report of the IASA activities in 1998-1999. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 197. (In Russian).
26. To the Head of Administration of Novosibirsk Region. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 137. (In Russian).
27. To the Head of the Reichhold Company representatives. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-245. List 1. File 137. (In Russian).
28. Reference material to the IASA meeting. The Current Archive MASS. (In Russian).

Received: 06 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 130–134 DOI: 10.17223/15617793/386/21

УДК 006”1918/1945”

В.А. Морев

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ В 1918–1945 гг.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 (проект № 14.B25.31.0009).

Представлены основные события из истории советской стандартизации в 1918–1945 гг. Уделяется внимание становлению государственных органов стандартизации в СССР. Затрагиваются проблемы научной организации труда в 1920-е гг., вопросы объединения стандартизации и метрологии, некоторые аспекты истории военной стандартизации. Делается вывод о складывании общегосударственной системы стандартизации в СССР и о существенном вкладе военных стандартов в дело победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: советская стандартизация; ГОСТ; военные стандарты.

История стандартизации является одним из разделов истории науки и техники. Особый интерес представляет история советской стандартизации, поскольку именно в этот период стала формироваться государственная система стандартизации нашей страны. Исследованием этого вопроса в разное время занимались В.В. Бойцов [1], В.Я. Белобрагин [2], Ю.Д. Бухарина [3], Г.П. Бунин, В.В. Малюгин, М.Б. Плущевский, А.В. Плотников [4], С.В. Пугачёв [5], Е.А. Чабан [6] и многие другие.

Первым правовым актом, положившим начало советской стандартизации, был декрет 1918 г. Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О введении Международной Метрической системы мер и весов». Дело в том, что в дореволюционной России применялись сразу три системы мер (старая русская, дюймовая английская и метрическая), что приводило к путанице в сфере торговли, при изготовлении материалов, деталей, продуктов и пр. Согласно декрету, для того чтобы граждане постепенно привыкали к единой метрической системе, предполагалось переходное время: «В тех же случаях, когда введение этой системы в силу технических затруднений невозможно, разрешается применение старой системы с условием, что окончательный переход к метрической системе должен быть закончен к 1 января 1922 года» [7. Ст. 725]. Советское законодательство коснулось и порядка отсчёта времени: в 1918 г. Россия перешла на григорианский календарь (вместо действовавшего до этого юлианского) [8. С. 16], а в 1919 г. вышел декрет СНК РСФСР «О введении счёта времени по международной системе часовых поясов» (с 01.04.1919 г.) [9. Ст. 59].

Следующей важной датой стало 22 декабря 1920 г., когда был принят план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО) на VIII Всероссийском съезде Советов. Тем самым было положено начало нормативной деятельности в разных отраслях народного хозяйства. В 1920 г. в НКПС состоялся первый съезд по паровозостроению, ремонту подвижного состава и стандартизации. Затем были разработаны нормы на чертежи, метрическую резьбу, крепёжные изделия и т.д. Впоследствии эти нормы были использованы при разработке соответствующих стандартов общепромышленного применения [10. С. 67].

Уже в первой половине 1920-х гг. стали оформляться первые руководящие структуры в советской стандартизации. В 1923 г. при Главной палате мер и весов был создан Комитет эталонов и стандартов [4. С. 7]. В этом же году было образовано Бюро стандартизации при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) СССР для подготовки предложений по созданию руководящего органа по стандартизации. В 1924 г. согласно подписанному Ф.Э. Дзержинским приказу создавалось Бюро промышленной стандартизации при ВСНХ СССР [2. С. 40]. 15 сентября 1925 г. решением СНК СССР централизованное руководство работами по стандартизации возлагалось на Комитет по стандартизации при Совете Труда и Обороны (СТО) [5. С. 36]. Первым председателем Комитета стал Валериан Владимирович Куйбышев, который впоследствии стал председателем ВСНХ СССР, затем председателем Госплана СССР, а с 1934 г. возглавлял Комиссию советского контроля при СНК СССР и являлся первым заместителем председателя СНК и СТО СССР.

Комитет по стандартизации руководил работой наркоматов, разрабатывавших ведомственные стандарты, и утверждал их. В 1925 г. в СССР была введена категория общесоюзных стандартов (ОСТ) [11. С. 21]. Первые ОСТы получили силу государственного закона. В 1926 г. появились первые общесоюзные стандарты на селекционные сорта пшеницы, чугун, прокат чёрных металлов и некоторые товары народного потребления. Так, 7 мая 1926 г. был утверждён самый первый общесоюзный стандарт ОСТ 1 «Пшеница. Селекционные сорта зерна. Номенклатура» [4. С. 7].

В советское время общесоюзные стандарты приравнивались к государственным документам, обязательным для всех предприятий и организаций страны. Хотя были и редкие исключения – некоторые ОСТы носили рекомендательный характер. Так, первым из рекомендуемых стандартов был утверждённый в 1926 г. ОСТ 32 на метрическую резьбу для диаметров от 6 до 68 мм. Этот стандарт оказал большое влияние на развитие машиностроения. В наши дни аббревиатура ОСТ означает отраслевой стандарт [11. С. 21].

Наша страна не игнорировала и международные контакты в сфере стандартизации. С 1921 г. РСФСР стала членом Международной электротехнической комиссии (МЭК) [5. С. 37]. Целью МЭК является содействие международному сотрудничеству в решении вопросов стандартизации и смежных с ними проблем в области электротехники и радиоэлектроники. В 1926 г. Комитет по стандартизации вошёл в состав

образованной Международной федерации национальных ассоциаций по стандартизации (ИСА). В 1928 г. СССР принял участие в международной конференции по стандартам в Праге, на которой были признаны успехи стандартизации в нашей стране. В 1946 г. СССР стал одним из учредителей Международной организации по стандартизации (ИСО) [12. С. 23].

С вопросами отечественной стандартизации была тесно связана проблема научной организации труда (НОТ). В 1927 г. на должность председателя Комитета по стандартизации был назначен Глеб Максимилианович Кржижановский. В 1928 г. он стал председателем вновь созданного Совета по стандартизации при СТО. До этого Г.М. Кржижановский был председателем комиссии ГОЭЛРО, затем – председателем Госплана (до 1930 г.), а с 1930 г. – директором Энергетического института АН СССР (ныне им. Кржижановского). Именно он заложил научный подход к работам по стандартизации. В соответствии с этим подходом стандартизаторы могли быть успешными законодателями только тогда, когда в основе их работы лежат научные знания. То есть стандарт должен был провозглашаться как закон, основанный на научных знаниях, на достижениях мирового опыта [2. С. 40, 41].

Ещё одним из основоположников научной организации труда в нашей стране был Алексей Капитонович Гастев. Он является основателем Центрального института труда (ЦИТ). А.К. Гастев встал во главе ЦИТа в 1920 г. По его замыслу ЦИТ должен был стать исследовательским и практическим центром НОТ в производстве. Благодаря этому институту велась ускоренная подготовка кадров по новой для того времени методике. В годы индустриализации на своих базах, открытых во многих населённых пунктах, ЦИТ подготовил более 500 тыс. квалифицированных рабочих для основных отраслей промышленности и свыше 20 тыс. инструкторов производства, контролёров, инструкторов производственного обучения и консультантов по НОТ [13. С. 20, 21].

В 1924 г. было образовано Издательство НК РКИ, выпускавшее литературу по научной организации труда, управления, производства, а также стандарты. С 1927 г. стал выходить ежемесячный научно-технический журнал Комитета по стандартизации «Вестник стандартизации» (сейчас он называется «Стандарты и качество») [2. С. 41]. На страницах «Вестника стандартизации» уже в 1928 г. Д. Буданов поставил рядом слова «стандарты» и «качество» и указал на прямую зависимость качества продукции от грамотной стандартизации [14. С. 23].

Предпринятые мероприятия в сфере стандартизации дали первые положительные результаты. К концу 1920-х гг. от отдельных разрозненных мероприятий, проводимых разными ведомствами, страна перешла к слаженной общегосударственной системе стандартизации. Она охватывала все отрасли народного хозяйства на всех уровнях управления. Стандартизация в тот период позволяла сэкономить государству по несколько сот миллионов рублей в год, она давала огромную экономию в материалах, до этого часто покупавшихся на валюту [2. С. 41].

В 1930 г. в ведение Всесоюзного комитета по стандартизации (ВКС) при СТО была передана Главная палата мер и весов [10. С. 71]. Это означало, что произошло объединение метрологии и стандартизации под единым руководством. Положением об органах стандартизации, утверждённом постановлением СНК СССР в 1933 г., закреплялось следующее: «В ведении Всесоюзного комитета стандартизации состоит Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии и стандартизации» [15]. Интересно, что такое объединение сохраняется до сих пор, это наша отечественная особенность. Во многих других странах эти службы возглавляются отдельными руководящими органами.

За невыполнение обязательных стандартов в СССР нередко предусматривалось уголовное наказание. Об этом свидетельствуют документы: постановление ЦИК и СНК СССР «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов» от 23 ноября 1929 г. и указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» от 10 июля 1940 г. Так, в последнем из приведённых здесь документов говорилось: «За выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля промышленных предприятий предавать суду и по приговору суда подвергать тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет» [16].

В 1940 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР отменили порядок утверждения стандартов наркоматами. При Совнаркоме СССР организовали Всесоюзный комитет стандартов (ВКС). Председателем ВКС был назначен П.М. Зернов. На смену общесоюзным и отраслевым стандартам пришли государственные общесоюзные стандарты – ГОСТы. Индекс ГОСТ с добавлением порядкового номера и года утверждения – это индекс государственных стандартов. В этом же году вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о придании государственным стандартам СССР статуса закона [17. С. 22]. Всего до 1941 г. было разработано и утверждено 8 600 государственных стандартов. Итак, можно согласиться с В.Я. Белобрагиным в том, что в предвоенные годы промышленность страны была подготовлена к работе в военных условиях. Была создана законодательная и организационная основа технического регулирования, которая соответствовала централизованной плановой экономике страны.

В период Великой Отечественной войны деятельность по стандартизации была полностью подчинена нуждам обороны, условиям работы промышленности в военное время. За эти годы было утверждено свыше 2 200 новых и пересмотрено 1 270 действовавших государственных стандартов. Комитет стандартов внёс более 1 000 изменений в действовавшие стандарты [2. С. 41].

Государственные военные стандарты, введённые в июле 1941 г., имели обозначение ГОСТ В. Долгое время информация об этих стандартах была недоступна не только широкой общественности, но даже специалистам в области стандартизации. Многие документы не случайно имели гриф «Совершенно сек-

ретно» и находились в спецхранах. Ведь стандарты времён Великой Отечественной войны тоже внесли свой вклад в победу над гитлеровцами. В частности, за счёт этих стандартов были установлены дополнительные базы получения металла для производства вооружения, увеличился выход годного и сократился расход стратегического сырья. Так, в соответствии с военным стандартом ГОСТ В 984–43 «Сталь ствольная артиллерийская» для производства артсистем предусматривалось применение основной стали вместо кислой, что позволило увеличить производительность мартеновских печей и привлечь к выплавке артиллерийской стали заводы Народного комиссариата чёрной металлургии [18. С. 18, 19].

Важнейшими преимуществами советского оружия являлись: возможность массового выпуска в кратчайшие сроки, высокая степень ремонтопригодности (в частности, советские танкисты могли ремонтировать свои машины в полевых условиях), а также взаимозаменяемость. Приведём несколько примеров.

Для 76-миллиметровой дивизионной пушки образца 1942 г. и 57-миллиметровой противотанковой пушки образца 1943 г. применялся единый лафет. Это повысило технологичность и ремонтопригодность этих пушек, а сроки их изготовления сократились в 4–5 раз. Высокая технологичность 76-миллиметровой пушки позволила первой в мире поставить её на поточное производство и начать осуществление конвейерной сборки [19].

7,62-миллиметровый унифицированный патрон мог применяться в винтовке образца 1891/1930 гг., карабине образца 1944 г., автоматической винтовке СВТ-40, ручном пулемёте ДП, станковом пулемёте «Максим», авиационном пулемёте ШКАС и др. [4. С. 11, 12].

Лучшим подтверждением высокого качества советских танков являются слова противника, испытавшего на себе их мощь. Один из бывших командующих немецко-фашистскими войсками на советско-германском фронте Ганс Фриснер в мемуарах «Проигранные сражения» писал: «Удивительно хорошо зарекомендовал себя советский танк Т-34, обладавший большой проходимостью и маневренностью. Многотипности в танках у русских не было, и это являлось большим преимуществом, так как давало возможность унифицировать снабжение танковых войск запасными частями и боеприпасами. У нас имелось на вооружении приблизительно 26 различных типов танков. Отсюда, естественно, возникали большие трудности. Танк Т-34 был безотказен повсюду, на любой местности. Русские танки могли действовать там, где по нашим нормам это считалось невозможным. Вооружение танка Т-34 также было исключительно эффективным. Для советской пехоты он был великолепным прокладчиком пути и весьма действенным средством поддержки» [20. С. 253].

Структура ВКС под влиянием военных событий была реорганизована. В частности, были созданы отделы стандартов танкостроения, самолётостроения и транспортного машиностроения, отдел боеприпасов, отдел стандартов артиллерийского и стрелкового вооружения и др. [4. С. 10]. Главными направлениями деятельности по стандартизации в условиях войны являлись: максимальная экономия материальных ресурсов, энергии, топлива, использование заменителей остродефицитного сырья и материалов, пересмотр конструкций оборонных и других изделий [3. С. 24].

После войны стандарты категории ГОСТ В, выпущенные в первой половине 1940-х гг., не сразу прекратили своё существование. Некоторые из них даже были востребованы в годы послевоенного восстановления хозяйства. Своим долголетием они обязаны заложенным в них принципам, в особенности принципу рационального использования материальных ресурсов [18. С. 19].

Таким образом, государственная стандартизация в нашей стране стала формироваться при советской власти. Причём темпы развития стандартизации соответствовали потребностям страны, необходимости в кратчайшие сроки осуществить индустриализацию. В первые десятилетия советской власти была выстроена эффективная система стандартизации, поддерживавшая высокий уровень ответственности на производстве, позволявшая рационально использовать сырьё, минимизировать потери от брака, освоить новую технику. В 1920-е гг. страна перешла к единой системе мер – метрической; была решена одна из главнейших проблем – возник единый общегосударственный орган, который занимался непосредственно вопросами стандартизации; появились первые ОСТы. Причём разработка стандартов была поставлена на научную основу. Уже к концу 1920-х гг. от отдельных разрозненных мероприятий, проводимых разными ведомствами, страна перешла к общегосударственной системе стандартизации. Обращает на себя внимание высокий юридический статус ОСТов и сменивших их в 1940 г. ГОСТов – большинство из них являлись обязательными для исполнения всеми предприятиями и организациями страны. В 1930-е гг. была заложена прочная база для дальнейшего развития системы советской стандартизации. В предвоенные годы промышленность страны была подготовлена к работе в военных условиях, в том числе благодаря эффективной стандартизации. Стандарты военного времени внесли существенный вклад в дело победы в Великой Отечественной войне, а затем нашли применение и в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стандартизация* в СССР. 1925–1975 / под ред. В.В. Бойцова. М. : Изд-во стандартов, 1975. 471 с.
2. *Белобрагин В.Я.* Этапы развития стандартизации: 1925–1963 гг. // Стандарты и качество. 2005. № 7.
3. *Бухарина Ю.Д.* История развития государственной системы стандартизации СССР в период 1925–1945 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2013. 28 с.
4. *Бунин Г.П., Малюгин В.В., Плущевский М.Б., Плотников А.В.* Военная стандартизация в России (к 85-летию создания) // Вестник ВНИИНМАШ. 2012. № 1 (11).
5. *Пугачёв С.В.* О временах и событиях // Стандарты и качество. 2005. № 10.
6. *Чабан Е.А.* Организационно-правовые основы стандартизации в советском государстве (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 198 с.

7. *О введении* Международной Метрической системы мер и весов : Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 14 сентября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 66. Отдел первый.
8. *Листки* календаря. Февраль. // Стандарты и качество. 2004. № 2.
9. *О введении* счёта времени по международной системе часовых поясов: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 15 марта 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. № 6.
10. *Бухарина Ю.Д.* История зарождения системы государственной стандартизации СССР (1918–1930 гг.). // История науки и техники в системе современных знаний : материалы науч. конф., посв. 10-летию кафедры истории науки и техники УГТУ. Екатеринбург, 2009. С. 66–71.
11. *Из родословной* стандартов. Категория ОСТ // Стандарты и качество. 2004. № 8.
12. *Карпычев А.* Предтеча ИСО? Комментарий проф. В.Я. Белобрагина // Стандарты и качество. 2004. № 3.
13. *Карпычев А.* Нестандартный Гастев // Стандарты и качество. 2004. № 9.
14. *Бурдина В.* Первая пятилетка стандартизации // Стандарты и качество. 2006. № 10.
15. *Положение* об органах стандартизации от 17 июня 1933 г. URL: http://istmat.info/node/36839 (дата обращения: 04.02.2014).
16. *Об ответственности* за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. URL: http://istmat.info/node/23023 (дата обращения: 05.02.2014).
17. *Листки* календаря. Июль // Стандарты и качество. 2004. № 7.
18. *Карпычев А.* Стандарты военного времени. 1941–1945 // Стандарты и качество. 2006. № 5.
19. *Коровкин И.А., Шильдин В.В., Петросян Е.Р., Подлепа С.А., Будённая Ж.Н.* Роль стандартизации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: http://www.staratel.com/iso/ISO9000/Article/docs/sk/za084_0.htm (дата обращения: 04.02.2014).
20. *Фриснер Г.* Проигранные сражения / пер. с нем. И. Глаголева, В. Кривули. М. : Вече, 2011. 288 с. : ил. (Вторая мировая. Взгляд врага).

Статья представлена научной редакцией «История» 21 мая 2014 г.

ON THE SOVIET STANDARDIZATION IN 1918 – 1945

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 130-134. DOI: 10.17223/15617793/386/21
Morev Vladimir A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morevv@sibmail.com
Keywords: soviet standardization; GOST; military standards.

The state system of standardization in our country was shaped under the Soviet power. The first legal document which began the soviet standardization in 1918 was the Decree of the Council of People's Commissars of the *RSFSR* "On Introduction of the International Metric System of Weights and Measures". In 1920 the GOELRO plan was adopted, which started the normative practice in different sectors of the national economy. The first guiding structures of Soviet standardization began their development in the early 1920s. In 1923 the Standards Committee was organized. The Bureau for Standardization was formed in 1924. In 1925 the Committee for Standardization within the Council of Labor and Defence guided all standardization activities. Its first chairman was V.V. Kuibyshev. In 1925 the All-Union standards (OST) were introduced. In the Soviet time the All-Union standards were equal to state documents which were obligatory for all enterprises and organizations of the country. If the standards in the USSR were not kept, a criminal sanction could be applied quite often. However, there were rare exceptions – some OSTs had a permissive character. In 1927 G.M. Krzhizhanovski was appointed chairman of the Committee for Standardization. He laid the foundations of a scientific approach to standardization activities. In 1930 metrology and standardization were unified. In the first decades of the Soviet power an effective system of standardization was built. It supported a high level of responsibility in production and it allowed to use primary goods effectively, minimize spoilage losses and master new equipment. As a result of standardization the state saved several hundreds of millions rubles a year. There was an enormous saving with materials which had often been bought for foreign currency before. In 1940 a new central body for standardization was founded – the Union Standardization Committee. Thus the State All-Union standards (GOSTs) replaced the All-Union standards (OSTs). During the Great Patriotic War the State military standards were introduced. They were designated as GOST V. The data about these standards were inaccessible for a long time. Many documents had the stamp 'top secret'. The standards at the time of the Great Patriotic War made their contribution to the victory over the Nazi. After the war some standards of the early 1940s still remained in great demand. They owe such longevity to their principles, especially to the principle of resource conservation.

REFERENCES

1. Boytsov V.V. (ed.) *Standartizatsiya v SSSR. 1925 – 1975* [Standardization in the USSR. 1925 – 1975]. Moscow: Izd-vo standartov Publ., 1975. 471 p.
2. Belobragin V.Ya. Etapy razvitiya standartizatsii: 1925 – 1963 gg. [Milestones of standardization: 1925 – 1963]. *Standarty i kachestvo*, 2005, no. 7.
3. Bukharina Yu.D. *Istoriya razvitiya gosudarstvennoy sistemy standartizatsii SSSR v period 1925 – 1945 gg*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [History of the development of the state system of standardization of the USSR in the period 1925 – 1945. Abstract of History Cand. Diss.]. Tomsk, 2013. 28 p.
4. Bunin G.P., Malyugin V.V., Plushchevskiy M.B., Plotnikov A.V. Voennaya standartizatsiya v Rossii (k 85-letiyu sozdaniya) [ilitary standardization in Russia (to the 85th anniversary of the establishment)]. *Vestnik VNIINMASh*, 2012, no. 1(11).
5. Pugachev S.V. O vremenakh i sobytiyakh [On times and events]. *Standarty i kachestvo*, 2005, no. 10.
6. Chaban E.A. *Organizatsionno-pravovye osnovy standartizatsii v sovetskom gosudarstve (istoriko-pravovoy aspekt)*. Dis. kand. yurid. nauk [Institutional framework of standardization in the Soviet Union (historical and legal aspects). Law Cand. Diss.]. Krasnodar, 2007. 198 p.
7. On the introduction of the International Metric system of weights and measures: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 14, 1918. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917 – 1918 gg* [Collection of Laws and orders of the Government for 1917 – 1918], no. 66. Part 1. (In Russian).
8. Listki kalendarya. Fevral' [Calendar pages. February]. *Standarty i kachestvo,* 2004, no. 2.
9. On the introduction of time count by the international system of time zones: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 15 March 1919. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1919 g* [Collection of Laws and orders of the Government for 1919], no. 6. (In Russian).
10. Bukharina Yu.D. [History of the origin of the state standardization USSR (1918 – 1930)]. *Istoriya nauki i tekhniki v sisteme sovremennykh znaniy : materialy nauchnoy konferentsii* [History of science and technology in the modern knowledge: Proceedings of the scientific conference]. Ekaterinburg, 2009, pp. 66-71. (In Russian).
11. Iz rodoslovnoy standartov. Kategoriya OST [From the history of standards. OST category]. *Standarty i kachestvo*, 2004, no. 8.

12. Karpychev A. Predtecha ISO? Kommentariy prof. V. Ya. Belobragina [Forerunner of ISO? Comment by Prof. V.Ya. Belobragin]. *Standarty i kachestvo,* 2004, no. 3.
13. Karpychev A. Nestandartnyy Gastev [Nonstandard Gastev]. *Standarty i kachestvo*, 2004, no. 9.
14. Burdina V. Pervaya pyatiletka standartizatsii [The first five-year plan of standardization]. *Standarty i kachestvo*, 2006, no. 10.
15. Regulation on standardization bodies of 17 June 1933. Available at: http://istmat.info/node/36839. (Accessed: 04th February 2014). (In Russian).
16. On the issue of liability for poor quality or incomplete products and for non-compliance with mandatory standards in industry: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 10 July 1940. Available at: http://istmat.info/node/23023. (Accessed: 05th February 2014). (In Russian).
17. Listki kalendarya. Iyul' [Calendar pages. July]. *Standarty i kachestvo*, 2004, no. 7.
18. Karpychev A. Standarty voennogo vremeni. 1941 – 1945 [Standards of the war time. 1941 – 1945]. *Standarty i kachestvo*, 2004, no. 5.
19. Korovkin I.A, Shil'din V.V., Petrosyan E.R., Podlepa S.A., Budennaya Zh.N. *Rol' standartizatsii v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg.* [The role of standardization in the Great Patriotic War of 1941 – 1945]. . Available at : http://www.staratel.com/iso/ISO9000/Article/docs/sk/za084_0.htm. (Accessed: 04th February 2014).
20. Friessner G. *Proigrannye srazheniya* [Lost battles]. Translated from German I. Glagolev, V. Krivulya. Moscow: Veche Publ., 2011. 288 p.

Received: 21 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 135–139 DOI: 10.17223/15617793/386/22

УДК 94(41/99)

Д.В. Путренко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕНЧУРНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ И ЯПОНИИ

Рассматривается политика государственного регулирования венчурного сектора России и Японии. На основании анализа источников и литературы выделяются основные критерии для сравнения официальных позиций государств в отношении венчурного бизнеса, а также приводятся примеры мер стимулирования венчурного сектора в государствах. Основное внимание уделяется проблемам государственного регулирования венчурного бизнеса, кроме того, исследуется возможность применения эффективных методов государственной политики регулирования венчурного сектора Японии в Российской Федерации.

Ключевые слова: венчурный бизнес; государственное регулирование; венчурный сектор.

Венчурный капитал, а также его положение и значение в развитии экономики страны во многом зависят от политики государства, направленной на поддержку и стимулирование данного сектора. При сбалансированной политике поддержки венчурного предпринимательства государство выигрывает вместе с участниками процесса инвестирования. Построение максимально эффективной модели управления процессом оборота капитала в цепи «инвестор – разработка – прибыль – сверхприбыль» является индивидуальным для каждой страны, но в целом меры эффективной поддержки рисковых проектов разработаны развитыми государствами и являются основой для внедрения и модернизации в странах, догоняющих развитие венчурного сектора экономики. Актуальность заданной темы заключается в том, что венчурный капитал и венчурный бизнес в целом рассматриваются в качестве основных двигателей современного развития высокотехнологичного бизнеса. Анализ общих и различных характеристик в моделях регулирования сектора правительствами двух государств позволяет найти путь к оптимизации процесса венчурного инвестирования путем использования мирового опыта. Именно международный опыт в вопросе ведения венчурного бизнеса стал основой разрастания рынка игроков мировой венчурной индустрии и послужил стимулом для обмена существующими методами и формами ведения инвестиционного процесса, а также для формирования национальных (специфических) моделей развития венчурного бизнеса.

При исследовании мер государственного регулирования венчурного бизнеса в России и Японии можно выделить несколько групп источников и имеющейся научной литературы. К первой категории источников относятся законодательные акты, регулирующие основные процессы ведения бизнеса в венчурном секторе России и Японии. Здесь в первую очередь имеются в виду следующие документы: Базовый закон о науке и технологиях Японии (1995 г.) [1], Федеральный закон об особых экономических зонах в Российской Федерации (2005 г.) [2], Закон о временных мерах по стимулированию творческой активности малых и средних предприятий Японии (1997 г.) [3] и др. Вторую группу составляют источники, при анализе которых можно проследить организацию процесса инвестирования венчурного капитала. Это стратегии, основные положения, концепции, разработанные органами исполнительной власти. К таковым источникам относятся: стратегия «Инновационная Россия – 2020» [4], Концепция развития венчурной индустрии в России (государственной системы стимулирования венчурных инвестиций) [5], Основные положения стратегии развития ОАО «Российская венчурная компания» [6], Стратегия «Инновации 25» (Япония) [7] и др. Указанные источники отражают официальные позиции японского и российского правительств, содержат основные принципы политики стран в области продвижения и развития венчурного сектора, а также закрепляют намерения государств модернизировать механизмы инвестирования рисковых проектов. Среди российских авторов, занимающихся сравнительным анализом мер государственного регулирования венчурного бизнеса, можно выделить Н.Е. Бондаренко, чья статья «Общие принципы и инструменты государственной инновационной политики в мировой практике» [8] содержит описание основных механизмов регулирования венчурного сектора в разных странах. Исследование П.Г. Гулькина «Введение в венчурный бизнес России» [9] выявляет характерные черты развития венчурного бизнеса в нашей стране, а также определяет проблемы и перспективы развития данного процесса. Работа А.М. Смулова и Н.Е. Егоровой «Венчурный капитал в России и источники финансирования прогрессивных технологий и наукоемких производств» [10] поясняет важные экономические моменты венчурного инвестирования, а также дает представление о рисках, с которыми сталкиваются инноваторы и инвесторы в своей деятельности. Необходимо отметить исследования американских и европейских авторов: Р. Эберхарт «Венчурный капитал. Анализ инвестирования старт-апов в Силиконовой долине» [11], М. Корвер «Эволюция венчурного капитала» [12], Р. Бергер «Новости японского бизнеса» [13] и др. В работах указанных авторов прослеживается отождествление венчурной политики японского государства с американской моделью, при этом исследователи во многих случаях пытаются перенести указанную японскую модель путем проекции на другие страны. Среди исследований японских авторов можно выделить статьи «Венчурный бизнес в Японии» Я. Хамады [14], «Изменяющаяся среда для японского венчурного бизнеса» Д. Хигасино [15], «Инновации и предпринимательство. Обзор связи данных японского патент-

ного ведомства и бизнеса» К. Мотохаси [16] и др. Японские авторы, в свою очередь, делают акцент на исключительности японской модели поддержки бизнеса, признавая заимствование опыта США, но после его значительного усовершенствования и адаптации к социально-экономическим и культурным аспектам страны.

При анализе мер государственного регулирования венчурного бизнеса выявляются ключевые особенности каждой страны в венчурном секторе. При этом сравнивать государственные меры регулирования венчурного сектора необходимо, прежде всего, с позиции переноса эффективных механизмов одной страны на другую. В качестве критериев для отслеживания эффективности политики государственного регулирования венчурного сектора можно выделить следующие позиции:

Законодательство – наличие законодательных актов, регулирующих взаимоотношения между всеми участниками инновационного проекта, с учетом возможности участия зарубежных инвесторов.

Налогообложение – выработанная налоговая политика государства, направленная на облегчение налогового бремени для начинающего бизнеса, осуществляющего разработки в области IT-технологий, биотехнологий, коммуникаций, транспорта и др. Финансирование – присутствие национального капитала в венчурном секторе страны, повышающиеся объемы финансирования венчурного сектора экономики, наличие устойчивой и развитой финансовой системы.

Образование – повышение качества образования за счет унификации правил приема и оценки знаний абитуриентов и студентов, смещение фокуса финансирования с гуманитарных на точные и естественные науки, разработка программ обучения менеджеров инновационного сектора, проведение политики соединения базовых технических знаний для будущих управленцев инновационными предприятиями, сближение технологического сектора с сектором управления, разработка методик управления предприятиями венчурного сектора.

Защита интеллектуальной собственности – сжатые сроки регистрации патентов на промышленные образцы, полезные модели и изобретения, корреляция Гражданского кодекса РФ с международным правом в области защиты результатов интеллектуальной деятельности, обеспеченность страны патентными поверенными и обученными кадрами для оказания информационно-консультационных услуг в области регистрации патентов.

Внутренний спрос – наличие заинтересованных в приобретении разработок и высокотехнологичных продуктов заказчиков внутри страны, стимулирование внутреннего спроса, опора на частных заказчиков, а не на государство.

Инфраструктура – развитое информационное пространство, наличие необходимых структур в виде экспертных лабораторий и консалтинговых центров (предварительная экспертиза проектов).

В венчурном секторе японское правительство четко обозначает цели развития науки и технологий. В частности, правительство Японии акцентирует внимание на социальном аспекте в документе «Взгляд на Японию 2050» [17], где выделяет деградацию окружающей среды в мировом масштабе, увеличение населения и ускоряющийся разрыв между развитием стран Севера и Юга в качестве основных проблем XXI в., угрожающих стабильному существованию человечества. Выход из этой ситуации японское правительство предлагает в виде достижения баланса окружающей среды и экономики. Развитие экономики интенсивным путем представляет наиболее приемлемый вариант для человеческого сообщества в долгосрочной перспективе. Именно переход на новейшие технологии в мировом масштабе позволит обеспечить безопасность мира и Японии в частности. В то же время российское правительство выдвигает в документе «Инновационное развитие 2020» [4] абстрактные лозунги повышения конкурентоспособности высокотехнологичной продукции, что затрудняет формирование единого понятийного пространства для участников венчурного сектора экономики. В частности, основными терминами документа являются: инновационный бизнес, инновационный человек, государство, глобализация, инфраструктура, эффективная наука, территории инноваций, политика.

Сравнивая механизмы государственного регулирования венчурного сектора экономики на фоне общей проблемы как для России, так и для Японии, а именно – слабой законодательной базы, возможно выделить следующие общие черты: слабая политика налогового стимулирования; высокая ставка на поддержку сферы интеллектуальной собственности, но отсутствие эффективной законодательной базы в сфере авторского права; финансирование в первую очередь рисковых проектов высокотехнологичного производства.

Что касается позиции двух государств в области обеспечения необходимых условий для развития венчурного инвестирования, представляется очевидным вывод, по которому государственные меры японского правительства выражены в виде процесса реформирования (пенсионная реформа, реформа социального страхования, пересмотр законов в отношении малых и средних предприятий). В то же время в России меры государства носят в большей степени декларативный характер. Это отражается в концепциях, официальных заявлениях, проектах законов, но не имеет реального воплощения. Именно динамика процесса развития венчурного рынка позволяет определить ключевое расхождение характера государственной политики двух стран.

В качестве общих проблем венчурного сектора государств можно выделить следующие:

– несовершенство законодательной базы в обеих странах;

– отсутствие благоприятной среды для активной деятельности бизнес-ангелов;

– высокая зависимость венчурных рынков стран от иностранного капитала;

– недостаток квалифицированных кадров (менеджеров инновационного сектора);

– недостаток консалтинговых компаний по оценке возможных рисков проектов;

– низкая результативность развития технопарков и бизнес-инкубаторов;

– нацеленность инвесторов на поддержку стартапов на этапе экспансии, а не начала рискового проекта и др.

Однако Япония обладает определенными преимуществами в вопросах положения венчурного капитала. Например, в Японии финансирование в первую очередь направлено на гражданские разработки, а соотношение долей в финансировании новых продуктов составляет пропорцию «20/80» (государство / крупнейшие национальные корпорации, которые имеют собственные научно-исследовательские подразделения) [18].

Для Российской Федерации, с учетом объективных тенденций развития экономики страны, оптимальным вариантом является модель опоры на собственный научно-технологический потенциал при использовании иностранного капитала и технологий. В этом случае необходима поддержка государства в финансировании приоритетных направлений, реформировании образовательной системы, создании и поддержке «особых экономических зон» для предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, развитии крупных холдингов (интегрированных бизнес-групп, корпораций), развитии инновационной инфраструктуры (наукоградов, технопарков, бизнес-инкубаторов, университетских образовательных центров) создании венчурных фондов. Со стороны российского государства для ускорения темпов экономического роста необходимо осуществить меры по развитию системы венчурного инвестирования, поддержке малого инновационного бизнеса, снижению пошлин на технологическое оборудование, развитию технологических кластеров и др.

Таким образом, развитие инновационной среды является важным элементом государственной политики каждого государства, но как Россия, так и Япония обладают специфическими ресурсами в процессе достижения цели. Эти ресурсы обусловлены как текущим состоянием экономики, так и накопленным опытом и историей развития капитала и бизнеса. Именно поэтому можно сделать вывод, что венчурный бизнес двух государств развивается по одинаковой хронологии, но с наличием национальных особенностей, в силу чего перенос элементов эффективной политики поддержки венчурного бизнеса из одного государства в другое представляется не только невозможным, но и экономически неэффективным ввиду неготовности российского бизнеса своевременно адаптироваться к изменяющимся условиям и правилам поведения на рынке венчурного капитала. В то же время японский бизнес достаточно успешно заимствовал американскую модель развития венчурного сектора и продолжает свое развитие, несмотря на череду кризисов и нестабильное экономическое положение в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The Science* and Technology Basic Law (Act No.130 of 1995). URL: http://www.mext.go.jp/component/english/__icsFiles/afieldfile/2009/04/23/1260363_2.pdf, свободный (дата обращения: 12.06.2013).
2. *Федеральный* закон об особых экономических зонах в Российской Федерации // Официальная база «КонсультантПлюс». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142952, свободный (дата обращения: 07.04.2013).
3. *Law* for facilitating the creation of new business. URL: http://www.meti.go.jp/english/report/data/gIP1102e.html, свободный (дата обращения: 10.06.2013).
4. *Инновационная* Россия – 2020. Минэкономразвития РФ. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e, свободный (дата обращения: 03.03.2012).
5. *Концепция* развития венчурной индустрии в России (государственной системы стимулирования венчурных инвестиций). URL: http://it4b.icsti.su/docs/concept.htm, свободный (дата обращения: 14.06.2013).
6. *Основные* положения стратегии развития ОАО «Российская венчурная компания», 2009 г. URL: http://www.rusventure.ru/company/ legal_basis/strategy_rvc.pdf, свободный (дата обращения: 14.06.2013).
7. *Innovation* 25. Creating the Future, Challenging Unlimited Possibilities. Interim Report. Innovation 25 Strategy Council. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/innovation/interim_e.html, свободный (дата обращения: 18.07.2013).
8. *Бондаренко Н.Е.* Общие принципы и инструменты государственной инновационной политики в мировой практике. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fsdo.rea.ru%2Fcde%2Fconference%2F1%2Ffile.php%3FfileId%3D4&ei=_cq4Uan2C6z44QS074G4AQ&usg=AFQjCNHueX_ylcnXAD4_7J0BdbJI0wDzyA&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt, свободный (дата обращения: 07.05.2013).
9. *Гулькин П.Г.* Введение в венчурный бизнес России. URL: http://transfer.eltech.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1/4b1f532c5321332ec32569ca004f3578?OpenDocument, свободный (дата обращения: 09.12.2012).
10. *Егорова Н.Е., Смулов А.М.* Венчурный капитал в России и источники финансирования прогрессивных технологий и наукоемких производств. URL: http://auditfin.com/fin/2003/3/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov.asp, свободный (дата обращения: 08.11.2012).
11. *Eberhart R.* Japanese venture Capital. An analysis of start-up investment patterns vs. Silicon Valley. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=An%2BAnalysis%2Bof%2BStart-up%2BInvestment%2BPatterns%2Bvs.%2BSilicon%2BValley&source=web&cd=1&ved=0CCgQFjAA&url=http%3A%2F%2Fiis-db.stanford.edu%2Fres%2F2323%2FSTAJE_Tokyo_Symposium_VC_8.ppt&ei=nye5UYKQHeSu4QTur4DIDA&usg=AFQjCNE5oayGI1r2Awqhqn2INL8M4eE4tw&bvm=bv.47883778,d.bGE&cad=rjt, свободный (дата обращения: 05.04.2013).
12. *Korver M.* Evolution of Japanese Venture Capital // Global venture capital, April, 2008. URL: http://www.gvc.jp/en_gvc/images/Evolution%20of%20Japanese%20Venture%20Capital%20(v.2).pdf, свободный (дата обращения: 08.06.2013).
13. *Berger R.* Japanese business newsletter // Ra-Shin-Ban. Compass, April, 2005. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.rolandberger.co.jp%2Fmedia%2Fpdf%2FRoland_Berger_Rashinban_20120227.pdf&ei=osm4UbvYO-WC4ASSoICYBg&usg=AFQjCNG_-S54MpKkOF9dG1EJmAeY2YYWKw&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt, свободный (дата обращения: 01.05.2013).
14. *Hamada Y.* Venture business in Japan / Econ. J. of Hokkaido Univ. Vol. 38 (2009). URL: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39871/1/EJ38_001.pdf, свободный (дата обращения: 01.05.2013).

15. *Higashino D.* Changing environment for Japanese venture businesses // JETRO. Japanese economic monthly. May, 2005. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.jetro.go.jp%2Fen%2Freports%2Fmarket%2Fpdf%2F2005_31_m.pdf&ei=mse4Uc-iHqzW4ATv7YCgDA&usg=AFQjCNH0__NyJwhz5nIluGx2KiEJSi68YA&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt, свободный (дата обращения: 06.06.2013).
16. *Motohashi K.* Innovation and Entrepreneurship: A first look at linkage data of Japanese patent and enterprise census // RIETI Discussion Paper Series 11-E-007, 2011. URL: http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e007.pdf, свободный (дата обращения: 04.04.2013).
17. *Japan* Vision 2050: Principles of Strategic Science and Technology Policy toward 2020. URL: http://www.scj.go.jp/en/vision2050.pdf, свободный (дата обращения: 06.05.2013).
18. *Зверев В.* Венчурный бизнес в России. URL: http://gaap.ru/articles/biz/, свободный (дата обращения: 19.04.2013).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2014 г.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF VENTURE BUSINESS STATE REGULATION MEASURES IN RUSSIA AND JAPAN

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 135-139. DOI: 10.17223/15617793/386/22
Putrenko Darya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: putdarya@yandex.ru
Keywords: venture business*;* state regulation measures*;* venture sector.

Venture capital and its status and meaning in the state economy development in many cases depend on the state policy which is directed on support and promotion of the sector. The construction of the effective model of the "investor – research work – profit – surplus profit" current assets regulation is individual for every country, but, in common, measures of venture projects effective support are worked out by developed countries and are the base for the implementation and modernization in the venture sector by catch-up countries. The timeliness of the topic is in the fact that venture capital and venture business in common are taken as the main mover of modern high-tech business development. The analysis of common and different characteristics of Russian and Japanese sector regulation models gives an opportunity to find the way to venture investment optimization with the help of the world experience. There are some groups of sources during the research of Russian and Japanese venture business governmental regulation (laws, regulating main Russian and Japanese main venture business processes); strategies and conceptions, worked out by government to coordinate main sector activities, and research literature (research works by Russian, European, Japanese authors). The official governmental position in the Russia and Japan venture business regulation are analyzed in the work, regulation measures criteria are formed, sector problems in countries are highlighted, the conclusions on venture business stimulation by definite countries with international experience are made (on the example of Japanese experience in the Russian model). The main conclusion of the research is the fact that venture business in the countries is developing on the same chronology, but with national peculiarities. That is why it is not only impossible to move some elements of venture business effective support from one country to another, but also ineffective, because Russian business is not ready to be adapted to changing conditions and rules in time. By the way it is necessary to mention that both countries have problems in the sphere of venture business regulation and venture business development in common. The innovation sphere development is the national policy key element, but Russia as well as Japan has specific resources on the way to achieve the aim. These resources depend on the current economy situation and capital and business experience and history.

REFERENCES

1. The Science and Technology Basic Law (Act No. 130 of 1995). Available at: http://www.mext.go.jp/component/english/__icsFiles/afieldfile/2009/04/23/1260363_2.pdf, svobodnyy. (Accessed: 12th June 2013).
2. Federal Law on Special Economic Zones in the Russian Federation. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142952. (Accessed: 07th April 2013). (In Russian).
3. Law for facilitating the creation of new business. Available at: http://www.meti.go.jp/english/report/data/gIP1102e.html. (Accessed: 10th June 2013).
4. Innovative Russia 2020. Ministry of Economic Development. Available at: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e. (Accessed: 03rd March 2012). (In Russian).
5. The concept of development of venture capital industry in Russia (State incentive system of venture capital investments). Available at: http://it4b.icsti.su/docs/concept.htm. (Accessed: 14th June 2013). (In Russian).
6. The main provisions of the development strategy of Russian Venture Company, 2009. Available at: http://www.rusventure.ru/company/legal_basis/strategy_rvc.pdf. (Accessed: 14th June 2013). (In Russian).
7. Innovation 25. Creating the Future, Challenging Unlimited Possibilities. Interim Report. Innovation 25 Strategy Council. Available at: http://www.kantei.go.jp/foreign/innovation/interim_e.html. (Accessed: 18th July 2013).
8. Bondarenko N.E. *Obshchie printsipy i instrumenty gosudarstvennoy innovatsionnoy politiki v mirovoy praktike* [General principles and tools of the state innovation policy in the world]. Available at: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fsdo.rea.ru%2Fcde%2Fconference%2F1%2Ffile.php%3FfileId%3D4&ei=_cq4Uan2C6z44QS074G4AQ&usg=AFQjCNHueX_ylcnXAD4_7J0BdbJI0wDzyA&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt. (Accessed: 07th May 2013).
9. Gul'kin P.G. *Vvedenie v venchurnyy biznes Rossii* [Introduction to venture business in Russia]. Available at: http://transfer.eltech.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1/4b1f532c5321332ec32569ca004f3578?OpenDocument. (Accessed: 09th December 2012).
10. Egorova N.E., Smulov A.M. *Venchurnyy kapital v Rossii i istochniki finansirovaniya progressivnykh tekhnologiy i naukoemkikh proizvodstv* [Venture capital in Russia and funding of advanced technologies and high-tech industries]. Available at: http://auditfin.com/fin/2003/3/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov.asp. (Accessed: 08th November 2012).
11. Eberhart R. *Japanese venture Capital. An analysis of start-up investment patterns vs. Silicon Valley*. Available at: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=An%2BAnalysis%2Bof%2BStart-up%2BInvestment%2BPatterns%2Bvs.%2BSilicon%2BValley&source=web&cd=1&ved=0CCgQFjAA&url=http%3A%2F%2Fiis-db.stanford.edu%2Fres%2F2323%2FSTAJE_Tokyo_Symposium_VC_8.ppt&ei=nye5UYKQHeSu4QTur4DIDA&usg=AFQjCNE5oayGI1r2Awqhqn2INL8M4eE4tw&bvm=bv.47883778,d.bGE&cad=rjt. (Accessed: 05th April 2013).
12. Korver M. Evolution of Japanese Venture Capital. *Global venture capital*, 2008, April. Available at: http://www.gvc.jp/en_gvc/images/ Evolution%20of%20Japanese%20Venture%20Capital%20(v.2).pdf. (Accessed: 08th June 2013).

13. Berger R. Japanese business newsletter. Ra-Shin-Ban. *Compass*, 2005, April. Available at: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.rolandberger.co.jp%2Fmedia%2Fpdf%2FRoland_Berger_Rashinban_20120227.pdf&ei=osm4UbvYO-WC4ASSoICYBg&usg=AFQjCNG_-S54MpKkOF9dG1EJmAeY2YYWKw&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt. (Accessed: 01st May 2013).
14. Hamada Y. Venture business in Japan. *Econ. J. of Hokkaido Univ.*, 2009, vol. 38. Available at: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39871/1/EJ38_001.pdf. (Accessed: 01st May 2013).
15. Higashino D. Changing environment for Japanese venture businesses. *JETRO, Japanese economic monthly,* May 2005. Available at: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.jetro.go.jp%2Fen%2Freports%2Fmarket%2Fpdf%2F2005_31_m.pdf&ei=mse4Uc-iHqzW4ATv7YCgDA&usg=AFQjCNH0__NyJwhz5nIluGx2KiEJSi68YA&bvm=bv.47810305,d.bGE&cad=rjt. (Accessed: 06th June 2013).
16. Motohashi K. Innovation and Entrepreneurship: A first look at linkage data of Japanese patent and enterprise census. *RIETI Discussion Paper Series 11-E-007*, 2011. Available at: http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e007.pdf. (Accessed: 04th April 2013).
17. Japan Vision 2050: Principles of Strategic Science and Technology Policy toward 2020. Available at: http://www.scj.go.jp/en/vision2050.pdf. (Accessed: 06th May .2013).
18. Zverev V. *Venchurnyy biznes v Rossii* [Venture business in Russia] . Available at: http://gaap.ru/articles/biz/. (Accessed: 19th April 2013).

Received: 26 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 140–145 DOI: 10.17223/15617793/386/23

УДК 372.893

В.Ю. Соколов

ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ШКОЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Ппредставлен опыт разработки технологии проектирования процессов самоидентификации на уроках истории в одной из общеобразовательных школ г. Томска. Этот опыт изложен в обобщенном виде и включает в себя: обоснование выбора проектных форм образования в качестве технологической базы обучения самоидентификации, рабочее определение понятия «социокультурная идентичность» и ее ключевые признаки, характеристику основных технологических блоков, перечень предполагаемых результатов.

Ключевые слова: проектная технология; самоидентификация; школьное историческое образование.

В современном школьном историческом образовании одной из ключевых целей обучения является освоение идентификационной культуры. В новых стандартах исторического образования предполагается, что становление компетенций самоидентификации должно быть организовано в рамках изучения прошлого как процесс самоопределения учащегося в широком поле социальных идентичностей – гражданской, культурной, этнонациональной, религиозной и т.д. Ключевыми компетенциями, которыми должен овладеть школьник, являются навыки установления своей принадлежности к определенным социальным группам и обоснования ценностной значимости этой принадлежности. Первые опыты по формированию компетенций самоидентификации в школьном историческом образовании представляют собой интересные, продуктивные прецеденты реализации новых образовательных установок. Однако необходимо отметить определенную ограниченность этих прецедентов, основной упор в которых сделан на разработке отдельных ситуаций формирования идентичностей, но пока мало внимания уделяется системному построению процессов формирования идентификационной культуры школьника.

Для того чтобы организовать процесс освоения идентификационной культуры в системном виде, на наш взгляд, необходимо перейти от разработки отдельных ситуаций самоидентификации к широкому использованию современных образовательных технологий. Образовательные технологии дают возможность организовать освоение идентификационной культуры как постоянно развивающуюся, основанную на устойчивых алгоритмах, разнообразную по форме учебную деятельность. В этой связи необходимо заметить, что технологизации процессов формирования навыков самоидентификации в школьном историческом образовании пока уделяется мало внимания. Даже в тех публикациях, где образовательные технологии упоминаются, речь идет чаще всего о примерах их применения, а не о развернутых описаниях технологического процесса [1–3].

Представляется, что в описании возможностей применения той или иной образовательной технологии при формировании компетенций самоидентификации должны быть представлены: обоснование выбора технологии, ее возможная модификация в связи с новыми образовательными задачами, характеристика технологических блоков и предполагаемые результаты. Именно эту цель и хотелось бы реализовать в данной публикации. В ней сделана попытка обобщить опыт разработки технологии проектирования процессов самоидентификации на уроках истории в средней общеобразовательной школе № 49 г. Томска (Школа совместной деятельности).

Из перечня ныне известных и широко применяемых образовательных технологий в нашем случае хотелось бы обратить внимание на возможности, которые представляет для формирования идентификационной культуры проектная технология. Отношение к действительности как предмету конструирования, свойственное проектной технологии, на наш взгляд, открывает перед участниками образования широкие возможности для построения собственной идентичности. Однако в предшествующий период эти возможности проектной технологии были мало востребованы.

В современном школьном историческом образовании на разных уровнях уделяется большое внимание развитию проектных компетентностей. Во многих школах страны на уроках истории и во внеурочной деятельности широко внедряются различные формы обучения проектной деятельности. Однако заметим, что львиная доля таких практик следует методу проектов, в котором основное внимание уделяется освоению техники проектирования – выбору тем проектов, разработке планов и форм работы, подготовке презентаций. Метод проектов – «инструментальная» технология, она ориентирована в основном на овладение проектными компетенциями, на обучение учащихся выбору средств для выхода из проблемных ситуаций, построению новой реальности и слабо работает на формирование личностной позиции участников образования [4–7].

Более широкие возможности использования проектной деятельности в формировании личностной позиции учащихся стали открываться при переходе с компетентностного на антропологический подход. В отечественном образовании появился ряд исследователей (О.И. Генисаретский, В.И. Слободчиков, Г.Н. Прозументова, И.Ю. Малкова), которыми в той или иной мере «проблема проектирования в антропо-

логическом подходе все более осмысляется как проблема становления субъекта в процессе построения образовательной реальности человека, а само проектирование рассматривается с точки зрения его образовательных возможностей, как способ становления субъекта и реальности образования» [8. С. 133]. Субъектная позиция в так называемом образовательном проектировании проявляется прежде всего в деятельности участников образования по разработке целей, ценностей, содержания своего образования. Последователям данного подхода образовательное проектирование «представляется не только способом влияния на социальную, образовательную практику, но и способом собственного развития (саморазвития), реализации своих сущностных сил и потенций, самореализации. …Речь идет о том, чтобы представить проектирование не только как деятельность по изменению и конструированию практики, но и как способ образования самого человека и его субъектной позиции» [9. С. 54].

Переходя на позиции образовательного проектирования при формировании идентичности, рассматривая его не только как способ влияния человека на окружающую действительность, но и как средство образования самого человека, необходимо обозначить предмет проектирования. Из существующих в литературе многочисленных определений идентичности хотелось бы обратить внимание на развернутую характеристику данного понятия, представленную воронежским исследователем М.В. Шакуровой. Данное ею определение социокультурной идентичности позволяет представить его как базовое, широтой подхода задающее целостное представление о сущности и проявлениях идентификационной деятельности обучающихся, по отношению к которой различные типы идентичностей – этническая, гражданская, религиозная, государственная и т.д. – выступают как подвиды. Причем представленное определение может быть использовано при оценке идентификационных процессов как в макро-, так и в микрогруппах, что особенно важно для школьной практики. «Социокультурная идентичность, – по мнению указанного автора, – элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интрариоризации культурных моделей, транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами, отдельными субъектами» [10].

В данном определении работа над формированием собственной идентичности, на наш взгляд, как раз и представлена как неотъемлемый атрибут субъектных действий участника образования. Если мы считаем важнейшим показателем такой субъектности способность разрабатывать цели, содержание, формы своего образования, то не менее важным представляется и другой показатель – умение понимать и обосновывать позицию, с которой продуцируются упомянутые цели, содержание и формы. И в этом смысле формирование собственной социокультурной идентичности является работой над реконструкцией / конструированием такой позиции.

Целостное представление о процессе и уровне формирования социокультурной идентичности, по мысли М.В. Шакуровой, можно составить на основе следующих характеристик: «– когнитивно-смысловых (осознание своей принадлежности к определенной группе (общности), позволяющее солидаризироваться с ее идеалами, стандартами, базовыми типизациями, принимать их и формировать соответствующие «обыденные теории»; формирование представлений об атрибутах должного по отношению к различным ситуациям и людям; выработка мнения о себе как члене данной группы, соотнесение данного мнения с соответствующим мнением членов данной группы как «своих» и других групп как «чужих»); – эмоционально-ценностных (совокупность чувств, оценок, отношений, связанных со сформированными знаниями, представлениями, мнениями о членстве в группах и общностях, актуализация и ощущение адекватности / неадекватности собственного «Я»); – деятельностных (реализация интериоризированных антропообразов и образцов, соответствующих сценариев и способов поведения внутри и вне своей группы, общности)» [Там же].

Указанные характеристики позволяют сформулировать особенности содержания образования, которое формируется средствами технологии проектирования процессов самоидентификации на уроках истории. Представляется, что в основу обучения самоидентификации должно быть положено проектирование педагогом и учащимися процессов создания и развертывания работы малых учебных групп, а также рефлексии этой деятельности. Вовлечение учащихся в организацию работы подобных групп, переживание и переосмысление этой деятельности позволяет участникам образования освоить компетенции социокультурной самоидентификации на всех трех уровнях: когнитивно-смысловом, эмоционально-ценностном и деятельностном.

Основным содержанием образовательной деятельности малых учебных групп, вовлекаемых в проектирование процессов самоидентификации, в этом случае становится совместная работа педагога и учащихся по проявлению и реализации смыслов изучаемого на уроках истории предметного материала. Именно участие ученика в совместной работе по порождению и реализации смыслов предметного материала является «входным билетом» в ту или иную группу. В то же время не похожий на другие авторский смысл изучаемого явления прошлого, порожденный и реализуемый той или иной группой, позволяет уже на начальном этапе отличать одну группу от другой, создавая для ученика ситуацию выбора, совершения первого идентификационного шага на когнитивном уровне.

И здесь принципиальное значение приобретает подчеркивание социальной природы понятия «смысл». Нам представляется односторонним указание на активность отдельного субъекта познания, понимание смысла как «нечто, что мы проецируем в окружающие нас вещи» [11. С. 291]. В нашем случае смысл образуется в процессе столкновения, «встречи» представлений разных субъектов, а также уже укоренившихся в культуре мнений по изучаемому вопросу

[12. С. 14]. Отсюда и понятие истины выступает не в натуральном виде, как предельно объективированное, зеркальное отражение действительности, а в виде продукта активного обсуждения субъектами познания своих представлений о действительности. В ходе совместного смыслопорождения участники образования учатся инициировать не только смыслы предметного материала, но и способы построения образовательных пространств для развертывания, соорганизации и оценки этих смыслов. Это обстоятельство предполагает переход участников образования от порождения смыслов предметного материала к инициативам по созданию разных форм организации образовательной деятельности.

В технологическом отношении проектирование процесса самоидентификации на уроках истории может быть организовано в виде развертывания проектного цикла в рамках освоения учебной темы. Цикл состоит из трех технологических блоков. Блок 1. Проявление и соорганизация первичных смыслов предметного материала и формирование малых учебных групп для их реализации. Блок 2. Разработка группами проектных замыслов, сбор предметного материала, подготовка и проведение презентации своих мини-проектов. Блок 3. Организация групповых рефлексий и анализа общей работы класса в проектном цикле.

Особого внимания заслуживает характеристика первого блока совместной проектной деятельности, так как от его построения зависит результативность работы во всем цикле. Содержание совместной работы в этом блоке – организация работы малых учебных групп и обеспечение максимально комфортного и осознанного вхождения учащихся в эти группы. Механизмом запуска таких ситуаций может стать выделение в теме ключевого понятия (война, культура, революция), особого словосочетания или яркого образа изучаемого периода (фрагменты фильмов, литературных произведений), которые инициируют порождение детьми как можно больше впечатлений, переживаний, собственных определений предметного материала. Из этого эмоционально-образного учебного «сора» рождаются первичные смыслы предметного материалы.

Для нас первичный смысл – это, во-первых, всегда «со-мысль», продукт совместной деятельности, «встречи» переживаний, впечатлений, представлений педагога и детей по поводу изучаемого материала. В этом взаимодействии происходит «очищение» восприятия прошлого от ни на чем не основанной произвольности, ошибочности суждений. Во-вторых, употребляя термин «первичный», мы имеем в виду, что такой смысл возникает в совместной деятельности до встречи с культурными образцами понимания предметной информации и потому понятийно, теоретически не оформлен. В-третьих, термин «первичный смысл» означает, что все смыслы, принадлежащие этой категории, как бы находятся на старте образовательной деятельности, «дожидаясь» своего развертывания, развития. Эти смыслы лишены каких-либо ценностных или статусных предпочтений по отношению друг к друг и за каждым из них закреплено право на существование в рамках урока и дальнейшее обоснование. Поле первичных смыслов, построенное на данных основаниях, представляет собой открытое образовательное пространство, доступ в которое открыт для всех участников совместной деятельности. Вокруг каждого из этих первичных смыслов («Что такое война?», «Почему возникают революции?» и т.д.) формируется группа учащихся, которым данный смысл кажется «своим» и которые готовы обосновывать свое понимание в процессе освоения учебной темы.

Работу по формированию поля первичных смыслов изучаемого на уроке предметного материала мы относим к образовательному содержанию, потому что в данном случае знания о прошлом не вносятся извне, а порождаются совместными усилиями, инициативами участников группы и затем развиваются, корректируются посредством приобщения к наследию профессиональных историков, материалам учебных пособий. Точно так же порождаются и корректируются отношения внутри группы, которая начинает развивать и обосновывать свой первичный смысл. Конструирование группы, предусматривающее совместный выбор смысла, распределение ролей и объемов работы, выстраивание внутригрупповых отношений не может не сопровождаться конструированием идентичности каждого из ее участников. Заметим, что самоидентификация как конструирование идентичности развивается на этом начальном этапе главным образом на когнитивном и деятельностном уровнях, перенося рефлексивные эмоционально-оценочные действия на конец проектного цикла.

Совместная работа в рамках второго блока проектного цикла, рассчитанного на разработку и презентацию группой своего мини-проекта, с точки зрения самоидентификации позволяет ученику, во-первых, получить разнообразный опыт внутригрупповых и межгрупповых отношений. Во-вторых, он получает возможность апробировать «на себе» разработанные или занесенные извне образцы, модели, сценарии поведения внутри группы. И, в-третьих, этот способ на практике убедиться в способности «своей» группы поддерживать или повысить статус ее членов. Участие в групповой работе на втором этапе во многом разворачивается спонтанно, насыщено сложными, разнообразными видами образовательной деятельности, которые потому не всегда понятны ее участникам. Процессы самоидентификации протекают в этом блоке преимущественно на деятельностном уровне.

В этой связи оказывается особенно востребованным построение третьего блока проектного цикла, в котором организуются различные формы эмоционально-оценочной, рефлексивной и аналитической работы. Этот этап совместной проектной деятельности чрезвычайно важен прежде всего тем, что в нем восстанавливается пространство самоидентификации и участники имеют возможность в буквальном смысле «увидеть» новый учебный предмет. Логично именно на этом этапе знакомить учащихся с определением понятия «идентичность», показывать на их уже сложившемся опыте образовательные возможности самоидентификации.

На этом этапе учащиеся получают навыки реконструкции внутригрупповой работы и межгрупповых

отношений, в отсутствие которых вряд ли можно говорить об осознанном протекании процессов самоидентификации. Особенно важно в данной работе «перевести» апробированные на деятельностном уровне образцы, модели, сценарии внутригруппового поведения на когнитивный уровень, обсудив их эффективность и комфортность для членов группы.

Кроме того, важную роль на данном этапе приобретают умения оценивать образовательные и «человеческие» ресурсы сформированных групп. Участник той или иной группы, оказавшись перед реконструированной картиной совместной проектной работы, получает достаточный материал для обоснованной оценки образовательного потенциала «своей» и «чужих» групп. Эта оценка в дальнейшем может служить основанием для коррекции своего участия в старой группе или переходе в новую.

Для организации полноценного процесса самоидентификации в проектный цикл необходимо ввести существенные и в то же время понятные для участников образования признаки различения групп. В предлагаемой практике преподавания истории признаки различения групп выстраиваются по трем осям. 1. Смыслы предметного материала. 2. Степень освоения группами проектной культуры. 3. Модели совместной деятельности. Понятно, что, исходя из принципа возрастосообразности, в каждой возрастной параллели эти признаки проговариваются на понятном участникам образования языке.

О возможностях различения групп по образуемым ими смыслам предметного материала уже говорилось выше. О возможностях различения малых учебных групп по степени освоения проектной культуры отметим следующее. В процессе освоения компетенций самоидентификации в рамках проектного цикла учащиеся приобретают навыки организации учебных групп в трех формах: инициативная группа, проектная группа, проектная команда. В инициативной группе ее участники еще не имеют опыта проектной деятельности, но проявляют инициативы по выбору предметных сюжетов в учебной теме, форм совместной работы и способов оценивания. Такие инициативы обычно рассчитаны на работу в течение 1–2 уроков. В проектной группе ее участники уже имеют знания и опыт построения проектов, которые разрабатывают и реализуют в рамках проектных циклов, охватывающих учебную тему. Проектная команда проектирует деятельность своих участников с расчетом на работу в течение учебного года, с возможностью выхода работы команды за рамки конкретного учебного предмета. По мере освоения этих форм учебной работы между педагогом и учащимися происходит перераспределение функций: названным группам и командам делегируется все больше полномочий в организации совместной проектной деятельности.

Модели совместной деятельности, по которым можно различать особенности взаимоотношений в группе, разработаны коллективом школы и широко применяются для организации и анализа разных проявлений образовательной деятельности. В данный момент используются три модели построения совместности – авторитарная, лидерская и партнерская. Авторитарная модель предполагает единоличное руководство одним из учеников всеми процессами в группе, лидерская – делегирование руководителем ряда функций остальным членам группы, партнерская подразумевает решение всех вопросов в группе на паритетной основе.

В ходе «продвижения» учащихся по указанным осям становятся разнообразнее взаимодействия групп, меняются роли и позиции внутри групп и команд, происходят усложнение идентичности их участников и развитие компетенций самоидентификации. Движение микрогрупп по указанным осям представляется нам базовым – способным обеспечить достаточный опыт и знания для опознавания и установления принадлежности к той или иной общности, формирования идентификационной культуры в целом. На его основе возможно успешное освоение навыков самоидентификации в рамках не только микро-, но и макрогрупп, представляющих различные типы социокультурных идентичностей.

Так, развитие актуальной сегодня гражданской идентичности на уроках истории проходит значительно продуктивнее, когда мы используем уже накопленный опыт работы в микрогруппах. Для этого применяются такие формы обучения, как деловые игры, в которых группам предлагается взять на себя полномочия представителей определенных политических, социальных, профессиональных или религиозных сообществ. Например, реформа по отмене крепостного права в России в 1861 г. рассматривается не сама по себе, а под углом зрения интересов тогдашних сословий и социальных прослоек – дворянства, купечества, крестьянства, интеллигенции, буржуазии, духовенства, бюрократии. Каждая из микрогрупп берет на себя роль представителей одной из этих макрогрупп, а их участники не только изучают материалы реформы, но и восстанавливают и обсуждают цели, ценности, политические установки, исторические перспективы развития представляемых ими слоев российского общества.

Безусловно, процессы самоидентификации учащихся на уроках истории в рамках макрогрупп ограничены в деятельностном плане и успешнее протекают на когнитивном и эмоционально-оценочном уровне. Поэтому важно с точки зрения развития идентификационной культуры проводить постоянные параллели, сопоставления процессов самоопределения в микро- и макрогруппах, выделяя общие для них механизмы развития и обсуждая возможности установления своей принадлежности к этим группам.

В заключение хотелось бы выделить группу компетенций, формирование которых, на наш взгляд, является результатом использования технологии проектирования процессов самоидентификации на уроках истории. Помимо проектных компетенций, характеристика которых должна идти в другом контексте, участники проектирования групповой работы учатся: понимать смысл и содержание деятельности той или иной группы; выбирать / участвовать в создании группы, адекватной собственным ценностям и целям; находить свое место в группе и выстраивать внутригрупповые отношения; оценивать значение и место

группы среди других групп; участвовать в групповых рефлексиях и коррекции работы группы; соотносить механизмы создания и развития микро- и макрогрупп.

Заметим, что в предлагаемой технологии освоения компетенций самоидентификации происходит не только формирование идентичности участников образования, но и построение самого образовательного пространства. На место традиционной классно-урочной системы приходит более свободное пространство учебной темы, в которой участники микрогрупп выстраивают совместную образовательную деятельность по своим собственным проектам. О.В. Оберемко нашел удачное определение такому типу идентификации, назвав его «пространственно-деятельностным». По его мнению, «идентификация – это социальное (групповое, совместное, необязательно скоординированное, но ориентированное друг на друга) повседневное, деятельное (вос)производство и / или конструирование принадлежности индивидов – многих Я – к своей группе. В терминах феноменологической социологии можно сказать, что деятельная идентификация имеет место тогда, когда мы с напряженным вниманием относимся к пространству своей группы и тем самым делаем ее мир реальным... Делаем мир реальным для себя и демонстрируем эту реальность другим своим социальным поведением. Напряженное внимание к миру в то же самое время делает реальным и индивидуального деятеля. Я переживает себя как реальность в реальном мире – вместе с реальным миром» [13. С. 108].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козырева О.Ф.* Использование метапредметной технологии в формировании гражданской идентичности // Преподавание истории в школе. 2011. № 4.
2. *Андриенко А.В.* Гражданская идентичность на уроках истории и курса ОРКСЭ. URL: http://andrienko.rusedu.net/post/6523/86845
3. *Клишейко Н.В.* Формирование гражданской идентичности на уроках истории и во внеурочной деятельности. URL: http://www.informio.ru/publications/id20
4. *Тарасова Н.В.* Проектная работа по истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. № 3.
5. *Сергеев И.С.* Освоили метод проектов… Что дальше? // Преподавание истории и обществознания в школе. 2005. № 9.
6. *Карма Е.А.* Проектная деятельность на уроках истории: от целеполагания до реализации // Преподавание истории в школе. 2013. № 1.
7. *Суволокина И.В., Соснова В.М.* Обобщение: Россия в XVIII веке. Проектный урок в VII классе // Преподавание истории в школе. 2013. № 1.
8. *Малкова И.Ю., Киселева П.В.* Образовательное проектирование в высшей школе: разработка проектов педагогической практики // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346.
9. *Лях Ю.А.* Образовательное проектирование в инновационной школе // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 1 (10).
10. *Шакурова М.В.* К проблеме определения сущностных характеристик российской идентичности // Социальные и социально-педагогические проблемы: поиски и модели решения : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под науч. ред. М.В. Шакуровой. Воронеж, 2009. URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-241934.html
11. *Франкл В.* Человек в поисках смысла : сб. М., 1990.
12. *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
13. *Оберемко О.* Локальная идентичность благотворителя как представление о «территории свободы» // Социальная реальность. 2007. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 апреля 2014 г.

EXPERIENCE OF SELF-IDENTIFICATION PROCESSES DESIGN IN THE SCHOOL HISTORICAL EDUCATION

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 140-145. DOI: 10.17223/15617793/386/23

Sokolov Viktor Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sokvu@yandex.ru

Keywords: design technology; identity; school historical education.

This article presents an experience of self-identification processes design at history lessons in a Tomsk school. This experience is set out in a summary form and includes: justification of the choice of the design of education forms as a technological base of teaching self-identification, the draft definition of the "socio-cultural identity" concept and its key features, description of the basic technological units, the list of intended results. In modern school historical education one of the key objectives is the development of identification culture. It is expected that the development of self-identification competences should be organized in the study of the past as a process of self-determination of a student in the broad field of social identities. The key competencies students are to master are skills of establishing their belonging to certain social groups and justification of the value of this belonging. The first experiments on the formation of self-identification competencies in school history education are interesting, productive precedents of implementation of new educational orientations. However, it is necessary to note the specific feature of these precedents, the main emphasis is made on the organization of individual scenarios of the formation of identities and yet little attention is given to the expanded use of modern educational technologies. From the list of currently known and widely used educational technologies in our case we would like to draw attention to the possibility that the project technology represents for identity culture formation. The attitude to reality as the subject of design typical of project technologies, in our opinion, opens ample opportunities for the participants of education to build their own identity. It seems that the basis of self-identification study should be based on a design by the teacher and the students of the processes of creation and development of small study groups, as well as on reflection of this activity. Involvement of students into the work of such groups, experience and rethinking of this activity allows the participants of education to develop the competencies of socio-cultural identity on three known levels: cognitive-semantic, emotional and value, and activity. During the development of self-identification competencies the team members design and remodel their own identity. Technologically, the self-identification process design at history lessons can be arranged as a project cycle within a topic. The cycle consists of three units: 1) manifestation and co-organization of the primary senses of the material and the formation of small study groups for their implementation; 2) development of project ideas, collection of the material, preparation and presentation of mini-projects by the groups; 3) organization of group reflections and analysis of the overall work of the class in the project cycle.

REFERENCES

1. Kozyreva O.F. Ispol'zovanie metapredmetnoy tekhnologii v formirovanii grazhdanskoy identichnosti [Using a meta-subject technology in the formation of civic identity]. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2011, no. 4, pp. 11-14.
2. Andrienko A.V. *Grazhdanskaya identichnost' na urokakh istorii i kursa ORKSE* [Civic identity in History and Basics of Religious Cultures and Secular Ethics lessons]. Available at: http://andrienko.rusedu.net/post/6523/86845.
3. Klisheyko N.V. *Formirovanie grazhdanskoy identichnosti na urokakh istorii i vo vneurochnoy deyatel'nosti* [Formation of civic identity in history classes and in extracurricular activities]. Available at: http://www.informio.ru/publications/id20.
4. Tarasova N.V. *Proektnaya rabota po istorii* [Project work in history]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, 2004, no. 3.
5. Sergeev I.S. Osvoili metod proektov… Chto dal'she? [Mastered the method of projects ... What's next?]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, 2005, no. 9
6. Karma E.A. Project activities in history class: from goal-setting to implementation. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2013, no. 1, pp. 7-8. (In Russian).
7. Suvolokina I.V., Sosnova V.M. Summary: Russia in the XVIII century. Design a lesson in class VII. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2013, no. 1, pp. 31-33. (In Russian).
8. Malkova I.Yu., Kiseleva P.V. Educational projecting in higher school: student teaching project development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal,* 2011, no. 346, pp. 133-135. (In Russian).
9. Lyakh Yu.A. Educative projects in modern school. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 1 (10), pp. 53-57. (In Russian).
10. Shakurova M.V. *K probleme opredeleniya sushchnostnykh kharakteristik rossiyskoy identichnosti* [On the problem of determining the essential characteristics of Russian identity]. In: Shakurova M.V. (ed.) *Sotsial'nye i sotsial'no-pedagogicheskie problemy: poiski i modeli resheniya* [Social and socio-pedagogical problems: the search for solutions and models]. Voronezh, 2009. Issue 6. Available at: http://do.gendocs.ru/docs/index-241934.html.
11. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search for meaning]. Moscow: Progress Publ., 1990. 219 p.
12. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From science learning to the logic of culture: two philosophical introductions to the 21st century.]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 413 p.
13. Oberemko O. Lokal'naya identichnost' blagotvoritelya kak predstavlenie o "territorii svobody" [Local philanthropist identity as a representation of the "area of freedom"]. *Sotsial'naya real'nost'*, 2007, no. 3.

Received: 23 April 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 146–148 DOI: 10.17223/15617793/386/24

УДК 94:614 (571.16) “19/20”

К.А. Тартаковская

«ТОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САНИТАРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На основании фактического материала, опубликованного в газете «Томские епархиальные ведомости», рассматриваются организация санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. и участие священников в распространении медицинских знаний среди населения. Объясняются причины, по которым духовенство занималось медико-просветительской работой, описываются способы формирования санитарной культуры населения, освещается участие священников в борьбе с эпидемией холеры, распространившейся в Томской губернии в 1892 г.

Ключевые слова: санитарное просвещение; гигиена; Томская губерния.

Организация санитарного просвещения – важная составная часть социальной политики государства, поскольку позволяет предотвратить распространение заболеваний и, таким образом, является превентивной мерой в деле охраны здоровья населения. Особенность организации санитарного просвещения в дореволюционной России состояла в том, что распространением медицинских знаний занимались не только врачи, но и служители церкви. Так, во Врачебном уставе 1857 г. говорилось, что в случае распространения эпидемий священники могут объяснять населению необходимость и пользу проводимых врачами мер, убеждать людей оставаться спокойными, полагаясь на «благость Божию и попечение начальства», прислушиваться к «советам и приказаниям врача» [1. С. 166]. В статьях Врачебного устава издания 1892 г. указывалось, что представители духовенства могли участвовать в заседаниях медицинских комитетов, распространять среди прихожан постановления начальства по вопросам, касавшимся охраны народного здравия [2. С. 159, 160]. Указанные законоположения действовали на практике. Так, в состав Томского губернского оспенного комитета входил представитель духовенства [3. Л. 4].

Сотрудничество профессиональных медиков с церковью в деле распространения медицинских знаний объясняется ее высоким авторитетом среди населения, особенно среди крестьянства, а также и недоверием к врачам, фельдшерам и оспопрививателям. Вот что об этом писали в одном из медицинских отчетов 1880-х гг.: «Немало людей-простолюдинов, которые отказываются от медицинской помощи, даже если есть возможность обратиться к медику, частью по невежеству и по предрассудкам, частью по врожденной склонности прибегать к обставленному разными таинственными приемами врачеванию знахарей и знахарок. Нельзя оставить без внимания и характера деятельности, присвоенного окружным и городским врачам, – судебно-медицинская и медико-полицейская обязанности. Крестьянин не может примириться с мыслью, что врач, который производит вскрытие трупов… может с любовью относиться к страждущему… Такая двойственность… отделяет врача официального, судебного и полицейского от врача врачующего» [4. С. 37, 38]. В сложившихся условиях привлечение священников к работе по распространению санитарно-гигиенических знаний среди населения имело большое значение. В этом отношении представляют интерес публикации в «Томских епархиальных ведомостях», официальном издании Томского епархиального управления, выходившем в 1880–1917 гг.

Материалы «Томских епархиальных ведомостей» позволяют проследить участие священнослужителей в работе по распространению санитарной культуры. Так, во время холерной эпидемии, свирепствовавшей в Томской губернии в 1892 г., было опубликовано обращение Святейшего синода к духовенству с призывом знакомить прихожан с «предостережениями против холеры» и «при всяком удобном случае удостоверять сомневающихся из народа, что болезнь, называемая холерою, точно в настоящее время появилась и распространяется в некоторых местностях нашего отечества и что болезнь эта действительно заразительна… внушать недоразумевающим, чтобы занемогающих в домах не утаивали, а объявляли о них, кому от начальства приказано, и чем скорее, тем лучше: сего требует польза больного, потому что чем скорее употреблены будут врачебные пособия, тем надежнее выздоровление; сего требует и польза всего семейства, потому что когда в доме… у скрываемого недуг усилится, тогда и другие члены семейства… могут заразиться» [5. 1992. 15 авг.].

Глава Томской епархии епископ Макарий (Невский) опубликовал воззвание к жителям, в котором призывал соблюдать правила гигиены и обращаться за медицинской помощью к врачам: «Истинный христианин, уповая на Бога, и сам себя бережет. Он… исполняет все то, что требует наука о сохранении здоровья, ибо помнит слова Писания: почитай врача честию по надобности в нем, ибо Господь создал его. Он верит, что Господь создал из земли врачевства и что благоразумный человек не пренебрегает ими» [5. 1892. 15 сент.]. По сведениям «Томских епархиальных ведомостей», благочинные рассылали подведомственным им причтам документы Медицинского департамента о соблюдении санитарных требований при погребении умерших от холеры, наставления о том, как уберечься от заболевания холерой [5. 1893. 15 янв.]. Приходские священники читали и раздавали народу брошюры, статьи и наставления о способах борьбы с холерой, убеждали исполнять все советы и требования, исходившие от местной администрации, санитарного комитета, медицинского персонала, давали советы, как ухаживать за больным, какие средства принимать до прибытия врача [5. 1893. 15 февр., 15 мая].

Нужно отметить, что наставления и рекомендации, касающиеся вопросов гигиены, публиковались не только во время эпидемий. Так, в 1883 г. в газете было опубликовано «Наставление и указание мер к прекращению дифтерита». В нем указывалось, что священники должны совершать церковные требы больным на дому, чтобы предотвратить появление инфекции в церкви, запрещалось отпевание умерших от дифтерита в церквах, устройство поминок, предписывалось выносить тела покойных в наглухо заколоченных гробах, хоронить в могилах глубиной не менее трех аршин. Для причащения больных дифтеритом священникам предписывалось иметь особые предметы – чашу, пелену для обтирания рта, которая после обряда сжигалась. Кроме того, духовные лица, «как люди просвещенные и пользующиеся доверием и уважением своих прихожан», обязаны были знакомить население с мерами предохранения детей от заражения, способами первоначальной подачи медицинской помощи заболевшим и внушать доверие к деятельности врачей [5. 1883. 1 сен.].

Подобные публикации «Томских епархиальных ведомостей» имели цель повысить уровень санитарно-гигиенических знаний священников, прививать населению представления о правилах гигиены, формировать доверительное отношение к врачам. Однако не все священнослужители были способны к выполнению этих важных задач. В 1888 г., например, в «Томских епархиальных ведомостях» было опубликовано сообщение о том, что заболел корью маленький ребенок священника В. Островзорова. И, поскольку «доктора жили за 100 верст от села, а сам он в медицине ничего не понимал», семья обратилась за советом к местной повитухе. Получив совет вымазать ребенка дегтем и потом выпарить в бане, родители приступили к «лечению», однако мать по ошибке вместо дегтя взяла смолы, сварила ее в кастрюле и вымазала этим ребенка. Закончился инцидент благополучно, но он свидетельствовал о крайней степени невежества даже самих священников и их близких. Потому-то рассказ был помещен в газете с целью привлечения внимания к проблеме распространения медицинских знаний среди священнослужителей [5. 1888. 1 мая]. С такой же целью в газете сообщалось о том, что в Томском епархиальном женском училище читался курс гигиены, а профессор Томского университета А.И. Судаков прочитал 10 лекций по гигиене на летних учительских курсах Томской епархии, открытых в 1898 г. В рамках лекционного курса учителям церковных школ было рассказано о составе воздуха, о необходимости проветривания школьных помещений, о пищевых продуктах, о том, как распознавать серьезное заболевание [5. 1901. 15 янв.; 1899. 15 янв.].

Еще одним способом распространения медицинских и санитарно-гигиенических знаний среди населения стала публикация статей и заметок о лечении и профилактике в домашних условиях холеры, дифтерита, туберкулеза и других заболеваний [5. 1892. 1 марта, 1 авг.; 1883. 1 сент.; 1882. 1 сент.; 1884. 15 июня; 1908. 1 апр.; 1911. 1 февр.]. При этом источник позволяет проследить, что некоторые из публикуемых способов священники действительно пытались применять на практике. Так, после выхода заметки о лечении лихорадки раствором горячей воды с обжаренной поваренной солью алтайский миссионер опубликовал опровержение, в котором указал, что данное средство не приносит облегчения больным. Вместо этого он предложил собственные проверенные средства – употребление горчицы, настоя корней шиповника и диету [5. 1883. 1 марта]. В «Томских епархиальных ведомостях» публиковались материалы, посвященные проблеме предотвращения заболеваний и здоровому образу жизни, в частности о вреде браков в близком кровном родстве, о губительном влиянии табака, о положительном влиянии пения на здоровье, о пользе меда и др. [5. 1884. 15 авг.; 1880. 1 дек.; 1890. 15 марта]. Как правило, эти заметки перепечатывались из других периодических изданий и были предназначены прежде всего духовенству. Всего в «Томских епархиальных ведомостях» было опубликовано более 30 подобных заметок.

В то же время в газете печатались статьи о «чудесных исцелениях», описывавших выздоровление больных после обращения к святым [5. 1884. 15 мая; 1908. 1 сент.; 1888. 1 мая]. Подобные публикации могли способствовать отказу от обращения к медицинской помощи, тем более что у многих людей наблюдалось недоверчивое отношение к врачам. И действительно, в отчете об организации миссионерской работы на Алтае за 1885 г. упоминается, что «не редко больные прежде искания помощи у врача… обращаются с молитвой за целебной помощью к благодатным врачествам, подаваемым в святых таинствах или к богопрославленным в крае святым: целебнику Пантелеимону и святителю Николаю» [1886. 1 апр.].

В Европейской России бытовала практика систематического освещения вопросов санитарии и гигиены в проповедях и беседах священников. Так, в 1880-х гг. в Виленской губернии проводились воскресные беседы в начальных школах, на которых, помимо религиозных, постоянно рассматривались вопросы естественной истории и гигиены [5. 1884. 15 февр.]. В Томской губернии подобная практика не получила широкого распространения. Однако некоторые священники в своих проповедях и беседах обращались к указанным вопросам. Например, священник Е. Ландышев проводил со своей паствой беседы о необходимости строить гигиеничные дома, о правильном воспитании детей, о вреде табака и вина и публиковал их тексты в газете [5. 1899. 1 нояб.; 1900. 1 фев.]. Известно также, что в 1907 г. благочинные на Алтае, с целью снижения детской смертности, читали пастве брошюру о правилах кормления грудных детей [5. 1907. 15 сент.].

Таким образом, редакция газеты «Томские епархиальные ведомости» проводила немалую работу по формированию гигиенической культуры населения Томской губернии. Точно определить объемы этой работы и ее результативность затруднительно, но нельзя отрицать ее положительного значения в деле санитарного просвещения в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Устав* врачебный: издание 1857 года // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13. Тетр. 3. 387 с.
2. *Устав* врачебный: издание 1892 года // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 13. 341 с.
3. *Государственный* архив Томской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7.
4. *Памятная* книжка Томской губернии на 1884 год. Томск, 1884. 175 с.
5. *Томские* епархиальные ведомости (Томск).

Статья представлена научной редакцией «История» 21 мая 2014 г.

TOMSK DIOCESAN SHEETS ABOUT HEALTH EDUCATION ORGANIZATION IN TOMSK PROVINCE IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 146-148. DOI: 10.17223/15617793/386/24
Tartakovskaya Kseniya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kseniya.s@mail.ru
Keywords: health education; hygiene; Tomsk province.

In this article the author scrutinizes the organization of health education in Tomsk Province in the 19th – early 20th centuries. *Tomsk Diocesan Sheets* (*Tomskie eparkhial'nye vedomosti*) became the main historical source for the article. In pre-revolutionary Russia clergymen took part in the process of formation of people's sanitary culture. This practice was set in Russian legislation. That is why Tomsk clergymen took part in health education organization in Tomsk Province. So, *Tomsk Diocesan Sheets* is one of the important sources in this question. The author viewed all articles in *Tomsk Diocesan Sheets* and revealed clergymen's forms of work in the organization of health education. They are popularization of medical care, reading recommendations in hygiene to people, compliance with sanitary requirements in the religious rites, working in abortion of epidemics, conversations about sanitation and hygiene with the congregation, publishing articles about treatment and disease prevention. All this work was done more actively during epidemics. For example, there was a cholera epidemic in Tomsk Province in 1892. At that time Bishop Makariy (Nevskiy), the head of Tomsk Diocese, published his address to the congregation. He urged people to call physicians for medical aid in cases of disease in it. This address was read everywhere in Tomsk Province. People did not trust doctors, so such addresses were necessary. In this article, using the materials of *Tomsk Diocesan Sheets* the author writes about the level of Tomsk clergymen's medical knowledge. As we know, parsons tried to form people's medical culture actively that is why this question is very important. Using the historical source the author concluded that the level of Tomsk clergymen's knowledge in medicine, sanitation and hygiene was not high enough in some cases. Sometimes they demonstrated ignorance in these questions. However, the problem of clergymen's medical ignorance was discussed and tried to be solved. For example, special lecture courses were organized in Tomsk and popular science articles were published in *Tomsk Diocesan Sheets*. The author concludes that clergymen's working in health education was not only Tomsk, but also pre-revolutionary Russian specific situation. Not only parsons but also articles in the newspaper *Tomsk Diocesan Sheets* formed a higher level of Russian people's medical culture. It is hard to evaluate results of this action, but, undoubtedly, this work had positive results in the organization of health education in Tomsk Province in the 19th – early 20th centuries.

REFERENCES

1. *Ustav vrachebnyy: izdanie 1857 goda* [Medical Charter: 1857 edition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1857. Vol. 13, book 3, 387 p.
2. *Ustav vrachebnyy: izdanie 1857 goda* [Medical Charter: 1892 edition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1892. Vol. 13, 341 p.
3. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 4. List 1. File 7.
4. *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1884 god* [The memorial book of the Tomsk region. 1884]. Tomsk, 1884. 175 p.
5. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*.

Received: 21 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 149–151 DOI: 10.17223/15617793/386/25

ПРАВО

УДК 34.096

Р.Л. Ахмедшин

ЦЕЛЕВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОДСИСТЕМ КАК ИСХОДНАЯ ПОСЫЛКА ДЛЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются общие вопросы целеполагания при исследовании элементов правовой реальности. Четкое противопоставление идеологических установок в праве потребностям рационального познания правовой реальности будет способствовать эффективности научных исследований. Анализ реальной, а не декларируемой целевой ориентации правовых подсистем должен выступать первым этапом научного исследования. Проводя исследование той или иной подсистемы правой реальности, исследователь должен изначально выяснить, какова цель существования данной подсистемы в данном обществе на данном историческом этапе и в конкретных этнокультурных условиях.

Ключевые слова: цель; правовая подсистема; пенитенциарные системы.

Без сомнения, идеологическая, пропагандистская функция права выступает в качестве одной из основных функций любой правовой системы. Неудивительно, что декларативная составляющая Конституции и кодифицированных актов любой страны напрямую направлена на формирование убеждения населения в правовой праведности господствующей в государстве идеологии. Идеологическая обработка населения необходима и приоритетна для системы правового знания. Также идеологическая обработка является системообразующим элементом формирования правовой культуры у населения в целом и отдельной личности в частности. Надо ли объяснять, что в зависимости от развития личности, ее профессионального уровня уровень аргументов меняется порой качественно. Идеологическая правовая обработка населения ориентирована на массового типового члена социума и только в плане формирования убеждений на уровне бытовом.

Проблемной становится ситуация, в которой на основе, без сомнения, правильных, но декларативных норм исследователи пытаются разрабатывать комплексы правовых подсистем, к примеру подсистем предупреждения преступлений, борьбы с преступностью или её контроля. При подобной разработке забывается, что правовое регулирование ориентировано на конкретный результат, подчас не совпадающий с целью идеологической обработки, содержащейся в декларативных нормах. Право есть формализованная в правовых нормах воля господствующей группы людей – это не обязательно для понимания населением, но необходимо для понимания исследователями, чтобы не скатиться в околонаучную демагогию, примером которой выступает политкорректность, которая, теоретически будучи концепцией состоятельной, на практике реализуется только за счет адекватного большинства населения в ущерб ему.

В качестве примера целевой ориентации правовой подсистемы рассмотрим, как реализуются в разных пенитенциарных системах декларативно-постулируемые цели перевоспитания и кары преступников, в какой степени они присутствуют в каждой системе и какую роль там играют. Напомним, что традиционно доминирование функции перевоспитания характерно для пенитенциарных систем тоталитарных государств (СССР, КНР, ГДР), которые «заинтересованы» в борьбе с преступностью, так как последняя не интегрирована в экономику государства. Доминирование же функции кары характерно для так называемых стран «свободного» мира, где функция исправления осужденных ориентирована скорее не на государственный, а на общественный уровень.

Для того чтобы понять, что далеко не перед каждой пенитенциарной системой стоят традиционно провозглашаемые задачи перевоспитания и кары осужденных, необходимо рассмотреть фактически существующие и существовавшие ранее пенитенциарные правовые подсистемы через призму их целевой ориентации.

Карающая пенитенциарная система характерна для общества средних веков, хотя и проявляется эпизодически на ранней стадии индустриальной эпохи в виде каторжных работ. Совмещающая жестокость и равнодушие, эта система не преследовала никакой цели кроме кары, сведя к основной задаче изоляцию или ограничение криминального потенциала заключенных путем калечения. Отметим, что невысокий уровень эффективности данной системы кроется в немалой степени в «пестовании» социального стратоса «тюремщиков», которые объективно были распространителями неэтичной парадигмы жестокости к слабым, т.е. проблема данной системы скорее социопсихологическая, чем структурно-функциональная.

Коррекционная пенитенциарная система, без сомнения, является олицетворением здравого гуманизма, своей целью выставляя исправление осужденных с контролем последующей их интеграции в законопослушный социум. Основным способом достижения цели исправления и ресоциализации была реализация созидательного потенциала человека. Данная пенитенциарная система в истории цивилизации как масштабный эксперимент характерна, пожалуй, только для Германии и Советского Союза 20-х гг. прошлого века. В обоих случаях существование этой системы происходит в условиях крайне слабой государственной власти. Эксперимент ЧК по исправлению криминального контингента, реализуемый Антоном Семеновичем Макаренко, вплоть до его перевода в НКВД Украины, был впоследствии признан предельно

успешным, а сам Макаренко в 1988 г. был назван ЮНЕСКО одним из четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления современности. Колоссальная эффективность исправления по Макаренко, вероятно, была возможна только в условиях невмешательства государства, что позволяет формировать анекдотичный вывод: эффективнейшая пенитенциарная система – это система с крайне ограниченным вмешательством государства. Отметим, что степень свобод осужденного в рассматриваемой пенитенциарной системе максимально ярко выражена по сравнению с иными пенитенциарными системами. Заметим также, что значительный комплекс свобод всегда сочетается с реализацией созидательного потенциала человека, и в отдельности от нее нецелесообразен.

Отдельно отметим, что одним из первых шагов деструкции пенитенциарной системы в нашей стране в конце XX в. было ограничение производственных мощностей исправительно-трудовых учреждений. Тем самым был ликвидирован важный элемент коррекционной пенитенциарной системы нашей страны.

Идеологическая пенитенциарная система была представлена в 30–50-х гг. XX в. в Советском Союзе и в 60-х гг. XX в. в Китае. Её основная идея сводилась к клеймению части популяции, противопоставлению криминального меньшинства законопослушному большинству в государстве. Концепция «врага народа» подавляла не столько политическое инакомыслие, сколько криминальную ментальность. Недаром «уголовные» заключенные активно противопоставляли себя заключенным «политическим», впрочем, достаточно безуспешно. Для рядового гражданина слова «враг народа» и «зэка» очень часто были синонимами. Собственно, и перевоспитание, и наказание, и реализация трудового потенциала заключенных в идеологической пенитенциарной системе предельно вторичны, хотя, без сомнения, и характерны для неё. Главная цель рассматриваемой пенитенциарной системы, консолидировать общество, противопоставив его, в том числе, внутреннему врагу – «врагам народа».

Мобилизационная пенитенциарная система была представлена в нацисткой Германии 30–40-х гг. XX в. и эпизодически – в системе британских концентрационных лагерей на территории Африки, Индии и Австралии со второй половины XIX в. до середины XX в. Основная целевая ориентация ее сводилась к мобилизации трудового потенциала собственных и оккупированных государств. Данная пенитенциарная система объективно возникает в случае активной колонизационной и захватнической политики государства, радикально опережающей темпы прироста населения. Естественно, каких-либо попыток исправления как приоритетных она не включала, также как и попыток наказания за совершенные преступления. По своему наполнению человеческим материалом она была неоднородна, так как включала в себя не только осужденных преступников, но и ряд иных категорий лиц. Естественно, этически несостоятельная, она не могла существовать достаточно долгое время и была объективно обречена на модификацию.

Ротационная пенитенциарная система – предельно интересный феномен, который выступает нормой для индустриально развитых демократий начиная с начала XX в. Прежде всего, перед данной пенитенциарной системой стоит задача поддержания высокого уровня ротации криминального контингента в социуме. Тем самым решается ряд подзадач: поддержание стабильно высокого уровня преступности в государстве, обеспечение рабочих мест в пенитенциарной системе для законопослушных граждан, внедрение в социум центробежных идей, формирование альтернативной правопослушному поведению ментальности. В последнее время с распространением частных тюрем стала актуализироваться и задача извлечения прямого дохода от трудовой деятельности заключенных, что привнесло в рассматриваемую систему элемент мобилизационной пенитенциарной системы. Задачи кары и исправления перед данной системой de facto не стоят, впрочем, как и постулируемые задачи защиты прав и свобод.

Комплексная пенитенциарная система представлена исправительной системой, существовавшей в Советском Союзе, и в значительной степени интегрировала достоинства вышеназванных правовых систем, аккумулируя и их недостатки. Анализ уровня преступности в СССР и современной России, не говоря уже о США, демонстрирует высокую результативность как в плане кары, так и в плане перевоспитания, характерную для комплексной пенитенциарной системы.

Целью данного обзора не является пропаганда приоритетности какой-либо из пенитенциарных систем, ведь кроме мобилизационной системы, все остальные лишь отражают объективные закономерности, происходящие в конкретном обществе, выступая элементом объективной реальности на конкретном этапе этико-нравственного развития общества. Рассмотрев основные пенитенциарные системы, мы пришли к выводу, что для подавляющего большинства из них не характерны в качестве цели ни перевоспитание осужденного, ни его кара. Понятно, что мероприятия по функционированию современной пенитенциарной системы с целью оптимизации элементов перевоспитания либо кары для большинства рассматриваемых систем безрезультатны и сводятся только к затрате бюджетных средств и формальной отчетности реализации идеологических установок свойственных правовой доктрине.

К таким же результатам приведут несистемные попытки разработки реальных форм борьбы с коррупцией в рыночном государстве, борьбы с незаконным оборотом наркотиков в современном индустриальном обществе, борьбы с терроризмом. Современный исследователь, чтобы не выглядеть оторванным от жизни теоретиком, на первом этапе должен решить проблему целесообразности разработки той или иной подсистемы правовой реальности в рамках цели и задач действительно, а не декларативно, стоящих перед этой подсистемой.

Таким образом, проводя исследование той или иной подсистемы правой реальности, исследователь должен изначально выяснить, какова цель существования данной подсистемы в данном обществе на данном историческом этапе и в конкретных этнокультурных условиях.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2014 г.

TARGET ORIENTATION OF LEGAL SUBSYSTEMS AS A PREMISE FOR SCIENTIFIC RESEARCH

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 149-151. DOI: 10.17223/15617793/386/25

Akhmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: objective; legal subsystem; penitentiary system.

The article considers the general questions of goal setting in the study of the elements of legal reality. The clear opposition of ideological orientations in the law to the needs of the rational knowledge of legal reality will contribute to the efficiency of scientific research. Analysis of the real, not declared target orientation of legal subsystems should be the first stage of scientific research. Without a doubt the ideological, propaganda function of the law serves as one of the main functions of any legal system. Not surprisingly, the declarative part of the Constitution and codified acts of any country is directly aimed at the formation of beliefs of the population in the legal righteousness dominant in the state ideology. Indoctrination of the population is a need and priority for the system of legal knowledge. Indoctrination is also the backbone element of the formation of legal culture of the population in general and of the individual in particular. Personal development, professionalism can sometimes change the level of arguments qualitatively. Ideological legal treatment of the population is focused on the mass typical member of society and only in terms of the formation of beliefs on the household level. The problem appears when on the basis of, undoubtedly, correct, but declarative norms researchers try to develop complexes of legal subsystems, for example, subsystems of crime prevention, crime fighting or control. In such cases researchers seem to forget that legal regulation is oriented on a concrete result sometimes not coinciding with the aim of indoctrination fixed in declarative norms. The law is the will of the dominant group of people formalized in the legal norms, which is not necessarily understood by the population. Researchers must understand it in order not to slip into a pseudo-scientific demagoguery, an example of which is political correctness that theoretically is a consistent concept, but in practice it is realized only through an adequate majority of the population and harms people. In order to understand that not each of the penitentiary systems has the traditionally proclaimed task of rehabilitation and punishment of prisoners, it is necessary to consider the penal legal subsystems of the present and the past through their target orientation. The article considers the target orientation of the punishing, correctional, ideological, mobilization, rotation, and integrated penitentiary systems.

Received: 06 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 152–154 DOI: 10.17223/15617793/386/26

УДК 343.985.2

М.В. Кремлев

ПОНЯТИЕ, ЭТАПЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ЕГО ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Проведен анализ понятия «информационное обеспечение процесса расследования преступлений», обозначено его место в уголовном судопроизводстве, определены этапы рассматриваемой деятельности. В результате предложено авторское определение данного понятия. Основываясь на действующем законодательстве, сложившейся правоохранительной пенитенциарной практике, а также с учетом информационных потребностей, предопределяющих применяемые для их удовлетворения методы, выделены инициаторы информационного обеспечения, а также субъекты изучаемой деятельности.

Ключевые слова: понятие информационного обеспечения расследования преступлений; этапы информационного обеспечения расследования преступлений; инициаторы; субъекты.

Преступления, совершаемые в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, носят особый характер. Очевидно, что преступность осужденных детерминирована условиями лишения свободы, а потому выделяется среди общего криминального фона. В свете сказанного совершенно справедливо звучит суждение о необходимости использования особого подхода к процессу расследования указанной категории деяний, и, как следствие, такая деятельность должна обеспечиваться специфической информацией.

Для криминалистики понятие «информационное обеспечение» не является чем-то новым. В разные годы к нему обращались многие ученые-криминалисты.

Одни исследователи говорят об информационном обеспечении как о процессе предоставления значимой для расследования информации, в основе которого лежит использование системы различного вида учетов [1. С. 118; 2. С. 19, 20]. Другие трактуют рассматриваемое понятие более широко, помимо указанных информационных систем учитывая и использование результатов иных видов деятельности [3. С. 105; 4. С. 97].

Говоря об информационном обеспечении как о специфическом процессе, который направлен на обнаружение (выявление), обработку, анализ и доведение информации до ее потребителя, отметим, что результаты такой деятельности отражают информационные потребности инициатора. При этом последний, инициируя информационный процесс, занимает выжидательную позицию, а точнее – находится в режиме относительно «пассивного ожидания» [5. С. 138]. Тем не менее между участниками указанного процесса может быть налажена обратная связь, обеспечивающая координацию деятельности. К примеру, следователь, осуществляющий производство по делу, с целью установления круга участников преступления выносит постановление о назначении криминалистической экспертизы. Эксперт, принявший к своему производству материалы, для выполнения поставленных задач решает использовать разрушающие методы, о чем предварительно информирует следователя. Последний, в свою очередь, одобряет либо останавливает применение специальных методов, руководствуясь целесообразностью и рациональностью.

Как видим из приведенного выше примера, следователь, инициируя информационный процесс, не принимает непосредственного участия в обеспечивающей деятельности, предоставляя автономию в выборе средств и методов, но может вносить коррективы для достижения поставленной цели.

Исходя из вышеизложенного информационное обеспечение расследования преступлений как процесс приобретает следующий вид:

1. Инициатор (лицо, испытывающее информационные потребности) определяется с родом и видом информации, необходимой для осуществления процесса расследования, и, формулируя конкретное задание, передает его через коммуникационные каналы исполнителю. Под коммуникационными каналами следует понимать путь от источника к потребителю для физической передачи сообщения [6. С. 348].

2. Получатель (исполнитель) декодирует, интерпретирует полученное задание и приступает к его исполнению, самостоятельно подбирая и применяя соответствующие методы. Полученные в результате такой деятельности данные подлежат обработке, анализу, кодировке в удобный и понятный для потребителя формат, после чего они передаются по выбранным исполнителем коммуникационным каналам инициатору (отметим, что основная масса данных представляется исполнителем инициатору в виде документов на специальных бланках с особыми реквизитами).

3. В свою очередь инициатор, преобразовывая полученные символы в понятное ему значение, определяет их ценность для процесса расследования. Результаты такой оценки отвечают на главный вопрос: удовлетворяют ли полученные данные информационные потребности, возникшие при осуществлении указанной деятельности. В случае отрицательных выводов (данные не трансформировались в информацию либо полученная информация породила дополнительные неопределенности) инициатор может повторить описанный выше процесс, скорректировав вводные.

Как было сказано ранее, в процессе информационного обеспечения особо важное значение приобретает двусторонняя обратная связь между инициатором и исполнителем, проявляющаяся в виде реакции на полученные сообщения. Можно говорить о том, что она способствует корректировке и координации деятельности участников информационного обеспечения на всех его этапах.

Таким образом, можно говорить об информационном обеспечении как о процессе, основанном на ин-

формационном запросе инициатора, реализуемом специальными субъектами путем создания условий для возникновения соответствующих сигналов, их получения, дешифрации, анализа и передачи потребителю.

Но тогда встает резонный вопрос: кто в указанном выше процессе выступит специальным субъектом, а кто потребителем?

По нашему мнению, информационное обеспечение процесса расследования и информационное обеспечение субъекта расследования – понятия тождественные. Ибо невозможно рассматривать указанную деятельность в отрыве от лица, ее осуществляющего. В данном вопросе мы согласимся с мнением С.Л. Рубинштейна, который обращал внимание на корреляционную связь между сознанием человека и деятельностью, понимая под последней процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему миру – к другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь [7. С. 256]. Иными словами, способом существования личности выступает ее деятельность. И как следствие, именно для обеспечения процессуальной деятельности субъектов расследования последним предоставляются данные, способствующие реализации процесса доказывания. А значит, можно считать, что потребителем результатов процесса информационного обеспечения будет являться лицо, осуществляющее предварительное расследование, а именно следователь, дознаватель.

Однако применительно к пенитенциарным преступлениям не следует забывать еще об одном потребителе, коим выступает орган дознания в лице начальника исправительного учреждения, заместителя начальника исправительного учреждения по безопасности и оперативной работе, которые в соответствии с действующим законодательством правомочны делегировать свои функции органа дознания начальнику оперативного отдела или оперативному сотруднику.

В отличие от следователей следственных подразделений и дознавателей отделов дознания, сотрудники ФСИН России, выступающие в качестве органа дознания, уполномочены осуществлять исключительно проверку сообщения о преступлении и производство неотложных следственных действий. Что, по нашему мнению, с точки зрения криминалистики, безусловно, следует признавать частью расследования, поскольку полагаем, что процесс доказывания по преступлению может начинаться с момента появления повода к возбуждению уголовного дела. Именно с этого момента начинаются уголовно-процессуальные отношения с присущими такой деятельности признаками.

Таким образом, можно говорить, что потребителями результатов процесса информационного обеспечения расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, выступают следователи, дознаватели либо орган дознания.

Говоря о подробном перечислении субъектов такой деятельности, можем с уверенностью констатировать, что для раскрытия этого вопроса необходимо провести изучение материалов уголовных дел указанной категории преступлений, где необходимо осуществить анализ достаточно широкой сферы социальных взаимоотношений правомочных на то субъектов. Причем выполнение поставленной задачи видится через определение отраслевой классификации деятельности, направленной на удовлетворение информационных потребностей должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по пенитенциарным преступлениям.

Изучением материалов уголовных дел, по которым в качестве обвиняемых привлекались лица, осужденные к лишению свободы и отбывающие назначенное наказание, установлены информационные запросы, удовлетворяемые через следующие методы:

– отдельные следственные действия (произведенные по поручению должностного лица, уполномоченного осуществлять предварительное расследование по уголовному делу);

– оперативно-розыскные мероприятия;

– экспертизы и предварительные исследования;

– служебно-административные действия подразделений обеспечения задач исправительного учреждения;

– иные действия.

Указанное дает основание выделить следующих субъектов информационного обеспечения расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях:

– следователи следственных органов (включая следователей-криминалистов), дознаватели подразделений дознания, органы дознания;

– сотрудники оперативных подразделений, наделенные правом в соответствии с действующим законодательством осуществлять оперативно-розыскную деятельность;

– специалисты и эксперты в соответствующей области знаний, которым поручено производство предварительного исследования или судебной экспертизы в порядке, установленном УПК РФ;

– сотрудники учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, обладающие информацией, способствующей расследованию преступления, а равно сотрудники указанных учреждений, обеспечивающие пополнение информационных накопителей ввиду своих должностных обязанностей;

– лица, не относящиеся к вышеуказанным и исполняющие функции, не связанные с правоохраной.

Исходя из вышеизложенного можно говорить об информационном обеспечении расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, как о процессе, основанном на информационном запросе следователя, дознавателя либо органа дознания, реализуемом специальными субъектами путем создания условий для возникновения соответствующих сигналов, их получения, дешифрации, анализа и передачи инициатору.

В качестве специальных субъектов указанной деятельности необходимо выделять: 1) следователей следственных органов (включая следователей-криминалистов), дознавателей подразделений дознания, органы дознания; 2) сотрудников оперативных подразделений, наделенных правом в соответствии с действующим законодательством осуществлять оперативно-розыскную деятельность; 3) специалистов и экспертов в соответствующей области знаний; 4) сотрудников учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы; 5) иных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Усманов Р.А.* Теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений. Челябинск, 2006. 232 с.
2. *Ищенко П.П.* Информационное обеспечение следственной деятельности : науч.-практ. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, засл. деятеля науки РФ, проф. Е.П. Ищенко. М., 2011. 168 с.
3. *Ишин А.М.* Теоретические аспекты информационного обеспечения органов предварительного следствия в ходе расследования преступлений. Калининградский ЮИ МВД России, 2003. 194 с.
4. *Касьянов М.А.* Информационное обеспечение органов внутренних дел и некоторые направления его совершенствования на базе новых информационных технологий // Современные проблемы применения новых технологий в раскрытии и расследовании преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Калининград, 2006. С. 97–102.
5. *Ткачук Т.А.* Научно-техническое обеспечение розыскной деятельности в уголовном процессе России : дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 394 с.
6. *Огарков А.А.* Управление организацией : учеб. М., 2006. 512 с.
7. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2014 г.

CONCEPT AND STAGES OF CRIME INVESTIGATION INFORMATION SUPPORT. ITS FEATURES IN PENAL INSTITUTIONS

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 152-154. DOI: 10.17223/15617793/386/26

Kremlev Maxim V. Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: mvkremlev@mail.ru

Keywords: concept of crime investigation information support; stages; initiators; subjects.

Crimes committed in penal institutions of imprisonment, have special character. Crimes of the convicted is determined by the conditions of imprisonment, and therefore stands out among the general criminal background. Thus, the judgment about the need for a special approach to the investigation of this category of acts sounds reasonable, and, as a result, investigation of such crimes should be provided with specific information. Speaking of information support as a specific process aimed at the detection (identification), processing, analysis and delivery of information to its user, we note that the results of these activities reflect the information needs of the initiator. In dynamics, information support of crime investigation as a process takes the following form: 1. The initiator determines the type of information necessary for the implementation of the investigative process, formulates a specific task, passes it through communication channels to the performer. 2. The recipient decodes, interprets the task and starts its execution independently selecting and applying appropriate methods. The results of this activity are to be processed, analyzed, encoded in a format convenient and understandable for the consumer, after which they are transferred to the initiator through communication channels the recipient chooses. 3. In turn, the initiator, converting the characters received into a perceivable form, determines their value in the investigative process. In our opinion the consumer of the results of information support will be the person carrying out a preliminary investigation, namely, the investigator. However, with regard to penal offenses, we should not forget about another consumer which is the inquiry body in the person of the head of the correctional institution, the deputy head of the correctional institution for security and field work. In accordance with the current law they are empowered to delegate their functions of the inquiry body to the chief of the field work department or an agent. The subjects of information support of investigating crimes committed in prisons are: investigators of investigative bodies (including forensic investigators), investigators of inquiry divisions, inquiry bodies; field work agents with the right to carry out investigative activities fixed by the current law; specialists and experts in the relevant field engaged in a preliminary investigation or forensic procedure in the order established by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; - employees of penal institutions of imprisonment that possess information enabling the investigation of a crime, as well as employees that ensure receiving more information because of their official duties; - persons other than the already mentioned that do not perform functions related to law enforcement

REFERENCES

1. Usmanov R.A. *Teoriya i praktika ispol'zovaniya kriminalisticheskoy informatsii v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Theory and practice of forensic information in the detection and investigation of crimes]. Chelyabinsk, 2006. 232p.
2. Ishchenko P.P. *Informatsionnoe obespechenie sledstvennoy deyatel'nosti* [Information support of investigative activities]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2011. 168 p.
3. Ishin A. M. *Teoreticheskie aspekty informatsionnogo obespecheniya organov predvaritel'nogo sledstviya v khode rassledovaniya prestupleniy* [Theoretical aspects of information support of the preliminary investigation in the investigation of crimes]. Kaliningrad: Kaliningrad Law Institute of RF IAM Publ., 2003. 194 p.
4. Kas'yanov M.A. [Information support of the Internal Affairs bodies and some aspects its improvement based on new information technologies]. *Sovremennye problemy primeneniya novykh tekhnologiy v raskrytii i rassledovanii prestupleniy: materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konferentsii* [Modern problems of the application of new technologies in the detection and investigation of crimes. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference]. Kaliningrad, 2006, pp. 97-102. (In Russian).
5. Tkachuk T.A. *Nauchno-tekhnicheskoe obespechenie rozysknoy deyatel'nosti v ugolovnom protsesse Rossii*. Dis. d-ra yurid. nauk [Scientific and technical support of investigative activities in the criminal trial of Russia. Law Dr. Diss.]. Vladimir, 2011. 394 p.
6. Ogarkov A.A. *Upravlenie organizatsiey* [Organization management]. Moscow: EKSMO Publ., 2006. 512 p.
7. Rubinstein S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Moscow: USSR AS Publ., 1957. 328 p.

Received: 06 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 155–160 DOI: 10.17223/15617793/386/27

УДК 343.533

И.В. Лозинский

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

Представленная статья продолжает цикл исследований, посвящённых реформированию российского уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Исходя из анализа точек зрения учёных, автором делаются выводы о дальнейшем реформировании обозначенного законодательства.

Ключевые слова: реформирование; глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации; общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, несмотря на её новизну и постоянно вносимые в составляющие её нормы поправки, является по-прежнему далёкой от совершенства. Подтверждение сказанному – то, что из более чем 40 норм, составляющих указанную главу, на практике применяются лишь 5 (!). К последним относятся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение незаконного предпринимательства, изготовления либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг, уклонение от уплаты налоговых, таможенных платежей.

Несмотря на это, в юридической литературе высказывались точки зрения о несовершенстве отдельных из указанных уголовно-правовых норм. В частности, о несовершенстве нормы, устанавливающей уголовную ответственность за совершение незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). В действующей редакции рассматриваемая норма подлежит применению в случаях извлечения лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, а также без лицензии, дохода в крупном и особо крупном размерах. По мнению М.А. Савкиной, «любой доход вне зависимости от размера без регистрации и без получения лицензии, когда это предусмотрено законом, является незаконным» [1. С. 47]. Таким образом, автором предлагается «расширить» сферу применения ст. 171 УК РФ. На наш взгляд, обозначенное предложение вполне обосновано, поскольку установить как крупный, так и особо крупный размер дохода, извлекаемого в результате совершения незаконной предпринимательской деятельности, часто бывает трудно. Это отмечали и многие практические работники.

Одновременно были высказаны мнения о несовершенстве и иных норм, составляющих главу 22 Уголовного кодекса РФ. Обоснованной критике подверглась ст. 172 УК РФ, устанавливающая ответственность за совершение незаконной банковской деятельности. По мнению учёных, в диспозиции рассматриваемой нормы законодателем указывается на осуществление банковских операций без регистрации или специального разрешения (лицензии) в случаях, когда разрешение либо лицензия обязательны. В исследуемой ситуации необходимо принять во внимание положения Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности», устанавливающие, что законное право на осуществление банковских операций имеют только банковские организации и небанковские кредитные организации, для которых обязательно требование получения лицензии на ведение банковских операций. На основании этого и выделяется несоответствие в одном из элементов диспозиции рассматриваемого уголовно-правового запрета – «в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно», поскольку в Федеральном законе РФ «О банках и банковской деятельности» прямо предусмотрена обязательность получения лицензии на данный вид деятельности [Там же. С. 48].

Таким образом, в диспозиции ст. 172 УК РФ имеет место противоречие между гражданским и уголовным законодательством. Принимая во внимание, что правила осуществления экономической деятельности установлены преимущественно нормами гражданского права, в рассматриваемой ситуации оказался нарушенным и один из принципов криминализации деяний, посягающих на экономическую деятельность, – принцип согласованности норм уголовного права с положениями охраняемых отраслей права [2. С. 110]. Результат – наличие как в диспозиции ст. 172 УК РФ, так и в диспозициях иных уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, значительного количества пробелов. В.В. Лазаревым обоснованно отмечалось, что «пробел хотя бы одного из элементов нормы равнозначен отсутствию нормы вообще» [3. С. 24]. Обозначенная точка зрения имеет подтверждение именно в рассматриваемой сфере, о чём свидетельствует приведённая ранее ситуация с применением на практике норм, составляющих главу 22 УК РФ.

Таким образом, диспозиция нормы, устанавливающей уголовную ответственность за совершение незаконной банковской деятельности, несмотря на достаточно подробное раскрытие в ней законодателем сущности запрещаемого деяния, фактически является несовершенной. Как следствие – единичные случаи её практического применения. Следует отметить, что деяние, ответственность за совершение которого установлена ст. 172 УК РФ, помимо экономического ущерба, несёт и опасность, что в результате, например, незаконного обналичивания денежных средств возможно даже финансирование терроризма [4. С. 8].

Таким образом, возникает необходимость реформирования рассматриваемой нормы. В юридической литературе высказывались предложения по совер-

шенствованию ст. 172 УК РФ. В частности, предлагалось внесение в неё изменений с целью «дифференциации ответственности в зависимости от степени общественной опасности» [1. С. 48]. Обозначенное предложение вполне обосновано, поскольку предусмотренное в действующей редакции ст. 172 УК РФ наказание за осуществление незаконной банковской деятельности не является дифференцированным. В частности, размеры санкции её ч. 2 одинаковы как за осуществление незаконной банковской деятельности организованной группой, так и за извлечение дохода в особо крупном размере. Таким образом, оказался нарушенным принцип справедливости уголовного права, отражённый в ст. 6 УК РФ, поскольку совершение преступления организованной группой, согласно ст. 63 УК РФ, законодателем относится к отягчающим уголовную ответственность обстоятельствам.

По нашему мнению, возможна и декриминализация незаконной банковской деятельности. Ранее нами отмечалось о возможной декриминализации незаконного предпринимательства с одновременным установлением уголовной ответственности за незаконное извлечение дохода [2. С. 178]. Следовательно, декриминализация незаконной банковской деятельности вполне реальна.

В юридической литературе обосновано отмечается о существенных недостатках вносимых законодателем в главу 22 УК РФ поправок. М.В. Жерновым пишет, что «в результате внесённых на основании Федерального закона РФ № 134-ФЗ от 28 июня 2013 г. поправок в главу 22 УК РФ под действие статей о легализации подпадают как денежные средства, добытые преступным путём, так и денежные средства, сбережённые преступным путём» [5. С. 19]. Таким образом, ст. 174–174.1 УК РФ по-прежнему оказались «неработающими», поскольку для их практического применения необходимо применение и ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов». Обозначенное реформирование фактически оказалось «холостым выстрелом». Одновременно в результате его оказалась фактически неработоспособной предусмотренная УК РФ «концепция возможности освобождения от ответственности лиц, впервые совершивших налоговые или таможенные преступления, при условии полной выплаты ими сбережённых сумм и штрафов, поскольку прекращение уголовного дела по налоговому преступлению не влечёт за собой прекращения уголовного дела по факту отмывания денег» [Там же].

Таким образом, рассмотренные поправки ведут лишь к ужесточению уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Результат их внесения – возможность значительного давления на бизнес со стороны правоохранительных органов [Там же].

Таким образом, имеет место парадоксальная ситуация, когда в результате «совершенствования» уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, указанные отношения фактически оказались поставленными под угрозу со стороны правоохранительных органов. В сложившейся ситуации об охранительной функции уголовного законодательства не может быть и речи. На наш взгляд, в обозначенной ситуации налицо «карательная» функция уголовного права, не имеющая ничего общего с его охранительной функцией. Представляется, что в данной ситуации занимающиеся бизнесом субъекты либо начнут уходить в сферу «теневой экономики», либо совсем прекратят осуществлять предпринимательскую деятельность. В обоих случаях государство лишится значительной части налоговых поступлений в соответствующие бюджеты. Одновременно не исключается и рост безработного населения. Таким образом, во избежание наступления указанных последствий законодателю снова следует внести соответствующие поправки в «антиотмывочные» нормы УК РФ. Во избежание рассмотренной нами законодательной «ошибки» необходим соответствующий мониторинг данных норм.

Приведённые факты не являются единичными. Как «проблемную» следует, на наш взгляд, рассматривать и уголовно-правовую норму, охраняющую коммерческую, налоговую и банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). Исследуемая норма за время её существования в главе 22 УК РФ всего один (!) раз подверглась изменениям, и то указанные изменения коснулись, на основании Федерального закона РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, лишь санкций, установленных за совершение запрещаемых ею деяний. По нашему мнению, следует внести дополнения и в её диспозицию в части раскрытия такого элемента, как «тяжкие последствия» [2. С. 164]. В юридической литературе некоторые учёные к указанным последствиям относят банкротство фирмы, разорение, а также смерть либо самоубийство предпринимателя [6. С. 36]. На наш взгляд, в обозначенный перечень следует добавить и «рейдерский захват фирмы», поскольку в результате его также возможно наступление таких тяжких последствий, как увольнение работников в связи с проводимой новым руководством фирмы «оптимизацией» штатной численности. Также не исключается наступление и иных тяжких последствий. Таким образом, для оптимизации ст. 183 законодателю необходимо сформулировать соответствующее Примечание к ней, которое содержало бы дефиницию «тяжких последствий».

Наряду с исследованными к «проблемным» следует отнести и нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение криминальных банкротств. При этом количество банкротств ежегодно увеличивается. Одновременно показатель выявленных экономических преступлений, связанных с нарушениями законодательства о банкротстве (ст. 195–197 УК РФ), остаётся достаточно низким [7. С. 44]. Указанная ситуация сложилась вследствие несовершенства уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за данное деяние. Согласно действующей редакции рассматриваемых норм, для применения их на практике необходимо причинение виновным лицом крупного ущерба. При определении размера данного ущерба именно как крупного правоприменитель обязан руководствоваться Примечанием к ст. 169 УК РФ, устанавливающим «крупный размер ущерба».

В юридической литературе справедливо отмечается, что «и в теории, и в правоприменительной практи-

ке до сих пор не решён вопрос, следует ли под причинением крупного ущерба понимать ущерб, нанесённый только одному потерпевшему – кредитору, либо же это совокупный ущерб, причинённый нескольким кредиторам. Отечественная судебная практика по данным уголовным делам не даёт однозначного ответа на этот вопрос» [Там же]. В обозначенной ситуации возможно произвольное определение указанного элемента различными правоприменителями [8. С. 38], что противоречит такому принципу уголовного права, как принцип законности.

Одновременно с вопросом об исчислении размера крупного ущерба открытым остаётся и вопрос о том, кого следует рассматривать субъектом криминальных банкротств. Ввиду достаточной сложности возникающих вокруг должников общественных отношений, которым в результате совершения указанных преступлений причиняется вред, законодатель обязан достаточно точно установить данного субъекта [9. С. 82]. Поскольку исследуемые преступления посягают на общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности, одним из их субъектов следует рассматривать индивидуального предпринимателя. Одновременно не исключаются и иные субъекты, например руководитель должника, участники юридического лица, члены совета директоров [Там же. С. 83]. Таким образом, вопрос о том, кого следует рассматривать субъектом криминальных банкротств, является достаточно сложным.

Не менее сложным является и вопрос об исчислении размера крупного ущерба, причиняемого в результате совершения исследуемых преступлений. Для точного решения обозначенных вопросов, на наш взгляд, необходимо принятие Пленумом Верховного суда РФ соответствующего Постановления.

Рассмотренные примеры несовершенства отдельных норм, составляющих главу 22 УК РФ, являются далеко не единичными. Как известно, в 2013 г. глава 22 УК РФ вновь подверглась значительным изменениям и дополнениям. В частности, в целях деоффшоризации отечественного бизнеса законодателем в рассматриваемую главу была введена новелла, криминализирующая вывод денег за рубеж под видом совершения законных финансовых операций и направленная на борьбу с достаточно распространённым способом их вывода, как перечисление под видом оказания консультационных, бухгалтерских, юридических и иных услуг – ст. 193.1 УК РФ [5. С. 19]. Несмотря на новизну указанного уголовно-правового запрета, в юридической литературе были высказаны точки зрения о его несовершенстве. В частности, по мнению отдельных учёных неясно, как следует устанавливать заведомую недостоверность сведений о совершённых платежах. В частности, «в случае привлечения иностранной консалтинговой организации существует риск возложения на российскую организацию-клиента бремени доказывания реальности оказанных услуг под угрозой привлечения к уголовной ответственности за вывод денежных средств на основании якобы мнимой сделки» [Там же. С. 20].

Таким образом, исследуемая новелла может оказаться практически неприменимой, не дающей эффекта в борьбе с вывозом за рубеж денежных средств. Обозначенная ситуация явилась результатом ошибки законодателя, стремящегося как можно скорее сформулировать соответствующий уголовно-правовой запрет, не проводя какого-либо мониторинга ситуации, сложившейся в сфере борьбы с определённым деянием, в частности с выводом из страны денег с использованием подложных документов. Таким образом, по-прежнему имеет место законодательный пробел в сфере борьбы с рассматриваемым деянием. В целях его устранения законодателю следует внести в диспозицию ст. 193.1 УК РФ соответствующие поправки.

Таким образом, нормы, составляющие главу 22 УК РФ, несмотря на новизну некоторых из них, являются по-прежнему несовершенными. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, существует большое количество уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в рассматриваемой сфере, с другой – фактически все они «неработающие». Обозначенная ситуация, на наш взгляд, обусловлена целым рядом обстоятельств.

В качестве одного из указанных обстоятельств следует, по нашему мнению, рассматривать стремление законодателя сформулировать в целях охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности как можно больше уголовно-правовых запретов. Как показывает практика, в результате появляются фактически неэффективные, «мёртворождённые» уголовно-правовые нормы. Как пример, следует рассматривать существовавшую до 2010 г. в УК РФ ст. 173, устанавливавшую ответственность за совершение лжепредпринимательства. По замыслу законодателя, указанная норма предусматривала уголовную ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Конструктивные признаки исследуемого деяния свидетельствовали об отсутствии у лица намерения осуществлять данную деятельность. В связи с этим самостоятельное применение указанной нормы на практике не представлялось возможным, требовалась дополнительная квалификация, в частности, по ст. 176 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное получение кредита.

Таким образом, рассматриваемая норма решала искусственно созданные задачи, что противоречило принципу вины в уголовном праве, отражённом в ст. 5 УК РФ [2. С. 108].

На наш взгляд, обозначенный уголовно-правовой запрет должен был быть направлен на борьбу с фирмами-«однодневками», что на момент принятия действующего УК РФ являлось актуальным. При этом уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с данными фирмами (ст. 173.1–173.2), были введены в главу 22 УК РФ лишь в 2011 г. Таким образом, несмотря на существование уголовно-правовой нормы, имел место серьёзный пробел в законодательстве, что противоречило принципу законности (ст. 3 УК РФ).

Как «неработающую» и «мёртворождённую» следует, на наш взгляд, рассматривать и ст. 179 УК РФ, устанавливающую ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения. По своему составу запрещаемое обозначенной нормой дея-

ние является разновидностью вымогательства (ст. 163 УК РФ), отнесённого законодателем к преступлениям против собственности. На наш взгляд, указанная норма, аналогично утратившей силу ст. 173 УК РФ, решает искусственно созданную задачу, что также противоречит принципу вины в уголовном праве. Таким образом, имеет место ошибка законодателя, заключающаяся в стремлении его сформулировать для надлежащей охраны общественных отношений в рассматриваемой сфере большое количество уголовно-правовых норм. Результат её – «перегрузка» действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, не только «неработающими» и «мёртворождёнными» нормами, но также и нормами, запрещающими деяния, не являющиеся по своей сущности преступлениями, посягающими на экономические общественные отношения.

Пример – ст. 169, 170 УК РФ, устанавливающие ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности и регистрацию незаконных сделок с землёй. По своему составу обозначенные деяния являются разновидностью должностных преступлений, ответственность за совершение которых установлена нормами, составляющими главу 30 Уголовного кодекса РФ. Таким образом, указанные деяния посягают не на отношения, возникающие в исследуемой сфере, а причиняют вред интересам государственной власти и государственной службы [2. С. 23]. В рассматриваемой ситуации возможна и конкуренция между ст. 169 и 285 УК РФ.

Приведённые примеры допущенных законодателем ошибок являются далеко не единичными. Нами отмечалось, что у норм, составляющих главу 22 Уголовного кодекса РФ, отсутствует единая общая задача, к которой сводились бы все данные нормы [Там же. С. 53]. Одновременно в указанной главе законодателем оказались нарушенными и правила логики, поскольку понятие «экономическая деятельность» охватывает буквально все предусмотренные уголовным законом преступления. Так, смерть человека в результате его убийства, с одной стороны, лишает производство трудовых ресурсов, с другой – в лице осуждённого к реальному лишению свободы влечёт для экономики утрату ещё одного активного потребителя материальных благ; причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее заведомо для виновного полную утрату потерпевшим профессиональной трудоспособности (ч. 1 ст. 111 УК РФ), лишает экономику квалифицированных кадров; диверсия посягает на экономическую безопасность и снижает уровень инвестиционной привлекательности государства; террористические акты и бандитизм могут дестабилизировать экономическую деятельность предприятий, учреждений и организаций; экологические преступления истощают материальные, природные ресурсы – землю, лес. Согласно данной логике большую часть преступлений, ответственность за совершение которых установлена Уголовным кодексом РФ, следует включать именно в главу 22 [Там же. С. 58]. Как видно, законодатель в процессе создания указанной главы УК РФ исходил именно из обозначенной логики. Об ошибочности данного подхода было сказано выше.

Рассмотренное обстоятельство одновременно является и результатом несоблюдения законодателем одного из важных принципов криминализации деяний – принципа научного подхода к их криминализации [2. С. 98]. На наш взгляд, несоблюдение законодателем указанного принципа следует выделить в качестве следующего обстоятельства, обусловившего сложившуюся ситуацию с применением на практике норм, составляющих главу 22 УК РФ. Обозначенный принцип рекомендует законодателю достаточно активно привлекать к формулированию уголовно-правовых запретов учёных – специалистов в сфере уголовного права, криминологов и практических работников, поскольку разработка научных рекомендаций по вопросу о целесообразности или нецелесообразности криминализации какого-либо деяния и оценка социальной обусловленности уголовно-правовой новеллы являются прерогативой исключительно учёных, но не законодателя. В случае криминализации законодателем определённых деяний без учёта мнения учёных, а также без серьёзных научных исследований, вероятность ошибочных решений резко возрастает [Там же. С. 99]. Представляется, что законодатель в процессе формулирования большинства уголовно-правовых запретов, составляющих исследуемую главу Уголовного кодекса РФ, фактически не принял во внимание мнения учёных, насколько они необходимы. По существу, данные запреты были сформулированы «интуитивным» путём. Одновременно имела место криминализация деяний и по инерции, например криминализация обмана потребителей (ст. 200 УК РФ).

Уголовная ответственность за совершение данного деяния имела место и в советском УК РСФСР 1960 г. В советское время рассматриваемое деяние являлось общественно опасным с точки зрения государственных интересов, поскольку обман потребителей в Советском Союзе посягал на интересы советской торговли. В Российской Федерации указанное деяние причиняло вред лишь потребителям. Как показывает практика, подавляющее большинство дел, рассмотренных судами г. Томска по ст. 200 УК РФ, было прекращено либо по акту амнистии, либо в связи с деятельным раскаянием, либо за примирением с потерпевшим [Там же. С. 89]. Неудивительно, что обман потребителей в 2003 г. был декриминализирован. В условиях рыночной экономики обмеривание, обвешивание и прочие нарушения правил торговли предпринимателями не представляют общественной опасности для потребителей и могут быть устранены либо самими потребителями в гражданско-правовом порядке, либо административно-правовыми способами, либо самими предпринимателями, поскольку им невыгодно обманывать потребителей.

Одновременно в 2003 г. законодателем была декриминализирована и заведомо ложная реклама, ответственность за совершение которой была установлена ст. 182 УК РФ. Указанную декриминализацию, как и декриминализацию обмана потребителей, следует оценить как правильный шаг законодателя, поскольку обозначенные деяния являлись преступлениями небольшой тяжести. То же отмечалось и практическими работниками в ходе проведённого анкетирования [Там же. С. 122].

Таким образом, несмотря на постоянно вносимые законодателем поправки в главу 22 Уголовного кодекса РФ, по-прежнему возникает необходимость дальнейшего её реформирования. Обозначенное реформирование, во избежание законодательных ошибок, должно осуществляться исключительно с принятием во внимание законодателем мнения как учёных, так и практических работников. Благодаря этому возможно правильное определение направлений данного реформирования. Одним из указанных направлений, по нашему мнению, является криминализация новых деяний. Следует принять во внимание, что необходимость введения уголовно-правовых новелл в главу 22 УК РФ возникает только тогда, когда возникает опасность острого конфликта между предпринимателями за потребителя либо сговор между одними предпринимателями против других предпринимателей за рынки сбыта продукции. Невмешательство со стороны государства в данной ситуации повлечёт за собой самые неблагоприятные последствия для самих предпринимателей, потребителей, рыночной экономики в целом, экономической безопасности государства. Поэтому государству необходимо вмешиваться в отношения между предпринимателями при посягательстве на отношения конкуренции. Конкуренция представляет собой «нерв» рыночной экономики. Без неё невозможны развитие малого и среднего бизнеса, повышение качества продукции, а также снижение её себестоимости. Одновременно введение уголовно-правовых запретов допустимо, если отношениям конкуренции причиняется прямой и косвенный вред. Прямой вред – реальные убытки добросовестному предпринимателю. Косвенный вред – экономический ущерб интересам потребителей и экономической безопасности государства [Там же. С. 116]. Исходя из этого, нами ранее отмечалось о необходимости криминализации отдельных деяний, посягающих на отношения добросовестной конкуренции. В частности, необходимости криминализации промышленного шпионажа, поскольку существующей в главе 22 УК РФ ст. 183, по мнению практических работников, явно недостаточно для борьбы с обозначенным деянием. Следует принять во внимание, что предприниматели несут миллионные убытки вследствие отлаженного промышленного шпионажа со стороны своих конкурентов [Там же. С. 66]. Таким образом, необходимость введения уголовной ответственности за совершение указанного деяния бесспорна. Кроме этого, бесспорна необходимость криминализации и дискредитации деловой репутации предпринимателя, поскольку существующая в главе 17 Уголовного кодекса РФ ст. 128.1, устанавливающая ответственность за клевету, не может должным образом защищать отношения конкуренции. Как показывает практика, обозначенная форма недобросовестной конкуренции в настоящее время набирает обороты, угрожая тем самым экономической безопасности государства [Там же. С. 68]. Одновременно в действующем уголовном законодательстве РФ отсутствует и уголовно-правовой запрет введения в заблуждение потребителей. Рассматриваемое деяние по своей сущности нельзя рассматривать как мошенничество, поскольку потерпевшим в результате его совершения является не потребитель, а именно добросовестный предприниматель, лишающийся, с одной стороны, потребителей, поскольку он использует честную информацию, не содержащую ложные, но привлекательные сведения, с другой стороны, доверия потребителей из-за обманных действий недобросовестных коммерсантов. Таким образом, необходимость криминализации данного деяния также является бесспорной [Там же. С. 70]. При этом не исключается и криминализация иных деяний. Для решения вопроса о её необходимости законодателю, наряду с учёными, следует проводить мониторинг криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере.

Предлагаемое нами реформирование отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере, не исключает и внесение изменений в уже действующие нормы. Также нами ранее отмечалось о необходимости внесения изменений и в иные нормы, составляющие главу 22 УК РФ. В частности, в диспозиции ст. 194 необходимо уточнить, что представляет собой «уклонение от уплаты таможенных платежей» – действие, бездействие либо оно является их сочетанием. Благодаря этому станет возможным избежать произвольного толкования практическими работниками понятия «уклонение» [Там же. С. 171]. Одновременно не исключается и внесение поправок в иные нормы, например в ст. 178 УК РФ, устанавливающую ответственность за «подавление» конкуренции. Во избежание законодателем ошибок необходимым будет проведение мониторинга ситуации, складывающейся с практическим применением того или иного уголовно-правового запрета.

Кроме рассмотренных, к направлениям дальнейшего реформирования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует, на наш взгляд, отнести и декриминализацию некоторых деяний. Анализ поправок, внесённых законодателем в главу 22 Уголовного кодекса РФ, позволяет сделать вывод, что реформирование её осуществляется преимущественно путём криминализации новых деяний. За период действия УК РФ из указанной главы было исключено только 4 (!) уголовно-правовых нормы, в то же время она была дополнена более чем 10 (!) новеллами, одна из которых фактически «восстанавливает» уголовную ответственность за совершение декриминализированной в 2011 г. контрабанды денежных средств – ст. 200.1 УК РФ, введённая законодателем в 2013 г. Несмотря на данное «шараханье» законодателя, в юридической литературе о внесении указанной поправки было высказано достаточно положительное мнение [5. С. 20]. Как видно, законодатель при решении им вопроса о декриминализации контрабанды денежных средств совершенно не принял во внимание сложившуюся в тот период криминогенную ситуацию. По-видимому, он руководствовался собственной интуицией, что и явилось причиной возникновения в УК РФ указанного пробела. Во избежание необдуманной декриминализации, как и в предыдущих случаях, необходим мониторинг действующих уголовно-правовых норм. Следует отметить, что декриминализация деяний будет направлена на либерализацию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Таким образом, дальнейшее реформирование отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, предполагает как его совершенствование путём внесения в него необходимых новелл и поправок в уже действующие нормы, так и декриминализацию соответствующих деяний. Наряду с внесёнными нами отдельными предложениями о декриминализации некоторых деяний, в будущем окажется возможным декриминализировать и иные деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена составляющими главу 22 Уголовного кодекса РФ нормами. Представляется, что в настоящее время, в условиях постоянного развития экономики нашего государства, предлагаемое реформирование должно представлять собой преимущественно декриминализацию деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савкина М.А.* Несовершенство норм российского уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 47–48.
2. *Лозинский И.В.* Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам главы 22 УК РФ : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.
3. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юрид. лит., 1974. 183 с.
4. *Фалалеев М.* Банкиры работали «по-чёрному» // Российская газета. 2013. 26 декабря.
5. *Жерновой М.В.* Противодействие незаконным финансовым операциям в России // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 18–20.
6. *Забегайло Л., Назарова И.* Актуальные вопросы применения уголовной ответственности за нарушение прав на коммерческую тайну // Право и экономика. 2014. № 1. С. 34–37.
7. *Говорков Н., Терехов Е.* Крупный ущерб при криминальном банкротстве // Законность. 2013. № 11. С. 44–47.
8. *Яни П.С.* Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. № 1. С. 38–42.
9. *Шматенко А.* Субъекты криминальных банкротств // Уголовное право. 2014. № 1. С. 82–87.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2014 г.

FURTHER REFORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL LAW PROTECTING SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: IMPROVEMENT OR DECRIMINALIZATION?

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 155-160. DOI: 10.17223/15617793/386/27

Lozinsky Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: reformation; Chapter 22 of Criminal Code of the Russian Federation; social relations in the sphere of economic activity.

Criminal law of the Russian Federation protecting social relations in the sphere of economic activity is still a long way off perfection despite its novelty and constant amendment and supplement legislative process. In this connection, further law reformation has become vital. In scientists' consideration, the amendments introduced into Chapter 22 of the Criminal Code of the RF in 2013 turn out to be insufficient. Simultaneously, these amendments have great disadvantages. In particular, after their introduction into Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the RF (CCRF), these legal rules have been left inapplicable. Therefore, the necessity of essential legislative amendments into these rules seems to be quite important. Moreover, the amendment introduced into Article 193.1, Chapter 22 of the CCRF that criminalizes taking money off abroad in the guise of legal and financial operations and aims at combating a widespread money taking off method as a compensation for consultation, accountancy, law and other services appeared to be imperfect. For the purpose of its improvement further amendments must be made. Relevant amendments should also be included into the rules that establish criminal responsibility for criminal bankruptcy, Articles 195-197 of the CCRF, since the given rules in the current version are incomplete. The amendments are required for the criminal and legal rules that establish responsibility for 'suppression' of competition and for illegal obtaining and disclosure of a commercial secret (Articles 178, 183 of the CCRF). Equally with the amendments in the current criminal law rules protecting social relations in the considered sphere, there is a need in both criminalization and decriminalization of acts. Particularly, Chapter 22 of CCRF has no rules dealing with some forms of unfair competition, e.g., defamation of a business owner's reputation, industrial espionage. Criminalization of other acts concerning competition is also possible. At the same time decriminalization of some acts can be made, the responsibility for those acts is laid down by the rules of the indicated Chapter, e.g. coercion to making or rejecting a transaction (Article 179 of the CCRF), impediment to legal entrepreneurial activity, registration of illegal land operations (Articles 169-170 of the CCRF). Further reformation of criminal law protecting social relations in the considered sphere is intended to have both its improvement by introduction of essential novels and amendments into the current rules and decriminalization of relevant acts. In the condition of constant national economic development the reformation must be fulfilled mainly in the way of decriminalization of acts.

REFERENCES

1. Savkina M.A. Imperfection of the norms of Russian criminal legislation in the sphere of entrepreneurial activities. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 11, pp. 47-48. (In Russian).
2. Lozinskiy I.V. *Problemy realizatsii printsipov kriminalizatsii i polozheniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF*. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of implementation of the principles and provisions of the criminalization of legislative techniques in relation to the rules of Chapter 22 of the RF Criminal Code. Law Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 231 p.
3. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the law and how to overcome them]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 183 p.
4. Falaleev M. Bankiry rabotali "po-chernomu" [Bankers worked "in the black"]. *Rossiyskaya gazeta*, 2013, 26 December, p. 8.
5. Zhernovoy M.V. Counteraction to illegal financial operations in Russia. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, no. 10, pp.18-20. (In Russian).
6.Zabegajlo L., Nazarova I. Topical issues of application of criminal liability for violation of rights to commercial secret. *Pravo i ekonomika*, 2014, no. 1, pp. 34-37. (In Russian).
7. Govorkov N., Terekhov E. Large-scale damage in criminal bankruptcy. *Zakonnost'*, 2013, no. 11, pp. 44-47. (In Russian).
8. Yani P.S. The problems of classification of bankruptcy crimes. *Zakonnost',* 2014, no. 1, pp. 38-42. (In Russian).
9. Shmatenko A. The subjects of criminal bankruptcy. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 1, pp. 82-87. (In Russian).

Received: 06 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 161–164 DOI: 10.17223/15617793/386/28

УДК 34+34(09) (5) ББК 67.3+67.99(5)

В.М. Ширижик

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МОНГОЛО-ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ЧИНГИСХАНА

Рассматривается обычное право кочевых народов Центральной Азии. Анализируются различные подходы к обычному праву. На основе анализа обычного права монгольских племен делается вывод о его трансформации в нормы позитивного права, а также о том, что в праве монгольских племен часто нормы позитивного права становились нормами обычного права.

Ключевые слова: обычное право; Чингисхан; Великая Яса.

Термин «источники права» в правовой литературе имеет много значений. Например, это совокупность объективно существующих условий в определенном обществе, которые регулируют общественные отношения при помощи права, или юридические формы, в которых закрепляются правила поведения, или юридические источники, содержащие необходимые сведения о праве, или регулятор прав и обязанностей и т.п. Проанализировав многие значения термина «источники права», можно сделать вывод, что это внешняя форма выражения юридических норм, которая регулирует общественные отношения в определенных отраслях права.

Наличие отдельных источников права всегда рассматривалось в качестве обязательного признака самостоятельности отрасли права [1. С. 184, 185]. С учетом изложенного принято выделять четыре основные формы (источники) права:

– обычай. Обычаем называются санкционированное государством правило поведения, которое ранее сложилось в результате длительного повторения людьми определенных действий, благодаря чему закрепилось как устойчивое правило поведения. Обычаю одни ученые-правоведы отводят ведущую роль среди других источников права. Другие сторонники юридического позитивизма, наоборот, считают обычай устаревшим источником права, не имеющим существенного практического значения в современной жизни [2. С. 80];

– судебный прецедент. Более распространенный источник права, под которым принято понимать судебное или административное решение по конкретному делу, которому государство придает общеобязательное значение. Прецедентная форма права широко используется в Великобритании и Соединенных Штатах Америки. В странах романо-германской системы, куда входит и Российская Федерация, роль судебной практики в основном не выходит за рамки разъяснения закона; считается, что правотворческая деятельность является прерогативой законодателя и других уполномоченных государственных органов. Однако мы включаем судебный претендент в качестве источника права, так как в данной статье исследуется общая теория возникновения и развития права;

– нормативно-правовой акт. Данный источник права занимает основное место и объединяет в себе общеобязательные правила поведения, которые санкционируются и охраняются волей государства. Внутригосударственные нормативные акты в зависимости от юридической силы подразделяются на федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов РФ и подзаконные акты;

– международный договор. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров, независимо от того, как «международный договор» звучал – «соглашение», протокол», «конвенция», «устав» и т.д., данный термин является родовым понятием для всех видов нормативных актов в межгосударственном регулировании отношений. Особенность международного договора заключается в том, что он имеет приоритетную юридическую силу по сравнению с национальным законодательством и регулирует межгосударственные отношения и отношения между другими субъектами международного права.

Возникает вопрос, где используется «обычное право»? Является ли обычное право источником (формой) права или является частью обычая? Может быть, обычное право тождественно понятию «обычая»? Откуда именно возникло понятие «обычное право»? Обычное право в настоящий период не рассматривается как источник права, а в юридической литературе в области гражданского, уголовного, административного права обычное право не исследуется. Именно поэтому попытаемся в данной статье исследовать обычное право как источник права. Обычное право как источник общественных отношений мы будем исследовать в период Чингисхана, когда на территории монгольских степей возникли первые признаки государственности кочевых народов.

Стоит согласиться с И.Ч. Аксеновым [3], утверждающим, что одним из древнейших источников права является обычное право, которое в последнее время все больше привлекает к себе внимание специалистов многих научных направлений. Историки, этнологи, юристы употребляли различные термины для обозначения обычного права, такие как «живое право», «неофициальное право», «раннее право», «племенное право», «первобытное право», «предварительное право», «народное право», «примитивное право», «неписаное право», «фольклорное право», «традиционное право» и др. [Там же. С. 2]. Подобные термины трактовали обычное право односторонне и узко. Вследствие этого обычное право не стало общепризнанным в юридической литературе и мало изучено в правовых науках. Обычное право стало переходным звеном между обычаем и законом, поэтому в современный период оно не рассматривается как источник общественных отношений по следующим основаниям:

– нормы обычного права по сравнению с законами недостаточно четко регулировали общественные отношения;

– нормы обычного права не могут одинаково применяться на всей территории монгольского государства по сравнению с законами из-за того, что обычаи в различных племенах отличались друг от друга в силу исторически сложившихся культурных представлений об окружающем мире и пространстве;

– длительность формирования обычного права по сравнению с законом. Это связано с тем, что необходима смена нескольких поколений людей, чтобы нормы обычного права впитались обществом в качестве обязательной нормы поведения;

– общественные отношения развиваются и усложняются быстрее, чем формируются обычаи, а эффективно регулировать эти отношения может только закон;

– несоответствие местного обычного права интересам централизованной государственной власти.

Дадим определение понятия «обычное право». Мы приводим «примерное» определение, так как многие ученые-правоведы могут не согласиться с предложенным термином. Итак, обычное право – это наиболее ранняя форма возникновения права, основанная на обычаях, регулирующих определенные общественные отношения в развивающемся государстве, и санкционированная уполномоченными властными органами. Когда общество не удовлетворяется только обычаями и возникает потребность в более четком регулировании этих отношений в сферах гражданско-правовых, уголовных и военных отношений, зарождается обычное право, которое впоследствии приобретает силу закона.

В XIII в. в результате десятилетних монгольских завоеваний в Азии и Восточной Европе сложилось особое военно-политическое объединение – Еке Монгол улус. Это Великое монгольское государство было крупнейшей в мировой истории державой: в период расцвета она занимала земли от Средиземного до Желтого морей. Несмотря на огромную территорию, держава была ранней государственной особого кочевого типа. Основавший ее народ занимался главным образом кочевым скотоводством. Многие объединившиеся в империю племенные союзы также были кочевниками. Общественный быт в государстве придал особые черты его военно-политическому строю. В середине XII в. под влиянием исторических и внешнеполитических факторов татаро-монгольские племена впервые попытались объединиться [Там же. С. 18]. До Чингисхана племена, проживающие на территории монгольских степей, стремились создать систему наподобие государственной власти, но они носили временный характер и в силу объективных причин быстро распадались. Чтобы решить важные экономические, военные проблемы, монгольские и татарские племена созывали курултаи (съезды, или объединения родов). Так, курултаем был создан военно-политический союз под главенством хана Кобула. Объединение племен оказалось недолговечным и распалось около 1161 г. С политической точки зрения потребность в объединении в XII в. была вызвана тем, что дальнейшее развитие общества в кочевом виде для завоевания других земель было просто невозможным, а монгольские обычаи не давали шансов объединиться в систему наподобие государства.

Несравненно более успешной стала попытка объединения, которую возглавил выходец из племени тайджиуитов Темучин (1162–1227). В последующие двадцать лет орда Темучина подчинила себе большинство монгольских и татарских племен. Военные удачи и выдвинутая военно-религиозная идея покорения мира сплотили вокруг Темучина родовую знать. Тогда же была принята десятичная организация кочевой армии, перенесенная на весь родоплеменной строй. Этот принцип организации войск нашел свое отражение в первых постановлениях Чингисхана.

В 1204–1205 гг. Темучин завершил объединение всех основных монгольских племен под своей властью. В 1206 г. на берегу Онона был созван курултай монгольских князей, на котором Темучин был провозглашен Великим ханом Монголии с титулом «Чингисхан». Одновременно на Великом курултае в том же году была принята Великая Яса Чингисхана – основной памятник права монгольского Средневековья (яса – тюрк., форма монг. джасак, букв. – закон) [4. С. 596].

К 1218 г. монголам подчинились народы «Великой степи», главным образом потому, что завоевания шли под лозунгом нового «объединения» и создания «государства Неба». К 1220 г. была покорена Средняя Азия, началось продвижение в Иран, Закавказье. После смерти Чингисхана завоеванные территории были разделены на области – улусы. В 1235–1241 гг. были покорены Поволжье и русские земли, началось продвижение в Польшу и Центральную Европу. Одновременно шло завоевание Китая, ставшего впоследствии центром империи. Завоевание было завершено к 1275 г. Столица империи была перенесена из степного Каракорума в Пекин в 1264 г.

Эти завоевания были бы невозможны без регулирования монгольскими и татарскими родами системы управления, создания правовой системы. Под влиянием традиционной китайской бюрократической государственности, при помощи китайских советников сформировалась новая общеимперская администрация. В период Чингисхана возникла необходимость создания закона, который бы регулировал отношения между родами, определял воинскую повинность, ответственность за совершение тяжких преступлений. Однако надо признать, что разнообразные правовые сборники появлялись в раннефеодальный период, но до наших дней не дошли, мы имеем о них лишь смутное представление.

Ранее Чингисхан издавал указы, постановления и иные акты, которые распространялись посыльными всадниками по всей территории монгольских степей. Данные указы носили несистемный характер, например указ по созыву курултая, предложение о создании военного союза с определенными родами, объявления войны или мира. Чингисхан, понимая это, приказал разработать сборник актов, который впоследствии получил название Великой Ясы Чинхгисхана. Как указывает китайский историк Менхун, современник Чингисхана, составителями сборника были китайские писари. Чингисхан потребовал, чтобы свод законов,

который будет представлен, должен отвечать его требованиям и представлениям о власти и государственной системе. Чингисхан, изучив представленные законы, утвердил их и впоследствии наградил китайцев.

Основная причина, по которой Чингисхан обратился именно к китайцам, связана с тем, что китайское право носило более системный характер, его нормы были более понятны. Например, китайское уголовное право имело более гибкую систему наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, поэтому многие нормы уголовного права Китая были просто переписаны в положения Ясы. В этом можно убедиться при сравнительном анализе наказаний, которые существовали в монгольском и китайском праве, а именно смертная казнь, клеймение, лишение конечностей, лишение свободы, высылка за пределы хожуна (территории), публичное ношение колоды. Данные виды наказания во многом схожи, но в монгольском праве, например, клеймение можно было заменить на 1 000 унций меди путем выплаты потерпевшему. Тяжкие преступления делились на пять ступеней и в зависимости от степени доказанности могли быть смягчены на более низкую (мягкую) ступень.

Особое значение Чингисхан уделил тому, что его народы – монголы и татары, не могли при неисполнении свода постановлений обвинять в этом государственную систему или чиновников, на которых была возложена обязанность соблюдать требования постановлений Ясы. Также Чингисхан закрепил в качестве одного из принципов Ясы то, что за дела, совершенные в области уголовного, гражданского и военного права, отвечает виновное лицо или его родственники. Никто никого не тащил в суд, не доказывал меру его вины, не нанимал адвокатов: если при совершении преступления был задержан человек, его убивали на месте происшествия сами свидетели или обличители. В области гражданских отношений кредитор мог силой взять часть имущества у должника путем применения насилия [5. С. 18]. Свод норм позже стал дополняться и развиваться в монгольском праве.

Великая Яса Чингисхана в первозданном виде не дошла до наших времен, это были обрывки отдельных положений, написанные китайскими инородцами. В современный период мы имеем лишь четыре таблицы, зафиксированные в бронзовых листах, в которых были изложены нормы уголовного, гражданского, наследственного и военного права. С утверждением раннефеодальных отношений в монгольском обществе и образованием государственности в XIII в. начало действовать монгольское феодальное право на уровне обычноправовых норм, а Великая Яса стала основой для развития законодательства монгольской империи.

Предполагаемые составные части Ясы получены из разных источников. Ниже приведён список из книги Харольда Альберта Лэмба (англ. Harold Albert Lamb) «Genghis Khan: The Emperor of All Men», Garden City Publishing, 1927 г. [6].

Статьи Великой Ясы надо читать с обязательным учетом трех моментов:

1. Положения постановлений Великой Ясы были изложены так, чтобы чтец мог на одном дыхании, прочитать целое предложение. Лицо, на которого была возложена обязанность следить за исполнением постановлений Великой Ясы, должно было знать их наизусть.

2. Положения постановлений Великой Ясы не допускают двойного толкования. Великая Яса должна быть понятна для всех, быть простой в изложении и понимании.

3. Положения постановлений Великой Ясы не должны противоречить традициям и пониманию общественных отношений, законов войны и мира, уголовных, гражданских, семейных отношений, которые сложились в тот период.

Основным источником Великой Ясы было китайское право, в настоящий период это можно утверждать с определенной точностью, так как социальное развитие монгольского общества в период Чингисхана сильно отставало от китайского. Если в степях Монголии племена вели кочевой, то в Китае население вело оседлый образ жизни, занималось в основном земледелием, имело письменность, систему государственных органов. Территории делились на административные округа со своим судом, силовыми органами и т.д. В раннефеодальный период в правлении Чингисхана уже существовала государственная система, но она была слабо развита по сравнению с китайской.

Данное законодательство, как писал Л.Н. Гумилев, формировалось десятилетиями. Для всех монгольских племен Яса была обнародована и принята на Великом курултае одновременно с провозглашением Темучина Чингисханом всей Великой степи. Но и после этого Яса дополнялась: в 1218 г., перед войной с Хорезмийским султаном, и в 1225 г., перед завоеванием Тангутского царства, а затем и в последующие годы. Попутно отметим, что кодификация обычного монгольского права (Великая Яса) явилась первым последствием принятия монголами уйгурской письменности [7. С. 25].

В 1261 г. монголы разработали Степное уложение, в основу которого были положены нормы китайского права. Первым китайским кодексом, полностью дошедшим до наших дней, является кодекс династии Тан – «Танлюй шу и» (Уголовный кодекс Тан с комментариями и разъяснениями), составленный в 653 г. Предполагается, что именно данный кодекс лег в основу Степного уложения монголов [Там же. С. 27].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать выводы, что обычное право носило письменное закрепление. Данное положение является доказательством того, что это норма права, которая регулирует различные сферы общественных отношений, начиная с уголовного, гражданского и военного права. Обычное право развивалось путем его дополнений и внесения новых актов, которые могли изменяться или прекращать свое существование. В конце концов нормы были кодифицированы, т.е. нашли свое закрепление в виде обязательных норм, защищаемых государством. Обычное право монголо-тюркских народов имеет особенность, связанную с тем, что оно регулирует отношения кочевников-скотоводов, которые проживали на обширных степях от Центральной Азии до Черного моря и разговаривали на разных языках.

Обычное право и обычаи – понятия не тождественные. Обычное право – это переходный этап от обычая к закону. Обычное право перестало существовать, а обычай стал источником (формой) права, санкционированный государством. При этом обычное право нельзя отрывать от обычаев, которые существовали у кочевых народов Центральной Азии, так как в раннефеодальном обществе подавляющее большинство населения было безграмотным, а общественное развитие кочевых народов потребовало совершенствования обычного права путем его закрепления в определенных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права / под ред. д-ра юрид. наук В.Г. Стрекова. М. : Интерстиль, 1999.
2. *Петров В.В.* Экологическое право. М. : БЕК, 1996.
3. *Аксенов И.Ч.* Роль обычно-правовых норм в регулировании сословных отношений калмыцкого общества XIX века : автореф. ... канд. юрид. наук.
4. *Юридический* словарь. М., 1953.
5. *Рязановский В.А.* Великая Яса Чингисхана. Харбин, 1933.
6. *Lamb H.A.* Genghis Khan: The Emperor of All Men. Garden City Publishing, 1927.
7. *Гомбожапов А.Д.* Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилёва. Улан-Удэ, 2008.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 мая 2014 г.

THE COMMON LAW AS A REGULATOR OF THE MONGOL-TURKIC PEOPLES' SOCIAL RELATIONS IN CENTRAL ASIA DURING CHENGHIS KHAN'S REIGN

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 161-164. DOI: 10.17223/15617793/386/28

Shirizhik Vyacheslav M. Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: shirizhik-vm@yandex.ru

Keywords: Abel E.A.; Indigenous; Buryats; Cossacks; The Tauke Law; Hahlha Geerum.

The expression "sources of the law" in the literature has many meanings. After a review of the literature, we made a conclusion that it is the external form of the rules of law which regulate public relationships in certain branches of law. Having separate sources of the law is always considered as a mandatory feature of a branch of law independence. According to this, there are four basic forms of law (sources of the law) that can be classified: 1. The custom. Some scientists think that the custom plays a key role among other sources. On the contrary, legal positivism considers that customs do not have practical application nowadays and should be considered obsolete. 2. The precedent. The precedent is the most common source of the law. It is the regulator of judgments and administrative decisions for specific cases for which the state gives statutory parameters. 3. The government regulation. This source is a very important one because it includes obligatory rules of behavior which are under government control and protection. 4. The international agreement. The main peculiarity of the international agreement is that it has a prior validity to domestic law. The Common Law was in written form, which proves that it is not a custom, but a statute of law that regulates public relationships such as penal, civil and military law. The Common Law developed by adding new laws and rules that could be changed or canceled. But all laws were codified and under state protection. The Common Law as a regulator of the Mongol-Turkic peoples' social relations has a peculiarity: it regulated laws of nomads who lived separately on a big territory and had no common language culture. We should agree with the authors who say that the Common Law is the oldest source of the law and that is why recently it has attracted attention of different scientists. They use different terms to define the Common Law: informal law, early law, preliminary law, etc. But these terms were not good enough because did not contain all functions of the Common Law. That is why the Common Law was not researched enough in the juridical literature and is not well known in legal science. The Common Law cannot be called the law source nowadays because: - the statues of the Common Law were not clear enough and could not fully regulate public relationships; - the statues of the Common Law could not be used equally on the whole territory of the Mongolian state, they were different for every tribe according to the tribe's culture; - the Common Law had to be used by several generations to be effective; - the local Common Law did not always comply with the interests of the state. We can make a conclusion that the Common Law and the custom are not the same because the Common Law is a transient phase from custom to law. However, the Common Law could not be separate from customs which nomad people had because during the early period of feudal society the majority of the population was illiterate. That is why customs still exist as a source of the law while the Common Law was replaced by the law as we understand it nowadays.

REFERENCES

1. Khropanyuk V.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Interstil' Publ., 1999.
2. Petrov V.V. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Moscow: BEK Publ., 1996.
3. Aksenov I.Ch. *Rol' obychno-pravovykh norm v regulirovanii soslovnykh otnosheniy kalmytskogo obshchestva XIX veka*. Avtoreferat dis. kand. yurid. nauk [The role of common law in the regulation of class relations of Kalmyk society of the nineteenth century. Abstract of Law Cand. Diss.]. Stavropol, 2004.
4. Ryazanovskiy V.A. *Velikaya Yasa Chingiskhana* [Great Yasa of Genghis Khan]. Harbin, 1933.
5. Bratus' S.N. (ed.) *Yuridicheskiy slovar'* [Law Dictionary]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1953.
6. Lamb H.A. *Genghis Khan: The Emperor of All Men*. Garden City Publishing, 1927.
7. Gombozhapov A.D. *Kochevye tsivilizatsii Tsentral'noy Azii v trudakh L. N. Gumileva* [Nomadic civilizations of Central Asia in the works of L.N. Gumilev]. Ulan-Ude, 2008.

Received: 22 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 165–171 DOI: 10.17223/15617793/386/29

ЭКОНОМИКА

УДК 336.1; 336.6

В.В. Казаков

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: МИРОВОЙ ОПЫТ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Государственно-частное партнерство – это законодательно и институционально закрепленная система отношений между государственной или муниципальной властью и частным сектором с целью развития социально значимых и слабо развитых отраслей народного хозяйства для защиты общественных интересов. Опыт развитых стран и российская практика в использовании государственно-частного партнерства, исследованные в статье, в целом подтверждают эффективность и перспективность использования такого формата взаимодействия государства и бизнеса, в особенности в инфраструктурных проектах.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; мировой опыт; российская практика.

Неотъемлемым условием нормального функционирования и поступательного экономического развития региона и страны в целом является конструктивное взаимодействие государственной власти и бизнеса. Согласно неоклассической концепции, преобладающей на протяжении второй половины XX в., основой стабильности экономической системы является рынок. При этом «идеальный рынок» позиционируется в качестве высокоорганизованного саморегулирующегося механизма. Проблема заключается в том, что на практике реализовать концепцию идеального рынка невозможно. В результате в настоящее время в подавляющем большинстве стран мира, включая Россию, в качестве системы организации экономики мы имеем капитализм, в основе которого заложены рынки с несовершенной конкуренцией.

С течением времени «эволюция капиталистической системы потребовала принять меры по стабилизации экономического развития – особенно тогда, когда концентрация капитала сделала влияние “большого бизнеса” на течение экономического цикла слишком сильным, а злоупотребление монопольным положением стало принимать угрожающие масштабы» [1. С. 261]. Согласно мнению основоположника современной теории государственного регулирования экономики Дж.М. Кейнса, «система рыночного капитализма страдает такими пороками, что если не перейти к регулируемой экономике, дело кончится плохо» [2. С. 71].

Сам Кейнс в своей работе «The End of Laissez-Faire» отмечал, что государство должно контролировать и регулировать экономику. Он пишет, что «многие крупные предприятия, особенно предприятия коммунального хозяйства и другие виды бизнеса, предполагающие наличие основного капитала значительных размеров, по-прежнему должны быть полусоциалистическими. Нам следует использовать все выгоды, которые могут быть получены из естественных тенденций сегодняшнего дня, и, наверное, в этом случае нужно отдать предпочтение полуавтономным корпорациям, а не органам централизованного государственного управления, находящимся в прямом подчинении у государственных министров» [3. С. 381, 382].

Проанализировав данное высказывание, приходим к выводу, что речь идет о предприятиях, функционирующих на стыке государственного и частного секторов экономики, фактически о государственно-частном партнерстве (ГЧП). Термин «государственно-частное партнерство» (Public-Private Partnership, PPP) появился в начале 1980-х гг. для характеристики особых отношений между государством и частным сектором.

Государственно-частное партнерство – это законодательно и институционально закрепленная система отношений между государственной или муниципальной властью и частным сектором с целью развития социально значимых и слабо развитых отраслей народного хозяйства для защиты общественных интересов. В основе данной системы лежат принципы равноправия, рационального партнерства, распределения рисков и доходов, объединения усилий государственного и частного сектора. Накопленный в мировой практике методологический аппарат моделей, форм и механизмов государственно-частного партнерства позволяет его использовать в самых различных отраслях народного хозяйства при решении ряда важных задач современной социально-экономической политики России. Как правило, эти отношения складывались и развивались в сфере производственной и социальной инфраструктуры. Это касалось автомобильных и железных дорог, аэропортов, морских портов, энергетических сетей, коммунального хозяйства, телекоммуникаций, объектов образования, здравоохранения и культуры. Характерно, что возникновение такого рода отношений стало следствием общего курса на либерализацию и сокращение государственного участия в экономике [4].

Центры развития ГЧП появились в начале 2000-х гг., сначала Partnerships UK, затем Центр развития ГЧП ЮАР и штата Виктория в Австралии, хотя предшественники в виде структурных подразделений государственных организаций существовали, например, в Великобритании с 1992 г. Центры ГЧП заметно отличаются от традиционных государственных организаций, которые были распространены на протяжении XX в. и существуют в большинстве стран по сей день.

Первые центры развития содействуют созданию последующих структур. PUK (Великобритания) до сих пор помогает разрабатывать новые центры ГЧП в зарубежных странах. Когда государственные органи-

зации учреждают центры, они часто изучают мировой опыт, дабы не изобретать велосипед.

Например, Parpublica разрабатывался при участии Великобритании, Италии и Голландии. Partnerships BC содействовали Partnershisps UK и Partnershisps Victoria, а Infrastructure Ontario помогали Partnerships UK и Partnershisps BC. Помощь, как правило, включает интервью с исполнительными директорами ведущих центров, визиты делегаций с целью изучить существующую структуру или, наоборот, посещение делегациями из других центров ГЧП стран, в которых планируется создание такого рода структур. Некоторые страны в процессе создания центров развития ГЧП не только консультируются с ведущими центрами, но еще и копируют и комбинируют части сложившихся структур по развитию ГЧП других стран. Например, Partnerships BC является гибридом PUK и Partnerships Victoria.

Многие эксперты сходятся в том, что заимствование частей существующих структур может оказаться сложным и неэффективным решением в связи с разной структурой государственного управления, в том числе отличающейся правовой и политической средой. Структура центра должна соответствовать особенностям развития ГЧП в данном государстве или регионе, ведь то, что подходит для одних, может не подходить для других.

Многие центры являются структурными подразделениями министерства финансов или казначейства. Преимущества такого расположения – в лучшей координации, уменьшении количества конфликтов интересов и более обширном доступе лицам, принимающим решения. Недостатки: низкое доверие со стороны частных партнеров, ограниченная шкала окладов, которая мешает привлекать лучших экспертов, бюрократизм и большие ограничения, обязывающие использовать традиционный метод государственных закупок.

Набирая персонал, центры развития ГЧП в первую очередь обращаются к членам рабочих групп по вопросам ГЧП. Многие центры, такие как Partnerships BC и Infrastructure Ontario, после набирают работников с необходимым опытом из частного сектора или государственных организаций. Другие организации, такие как Parpublica, просто приглашают профессионалов из государственных органов. Когда в PUK решался вопрос о привлечении наиболее квалифицированных работников, наняли лучших сотрудников государственных органов.

Центры развития ГЧП склонны нанимать высокопрофессиональных инвестиционных банкиров, юристов и экспертов в области инфраструктуры с условием непосредственного общения с коллегами из международных инвестиционных банков, юридических фирм и операторов инфраструктуры.

Таким образом, за счет передовых практик они способны обеспечить лучшие результаты для государства.

Далее перед центрами развития ГЧП стоит цель достижения устойчивого потока сделок, что позволяет частному сектору ознакомиться с процессом конкурсного отбора. Такой подход позволяет минимизировать трансакционные издержки, а также способствует привлечению международных игроков к участию в торгах, в результате увеличиваются конкуренция, количество инноваций и привлекательность государства для инвесторов [5].

Кроме того, центры накапливают опыт и распространяют лучшие практики, соответственно, со временем способность государства привлечь частный сектор только возрастает. Конечно, не все центры выполняют вышеописанные функции в полном объеме.

Эксперты выделяют три типа центров развития ГЧП [6. С. 27]:

– «малофункциональные» центры. Отвечают за оценку бизнес-планов и написание рекомендаций для органов, принимающих решения (MAPPP, PSA, NTPPPU S.A, Parpublica, PIMAC);

– «многофункциональные» центры. Помимо полномочий «малофункциональных» центров занимаются консультационной поддержкой государственных организаций, активно развивают рынок проектов ГЧП и предлагают дополнительные услуги (PUK, Infrastructure Ontario, PBC);

– центры «компетенций». Не занимаются ни регулярной оценкой бизнес-планов, ни консультационной поддержкой государственных организаций, их задачи связаны исключительно с распространением лучших практик.

Многие эксперты считают третью категорию переходной, т.е. существующей на этапе перед становлением «малофункционального» или «многофункционального» центра развития ГЧП. Центры развития не имеют формального права утверждения проектов ГЧП. Полномочия по утверждению, как правило, ложатся на плечи казначейства, кабинета министров или государственных органов в зависимости от структуры государственного управления того или иного государства или региона. Тем не менее большинство изученных центров отвечают за оценку технико-экономического обоснования и бизнес-планов, а после занимаются написанием рекомендаций для государственных организаций.

Причем большинство рекомендаций исследованных центров служат основой для государственных органов, принимающих решения, т.е. косвенно центры обладают большими возможностями влияния на конечное утверждение проекта. Некоторые центры, например Parpublica и Partnerships BC, также помогают министерствам в разработке бизнес-планов и проведении анализа «цена-качество». Другие, например, MAPPP, Paptnerships SA и South Africa PPP Unit, занимаются лишь анализом документов и технико-экономических докладов, написанных государственными организациями.

Практически все центры частично вовлечены в процесс государственных закупок, хотя уровни участия различны. Уровень вовлечения обычно колеблется от проекта к проекту. Например, PUK разрабатывал типовые документы для государственных закупок и контрактов, которые позволяли подготовить большинство проектов ГЧП без вмешательства государственных организаций. Тем не менее Partnerships UK также помогает государственным структурам в случае необходимости. Основная функция центра

развития ГЧП ЮАР касается регулирования, в то же время он предоставляет своих и внешних консультантов для использования лучших практик в сфере государственных закупок. Partnerships South Australia разработал стандартные процедуры государственных закупок, но не вовлечен в сам процесс. Вместо этого PSA занимается контролем и надзором на разных этапах.

Большинство центров не вовлечены в процесс реализации проектов ГЧП. После выбора победителя и подписания контракта центр обычно прекращает принимать участие в управлении или технической поддержке проекта. Исключениями являются Infrastructure Ontario, Partnerships BC и Partnerships UK, которые вовлечены в процесс управления и технической поддержки проекта.

Великобритания является одним из лидеров в области использования ГЧП, британское правительство стало одним из первых применять эту схему работы на национальном уровне. В связи с этим центр Partnerships UK (PUK) имеет довольно длинную историю и сложную организационную структуру. PUK создан в 1999, а запущен в 2000 г. Основная цель – способствовать разработке и реализации проектов ГЧП. С 1992 по 1997 г. в Великобритании существовала организация под названием Private Finance Panel, которая синтезировала государственные и частные идеи в развитие политики ГЧП. В 1997 г. ее вытеснила группа из высококвалифицированных государственных служащих и представителей Сити (Treasury Task Force), созданная в целях развития политики ГЧП и разработки проектов ГЧП.

Первоначальное предположение о том, что после двух лет работы, навыки и знания, сформированные в рабочей группе, передадутся линейным министерствам, не оправдалось. В конце 1990-х гг. казначейство осознало необходимость создания постоянной экспертной площадки для развития ГЧП. В результате учреждение PUK позволило осознать все выгоды сотрудничества с частным сектором, в особенности принципа «цена-качество».

Одним из факторов успеха PUK является стремление всех заинтересованных лиц (stakeholders) заботиться в первую очередь об интересах государства. PUK является полноценным примером государственно-частной компании, так как 51% акций принадлежит частным компаниям, а 49% государственному сектору (44,6% Казначейству Великобритании и 4,4% шотландскому правительству) [7. С. 7].

Разразившийся мировой экономический кризис привел к активизации государственно-частного партнерства во всех отраслях и сферах экономики развитых стран. Но особенно серьезный прогресс наблюдается в отраслях производственной инфраструктуры – транспортных коммуникациях, энергетических сетях, системах ЖКХ.

Правительство Великобритании, будучи очень обеспокоенным состоянием производственной инфраструктуры в стране в условиях кризиса, в марте 2009 г. учредило специальный фонд по кредитованию проектов государственно-частного партнерства (Treasury Infrastructure Finance Unit), которые испытывают сложности в привлечении частных средств [8]. Первой сделкой фонда стала выдача кредита размером 120 млн фунтов стерлингов на возобновление приостановленного во время кризиса проекта ГЧП по созданию завода в Манчестере для утилизации бытовых отходов.

Классическим примером ГЧП является пакет антикризисных стимулов (Recovery and Reinvestment Act), принятый в 2009 г. с подачи президента США Б. Обамы, объемом 787 млрд долл., в реализацию которого вовлечено почти три десятка федеральных ведомств. Из них 43 млрд долл. было направлено в энергетику, 111 млрд – в инфраструктуру и науку, из которых 27 млрд долл. пошли на строительство автомобильных дорог [9].

Схема распределения финансовых средств выглядит следующим образом. После санкции Конгресса Минфин США направляет денежные транши на счет каждого участвующего в программе федерального ведомства. Затем эти средства, по итогам рассмотрения соответствующих заявок, выделяются напрямую в виде грантов и кредитов научно-исследовательским центрам, бизнесу, НПО, а также местным властям.

При этом местные власти распределяют полученные из федерального бюджета ассигнования по аналогичной схеме. Отдельно для физических лиц предусматриваются налоговые вычеты и изъятия (налоги на недвижимость, возмещение в счет расходов на обучение в колледже и т.д.). Контроль над расходованием средств осуществляет Главный инспектор (входит в состав аппарата Белого дома). С целью повышения прозрачности реализуемые мероприятия и отчеты о проделанной работе публикуются в сети Интернет на специализированном портале (www.recovery.gov). По данным Минфина США, тройку получателей наибольшего объема средств составили Минздрав (94 млрд долл.), Минобразования (65 млрд долл.) и Минтруда (62 млрд долл.). Такое распределение мест не случайно. Развитие «человеческого капитала» – один из приоритетов нынешней администрации. Также по линии этих ведомств осуществляется ряд программ международной помощи в контексте обязательств США по достижению «Целей развития тысячелетия» [10].

Кроме того, президент страны Б. Обама поддержал предложение сенатора К. Додда о создании специального Национального банка по рефинансированию инфраструктуры (National Infrastructure Reinvestment Bank), в числе основных задач которого будет привлечение частных инвестиций в проекты ГЧП. Банк на государственный кредит в размере 60 млрд долл. из федеральных средств должен привлечь частные компании к финансированию инфраструктуры и в течение 10 лет довести объем частных инвестиций в такие проекты ГЧП до 500 млрд долл.

Во Франции с началом кризиса был принят план по стимулированию экономики страны [11. С. 4]. Он, в частности, включает государственные кредиты банкам, которые из этих средств кредитуют частные компании, участвующие в инфраструктурных проектах ГЧП. До открытия банками кредитных линий предусматриваются правительственные ссуды частным партнерам под низкие процентные ставки и дополнительные налоговые льготы. Всего на эти цели

правительство выделило 10,5 млрд евро. Проекты ГЧП во Франции осуществляются по новой процедуре, введенной в 2004 г. Министерство финансов инициировало создание центра развития ГЧП в связи со сложностью использования новой процедуры. Центр развития ГЧП Франции (MAPPP) официально учрежден в мае 2005 г. Основной целью MAPPP является помощь государственным организациям – заказчикам в использовании данной процедуры. MAPPP отвечает за все проекты ГЧП во Франции. Центр ГЧП является структурным подразделением Министерства финансов. Все решения, связанные со структурой, обязанностями, ответственностью и руководством, согласовываются с министерством. Основная задача центра – консультировать государственные организации – заказчики, а не самостоятельно заниматься реализацией проектов. Министерство решило финансировать MAPPP исключительно через государственный бюджет, т.е. без получения вознаграждений от государственных организаций – заказчиков проектов ГЧП. MAPPP непосредственно занимается оценкой проектов ГЧП перед их утверждением в Ministry of Budget. MAPPP готовит методологию для оценивания ГЧП проектов и проверяет достоверность технико-экономического обоснования, предоставленного государственными организациями-заказчиками, перед итоговым утверждением министерством.

Правительство Южной Кореи в условиях экономического и финансового кризиса разработало пакет мер по стимулированию развития экономики, более 15% финансовых средств которого направлены в проекты ГЧП [12. С. 18]. В частности, предполагается установление более низких требований к размеру собственного капитала частных партнеров при подписании соглашений о новых проектах ГЧП (5–10%), для крупномасштабных проектов расширены масштабы гарантий Фонда гарантирования кредитов в инфраструктуру (Korean Credit Guarantee Fund).

В настоящее время в связи с реализацией программы «Строительство-Передача-Лизинг» (Build-Transfer-Lease) начался новый этап развития ГЧП [13. С. 6, 7]. В Южной Корее за развитие ГЧП отвечают государственные организации (в замкнутой и централизованной системе с минимальным участием других организаций).

Ministry of Strategy and Finance (MOSF) отвечает за программу развития ГЧП, т.е. за написание рекомендаций правительству и составление годовой стратегии развития ГЧП. MOSF контролирует качество проектов, за которые отвечают государственные организации – заказчики, посредством анализа квартальных отчетов о реализации проектов ГЧП.

Ответственность по реализации проектов ГЧП закреплена за профильными государственными организациями. Ответственная организация также занимается написанием технико-экономического обоснования, оценкой показателя «цена-качество», управлением процессом государственных закупок, конкурсным отбором, согласованием технического плана и запуском проекта. Как правило, крупные сделки осуществляет специальное подразделение MOSF под названием Комитет по обзору проектов (Project Review Committee). В него входят высокопоставленные чиновники, а также частные консультанты в качестве технических экспертов.

Государственные организации – заказчики обычно вместо пользования услугами частных консультантов обращаются в Центр развития ГЧП Южной Кореи под названием Public and Private Infrastructure Investment Management Center (PIMAC) за технической поддержкой. Функции PIMAC включают анализ бизнес-планов, помощь в переговорах и посредничество в согласованиях. Кроме того, PIMAC занимается образовательными семинарами и проводит исследования в области инфраструктуры [14. С. 24]. Также PIMAC защищает интересы государства, оказывая поддержку низко квалифицированным специалистам из государственных органов в сделках с концессионерами [15. С. 30].

В Южной Корее действует государственный аудитор, который называется Board of Audit & Inspection (BAI). Данная организация следит за действиями государственных органов. В частности, BAI осуществляет независимый контроль и надзор за выполнением проектов ГЧП, особенно на этапе государственных закупок.

Помимо прочего в Южной Корее существует специальный фонд под названием Korean Infrastructure Credit Guarantee Fund (KICGF), который обеспечивает финансовые гарантии подрядчикам из частного сектора. Как правило, гарантии имеют форму срочного кредита, используемого для оплаты старшей задолженности, или форму гарантий доходности займа. Вышеописанные гарантии призваны минимизировать риски концессионера, таким образом содействуя развитию местных рынков ГЧП. KICGF частично похож на учреждение развития, хотя его полномочия ограничены вышеописанными функциями.

По данным Всемирного банка, в 2008–2009 гг. в развивающихся странах на различных стадиях разработки находились 522 новых инфраструктурных проекта ГЧП [16. С. 7]. При этом по состоянию на март 2009 г. вследствие кризиса был остановлен только 1 проект, а 4 прекращены на стадии тендера, подписания контракта или поиска инвесторов, т.е. еще до их начала.

В условиях кризиса многие из развивающихся стран стали активизировать свои программы государственно-частного партнерства. Так, по решению бразильского правительства Национальный банк развития (Banco Nacional de Desenvolvimento Economico e Social) выделил в 2009 г. дополнительные финансовые средства для инвестиций в инфраструктуру и добывающие отрасли (в первую очередь в геологоразведку) в размере 42,6 млрд долл. [17. С. 5]. Также правительство приняло решение о строительстве на условиях ГЧП двух гидроэлектростанций – в муниципалитете Жирау (штат Алагоас) и в г. Сан-Антонио. В феврале и марте 2009 г. состоялось подписание соответствующих финансовых соглашений с частными инвесторами. Стоимость проектов составляет 4,2 и 5,7 млрд долл. соответственно.

В условиях резкого сокращения экспорта правительство Китая в ноябре 2008 г. приняло план по стимулированию внутреннего спроса из 10 пунктов [18]. Общая сумма инвестиций составляет 585 млрд долл. Весь план реализуется на условиях ГЧП. Национальное

правительство через бюджет выделяет 145 млрд долл., а остальные средства будут предоставлены местными властями, а также крупнейшими госкомпаниями и государственными инвестиционными фондами.

Исходя из опыта стран с развитой экономикой, можно назвать следующие черты ГЧП, отделяющие его проекты от других видов отношений государства и бизнеса:

− соглашения о партнерстве создаются под конкретный объект (как правило, транспортной или социальной инфраструктуры), который должен быть завершен к установленному, часто длительному (от 10 до 20 и более лет) сроку;

− особые источники финансирования проектов (за счет частных инвестиций одного или нескольких участников, дополненных бюджетными денежными средствами);

− обязательное наличие конкурентной борьбы за участие в партнерстве между бизнес-структурами;

− специфические формы распределения ответственности, когда государство с позиций общественных интересов устанавливает цели проекта, определяет его стоимостные и качественные параметры, осуществляет мониторинг реализации, а частный партнер берет на себя оперативную деятельность на разных стадиях проекта (разработка, строительство, эксплуатация, предоставление услуг потребителям);

− определенное распределение рисков на основе соответствующих договоренностей сторон [19].

Следовательно, в отличие от административно-властных отношений, партнерство государства в лице федеральных или региональных органов государственной власти и частного сектора предполагает не простое сложение ресурсов, а совершенно особую конфигурацию интересов, правомочий и ответственности сторон.

В отличие от других стран российское правительство в условиях кризиса резко сократило свои инвестиции в отрасли производственной инфраструктуры. Так, в 2009 г. бюджет Министерства транспорта РФ был секвестирован на 30%. 30 июля 2009 г. Правительство РФ приняло решение о возврате в федеральный бюджет 65 млрд руб., ранее выделенных Фонду содействия реформированию ЖКХ. Особенно пострадали крупные инфраструктурные проекты, финансируемые из Инвестиционного фонда РФ. 12 января 2009 г. на заседании Президиума Правительства заместитель Председателя Правительства Д.Н. Козак, который курирует деятельность Инвестиционного фонда, заявил о полной инвентаризации всех проектов, финансирование которых утверждено ранее Правительством РФ. Из 21 такого проекта были оставлены для финансирования только 15 [20]. Объем средств, который был запланирован к расходованию из Инвестиционного фонда в федеральном бюджете на 2009 г., сократился со 113 до 64 млрд руб.

В настоящее время самыми масштабными по объемам капитальных вложений являются проекты ГЧП в области транспортной инфраструктуры. В основном они реализуются при строительстве автомобильных дорог. Тем не менее есть редкие примеры сотрудничества государства и бизнеса в сфере железнодорожного строительства. Уникальным проектом ГЧП стала станция метро «Мякинино», построенная по инициативе ЗАО «Крокус», вложившего в проект 600 млн руб. Это оказалось выгодно всем сторонам сделки: и Московскому метрополитену, и инвестору, обеспечившему приток клиентов в торговый центр, расположенный рядом с метро, и Московской области, на территории которой расположилась станция (в шаговой доступности от метро расположены Дом правительства Московской области, Московский областной суд и другие административные здания).

По программе развития транспортной системы Москвы до 2020 г. планируется построить почти 150 км новых линий метро. Возможно, при реализации этих планов будет использован частный капитал, как в случае с метро «Мякинино». Однако следует отметить, что участие бизнеса в таких проектах – скорее исключение, чем правило. И вряд ли ситуация изменится: необходимо уникальное сочетание условий, чтобы подобный проект был реализован.

Признанным лидером среди регионов РФ по уровню развития ГЧП является Санкт-Петербург. И это благодаря не столько проработанному региональному законодательству, сколько большому опыту реализации проектов ГЧП. Отдельного внимания заслуживает Западный скоростной диаметр – платная магистраль, проходящая с севера на юг через порт и центр города. Широко рекламируется Комитетом по инвестициям Санкт-Петербурга, отвечающим за развитие в городе ГЧП, проект строительства завода по переработке твердых бытовых отходов в п. Янино. В Москве список подобных проектов пока значительно меньше.

Отставание Москвы от Северной столицы в сфере развития ГЧП отражается в рейтинге «готовности» регионов к осуществлению подобных проектов (см. таблицу; источник – Центр развития ГЧП).

Рейтинг некоторых регионов РФ по уровню развития ГЧП на начало 2013 г.

№	Название субъекта РФ	Значение рейтинга	№	Название субъекта РФ	Значение рейтинга
1	СПб.	7,8	16	Кировская обл.	5,3
2	Татарстан	6,6	17	Ульяновская обл.	5,3
3	Воронежская обл.	6,5	18	Ленинградская обл.	5,0
4	Ярославская обл.	6,3	19	Карелия	4,9
5	Тульская обл.	6,1	20	Липецкая обл.	4,9
6	Белгородская обл.	5,9	21	Московская обл.	4,9
7	Нижегородская обл.	5,7	22	Рязанская обл.	4,7
8	Вологодская обл.	5,6	23	Омская обл.	4,7
9	Калужская обл.	5,6	24	ХМАО	4,7
11	Ростовская обл.	5,5			
12	Свердловская обл.	5,5			
13	Москва	5,5			
14	Красноярский край	5,4			
15	Краснодарский край	5,4			

Так, если Санкт-Петербург располагается на 1-м месте с рейтингом 7,8, то столица России – на 13-м (рейтинг 5,5). Оценка складывалась из трех параметров:

− нормативно-правовая база в регионе, в том числе специальные структурные подразделения органов власти, ответственные за ГЧП, предусмотренные в бюджете расходы на ГЧП;

− опыт реализации ГЧП (оценивается количество проектов, их уровень и стадии реализации);

− кредитный рейтинг региона (количество присвоенных рейтинговых оценок, а также значение оценок).

Законодательство и правоприменительная практика в отношении ГЧП были бы более развитыми и успешными в Москве, если бы не «неформальные» способы сотрудничества с бизнесом и не «джентльменские соглашения» (не оформленные документально) – предыдущая городская управленческая команда зачастую строила свою работу именно так. К тому же ГЧП развивается там, где есть недостаток бюджетных средств.

В Москве с ее бюджетом около миллиарда долларов такая проблема до настоящего времени не возникала. Московским властям пришлось всерьез задуматься о привлечении частных партнеров только тогда, когда речь зашла о реальном повышении уровня комфорта для жителей столицы (масштабное благоустройство территории, повышение качества и доступности государственных услуг, борьба с пробками, расширение административных границ, разгрузка МКАД).

Учитывая активные действия правительства Москвы по продвижению проектов ГЧП, можно предположить, что уже в следующем году столица достигнет первой пятерки в указанном рейтинге. Отсутствие московского закона о ГЧП вскоре может быть компенсировано принятием и применением федерального. К тому же в настоящее время возможна реализация любых форм ГЧП-проектов и не обязательно иметь для этого собственный закон. Практика показывает, что если соглашение выгодно государству, претензий со стороны проверяющих органов быть не должно.

Внутри МКАД ГЧП возможно при реорганизации промзон. При дефиците новых площадок для строительства территории старых промышленных предприятий, занимающих до 30% территории столицы, представляют большую ценность для девелоперов. Поэтому Москва будет вправе требовать от потенциальных инвесторов проекты, выгодные не только бизнесу, но и городу в целом.

На наш взгляд, одной из основных причин того, что в рейтинге Doing Business Россия не входит даже в первую сотню, является то, что государство не умеет выстраивать конструктивные отношения с бизнесом.

Рассчитываем, что развитие практики ГЧП позволит власти научиться эффективно и прозрачно взаимодействовать с частным капиталом (прозрачность и открытость – основной принцип ГЧП). Это должно привести к снижению коррупции и улучшить условия для ведения бизнеса в стране.

Экономические проблемы, а именно проблемы обеспечения высоких темпов качественного и количественного экономического роста, повышения конкурентоспособности, диверсификации российской экономики и перевода ее на путь инновационного развития, и социальные проблемы, в частности проблемы качественного удовлетворения потребностей населения по стабильным ценам, создания новых рабочих мест, в условиях нарастающей глобализации и системного финансово-экономического кризиса требуют прежде всего обеспечения консолидации ресурсов государства и бизнеса посредством ГЧП.

Как представляется, опыт развитых стран и российская практика в использовании ГЧП в целом подтверждают эффективность и перспективность использования такого формата взаимодействия государства и бизнеса, в особенности в инфраструктурных проектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Экономическая компаративистика. М. : Инфра-М, 2009. 746 с.
2. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
3. *Keynes J.M.* The End of Laissez-Faire. London, 1927.
4. *Казаков В.В.* Отдельные организационно-правовые вопросы финансового обеспечения в реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 101–107.
5. *Никонова Я.И.* Инновационная политика в системе государственного регулирования устойчивого развития национальной экономики / под общ. ред. А.Г. Ивасенко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. 260 с.
6. *Farrugia Christine, Tim Reynolds and Ryan Orr.* Public-private partnership agencies: a global perspective // CRGP Working paper. August 2008. № 39. 43 p.
7. *Edward Farquharson.* Partnerships UK. December 2008. 12 p.
8. *HM* Treasury. URL: http: // www.hm-treasury.gov. uk/ppp_ tifu_index.htm
9. *Recovery.gov.* URL: http://www.recoverv.gov/Pages/home. aspx?q=content/investments
10. *Об опыте* государственно-частного партнерства в США // Государственно-частное партнерство в России. 2012. URL: http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/PPP%20in%20foring%20country/PPP_USA.pdf
11. *Hall D.* A crisis for public-private partnerships (PPPs)? // PSIRU. 2009. January. 9 p.
12. *Burger P., Tyson J., Karpowicz I., Coelho M.D.* The Effects of the Financial Crisis on Public-Private Partnerships // IMF Working Paper. 2009. July. 25 p.
13. *Korean BTL.* Ministry of strategy and finance. 31 p.
14. *Jay-Hyung Kim.* Managing PPP in Korea: an institutional set-up using a think tank institution. 2009. 25 p.
15. *Public-private* partnerships in infrastructure in Korea. Ministry of strategy and finance. 30 p.
16. *Assessment* of the impact of the crisis on new PPI projects – Update 3 – World Bank Group. Public-Private Infrastructure Advisory Facility. Wash. D.C. June 2009. 8 p.
17. *New* private infrastructure projects in developing countries continue to take place but projects are being affected by the financial crisis. / World Bank. Public-Private Infrastructure Advisory Facility (PPIAF). Wash. D.C. 05.03.2009. 7 p.
18. *China* plans 10 major steps to enlarge the domestic demand with 4 trillion yuan investment // China Financial Daily. 10.11.2008.

19. *Государство* и бизнес: институциональные аспекты. М. : ИМЭМО РАН, 2006. С. 40.
20. *Стенограмма* заседания Президиума Правительства РФ 12 января 2009 г. URL: http://premier.gov.ru/events/news 2970

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 июля 2014 г.

PUBLIC PRIVATE PARTNERSHIP: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND DOMESTIC PRACTICE

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 165-171. DOI: 10.17223/15617793/386/29

Kazakov Vladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prorektorsv@mail.ru

Keywords: public-private partnership; international experience; Russian practice.

Constructive interaction between government and business is essential for the optimal functioning and sustained economic development of the region and the country as a whole. Public-private partnership is a legally and institutionally fixed system of relations between the state or municipal authority and the private sector for developing socially significant and underdeveloped sectors of national economy to protect the public interest. The system is based on the principles of equality of power between partners, management, risk and income allocation, bringing together public and private sector. The acquired methodological apparatus in the world practice of patterns, forms and mechanisms of public-private partnership allows its use in various sectors of the economy when addressing a number of important tasks of the current socio-economic policy of Russia. As a rule, these relations have developed in the field of production and social infrastructure. This included roads, railways, airports, seaports, power networks, telecommunications, public utilities, education, health care and culture institutions. It is typical that this kind of relations resulted from the policies of liberalization and reduction of the state's involvement in the economy. The recent global economic crisis has led to a strengthening of the public-private partnership in all branches and sectors of the economies of the developed countries. But progress is especially serious in the sectors of production infrastructure – transport communications, energy networks, systems of housing and utility services. Unlike other countries, the Russian government during the crisis sharply reduced its investment in the production infrastructure. Currently, the largest in terms of capital investment are public-private partnership projects in the field of transport infrastructure. A recognized leader among the regions of the Russian Federation in the development of public-private partnership is St. Petersburg. The experience of the developed countries and the Russian practice in the use of public-private partnerships in general seem to confirm the effectiveness and viability of the use of this format of cooperation between the state and the business, especially in infrastructure projects.

REFERENCES

1. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Ekonomicheskaya komparativistika* [Economic comparativism]. Moscow: Infra-M Publ., 2009. 746 p.
2. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe* [General theory of employment, interest and money. Selected works]. Translated from English. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 960 s.
3. Keynes J.M. *The End of Laissez-Faire*. London, 1927.
4. Kazakov V.V. On organizational and legal issues of financial security in state powers realization by local governments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 365, pp. 101-107. (In Russian).
5. Nikonova Ya.I. *Innovatsionnaya politika v sisteme gosudarstvennogo regulirovaniya ustoychivogo razvitiya natsional'noy ekonomiki* [Innovation policy in the system of state regulation of the sustainable development of the national economy]. Novosibirsk: NSTU Publ., 2010. 260 p.
6. Farrugia Ch., Reynolds T., Orr R.J. Public-private partnership agencies: a global perspective. *CRGP Working paper*, August 2008, no. 39, 43 p.
7. Farquharson E. *Partnerships UK*. December 2008. 12 p.
8. HM Treasury. Available at: http: // www.hm-treasury.gov. uk/rrr_ tifu_index.htm.
9. Recovery.gov. Available at: http://www.recoverv.gov/Pages/home. aspx?q=content/investments.
10. On the experience of public-private partnerships in the United States. Available at: http://www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/PPP%20in%20foring%20country/PPP_USA.pdf. (In Russian).
11. Hall D. A crisis for public-private partnerships (PPPs)? *PSIRU*, 2009, January, 9 p.
12. Burger P., Tyson J., Karpowicz I., Coelho M.D. The Effects of the Financial Crisis on Public-Private Partnerships. *IMF Working Paper,* 2009, July, 25 p.
13. Korean BTL. Ministry of Strategy and Finance. 31 p.
14. Jay-Hyung Kim. *Managing PPP in Korea: an institutional set-up using a think tank institution*. 2009, 25 p.
15. Public-private partnerships in infrastructure in Korea. Ministry of strategy and finance. 30 p.
16. Assessment of the impact of the crisis on new PPI projects – Update 3. World Bank Group. Public-Private Infrastructure Advisory Facility. Washington, D.C., June 2009. 8 p.
17. New private infrastructure projects in developing countries continue to take place but projects are being affected by the financial crisis. World Bank. Public-Private Infrastructure Advisory Facility (PPIAF). Washington, D.C. 05.03.2009. 7 p.
18. China plans 10 major steps to enlarge the domestic demand with 4 trillion yuan investment. *China Financial Daily*, 10.11.2008.
19. Osadchaya I.M. (ed.) *Gosudarstvo i biznes: institutsional'nye aspekty* [Government and business: institutional aspects]. Moscow: IMEMO RAS Publ., 2006. 155 p.
20. Transcript of the meeting of the RF Government Presidium January 12, 2009. Available at: http://premier.gov.ru/events/news 2970. (In Russian).

Received: 12 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 172–182 DOI: 10.17223/15617793/386/30

УДК 332.14:001.895

О.В. Козловская, Е.Н. Акерман, Ю.А. Елисеев, Ю.С. Бурец

МОДЕЛЬНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ В РАМКАХ АССОЦИАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Раскрыты предпосылки возникновения и развития института модельного нормотворчества, его сущность, основные виды модельных актов. Актуализирована необходимость использования модельных норм на межрегиональном уровне с целью гармонизации правовых систем регионов для их эффективного взаимодействия. Освещен первый опыт Ассоциации инновационных регионов России по разработке Модельного закона «Об инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации». Раскрыты отдельные методические вопросы разработки настоящего Модельного закона, представлены его структура и отдельные нормы. Обозначены последствия и перспективы внедрения института модельного нормотворчества в региональную практику правового регулирования.

Ключевые слова: модельное нормотворчество; Модельный закон; Ассоциация инновационных регионов России; инновации; инновационная деятельность.

1. Теоретико-исторические аспекты модельного нормотворчества

Возникновение модельного нормотворчества как правового института обусловлено усилением интеграционных процессов, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности. Развитие сетевого подхода к организации социально-экономических процессов сопровождается необходимостью формирования институционального единства участников взаимодействия на различных уровнях экономики: межнациональном, межрегиональном, межфирменном.

Производственные процессы в настоящее время «переплетены» между различными хозяйствующими субъектами, а этапы цепочек создания стоимости продукции (товаров, работ, услуг) – идея, регистрация интеллектуальных прав, поставки сырья и материалов, разработка образцов, сборка, маркетинг и сопутствующие услуги, реализация – распределяются по различным странам и регионам. Эта тенденция формирует потребность в единых подходах:

– к инструментам «встраивания» производственных функций в глобальные (межрегиональные) цепочки создания стоимости;

– правилам регистрации и использования объектов интеллектуальной собственности;

– правилам статистического учета;

– правовому регулированию соответствующей сферы.

Таким образом, активизируются процессы гармонизации и унификации в правовом регулировании отношений в отдельных сферах деятельности и различных субъектах РФ. Это требует унификации подходов и правовых норм, что достигается посредством модельных законов.

В мировой практике модельные законодательные акты имеют достаточно долгую историю. Так, в Римском договоре модельный закон рассматривался как правовой документ, рекомендованный государствам для принятия в качестве их национального закона. В Пруссии и Австрии в 1858–1859 гг. обсуждался вопрос о принятии общегерманского Торгового кодекса [1].

В современном виде модельные законодательные акты возникли в США, где Национальная конференция полномочных легислатур штатов более столетия разрабатывает такие акты. Унифицированные правовые акты регионального уровня существуют в США, Австралии, Канаде, Германии и других странах. В литературе можно встретить различные названия данных документов: «модельный закон», «примерный» или «типовой» закон, «рекомендательный акт» и др.

С учетом объема и характера задач, подлежащих общему (согласованному) регулированию, выделяют следующие виды модельных законов [2]:

а) полнотекстовые законодательные акты;

б) законы, устанавливающие общие или согласованные принципы регулирования;

в) законы, регулирующие часть той сферы, где в последующем будут приняты конкретные государственные законы;

г) законы, содержащие как примерные нормы, которые можно включать в готовом виде в текст конкретного закона, так и вариативные положения, дающие возможность выбора тех или иных правовых решений;

д) законы адресные, содержащие указание на соответствующие органы и иные субъекты права, либо «безымянные», оставляющие законодательному органу возможность их использования с учетом особенностей региона или страны.

Однако в отечественной науке и практике вопросы унификации законодательства с использованием модельных актов не получили детального изучения и систематизации. Е.В. Шестакова, рассматривая критерии определения модельных актов, отмечает: «…с одной стороны, модельный акт – это письменный документ, принятый управомоченным субъектом права (международной организацией, органами местного самоуправление), имеющий особенность толкования и специфические названия “модельный”, “типовой”, “единообразный” акт, с другой стороны, модельные акты отличаются от других правовых актов по косвенным признакам: рекомендательный характер, нормативно-консолидирующая роль в законодательстве, возможность законодательным органам самостоятельно определять степень использования модельных законов в законотворческой деятельности, а также способность служить “правовым стандартом” для законодателя» [3].

В общем виде органы государственной власти могут использовать модельный акт в следующих формах: одобрить его целиком или частично с внесением изменений и дополнений; использовать в качестве ориентира для будущей законодательной работы или оставить без внимания. В этой связи одним из важнейших свойств модельного акта является вариативность его положений. При разработке модельного закона необходимо предусматривать альтернативные варианты изложения отдельных норм. Выбор и самостоятельное наполнение ряда норм модельного закона реализуют его адаптивность к существующим историческим, правовым, экономическим традициям территорий.

2. Предпосылки развития модельного нормотворчества в России

Практика разработки модельных законов в России существует либо в рамках сотрудничества государств – участников СНГ, либо при подготовке отдельными федеральными государственными органами модельных законов для регионов «прямого действия» в сфере своей компетенции (например, Центральная избирательная комиссия РФ, Министерство образования и науки РФ, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей).

До сих пор модельные акты в России не имеют законодательно закрепленного определения, не обозначены их место и роль в правовой системе, не регламентирован единый правовой механизм легитимизации таких актов.

Модельное нормотворчество «снизу» (по инициативе регионов) впервые появилось в России с созданием Ассоциации инновационных регионов России[1] (далее – АИРР). АИРР включает регионы, для которых инновационный сценарий развития является безусловным приоритетом социально-экономической политики, поэтому совершенствование правового регулирования в сфере инновационной деятельности – одно из важнейших направлений сотрудничества.

Первые региональные законы об инновационной деятельности (политике) разрабатывались субъектами РФ исходя из собственного понимания инноваций при отсутствии нормативно-правового акта федерального уровня, устанавливающего общие основы для понимания инновационных процессов. Это привело к созданию уникальных региональных правовых баз в указанной сфере, основные нормы которых зачастую не согласуются, имеют разные толкования и реализуют различные подходы к управлению инновационными процессами. В сложившихся правовых обстоятельствах для регионов «заполнение пробелов» по предметам совместного ведения – закономерное и оправданное явление, которое зачастую проявляется в вынужденном опережающем правовом регулировании. Различное видение правового регулирования инновационной деятельности также обусловлено объективными экономическими предпосылками с учетом различных моделей[2] инновационного развития региона в зависимости от структуры региональных экономик и развитости отдельных их сегментов.

Однако большинство базовых законов регионов АИРР в сфере инновационной деятельности имеют существенные пробелы и недостатки, в числе которых: неполнота перечня основных терминов и определений; отсутствие перечня субъектов, объектов, видов инновационной деятельности и перечня полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации; неполнота раскрытия правовых инструментов механизма реализации инновационной политики региона.

Несогласованность и различный уровень развития институциональной среды регионов (в части правового обеспечения инноваций) актуализировали необходимость совершенствования региональных законов и устранения выявленных институциональных барьеров. Вместе с тем на фоне перманентного изменения федерального законодательства, развития социально-экономических институтов и новых форм межрегионального сотрудничества повышается необходимость:

– в единых подходах к формированию правовых норм развития инноваций и унификации инновационного законодательства;

– использовании опыта более развитых региональных инновационных систем («лучших практик») при разработке и совершенствовании региональной нормативно-правовой базы в сфере инновационной деятельности;

– подготовке предложений по совершенствованию федерального законодательства (с учетом результатов мониторинга правоприменения).

Одним из инструментов, позволяющих отвечать данным требованиям, является модельное нормотворчество, которое, кроме того, способствует большей консолидации регионов в достижении единых целей инновационного развития.

3. Модельный закон «Об инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации» Ассоциации инновационных регионов России

Модельный закон «Об инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации»[3] подготовлен Комитетом по законодательству АИРР по поручению Рабочей Группы при Председателе Государственной Думы Российской Федерации по законодательным инициативам в сфере инновационной политики (решение от 04.12.2013 г.) на основе анализа нормативно-правовой базы регионов АИРР в сфере инновационной деятельности, созданной за 20 лет.

Цель Модельного закона – согласование законотворческой деятельности субъектов РФ и совершенствование регионального законодательства в сфере инновационной деятельности с учетом особенностей социально-экономического развития в соответствии с федеральным законодательством.

Основными принципами формирования модельных норм явились:

– максимально возможное единообразие формулировок в части основных правовых норм региональных законов в сфере инновационной деятельности с целью обеспечения конструктивного взаимодействия регионов в рамках единого экономического пространства и снятия возможных институциональных барьеров;

– непротиворечивость и согласованность с федеральным законодательством в сфере инновационной деятельности;

– отражение специфики региональной инновационной системы;

– открытость перечней (основных терминов и понятий, субъектов и объектов инновационной деятельности, видов инновационной деятельности и т.д.) в нормах базового закона в сфере инновационной деятельности;

– простота, понятность, лаконичность.

Модельный закон «Об инновационной деятельности в субъекте РФ» содержит типовые нормы и вариативные положения, которые дают региону возможность выбора правовых решений в зависимости от особенностей социально-экономического развития, финансовых возможностей и лучших практик регионального нормотворчества в сфере инновационной деятельности.

Типовые нормы определены в соответствии с федеральным законодательством и подзаконной нормативно-правовой базой федерального уровня.

Вариативные нормы определены с учетом особенностей моделей инновационного развития субъектов РФ и лучших практик нормотворчества в регионах АИРР.

Модельный закон состоит из четырех глав[4] и тринадцати статей, схематично структура представлена на рис. 1–3. Первая глава «Общие положения» (рис. 1) включает: предмет регулирования закона, правовые основы закона, основные термины и понятия, содержание и виды инновационной деятельности, субъекты и объекты инновационной деятельности.

Статья Модельного закона «Основные термины и их определения» является вариативной с преобладанием типовых норм. Так, термины «инновация», «инновационный проект», «инновационная инфраструктура» и «инновационная деятельность» используются в значениях Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.11.2013 г.) «О науке и государственной научно-технической политике»[5].

Термины «стратегия инновационного развития субъекта РФ», «цель региональной инновационной политики», «задачи региональной инновационной политики», «приоритеты региональной инновационной политики» введены с учетом норм проекта Федерального закона № 143912-6 «О государственном стратегическом планировании» (внесен Правительством РФ; принят в первом чтении – Постановление ГД ФС РФ от 21.11.2012 г. № 1229-6 ГД).

Термин «государственная программа в сфере инновационной деятельности» введен с учетом положений Постановления Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации».

Термин «инновационная продукция» введен в соответствии с указаниями по заполнению формы федерального статистического наблюдения № 4-Инновация, приказ Федеральной службы государственной статистики от 29.08.2013 г. № 349).

Термин «жизненный цикл инновации» определен с учетом ГОСТ Р 54147-2010 «Национальный стандарт РФ. Стратегический и инновационный менеджмент. Термины и определения» (дата введения: 01.09.2010 г., приказ Росстандарта № 901-ст от 21.12.2010 г.).

Термины «региональная инновационная политика», «объекты инновационной деятельности», «субъекты инновационной деятельности», «реестр субъектов (объектов) инновационной деятельности» введены в целях настоящего Закона с учетом лучших практик нормотворчества в регионах – членах АИРР.

Вариативность данной нормы проявляется в возможности осуществления дополнительной правовой регламентации субъектом РФ при необходимости использования иных терминов и понятий в зависимости от особенностей региональной инновационной системы.

Статья Модельного закона «Виды инновационной деятельности» изложена на основе обобщения опыта базовых законов регионов АИРР и в соответствии с указаниями по заполнению формы федерального статистического наблюдения № 4-Инновация, приказ Федеральной службы государственной статистики от 29.08.2013 г. № 349). К инновационной деятельности отнесены следующие виды деятельности:

1) производство и выпуск новой или усовершенствованной продукции (товара, работы, услуги), улучшение потребительских свойств и технических характеристик товаров (работ, услуг) и (или) способов (технологий) их производства, в том числе нового или усовершенствованного сырья или материалов, новой или усовершенствованной услуги, нового или усовершенствованного технологического процесса, предназначенных для практического применения;

2) выполнение и обслуживание научно-исследовательских, проектных, изыскательских, опытно-конструкторских и технологических работ, направленных на создание новой или усовершенствованной продукции (товара, работы, услуги), новой или усовершенствованной технологии, реализуемых в гражданском обороте и в социальной сфере;

3) деятельность по продвижению инновационной продукции на внутренний и мировой рынки;

4) осуществление технологического переоснащения и подготовки производства к выпуску новой или усовершенствованной продукции, внедрению новой или усовершенствованной технологии, организация сервисного сопровождения и обслуживания инновационного проекта;

5) проведение испытаний с целью сертификации и стандартизации новых продукций (товара, работ, услуг), технологий;

6) создание, обслуживание и развитие инновационной инфраструктуры;

7) охрана, приобретение и передача прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с целью их освоения и реализации способами, не противоречащими законодательству;

8) подготовка, переподготовка или повышение квалификации кадров для осуществления инновационной деятельности;

9) деятельность по проведению экспертиз, оказанию консультационных, информационных, юридических и иных услуг по созданию и (или) практическому применению новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса;

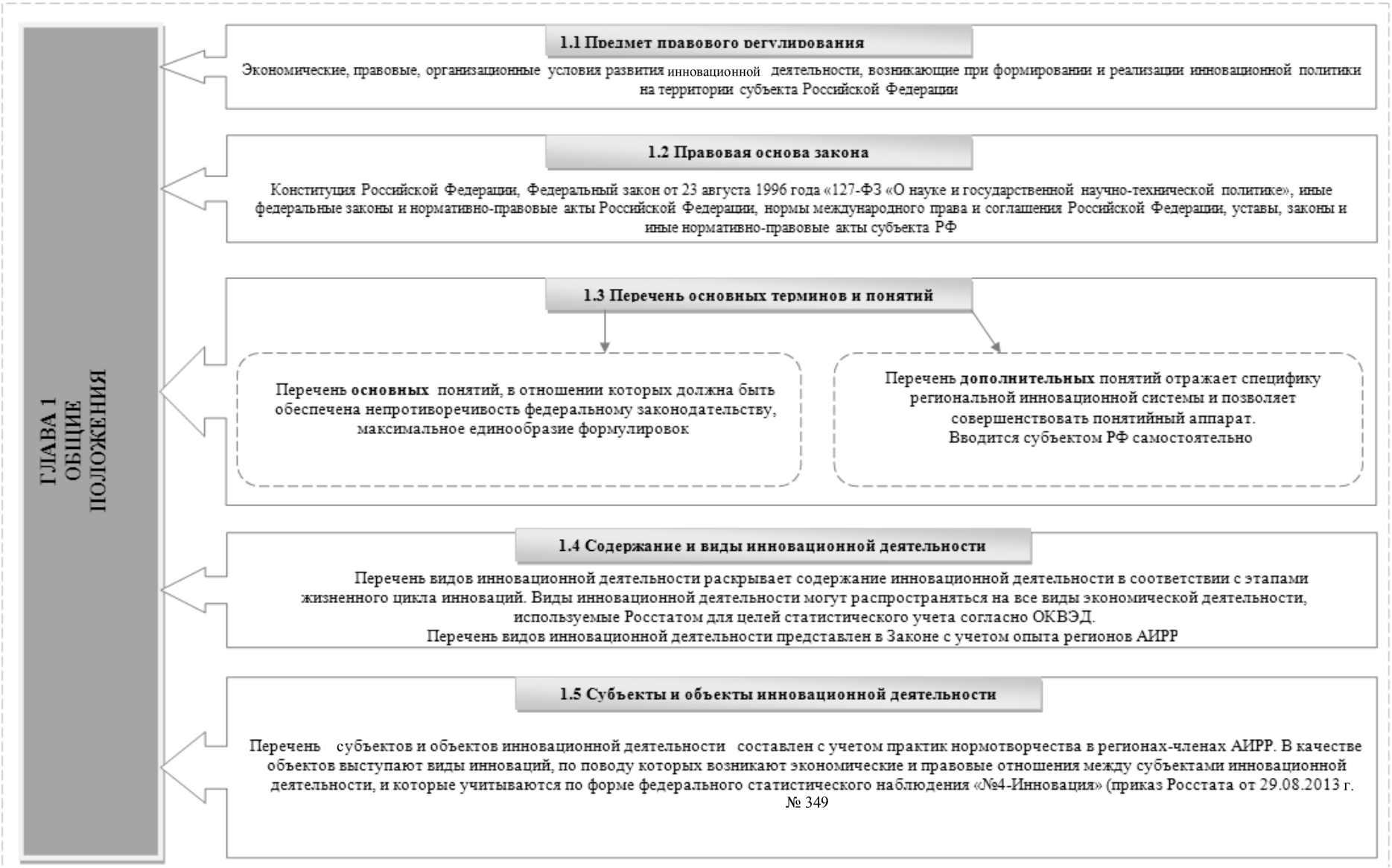


Рис. 1. Структура главы 1 Модельного закона «Об инновационной деятельности в субъекте РФ»

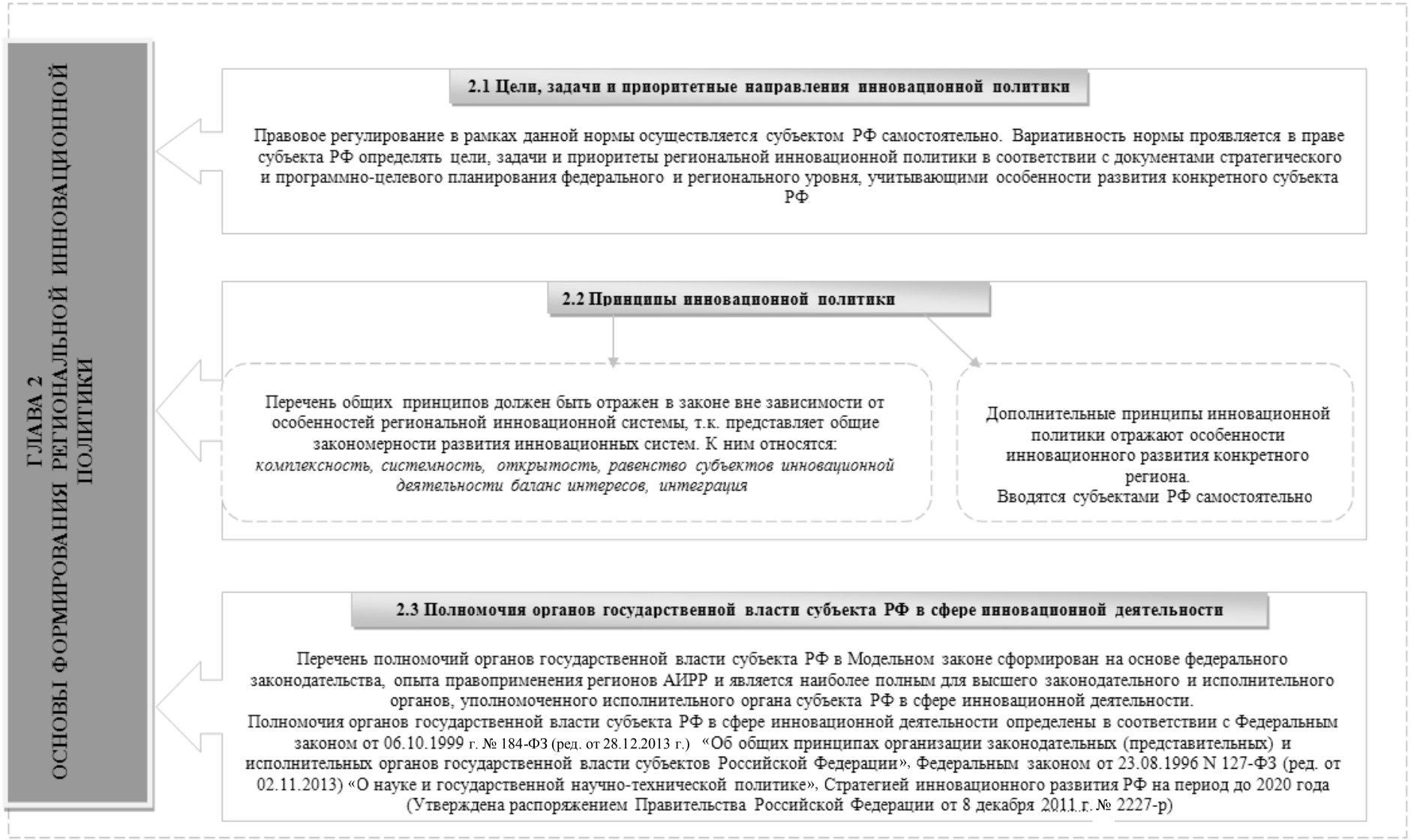


Рис. 2. Структура главы 2 Модельного закона «Об инновационной деятельности в субъекте РФ»

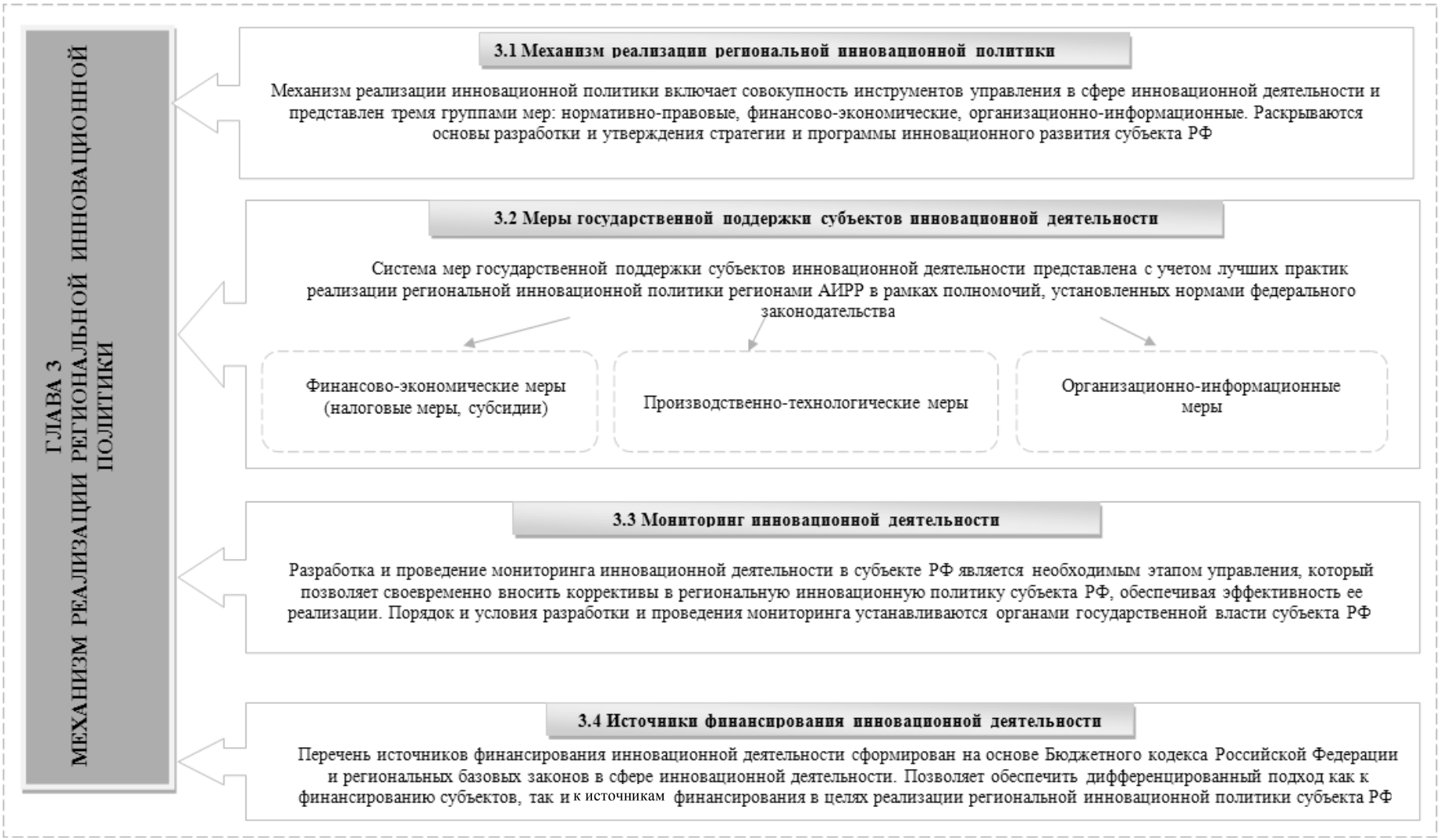


Рис. 2. Структура главы 3 Модельного закона «Об инновационной деятельности в субъекте РФ»

10) реализация новых или значительно улучшенных маркетинговых методов, охватывающих существенные изменения в дизайне и упаковке продуктов, использование новых методов продаж и презентации продуктов (услуг), их представления и продвижения на рынки сбыта, формирование новых ценовых стратегий;

11) реализация нового метода в ведении бизнеса, организации рабочих мест или внешних связей, направленных на повышение эффективности деятельности;

12) иные виды деятельности, направленные на разработку, создание инноваций и введение их в гражданский оборот.

Под субъектами инновационной деятельности в Законе понимаются физические и юридические лица, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющие инновационную деятельность и (или) содействующие её осуществлению. Под объектами инновационной деятельности – результаты инновационной деятельности, по поводу которых возникают экономические, правовые и организационные отношения между субъектами инновационной деятельности.

К субъектам инновационной деятельности в Законе отнесены:

1) организации, индивидуальные предприниматели, физические лица, создающие и реализующие инновации, осуществляющие научную и (или) научно-техническую деятельность и (или) деятельность, направленную на реализацию инновационных проектов;

2) организации инновационной инфраструктуры, предоставляющие услуги, осуществляющие работы, способствующие реализации инновационной деятельности;

3) общественные организации, их объединения, профессиональные саморегулируемые организации, защищающие интересы производителей и потребителей инновационной продукции;

4) организации, индивидуальные предприниматели, физические лица, выступающие заказчиками и заключающие договоры на создание научной и (или) научно-технической продукции, результатов инновационной деятельности с производителями научной, научно-технической продукции;

5) собственники (правообладатели) и создатели (авторы) объектов интеллектуальной собственности, реализуемых и используемых в процессе инновационной деятельности;

6) органы государственной власти субъекта Российской Федерации;

7) инвесторы, осуществляющие инвестиции в инновационную деятельность.

К объектам инновационной деятельности в Законе относятся:

1) новые технологии;

2) новые процессы в различных сферах деятельности человека, обеспечивающие социально-экономические и экологические эффекты от их реализации;

3) новые и улучшенные продукты (товары, услуги) различного характера;

4) результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, связанные с созданием инновационной продукции;

5) инновационные и инвестиционные проекты, программы, связанные с созданием, освоением и распространением инновационной продукции (товаров, работ, услуг);

6) финансовые активы, ценные бумаги инновационных организаций.

Во второй главе «Основы формирования региональной инновационной политики» (рис. 2) определены концептуальные основы реализации инновационной политики в регионе: принципы, цели и задачи, приоритетные направления деятельности органов государственной власти и их полномочия по реализации инновационной политики региона.

Статья, содержащая цели, задачи и приоритеты инновационной политики региона, является полностью вариативной и заполняется субъектами РФ самостоятельно. Обеспечение вариативности прежде всего связано с необходимостью разработки такого закона, который может быть встроен в любую региональную инновационную и правовую систему. Представляется невозможным подготовить норму, регламентирующую цели, задачи и приоритеты региональной инновационной политики для регионов с разным уровнем инновационного, научного и промышленного потенциала и, следовательно, со своей траекторией инновационного развития.

Среди основных, наиболее общих принципов региональной инновационной политики в Модельном законе выделены:

1) принцип комплексности учета факторов социально-экономического развития субъекта РФ, этапов жизненного цикла инноваций и функций управления инновационным процессом;

2) принцип открытости и публичности выбора приоритетов инновационной политики, механизмов формирования и реализации инновационных программ и проектов;

3) принцип равенства прав субъектов инновационной деятельности при предоставлении мер государственной поддержки;

4) принцип баланса интересов всех субъектов инновационной деятельности;

5) принцип интеграции инновационной, инвестиционной, научной и образовательной деятельности для обеспечения эффективного взаимодействия науки, образования и производства;

6) принцип взаимной ответственности субъектов инновационной деятельности за результаты инновационной деятельности.

Дополнительные принципы, отражающие особенности формирования и реализации инновационной политики в регионах, вводятся субъектами РФ самостоятельно.

Полномочия субъектов РФ в сфере инновационной деятельности относятся к совместному ведению с Российской Федерацией и определены в Федеральном законе от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов госу-

дарственной власти субъектов Российской Федерации», Федеральном законе от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.11.2013 г.) «О науке и государственной научно-технической политике», Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р). Исходя из полномочий деятельность органов государственной власти субъекта РФ в указанной сфере направлена на создание правовых, экономических и организационных условий для развития инноваций.

Статья, раскрывающая полномочия органов государственной власти субъекта РФ в сфере инновационной деятельности, выступает одной из основополагающих. Акцент на этом делается в связи с частым отсутствием разграничения полномочий в региональных законах об инновационной деятельности (политике), что является существенным пробелом правового регулирования в данной сфере.

В третьей главе «Механизм реализации региональной инновационной политики» (рис. 3) представлен механизм реализации инновационной политики в регионе, меры государственной поддержки, система мониторинга инновационной деятельности и источники финансирования.

Механизм реализации региональной инновационной политики включает совокупность инструментов управления в сфере инновационной деятельности. В целях определения долгосрочных и среднесрочных стратегических ориентиров в сфере инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации осуществляется разработка и реализация стратегии инновационного развития субъекта Российской Федерации и государственной программы[6] субъекта Российской Федерации в сфере инновационной деятельности. В норме «Механизм реализации региональной инновационной политики» раскрываются правовые основы разработки, рассмотрения и утверждения указанных документов.

Содержание механизма (т.е. совокупность мер поддержки) раскрывается в соответствующей статье «Меры государственной поддержки субъектов инновационной деятельности», в которой представлены три группы мер: финансово-экономические, производственно-технологические и организационно-информационные меры.

К финансово-экономическим мерам государственной поддержки инновационной деятельности в том числе относятся:

1) налоговые меры:

а) установление льготного налогообложения субъектов инновационной деятельности в части поступлений в бюджет субъекта Российской Федерации в соответствии с законодательством о налогах и сборах;

б) предоставление инвестиционного налогового кредита в соответствии с законодательством Российской Федерации и субъекта Российской Федерации;

2) предоставление средств бюджета субъекта Российской Федерации в форме субсидий на:

а) развитие инновационной инфраструктуры;

б) возмещение части затрат на реализацию инновационных проектов, выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в порядке, установленном законодательством субъекта Российской Федерации;

в) возмещение части процентных ставок по кредитам, взятым субъектами инновационной деятельности в российских банках на реализацию инновационных проектов, выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ;

г) профессиональное обучение, получение дополнительного профессионального образования субъектов инновационной деятельности в порядке, установленном законодательством субъекта Российской Федерации;

д) организацию мероприятий межрегионального и международного сотрудничества субъектов инновационной деятельности;

е) возмещение части затрат, связанных с участием в выставках, конкурсах по инновационной деятельности, изобретательству и рационализаторству;

ж) возмещение части затрат на регистрацию и поддержание в силе патентов, лицензий, торговых марок и иной интеллектуальной собственности;

3) компенсация части лизинговых платежей субъектам инновационной деятельности;

4) финансирование патентования и поддержания в силе патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, созданные за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации;

5) предоставление государственных премий и грантов в области науки и техники в целях поддержки научных исследований и разработок;

6) долевое участие в уставном капитале субъектов инновационной деятельности – юридических лиц в порядке, установленном федеральным законодательством;

7) размещение в установленном порядке государственного заказа на закупку инновационной продукции для государственных нужд субъекта Российской Федерации;

8) предоставление государственных гарантий субъектам инновационной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъекта Российской Федерации.

К производственно-технологическим мерам поддержки инновационной деятельности в том числе относятся:

1) приобретение оборудования за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации для его дальнейшего предоставления субъектам инновационной деятельности на льготных условиях;

2) предоставление в пользование или собственность имущества субъекта Российской Федерации на возмездной или безвозмездной основе субъектам инновационной деятельности на льготных условиях.

К организационно-информационным мерам поддержки инновационной деятельности в том числе относятся:

1) экспертное и консультативное обеспечение инновационной деятельности;

2) организационная поддержка участия субъектов инновационной деятельности при проведении выставок, конференций, форумов, ярмарок и иных информационно-рекламных мероприятий;

3) содействие развитию кадрового потенциала в сфере инновационной деятельности;

4) организация конкурсного отбора инновационных проектов;

5) содействие формированию спроса на инновационную продукцию;

6) содействие субъектам инновационной деятельности в привлечении внебюджетных средств;

7) содействие развитию международного и межрегионального сотрудничества в сфере инновационной деятельности;

8) учет, хранение и актуализация информации о субъектах и объектах инновационной деятельности (в том числе ведение реестров субъектов и объектов инновационной деятельности);

9) проведение исследований и анализа состояния и развития инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации.

Также в главе 3 предусмотрено обязательное проведение мониторинга инновационной деятельности в субъекте РФ для оценки эффективности реализации региональной инновационной политики.

Среди источников финансирования инновационной деятельности в Модельном законе названы:

1) средства бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации;

2) средства, привлекаемые субъектами инновационной деятельности из внебюджетных источников;

3) собственные средства субъектов инновационной деятельности;

4) добровольные пожертвования юридических и физических лиц;

5) другие источники финансирования, не запрещенные законодательством Российской Федерации и субъекта Российской Федерации.

4. Выводы и перспективы развития модельного нормотворчества в системе законодательства РФ

Модельный закон «Об инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации» позволит:

– определить ориентир по согласованию законотворчества в субъектах РФ в сфере инновационной деятельности;

– продвигать лучшие практики регионального нормотворчества на примере регионов – членов АИРР и реализовать принцип открытости инновационных систем;

– обеспечить высокую степень гармонизации и унификации базовых законов в сфере инновационной деятельности регионов;

– облегчить и ускорить процесс разработки и совершенствования региональной нормативно-правовой базы в сфере инновационной деятельности;

– устранить существующие и возможные институциональные барьеры инновационной деятельности в целях межрегионального сотрудничества в рамках социально-экономического пространства страны.

Важно отметить, что учет особенностей социально-экономического развития и инновационного потенциала субъекта Российской Федерации при подготовке нормативных правовых актов в сфере инновационной деятельности является обязательным условием эффективности реализации инновационной политики.

Дальнейшее развитие инструмента модельного нормотворчества в Российской Федерации предполагает следующие направления правовой деятельности.

Во-первых, в части законодательного закрепления понятия «модельного закона», его места и роли в правовой системе Российской Федерации необходима регламентация процедуры придания легитимности (характера официальной законодательной рекомендации) модельному акту.

Во-вторых, в части сферы инновационной деятельности необходимо вернуться к разработке федерального закона, устанавливающего основы регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации, который бы отвечал современным представлениям об инновационных процессах. Подавляющее большинство экспертов признают, что действующий с 1996 г. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» устарел. У представителей бизнеса, науки и у региональных органов власти, как выяснилось в процессе обсуждения Модельного закона, накопилось к нему множество вопросов, большинство из которых связаны с понятийным аппаратом. Участники обсуждения единогласно отмечают, что идеология № 127-ФЗ не соответствует текущему состоянию понимания инноваций в мире.

Однако в настоящий момент регионы при правовой регламентации инновационной деятельности вынуждены основываться на указанном Федеральном законе, так как законы субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам, принятым по вопросам совместного ведения (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ). В свою очередь, изменить идеологию существующего федерального закона может только новый федеральный закон.

В-третьих, в части распространения опыта АИРР по созданию технологии разработки модельного законодательства на другие сферы деятельности, что предполагает следующие этапы:

1) определение полномочий в сфере регулирования с учетом предметов ведения субъектов Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

2) анализ законодательства субъектов Российской Федерации в соответствующей сфере с выявлением пробелов, «лучших практик», особенностей праворегулирования в различных регионах;

3) разработка проекта Модельного закона с учетом норм федерального законодательства и «лучших практик» праворегулирования в регионах;

4) экспертиза и публичное обсуждение проекта Модельного закона;

5) проведение процедуры придания легитимности и статуса официальной законодательной рекомендации с участием федеральных органов государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ассоциация в настоящее время объединяет 13 субъектов РФ, в которых проживает более 20% населения, производится почти 18% ВВП и 30% выпуска инновационных товаров страны.
[2] Подробнее о моделях инновационного развития регионов АИРР см.: [4, 5].
«Отчет по результатам анализа регионального законодательства в сфере инновационной деятельности, в части правового обеспечения мер государственной поддержки регионов – членов АИРР», подготовленный Комитетом по законодательству АИРР.
На основе анализа статистических данных об инновационной деятельности и особенностях господдержки в регионах выделены три модели:
1) Регионы, основным источником генерации инноваций в которых является **промышленный сектор** и среди инновационно активных компаний доминируют промышленные предприятия.
2) Регионы, основным источником генерации инноваций в который является **научно-образовательный комплекс** и среди инновационно активных компаний доминируют малые инновационные предприятия (в том числе при вузах, НИИ).
3) Регионы, в которых наблюдается в той или иной степени сочетание признаков первой и второй моделей.
[3] Закон разработан с учетом федерального законодательства, юридико-технических требований к оформлению законопроектов, рекомендованных Советом Государственной Думы (выписка из протокола № 187 заседания Совета Государственной Думы от 20 ноября 2003 г.), а также действующих региональных практик нормотворчества 10 регионов АИРР (Республики Башкортостан и Республики Татарстан, Красноярского и Пермского краев, Иркутской, Калужской, Липецкой, Новосибирской, Самарской и Томской областей).
[4] Четвертая глава – «Заключительные положения».
[5] Правовая регламентация инновационной деятельности отнесена к совместному ведению РФ и субъектов РФ, законы субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам, принятым по вопросам совместного ведения (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ).
[6] Термин «целевая программа» исключен из бюджетного законодательства (ст. 179 БК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шестакова Е.В.* Теоретические и практические аспекты применения модельного законодательства в странах СНГ // ЮрКлуб / Международное право. 2005. URL: http://www.yurclub.ru/docs/international/article20.html
2. *Модельный* закон // Правотека.ру. 2013. URL: http://www.pravoteka.ru/enc/Модельный+закон
3. *Шестакова Е.В.* Модельное законодательство: теоретико-правовые аспекты и практика применения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.
4. *Козловская О.В., Акерман Е.Н.* Анализ мер государственной поддержки в сфере инновационной деятельности в регионах членах АИРР // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2013. № 10. С. 5–13.
5. *Акерман Е.Н., Бурец Ю.С.* Трансформация моделей инновационного развития на пути к открытости инновационных систем // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 178–183.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 июля 2014 г.

WITHIN THE ASSOCIATION OF INNOVATIVE REGIONS OF RUSSIA

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 172-182. DOI: 10.17223/15617793/386/30

Kozlovskaya Oksana V. Tomsk Polytechnic University, Legislative Duma of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: refze70@gmail.ru

Akerman Yelena N. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University, Legislative Duma of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aker@tomsk.gov.ru

Eliseev Yuriy A. Legislative Duma of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eliseev@tomsk.gov.ru

Burets Yulia S. Tomsk Polytechnic University, Legislative Duma of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: buretsys@tomsk.gov.ru

Keywords: model lawmaking; Model Act; Association of innovative regions of Russia (AIRR); innovation; innovation activities.

The model law emergence as a legal institution is a result of increased integration processes manifested in various spheres of life. Development of the network-based approach to the organization of social and economic processes is accompanied by the need to develop the institutional unity of participants in the interaction at various levels of the economy: international, inter-regional, inter-firm. This activates processes of harmonization and unification of the legal regulation of relations in specific areas, which happens with the use of model rules. The article presents a brief history of model acts and their types. The practice of developing model laws exists in Russia in the framework of cooperation of the CIS countries, in the preparation by federal public authorities of model laws for the regions of "direct action" in the area of their competence. Until now, model acts in Russia do not have a statutory definition, a place and role in the legal system, a single legal mechanism for legitimizing such acts. Inconsistency and different levels of development of the institutional environment of the regions (in terms of innovation legal support) updated the need to improve regional laws and address the identified institutional barriers. Model lawmaking "from below", at the initiative of the regions, has been first developed in Russia with the creation of the Association of Innovative Regions of Russia (AIRR). AIRR includes regions for which the innovation scenario is an absolute priority in the socio-economic policy, therefore, improving the legal regulation in the sphere of innovation is one of the most important areas of cooperation. A model law "On innovation activity in the subject of the Russian Federation" prepared by the Legislation Committee of AIRR on behalf of the Working Group with the Head of the State Duma of the Russian Federation for legislative initiatives in innovation policy (Decision of December 04, 2013) on the basis of an analysis of the legal framework in the regions of AIRR innovation activities established for over 20 years. The article highlights the first experience of the Association of Innovative Regions of Russia in the development of the model law "On innovation activity in the subject of the Russian Federation": some methodological issues of the development of the law are revealed, its structure and certain rules are presented; consequences and prospects for the implementation of the model lawmaking institution in the regional practice of legal regulation are marked.

REFERENCES

1. Shestakova E.V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty primeneniya model'nogo zakonodatel'stva v stranakh SNG [Theoretical and practical aspects of the use of model legislation in the CIS]. *YurKlub. Mezhdunarodnoe pravo*, 2005. Available at: http://www.yurclub.ru/docs/international/article20.html.
2. Pravoteka.ru. *Model'nyy zakon* [Model law]. 2013. Available at: URL: http://www.pravoteka.ru/enc/Model'nyy+zakon.
3. Shestakova E. V. *Model'noe zakonodatel'stvo: teoretiko-pravovye aspekty i praktika primeneniya*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Model legislation: theoretical and legal aspects and application. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 24 p.
4. Kozlovskaya O.V. Akerman E.N. Analiz mer gosudarstvennoy podderzhki v sfere innovatsionnoy deyatel'nosti v regionakh chlenakh AIRR [Analysis of government support measures in the field of innovation in the AIRR regions]. *EKO*, 2013, no. 10, pp. 5-13.
5. Akerman Ye.N., Burets Yu.s. Transformation of models of innovative development on the way to openness of innovative systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 378, pp. 178-183. (In Russian).

Received: 12 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 183–187 DOI: 10.17223/15617793/386/31

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 612.829.34-796.012

А.В. Разуванова, Е.В. Кошельская, О.С. Смердова, Л.В. Капилевич

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОМЕХАНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАЗЫ ПРИЗЕМЛЕНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ПРЫЖКА В ДЛИНУ С МЕСТА

Представлены результаты анализа физиологических и биомеханических особенностей фазы приземления при выполнении прыжка в длину с места у спортсменов различной квалификации. Предлагается метод отслеживания движения (Motion Tracking) для анализа положения звеньев тела и определения их скорости. Актуальность данного метода обоснована высокой информативностью и обширностью полученных в ходе исследования данных, на основе которых сделаны и аргументированы выводы о характеристиках особенности способов приземления спортсменов разной квалификации.

Ключевые слова: метод отслеживания движения; физиологические и биомеханические особенности; приземление; легкая атлетика.

Двигательные действия в безопорном положении – одни из самых сложных, с которыми спортсмены определенных видов спорта сталкиваются постоянно, а для многих безопорное положение является основным для выполнения упражнений. С точки зрения теории физической культуры и спорта, техника действий в безопорном положении в разных видах спорта достигается путем тренировок, постепенно подводящих индивидуальную технику выполнения определенного упражнения к эталонной. В таком случае единственным критерием оценки является соответствие этому эталону, а вся задача тренера заключается в устранении отклонений от эталонного исполнения.

При этом мало внимания уделяется оценке физиологических процессов, обеспечивающих технику движений. В то же время сегодня в физиологии двигательной активности существует комплекс методик, позволяющих объективно оценивать состояние различных функциональных систем спортсмена. Под влиянием физической нагрузки происходит морфологическая и функциональная перестройка систем внутренних органов, совершенствование их регуляции [1]. «Функциональные системы организма – динамические, саморегулирующиеся центрально-периферические организации, обеспечивающие своей деятельностью полезные для метаболизма организма и его приспособления к окружающей среде результаты» [2].

При выполнении действий в безопорном положении важным психологическим фактором является готовность к безопасному приземлению, исключению возможности потери равновесия и падения. Нередко этот фактор препятствует эффективному выполнению упражнения.

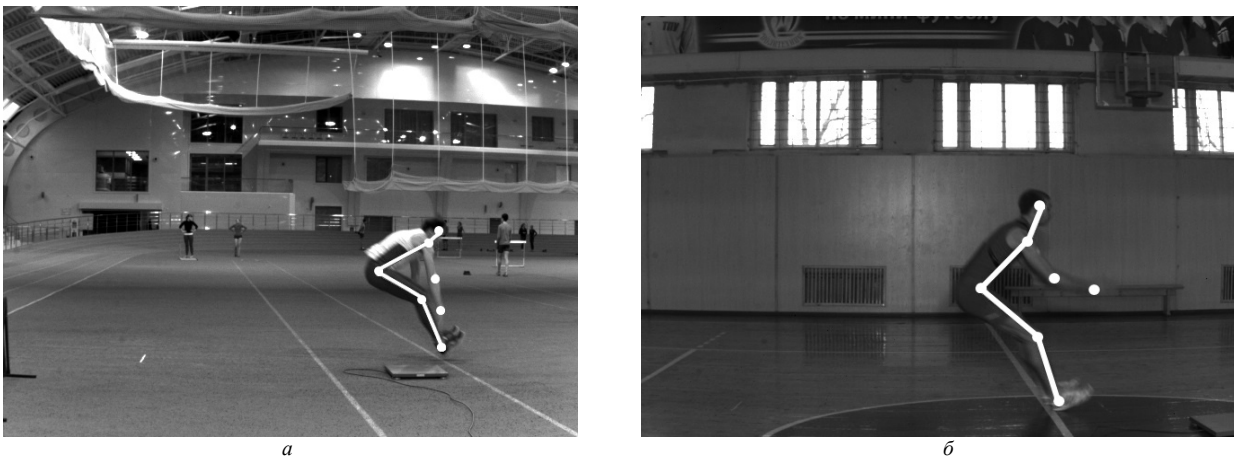
Цель исследования: изучить физиологические и биомеханические особенности фазы приземления при выполнении прыжка в длину с места у спортсменов различной квалификации.

Методы и организация исследования. Для решения поставленной цели было обследовано 30 мужчин в возрасте от 17 до 24 лет. По степени сформированности двигательного навыка они были разделены на две группы. В основную группу вошли легкоатлеты высокой квалификации (16 человек), занимающиеся более четырех лет и специализирующиеся в скоростно-силовых видах легкой атлетики. Контрольную группу составили студенты (14 человек), не имеющие спортивных разрядов в легкой атлетике. Все обследованные выполняли прыжок в длину с места. Данное упражнение не является соревновательным, но постоянно используется в тренировочном процессе легкоатлетов.

Для анализа ориентации звеньев тела, их местоположения в пространстве и отношения к опоре использовался метод отслеживания движения (Motion Tracking) [3]. Пространственные перемещения звеньев тела спортсменов регистрировались с помощью видеокамеры Vision Research Phantom Mire eX2. Съемка велась со скоростью 100 кадров в секунду. Полученные данные были обработаны и проанализированы в программе StarTraceTracker 1.1 VideoMotion®.

Результаты и обсуждение. На рис. 1 представлены стоп-кадры момента приземления испытуемых из двух групп. Видно, что у испытуемого контрольной группы угол в шейном отделе позвоночника составляет примерно 220°, что отражает реакцию моторных центров ствола мозга на афферентацию от рецепторов вестибулярного аппарата. У испытуемого основной группы этот механизм рефлекторной регуляции равновесия также задействован, однако разгибание в шейном отделе уже выражено в меньшей степени и мышцы шеи и голова не так активно сопротивляются ускорению, чтобы не мешать общему вектору направления движения тела. Это отражает высокий уровень квалификации данного спортсмена.

На рис. 2 представлена динамика угла положения головы при приземлении. Представлен интервал от начала приземления до начала выхода в вертикальное положение. Весь момент приземления занимает 0,4 с, но необходимо понимать, что это время, потраченное легкоатлетом, а студент приземляется за меньший интервал времени, поэтому на графике по оси *X* (время, с) для студента представлен интервал в 0,25 с. Таким образом, рис. 1, *б* соответствует значению на графике по оси *X* 0,05 с, т.е. когда угол положения головы испытуемого контрольной группы равен 210°. А у легкоатлета момент на рис. 1, *а* соответствует на графике по оси времени 0,24 с и равен 197°.



а *б*

Рис. 1. Кадр приземления испытуемого основной (*А*) и контрольной (*Б*) группы

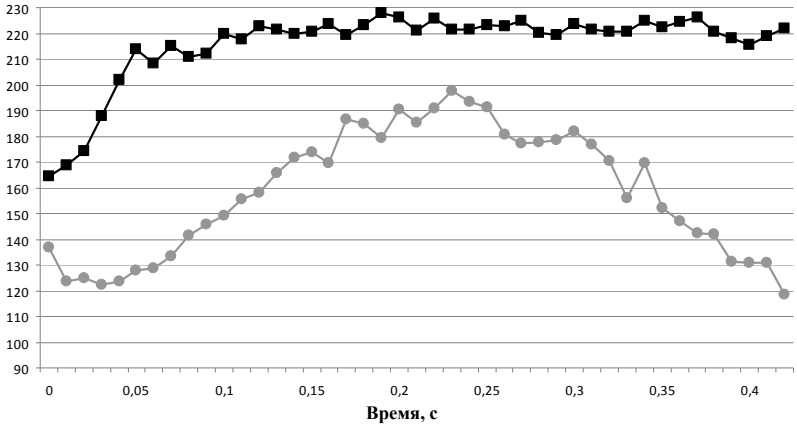


Рис. 2. Динамика изменения угла положения головы испытуемых при выполнении прыжка в длину с места. Светлая линия – основная группа. Темная линия – контрольная группа

После этого положение головы прыгуна контрольной группы остается неизменным, и график останавливает свой рост на отметке 210–230°, когда у легкоатлета угол положения головы уменьшается до 120° в момент начала выхода в вертикальное положение (0,4 с). Очевидно, такое движение головы легкоатлета помогает компенсировать удар о поверхность пола плавным сгибанием корпуса для группировки и дальнейшего удержания равновесия.

Благодаря статокинетическим рефлексам вестибулярного аппарата организм человека сохраняет равновесие в случае горизонтального, вертикального и углового ускорения [4]. В данном случае ускорение является линейным (горизонтальным) и рефлекс вызывает сокращение мышц шейного отдела для предотвращения действующего на испытуемого ускорения и сохранения вертикального положения тела, а также нормальной ориентации в пространстве [5]. Действие данного рефлекса особенно выражено у испытуемых контрольной группы. В процессе тренировки проявление врождённых рефлексов уменьшается за счет целого комплекса средств воздействия на формирование специальной координации (благодаря которой достигается увеличение дальности прыжка в длину), но сохраняется, так как функции моторных центров ствола мозга не нарушены.

Компенсация удара во время приземления в первую очередь происходит в коленном суставе, график изменения угла которого (рис. 3) у испытуемых из обеих групп имеет одинаковую динамику. Однако амплитуда изменения значения угла, а соответственно и скорость движения сустава у основной группы гораздо больше. Спортсмены-легкоатлеты при приземлении совершают глубокий присед, не опасаясь потери равновесия.

Испытуемые контрольной группы в момент приземления из-за опасения потери равновесия и падения замедляют скорость и степень сгибания в коленном суставе, что приводит к усилению механической нагрузки на опорно-двигательный аппарат и травмированию надкостницы. Такой способ поддержки равновесия является малоэффективным – управление устойчивостью тела осуществляется посредством расположения вертикальной проекции общего центра массы тела (ОЦМТ) в пространственном поле устойчивости или в контуре овала площади приземления. При этом чем ближе проекция ОЦМТ к центру пространственного поля, тем более устойчиво приземление [6].

Тазобедренный сустав, расположенный в непосредственной близости с ОМЦТ, в момент приземления находится уже в согнутом положении, т.е. тело спортсмена согнуто и продолжает сгибаться до момента полного переноса массы тела на стопы. Здесь наблюдаются характерные различия между двумя группами испытуемых (рис. 4):

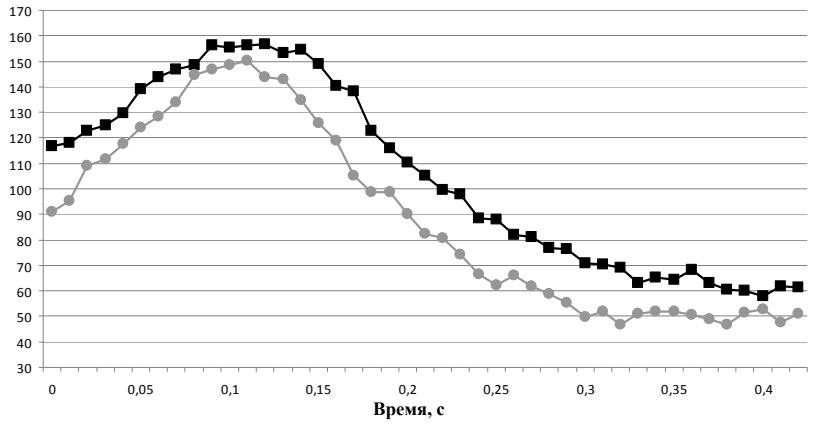


Рис. 3. Динамика изменения угла коленного сустава испытуемых при выполнении прыжка в длину с места. Светлая линия – основная группа. Темная линия – контрольная группа

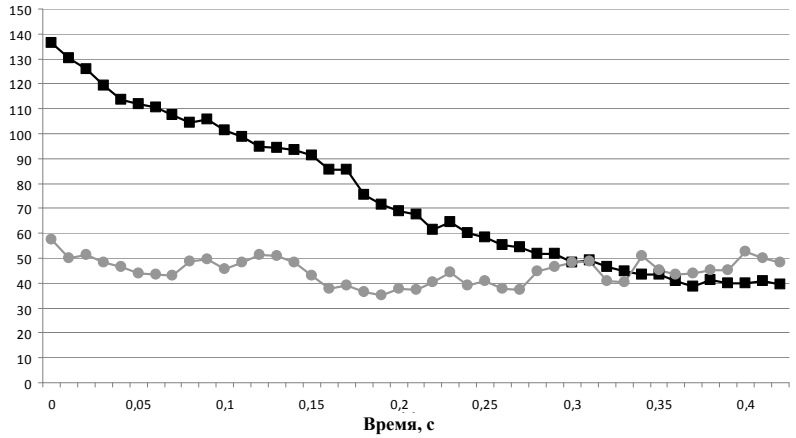
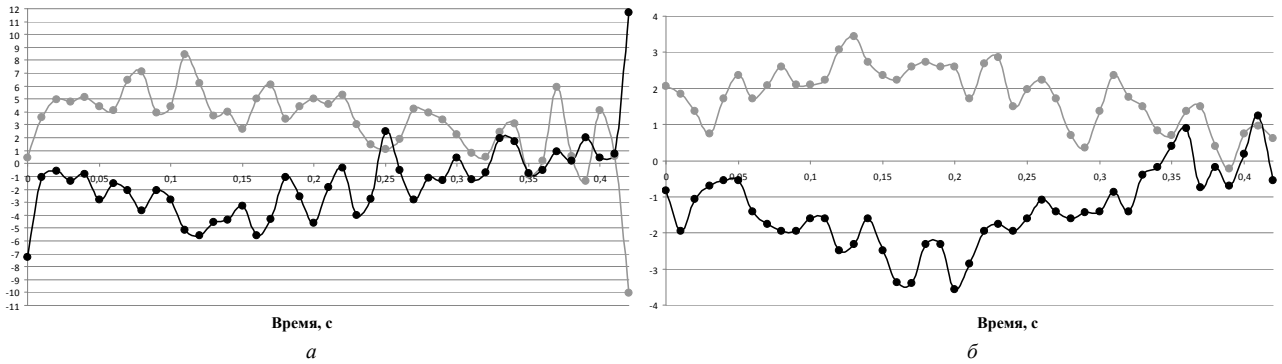


Рис. 4. Динамика изменения угла тазобедренного сустава испытуемых при выполнении прыжка в длину с места. Светлая линия – основная группа. Темная линия – контрольная группа



а *б*

Рис. 5. Динамика изменения скорости движения тазобедренного сустава у испытуемых основной (*а*) и контрольной (*б*) групп. Светлая линия – горизонтальная скорость точки. Темная линия – вертикальная скорость точки

Прыгуны контрольной группы, обеспечивая себе безопасное приземление, практически не сгибают тазобедренный сустав от момента начала приземления до вертикального выхода, сохраняя величину угла в 140°. Поэтому на графике (рис. 4) видно, как угол тазобедренного сустава начинает резко уменьшаться только в момент контакта с опорой (точка 0 на оси X). Величина угла продолжает уменьшаться до момента выхода в вертикальное положение (для контрольной группы эта точка соответствует 0,25 с).

В группе легкоатлетов тазобедренный сустав в момент соприкосновения с опорой уже согнут до 70–60° за счет одновременно выпрямленных вперед ног и отведенных назад рук для увеличения дальности прыжка. Спортсмены продолжают движение вперед в таком положении до контакта с опорой, т.е. сознательно приближают проекцию ОЦМТ к области приземления за счет сгибания в тазобедренном суставе.

Интересным является факт, что динамика скоростей движения тазобедренных суставов у испытуемых из двух групп имеет сходный характер (рис. 5). Самое главное отличие – в амплитуде изменения скоростей, у легкоатлетов она гораздо больше как по вертикали, так и по горизонтали. В момент контакта с опорой горизонтальная скорость движения тазобедренного сустава у легкоатлета равна нулю, изменяется только верти-

кальная, т.е. ОЦМТ по горизонтали не смещается, двигаясь по вертикали вниз к выбранной точке приземления. В контрольной группе в этот момент совершаются и горизонтальные, и вертикальные перемещения, что приводит к проскальзыванию точки приземления.

Еще более выраженные различия между группами были обнаружены в момент выхода в вертикальное положение. У легкоатлетов графики (см. рис. 5, *а*) вертикальной и горизонтальной скорости пересекаются за счет резкого изменения характера движения – это происходит в точке 0,4 с. В то время как в контрольной группе графики (см. рис. 5, *б*) в точке начала выхода в вертикальное положение (0,25 с) продолжают совершать незначительные колебания практически уже до окончания двигательного действия.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что формирование технических навыков приземления при выполнении прыжков в длину происходит за счет перестройки системы статокинетических рефлексов спортсмена. Меняется характер движения в шейном отделе позвоночника, а также в тазобедренном и коленном суставах. У прыгунов контрольной группы голова отводится назад, что отражает реакцию моторных центров ствола мозга на афферентацию от рецепторов вестибулярного аппарата. У испытуемых основной группы этот механизм рефлекторной регуляции равновесия также задействован, однако разгибание в шейном отделе уже выражено в меньшей степени, и мышцы шеи и голова не так активно сопротивляются ускорению, чтобы не мешать общему вектору направления движения тела.

Амплитуда изменения значения угла, а соответственно и скорость движения в коленном суставе у основной группы гораздо выше. Спортсмены-легкоатлеты при приземлении совершают глубокий присед, не опасаясь потери равновесия, в то время как испытуемые контрольной группы в момент приземления из-за опасения потери равновесия и падения замедляют скорость и степень сгибания в коленном суставе, что приводит к усилению механической нагрузки на опорно-двигательный аппарат и травмировании надкостницы. Такой способ поддержки равновесия является малоэффективным – управление устойчивостью тела осуществляется посредством расположения вертикальной проекции ОЦМТ в пространственном поле устойчивости или в контуре овала площади приземления.

Прыгуны контрольной группы, обеспечивая себе безопасное приземление, практически не сгибают тазобедренный сустав от момента начала приземления до вертикального выхода. В группе легкоатлетов тазобедренный сустав в момент соприкосновения с опорой уже согнут за счет одновременно выпрямленных вперед ног и отведенных назад рук для увеличения дальности прыжка. В момент контакта с опорой горизонтальная скорость движения тазобедренного сустава у легкоатлетов равна нулю, изменяется только вертикальная. В контрольной группе в этот момент совершаются и горизонтальные, и вертикальные перемещения, что приводит к проскальзыванию точки приземления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спортивная* медицина (руководство для врачей) / под ред. А.В. Чоговадзе, Л.А. Бутченко. М. : Медицина, 1984. 384 с.
2. *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М. : Психология, 1980. 216 с.
3. *Капилевич Л.В.* Физиологические механизмы координации движений в безопорном положении у спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2012. № 7. С. 45–49.
4. *Солодков А.С., Сологуб Е.Б.* Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная : учеб. 2-е изд., испр. и доп. М. : Олимпия Пресс, 2005. 528 с., ил.
5. *Магнус Р.* Статические и статокинетические рефлексы. URL: http://turboreferat.ru/medicine/staticheskie-i-statokineticheskie-refleksy-r/193674-969843-page1.html (дата обращения: 15.03.2014).
6. *Курысь В.Н.* Биомеханика приземления в спорте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2011. № 1. С. 194–202.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 25 июня 2014 г.

PHYSIOLOGICAL AND BIOMECHANICAL FEATURES OF THE LANDING PHASE OF THE STANDING LONG JUMP

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 183-187. DOI: 10.17223/15617793/386/31

Razuvanova Anna V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: visann@tpu.ru

Koshel'skaya Elena V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail:koshelskayaev@tpu.ru

Smerdova Olga S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.smerdova@yandex.ru

Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail:kapil@yandex.ru

Keywords: motion tracking; physiological and biomechanical features; landing; athletics.

We investigated the physiological and biomechanical features of the landing phase of the standing long jump among sportsmen of different qualifications. 30 men aged 17 to 24 were involved in the study. According to the degree of motor skills development they were divided into two groups. The main group consisted of athletes with a high qualification (16 people) engaged in sports for over four years and specializing in sprint and power athletics. The control group consisted of students (14 people) who did not have sports categories in athletics. All of the respondents completed the jump. This exercise is not competitive, but is constantly used in training athletes. For the analysis of the orientation of the body parts, their location in space and position at the support the motion tracking method was used. Spatial moves of the athletes' body parts were recorded with a camcorder Vision Research Phantom Mire eX2 with over 100 frames per second. The obtained data were processed and analyzed in the program StarTraceTracker 1.1 Video-Motion®. According to the method of tracking the angle in the cervical spine of the control group respondent is approximately 220°, which reflects the reaction of the motor centers of the brain stem to the afference from the receptors of the vestibular apparatus. In the main group, due to the high level of qualification, this mechanism of balance reflex regulation is also involved, however, the exten-

sion of the cervical is expressed to a lesser extent and the muscles of the neck and head do not actively resist acceleration, so as not to interfere with the general vector of the direction of the body motion. We also found significant differences in the time of landing impact compensation, in the dynamics of the location of the center of the body mass, in the position of the hip joint. We established that in the moment of contact with the support the horizontal velocity of motion of the hip joint is zero, only the vertical velocity changes, i.e. the center of the body mass does not shift horizontally moving vertically down to the selected point of landing. The control group made both horizontal and vertical moves at this point, which led to a slip when landing. Even more remarkable differences between groups were found at the time of entering into the upright position. Thus, the obtained data show that the formation of technical skills of landing when performing a standing long jump is due to the restructuring of the system of static and kinetic reflexes of the athlete. The nature of the movement in the cervical spine and hip and knee joints changes. The amplitude of motion speed change as well as its direction is characteristically different. Therefore, physiological and biomechanical features of the body motion in the landing phase of the standing long jump performed by sportsmen of different qualifications are absolutely characteristic and caused by the whole complex of changes in the organism and structure of the body in the training process.

REFERENCES

1. Chogovadze A.V., Butchenko L.A. (eds.) *Sportivnaya meditsina (rukovodstvo dlya vrachey)* [Sports medicine (guidelines for physicians)]. Moscow: Meditsina Publ., 1984. 384 p.
2. Anokhin P.K. *Uzlovye voprosy teorii funktsional'noy sistemy* [The central questions of the theory of functional systems]. Moscow: Psikhologiya Publ., 1980. 216 p.
3. Kapilevich L.V. Fiziologicheskie mekhanizmy koordinatsii dvizheniy v bezopornom polozhenii u sportsmenov [Physiological mechanisms of coordination of movements in the unsupported position of athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2012, no. 7, pp. 45-49.
4. Solodkov A.S., Sologub E.B. *Fiziologiya cheloveka. Obshchaya. Sportivnaya. Vozrastnaya* [Human Physiology: general, sports, age-related]. 2nd edition. Moscow: Olimpiya Press Publ., 2005. 528 p.
5. Magnus R. *Staticheskie i statokineticheskie refleksy* [Static and statokinetic reflexes]. Available at: http://turboreferat.ru/medicine/staticheskie-i-statokineticheskie-refleksy-r/193674-969843-page1.html. (Accessed: 15th March 2014).
6. Kurys' V.N. Biomekhanika prizemleniya v sporte [Biomechanics of landing in sports]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*, 2011, no. 1, pp.194-202.

Received: 25 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 188–192 DOI: 10.17223/15617793/386/32

УДК 159.923.2

И.В. Федоров

РЕСПОНЗИВНАЯ ДИНАМИКА ЭМПАТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Представлены результаты теоретико-практического исследования динамики эмпатической активности. В русле системно-антропологической психологии основанием эмпатической активности предполагается респонзивность – способность человека находить и реализовывать смысл в ответе, изменяться и развиваться в отвечании. В исследовании предполагается, что эмпатическая активность представляет собой одну из форм общей активности человека, связанной с избирательностью восприятия, которая проявляется в сфере взаимодействия человека с другими людьми. Переход эмпатического потенциала в эмпатическую активность связан с необходимостью сохранения устойчивости в отклонениях. Представлена модель динамики эмпатической активности, определяемая тремя психологическими измерениями – инициативностью, рефлексивностью и реактивностью.

Ключевые слова: инициатива; реакция; рефлексия; ответственность; идентичность; взаимодействие; напряжение; потенциал.

В психологической науке с изучением эмпатии связано довольно много противоречий и недоразумений. Одним из противоречий, требующих разрешения, является равноправие эмоционального и когнитивного аспекта эмпатии. М. Хоффман предлагает включать когнитивные процессы в опосредование эмоциональной реакции [1. С. 432]. Н.И. Сарджвеладзе, определяя эмпатию, говорит о целостном, но специфическом «акте»: «Эмпатия – это особый психический акт, целостное образование когнитивных, эмоциональных и моторных компонентов, которое включено в качестве особой формы в социальное взаимодействие. Суть данного психического акта: 1) проникновение во внутренний мир другого человека, будь то его эмоциональное переживание, личностные качества, потребности, стремления или оценочные суждения; 2) реагирование субъектом на проявления внутреннего мира другого человека» [2. С. 485].

Примером модели, в которой широкий спектр эмпатических явлений организуется как целостный феномен за счет выделения определенных системообразующих факторов, в отечественной психологии является модель И.М. Юсупова (1993). Автор основывает ее на понимании единства психики как системы, несущей различные функции: отражательную, регуляторную и коммуникативную. Юсупов выделяет четыре основных процесса эмпатии, которые протекают в различных формах: аттракция + синтония + сопереживание – область аффективного (реактивного) регулирования; интроекция + социальная сензитивность + сочувствие – область подсознательного отражения; проекция + атрибуция + интуиция – область опережающего отражения; интеракция + рефлексия + содействие – область произвольного регулирования [3. С. 53].

М. Дэвис считает, что существование двух фокусов, несмотря на призывы к целостному видению эмпатии, чаще всего в практике эмпирических исследований приводит к фрагментации понятия. Он предлагает приблизительное ограничение области явлений, имеющих отношение к эмпатии, через определение ее как «системы конструктов, относящихся к ответам одного индивидуума на опыт другого» [4. С. 12].

Одним из важных аспектов неопределенности в понимании эмпатии является связь эмпатии и идентичности. Теоретически вопрос стоит так: где заканчивается эмпатия и начинается идентичность, или наоборот? Мы предположили, что между эмпатией и идентичностью лежит область перехода общей психологической активности человека в специфическую эмпатическую активность. Системно-антропологический подход позволил построить модель перехода эмпатического потенциала в эмпатическую активность [5]. Эмпирическое исследование позволило выделить ряд маркеров такого перехода.

Проблема уточнения психологической специфики эмпатии обострилась в двадцатом столетии в связи с тенденциями развития науки, в том числе в связи с парадигмальным сдвигом, изменением и методов, и самого предмета науки (классический, неклассический и постнеклассический идеалы рациональности). Быстрые изменения в жизни человека, инициированные сменой технологических укладов, развитием процессов, характерных для информационного общества, сопровождающихся «обезличиванием общения» в социальных сетях, развитием «виртуальной идентичности», размыванием границ между человеком и его средой, вывели на первый план аспекты проблемной совместности (несовместимость, изоляция, отчуждение и пр.). В этом тренде и обозначился вопрос границ эмпатии и идентичности, а точнее эмпатической активности. Своевременность постановки этой проблемы связана не только с социальной значимостью спектра проблем, центрируемых феноменом «эмпатия», но и с развитием теоретико-методологических и парадигмальных установок, отражающих ход развития психологической науки.

Существенному развитию психологии эмпатии сегодня способствует системно-антропологический подход. Теория психологических систем В.Е. Клочко позволяет предположить, что эмпатия – это не только способ реагирования и участия одного человека в жизни другого человека или явления, но и фундаментальное свойство человека как открытой саморазвивающейся системы. Транстемпоральный подход позволяет более точно интерпретировать и описывать не только смыслы отдельных проявлений эмпатии (темпоральная структура эмпатийного отклика, переживания, способности), но и смыслы сингулярностей эмпатии, уникальных согласованностей различных аспектов эмпатии [6].

Потенциал данных методологических подходов и существующее состояние изученности феномена эмпатии позволяет поставить задачу разработки психологической системно-антропологической модели эмпатии, дополняющей существующее понимание ком-

понентом саморазвития. Такая модель, в свою очередь, позволит более точно рассмотреть предмет дефицитов эмпатии и эмпатийной инициативы – проблем, лежащих в основе моделирования и интерпретации различных современных образовательных, воспитательных и помогающих практик, формирования экзистенциальных компетенций, изучения многомерности оснований развития человеческого потенциала и ответственности.

В данной статье мы представляем очередной ряд выводов и результатов исследования, проводившегося в 2013–2014 гг.

Эмпатическая активность представляет собой одну из форм общей активности человека, связанной с избирательным взаимодействием человека с миром (комплементарным взаимодействием), которая проявляется в сфере взаимодействия человека с другими людьми.

Специально организованная экспериментальная ситуация позволила зафиксировать переход эмпатической активности из потенциальной формы ее существования в системе общей активности человека в форму собственно эмпатической активности при появлении в актуальном секторе жизненного пространства человека «значимых Других».

Мы предполагаем, что эмпатическая активность существует в двух формах. Она постоянно присутствует в общей активности человека, связанной с избирательным взаимодействием с миром, в виде некоторого эмпатического потенциала. Этот потенциал проявляет себя в форме собственно эмпатической (ситуационно инициируемой) активности, обеспечивающей акты избирательного взаимодействия с людьми, имеющие смысл для человека в плане их возможного влияния на устойчивость развертки человеческого бытия во времени и пространстве.

При переходе эмпатической активности из формы «простой потенциальности» в собственно эмпатическую активность обнаруживаются характерные физиологические маркеры этого перехода, что позволяет утверждать интенционально-установочный (респонзивный) характер, присущий эмпатической активности.

Понимание внутреннего мира Другого «изнутри», с точки зрения его внутренней феноменологической перспективы, осуществляется не только на основе собственного опыта. Без учета самоорганизации и направленности на саморазвитие понимание нельзя считать достаточным. При встрече с человеком, при попытке понимания Другого происходит качественное изменение ситуации, «преображение» – начало перехода из стадии простой потенциальности в стадию эмпатической активности. Смыслы начала, середины или конца эмпатического взаимодействия характеризуются инициативой, а не только репертуаром реакций или рефлексии.

Первый, самый общий смысл эмпатии состоит, на наш взгляд, в **преображении** (преобразить – «изменить образ, форму, вид, сделать иным, лучшим»). В основе эмпатического переживания лежит возникающий при восприятии другого новый образ (пространство) себя, мира, жизни, предмета. Эмпатия преображает экзистенцию человека.

Возникший образ (пространство восприятия, отношения) уточняется, обрастает интерпретациями и деталями, в буквальном смысле образуется (образуется = «получается»).

В дальнейшем, когда образ воспроизводится, эмпатическое переживание опирается на воображение.

Модель эмпатического переживания в нашем исследовании предстает в последовательно согласующемся алгоритме: ПРЕОБРАЖЕНИЕ – ОБРАЗОВАНИЕ – ВООБРАЖЕНИЕ.

Фаза 1. Прерывание. Преображение. Первой фазой, которую можно назвать «возникновением эмпатии» (возникновением интенционального эквивалента взаимодействия), является момент прерывания, транс (время перехода от конца к началу), исчезновение одной целостности и появление целостности иной, собственно, появление Другого. Важным смыслом этой фазы является интенциональность принятия Другого, т.е. целого, включающего неявное знание.

Дефицит эмпатии, соответственно, проявляется как непринятие Другого, неспособность прерваться. Упоминаемая часто в качестве синонима эмпатии открытость в этой фазе обретает внятный интенциональный эквивалент.

Фаза 2. Насыщение. Образование. Второй фазой формирования и проявления эмпатии является фаза насыщения, уточнения, ограничения неявного знания (образа, функционального психического образования). Смысл этой фазы в том, что целостное взаимодействие с Другим уточняется на границе неявного знания и переживается как интервал, т.е. промежуток, открытый с одного края и закрытый с другого. В этой фазе интенциональность взаимодействия направлена на удержание стабильности «контура», образа целого, его укрепление и воплощение в опыте. Четкость контура проявляется в скорости узнавания.

Фаза 3. Анализ. Воображение. Опыт этой фазы эмпатии фиксируется в рефлексивных переживаниях. Это артикулированное знание по Полани, артикулированная эмпатия. Смысл этой фазы – формирование такого интенционального эквивалента взаимоотношений, которое можно обозначить как образ покоя, устойчивости, достигающийся в связи с замыканием времени. Время, выступавшее в качестве перехода, длительности события, тенденции и необратимости, замыкается в круг рефлексии. Дефицит эмпатии в этой фазе делает замыкание патологическим.

В то же самое время эмпатическая активность складывается из совокупности модусов: эмпатической инициативы, эмпатической реактивности и эмпатической рефлексии.

Эмпатическая инициатива задает смысловые границы взаимодействия, эмпатическая реактивность – ценностные границы, содержание реакции, а рефлексия задает границы самотождественности, определяет идентичность человека в этом эмпатическом взаимодействии.

В реальности мы имеем дело не с идеальными моделями, а с ситуациями, взаимодействиями, ограниченными актуальными обстоятельствами и, соответственно, с дефицитами эмпатийной активности.

Эмпатийный дефицит может и должен быть компенсирован в том модусе, в котором возник. Несмотря

на то что эмпатия представляет собой систему различных модусов, один эмпатийный дефицит не может быть компенсирован другим (усилием, избытком, напряжением) модусом эмпатийной активности. Хотя психологическая наивность человека часто толкает именно к этому, например, дефицит инициативы наивный человек стремится компенсировать избытком реактивности или рефлексии, чем только увеличивает актуальный эмпатийный дефицит, сужая спектр «напряженных возможностей» взаимодействия.

Дефицит эмпатийной инициативы не может быть компенсирован эмпатийными реакциями. А дефицит эмпатийных реакций – эмпатийной активностью. Аналогично и с эмпатийной рефлексией. Для того чтобы восстановить эмпатийную инициативу может быть необходимо «приостановить» реактивность и рефлексивность, «выровнять» ситуацию относительно базального основания, т.е. относительно эмпатии в целом.

Проблемы эмпатийности, совместности – это как раз и есть попытки компенсировать эмпатийный дефицит, возникший в одном модусе активности, напряжением в другом модусе.

Эмпатийные дефициты – это напряженные временные системы, но их нельзя понимать только как состояния человека, поскольку их смысл определяется субъективной интерпретацией, т.е. эмпатийные дефициты являются своего рода средой, контекстом, потенциалом и границами, пределами, напряжениями, каналами. Надо понять эмпатийные дефициты как основания для активности. Фиксировать, диагностировать эмпатийные дефициты имеет смысл в режиме синхронной регистрации процессов со стороны различных модусов, например регистрировать психофизические реакции, интерпретировать рефлексивные описания, отмечать тенденции инициативы. Интерпретировать совокупные данные следует как системы соответствия. Подобно тому, как дирижер симфонического оркестра не может компенсировать слабость или ошибки инструментов струнной группы духовыми, но должен соответственно усилить и отрегулировать звучание всех групп инструментов.

Представить комплементарную модель эмпатической активности мы можем по аналогии с динамической моделью устойчивости пирамиды, стоящей вверх своим основанием (своего рода перевернутым гироскопом) (рис. 1). Внутри этой пирамиды находится некоторая масса вещества, а плоскости пирамиды ограничены «ребрами жесткости». Базальным основанием этой системы является ось гравитации. Любое отклонение от оси симметрии можно описать как дефицитарное в отношении устойчивости системы. Постоянное круговое движение при переходе эмпатической активности из потенциальной формы ее существования в форму собственно эмпатической активности, посредством преображения, образования, воображения, обеспечивает устойчивость модели. Координаты – эмпатическая инициатива, эмпатические реакции и эмпатическая рефлексия – задают границы и обеспечивают объем для восприятия. Отклонения и восстановления динамической устойчивости подобной системы мы представляем как аналогию дефицитарным состояниям эмпатической активности. Очевидно, что множество факторов могут повлиять на устойчивость этой системы. Внутренняя скорость и внутренние ритмы, внешние воздействия и изменения «гравитационной оси». Иногда для сохранения устойчивости необходимо ускоряться, иногда стабилизироваться, отвечая как на внешние, так и на внутренние изменения. Однако при этом дефицит по одной координате должен быть компенсирован именно по этой координате. Попытка компенсировать, например, дефицит инициативы усилением рефлексии не выровняет систему, а увеличит ее отклонение. Такая модель позволяет достаточно точно анализировать и интерпретировать процессы эмпатического переживания, синхронизируя наблюдаемые параметры с определенными процессами и изменениями. При этом мы оперируем смыслами, целостностями, системными свойствами, а не отдельными компонентами или переменными.

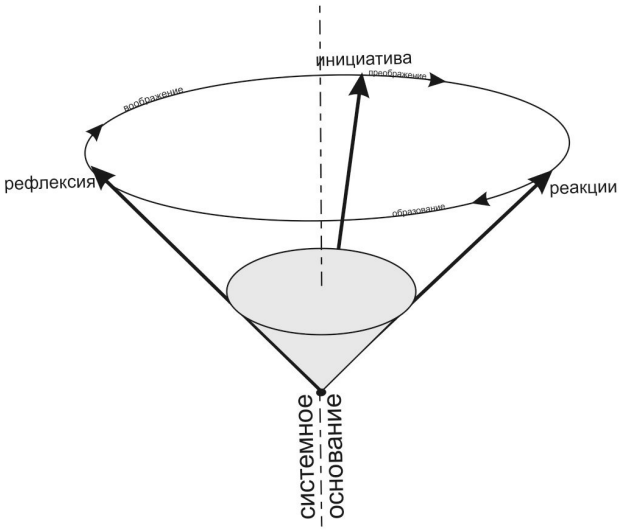


Рис. 1. Модель эмпатической активности

Сравнительное исследование эмпатической активности у студентов с различной профессиональной ориентацией. Исследование носило качественный характер, изучались не выборки, а отдельные случаи. Но изученные случаи были распределены на две группы для их простого сравнения. Сравнитель-

ный анализ случаев из этих двух групп позволяет предполагать различия в респонзивной динамике эмпатической активности у людей, по-разному профессионально ориентированных. В нашем исследовании принимали участие студенты юридического и психологического факультетов ТГУ. Процедура исследования подробно изложена в прошлых публикациях [7. С. 106]. Здесь представим лишь общий дизайн исследования. В ходе эксперимента испытуемым экспонировалась видеозапись, выдаваемая за коммуникацию по скайпу, в которой появлялся человек, смотрел, улыбался, что-то говорил (звук отсутствовал), в конце сюжета человек вставал и уходил. Таким образом, мы моделировали ситуацию встречи, в очень слабой степени определяемой рациональными причинами. Встреча с Другим происходила в ситуации большой неопределенности, и мы предположили, что именно в этом контексте проявятся особые аспекты психологической активности, которую мы называем эмпатической. В ходе исследования у испытуемых измерялась динамика КГР, они заполняли психометрический тест, проводилось рефлексивное интервью. Вся совокупность данных интерпретировалась в свете модели дополняющего взаимодействия инициативности, реактивности и рефлексивности в эмпатическом ответе.

На основании полученных нами данных можем предположить, что профессиональная ориентация накладывает отпечаток на формирование эмпатических компетенций именно в отношении процессов перехода эмпатического потенциала в эмпатическую активность. У студентов факультета психологии это проявляется в склонности к эмоциональному погружению в происходящее, самоотдаче, т.е. рефлексивная составляющая в большом количестве актов находится в дефицитарном состоянии. А у студентов юридического факультета, наоборот, эмпатический потенциал проявляется в стремлении дистанцироваться, как можно меньше реагировать эмоционально и как можно больше рационально, что достигается постоянным сдерживанием и подавлением эмоциональных эмпатических реакций. Большинство студентов юридического факультета, участвовавших в эксперименте, демонстрировали систему сдерживания активности в модусе преображения, сохраняя свою идентичность и акцентируя процесс уточнения своего понимания (своих ожиданий) образа ситуации с целью обобщения составления суждения о нем. Со студентами факультета психологии дело обстояло иначе. Они были склонны сначала дистанцироваться в некоторой степени от себя, преображали себя и в большей степени проявляли дефицитарность эмпатической активности в рефлексивном модусе.

Сделать такие предположения нам позволили данные, которые представлены в табл. 1–2. В таблицах отражены типы эмпатической активности, выделенные нами на предыдущих этапах исследования на основании синхронизации динамики КГР и динамики изменений в поведении «собеседника». Мы обнаружили, что спонтанные реакции испытуемых и динамика микронапряжения по-разному соответствуют внешним событиям. Два типа динамики напряжения показались нам наиболее интересными:

– интенсивный несбалансированный тип эмпатической активности, когда амплитуда и частота колебаний КГР слабо связана с внешними событиями, вероятно, потому, что определяется интенсивной «внутренней» динамикой, т.е. человек реагирует не только на внешние стимулы, но и в не меньшей степени на внутренние;

– самоограничивающий тип эмпатической активности, когда после высоких первых пиков амплитуд их величина и частота заметно уменьшаются до минимума.

В отношении первого типа можем заметить, что среди студентов-психологов он встречается чаще, так же как второй тип чаще встречается среди студентов-юристов. Остальные данные говорят сами за себя.

Таблица 1

Интенсивный несбалансированный тип эмпатической активности

Измеряемые показатели	Студенты ПФ	Студенты ЮФ
Количество участников	10	6
Количество баллов по тесту	21	16,33
Вербальная направленность в рефлексивном интервью	Направленность на эмоциональное реагирование	Направленность на агрессию и когнитивное понимание

Таблица 2

Самоограничивающий тип эмпатической активности

Измеряемые показатели	Студенты ПФ	Студенты ЮФ
Количество участников	13	24
Количество баллов по тесту	19,41	17,48
Вербальная направленность в рефлексивном интервью	Присутствуют фрагменты речи, говорящие о сдерживании	Присутствуют контроль эмоций с тенденцией к сдерживанию и желание когнитивного понимания происходящего

Этот примерный сравнительный анализ (мы пока не располагаем большим массивом данных) позволяет предположить заметные различия в динамике эмпатической активности, в характере респонзивности в зависимости от профессиональной ориентации.

Мы предполагаем, что даже при достаточном эмпатическом потенциале при его переходе в эмпатическую активность могут возникать решающие дефициты инициативы, реактивности и рефлексивности, а также сбалансированности и дополнительности этих модусов, определяющие смысл опыта, который мы определяем как эмпатию. Эмпатия – это не есть нечто, присущее человеку как способность, свойство ситуации или характер человеческих представлений, не то, что возникает или лежит «между ними» как предмет и т.п., эмпатия – это динамическое соответствие, определяющее тенденцию и пределы саморазвития человека в его взаимодействии с

другим, соответствие между внутренним и внешним как соответствие между потенцией и активностью. Эмпатия как соответствие человека миру уже есть, но осознавать это соответствие мы можем лишь посредством смыслов, т.е. посредством особой активности, особого, в значительной степени интуитивного усилия. Проявления эмпатии воспринимаются нами всегда в контексте конкретного события, но здесь важно учитывать масштаб и порядок времени. Контекст события, происходящего сейчас, психологически может задаваться тем, что уже происходило в прошлом, или тем, что происходит постоянно, или тем, что ожидается.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Эмпатическая активность имеет респонзивный характер и представляет собой преображение потенциального психологического напряжения, определяющего избирательность восприятия в актуальную активность, определяющее динамику идентичности. Дефициты эмпатической активности определяют дефициты восприятия, принятия, понимания. Конкретную жизнеформу эмпатическая активность приобретает в темпоральном соответствии, т.е. в отношении момента прерывания потока восприятия.

2. В дальнейших исследованиях мы считаем актуальным рассмотреть транстемпоральные аспекты эмпатической активности, т.е. аспекты контроля и усложнения организации – эмпатической компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология : учеб. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 432 с.
2. *Сарджвеладзе Н.И.* О балансе проекции и интроекции в процессе эмпатического взаимодействия // Бессознательное: природа, функции, методы исследования : в 4 т. / под общ. ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. Тбилиси : Мецниереба, 1978. Т. 3. С. 485–490.
3. *Юсупов И.М.* Вчувствование, проникновение, понимание. Казань, 1993. 53 с.
4. *Davis M.H.* Empathy: A social psychological approach. Boulder, CO : Westview Press, 1996. 260 p.
5. *Клочко В.Е., Лукьянов О.В.* Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324.
6. *Лукьянов О.В.* Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299.
7. *Федоров И.В.* Эмпирическое изучение эмпатических компетенций. Системно-антропологический ракурс // Наука в Центральной России. 2013. № 3(4). С. 106–111.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 17 июля 2014 г.

RESPONSIVE DYNAMICS OF EMPATHIC ACTIVITY

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 188-192. DOI: 10.17223/15617793/386/32

Fedorov Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nobelis-f@rambler.ru

Keywords: initiative; reaction; reflection; responsibility; identity; interaction; tension; potential.

Rapid changes in human life initiated by changes of technological modes, by the development of processes specific for the information-oriented society accompanied by "depersonalization of communication" in social networks, by the development of "virtual identity", with blurring the boundaries between people and their environment, brought to the fore the aspects of the problem of compatibility (incompatibility, isolation, alienation, etc.). In this trend the issue of boundaries for empathy and identity – that is the issue of empathic activity – became very significant. The timeliness of posing this problem is not only connected with the social significance of the spectrum of problems centered by the phenomenon of "empathy", but also with the development of theoretical, methodological and paradigm mindsets reflecting the development of the psychological science. The potential of these methodological approaches and the existing state of knowledge of the phenomenon of empathy allows setting the task of creating the psychological system-anthropological model of empathy, adding to the existing understanding the component of self-development. We assume that empathic activity exists in two forms. It is always present in the total activity of a person associated with the selective interaction with the world in the form of some empathic potential. The model of empathic experience in our study is represented in the consistent conforming algorithm: TRANSFORMATION – FORMATION – IMAGINATION. At the same time empathic activity consists of a set of modalities: empathic initiative, empathic reactivity and empathic reflection. Empathic initiative sets semantic boundaries for interaction, empathic reactivity – boundaries for values, the content of the reaction, and reflection sets the boundaries for self-identity, it determines the identity of a person in this empathic interaction. On the basis of our data we can speculate that professional orientation affects the formation of empathic competence in respect of transformations of empathic potential into empathic activity. Empathic activity has a responsive character and it appears to be a transformation of potential psychological tension that determines the selectivity of perception into the actual activity that determines the dynamics of identity.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. 2nd edition. Moscow: MSU Publ., 1988. 432 p.
2. Sardzhveladze N.I. *O balanse proektsii i introektsii v protsesse empaticheskogo vzaimodeystviya* [On the balance of projection and introjection in the process of empathic interaction]. In: Prangishvili A.S., Sheroziya A.E., Bassin F.V. (eds.) *Bessoznatel'noe: priroda, funktsii, metody issledovaniya: v 4 t.* [The unconscious: nature, functions, methods of study. In 4 vols.]. Tbilisi: Metsniereba Publ., 1978. Vol. 3, pp. 485-490.
3. Yusupov I.M. *Vchuvstvovanie, proniknovenie, ponimanie* [Empathy, insight, understanding]. Kazan, 1993. 53 p.
4. Davis M.H. *Empathy: A social psychological approach*. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 260 p.
5. Klochko V.E., Lukyanov O.V. Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. (In Russian).
6. Lukyanov O.V. Existential analysis and the nature of time. Transtemporal character of existential experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 164-170. (In Russian).
7. Fedorov I.V. Empiricheskoe izuchenie empaticheskikh kompetentsiy. Sistemno-antropologicheskiy rakurs [Empirical study of empathic skills. System-anthropological perspective]. *Nauka v tsentral'noy Rossii*, 2013, no. 3(4), pp. 106-111.

Received: 17 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 193–200 DOI: 10.17223/15617793/386/33

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 502.17 (571.513)

Н.В. Архипова, Н.А. Макаренко, В.П. Парначёв, А.Л. Архипов

ЭКОГЕОХИМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЧВЕННОГО ПОКРОВА И ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ КЛАСТЕРНОГО УЧАСТКА «ОЗЕРО ИТКУЛЬ» ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ХАКАССКИЙ»

По результатам проведённых исследований экогеохимическое состояние почв и донных отложений в пределах водоохранных зон озера Иткуль оценивается как благоприятное. Уровень загрязнения почвенного покрова и донных отложений в окрестностях оз. Иткуль не выходит за рамки минимальных и низких значений суммарных показателей загрязнения и связан с природными, а не техногенными геохимическими аномалиями.

Ключевые слова: озеро Иткуль; почвы; уровень загрязнения; Республика Хакасия.

Кластерный участок «Озеро Иткуль» находится в Ширинском районе Республики Хакасия и имеет общую площадь 55,5 км^2. Он включает береговую зону и почти всю акваторию пресного озера Иткуль за исключением двух небольших «коридоров» в районе пос. Колодезный и бывшего совхоза Туимский (рис. 1). Достаточно полные сведения о геологических особенностях и гидрологическом режиме данной территории содержатся в изданиях [1–5 и др.].

Озеро Иткуль – одно из крупных пресных озёр Хакасии с площадью водной поверхности 23,2 км^2 и длиной береговой линии 15,3 км – является объектом повышенного внимания как многочисленных отдыхающих, так и экологов, особенно в связи с выделенным заповедным кластерным участком «Озеро Иткуль» [3, 4, 6–8]. В настоящее время оз. Иткуль приобретает важное рекреационное значение. Несмотря на то что значительная часть котловины озера входит в состав заповедника и доступ к озеру на автомобильном транспорте закрыт, желающие могут воспользоваться специально отведенными зонами отдыха. До введения заповедного режима (1991 г.) значительные площади участка были заняты пашней и естественными кормовыми угодьями. Сейчас, благодаря заповедному режиму, идет активное восстановление степной растительности. Вода озера считается чистой и используется для водоснабжения курорта «Озеро Шира» и пос. Колодезный Ширинского района.

Озеро расположено в 4,3 км юго-западнее курорта «Озеро Шира». Абсолютная отметка водного зеркала составляет 456,2 м. Западный и юго-западный берега озера заболочены, северный и восточный представлены аккумулятивными песчано-гравийными береговыми формами. Южный и северный борта озерной котловины крутые, с преобладающим куэстово-холмистым типом рельефа и абсолютными отметками до 650 м [9]. С юго-западной стороны в оз. Иткуль впадает р. Карыш и два ручья Харсуг и Шексуг, а вытекает один небольшой ручей Тушининский. В сухие годы этот ручей полностью пересыхает и оз. Иткуль становится бессточным.

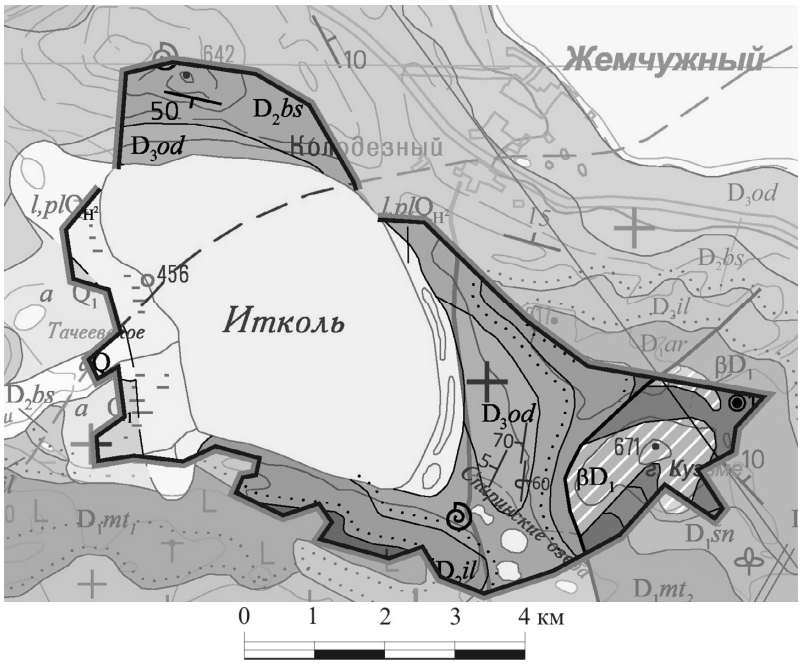


Рис. 1. Фрагмент геологической карты окрестностей оз. Иткуль по [11] с дополнениями авторов

Условные обозначения:

Гидрологический режим озера подвержен периодическим колебаниям и зависит от величины стока р. Карыш, рч. Харсуг и Шексуг, количества атмосферных осадков и притока подземных и грунтовых вод в котловину. Степень минерализации составляет 0,6–0,7 г/дм^3 [5]. Формула Курлова для воды озера Иткуль по данным Томского НИИКиФ [4] $M_{0,69}\frac{(HCO3 + CO3)\ 74\ \ SO4\ 19}{Mg\ 55\ Na\ 18\ Ca\ 16}$. Низкая минерализация (по сравнению с другими озёрами) объясняется расположением котловины озера преимущественно в карбонатных отложениях бейской свиты среднего девона [3]. Минерализованные водоёмы, как правило, находятся в красноцветных отложениях верхнего девона и нижнего карбона [5].

Почвенный покров озёрной котловины представлен разновидностями обыкновенных и южных чернозёмов в сочетании с солонцеватыми, солончаковыми и луговыми почвами [10].

В геологическом отношении котловина озера приурочена к крупной одноименной синклинальной структуре, осложняющей карбонатные отложения бейской и илеморовской свит среднего девона (рис. 1). В составе осадочных образований преобладают сероцветные известняки и мергели при подчиненном развитии известковых алевролитов и песчаников [3, 11, 12].

Особую роль в формировании геолого-структурной позиции котловины оз. Иткуль сыграла так называемая Иткульская флексура, кратко охарактеризованная И.В. Лучицким [13]. Влияние флексуры сказывается на появлении резкой асимметрии в строении сопряжённых тектонических структур – Иткульской синклинали и одноимённой антиклинали. Бейские слои в общем для вышеназванных структур крыле имеют крутое падение (около 40°), тогда как в других случаях углы падения не превышают 10–15°. Этот флексурообразный перегиб привёл к появлению в рельефе отчётливого структурно-денудационного уступа, отделяющего котловины озёр Иткуль и Шира.

Отметим, что непосредственная область перехода пологих и крутых залеганий слоёв, приуроченных к зоне сочленения известняков бейской и красноцветов ойдановской свит, перекрыта маломощным чехлом щебнистого делювия. Однако в 1972 г. после серии опустошительных июльских ливней, сопровождающихся бурными временными селеподобными потоками, в районе Спиринских озёр образовалась целая система глубоких (до 2–3 м) и протяжённых (до первых сотен метров) эрозионных рытвин, вскрывающих коренные породы, главным образом, ойдановской свиты. Это дало возможность Н.А. Макаренко и В.П. Парначёву установить структуру данного участка. На протяжении 100–150 м было обнаружено последовательное изменение углов падения слоистости от опрокинутого (60°) к крутому «нормальному» (70°) и очень пологому (5°), что нашло отражение на схематической геологической карте озёр Матарак и Шунет [14] и приведено на рис. 1. Таким образом, резкое несоответствие абсолютных отметок береговых линий рядом расположенных озёр Иткуль (456 м) и Шира (353 м) вполне логично объясняется тем, что котловина оз. Иткуль находится в приподнятом (по отношению к оз. Шира) неотектоническом блоке с амплитудой перемещения не менее 100 м, при этом главным элементом данного блока является Иткульская флексура.

В 2010 г. коллективом авторов издана монография, посвящённая природному комплексу участка «Озеро Иткуль» заповедника Хакасский [15], в которой систематизированы сведения о геологических, климатических, гидрологических, почвенных, флористических, фаунистических, ландшафтных особенностях Иткульского кластера. Вместе с тем проведённая в работе оценка факторов антропогенного воздействия на заповедную и сопредельную территорию касается главным образом рекреационной и «пирогенной» нагрузки на экосистему. Содержание токсичных поллютантов определялось лишь в снежном покрове. На протяжении четырёх лет (2007–2010 гг.) изучалась концентрация Pb, Cd, Hg, фторидов и Zn в снеговой воде. Сделан вывод о том, что средние концентрации этих элементов не достигают значений ПДК. Лишь в одной пробе зафиксировано повышенное содержание фторидов на уровне 1,06 ПДК.

В данном сообщении приводятся авторские неопубликованные материалы по содержанию поллютантов в почвенном покрове Иткульского кластера, полученные в результате экспедиционных и лабораторных исследований геоэкологического состояния природной среды Республики Хакасия, проводимых на протяжении ряда лет (1995–2001 гг.) коллективом сотрудников томских вузов и институтов в рамках хоздоговорных работ с государственными комитетами по охране окружающей среды и природных ресурсов Республики Хакасия.

Для оценки закономерностей пространственного распространения микроэлементов в пределах южной и юго-восточной части кластера нами было отобрано 33 представительные пробы почв. Собранный материал анализировался приближённо-количественным спектральным методом на 26 элементов в аккредитованной арбитражной лаборатории ФГУП «Берёзовгеология» (г. Новосибирск). Результаты изучения проб приведены в табл. 1. Сравнение проводилось с кларками элементов в почвах [16], фоновыми показателями, которые рассчитывались по методике, предложенной в [17], и ПДК.

Анализируя статистические характеристики, приведённые в табл. 1, по абсолютным значениям средних содержаний можно выделить три группы элементов. В первую группу входят элементы, средние содержания которых не превышают фоновых значений. К ним относятся титан, ванадий, ниобий, литий, иттрий, галлий, бериллий. Во вторую группу объединены элементы, для которых характерны превышения концентраций над фоном (Sr, Cu, Pb и Mo), а для нормируемых элементов – и над ПДК (Ba, V, Zn). В третью группу входят элементы, средние значения которых имеют околофоновые значения (марганец, никель, кобальт, цирконий, иттербий, цинк, олово). Три элемента превышают фоновые показатели в более чем 70% случаев – Sr, Sn и Mo.

В сравнении с кларками для почв околокларковые концентрации обнаруживают P и Ti. Повышенные содержания имеют Sr (1,6), V (1,8), Co (1,8), Li (3), Pb (1,4), Cu (2,5), Zn (1,5), и Mo (1,7). В скобках помещены кларки концентрации. Остальные элементы обнаруживают пониженные (по отношению к кларку) концентрации (К = 0,5–1,2). Суммарный показатель загрязнения (Z_c) по этим данным составляет 8,3 единицы, что даёт основание оценить уровень загрязнения как слабозагрязнённый (8–16 единиц) согласно существующим рекомендациям [18].

При сопоставлении ПДК с рядовыми анализами почв, включённых в выборку (33 пробы), общая доля аномальных (по отношению к ПДК) анализов составляет для Ba – 55% при максимуме 1 500 мг/кг (3 ПДК); V – 45% при максимуме 300 мг/кг (2 ПДК); Ni – 24% при максимуме 80 мг/кг (1,6 ПДК); Sn, Mo – 15% при максимуме 6 мг/кг (1,3 ПДК) и 6 мг/кг (1,5 ПДК) соответственно; Sr – 12% при максимуме 1 000 мг/кг (1,7 ПДК); Cu – 15% при максимуме 100 мг/кг (1,7 ПДК) и Zn – 45% при максимуме 100 мг/кг (1,4 ПДК).

Таблица 1

Статистические характеристики элементов в почвах водосборного бассейна оз. Иткуль (опробование 2000 г.)

Элементы и параметры	P	Ti	Mn	Ba	Sr	V	Ni	Co	Zr	Nb	Li	Y	Yb	Ga	Cu	Pb	Zn	Be	Sc	Sn	Ag	Mo
Количество проб в выборке	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33
Фоновое содержание, мг/кг	Нет свед.	6537,83	586,62	539,97	373,03	202,15	45,38	17,23	280,51	22,88	101,21	41,25	3,12	14,63	41,09	10,48	75,29	3,44	15,47	3,71	Нет свед.	2,70
Количество проб, превышающих фоновое содержание	–	0	22	19	24	6	17	15	21	15	7	5	15	20	16	16	17	7	17	24	–	29
Среднее, мг/кг	996,97	5909,09	669,70	636,36	478,79	179,09	47,58	17,79	294,85	20,85	91,21	37,27	3,24	13,30	49,03	14,24	73,03	2,74	18,24	3,94	0,05	3,45
ПДК	Нет свед.	Нет свед.	1500,00	500,00	600,00	150,00	50,00	50,00	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	60,00	36,00	70,00	Нет свед.	Нет свед.	4,50	Нет свед.	4,00
Минимум, мг/кг	300,00	2000,00	400,00	200,00	200,00	40,00	20,00	2,00	80,00	6,00	20,00	10,00	1,00	3,00	8,00	6,00	40,00	1,00	5,00	3,00	0,03	2,00
Максимум, мг/кг	4000,00	8000,00	1000,00	1500,00	1000,00	300,00	80,00	30,00	800,00	40,00	200,00	60,00	5,00	30,00	100,00	30,00	100,00	4,00	30,00	6,00	0,30	6,00

Таблица 2

Коэффициенты корреляции содержаний элементов в почвах водосборного бассейна оз. Иткуль

	P	Ti	Mn	Ba	Sr	V	Ni	Co	Zr	Nb	Li	Y	Yb	Ga	Cu	Pb	Zn	Be	Sc	Sn	Ag	Mo
P	1,00																					
Ti	–0,10	1,00																				
Mn	–0,13	0,41	1,00																			
Ba	–0,01	0,30	0,51	1,00																		
Sr	0,06	0,24	0,36	0,18	1,00																	
V	–0,04	0,53	0,56	0,21	0,05	1,00																
Ni	–0,06	0,48	0,20	0,01	–0,04	0,52	1,00															
Co	–0,13	0,67	0,53	0,24	–0,04	0,71	0,66	1,00														
Zr	–0,16	0,46	0,28	0,33	0,21	0,17	–0,04	0,10	1,00													
Nb	–0,11	0,60	0,54	0,41	0,27	0,38	0,28	0,46	0,41	1,00												
Li	0,00	0,40	0,31	0,47	–0,10	0,41	0,49	0,47	0,35	0,45	1,00											
Y	0,08	0,58	0,52	0,56	0,12	0,51	0,45	0,59	0,45	0,42	0,57	1,00										
Yb	–0,03	0,56	0,53	0,43	0,12	0,65	0,72	0,65	0,29	0,58	0,65	0,68	1,00									
Ga	–0,03	0,38	0,73	0,52	0,27	0,67	0,49	0,56	0,20	0,37	0,51	0,56	0,71	1,00								
Cu	0,33	0,25	0,31	0,39	–0,01	0,54	0,48	0,28	0,13	0,30	0,63	0,48	0,68	0,56	1,00							
Pb	–0,03	0,05	0,29	0,50	0,25	0,02	0,34	–0,04	0,01	0,07	0,39	0,33	0,44	0,53	0,43	1,00						
Zn	0,10	0,31	0,53	0,48	0,29	0,45	0,58	0,40	–0,01	0,30	0,50	0,49	0,75	0,70	0,64	0,67	1,00					
Be	–0,26	0,39	0,39	0,19	–0,09	0,62	0,46	0,65	0,17	0,34	0,50	0,51	0,60	0,33	0,39	–0,01	0,36	1,00				
Sc	0,14	0,59	0,38	0,26	0,13	0,63	0,74	0,59	0,36	0,46	0,68	0,59	0,87	0,58	0,69	0,36	0,66	0,57	1,00			
Sn	–0,04	0,20	0,42	0,31	0,14	0,54	0,50	0,31	0,13	0,13	0,56	0,51	0,60	0,69	0,58	0,58	0,68	0,50	0,59	1,00		
Ag	–0,05	–0,04	0,20	0,07	0,10	0,15	–0,05	0,10	–0,28	–0,13	–0,23	–0,11	–0,04	0,35	–0,12	0,21	0,21	–0,29	–0,14	0,16	1,00	
Mo	0,17	0,04	0,14	0,07	0,25	0,13	0,16	0,10	0,00	–0,07	0,03	0,16	0,08	0,18	0,33	0,06	0,10	–0,15	0,09	0,04	–0,05	1,00

Условные обозначения :

n = 33 Количество проб	**a = 0,05** Уровень значимости	**k = 0,34** Значимый коэффициент	**менее 0,34** Не значимые коэффициенты		**0,34–0,51** Малозначимые коэффициенты		**0,51–0,69** Среднезначимые коэффициенты		**0,70 и более** Высокозначимые коэффициенты

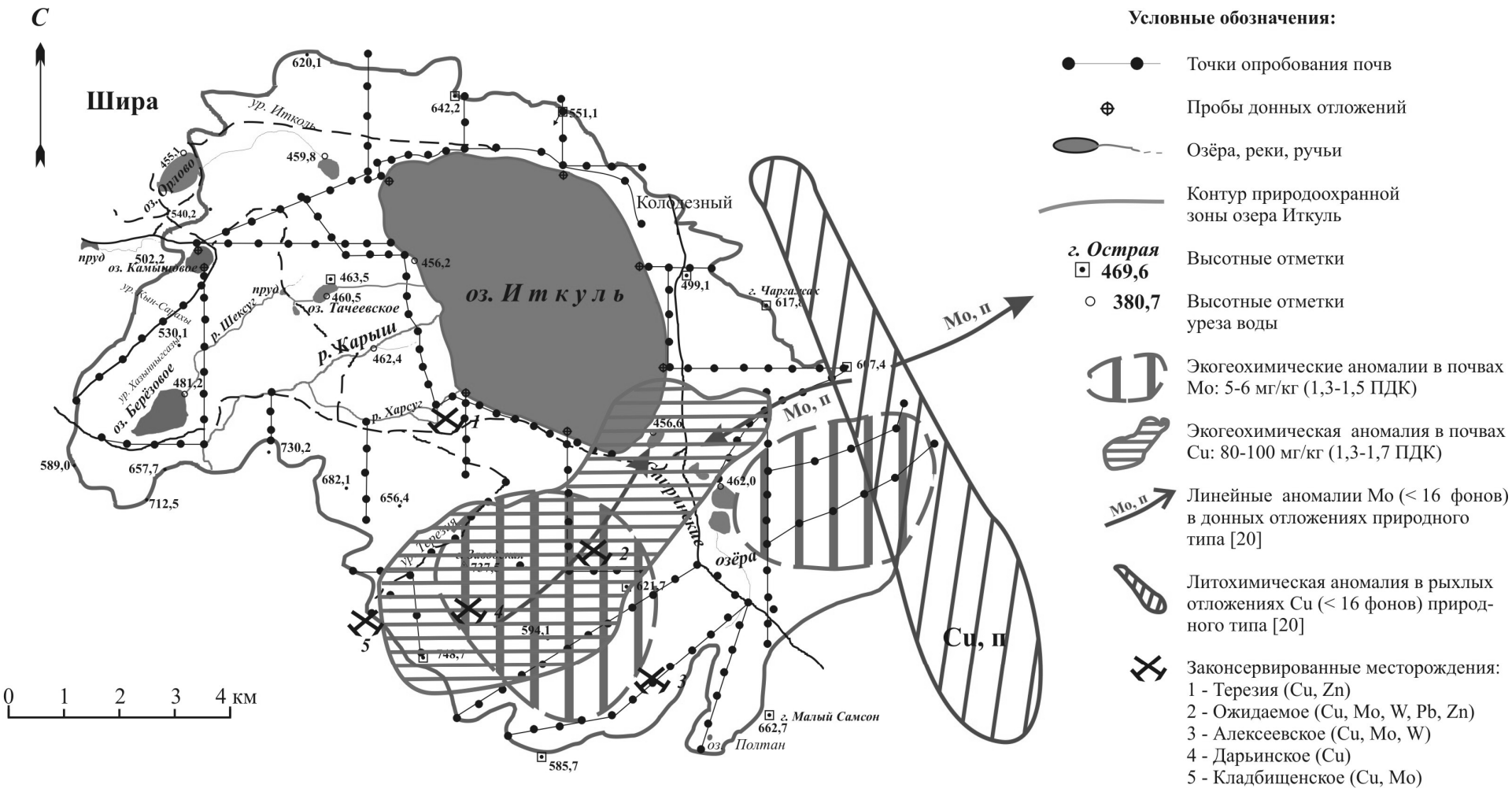


Рис. 2. Схема опробования почв, донных отложений и размещения аномалий в пределах водосборного бассейна оз. Иткуль

Если принять за основу значения коэффициентов опасности, выявленных для вышеперечисленных восьми элементов, то суммарный показатель загрязнения (Z_c) будет составлять 7,2; т.е. при максимальных оценках уровень загрязнения прибрежной зоны оз. Иткуль оценивается как допустимый (< 8 единиц).

Анализируя корреляционную матрицу микроэлементов в почвах природоохранных зон (табл. 2), можно сказать, что при определённом количестве проб (в нашем случае 33) и уровне значимости (α = 0,05) значимый коэффициент k = 0,34 (критические значения коэффициента корреляции по Ю.Г. Шестакову [19]). Наиболее тесные (высокозначимые) положительные корреляционные связи с коэффициентом корреляции k > 0,70 имеют Yb – Ni – Ga – Zn – Sc; Ga – Mn – Yb – Zn; V – Co и Mn – Co. Фосфор и молибден не имеют значимых связей ни с одним из рассматриваемых элементов. Серебро и стронций имеют по одной малозначимой связи. Никель имеет средний положительный коэффициент корреляции с ванадием и цинком. Свинец тесно коррелирует (положительные среднезначимые связи) с галлием, цинком и оловом. Барий обнаруживает среднезначимые положительные связи с марганцем, иттрием и галлием. Ванадий даёт среднезначимые положительные коэффициенты корреляции с десятью элементами, иттрий, иттербий и скандий имеют по девять связей с другими элементами. Ни один элемент не обнаруживает значимых отрицательных связей.

Сопоставление общей картины распределения тяжёлых металлов с опубликованной в [15] картосхемой почвенного покрова Иткульского кластера показывает, что повышенные концентрации микроэлементов зафиксированы во многих разновидностях южных и обыкновенных чернозёмах, а также в луговых, чернозёмно-луговых, аллювиально-дерновых и примитивных слаборазвитых почвах. Следовательно, пространственное расположение экогеохимических аномалий не зависит от состава почвенного покрова. Также не выявлены какие-либо заметные связи между содержаниями тяжёлых металлов и геологическими, геоморфологическими, а также ландшафтными особенностями кластерного участка.

Для визуализации поведения микроэлементов нами при помощи специализированного программного обеспечения составлены в изолиниях равных содержаний картосхемы пространственного распределения всех элементов, превышающих значения ПДК: Ba, Sr, V, Ni, Cu, Zn, Sn и Mo. Выделяются три группы элементов.

Первая (Ba, Sr, V) формирует обширные зоны с повышенными концентрациями, занимающие практически всю водосборную площадь котловины оз. Иткуль и не имеющие чётких пространственных ограничений, что, вероятно, связано со спецификой общего геохимического облика почв, сформированных в условиях аридного седиментогенеза.

Вторая группа (Ni, Zn, Sn) не образует отчетливо выраженных площадных экогеохимических аномалий, а встречается в виде локальных «точечных» аномалий, вытянутых в одном направлении вдоль Спиринских озёр (Ni) или в южном обрамлении озера (Zn, Sn).

Третья группа (Cu, Mo) формирует хорошо выраженные аномальные зоны.

На рис. 2 показано пространственное размещение наиболее «концентрированных» экогеохимических почвенных аномалий Mo и Cu в контурах значений, превышающих не только минимально-аномальные содержания, но и ПДК. Молибден образует две аномалии – в районе г. Заводской (площадь около 10 км^2) и в районе Спиринских озёр (11,6 км^2). Площадная аномалия меди вытянута с юга на северо-восток и занимает площадь около 23,6 км^2.

На рис. 2 также помещены выявленные ранее [20] литохимические ореолы Cu и Mo в рыхлых аллювиально-делювиальных шлейфах и в донных осадках. Здесь же вынесены многочисленные отработанные месторождения, которые известны начиная с конца XIX в. Главным полезным компонентом всех месторождений является медь, а также W, Mo, Pb, Zn и Ni. Последние металлы встречаются не только в виде примеси к основному компоненту, но и нередко сами достигают промышленных содержаний.

Как видно из табл. 1 и рис. 2, почти все эти элементы входят в состав экогеохимических площадных и «точечных» почвенных аномалий, достигая концентраций, заметно превышающих нормативы ПДК в 1,3–1,7 раза. Таким образом, очевидным источником поллютантов в почвах Иткульского кластера являются руды и околорудные изменённые породы отработанных полиметаллических месторождений. Вероятно, процессы многостадийного формирования почвенных горизонтов сопровождаются ассимиляцией некоторой доли тяжёлых металлов, заимствованных из почвоподстилающих пород, и эоловым привносом, и, следовательно, возникновение аномалий обусловлено природными, а не техногенными причинами.

Таблица 3

Содержание микроэлементов в донных отложениях оз. Иткуль [16], мг/кг

Элемент	С	К	Кларк	Элемент	С	К	Кларк
Ba	400	0,6	650	Yb	4	13,3	0,33
Sr	1000	2,9	340	Ga	15	0,8	19
Cr	300	3,6	83	Cu	30	0,6	47
V	300	3,3	90	Pb	15	1,0	16
Ni	50	0,9	58	Zn	60	0,7	83
Co	15	0,8	18	Be	2	0,5	3,8
Zr	800	4,7	170	Sc	20	2,0	10
Nb	40	2,0	20	Sn	4	1,6	2,5
Li	40	1,3	32	Ag	0,05	0,7	0,07
Y	30	1,0	29	Mo	2	1,8	1,1

Примечание. С – содержание элемента в мг/кг; К – коэффициент концентрации; кларк по А.П. Виноградову [16].

Донные отложения оз. Иткуль в прибрежной зоне представлены щебнем, грубозернистым песком с галькой. На больших глубинах (более 3 м) преобладают тонкие илы. Установлено (табл. 3), что в донных отложениях оз. Иткуль (южный берег, глубина 3,5–4,0 м) отмечаются концентрации ряда элементов, превышающие кларк в земной коре [16] по стронцию – в 2,9, хрому – 3,6, ванадию – 3,3, цирконию – 4,7, литию – 1,3, олову – 1,6 и молибдену – в 1,8 раза [21]. Стронций и ванадий превышают значения ПДК в 1,7 и 2 раза соответственно. Остальные элементы содер-

жатся в количествах ниже ПДК (от 0,5 до 1). Превышение фоновых значений в 2–4 раза отмечено для Ag, V, Sr, Nb, Zr, Sn, Yb, Ga содержатся в количествах, превышающих фоновые концентрации от 1 до 1,4 Ф. Околофоновые содержания обнаруживают Ni, Co, Y и Sc. Остальные элементы (Cu, Pb, Zn, Ba, Li, Be и Mo) находятся в пределах фона (от 0,2 до 0,7).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что уровень загрязнения почвенного покрова и донных отложений Иткульского кластера не выходит за рамки минимальных и низких значений нормируемых показателей и может быть охарактеризован как допустимый, а экогеохимическое состояние природной среды – как благоприятное.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Летопись* природы объединённой дирекции государственных природных заповедников «Чазы» и «Малый Абакан». Абакан, 1999. Кн. 4. 177 с.
2. *Летопись* природы Государственного природного заповедника «Хакасский». Абакан, 2001. Кн. 6. 313 с.
3. *Геология* и минерагения Северной Хакасии. Путеводитель по учебному геологическому полигону вузов Сибири / под ред. В.П. Парначёва, Б.Д. Васильева. Томск : ТПУ, 2009. 236 с.
4. *Природные* воды Ширинского района Республики Хакасия / В.П. Парначёв [и др.]. Томск : ТГУ, 2003. 183 с.
5. *Кусковский В.С., Кривошеев А.С.* Минеральные озера Сибири. Новосибирск : Наука, 1989. 200 с.
6. *Заворуев В.В.* Современное экологическое состояние озёр Шира и Белё // Фундаментальные проблемы воды и водных ресурсов на рубеже третьего тысячелетия. Томск : НТЛ, 2000. С. 109–113.
7. *Непомнящий В.В.* Геоэкологические условия рекреационного природопользования в степных ландшафтах Республики Хакасия : автореф. дис. … канд. геогр. наук. Томск : ТГУ, 2003. 23 с.
8. *Озёра* Хакасии и их рыбохозяйственное значение / ред. Г.П. Сигиневича. Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1976. Т. XI. 205 с.
9. *Мистрюков А.А.* Геоморфологическое районирование Назаровско-Минусинской межгорной впадины. Новосибирск : ОИИГМ СО РАН, 1991. 130 с.
10. *Танзыбаев М.Г.* Почвы Хакасии. Новосибирск : Наука, 1993. 256 с.
11. *Государственная* геологическая карта Российской Федерации масштаба 1 : 200 000. Издание второе. Серия Минусинская. Лист N-46-XIII (Сорск). 2002.
12. *Парначёв С.В., Парначёв В.П.* Геология девонских отложений Чебаково-Балахтинской впадины (Республика Хакасия). Путеводитель геологической экскурсии 8–9 сентября 2003 г. Томск : ТПУ, 2003. 36 с.
13. *Лучицкий И.В.* Вулканизм и тектоника девонских впадин Минусинского межгорного прогиба. М. : АН СССР, 1960. 275 с.
14. *Ананьев А.Р., Парначев В.П., Макаренко Н.А.* Некоторые вопросы геологического строения и возраста девонских вулканических образований района озер Матарак и Шунет (Северо-Минусинская впадина) // Проблемы комплексных геолого-географических исследований девонских прогибов Алтая. Новокузнецк, 1972. С. 3–14.
15. *Природный* комплекс и биоразнообразие участка «Озеро Иткуль» заповедника «Хакасский» / коллектив авторов ; под ред. В.В. Непомнящего. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2010. 418 с.
16. *Войткевич Г.В., Мирошников А.Е., Поваренных А.С. и др.* Краткий справочник по геохимии. М. : Недра, 1970. 280 с.
17. *Экогеохимия* Западной Сибири. Тяжёлые металлы и радионуклиды / под ред. чл.-кор. РАН Г.В. Полякова. Новосибирск : СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1996. 248 с.
18. *Сает Ю.Е. и др.* Геохимия окружающей среды. М. : Недра, 1990. 335 с.
19. *Шестаков Ю.Г.* Математические методы в геологии : учеб. пособие для студ. геол. специальностей. Красноярск : Краснояр. ун-т, 1988. 208 с.
20. *Государственная* геологическая карта Российской Федерации масштаба 1 : 200 000. Изд. 2-е. Серия Минусинская. Лист N-46-XIII (Сорск). Объяснительная записка. СПб. : Изд-во СПб. картфабрики ВСЕГЕИ, 2000. 151 с. (МПР РФ, ФГУГП «Красноярскгеолсъёмка»).
21. *Язиков Е.Г., Рихванов Л.П.* Организация геоэкологических практик в Хакасии // Обской вестник. 1999. № 1–2. С. 90–95.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 7 июля 2014 г.

ECOGEOCHEMICAL FEATURES OF SOIL AND BOTTOM SEDIMENTS OF THE CLUSTER AREA "LAKE ITKUL" IN THE STATE NATURAL RESERVE "KHAKASSKY"

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 193-200. DOI: 10.17223/15617793/386/33

Arkhipova Natalya V., Makarenko Nikolay A., Parnachev Valeriy P., Arkhipov Aleksandr L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru

Keywords: Reserve "Khakassky"; Lake Itkul; soils; pollution level; Republic of Khakassia.

The cluster plot "Lake Itkul" in the State Nature Reserve "Khakassky" with the total area of 55.5 km^2 is located in the Republic of Khakassia (Shirinsky District). It includes a fresh water reservoir of unique purity and size with a water surface of over 23 km^2. The article outlines the special role of tectonic factors in the formation of the lake basin, including the Itkul flexure. Previously unpublished authors' materials on the content of pollutants in the soil cover of the cluster are given. They were obtained by statistical processing of data by means of the semiquantitative emission spectral analysis (26 elements) of thirty-three representative soil samples. P,Ti, Ba, Li detected near-Clarke concentrations compared with Clarke ones for soils. Elevated Clarke concentrations (K) are set for Sr, V, Co, Nb, Cu, Zn, Sc and Mo (K does not exceed three units). Eight elements Ba, Sr, V, Ni, Cu, Zn, Sn and Mo exhibit content often exceeding limit values within MAC from 1.4 (Zn) to 3 (V). At that, the total pollution index (Zc) in all these elements is 7.2 units, which characterizes the level of pollution of coastal lakes as permitted. The correlation analysis establishes the close (highly significant) positive correlation connections with a correlation coefficient k > 0, which are characteristic for Yb - Ni - Ga - Zn - Sc, Ga - Mn - Yb - Zn, V - Co and Mn - Co. The visualization of behavior of trace elements on the map diagrams shows that the spatial arrangement of ecogeochemical anomalies does not depend on the composition of soil cover, as well as on the geological, geomorphological and landscape features. Clearly defined anomalies in the soil cover on the area of 24 km^2 are characteristic only for two elements – Cu and Mo. These anomalies are well correlated with lithogeochemical halos of these metals in unconsolidated sediments and bottom sediments identified earlier on the area of numerous small exhausted polymetallic deposits in the southern and south-eastern sides of the lake basin. The authors of the article concluded that the sources of pollutants in the soil cover of the Itkul cluster are ore-bearing rocks in the area of small-scale exhausted polymetallic deposits. Probably, the processes of soil formation were accompanied by the assimilation of some heavy metals taken from soil and bedrock and the eolian addition. Hence, the occur-

rence of anomalies is due to natural but not man-made causes. Limit values in bottom sediments from Lake Itkul exceed only for Sr (1.7 MAC) and V (2 MAC). The remaining elements are present in amounts below the MAC. Thus, the level of contamination of soil and bottom sediments of the Itkul cluster does not go beyond the minimum and low values of normalized parameters. It may be characterized as valid and the ecogeochemical state of the environment may be recognized as favorable.

REFERENCES

1. *Letopis' prirody ob"edinennoy direktsii gosudarstvennykh prirodnykh zapovednikov "Chazy" i "Malyy Abakan"* [Annals of nature of the united administration of state natural reserves "Chazy" and "Small Abakan"]. Abakan, 1999. Book 4, 177 p.
2. *Letopis' prirody Gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika "Khakasskiy"* [Annals of nature of the State Natural Reserve "Khakassky"]. Abakan, 2001. Book 6, 313 p.
3. Parnachev V.P., Vasil'ev B.D. (eds.) *Geologiya i minerageniya Severnoy Khakasii. Putevoditel' po uchebnomu geologicheskomu poligonu vuzov Sibiri* [Geology and metallogeny of North Khakassia. Guide to academic geology field of Siberian universities]. Tomsk: TPU Publ., 2009. 236 p.
4. Parnachev V.P. et al. *Prirodnye vody Shirinskogo rayona Respubliki Khakasiya* [Natural waters of the Shira region of the Republic of Khakassia]. Tomsk: TSU Publ., 2003. 183 p.
5. Kuskovskiy V.S., Krivosheev A.S. *Mineral'nye ozera Sibiri* [Mineral lakes in Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989. 200 p.
6. Zavoruev V.V. [Modern ecological condition of lakes Shira and Bele]. *Fundamental'nye problemy vody i vodnykh resursov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Fundamental problems of water and water resources at the turn of the third millennium. Proc. of the International Scientific Conference]. Tomsk: NTL Publ., 2000, pp. 109-113. (In Russian).
7. Nepomnyashchiy V.V. *Geoekologicheskie usloviya rekreatsionnogo prirodopol'zovaniya v stepnykh landshaftakh Respubliki Khakasiya*. Avtoref. dis. kand. geogr. nauk [Geo-ecological conditions of the recreational nature use in the steppe landscapes of the Republic of Khakassia. Abstract of Geography Cand. Diss.]. Tomsk: TSU Publ., 2003. 23 p.
8. Siginevich G.P. (ed.) *Ozera Khakasii i ikh rybokhozyaystvennoe. znachenie* [Lakes of Khakassia and their fishery. value]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. Vol. XI, 205 p.
9. Mistryukov A.A. *Geomorfologicheskoe rayonirovanie Nazarovsko-Minusinskoy mezhgornoy vpadiny* [Geomorphological zoning of the Nazarovskoye-Minusinskaya intermountain basin]. Novosibirsk: OIGGM SB RAS Publ., 1991. 130 p.
10. Tanzybaev M.G. *Pochvy Khakasii* [Soils of Khakassia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993. 256 p.
11. State Geological Map of the Russian Federation, scale 1:200 000. Second Edition. Series Minusinskaya. Page N-46-XIII (Sorsk). 2002. (In Russian).
12. Parnachev S.V., Parnachev V.P. *Geologiya devonskikh otlozheniy Chebakovo-Balakhtinskoy vpadiny (Respublika Khakasiya). Putevoditel' geologicheskoy ekskursii 8–9 sentyabrya 2003 g.* [Geology of the Devonian sediments of the Chebakovo-Balakhtinskaya depression (Republic of Khakassia). Guide to the geological excursion of 8-9 September 2003]. Tomsk: TPU Publ., 2003. 36 p.
13. Luchitskiy I.V. *Vulkanizm i tektonika devonskikh vpadin Minusinskogo mezhgornogo progiba* [Volcanism and tectonics of the Devonian basins of the Minusinsk intermountain basin]. Moscow: USSR AS Publ., 1960. 275 p.
14. Anan'ev A.R., Parnachev V.P., Makarenko N.A. *Nekotorye voprosy geologicheskogo stroeniya i vozrasta devonskikh vulkanicheskikh obrazovaniy rayona ozer Matarak i Shunet (Severo-Minusinskaya vpadina)* [Some questions of the geological structure and the age of the Devonian volcanic formations in the area of lakes Matarak and Shunet (the North Minusinsk depression)]. In: Udodov V.P. (ed.) *Problemy kompleksnykh geologo-geograficheskikh issledovaniy devonskikh progibov Altaya* [Problems of complex geological and geographical studies of the Devonian troughs of the Altai]. Novokuznetsk, 1972, pp. 3-14.
15. Nepomnyashchiy V.V. (ed.) *Prirodnyy kompleks i bioraznoobrazie uchastka "Ozero Itkul'" zapovednika "Khakasskiy"* [The natural system and biodiversity of the "Lake Itkul" area of the "Khakassia" reserve]. Abakan: Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2010. 418 p.
16. Voytkevich G.V., Miroshnikov A.E., Povarennykh A.S. et al. *Kratkiy spravochnik po geokhimii* [Brief reference book on geochemistry]. Moscow: Nedra Publ., 1970. 280 p.
17. Polyakov G.V. (ed.) *Ekogeokhimiya Zapadnoy Sibiri. Tyazhelye metally i radionuklidy* [Ecogeochemistry of Western Siberia. Heavy metals and radionuclides]. Novosibirsk: OIGGM SB RAS Publ., 1996. 248 p.
18. Saet Yu.E. et al. *Geokhimiya okruzhayushchey sredy* [Environmental geochemistry]. Moscow: Nedra Publ., 1990. 335 p.
19. Shestakov Yu.G. *Matematicheskie metody v geologii* [Mathematical methods in geology]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ., 1988. 208 p.
20. State Geological Map of the Russian Federation, scale 1:200 000. Second Edition. Series Minusinskaya. Page N-46-XIII (Sorsk). Explanatory memorandum. St. Petersburg: St. Petersburg kartfabrika VSEGEI Publ., 2000. 151 p. (In Russian).
21. Yazikov E.G., Rikhvanov L.P. Organizatsiya geoekologicheskikh praktik v Khakasii [Organization of geoenvironmental practices in Khakassia]. *Obskoy vestnik*, 1999, no. 1-2, pp. 90-95.

Received: 07 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 201–208 DOI: 10.17223/15617793/386/34

УДК 552.5 (551.8)

О.В. Бетхер, И.В. Афонин, Д.А. Ивлев

ЛИТОФАЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРХНЕСЕНОМАНСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ГОРИЗОНТА ПК1–2 (ПОКУРСКАЯ СВИТА, ВАН-ЕГАНСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ, ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

На основании проведенного литофациального и петрографического анализа исследуемые отложения были разделены на три генетические группы фаций, уточнен минеральный состав и выявлены эпигенетические изменения пород. Рентгеноструктурный и термический анализы позволили уточнить состав глинистого цемента. Палеогеографические реконструкции показали, что формирование горизонта ПК1–2 происходило в прибрежно-морских условиях приустьевой зоны крупного речного потока, тем самым соответствуя эстуарному режиму седиментации.

Ключевые слова: литофациальный анализ; палеогеографические реконструкции; покурская свита; эстуарий.

Интерпретацией обстановок осадконакопления в пределах Варьеганского мегавала занимались многие исследователи: В.Х. Ахияров, А.А. Бакиров, В.С. Бочкарев, А.А. Булынникова, Т.И. Гурова, В.И. Ермаков, Ю.Н. Карогодин, А.Н. Кирсанов, А.Э. Конторович, А.А. Нежданов, С.Г. Саркисян, Г.Н. Александрова, Ф.И. Толмачев, В.А. Космыгин, А.В. Постников, С.Н. Карпов [1] и многие другие. Полученные ранее результаты свидетельствуют о том, что седиментация происходила в области эпиконтинентального морского бассейна в континентальных, прибрежно-морских и морских фациальных обстановках с различной гидродинамикой среды. Последние исследования, проведенные на данной площади Геологическим институтом РАН, подчеркивают преимущественно дельтовые обстановки формирования для ПК2 и сильно обводненные прибрежно-дельтовые обстановки для ПК1 [2]. Данная модель хорошо укладывается в рамки фациальных неоднородностей, подчеркивая резкую вертикальную и горизонтальную изменчивость осадков. Однако данные особенности изучаемых пород позволяют предположить и другие обстановки осадкообразования, предполагающие периодическую активность моря, на что указывают частые размывы. При этом наблюдается сохранение как новообразованных, так и реликтовых фациальных групп, которые отражают совокупную палеогеографическую характеристику предположительно морского бассейна.

Литофациальный анализ. Литофациальная диагностика верхнемеловых отложений Ван-Еганской площади основывается на результатах анализа вещественного состава и структурно-текстурных особенностей пород, слагающих разрезы скважин № 1002, 2010, 2050, 2031, 3618, горизонта ПК1–2 покурской свиты. Проведенные исследования позволяют объединить исследуемые литологические ассоциации в три генетические фациальные группы: речные, прибрежно-морские и мелководные [3, 4].

Речные фации объединяют в себя песчаные осадки русел рек и дельтовые отложения.

Песчаники русел характеризуются повышенной мощностью единичных псаммитовых прослоев до 18 м, но отличаются неясной слоистостью с уменьшением зернистости вверх по разрезу. Здесь более широко и отчетливо проявлены мелкая, косая, штриховатая, перекрестная и диагональная типы слоистости. Локальная неоднородность этих образований подчеркивается присутствием галек и линзочек алеврито-глинистого материала и субслоистыми включениями обугленного растительного детрита. В основании подобных слоев устанавливаются (скв. 1002 – инт. 993,28–994,42 м, скв. 3618 – инт. 1030,59–1035,6 м) признаки эрозионного размыва и включения гравия и гальки (рис. 1, *в*) [3, 4].

Дельтовые отложения вскрыты в скважинах № 1002 и 2031, отличаются максимальной неоднородностью и характеризуются чередованием градационно-слоистых слоев псаммитов мощностью от 7 до 12 м, с маломощными (до 30 см) алевритовыми и / или глинистыми прослоями. Как правило, эти песчаники обладают средней сортировкой материала с примесями внутриформационных конгломератов или интракластов аргиллитов, галек сидерита, фрагментов УРД. Текстурные особенности представлены тесной ассоциацией косой, плоско-параллельной, слабосрезанной и массивной слоистостями (рис. 1, *д*).

Прибрежно-морские фации представлены глинисто-алевритовыми осадками приливно-отливной зоны, отложениями приливных каналов, песчано-алевритовыми умеренно подвижного мелководья и песчаниками осадков аккумулятивных форм (баров, подводных валов, гряд) [3].

Отложения приливных каналов (скв. № 2031, 2010, 1002) характеризуются тем, что в нижней части интервалов устанавливаются прослои, обогащенные гравийным и галечным материалом. Основной объем этих разрезов слагается грубым переслаиванием песчаников (от 10 до 1 м), алевропесчаников и алевролитов (от 3 до 30 см). При этом мощность псаммитовых слоев в 1,5–2 раза превышает мощности более мелкозернистых разностей. Характерной особенностью песчаников является четко выраженная косая слоистость и слабая степень их сортированности. Алевролитовые и алевролито-глинистые образования несут признаки биотурбации [3, 4]. Практически во всех случаях установлено перекрытие данных образований алевролито-глинистыми осадками, что подчеркивает постепенное снижение гидродинамической активности среды (рис. 1, *з*).

Осадки приливно-отливной зоны (скв. № 2031, 2010, 1002) отличаются бимодальным ритмичным переслаиванием алевролитов и тонкозернистых песчаников с аргиллитами и алевролитами мощностью от

10 до 50 см. Для этих образований характерно преобладание линзовидно- и косослоистой текстур на фоне резкоподчиненного массивного, полого- и горизонтально-слоистого строения. В тонкозернистых разновидностях присутствуют диспергированная органика и признаки биотурбации (рис. 1, *к*).

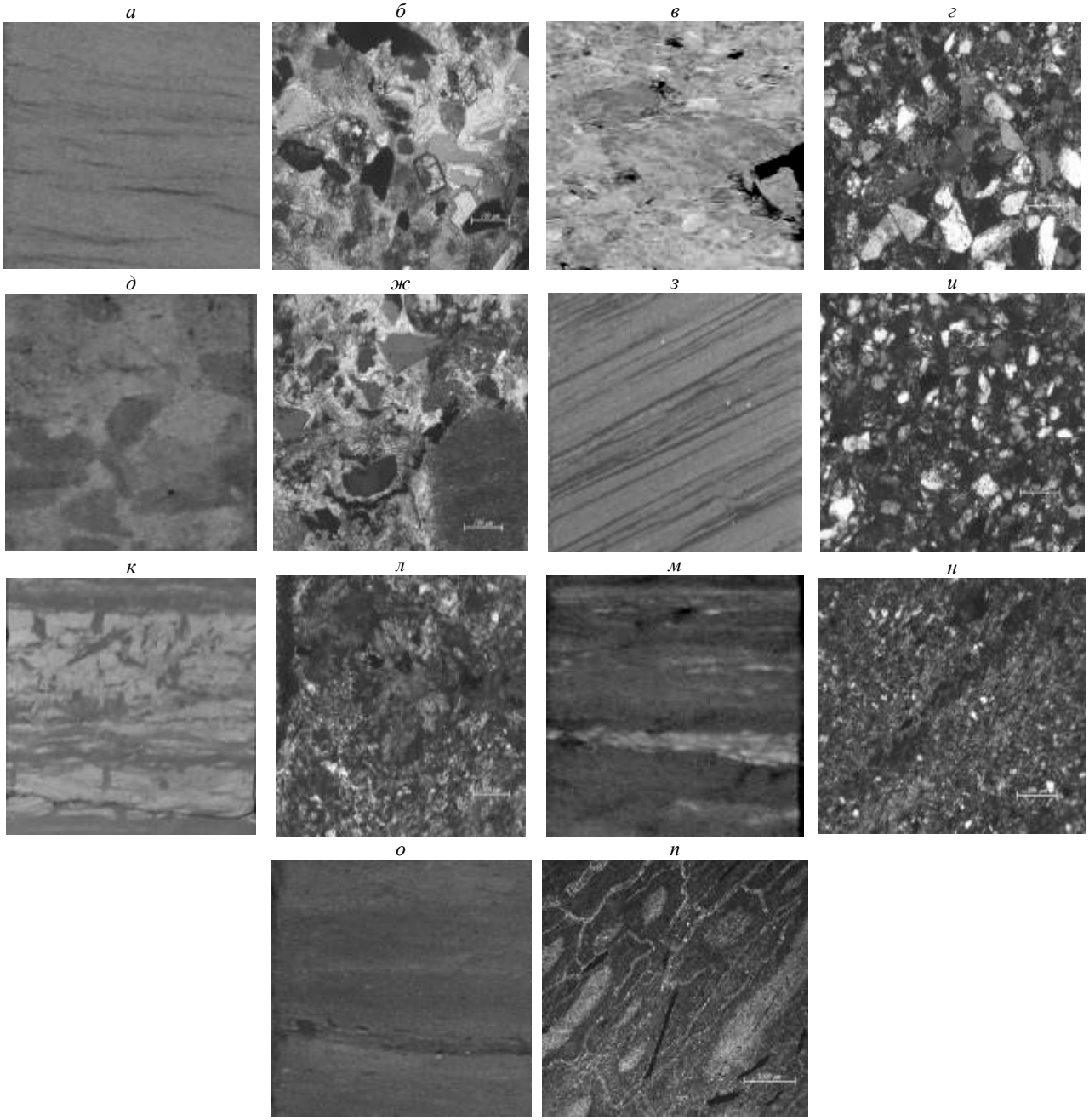


Рис. 1. Текстурные особенности и фотографии шлифов: *а* – пологоволнистые прослои глинистого материала в песчаниках аккумулятивных форм; *б* – послойная конденсация акцессорных минералов (обр. 28044, гл. 990 м); *в* – признаки эрозионного размыва в русловых песчаниках; *г* – кварцевый регенерационный цемент (обр. 27933, гл. 953 м); *д* – включения интракластов глин и сидеритовых галек в дельтовых отложениях; *ж* – кальцитовый пойкиллитовый коррозионный цемент (обр. 28083, гл. 1002 м); *з* – косая слоистость, обусловленная чередованием глинистого материала и разнозернистого песчаного фации приливных каналов; *и* – кварцевый и полевошпатовый регенерационные цементы (обр. 27966, гл. 1008 м); *к* – признаки биотурбации в фациях приливно-отливных зон; *л* – глинисто-сидеритовый цемент, участки активной перекристаллизации сидерита с образованием порфиробластовых зерен, розеток со сферолитовым строением (обр. 28027, гл. 955 м); *м* – фрагменты линзовидной слоистости малоподвижного мелководья; *н* – лепидобластовая структура (обр. 27960, гл. 1000 м); *о* – горизонтально-слоистое строение, обусловленное чередованием алевро-аргиллитового и мелкопесчаного материала; *п* – древовидная текстура, выполненная глинисто-карбонатным цементом (обр. 28087, гл. 1017 м)

Отложения фации умеренно подвижного мелководья характеризуются чередованием сопоставимых по мощности (от 1 до 5 см) алевритовых и песчаных слоев. Помимо литологической неоднородности устанавливается и текстурно-структурная вариативность, выраженная в циклической смене по разрезу пород с мелкой косой, штриховатой слоистостью с одной стороны, и пологоволнистой, флазерной слоистостью – с другой. Подобная дискретность подчеркивает изменчивость гидродинамической активности среды осадкообразования на фоне общей тенденции ее снижения [3].

Фация аккумулятивных форм (скв. № 2031, 2010, 1002) представлена мощными, от 1 до 5,3 м, относительно однородными песчаными слоями с редкими проявлениями штриховой текстуры, неотчетливой горизонтальной слоистостью маломощных пологоволнистых прослоев и нитевидно изогнутых включений (примазок) алеврито-глинистого материала. Фрагментарно здесь установлена косая слоистость с неотчетливыми границами серий и включения неокатанных обломков алеврито-глинистых пород (см. рис. 1, *а*).

Мелководно-морские фации включают в себя глинисто-алеврито-песчаные отложения малоподвижного мелководья и алевроаргиллитовые карбонатсодержащие осадки заливов и лагун [3].

Алеврито-песчано-глинистые отложения фации малоподвижного мелководья отличаются равномерным чередованием маломощных (от 1 до 5 см) прослоев мелко-тонкозернистых песчаников, алевропесчаников, алевролитов и аргиллитов. Для этих образований характерны параллельно-, линзовидно-слойчатые, пологоволнистые текстуры в различных комбинациях, крайне редко здесь устанавливаются признаки оползневых текстур. В отдельных линзовидных слойках мелкозернистых песчаников наблюдается тонкая косослойчатая постепенно выполаживающаяся текстура. В ряде случаев в указанных разрезах устанавливаются локальные прослои, мощностью до 1 см, скрытокристаллических сидеритов (см. рис. 1, *м*).

Ассоциация алевро-аргиллитовых карбонатсодержащих осадков фаций лагун и заливов отличается тонкозернистым составом слагающих ее пород с локальными проявлениями (мощностью от 3 см до 1 м) средне-мелкопесчаных и крупноалевритовых слоев. Алевритовые разности отличаются горизонтально-слоистым строением, присутствием железистых стяжений пирита и сидерита. Псаммитовые образования характеризуются средней или хорошей сортировкой, горизонтальной и волнистой слоистостью. Карбонатные породы, как правило, массивные и состоят из кальцита и / или сидерита, часто в них устанавливаются органические останки (см. рис. 1, *о*) [4].

На долю речных фаций приходится около 10% суммарного разреза покурской свиты, объем мелководных осадков составляет 64%, а прибрежно-морских – 26%. Подобный характер распределения фациальных групп предполагает формирование изученных отложений на границе море – суша в приустьевой зоне крупного водотока.

Литология основных петрографических типов осадков. Приведенная выше литофациальная характеристика указывает, что изученный разрез слагается песчаниками, алевропесчаниками, алевролитами и алевроаргиллитами, аргиллитами и карбонатолитами, сформированными в различных палеогеографических условиях.

Песчаники установлены во всех фациальных группах и представлены тонко-мелкозернистыми и мелкозернистыми разновидностями. При этом размерность обломков увеличивается в ряду речных к мелководным и далее к прибрежно-морским фациям, отражая степень их сортированности. Вещественный состав обломков также обнаруживает фациальные зависимости. Так, псаммиты русел, дельт, аккамулятивных форм, заливов и лагун соответствуют аркозам, а песчаники приливных каналов, приливно-отливных и мелководных зон смещаются в грауваковую область, подчеркивая полигенность их петрофонда.

Терригенный материал исследуемых пород качественно идентичен и представлен кварцем (45–75%), калиевым полевым шпатом и плагиоклазом (15–35%) и обломками пород (5–25%), отмечаются пластинки мусковита, хлоритизированного биотита и растительного детрита. При этом количественная роль кварца резко возрастает в зонах приливов и малоподвижного мелководья, указывая на максимальную зрелость слагающих их псаммитов. Полевые шпаты в исследуемых породах обнаруживают различную степень замещения серицитом и пелитом до полных псевдоморфоз в песчаниках морского мелководья, подчеркивая их максимально длительное взаимодействие с морской водой. Состав обломков пород во всех изученных образцах не отличается вариативностью и представлен силицитами, средними и кислыми метавулканитами, кремнисто-слюдистыми сланцами, кварцитами и гранитоидами, единичные находки алевролитов в песчаниках фаций приливных каналов могут отражать их рециклическую природу. Определенная закономерность устанавливается и в распределении растительного детрита, количество которого снижается в ряду русловых → лагунных → дельтовых → прибрежно-морских фаций вплоть до полного исчезновения в псаммитах морского мелководья.

Аутигенные минералы представлены кальцитом, гидрослюдами, глинистыми минералами, пиритом, сидеритом, гетитом, фосфатами и глауконитом. При этом если кальцит, гидрослюды, пелиты и пирит встречаются повсеместно, то гетит характерен для русловых песчаников, сидерит – для прибрежно-морских и мелководно-морских зон, фосфаты установлены в отложениях лагун и малоподвижного мелководья. Единичные находки глауконита выявлены в песчаниках дельт и аккумулятивных форм.

Акцессорные минералы представлены, главным образом, магнетитом, рутилом, цирконом, в ряде образцов (№ 28026, 28044 – скв. 2010; № 28064 – скв. 3618 и др.) на границах фаций аккумулятивных форм и малоподвижного мелководья отмечается послойная конденсация акцессорных минералов, указывающая на кратковременный перерыв в осадконакоплении и перемыв осадка (рис. 1, *б*).

Внутреннее строение изученных псаммитов, помимо зернистости, определяется характером межзерновых контактов и структурными типами цементов. При этом в русловых и дельтовых песчаниках преобладают точечные и плоскостные контакты, в прибрежно-морских и мелководных фациях превалируют плоскостные и конформные границы. Обломки цементируются кальцитовым, карбонатно-глинистым и кальцит-сидеритовым агрегатом (рис. 1, *о*). Глинисто-карбонатный цемент отличает песчаники русел, приливно-отливных зон, заливов и лагун, он характеризуется поровой и базальной структурами. Кальцит-сидеритовый цемент установлен в псаммитах малопо-

движного мелководья и выделяется по пойкилитовому кристаллически-зернистому облику и интенсивной коррозии обломков. В песчаниках остальных фациальных групп преобладает базальный до пойкилитового и коррозионный кальцитовый цемент (рис. 1, *ж*).

Алевролиты также были выявлены во всех литофациальных группах, но ввиду их слабой литификации провести их литолого-петрографическую характеристику удалось лишь в мелководных и прибрежноморских осадках. Степень сортированности алевролитов изменяется от крайне слабой в осадках приливных каналов к слабой в отложениях лагун и приливно-отливных зон и до средней в участках подвижного мелководья.

По составу обломков изученные породы соответствуют полевошпато-кварцевым, реже – аркозовым разновидностям с содержаниями кварца (60–80%), полевого шпата (10–35%) и незначительной долей обломков пород (5–15%), кроме того, среди терригенных компонентов устанавливаются пластинки мусковита, псевдоморфозы хлорита по биотиту и мелкие до 0,015 мм чешуйки растительного детрита. Обломочный материал представлен угловатыми осколками с размером 0,01–0,05 мм, иногда в матрице появляются каркасные зерна до 0,3 мм. Контакты обломков преимущественно конформные и / или изолированные, реже встречаются плоскостные и инкорпорационные. Полевые шпаты, вне зависимости от фациальных условий, характеризуются умеренной степенью замещения пелитом и реже серицитом. Среди надежно диагностируемых обломков преобладают кремнистые породы и кислые эффузивы. Акцессорные минералы представлены, главным образом, магнетитом, рутилом и цирконом.

Аутигенные минералы представлены кальцитом, гидрослюдами, хлоритом, глинистыми минералами и сидеритом. Кроме того, в алевролитах приливных каналов, малоподвижного мелководья и лагун устанавливаются микроконкреции пирита в осадках малоподвижного мелководья обнаруживаются единичные включения фосфатизированной органики и фосфатизация растительного детрита.

Цемент изученных пород слагает более 30% их объема и характеризуется глинисто-кальцитовым и кальцит-глинистым составом, при этом цементирующая масса образует контурно-поровую, переходящую в базальную, структуру. Кроме того, в алевролитах приливных каналах устанавливаются проявления пленочного гидрослюдистого, а в породах подвижного мелководья – конформного регенерационного кварцевого цемента (рис. 1, *г*). Отличительной чертой осадков малоподвижного мелководья и лагун является наложенная сидеритизация исходного цемента, которая способствует коррозии и замещению обломков (рис. 1, *л*).

Аргиллиты и алевроаргиллиты изученных разрезов характеризуются минимальной степенью литификации, в этой связи их петрографическое описание приводится только для мелководных фаций. Характеристика мелко-тонкозернистых осадков остальных фациальных групп базируется на результатах рентгеноструктурного и термического анализа. Изученные аргиллиты представлены глинистыми, глинисто-гидрослюдистыми и карбонатно-глинисто-гидрослюдистыми разновидностями со слойчатыми и линзовидно-слойчатыми текстурами и лепидобластовыми структурами (рис. 1, *н*).

Терригенный материал, слагающий от 30 до 60% объема пород, представлен кварцем (60–65%), калиевым полевым шпатом и плагиоклазом (до 30%), обломками пород (менее 10%), хлоритизированными и сидеритизированными слюдами и растительным детритом, размер которого иногда достигает 0,3 мм по удлинению. Зерна кварца размером от сотых до 0,13 мм, как правило, угловаты, полуокатанны и плохо сортированы. Полевые шпаты и обломки пород сильно корродированы и замещены пелитовым веществом и материалом цемента. Крайне слабо выраженные рефлексы калиевого полевого шпата и плагиоклаза на рентгенограммах подчеркивают его практически полное разложение в глинистых осадках. Примерно равные соотношения терригенного материала и цемента определяют его базальную и базально-поровую структуру.

На основании результатов рентгеноструктурного и термического анализов [5, 6] по составу глинистой составляющей цемента аргиллиты и алевроаргиллиты разделяются на четыре группы:

1. Хлорит-каолинит-гидрослюдистая.
2. Иллит-каолинит-хлорит-монтмориллонитовая.
3. Каолинит-монтмориллонитовая.
4. Иллит-каолинит-хлорит-монтмориллонит-карбонатная.

Каолинит-монтмориллонитовая ассоциация характерна для наиболее тонкозернистых разновидностей фаций аккумулятивных форм, при этом проявление монтмориллонита подчеркивает их образование в морских условиях, а отсутствие иллита и гидрослюд отражает гидролизатную природу каолинита и подчеркивает наличие перерывов в осадконакоплении.

Хлорит-каолинит-гидрослюдистая ассоциация установлена в аргиллитах фаций подвижного мелководья, что подчеркивает опресненный режим их формирования. Для фаций приливно-отливных зон и приливных каналов устанавливается хлорит-каолинит-гидрослюдистый и иллит-каолинит-хлорит-монтмориллонитовый состав глинистых пород, который отражает перемежаемость морских и континентальных условий их образования.

Аргиллиты фаций малоподвижного мелководья, заливов и лагун представлены иллит-каолинит-хлорит-монтмориллонитовыми и иллит-каолинит-хлорит-монтмориллонит-карбонатными разностями, фиксируя сугубо морской режим седиментации. При этом сидериты образуют тонкозернистые ориентированные скопления прямоугольных, овальных сгустков в тесной ассоциации с пиритом, что подчеркивает его седиментогенную природу. В то же время пойкиллитовая структура кальцита и его реакционные взаимоотношения с глинистым цементом и обломочной составляющей фиксируют эпигенетический характер этого минерала.

Палеогеографические реконструкции. По результатам проведенного литофациального анализа были

отстроены фациальные разрезы, после чего по каждой отдельной скважине для исследуемого горизонта ПК1–2 был произведен подсчет мощностей отложений, слагающих выделенные фациальные группы. Анализируя полученные данные, можно заключить, что превалирующим режимом осадкообразования на изучаемой территории был мелководно-морской, что в свою очередь подтверждается микрофаунистическими и палинологическими исследованиями [2, 7]. В то же время в изученных разрезах устанавливается латеральная и вертикальная дискретность распределения конкретных фаций и фациальных групп, что может способствовать реконструкции палеогеографических условий формирования верхнесеноманских отложений. С этой целью рассмотрим более подробно фациальные сочетания и их пространственно-временную эволюцию разреза.

Так, в пределах нижнего пласта (Saccammina micra, соответсвует ПК2) фиксируется двучленное строение, обусловленное последовательной сменой в разрезах скважин отложений различных фациальных групп. В пачке основания разреза устанавливаются отложения речных, прибрежно-морских, заливных фаций и фаций малоподвижного мелководья. Речные осадки концентрируются в юго-восточной части структуры, где в разрезах скважин № 1002 и 2031 достигают максимальной мощности (соответственно 14,3 и 15,7 м). При этом в скважине № 2031 вверх по разрезу устанавливается смена русловых отложений дельтовыми, в то время как скважиной № 1002 вскрываются исключительно русловые осадки. Это позволяет реконструировать юго-западное направление речного потока с раскрытием дельтового веера в западных и северных румбах. Прибрежно-морские фации вскрыты скважиной № 2010, где устанавливается чередование отложений аккумулятивных форм и приливно-отливных зон с мощными (до 7 м) прослоями песчано-алевритовых осадков малоподвижного мелководья. Это, с одной стороны, определяет положение и северо-западную ориентировку береговой линии, а с другой – подчеркивает положение скважины на западном борту мощной песчаной косы, четко выраженной в палеорельефе. Осадки заливных фаций слагают непрерывный фрагмент (20 м) в основании верхнего сеномана, вскрытого скважиной № 3618. Алеврито-глинистые породы фации малоподвижного мелководья, характеризующие разрез скважины № 2050, предполагают их образование в условиях ближнего шельфа, незначительные по мощности (до 1 м) песчаные прослои аккумулятивных форм, подчеркивают север-северо-западное направление развитие палеокосы, разделяющей русловой поток и залив (рис. 2, *а*).

Верхняя пачка пласта (Saccammina micra) в пределах Ван-Еганского месторождения характеризуется полным исчезновением речных отложений, которые сменяются осадками заливов, что предполагает смену дельтового режима седиментации эстуарным с развитием лимана в приустьевой зоне (скв. № 1002, 2031). При этом в скважине № 2031 осадки заливов, вверх по разрезу, последовательно сменяются образованиями алеврито-глинистых, алеврито-песчаных фаций малоподвижного мелководья и далее песчаниками и алевролитами приливно-отливных зон и приливных каналов. Аналогичная тенденция устанавливается и для скважины № 3618, что подчеркивает положение береговой линии. Фациальные разрезы, вскрытые скважинами № 2050 и 2010, в целом идентичны нижележащей пачке, отражая режим ближнего шельфа и склона палеокосы соответственно. В последнем случае устанавливается резкое преобладание песчаных фаций аккумулятивных форм и приливно-отливных зон, что указывает на расширение палеокосы в западном направлении (рис. 2, *б*).

Горизонт Gaudryinopsis nanushukensis elongatus, согласно микрофаунистическим данным, соответствует максимуму трансгрессии, которая привела к формированию глинистой перемычки между пластами ПК1 и ПК2. На момент формирования данных пород по всей площади были развиты исключительно мелководно-морские обстановки осадконакопления, представленные карбонатными, алеврито-глинистыми, алеврито-глинисто-карбонатными и песчаными осадками фаций малоподвижного мелководья и заливов (скважины № 3618, 1002).

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что формирование перемычки происходило на фоне расширения лиманной зоны в южной части площади и появления небольшого залива на востоке, что отражает эстуарный режим [8] седиментации (рис. 2, *в*).

Формирование осадков горизонта Trochammina wetteri tumida (соответствует ПК1) происходит на фоне усиления гидродинамического режима за счет активизации речного потока и приливно-отливной деятельности. При этом устанавливается смещение руслового потока из западной части в восточную, что фиксируется наличием исключительно речных осадков в разрезе скважины № 3618. Подобные вариации изменения позиции речного потока могут быть обусловлены влиянием сил Кориолиса. Другой палеогеографической особенностью формирования данного пласта является стабильное положение ближнего шельфа в северной части структуры, которое фиксируется чередованием алеврито-глинистых и песчано-алеврито-глинистых осадков фации малоподвижного мелководья в разрезе скважины № 2050. Максимальная фациальная изменчивость горизонта Trochammina wetteri tumida фиксируется в западной части структуры, при этом последовательное изменение осадков различных фациальных групп в разрезах скважин № 1002, 2010 и 2031 позволяет определить трехчленное строение данного пласта (рис. 2, *г*).

Так, в основании разреза горизонта Trochammina wetteri tumida положение береговой линии фиксируется по чередованию отложений приливно-отливной зоны и малоподвижного мелководья в скважинах № 1002 и № 2031. Наличие в разрезе скважины № 1002 маломощных песчаников аккумулятивных форм подчеркивает максимальную гидродинамическую активность прибрежного морского бассейна в южной части структуры. Преимущественно алеврито-глинистые осадки малоподвижного мелководья, вскрытые скважиной № 2010, позволяют рассматривать центральную зону структуры как реликт лагунно-эстуарного бассейна (рис. 2, *д*).

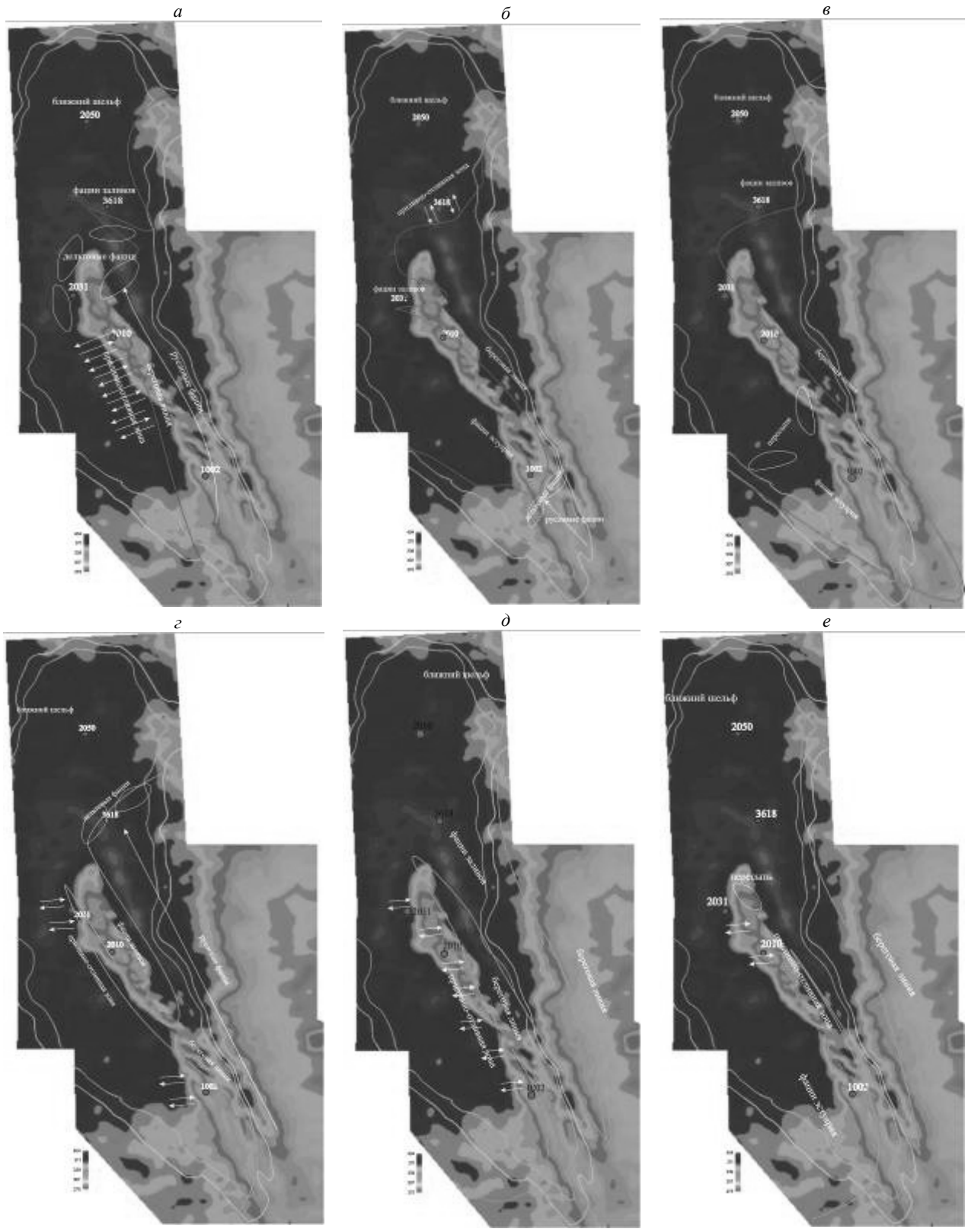


Рис. 2. Палеогеографические реконструкции горизонта ПК 1–2: *а, б* – горизонт Saccammina micra (ПК2); *в* – горизонт Gaudryinopsis nanushukensis elongatus (перемычка между ПК1 и ПК2); *г–е* – горизонт Trochammina wetteri tumida (ПК1)

В средней части разреза фиксируется смещение береговой линии в юго-восточном направлении, что находит свое подтверждение в смене алеврито-глинистых эстуарных осадков основания разреза скважины № 2010 чередованием приливно-отливных отложений и песчано-алеврито-глинистых фаций малоподвижного мелководья. На северном направлении (скважина № 2031) устанавливается чередование песчаных отложений приливно-отливных зон и аккумулятивных форм, подчеркивая развитие вдольберегового бара, а в южной части (скважина № 1002) чередование осадков приливных каналов и

малоподвижного мелководья также указывают на удаление береговой линии (рис. 2, *е*).

Трансгрессивный характер осадконакопления характерен и для верхней части пласта. Наиболее наглядно это выражается на юге структуры в разрезе скважины № 1002, который представлен преимущественно алеврито-глинистыми и песчано-алеврито-глинистыми отложениями малоподвижного мелководья, сопоставимыми с морскими осадками ближнего шельфа в разрезе скважины № 2050. Чередование осадков фаций приливных каналов, приливно-отливной зоны и малоподвижного мелководья в центральной части площади (скважина № 2010) также характеризует их более отдаленное от береговой линии накопление, по сравнению с нижележащими отложениями. Мощные песчано-алевролитовые слои приливных каналов (14 м) вскрыты скважиной № 2031, подчеркивают направление активизации морских течений, размывающих аккумулятивные формы (рис. 2, *ж*).

Таким образом, проведенные палеогеографические реконструкции накопления верхнесеноманских осадков в пределах Ван-Еганского месторождения подчеркивают их прибрежно-морское происхождение, отражающее трансгрессивный режим седиментации на фоне изменения гидродинамической активности в системе «река – море». При этом формирование отложений нижнего (Saccammina micra) горизонта осуществлялось в режиме снижения гидродинамики реки и завершилось становлением лиманного бассейна и развитием глинистой перемычки (горизонт Gaudryinopsis nanushukensis elongatus). Накопление осадков верхнего (Trochammina wetteri tumida) горизонта происходило в условиях активизации прибрежно-морских течений, при этом береговая линия постепенно смещалась в юго-западном направлении, что отражает наступление бореальной северной трансгресии, пик которой фиксируется в туроне формированием кузнецовской свиты. Подобная вариативность формирования осадков отражает развитие эстуарного бассейна [8] на фоне смещения осевой зоны русла в восточном направлении.

Обобщая комплекс проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Текстурно-структурные реконструкции фациального режима осадконакопления верхнесеноманских осадков в пределах Ван-Еганской структуры позволило выделить три группы фаций, отвечающих речным (русловым, дельтовым), прибрежно-морским (приливно-отливным зонам, приливным каналам, аккумулятивным формам) и мелководно-морским (малоподвижного мелководья, заливов и лагун (лиман)) условиям. Это позволяет предполагать, что формирование изученного разреза происходило в прибрежно-морских условиях приустьевой зоны крупного речного потока.

2. Литологические особенности и минеральный состав изученных осадков подчеркивают значительную вариативность терригенной составляющей и сортированности песчаников, что отражает латеральную и вертикальную изменчивость гидродинамической активности бассейна седиментации. Контрастный состав аутигенных парагенезисов, выраженный в развитии каолинит-монтморилонитового, хлорит-каолинит-гидрослюдистого, карбонатно-глинистого цементов, а также рассеянных проявлений сидеритовой, сульфидной и фосфатной минерализации, указывает на конвергентность признаков континентальной и морской седиментации, подчеркивая переменную активность в системе «река – море».

3. Анализ латерального и вертикального распределения осадков, сформированных в различных фациальных условиях, показал, что накопление верхнесеноманского разреза в пределах Ван-Еганской структуры отражает развитие эстуарного бассейна на фоне общей трансгрессии. При этом выделенные стратиграфические горизонты фиксируют основные этапы эволюции эстуария. Так, накопление осадков нижнего слоя (Saccammina micra) определяет его заложение в южной части площади и происходит на фоне подавления гидродинамической активности реки морскими потоками. Глинистая перемычка горизонта (Gaudryinopsis nanushukensis elongatus) формировалась непосредственно в эстуарном режиме. Верхний горизонт (Trochammina wetteri tumida) характеризуется активной динамикой морского потока, фиксируя прибрежно-морские условия седиментации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Космыгин В.А.* Циклостратиграфический анализ и литофациальное моделирование нефтегазоносных отложений покурской свиты южной части Варьеганского мегавала : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. М., 2011. 25 с.
2. *Александрова Г.Н., Космынин В.А., Постников А.В.* Стратиграфия и условия седиментации меловых отложений южной части Варьеганского мегавала (Западная Сибирь) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18, № 4. С. 65–91.
3. *Алексеев В.П.* Литолого-фациальный анализ : учеб.-метод. пособие к практическим занятиям и самостоятельной работе по дисциплине «Литология». Екатеринбург : Изд-во УГГГА, 2002. 147 с.
4. *Фролов В.Т.* Литология. М., 1992. 352 с.
5. *Михеев В.И.* Рентгенометрический определитель минералов. М. : Госгеолтехиздат, 1957. 868 с.
6. *Термический* анализ минералов и горных пород / под ред. В.П. Иванова. Л., 1974. 399 с.
7. *Подобина В.М.* Новые сведения по фораминиферам и биостратиграфии верхнего сеномана северного района // Вестник Томского государственного университета. 2012. Т. 361, № 6. С. 182–187.
8. *Dalrymple R.W.* Incised valleys in time and space: an introduction to the volume and an examination of the controls on vally formation and filling // Incised Valleys in Time and Space. Society of Economic Paleontologists and Mineralogists Special Publication / ed. by R.W. Dalrymple, D.A. Leckie, R.W. Tillman. Tulsa, USA, 2006. Vol. 85. P. 5–12.

Статья представлена научной редакцией «Нкауки о Земле» 1 июля 2014 г.

LITHOFACIAL ANALYSIS AND PALEOGEOGRAPHIC RECONSTRUCTION OF UPPER CENOMANIAN DEPOSITS OF HORIZON PC 1-2 (POKURSKAYA SUITE, VAN-YOGAN FIELD, WESTERN SIBERIA)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 201-208 DOI: 10.17223/15617793/386/34

Betkher Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oolit@mail.ru
Afonin Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: heaven05@list.ru
Ivlev Dmitriy A. Taas-Yuryakh NGD (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: heaven05@list.ru

Keywords: lithofacies analysis; paleogeographic reconstruction; Pokurskaya suite; estuary.

This work is devoted to the reconstruction of the sedimentary environment of the Upper Cenomanian deposits of the Pokurskaya suite from the Van-Yogan deposit. The main diagnostic instuments were the lithofacies, petrographic, thermal and X-ray diffraction analyses. Using the structural-textural reconstruction of the facial mode of sedimentation of the upper Cenomanian sediments within the Van-Yogan deposit allowed to distinguish three groups of facies corresponding to river (channel, deltaic), coastal-marine (tidal zones, tidal channels, accumulative forms) and shallow-marine (slow-moving shallow water, bays and lagoons (limans)) conditions. This suggests that the formation of the studied section occurred in the coastal-marine environment of the wellhead area of a large river flow. The lithological features and mineral composition of the studied sediments emphasize the substantial variability of the terrigenous component and sorting sandstones, reflecting the lateral and vertical variability of the hydrodynamic activity of the sedimentation basin. The contrasting composition of authigenic assemblages expressed in the development of kaolinite-montmorillonite, chlorite-kaolinite-hydromicaceous, carbonate-clayed cements and scattered occurences of sideritic, sulphide and phosphate mineralization indicates the convergence of the features of continental and marine sedimentation. It emphasizes the variable activity of the river-sea system. The analysis of the lateral and vertical distribution of sediments which formed in various facies conditions showed that the accumulation of the Upper Cenomanian sediments within the Van-Yogan deposit reflects the development of the estuarine basin against transgression. In this case the selected stratigraphic horizons record the main phases of the evolution of the estuary. So the accumulation of the sediments of the lower layer (Saccammina micra) determines its inception in the southern part of the area and occurs against the compression of the hydrodynamic activity of the river by streams. The clay bridge of the horizon (Gaudryinopsis nanushukensis elongatus) was formed directly in the estuarine mode. The upper horizon (Trochammina wetteri tumida) is characterized by the active dynamics of the marine flow, which fixes the coastal marine deposit environment.

REFERENCES

1. Kosmygin V.A. *Tsiklostratigraficheskiy analiz i litofatsial'noe modelirovanie neftegazonosnykh otlozheniy pokurskoy svity yuzhnoy chasti Var'eganskogo megavala*. Avtoref. dis. kand. geol.-mineral. nauk [Cyclostratigraphic analysis and lithofacies modeling of oil and gas deposits of the Pokurskaya suite of the southern Variegan megaswell. Abstract of Geology and Mineralogy Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 25 p.
2. Aleksandrova G.N., Kosmynin V.A., Postnikov A.V. Stratigrafiya i usloviya sedimentatsii melovykh otlozheniy yuzhnoy chasti Var'eganskogo megavala (Zapadnaya Sibir') [Stratigraphy and depositional environment of the Cretaceous deposits of the southern Variegan megaswell (Western Siberia)]. *Stratigrafiya. Geologicheskaya korrelyatsiya,* 2010, vol. 18, no. 4, pp. 65-91.
3. Alekseev V.P. *Litologo-fatsial'nyy analiz* [Lithofacies analysis]. Ekaterinburg: UGGGA Publ., 2002. 147 p.
4. Frolov V.T. *Litologiya* [Lithology]. Moscow: MSU Publ., 1992. 352 p.
5. Mikheev V.I. *Rentgenometricheskiy opredelitel' mineralov* [Radiometric determinant of minerals]. Moscow: Gosgeoltekhizdat Publ., 1957. 868 p.
6. Ivanov V.P. (ed.) *Termicheskiy analiz mineralov i gornykh porod* [Thermal analysis of minerals and rocks]. Leningrad: Nedra Publ., 1974. 399 p.
7. Podobina V.M. New data on Upper Cenomanian foraminifers and biostratigraphy of northern district of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 361, pp. 182-187. (In Russian).
8. Dalrymple R.W. *Incised valleys in time and space: an introduction to the volume and an examination of the controls on valley formation and filling*. In: Dalrymple R.W., Leckie D.A., Tillman R.W. (eds.) *Incised Valleys in Time and Space. Society of Economic Paleontologists and Mineralogists Special Publication.* Tulsa, USA, 2006. Vol. 85, pp. 5-12.

Received: 01 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 209–213 DOI: 10.17223/15617793/386/35

УДК 551.3:551.7:553.9:552.5

А.А. Горбатов

УТОЧНЕНИЕ ФАЦИАЛЬНОГО РАСЧЛЕНЕНИЯ И МЕЖСКВАЖИННОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ОТЛОЖЕНИЙ ПЛАСТА $АС_{12}$ ПРИОБСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Представлены результаты литолого-петрографических исследований нижнемеловых отложений юго-западной части Сургутского свода. Седиментологический анализ керна был выполнен для 44 скважин Приобского месторождения. В результате детального литолого-фациального изучения разрезов скважин для них определены общие обстановки формирования. По результатам интерпретации данных анализа минерального и гранулометрического состава произведено фациальное расчленение и межскважинная корреляция отложений пласта $АС_{12}$.

На основе текстурно-структурных особенностей для песчаников и аргиллитов введены несколько литофаций, характеризующих различия внутри одной обстановки осадконакопления.

Ключевые слова: Сургутский свод; Приобское месторождение; фация; литофация; гранулометрический состав.

Изучение нижнемеловых отложений юго-западной части Сургутского свода является актуальным из-за сложности геологического строения этого района. Несмотря на то что его геология активно изучалась с 1960-х гг. прошлого века, расчленение и корреляция отложений нижнего мела остается не до конца решенной проблемой из-за большого количества немых и некоррелируемых толщ. Решение задач расчленения и корреляции таких объектов требует комплексирования различных методов, используемых в изучении пластов осадочных горных пород. Цель исследования – детальное расчленение разрезов скважин и построение схемы корреляции. Объектом исследования являются отложения неокомского нефтегазоносного комплекса, в частности пласт $АС_{12}$, вскрытый эксплуатационными скважинами 4312, 4461, 4275 Приобского месторождения (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область).

Основной обстановкой осадконакопления для большинства отложений, вскрытых скважинами, является глубоководно-морская (рис. 1), представленная ассоциацией фаций канала турбидитового потока, прирусловых валов турбидитовых потоков, межруслового пространства глубоководного склона [1, 4, 5]. Все имеющиеся пласты, сложенные в данной обстановке осадконакопления: $АС_{10}^{1–3}$, $АС_{11}^{0}$, $АС_{11}^{1}$, $АС_{12}^{0}$, $АС_{12}^{1}$, $АС_{12}^{2}$, $АС_{12}^{3}$, $АС_{12}^{3–5}$.

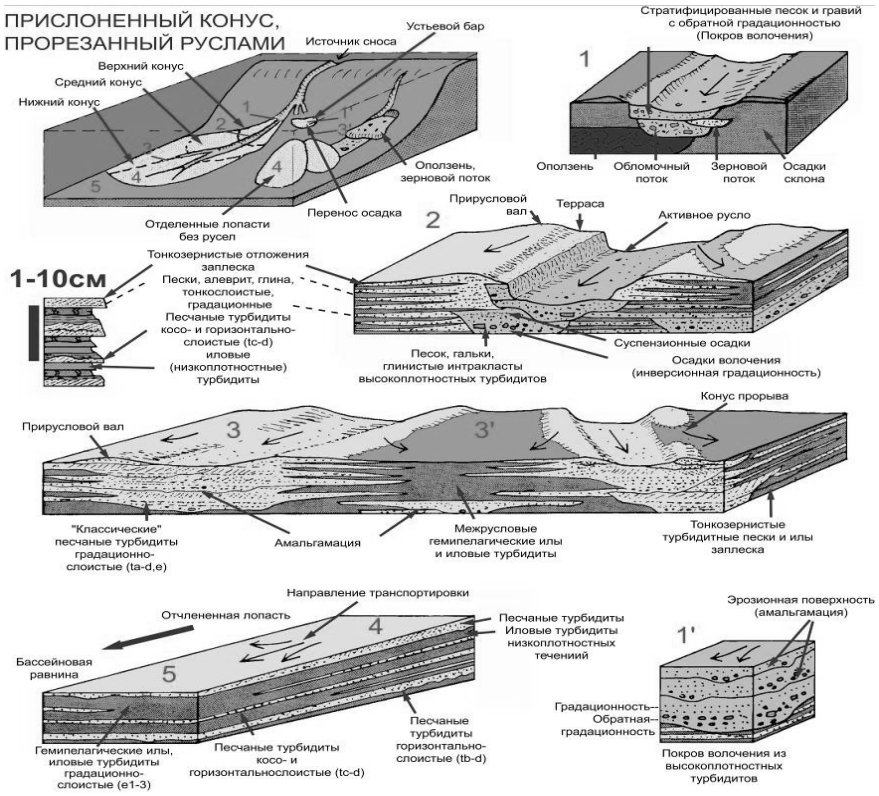
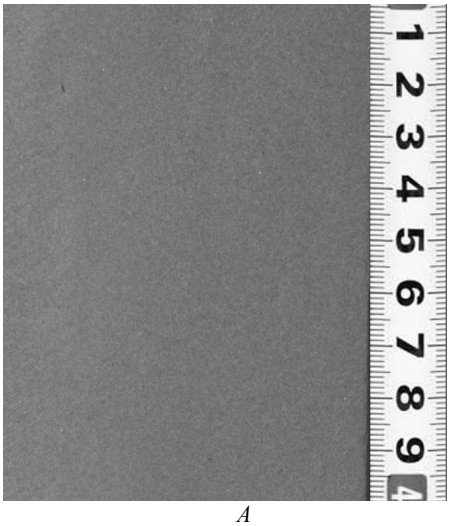


Рис. 1. Концептуальная схема и типичные разрезы турбидитового конуса – пласты группы АС (Einsele, 2000, с изменениями Е.Ю. Барабошкина)

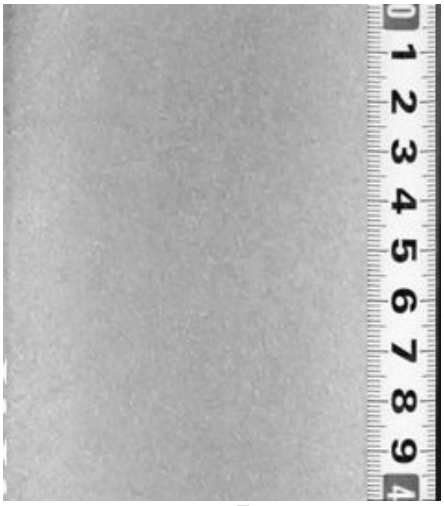
Каналы турбидитовых потоков сложены мелко- и тонко-мелкозернистыми песчаниками с однородной косослойчатой текстурой. Осаждение песчаного материала происходило из высокоплотностных мутьевых потоков. Песчаники каналов турбидитовых потоков являются лучшими коллекторами для фаций

глубоководного склона (рис. 2). Карбонатность, наблюдаемая в песчаниках, вторичная, так как различий в текстурном отношении с песчаниками не отмечается.

Прирусловые валы турбидитовых потоков сложены переслаиваниями песчаника тонкозернистого с однородной текстурой и аргиллита с горизонтальной слойчатостью, алевролитами с субгоризонтальной слойчатостью. Осадки прирусловых валов формируются в периоды, когда мутьевые течения выходят за пределы канала турбидитового потока на межрусловое пространство глубоководного склона, теряют скорость и отлагают влекомый ими песчаный материал на узкой полосе вдоль канала.



А



Б

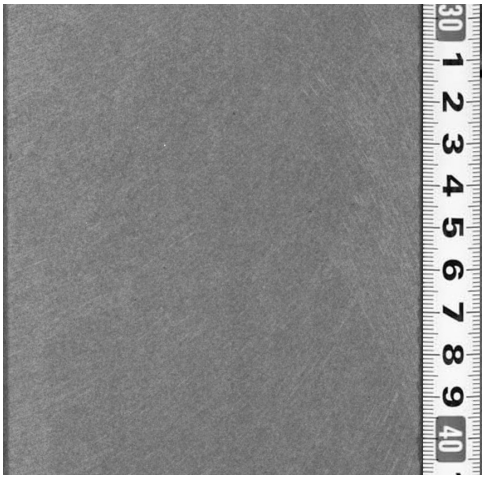
Рис. 2. Песчаник тонко-мелкозернистый с однородной текстурой. Фация канала турбидитового потока. Песчаники нефтенасыщенные. Пласт $АС_{12}^{3}$. Скв. 5941 к. 349. Гл. 2639,6 м. *А* – фото в дневном свете; *Б* – фото в УФ свете

Межрусловое пространство характеризуется осадками, сформированными в спокойных условиях на глубоководных частях склона. Они сложены аргиллитами с горизонтальной слойчатостью, прослоями алевролитов и единичными прослоями песчаника тонкозернистого.

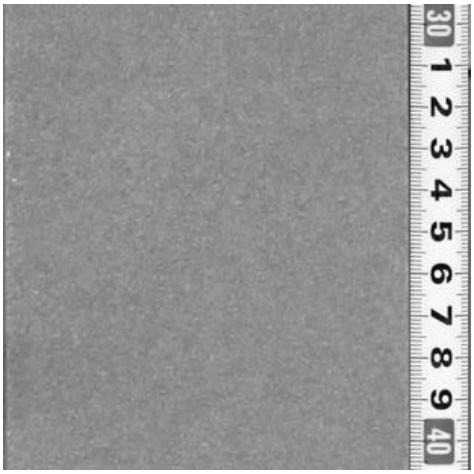
На основе текстурно-структурных особенностей для песчаника и переслаивания песчаника с аргиллитом, характеризующих различную интенсивность осадконакопления, выделены несколько литофаций. Для детализации использованы результаты литолого-петрографического анализа пород в шлифах и гранулометрического анализа, полученные на лазерном анализаторе крупности частиц.

Песчаник мелко-тонкозернистый (А1) светло-серый с буроватым оттенком крепкий с косой слойчатостью, иногда прослеживаются текстуры взмучивания. Участками отмечается горизонтальная слойчатость, подчеркнутая тонкими глинистыми прослоями [1, 2].

Песчаник карбонатный тонкозернистый (А2) светло-серый крепко сцементированный однородный (рис. 3).



А



Б

Рис. 3. Песчаник тонко-мелкозернистый карбонатный с однородной текстурой. Фация канала турбидитового потока. Пласт $АС_{12}^{1}$. Скв. 6508 к. 258. Гл. 2700,3 м. *А* – фото в дневном свете; *Б* – фото в УФ свете

Песчаник тонкозернистый (А3) светло-серый с буроватым оттенком крепко сцементированный с косой слойчатостью, подчеркнутой глинистыми и намывами УРД. По слою отмечается слабое и среднее нефтенасыщение.

Переслаивание: песчаника тонкозернистого, аргиллита (Б1) с субгоризонтальной и косой слойчатостью. Иногда отмечается умеренная биотурбация, представленная вертикальными ходами роющих организмов.

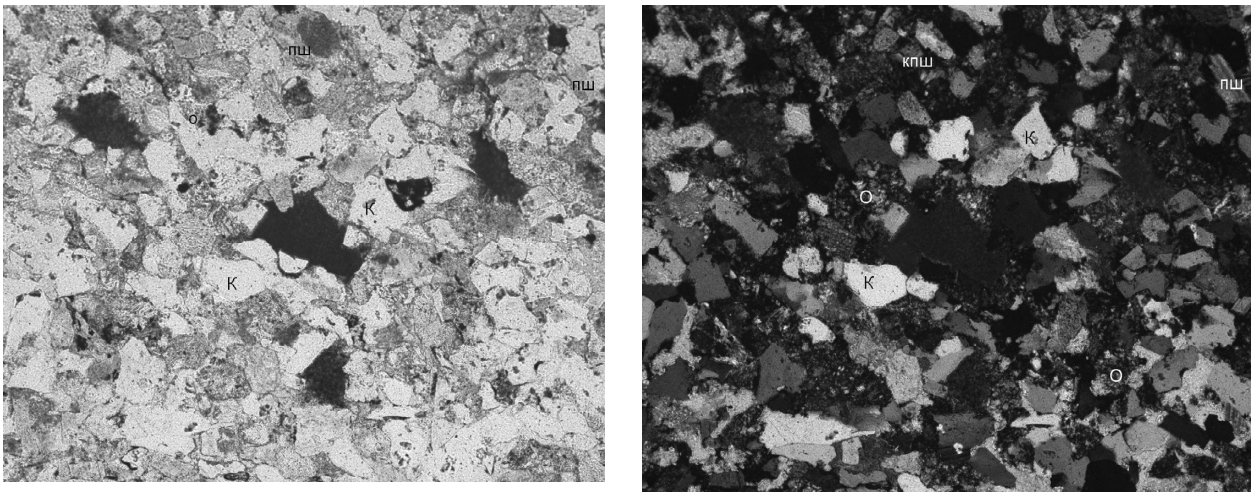
При интерпретации гранулометрического анализа наблюдаются некоторые несовпадения с изначальной макроскопической характеристикой литофаций.

Песчаник А1 из скважины 4275 обладает следующей характеристикой: мелкозернистый алевритистый слабоглинистый слабокарбонатистый с медианным диаметром 0,12 мм и плохой сортировкой. В целом в разрезе наблюдается циклическая смена зернистости материала в зависимости от обстановки осадконакопления. Например, в условиях канала турбидитового потока содержание мелкозернистой фракции составляет 45–50%, крупно-среднезернистой – 8–10%, тонкозернистой и алевропелитовой – 40–45%. Однако в условиях прируслового вала соотношения для фракций для А1 меняются: крупно-среднезернистая – менее 1%, мелкозернистая фракция – 30–35%, тонкозернистая и алевропелитовая – 68–70%. Поэтому в макроскопически однородном песчаном пласте оказывается возможным по текстурно-структурным признакам, в частности по анализу медианных диаметров и соотношения фракций, выделить литофации, отражающие колебания динамики среды и позволяющие выделить субобстановки осадконакопления.

Минералогический состав образцов позволил получить к макроскопическому описанию дополнительные сведения о типе породы, структуре порового пространства, соотношении породообразующих минералов, постседиментационных изменений, цементе.

Песчаник А1 из скважины 4275: тонко-мелкозернистый грауваковый аркоз – 20% (рис. 4). Преобладающий размер обломков – 0,11 мм, максимальный – 0,20 мм, минимальный – 0,05 мм. Сортированность средняя. Форма обломков угловатая и полуокатанная [3]. Контакты зерен преимущественно линейные. Текстура обусловлена удлиненными образованиями тонкозернистого сидерита. Породообразующие минералы: кварц (46%) – с прямым и волнистым погасанием; полевые шпаты (32%) – КПШ и плагиоклазы пелитизированы и серицитизированы в степени от слабой до средней; обломки пород (20%) – кремнистые, слюдисто-кремнистые, эффузивы, слюдистые, хлорит, пегматиты; слюды (2%) – биотит и мусковит. Цемент полимиктовый, поровый и пленочно-поровый, распределен неравномерно: каолинитовый (3–5%); гидрослюдистый (2–3%); хлоритовый (1–2%); кальцитовый (3–4%). Аутигенные минералы представлены тонкозернистым и пелитоморфным сидеритом, занимающим 5–6% от объема породы. Из акцессорных минералов встречается циркон. Глинистый цемент пропитан буровато-желтоватым УВ.

Песчаник Б1 из скважины 4461: мелко-тонкозернистый полевошпато-кварцевая граувакка [3]. Преобладающий размер обломков – 0,09 мм, максимальный – 0,13 мм, минимальный – 0,05 мм. Сортированность средняя. Форма обломков угловатая и полуокатанная. Контакты зерен преимущественно линейные. Отмечается неравномерная пропитка глинистого цемента бурым УВ, а также пленки и примазки битума. Породообразующие минералы: кварц (43%) – с прямым и волнистым погасанием; полевые шпаты (31%) – КПШ и плагиоклазы серицитизированы и в меньшей степени пелитизированы, обломки пород (26%) – кремнистые, слюдисто-кремнистые, слюдистые, хлорит, эффузивы, пертиты, глинистые (2–3%) – биотит и мусковит. Цемент полимиктовый, поровый и пленочно-поровый: каолинитовый (1,5%); гидрослюдистый (3–4%); хлоритовый (6%); кальцитовый (4%). Аутигенные минералы: пирит в виде мелких глобулей и их небольших сростков. Акцессорные минералы: апатит, турмалин, циркон. Глинистый цемент пропитан буровато-желтоватым УВ.



А *Б*

Рис. 4. Фотоснимок шлифа № 11174. Скважина № 4275. Глубина отбора – 2740,24 м. Песчаник тонко-мелкозернистый грауваковый аркоз. К – кварц; О – обломки пород; ПШ – полевой шпат. Ширина поля зрения – 1,74 мм. *А* – николи параллельны (свет не поляризован); *Б* – николи скрещены (свет поляризован)

При выделении литофаций по текстурно-структурным особенностям возможно некорректное определение зависимости их от определенной фациальной обстановки. При более детальном рассмотрении гранулометрического и минералогического состава отмечается разница между литофацией А1 в условиях канала турбидитового потока и А1 в условиях прируслового вала. Также прослеживается полное сходство в образцах отобранных примерно из одной и той же пачки песчаника в разных скважинах

(рис. 5). Характерные особенности песчаника – нефтенасыщение и поинтервальная карбонатность, явных различий не дают, возможно, это связано с небольшим количеством образцов, отобранных на данном этапе исследования. Вызывает вопрос малое количество растворимой части в образце, взятом из литофации А2 – 5,4%, относящемся к участку с карбонатизацией.

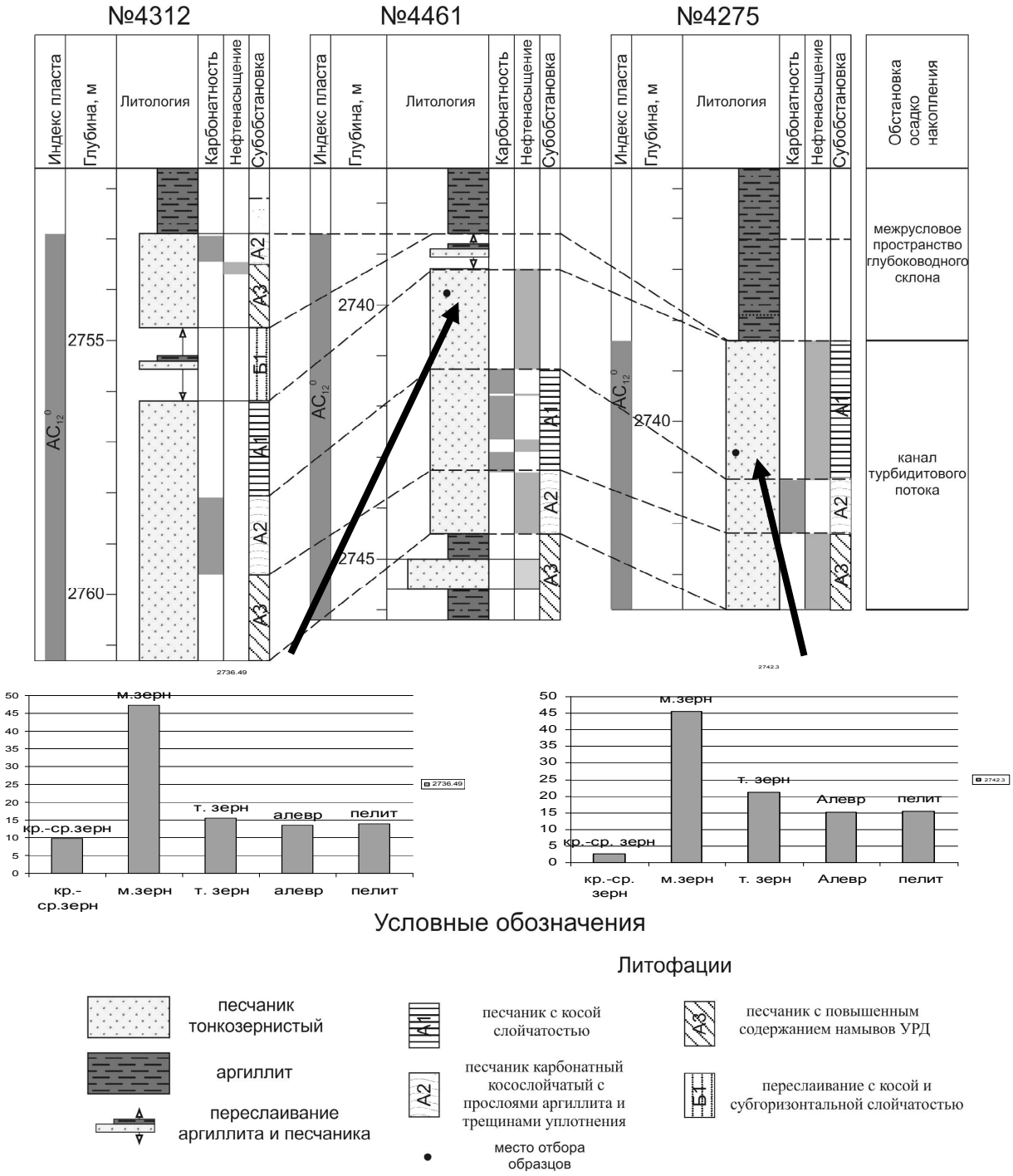


Рис. 5. Фрагмент схемы корреляции разрезов скважин по литофациям. На гистограммах показаны процентные содержания фракций (слева крупнозернистая фракция, справа – пелитовая)

Расчленив крупные фации более дробно – на литофации, соответствующие субобстановкам осадконакопления, сделаны уточняющие выводы условий. На основе гранулометрического и петрографического анализа доказана необходимость выделения в фациальных обстановках более дробных литофаций, так как макроскопически идентичные песчаники имеют различия в зернистости на микроскопическом уровне. Выявлено существенное сходство образцов, принадлежащих одной литофации А1, но вскрытых разными скважинами. Намечены пути решения проблемы достоверности нахождения литофаций в пласте за счет большего статистического объема и корректной интерпретации результатов литолого-петрографической модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабошкин Е.Ю.* Практическая седиментология. Терригенные резервуары. Пособие по работе с керном. Тверь : ГЕРС, 2011. 152 с.
2. *Ботвинкина Л.Н.* Методическое руководство по изучению слоистости // Труды геологического ин-та АН СССР. М. : Наука, 1965. Вып. 119. 260 с.
3. *Недоливко Н.М., Ежова А.В.* Петрографические исследования терригенных и карбонатных пород-коллекторов : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 172 с.
4. *Лидер М.Р.* Седиментология. Процессы и продукты : пер. с англ. М. : Мир, 1986. 439 с.
5. *Обстановки* осадконакопления и фации : в 2 т. / пер. с англ. ; под ред. Х. Рединга. М. : Мир, 1990. Т. 1. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 13 июня 2014 г.

DEPOSITS OF THE PRIOBSKOYE FIELD

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 209-213. DOI: 10.17223/15617793/386/35

Gorbatov Aleksey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Gaa.1988@yandex.ru

Keywords: Surgut arch; Priobskoye deposit; facies; lithofacies; grain composition.

The correlation of the AC_{12} seam sections is carried out in the south-western part of the Surgut arch according to the data of core samples investigation. The analyses are performed on the distribution and changes in the thickness of siltstones-collectors, the structure of sections, composition and stratigraphic assignment. The sedimentologic core analysis has been performed for 1350.75 m of core from 44 boreholes of the Priobskoye deposit. The detailed lithologo-facies studies of the borehole sections have made it possible to define common settings of their formation. The essential depositional environment for the majority of deposits penetrated by boreholes is the deep-sea one, which is represented by the facies associations from the turbidity current channel, channel banks of the turbidity current, the inter-channel space of the deep water slope. For revealing changes in the sandstone seams throughout the geological section, the sedimentation conditions are worked out in detail by applying a unit of less dimension than the main fraction. Several lithofacies are established on the base of the textural-structural peculiarities of sandstones and alternated sandstones-claystones characterizing the different intensity of sedimentation. In interpreting the results of the granulometric analysis, some divergence with the initial macroscopic characteristics of lithofacies is observed. The mineralogical composition of samples has enabled to supplement the macroscopic description with the additional information on the rock type, the structure of pore space, the ratio of rock-forming minerals, post-sedimentation changes, cement. For refining the stratigraphic correlation, the present author has established lithofacies characterizing the sedimentation settings within the sandstone seams. In dividing lithofacies according to the textural-structural peculiarities, possible is the incorrect determination of their dependence on a definite facies setting. More detailed consideration of granulometric and mineralogical composition demonstrates the difference between lithofacies A1 in conditions of the turbidity current channel and lithofacies A1 in conditions of the channel bank. More precise conclusions on conditions are made after dividing the large-scale facies into lithofacies corresponding to sedimentation subsettings. On the base of granulometric and petrographic analyses, the necessity is proved to establish more fractional lithofacies in the facies settings, because macroscopically identical sandstones demonstrate differences in the granularity at the microscopic level. A significant similarity is revealed in samples from the same lithofacies A1 but obtained from different boreholes. As a whole, the sedimentation settings established for sandstones-collectors are confined to the deep-water slope and marginal parts of the delta and deep-sea settings of sedimentation. The detailed correlation of seam AC_{12} shows the lateral persistence of sandstones-collectors with pinching-out in separate boreholes; and, depending on the geographical location of boreholes, substitutions take places characteristic for the transgression or for the regression.

REFERENCES

1. Baraboshkin E.Yu. *Prakticheskaya sedimentologiya. Terrigennye rezervuary. Posobie po rabote s kernom* [Practical sedimentology. Terrigenous reservoirs. Guide for the work with drill samples]. Tver: GERS Publ., 2011. 152 p.
2. Botvinkina L.N. *Metodicheskoe rukovodstvo po izucheniyu sloistosti* [Methodological guide for the study of geological stratification]. In: *Trudy geologicheskogo instituta AN SSSR* [Proceedings of the USSR AS Institute of Geology]. Moscow: Nauka Publ., 1965. Issue 119, 260 p.
3. Nedolivko N.M., Ezhova A.V. *Petrograficheskie issledovaniya terrigennykh i karbonatnykh porod-kollektorov* [Petrographic study of clastic and carbonate reservoir rocks]. Tomsk: TPU Publ., 2011. 172 p.
4. Leeder M.R. *Sedimentologiya. Protsessy i produkty* [Sedimentology. Process and product]. Translated from English. Moscow: Mir Publ., 1986. 439 p.
5. Reading H.G. (ed.) *Obstanovki osadkonakopleniya i fatsii: v 2 t.* [Depositional environments and facies. In 2 vols.]. Translated from English. Moscow: Mir Publ., 1990. Vol. 1, 352 p.

Received: 13 June 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 214–222 DOI: 10.17223/15617793/386/36

УДК 553.411.071.061

И.В. Кучеренко

МАГМАТОГЕННЫЕ ГЕОЛОГО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ГИДРОТЕРМАЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЗОЛОТА: ФАКТЫ И АРГУМЕНТЫ

Обсуждаются традиционные методы реконструкции золотопродуцирующей способности гранитных расплавов и не преодоленные трудности в достижении достоверной оценки генерации в них металлоносных флюидов в объемах, достаточных для образования промышленных гидротермальных месторождений золота. Приведена совокупность новых дополняющих один другой фактов в обоснование представления о генерации металлоносных флюидов в базальтовых расплавах, завершающих становление антидромных гранит-диорит-долеритовых флюидно-рудно-магматических комплексов.

Ключевые слова: гидротермальные месторождения золота; гранитогенная; базальтогенная концепции; флюидно-рудно-магматические гранит-диорит-долеритовые комплексы.

Введение

Исследование гидротермального рудообразования в аспекте обусловленности, инициирования его более масштабными геологическими процессами представляет известные трудности, в основном, по причине ограниченной доступности подрудного пространства – глубинных составляющих рудообразующих систем. Доступность подрудного пространства, хотя и ограниченная, обеспечивается некоторыми явлениями: например, синхронным с рудами образованием в месторождениях магматических пород, с которыми обычно ассоциируют полезные ископаемые конкретных видов; унаследованностью рудами и/или околорудными метасоматитами особенностей генерирующих металлоносные флюиды источников – изотопными составами химических элементов или их зафиксированными в минералах руд и пород специфическими ассоциациями, представляющими петрохимическое своеобразие магматизма и др. Однако трудоемкость операций при поисках упомянутых особенностей вещественных производных рудообразования, нередко в условиях ограниченной информативности объектов исследований, не способствует устранению дефицита фактов. Это служит питательной средой для возникновения гипотез и объясняет несовершенство или незавершенность теории, в частности, гидротермального рудообразования в металлогенических ее аспектах, в приложении ко многим видам полезных ископаемых. Успехи в данной области знаний настолько скромны, что с известным высказыванием С.С. Смирнова [1] о невозможности полстолетия назад создать геолого-генетическую классификацию месторождений полезных ископаемых и тем самым наделить ее отсутствующими в генетической классификации прогнозными функциями нельзя не согласиться и сейчас.

В статье обсуждаются два сценария образования считающихся магматогенными гидротермальных месторождений золота. Согласно одному сценарию, отвечающему гранитогенной концепции, образование месторождений обусловлено функционированием гранитоидных магматических очагов, в которых генерируются металлоносные флюиды. В обоснование альтернативного сценария, сочетающего в себе элементы гранитогенной и базальтогенной концепций, привлекаются обнаруженные в последние десятилетия факты, актуальные для оценки жизнеспособности не только упомянутых магматогенных концепций, но и двух других – метаморфогенной и полигенной. Сопоставление этих фактов с доказательными базами обеих концепций, предполагающих образование месторождений соответственно в условиях регионального метаморфизма или нескольких сменяющих друг друга во времени не связанных между собой геологических процессов и породные источники золота, составит предмет отдельного обсуждения.

Гранитогенный сценарий

Наиболее ранняя из известных концепций – существующая более столетия гранитогенная концепция образования гидротермальных месторождений золота – предполагает генерацию металлоносных флюидов в крупнообъемных очагах кислой магмы, унаследованных плутонами, массивами гранитоидов. Вероятно, факты пространственно-временной близости с ними месторождений в сочетании с данными о зональном расположении гидротермального оруденения относительно гранитных массивов [2–7 и др.] служили в прошлом сильным (сохраняющим и сейчас свое влияние) аргументом в разработке методологии и методов исследований связей рудообразования с магматизмом в направлении поисков доказательств генерации металлоносных флюидов в гранитных магмах. Несомненно, аргумент усилился после смены парадигмы в 70-х годах прошлого столетия – представление о металлогенической специализации магматических комплексов предлагалось заменить представлением об их потенциальной рудоносности [8, 9], а также после экспериментального подтверждения в тех же годах способности гранитных расплавов генерировать золотоносные флюиды в количествах, достаточных для создания промышленных месторождений [10]. Отсутствие металлогенической специализации магматических комплексов подчеркивается, в частности, явлениями накопления золота в конечных, обогащенных флюидной фазой дифференциатах гранитоидного магматизма в одних районах [11, 12 и др.] или обеднением металлом поздних производных дифференциации гранитоидных магм – в других [13 и др.]. В том и другом случае с массивами гранитоидов ассоциируют или не сопровождают их близкие к ним по возрасту промышленные месторождения золота.

Реализуемая длительное время методология научного поиска опирается на глубокое убеждение многих геологов в том, что золотопродуцирующая способность гранитных расплавов и генерация в них золотоносных флюидов в объемах, достаточных для образования промышленных месторождений, включая уникальные, могут быть доказаны посредством реконструкции термодинамических и физико-химических режимов, происходящих в очагах гранитной магмы процессов, с учетом химических свойств золота. Разработаны и уже реализуются тонкие методы диагностики температур, давлений, окислительно-восстановительных режимов в очагах, кислотно-основных свойств расплавов, фугитивностей и парциальных давлений летучих – H_2O, CO_2, HCl, CH_4, H_2, N_2, C, концентраций в расплавах серы, обладающей высоким сродством с золотом, распределением металлов между жидкой и твердой фазами при кристаллизации расплавов, форм вхождения и уровней накопления золота и других металлов в кристаллизующихся минералах, явлений контаминации расплавов вмещающими породами разных составов и их влияния на физико-химические параметры расплавов и др.

Источниками информации для оценки факторов золотоносности расплавов, способности флюидов экстрагировать золото из расплавов и покидать их служат породы, минералы гранитоидов в сочетании с результатами эксперимента, моделирования.

В результате определены факторы и их сочетания, благоприятствующие накоплению золота во флюидах, отделению от расплавов металлоносных флюидов; выделены петрогенетические типы и конкретные массивы гранитоидов, со становлением которых связывают образование конкретных так называемых интрузивно плутоно-связанных (pluton-related) месторождений [14–25 и др.].

Базальтогенный сценарий

Предлагаемый альтернативный сценарий раскрывает иные условия функционирования рудообразующих систем.

Носителями информации служат гидротермальные месторождения золота: Когадыр (южный Казахстан), Восточное (южное Прибалхашье), Центральное, Берикульское (Кузнецкий Алатау), Советское (Енисейский кряж), Зун-Холба, Зун-Оспа (юго-восток Восточного Саяна), Ирокиндинское, Западное, Кедровское, Богодиканское, Каралонское, Уряхское, Верхне-Сакуканское (Северное Забайкалье), Сухой Лог, Вернинское, Медвежье (Ленский район), Чертово Корыто (Патомское нагорье). Они образовались в возрастном диапазоне от позднего рифея (Советское) до позднего палеозоя (остальные) в ультраметаморфических, плутонических, вулканических, черносланцевых комплексах. Многообразие по строению, составу, происхождению среды рудообразования и следующие из него возможности анализа и синтеза достоверных, воспроизводимых данных о производных рудообразующих процессов в сравнительном аспекте – как предполагалось, подтвердилось и показано далее – обеспечивает коррекцию выводов в направлении усиления или понижения обоснованности концепций и отказа от очевидно несостоятельных.

Обсуждаемые месторождения ассоциируют с плутоническими породами, которые участвуют в составе стандартных повторяющихся во времени и пространстве антидромных гранит-диорит-долеритовых комплексов [26–29 и др.]. Ранние гранитоиды слагают крупные массивы (Центральнинский, Дудетский, Амбартогольский и др.), в надинтрузивном пространстве – более или менее многочисленные дайки пегматитов, аплитов, гранит-порфиров, фельзитовых микрогранит-порфиров, занимают ядра зрелых ультраметаморфических очагово-купольных построек (Кедровской и др.). Версия о палингенном происхождении контролируемых глубинными разломами гранитоидов доказывается $^{87}Sr/^{86}Sr$-отношениями и удовлетворительно объясняет способ решения природной проблемы пространства. Гранитоиды сменяются прорывающими или пересекающими их дайками диоритоидов – микродиоритов, диоритовых порфиритов мощностью до 20 м. Завершают становление комплексов, как правило, маломощные (до 2 м) дорудные, внутрирудные, послерудные (позднерудные) дайки умеренно щелочных долеритов до пяти, возможно более, генераций. Относительный возраст даек доказывается взаимопересечениями их между собой и с рудно-минеральными комплексами, а также признаками термического воздействия поздних образований на ранние: вакуоли ранних кварцев в экзоконтактах пересекающих кварц даек разгерметизированы («взорваны»), а ранние дайки в зальбандах пересекающих их кварцевых жил или прожилков гидротермально изменены (березитизированы). Радиологический возраст ранних гранитоидов и околорудных березитов, а следовательно, руд и чередующихся с рудно-минеральными комплексами долеритов, как правило, укладывается в диапазон от первых миллионов до первых десятков миллионов лет [4–7, 26–29 и др.]. Таким образом, определилось возрастное положение и участие в рудообразовании магматических пород, названных В.С. Коптевым-Дворниковым полстолетия назад дайками второго этапа. В 18 изученных месторождениях, кроме Берикульского, даек иных видов и разновидностей не установлено. В Берикульском месторождении (474 млн лет) [26] известны послерудные дайки кварцевых сельвсбергитов, которые принадлежат к девонскому комплексу щелочных пород.

В реконструкции связей рудообразования с магматизмом наиболее информативны дорудные и внутрирудные дайки долеритов.

Дорудные дайки умеренно щелочных долеритов идентифицированы в большинстве обсуждаемых месторождений, в частности в массивах гранитоидов. В гранитоидах дайки, усиливающие анизотропию механических свойств среды, нередко сопровождаются золотоносными кварцевыми жилами, в зальбандах жил на мощность до десятков сантиметров преобразованы в березиты, сменяемые далее от жил пропилитами, что в более крупных объемах свойственно околорудным метасоматическим ореолам мезотермальных месторождений золота. В останцах слабого изменения наиболее мощных даек их минералого-химический состав отвечает базальтам.

Внутрирудные дайки обнаружены во вмещающих месторождения породах многих видов, включая толщи черных сланцев раннепротерозойской михайловской (Чертово Корыто), позднерифейских кедровской (Кедровское), водораздельной (Каралонское, Уряхское) свит, покровные базальты берикульской свиты ($Є_2$) (Берикульское), гранитоиды среднепалеозойского Амбартогольского массива (Зун-Холба) [27–29 и др.], черные сланцы хомолхинской, имняхской (Сухой Лог) свит [30 и др.].

Дайки неравномерно преобразованы в метасоматиты специфического минерального состава. В редких «останцах» слабого изменения они сложены лейстами лабрадора в срастании с кристаллами и агрегатами кристаллов авгита. Как и аподолеритовые метасоматиты, породы имеют массивное сложение и «спаянные» с вмещающими породами контакты. Метасоматиты унаследовали черный цвет, средне-, мелкозернистое строение исходных долеритов, внешне не отличимы от последних.

В составе минеральных новообразований участвует разноцветный, от грязно-зеленого до буро-красного с множеством промежуточных оттенков биотит (до 60 об. %), образующий одиночные пластинки, обычно крупно- до мелкочешуйчатых агрегаты, «венчики» тонких чешуек вокруг полностью замещенных былых кристаллов авгита с характерными для них контурами. Биотит в обрамлении былых кристаллов авгита свежий, не замещен, как в массе породы, другими эпигенетическими минералами и представляет наиболее позднюю его генерацию. Только в участках интенсивного преобразования долеритов присутствуют обычно с незавершенными, «рваными» контурами кристаллы бледно-зеленой магнезиально-железистой обыкновенной роговой обманки (до 20 об. %), что доказывает эпигенетическое, на этапе внутридайкового метасоматизма, ее образование. В разных количественных соотношениях в метасоматитах участвуют чешуйки бледно-зеленого магнезиально-железистого хлорита, серицита, зерна кварца, эпидота, актинолита, тремолита, альбита, кальцита, титанита, рутила, лейкоксена, апатита, сульфидов. Агрегаты эпигенетических минералов нередко сохраняют лейстовидную форму первичного лабрадора. Метасоматиты, как правило, обогащены золотом до 3 г/т.

Согласно балансовым расчетам на основе петрохимических пересчетов по объемно-атомному методу полных химических силикатных анализов исходных долеритов и аподолеритовых метасоматитов последние, как и околорудные березиты-пропилиты [31, 32], образованы в результате калиево-сернисто-углекислотного метасоматизма с удалением (до 95 мас. %) натрия и частично (до 50 мас. %) кремния, но с поступлением с флюидами и фиксацией калия, восстановленной серы, углекислоты, благородных, цветных металлов и элементов фемофильной ассоциации – фосфора, титана, магния, железа, кальция, марганца, с возрастанием их содержаний против исходных долеритов до сотен… первых тысяч мас. % (таблица) [32]. Однако унаследование околорудными березитами-пропилитами петрохимических черт внутридайковых аподолеритовых метасоматитов сопровождалось кристаллизацией в первых наряду с магнезиально-железистым хлоритом серицита и магнезиально-железистых карбонатов, а не более высокотемпературных минералов-носителей магния и железа – биотита и магнезиально-железистой обыкновенной роговой обманки, образованных во вторых.

Химические составы умеренно щелочного долерита, аподолеритовых метасоматитов внутрирудных даек и баланс химических элементов в минеральных зонах аподайковых метасоматических ореолов Кедровского месторождения

Номера проб и минеральных зон	Содержание окислов в мас. % (первая строка). Величина привноса, выноса (–) атомов элементов в стандартном геометрическом объеме 10000 Å^3 в % к числу их атомов в стандартном геометрическом объеме исходной породы (вторая строка)															
	SiO_2 Si	Al_2O_3 Al	K_2O K	Na_2O Na	CaO Ca	MgO Mg	FeO Fe^{2+}	Fe_2O_3 Fe^{3+}	TiO_2 Ti	P_2O_5 P	MnO Mn	CO_2 C	S*	H_2O^+ H	O	∑ (Δ)
*	45–50	14–17	1–3	3–4	6–8	6–8	6–8	3–5	2–4	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	–
2 0	49,72	14,94	0,90	3,05	8,47	7,43	8,03	2,86	1,41	0,35	0,19	0,35	0,13	1,81	–	99,64
К-496 IV	38,26 –19,8	13,54 –5,5	5,30 513	0,77 –74	9,50 17	12,8 80	7,19 –6,8	3,51 28	2,18 61	1,44 329	0,25 37	3,44 926	0,12 –3,8	1,70 –2,1	1,7	100,00 (19)
К-363 V	37,25 –23,5	10,44 –28,6	1,27 44,8	1,36 –54	8,83 6,4	8,90 23	12,3 56,4	4,05 44,6	4,65 236	0,60 74,9	0,24 28,9	6,34 1752	0,00 –100	3,56 102	2,6	99,79 (21)
К-562 V	38,0 –17,1	10,80 –21,6	3,16 281	0,39 –86	11,2 43,6	15,3 123	7,49 1,1	3,88 47,2	2,10 61,7	1,08 234	0,29 65,6	2,89 797	0,27 125	2,54 52	5,5	99,39 (24)
К-486 VIII	33,80 –30,6	8,16 –44	2,72 209	0,02 –99	12,0 45	12,9 78	6,87 –12	2,27 –19	1,95 41	1,17 241	0,33 77	14,4 4107	0,13 2,2	1,98 12	5,9	98,70 (29)

Примечание. * – нормативный состав трахибазальта (умеренно щелочного долерита) [33]. Составы минеральных зон: 0 – хлорит + серпентин + тальк + кальцит; IV – биотит + актинолит + тремолит + кварц + эпидот + хлорит + рутил + апатит + целестин + кальцит + доломит + магнетит + пирит; V – биотит + хлорит + эпидот + серицит + кварц + рутил + альбит + кальцит + доломит + анкерит + апатит + магнетит + пирит; VIII – биотит + кальцит-доломит + кварц + рутил + апатит + магнетит + пирит. S* – сера восстановленная. Δ (количественный показатель интенсивности метасоматических преобразований пород) – удельная масса перемещенного (привнесенного и вынесенного) вещества (суммы атомов петрогенных элементов) в процентах к массе вещества исходной породы в стандартном геометрическом объеме 10000 Å^3.

Интенсивность метасоматических преобразований внутрирудных даек не зависит от степени гидротермальных изменений вмещающих пород, так как дайки полнопроявленных аподолеритовых метасоматитов пересекают не затронутые изменениями и гидротермально измененные вплоть до березитов гранитоиды, мигматиты, гнейсы, углеродистые сланцы и другие породы. Это означает, что внутрирудные дайки на этапе рудообразования аккумулируют поднимающиеся по разломам потоки (струи) горячих металлоносных растворов и, обладая массивным сложением, выполняют функцию тепловых флюидопроводников. Выполнять эту функцию, согласно известному физическому закону [34], они

способны только в горячем состоянии, залегая среди относительно холодных пород.

Обсуждение результатов и выводы

Наряду с очевидными достижениями в познании условий становления массивов плутонических пород кислого состава в обосновании сохраняющей в течение столетия популярность гранитогенной концепции рудообразования остаются вопросы, отсутствие ответов на которые, вероятно, определяет сосуществование с гранитогенной и других концепций.

Ключевые вопросы следуют из необходимости доказательства не только возникновения в гранитоидных расплавах благоприятных условий для генерации металлоносных флюидов, но и накопления их в достаточных для образования промышленных месторождений объемах. В равной степени полезно обосновать образование известных ассоциированных с гранитоидными массивами близких к ним по возрасту месторождений золота металлоносными флюидами, генерированными в гранитоидных унаследованных массивами очагах, а не в сосуществующих с ними базальтовых расплавах.

Силикатные расплавы, как известно, представляют собой чрезвычайно динамичную субстанцию, которая во время своего длительного по меркам геологического времени существования испытывает множество трансформаций термодинамических и физико-химических режимов, многократных и разнонаправленных изменений фугитивностей, парциальных давлений, концентраций компонентов, обусловленных явлениями магматической дифференциации, подтоком вещества, дегазацией расплавов, неравномерным в объемах камер охлаждением, термо-бародиффузией, кристаллизацией минералов, фракционированием расплавов и т.д.

Гранитоиды в верхних частях былых магматических камер предшествуют началу рудообразования, поскольку в них залегают многие месторождения. В связи с этим гранитогенная концепция предполагает генерацию горячих металлоносных флюидов, естественно, не в ранних наследованных вмещающих месторождения гранитоидами расплавах, а в поздних, сохранявшихся на бóльших глубинах магматических камер. Естественно также предположить, что в верхние (апикальные) части массивов гранитоидов из глубже-расположенных очагов остаточной магмы поступают не только создающие месторождения горячие металлоносные, вероятно газовые, флюиды, но и генерирующие последние остаточные расплавы. Породы, образованные в результате кристаллизации именно этих расплавов, могут служить источниками информации об их золотопродуцирующей способности.

Таким образом, в объеме каждого конкретного месторождения вмещающий его массив сложен ранними гранитоидами, как правило, многих видов и разновидностей, и, возможно, поздними, с которыми в генетической связи, по версии концепции, состоят руды как производные одного источника – глубинного остаточного магматического очага.

Среди всего этого многообразия по внешним признакам, цвету, составу, строению, как правило, сходных пород необходимо диагностировать те, которые достоверно представляют расплавы, от которых отделялись металлоносные флюиды, не вообще обогащенные золотом или соответствующие представлениям о том, каким требованиям они должны удовлетворять, но и способные создавать промышленные месторождения. Для этого необходимо при отборе проб для исследования и последующей интерпретации результатов располагать соответствующими критериями и признаками, которые в публикациях по проблеме, как правило, не обсуждаются. Вследствие этого возникают сомнения в корректности исследования и следующих из него выводов. Оснований для сомнений более чем достаточно. Одно из них – упомянутый выше факт отсутствия корреляции между пространственно-временной ассоциацией месторождений золота и массивами гранитоидов как обогащенных, так и обедненных золотом. Этот факт дает основание сомневаться в справедливости (корректности) популярного представления о том, что повышенные, высокие концентрации золота в минералах гранитоидов (скажем, в сульфидах) есть доказательство того, что оно концентрируется и выделяется с газовыми флюидами из расплавов, создавая промышленные месторождения. В равной степени это относится к представлению о том, что флюиды с высокими концентрациями восстановленной серы экстрагируют золото из расплавов и выносят его из магматических очагов в необходимых для создания промышленных месторождений количествах. Может быть, это так, а может, и нет, – расплавам иного, скажем, базальтового состава не возбраняется проделывать то же самое. Поэтому диаграммы, подобные, например, приведенной в [35], на которой в координатах $\lg(X_{Mg}/X_{Fe})$ – $\lg(X_F/X_{OH})$ для биотитов золотогенерирующих (?) гранитоидов показаны поля слабоконтаминированных, умеренно контаминированных, сильноконтаминированных, сильноконтаминированных и редуцированных гранитоидов и положение мелких, средних, крупных, гигантских месторождений золота в этих полях, отражают скорее гипотетические представления авторов, а не реальную ситуацию. Проблематично звено, способное связать дифференцированные по масштабам запасов месторождения с перечисленными полями диаграммы.

Приходится констатировать, что реконструированные посредством изучения гранитоидов и отраженные на диаграммах режимы их кристаллизации, особенности режимов, обеспечивающие, по мнению авторов диаграмм, накопление золота во флюидах, выделение последних из расплавов, ограничены магматическими камерами. Дальнейшее функционирование флюидов вне магматических камер остается неизвестным, поскольку проследить пути их движения из магматических очагов в области рудообразования в недоступном подрудном пространстве не дано. Как следствие, остается открытым ключевой вопрос о происхождении создавших месторождения флюидов, так как прервана последовательность событий, а гранитоиды, в отличие от базальтоидов, не обладают специфическими особенностями, которые были бы унаследованы рудами и диагностированы в них. Редко фиксируемое участие кислых и щелочных полевых

шпатов в золоторудных кварцевых жилах, например, может быть обусловлено не унаследованием последними состава гранитоидов, как это обычно объясняется, а доказанными, в отличие от теории [36], эмпирическими данными о подвижности глинозема в процессах кислотного околорудного метасоматизма (березитизации) и концентрационной диффузии его из поровых растворов сравнительно высокоглиноземистых пород в заполняемые кварцем трещинные [37], в которых присутствуют необходимые для образования полевых шпатов щелочные металлы и кремнезем. Представление о золотоносных флюидах как о силикатно-солевых системах (вплоть до рассолов), предложенное в качестве одного из признаков генерации металлоносных флюидов в гранитоидных расплавах и, следовательно, генетической связи рудообразования с гранитоидным магматизмом [38, 39] во многих случаях не согласуется с фактами обычного выноса кремнезема из боковых пород до 50 мас. % от его первоначальной массы при их березитизации [32]. Последнее возможно только в случае щелочного режима ранних порций поступающих в область рудообразования металлоносных флюидов, их стерильности в отношении SiO_2 [32]. Фиксируемая в вакуолях минералов руд обычно низкая соленость (до 20 % мас.-экв. NaCl) флюидов [40] также противоречит представлению о последних как о силикатно-солевых системах.

Вместе с тем природа оставила в магматических породах и их соотношениях с рудами следы и свидетельства того, как она действовала, создавая месторождения золота.

В месторождениях, образованных вслед за массивами вмещающих их гранитоидов и залегающих в обрамлении последних – раннепалеозойских Берикульском, Центральном, среднепалеозойских Зун-Холбинском, Зун-Оспинском, позднепалеозойских Кедровском, Богодиканском, Уряхском [27–29, 41], составы послегранитных предрудных даек умеренно щелочных долеритов в «останцах» слабого изменения, сохранившихся при околорудной березитизации-пропилитизации, отвечают нормативным составам умеренно щелочных базальтов. Этот легко проверяемый факт означает, что к моменту внедрения ранних порций умеренно щелочных базальтовых расплавов сопровождающего рудообразование базитового магматизма остаточных гранитных расплавов уже не существовало. В противном случае, неизбежное смешение тех и других расплавов завершалось бы образованием гибридных даек пестрых составов, обусловленных переменными количественными соотношениями гранитоидной и базальтовой составляющих, которых в изученных месторождениях не обнаружено. Отсутствующие полностью раскристаллизованные остаточные гранитоидные расплавы не могут служить источниками металлоносных флюидов, которые поступают в области рудообразования после внедрения ранних порций умеренно щелочных базальтовых расплавов. Гранитоиды всегда предшествуют рудообразованию, базальтоиды сопровождают его.

Приведенный факт свидетельствует о том, что пространственно-временная близость так называемых интрузивно-связанных, плутоно-связанных (pluton-related) [15, 17, 20, 23 и др.] гидротермальных месторождений золота с массивами гранитоидов еще не есть безупречное доказательство генерации металлоносных флюидов в гранитоидных расплавах. Гранитоидные массивы могут выполнять более скромную функцию, чем им предписывает гранитогенная концепция, – месторождения с ними связаны лишь парагенетически.

Предпосылки для написания иного сценария развития событий создают следующие ключевые альтернативные факты:

1) многоактное чередующее с металлоносными флюидами внедрение умеренно щелочных базальтовых расплавов;

2) инъекции вслед за расплавами в образованные ими, но еще горячие внутрирудные долеритовые дайки-флюидопроводники металлоносных флюидов, что оценивается как один из признаков единства источников тех и других – очагов умеренно щелочной базальтовой магмы;

3) фемофильная специализация базальтовых расплавов и золотоносных флюидов, подтверждающая вывод о единстве их источников;

4) наследование околорудными березитами калиево-сернисто-углекислотного профиля внутридайкового аподолеритового метасоматизма и образованных в аподолеритовых метасоматитах контрастных аномалий фемофильных элементов, доказывающее внутридайковый аподолеритовый, околорудный метасоматизм и рудообразование как следствие функционирования одних и тех же генерированных в базальтовых очагах металлоносных флюидов.

Формирование антидромных гранит-диорит-долеритовых комплексов и рудообразующих систем в их составе обязано функционированию очагов базальтовой магмы.

На раннем этапе очаги генерируют высокотемпературные «безрудные» флюиды-теплоносители, подъем которых по глубинным разломам сопровождается плавлением сиалического субстрата земной коры и образованием отвечающих его составу кислых расплавов, последующая кристаллизация которых завершается созданием гранитоидных массивов (плутонов) в сопровождении даек. Палингенное происхождение массивов доказывается изотопными отношениями стронция в гранитах, отвечающими метеоритному стандарту [4–7].

Дальнейшая эволюция базальтовых расплавов выражается в слабой дифференциации общего для всех обсуждаемых золотопродуцирующих систем явления. Базальтовые расплавы трансформируются в умеренно щелочные, генерирующие золотоносные флюиды, специализированные на Au, Ag, Hg, цветные металлы и комплекс фемофильных элементов K, P, Ti, Mg, Fe, Ca, Mn, определяющих петрохимические черты базальтовых расплавов.

Умеренно щелочные базальтовые расплавы и следующие за ними металлоносные флюиды поднимаются из очагов генерации по глубинным контролирующим размещение в земной коре антидромных магматических комплексов разломам, металлоносные флюиды, кроме того, – по горячим внутрирудным дайкам-флюидопроводникам умеренно щелочных долеритов

вслед за создавшими их расплавами через промежутки времени, в течение которых расплавы кристаллизуются, но образованные ими дайки не успевают остыть, – в холодном состоянии они были бы не способны выполнять флюидопроводящую функцию и, следовательно, аккумулировать струи металлоносных флюидов.

Металлоносность фильтрующихся по внутрирудным дайкам долеритов флюидов доказывается образованием во внутридайковых аподолеритовых метасоматитах контрастных аномалий золота и перечисленных фемофильных элементов, повторяющемся выше в околорудных метасоматитах и рудах в обрамлении контролирующих месторождения через флюидоподводящую функцию глубинных разломов. Последний факт в сочетании с образованием аподолеритовых и околорудных метасоматитов в условиях калиево-сернисто-углекислотного метасоматизма, т.е. процесса одного петрохимического профиля, но разных температурных режимов вследствие охлаждения поднимающихся флюидов оценивается как свидетельство того, что те и другие метасоматиты и руды образованы в результате взаимодействия с разными породами одних и тех же металлоносных флюидов. В свою очередь флюидоподводящая функция глубинных разломов доказывается снижением до кларковых уровней контрастных аномалий титана и фосфора в околорудных березитах и запасов золота в рудах по мере удаления от глубинных разломов [31].

Кристаллизация высокотемпературных биотита и обыкновенной роговой обманки только в аподайковых метасоматитах свидетельствует о более высокотемпературных режимах фильтрующихся по горячим внутрирудным дайкам металлоносных флюидов сравнительно с температурными режимами околорудного метасоматизма и рудообразования, очевидно, вследствие охлаждения флюидов на путях подъема. Образование в аподолеритовых метасоматитах биотита поздней генерации в обрамлении полностью замещенных агрегатами относительно низкотемпературных хлорита, эпидота, серицита кристаллов авгита без признаков замещения пластинок слюды ранее образованными частично замещающими биотит ранней генерации перечисленными минералами обусловлено поступлением поздней порции высокотемпературного флюида после охлаждения предшествующей. Этот температурный признак пульсационного режима согласуется с признаками пульсационного режима поступления металлоносных флюидов при околорудном метасоматизме и рудообразовании [29, 40].

Биотит и обыкновенная роговая обманка – типоморфные минералы внутридайковых аподолеритовых метасоматитов. При отсутствии данных о структурных соотношениях даек долеритов с рудно-минеральными комплексами эти минералы служат единственными надежными признаками внутрирудного возраста даек.

Совокупность приведенных непротиворечивых, напротив, взаимно дополняющих друг друга фактов и их очевидная, как представляется, интерпретация сводят к минимуму гипотетические мотивы в реконструкции реальных источников поздних золотоносных (металлоносных) флюидов, путей их подъема в верхние горизонты земной коры – области рудообразования – и обеспечивает понимание условий образования месторождений золота в объеме типовой модели золотообразующих систем, повторяющихся в разные эпохи и в разных геологических ситуациях, включая толщи черных сланцев.

Согласно этой модели, гидротермальные месторождения золота образуются в составе повторяющихся во времени и пространстве, отвечающих формационному типу антидромных гранит-диорит-долеритовых флюидно-рудно-магматических комплексов в процессе и результате функционирования гидротермальных рудообразующих систем на завершающем базальтоидном этапе их становления. Все составляющие комплексов представляют производные одного петрорудногенетического процесса. Между поздними месторождениями и массивами ранних гранитоидов существует лишь опосредованная парагенетическая связь. Связующее звено между ними – глубинные очаги базальтовой магмы – источники ранних высокотемпературных флюидов-теплоно-сителей, обеспечивающих по механизму палингенеза образование массивов гранитоидов и поздних металлоносных флюидов, образующих месторождения золота.

Заключение

Генетическая связь гидротермального рудообразования, в приложении к золоту, – с умеренно щелочным базальтовым магматизмом в значительном возрастном диапазоне от позднего рифея до позднего палеозоя, доказываемая в месторождениях, образованных в разных – коллизионном на активных континентальных окраинах и внутриконтинентального рифтогенеза – геодинамических режимах [28], наводит на мысль о существовании металлогенической специализации на золото выделенного антидромного магматического комплекса. Дальнейшее накопление материалов в плане расширения и углубления доказательной базы предложенного альтернативного сценария, вероятно, усилит конкретизацию этого предположения. В свою очередь, если не будет установлена в аспекте связей с магматизмом конвергенция процессов образования гидротермальных месторождений золота, что вероятно, перспективы гранитогенной гипотезы по обстоятельствам, приведенным выше, представляются призрачными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов С.С.* О современном состоянии теории образования магматогенных рудных месторождений // Записки Всесоюзного минералогического общества. Вторая серия. 1947. Ч. 76, вып. 1. С. 23–36.
2. *Абдуллаев Х.М.* Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями. М. : Госгеолтехиздат, 1954. 294 с.
3. *Горжевский Д.И., Козеренко В.Н.* Связь эндогенного рудообразования с магматизмом и метаморфизмом. М. : Недра, 1965. 300 с.
4. *Алабин Л.В., Калинин Ю.А.* Металлогения золота Кузнецкого Алатау. Новосибирск : Изд-во СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1999. 237 с.

5. *Трошин Ю.П., Гребенщикова В.И., Сандомирова Г.Б., Пахольченко Ю.А.* Новые данные по рубидий-стронциевому возрасту золоторудных месторождений Кузнецкого Алатау // Доклады РАН. 1999. Т. 365, № 1. С. 108–111.
6. *Сердюк С.С.* Золотоносные провинции Центральной Сибири: геология, минерагения, перспективы освоения. Красноярск : КНИИГГИМС, 2004. 478 с.
7. *Ножкин А.Д., Борисенко А.С., Неволько П.А.* Позднепротерозойский рифтогенный и внутриплитный магматизм, золотое и золото-урановое оруденение Енисейского кряжа // Современные проблемы геологии и разведки полезных ископаемых : материалы Междунар. конф., посвящ. 80-летию основания в Томском политехническом университете первой в азиатской части России кафедры «Разведочное дело», г. Томск, 5–8 октября 2010 г. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. С. 266–274.
8. *Таусон Л.В.* Геохимические типы и потенциальная рудоносность гранитоидов. М. : Наука, 1977. 267 с.
9. *Tingle T.N., Fenn Ph.M.* Transport and concentration of molybdenum in granite molibdenite systems: Effects of fluorine and sulfur // Geology. 1984. Vol. 12, № 3. P. 156–158.
10. *Рябчиков И.Д., Ефимов А.Е., Кулагин В.М., Шилин Н.А.* Физико-химический анализ поведения золота в процессе дегазации магм // Проблемы геохимии эндогенных процессов. Новосибирск : Наука, 1977. С. 14–18.
11. *Коваленко В.И., Кузьмин М.И., Коваль В.В.* Геохимические типы мезозойских гранитоидов Монголии и их металлогения // Закономерности размещения полезных ископаемых. М. : Наука, 1975. Т. XI. С. 329–334.
12. *Шилин Н.Л., Кумеев С.С., Колосков А.В.* Золото в калиевых полевых шпатах из интрузивных и метасоматических образований // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1988. № 10. С. 93–101.
13. *Амузинский В.А.* Геохимические особенности распределения золота в магматических породах Верхоянской антиклинальной зоны // Минералогия и геохимия производных гранитоидного магматизма. Якутск : Ин-т геологии Якут. филиала СО АН СССР, 1981. С. 89–98.
14. *Leveille R.S.A., Newberry R.J., Bull K.F.* An oxidation state-alkalinity diagram for discrimination some gold-favorable plutons: An empirical and phenomenological approach // Geological Society of America. 1988. Vol. 20. P. 142–153.
15. *McCoy D., Newberry R.J., Layer P.D., Marchi J.J., Bakke A., Masterman J.S., Minehane D.L.* Plutonic-Related Gold Deposits of Interior Alaska // Economic Geology Monograph. 1997. Vol. 9. P. 191–241.
16. *Thompson J.F.H., Newberry R.J.* Gold deposits related to reduced granitic intrusions // Society of Economic Geologists, Reviews 13. 2000. P. 377–400.
17. *Lang J.R., Baker T.* Intrusion-related gold systems: the present level of understanding // Mineralium Deposita. 2001. Vol. 36. P. 477–489.
18. *Mustard R.* Granite-hosted gold mineralization at Timbarra, northern New South Wales // Mineralium Deposita. 2001. Vol. 36, № 4. P. 542–562.
19. *Гамянин Г.Н., Горячев Н.А., Бахарев А.Г., Колесниченко П.П., Зайцев А.И., Диман Е.Н., Бердников Н.В.* Условия зарождения и эволюции гранитоидных золоторудно-магматических систем в мезозоидах Северо-Востока Азии. Магадан : СВ КНИИ ДВО РАН, 2003. 196 с.
20. *Marsh E.E., Goldfarb R.J., Hart C.J.R., Johnson C.A.* Geology and geochemistry of the Clear Creek intrusion-related gold occurences, Tintina Gold Province, Yukon, Canada // Canadian Journal of Earth Sciences. 2003. Vol. 40, № 5. P. 681–699.
21. *Yang X.M., Lentz D.R., Chi G., Thorne K.G.* Petrochemical Characteristics of Gold-Related Granitoids in southwestern New Brunswick, Canada. LITHOS. 2008. Vol. 104. P. 355–377.
22. *Yang X.M., Lentz D.R.* Chemical composition of rock-forming minerals in gold-related granitoid intrusions, southwestern New Brunswick, Canada: implications for crystallization conditions, volatile exsolution and fluorine-chlorine activity // Contributions to Mineralogy and Petrology. 2005. Vol. 150. P. 287–305.
23. *Hart C.J.R.* Reduced Intrusion-Related Gold Systems // Economic Geology. 2006. Vol. 101, № 7. P. 1415–1427.
24. *Yang X.M., Lentz D.R., Sylvester P.J.* Gold contents of sulfide minerals in granitoids from southwestern New Brunswick, Canada // Mineralium Deposita. 2006. Vol. 41. P. 369–386.
25. *Гусев А.И.* Петрология золотогенерирующего магматизма. М. : Изд-во РАЕ, 2012. 160 с.
26. *Кучеренко И.В.* Позднепалеозойская эпоха золотого оруденения в докембрийском обрамлении Сибирской платформы // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1989. № 6. С. 90–102.
27. *Кучеренко И.В.* Пространственно-временные и петрохимические критерии связи образования золотого оруденения с глубинным магматизмом // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1990. № 10. С. 78–91.
28. *Кучеренко И.В.* Петрологические и металлогенические следствия изучения малых интрузий в мезотермальных золоторудных полях // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 1. С. 49–57.
29. *Кучеренко И.В.* Металлогения золота: приложение к мезотермальным месторождениям, образованным в несланцевом и черносланцевом субстрате горно-складчатых сооружений южной Сибири // Современные проблемы геологии и разведки полезных ископаемых : материалы Междунар. конф., посвящ. 80-летию основания в Томском политехническом университете первой в азиатской части России кафедры «Разведочное дело», г. Томск, 5–8 октября 2010 г. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010а. С. 241–256.
30. *Шер С.Д.* Жильные изверженные породы основного состава в бассейне р. Бодайбо и их соотношения с кварцевыми жилами // Труды Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. 1959. Вып. 4. С. 104–114.
31. *Кучеренко И.В.* О фосфор-магний-титановой специализации золотоносных березитов // Доклады АН СССР. 1987. Т. 293, № 2. С. 443–447.
32. *Kucherenko I.V., Gavrilov R.Yu.* Femophilic elements in wallrock metasomatites as in ores of mesothermal gold deposits – newsletter of mantle deep // International Journal of applied and fundamental research. 2011. № 1. P. 37–43.
33. *Петрографический* кодекс. Магматические, метаморфические, метасоматические, импактные образования / под ред. О.А. Богатикова, О.В. Петрова, Л.Н. Шарпенка. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ, 2008. 200 с.
34. *Поспелов Г.Л.* Геологические предпосылки к физике рудоконтролирующих флюидопроводников // Геология и геофизика. 1963. № 3. С. 18–19.
35. *Ague J.J., Brimhall G.H.* Regional variations in bulk chemistry, mineralogy and the compositions of mafic and accessory minerals in the batholiths of California // Geological Society of America Bulletin. 1988. Vol. 100, № 6. P. 891–911.
36. *Коржинский Д.С.* Очерк метасоматических процессов // Основные проблемы в учении о магматогенных рудных месторождениях. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 335–456.
37. *Кучеренко И.В.* Гидродинамика трещинно-поровых породно-флюидных взаимодействий и механизм массопереноса в процессах околотрещинного гидротермального метасоматизма // Разведка и охрана недр. 2010б. № 11. С. 37–43.
38. *Сук Н.И.* Поведение рудных элементов в расслаивающихся силикатно-солевых системах // Петрология. 1977. Т. 5, № 1. С. 23–31.
39. *Чевычелов В.Ю.* Распределение полиметаллов между гранитоидным расплавом, флюидно-солевой и флюидной фазами // Доклады РАН. 1992. Т. 325, № 2. С. 378–381.
40. *Вагина Е.А.* Минеральные комплексы руд и генезис золоторудного месторождения Чертово Корыто (Патомское нагорье) // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 1. С. 63–69.
41. *Кучеренко И.В.* Базитовые дайки Богодиканского золоторудного месторождения (Северное Забайкалье) // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 6. С. 17–23.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 16 мая 2014 г.

MAGMATOGENE GEOLOGY-GENETIC CONCEPTIONS OF THE HYDROTHERMAL GOLD DEPOSITS FORMATION: FACTS AND ARGUMENTS

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 214-222. DOI: 10.17223/15617793/386/36

Kucherenko Igor V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kucherenko.o@sibmail.com

Keywords: hydrothermal gold deposits; granitogene; basaltogene conceptions; fluid-ore-magmatic granite-diorite-dolerite complexes.

There is a necessity of replacement of granitogene, basaltogene, metamorphogene, polygene hypotheses of the hydrothermal gold deposits formation founded in the twentieth century by the theory and working up on its base of the mineralization effective prognosis-search criteria complex. The prerequisite for the beginning of this operation is the aggregate of the mutually supplementing established facts revealed mainly in the deposits of the Siberian craton southern fold-mountain framing formed in the age diapason from Late Riphean to Late Paleozoic in crystalline and black-shale substratum. It is advisable to appraise the adequacy of the referred facts with argument systems of every hypothesis and to discuss possibilities to intensify their validity by introducing new data. So far as the latter show the connection of ore formation with magmatism, the evidence of the magmatogene granitogene and basaltogene hypotheses is analysed in the comparative aspect in the first place. The preconditions are given that defined the methodology and methods of the investigations directed at reconstruction of the thermodynamic and physic-chemical regimes of granitoid melts functioning and conditions of its gold-generating capacity realization. The limitations are discussed following from methodology and methods of the scientific research and appearing as a consequence of new data attraction, negatively influencing the trustworthiness of the deductions about granitoid melts ability to generate metalliferous fluids in volumes sufficient for creation of industrial gold deposits. According to an alternative scenario the system of proofs of gold deposits formation at the late basaltoid stage of antidromic fluid-ore-magmatic complexes includes the following facts: 1) the temporal interval of the complexes formation does not exceed 50 million years; 2) all deposit environments have authentic thermodynamic and physic-chemical regimes of ore-mineral complexes formation; 3) instillation of moderate alkaline basaltic melts repeatedly alters with metalliferous fluids; 4) the instillation of metalliferous fluids occur in melts they formed of hot intra-ore dolerite dikes-fluid bearers; it is estimated as one of the indications of the sources unity of moderate alkaline basaltic magma chambers; 5) femic K, P, Ti, Mg, Fe, Ca, Mn specialization of basaltic melts and auric fluids proves a deduction about the unity of their sources; 6) the inheritance by ore beresites and ores of K-S-carbon dioxide into-dike apodolerite metasomatism type and contrasting femic elements anomalies formed in apodolerite metasomatites proves into-dike apodolerite, by-ore metasomatism and ore formation as a consequence of the functioning of the same metalliferous fluids generated in basaltic chambers.

REFERENCES

1. Smirnov S.S. O sovremennom sostoyanii teorii obrazovaniya magmatogennykh rudnykh mestorozhdeniy [The present state of the theory of formation of magmatic ore deposits]. *Zapiski Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva. Vtoraya seriya*, 1947, pt. 76, issue 1, pp. 23-36.
2. Abdullaev Kh.M. *Geneticheskaya svyaz' orudeneniya s granitoidnymi intruziyami* [Genetic link of mineralization with granitoid intrusions]. Moscow: Gosgeoltekhizdat Publ., 1954. 294 p.
3. Gorzhevskiy D.I., Kozerenko V.N. *Svyaz' endogennogo rudoobrazovaniya s magmatizmom i metamorfizmom* [Connection of endogenous mineralization with magmatism and metamorphism]. Moscow: Nedra Publ., 1965. 300 p.
4. Alabin L.V., Kalinin Yu.A. *Metallogeniya zolota Kuznetskogo Alatau* [Gold metallogeny of the Kuznetsk Alatau]. Novosibirsk: OIGGM SB RAS Publ., 1999. 237 p.
5. Troshin Yu.P., Grebenshchikova V.I., Sandomirova G.B., Pakhol'chenko Yu.A. Novye dannye po rubidiy-strontsievomu vozrastu zolotorudnykh mestorozhdeniy Kuznetskogo Alatau [New data on the rubidium-strontium age of gold deposits of the Kuznetsk Alatau]. *Doklady RAN*, 1999, vol. 365, no. 1, pp. 108-111.
6. Serdyuk S.S. *Zolotonosnye provintsii Tsentral'noy Sibiri: geologiya, minerageniya, perspektivy osvoeniya* [Gold-bearing province of Central Siberia: geology, metallogeny, exploration prospects]. Krasnoyarsk: KNIIGGIMS Publ., 2004. 478 p.
7. Nozhkin A.D., Borisenko A.S., Nevol'ko P.A. [Proterozoic rift-related and intraplate magmatism, gold and gold-uranium mineralization of the Yenisei Ridge]. *Sovremennye problemy geologii i razvedki poleznykh iskopaemykh: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Modern Problems of Geology and Mineral Exploration: Proceedings of the International Conference]. Tomsk: TPU Publ., 2010, pp. 266-274. (In Russian).
8. Tauson L.V. *Geokhimicheskie tipy i potentsial'naya rudonosnost' granitoidov* [Geochemical types and potential ore-bearing of granitoids]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 267 p.
9. Tingle T.N., Fenn Ph.M. Transport and concentration of molybdenum in granite molibdenite systems: Effects of fluorine and sulfur. *Geology,* 1984, vol. 12, no. 3, pp. 156-158.
10. Ryabchikov I.D., Efimov A.E., Kulagin V.M., Shilin N.A. *Fiziko-khimicheskiy analiz povedeniya zolota v protsesse degazatsii magm* [Physico-chemical analysis of the behavior of gold in the process of magma degassing]. In: Shmakn B.M. (ed.) *Problemy geokhimii endogennykh protsessov* [Problems of endogenous processes geochemistry]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, pp. 14-18.
11. Kovalenko V.I., Kuz'min M.I., Koval' V.V. *Geokhimicheskie tipy mezazoyskikh granitoidov Mongolii i ikh metallogeniya* [Geochemical types of Mesozoic granitoids of Mongolia and their metallogeny]. In: Smirnov V.I. (ed.) *Zakonomernosti razmeshcheniya poleznykh iskopaemykh* [Regularities of minerals distribution]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Vol. XI, pp. 329-334.
12. Shilin N.L., Kumeev S.S., Koloskov A.V. Zoloto v kalievykh polevykh shpatakh iz intruzivnykh i metasomaticheskikh obrazovaniy [Gold in potassium feldspars from intrusive and metasomatic formations]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geologicheskaya*, 1988, no. 10, pp. 93-101.
13. Amuzinskiy V.A. *Geokhimicheskie osobennosti raspredeleniya zolota v magmaticheskikh porodakh Verkhoyanskoy antiklinal'noy zony* [Geochemical features of the distribution of gold in igneous rocks of the Verkhoyansk anticlinal zone]. In: *Mineralogiya i geokhimiya proizvodnykh granitoidnogo magmatizma* [Mineralogy and geochemistry of the derivatives of granitoid magmatism]. Yakutsk: Yakut Institute of Geology SB USSR AS, 1981, pp. 89-98.
14. Leveille R.S.A., Newberry R.J., Bull K.F. An oxidation state-alkalinity diagram for discrimination of some gold-favorable plutons: An empirical and phenomenological approach. *Geological Society of America*, 1988, vol. 20, pp. 142-153.
15. McCoy D., Newberry R.J., Layer P.D., Marchi J.J., Bakke A., Masterman J.S., Minehane D.L. *Plutonic-Related Gold Deposits of Interior Alaska*. In: *Economic Geology*, 1997. Vol. 9, pp. 191-241.
16. Thompson J.F.H., Newberry R.J. Gold deposits related to reduced granitic intrusions. *Society of Economic Geologists, Reviews*, 2000, vol. 13, pp. 377-400.
17. Lang J.R., Baker T. Intrusion-related gold systems: the present level of understanding. *Mineralium Deposita*, 2001, vol. 36, issue 6, pp. 477-489. DOI: 10.1007/s001260100184
18. Mustard R. Granite-hosted gold mineralization at Timbarra, northern New South Wales // *Mineralium Deposita,* 2001, vol. 36, issue 6, pp. 542-562. DOI: 10.1007/s001260100188

19. Gamyanin G.N., Goryachev N.A., Bakharev A.G., Kolesnichenko P.P., Zaytsev A.I., Diman E.N., Berdnikov N.V. *Usloviya zarozhdeniya i evolyutsii granitoidnykh zolotorudno-magmaticheskikh sistem v mezozoidakh Severo-Vostoka Azii* [Conditions of the origin and evolution of granitoid gold-magmatic systems in the Mesozoides of Northeast Asia]. Magadan: NE CSRI FEB RAS Publ., 2003. 196 p.
20. Marsh E.E., Goldfarb R.J., Hart C.J.R., Johnson C.A. Geology and geochemistry of the Clear Creek intrusion-related gold occurences, Tintina Gold Province, Yukon, Canada, *Canadian Journal of Earth Sciences*, 2003, vol. 40(5), pp. 681-699. DOI: 10.1139/e03-018
21. Yang X.M., Lentz D.R., Chi G., Thorne K.G. Petrochemical Characteristics of Gold-Related Granitoids in southwestern New Brunswick, Canada. *LITHOS*, 2008, vol. 104, pp. 355-377. DOI: 10.1016/j.lithos.2008.01.002
22. Yang X.M., Lentz D.R. Chemical composition of rock-forming minerals in gold-related granitoid intrusions, southwestern New Brunswick, Canada: implications for crystallization conditions, volatile exsolution and fluorine-chlorine activity. *Contributions to Mineralogy and Petrology,* 2005, vol. 150, issue 3, pp. 287-305. DOI: 10.1007/s00410-005-0018-7
23. Hart C.J.R. Reduced Intrusion-Related Gold Systems. *Economic Geology*, 2006, vol. 101, no. 7, pp. 1415-1427.
24. Yang X.M., Lentz D.R., Sylvester P.J. Gold contents of sulfide minerals in granitoids from southwestern New Brunswick, Canada. *Mineralium Deposita*, 2006, vol. 41, issue 4, pp. 369-386. DOI: 10.1007/s00126-006-0065-7
25. Gusev A.I. *Petrologiya zolotogeneriruyushchego magmatizma* [Petrology of gold generating magmatism]. Moscow: RANH Publ., 2012. 60 p.
26. Kucherenko I.V. Pozdnepaleozoyskaya epokha zolotogo orudeneniya v dokembriyskom obramlenii Sibirskoy platformy [Late Paleozoic era of gold mineralization in the Precambrian of the Siberian platform]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geologicheskaya*, 1989, no. 6, pp. 90-102.
27. Kucherenko I.V. Prostranstvenno-vremennye i petrokhimicheskie kriterii svyazi obrazovaniya zolotogo orudeneniya s glubinnym magmatizmom [Spatio-temporal and petrochemical criteria of connection of gold mineralization with deep-earth magmatism]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geologicheskaya*, 1990, no. 10, pp. 78-91.
28. Kucherenko I.V. Petrologicheskie i metallogenicheskie sledstviya izucheniya malykh intruziy v mezotermal'nykh zolotorudnykh polyakh [Petrological and metallogenic consequences of the study of small intrusions in mesothermal gold fields]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2004, vol. 307, no. 1, pp. 49-57.
29. Kucherenko I.V. [Gold metallogeny: appendix to the mesothermal deposits formed in the non-shale and black shale substrate of folded-mountain structures of southern Siberia]. *Sovremennye problemy geologii i razvedki poleznykh iskopaemykh: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Modern Problems of Geology and Mineral Exploration: Proceedings of the International Conference]. Tomsk: TPU Publ., 2010a, pp. 241-256. (In Russian).
30. Sher S.D. Zhil'nye izverzhennye porody osnovnogo sostava v basseyne r. Bodaybo i ikh sootnosheniya s kvartsevymi zhilami [Vein igneous rocks of basic composition in the Bodaibo river basin. and their crelation to quartz veins]. *Trudy Tsentral'nogo nauchno-issledovatel'skogo geologorazvedochnogo instituta*, 1959, issue 4, pp. 104-114.
31. Kucherenko I.V. O fosfor-magniy-titanovoy spetsializatsii zolotonosnykh berezitov [On phosphorus-magnesium-titanium gold-bearing beresites specialization]. *Doklady AN SSSR*, 1987, vol. 293, no. 2, pp. 443-447.
32. Kucherenko I.V., Gavrilov R.Yu. Femophilic elements in wallrock metasomatites as in ores of mesothermal gold deposits – newsletter of mantle deep. *International Journal of applied and fundamental research*, 2011, no. 1, pp. 37-43.
33. Bogatikov O.A., Petrov O.V., Sharpenok L.N. (eds.) *Petrograficheskiy kodeks. Magmaticheskie, metamorficheskie, metasomaticheskie, impaktnye obrazovaniya* [Petrographic Code. Igneous, metamorphic, metasomatic, impact formations]. St. Petersburg: VSEGEI Publ., 2008. 200 p.
34. Pospelov G.L. Geologicheskie predposylki k fizike rudokontroliruyushchikh flyuidoprovodnikov [Geological prerequisites to the physics of ore-controlling fluid conductors]. *Geologiya i geofizika – Russian Geology and Geophysics*, 1963, no. 3, pp. 18-19.
35. Ague J.J., Brimhall G.H. Regional variations in bulk chemistry, mineralogy and the compositions of mafic and accessory minerals in the batholiths of California. *Geological Society of America Bulletin*, 1988, vol. 100, issue 6, pp. 891-911. DOI: 10.1130/0016-7606(1988)100<0912:MAAADO>2.3.CO;2
36. Korzhinskiy D.S. *Ocherk metasomaticheskikh protsessov* [Essay on metasomatic processes]. In: *Osnovnye problemy v uchenii o magmatogennykh rudnykh mestorozhdeniyakh* [Main problems in the study of magmatic ore deposits]. Moscow: USSR AS Publ., 1953, pp. 335-456.
37. Kucherenko I.V. Hydrodynamics of the fracture-pore fluid-rock interactions and mass transfer mechanism in the adjacent-fracture hydrothermal metasomatic processes. *Razvedka i okhrana nedr – Prospect and protection of mineral resources*, 2010b, no. 11, pp. 37-43. (In Russian).
38. Suk N.I. Povedenie rudnykh elementov v rasslaivayushchikhsya silikatno-solevykh sistemakh [Behavior of ore elements in stratified silicate-salt systems]. *Petrologiya*, 1977, vol. 5, no. 1, pp. 23-31.
39. Chevychelov V.Yu. Raspredelenie polimetallov mezhdu granitoidnym rasplavom, flyuidno-solevoy i flyuidnoy fazami [Distribution of polymetals between granitoid melts, fluid-salt and fluid phases]. *Doklady RAN*, 1992, vol. 325, no. 2, pp. 378-381.
40. Vagina E.A. Mineral'nye kompleksy rud i genezis zolotorudnogo mestorozhdeniya Chertovo Koryto (Patomskoe nagor'e) [Mineral ore assemblages and genesis of the Chertovo Koryto gold deposit (Patom Highland)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 1, pp. 63-69.
41. Kucherenko I.V. Bazitovye dayki Bogodikanskogo zolotorudnogo mestorozhdeniya (Severnoe Zabaykal'e) [Basic dikes of the Bogodikanskoye gold deposit (Northern Transbaikalia)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2006, vol. 309, no. 6, pp. 17-23.

Received: 16 May 2014

Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 223–232 DOI: 10.17223/15617793/386/37

УДК 624.139

А.В. Мананков, В.М. Владимиров, Б.С. Страхов

ВЫСОКОПРОЧНЫЕ ПЕТРОСИТАЛЛОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ДЛЯ РАБОТЫ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

Изучены минеральный, химический состав и геохимия вулканитов основного состава и метаморфических пород трех золоторудных месторождений в восточной части Полярного Урала. Методами физической геохимии на основе этих пород разработаны четыре состава петроситаллов класса «сикам». Установлена величина золотой пропорции для структурной гармонии ситаллов метасиликатного состава из класса «сикам». Ситаллы и созданные на их основе композитные конструкции являются перспективными для строительства дорог и промышленных объектов по добыче углеводородного сырья в условиях многолетнемерзлых пород Заполярья и арктического шельфа.

Ключевые слова: петроситаллы; сикамы; субсолидусная ликвация; термограммы; энергии активации зародышеобразования и роста кристаллов; фрактальность кристаллических структур; величина золотой пропорции для сикамов; свайно-эстакадная дорожная конструкция; купол Фуллера.

Масштабы добычи нефти и газа в Западной Сибири породили целый ряд серьезнейших технологических и социально-экологических проблем. Их решение в значительной степени связано с привлечением новых идей материаловедения на основе местного сырья, что существенно удешевляет производственные затраты.

Исторически производство ситаллов основано на достижениях в промышленности базальтового литья, научные истоки которого связаны с экспериментами Д. Аризеля в 1777 г. во Франции. Стеклокристаллические материалы (СКМ) этого типа в нашей стране возникли в результате широкомасштабных исследований по созданию отечественной минеральной сырьевой базы для производства стекла (Д.И. Соколов, А.П. Карпинский, П.В. Еремеев, И.И. Китайгородский, Д.С. Белянкин и др.), а также в ответ на требования новой техники [1]. Под руководством академика Ф.Ю. Левинсон-Лессинга и профессора А.С. Гинзбурга в 1926 г. в Санкт-Петербургском политехническом институте была создана солидная школа по изучению минерального состава и физико-химических свойств горных пород с целью их использования в петрургии для получения технического камня [2]. Эффективность конструкционных синтетических материалов доказана созданием целой отрасли страны, в которой производили промышленную продукцию восемь заводов. Они обеспечивали развивающуюся промышленность лишь на 40% [3, 4].

Внедрение новых структурночувствительных методов (РФА, ДТА, ИКС, ЭПР и др.) и электронной микроскопии в середине XX в. в науку, в частности в техническую минералогию, способствовало ускоренному росту теоретических и технологических достижений в проблеме получения новых, более совершенных типов минеральных структур и принципиально новых материалов из кристаллизующегося стекла. Специфика химического состава и возможности контролируемой кристаллизации позволили получать материалы с наносубмикроструктурами, обеспечивающими уникальный неповторимый в материаловедении комплекс физико-технических, термомеханических и химических свойств. Управление составом и свойствами само по себе представляется инновационным подходом в материаловедении, потенциальный ресурс которого еще долго будет востребован.

Разработанные в бывшем СССР субмикрозернистые СКМ по предложению И.И. Китайгородского получили название «ситаллы». Но этот термин не стал международным маргиналом. В США они называются «пирокерамы», в Германии – «витрокерам», в Венгрии – «минельбит», Чехии – «кристон» и т.д. [1]. В значительной степени этот спектр терминов объясним особенностями научных подходов, а также минеральным составом исходного силикатного сырья и конечных продуктов синтеза.

С начала второй половины XX в. наметились три четко обособленных направления в проблеме синтеза ситаллов, различающихся по исходному сырью. Представители одного из них на основе смесей чистых оксидов разрабатывают ***технические ситаллы*** типа пирокерамов и фотоситаллов, например сподуменовые, кордиеритовые и т.п. Именно технические ситаллы обеспечили стремительное развитие всех отраслей промышленности, новой техники, включая ракетную и ядерную, а также восстановительной медицины [5]. Второе направление специализируется на ***петроситаллах*** из горных пород базитового ряда. Третье – под влиянием осознания экологических проблем в качестве исходного сырья направлено на изучение возможностей безотходного комплексного и экологически чистого использования многотоннажных промышленных отходов, количество которых возрастало по экспоненте и превратилось в реальный фактор глобального экологического кризиса. Начатые в РХТУ (МХТИ) с 1959 г. исследования позволили впервые в мировой практике разработать производственные технологии получения листового ***шлакоситалла*** белого и серого цветов методом непрерывной прокатки и прессования [6].

В Томском государственном университете фундаментальные и прикладные исследования в области физической геохимии силикатных систем и фазовых переходов в базитовых расплавах и магмах начаты в 1972 г. по инициативе профессоров И.К. Баженова и М.П. Кортусова. Исследованы механизм и кинетика фазовых превращений под воздействием основных внутренних и внешних факторов [7–9]. Разработана теория субсолидусной ликвации с образованием ряда когерентных структур, на ее основе с позиции кристаллофизики (а не исходного сырья) открыт новый класс СКМ «сикамы» (товарный знак № 92355 от 07.02.1990 г.), существенно отличающийся от известных ***мировых аналогов*** по энергетическим, экономическим и экологическим показателям. Эти преимущества закладываются на стадии теоретического расчета

их мономинерального состава с учетом пределов изоморфизма и относительной устойчивости полиморфных модификаций в изучаемых системах при неравновесных условиях, а также в качественных и количественных особенностях кристаллических структур. Последнее заключается в оптимальном сочетании фрактальных наноструктур и субмикроструктур [10–12]. Новизна подтверждена патентами (более 30) и созданием ресурсосберегающих технологических линий опытно-заводского и промышленного масштаба. Часть патентов оказалась среди победителей конкурсов разного уровня – от Администрации Томской области, ВДНХ (две серебряные и бронзовые медали) до Международной выставки, где отмечены Золотой медалью. Более 10 тыс. $м^2$ фасонных и плиточных изделий получено для нужд строительства, топливной, нефтедобывающей, машиностроительной отраслей и ВПК в Томске, Москве (НПО «Салют»), Ачинском глиноземном комбинате, Красноярском ХМЗ, Волгоградском ОАО «Химпром», Подольске, Барнауле, Новосибирске, Коканде, Иркутске и др. [13].

В настоящее время намечается возрождение интереса к российским разработкам, необходимым для обеспечения модернизации, повышения эффективности и экологической приемлемости в первую очередь базовых отраслей экономики. Формируются научно-технические программы и крупные корпорации, например «Урал Промышленный – Урал Полярный». В рамках последней по заданию Автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа (АУ ЯНАО) «Окружной технологический парк “ЯМАЛ”» нами с 2011 г. проводятся исследования по получению перспективных искусственных материалов класса сикамов, необходимых для повышения эффективности технологических решений добычи углеводородов, обеспечения модернизации и экологической безопасности производства.

Исходные породы и теоретические расчеты петроситаллов. Наличие местного природного сырья существенно удешевляет производственные затраты. Это связано с тем, что сырье в удельном весе стоимости петургической продукции занимает не менее 48%. Вместе с тем при обустройстве, например, нефтегазовых месторождений и строительстве дорог в условиях многолетнемерзлых пород самая затратная часть их стоимости – это строительные материалы. На один километр дороги III категории стоимость материалов составляет 15 млн руб. Из них стоимость металла для свайно-эстакадных дорожных и иных конструкций – 4 млн руб.

В восточной части Полярного Урала, в районе пос. Харп, были отобраны представительные пробы из карьеров трех месторождений. С месторождения Новогоднее были взяты пробы базальта и диабаза, с месторождения Амфиболитовое – образцы амфиболитов, а также известняки с месторождения Новогоднее II. Месторождение Новогоднее расположено в пределах Малоуральского краевого вулкано-плутонического пояса (ВПП), прорванного интрузивными образованиями собского и конгорского комплексов. Месторождение Амфиболитовое локализовано в пределах распространения ханмейхойской свиты нижнего протерозоя.

С целью выяснения геодинамической истории вулканитов нами проанализировано (с помощью масс-спектрального метода) распределение редкоземельных элементов (РЗЭ), а также несовместимых высокозарядных элементов (Th, Nb, Zr, Ta, Hf) и микроэлементов с крупными ионными радиусами (Rb, Ba, Sr и др.). С помощью спайдер-диаграмм элементов, нормированных на примитивную мантию и по хондрит, сделаны выводы о том, что базиты Малоуральского ВПП (S-D) хорошо сопоставляются с содержанием этих элементов в базальтах островных дуг. Амфиболиты ханмейхойской свиты (PR_1) занимают неопределенную позицию. Геохимические признаки указывают на возможную принадлежность этих пород к формациям базальтов континентальных рифтов или океанических островов. Если учесть историю геологического развития региона, то первый вариант оказывается предпочтительней [14].

Авторами выполнены минералогические, петрохимические и экспериментальные исследования этих горных пород на предмет получения из них петроситаллов. В табл. 1 представлены химические составы исходных пород Полярного Урала (табл. 1).

Таблица 1

Химический состав базитов Полярного Урала

Оксиды	1	2	3	4	5
SiO_2	48,67	45,08	62,30	57,66	50,89
TiO_2	0,37	0,59	1,05	0,79	1,79
Al_2O_3	16,93	14,85	11,98	15,14	15,74
Fe_2O_3	5,01	8,54	3,73	2,82	6,37
FeO	6,34	7,69	5,51	4,27	5,25
MgO + MnO	5,80	7,73	3,05	3,36	4,57
CaO	11,84	9,95	5,96	5,11	7,28
Na_2O	2,00	1,40	1,43	2,93	3,67
K_2O	0,12	0,17	2,33	2,20	1,09
P_2O_5	0,02	0,07	0,12	0,31	0,73
H_2O	0,28	0,30	0,17	0,38	0,39
П.п.п.	2,31	2,74	1,26	4,21	1,18
Сумма	99,69	99,11	98,89	99,18	98,95

Примечание. 1 – базальт; 2 – основной пикробазальт; 3 – низкощелочной андезит (метаморфизованный базальт); 4 – высокощелочной андезит (амфиболизированный базальт); 5 – средний состав основных дайковых форм вулканитов [14].

Анализы выполнены с помощью масс-спектрального метода с индуктивно связанной плазмой в химико-аналитическом центре «Плазма» (аналитик-исследователь 1-й категории А.Н. Маковенко).

На диаграмме «Сумма щелочей – кремнезем» вулканиты образуют ряд от неизмененных основных пикробазальтов и габбро-порфиритов до метаморфизованных и амфиболизированных базитов, соответствующих высоко- и низкощелочным андезитам (рис. 1).

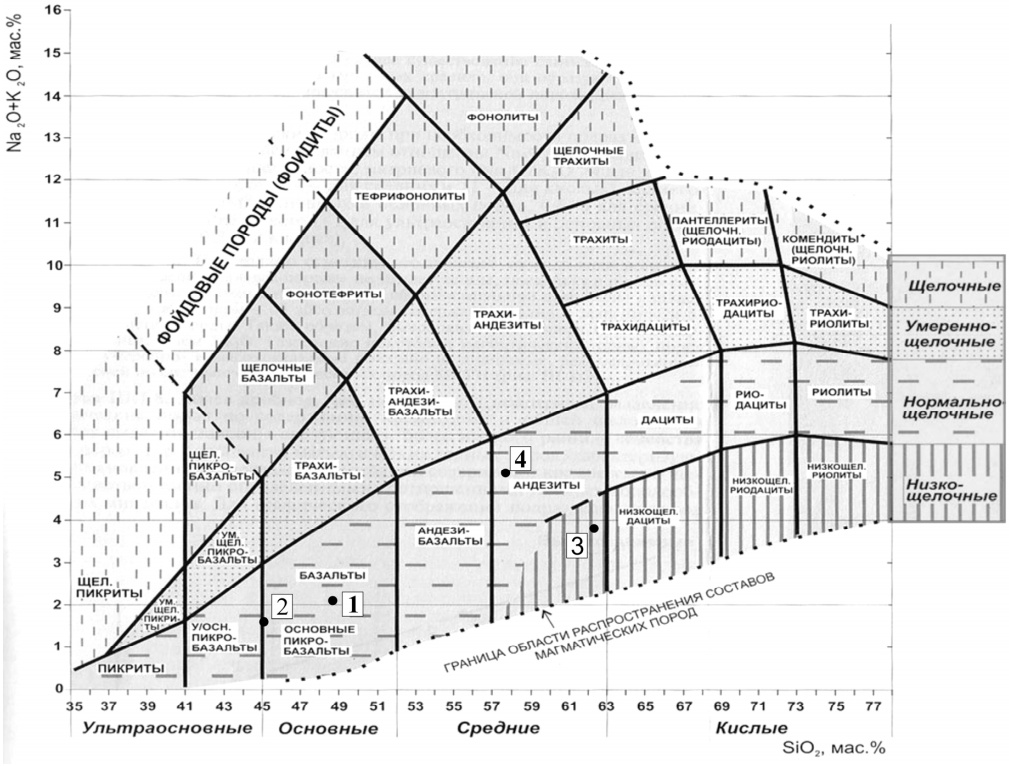


Рис. 1. Диаграмма TAS для химической классификации магматических (вулканических) горных пород. Номера точек соответствуют табл. 1

По результатам химического анализа выполнили теоретическое конструирование сырьевых композиций ситаллов, используя традиционный нормативно-молекулярный метод П. Ниггли (рис. 2). Он позволяет корректировать составы до мономинеральных метасиликатных с обширным полем изоморфных замещений между моноклинными пироксенами и волластонитом. Именно эти метасиликаты являются наиболее перспективными, поскольку на уровне субмикрокристаллических структур обеспечивают материалам ряд ценнейших физико-химических и механических свойств.

Окончательная оценка составов шихт проведена по методу И.Д. Борнеман-Старынкевич с помощью расчетов кристаллохимических формул на метасиликаты пироксеновой группы (6 атомов кислорода) с учетом пределов изоморфных замещений в трех подрешетках пироксенов M_2, M_1 и R (табл. 2).

Экспериментальные исследования условий плавления шихт и получения гомогенных стекол. В соответствии с расчетами были подготовлены исходные шихты. В качестве нуклеаторов кристаллизации основных силикатных фаз использованы оксиды хрома. Плавление осуществляли в алундовых тиглях в силитовой печи. Оптимальные технологические параметры: температура плавления 1 360–1 400°С, время плавления – 1,5–2,0 ч. После закаливания и отжига гомогенные стекла подвергались изучению с помощью различных физико-химических методов.

Физико-химические методы определения температурных интервалов зародышеобразования и роста кристаллов. В НИЛ КМК ТГУ разработана собственная методология, ставшая классической, и накоплен большой опыт изучения кинетических параметров кристаллизации стекол. Эти пробы исследованы в лаборатории ЦКП аналитического центра ГПС ТГУ с помощью ДТА на приборе NETZSCHSTA 409 PC/PG в интервале 20–1 100°С. Получены термограммы с четко выраженными эндоэффектами (T_1), соответствующими температурам образования зародышей основной фазы, и еще более контрастными экзоэффектами (T_2), отвечающими за рост кристаллов (рис. 3, табл. 3). Дополнительно установлены важные физико-химические характеристики стекол: 1) изменение теплоемкости в температурном интервале 150–1 100°С и 2) температуры стеклования образцов.

Для каждого состава проведены кинетические эксперименты. Варьировали температуры и время изотермического нагрева на ступени T_1 и T_2, а также скорости нагрева от T_1 до T_2. Время изотермического нагрева на T_1 варьировали от 15 до 75 мин, на ступени роста кристаллов – от 15 до 60 мин. Из закристаллизованных и отожженных образцов – продуктов экспериментов – приготовлены прозрачные шлифы и полированные аншлифы для изучения структурно-текстурных свойств и фотографирования. По результатам изучения был сделан вывод, что оптимальное время изотермического нагрева на ступенях T_1 и T_2 должно быть не менее 45 мин. На аншлифах с помощью алмазной пирамидки и микроскопа ПМТ-3 проведено определение микротвердости.

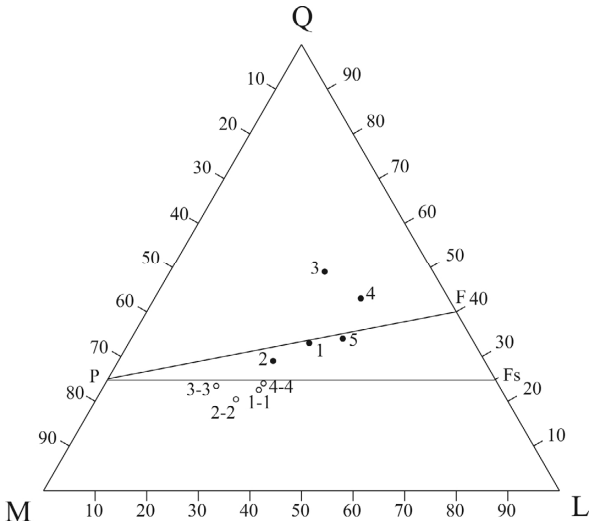


Рис. 2. Проекция составов пород по нормативно-молекулярному методу П. Ниггли.
Номера точек соответствуют номерам исходных составов на рис. 1.
Двойные номера (1–1, 2–2 и т.д.) – откорректированные составы

Таблица 2

Кристаллохимические формулы петроситаллов

№ пробы	Подрешетки в формуле пироксенов		
	M_2	M_1	R
1	$(Ca_{0,86}\cdot Na_{0,13}K_{0,01})$	$(Ca_{0,06}Mg_{0,29}\cdot Fe^{+2}_{0,18}\cdot Fe^{+3}_{0,13}\cdot Al_{0,34})$	$(Si_{1,65}\cdot Ti_{0,01}\cdot Al_{0,34})O_6$
2	$(Ca_{0,9}\cdot Na_{0,09}\cdot K_{0.01})$	$Mg_{0,4}\cdot Fe^{+2}_{0,22}\cdot Fe^{+3}_{0,22}\cdot Al_{0,20})$	$(Si_{1,57}\cdot Ti_{0,02}\cdot Al_{0,41})O_6$
3	$(Ca_{o,83}Na_{0,08}K_{0,09})$	$(Ca_{0,4}Mg_{0,13}Fe^{+2}_{0,13}\cdot Fe^{+3}_{0,08}Al_{0,25})$	$(Si_{1,81}Ti_{0,02}Al_{0,16})O_6$
4	$(Ca_{o,74}Na_{0,18}K_{0,09})$	$(Ca_{0,29}Mg_{0,16}Fe^{+2}_{0,11}\cdot Fe^{+3}_{0,07}Al_{0,38})$	$(Si_{1,79}Ti_{0,02}Al_{0,18}P_{0,01})O_6$

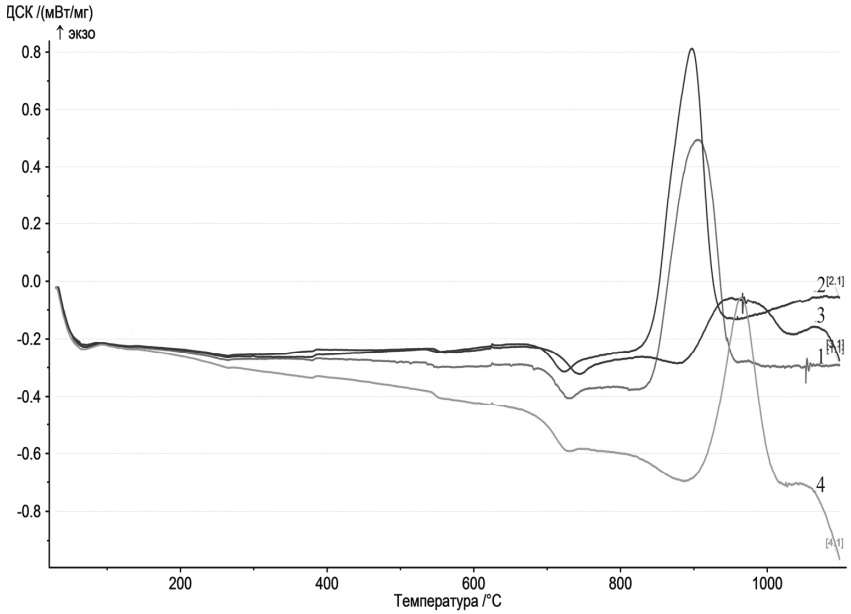


Рис. 3. Термограммы нагревания синтезированных стекол. Номера соответствуют двойным номерам на рис. 2

Таблица 3

Результаты ДТА стекол на основе базитов Полярного Урала

№ пробы	T_1, °C	E_1, мВт/мг	T_2°C	E_2, мВт/мг
1	723	0,391	905	0,494
2	711	0,423	897	0,812
3	742	0,321	951	0,591
4	727	0,360	964	0,686

Примечание. E_1 – энергия активации зародышеобразования; E_2 – энергия роста кристаллов (аналитик – Е.М. Асочакова).

Двухстадийный механизм ситаллизации метасиликатных систем отлично укладывается в теоретические построения «Математической теории гармонии», когда в процессе самоорганизации система (с учетом внутренних и внешних факторов) достигает гармонического структурно-энергетического уровня. При этом между отдельными частями системы устанавливается некоторое количественное отношение, выражаемое числом, равным «обобщенной золотой пропорции» [16, 17]. Авторы этой теории подтвердили гипотезу В.И. Вернадского о неевклидовом характере геометрии живой природы и пропагандируют расширение «закона структурной гармонии» на инновационное решение назревших проблем в технологиях, экономике, экологии и т.п.

В целом дальнейшее развитие естественно-научного знания и космологических исследований невозможно представить без золотого сечения [18–21]. При этом установлено, что все физические константы могут быть выражены через золотую пропорцию. Начиная с Пифагора, ученые принимали за гармонию единственную золотую пропорцию $\tau = (1 + \sqrt{5})/2 = 1{,}618$. Используя отношения значений термодинамических величин E_2 и E_1, получаем среднее значение, равное 1,732. Эта величина является отражением «закона структурной гармонии» метасиликатных систем класса сикамов (рис. 4, 5).

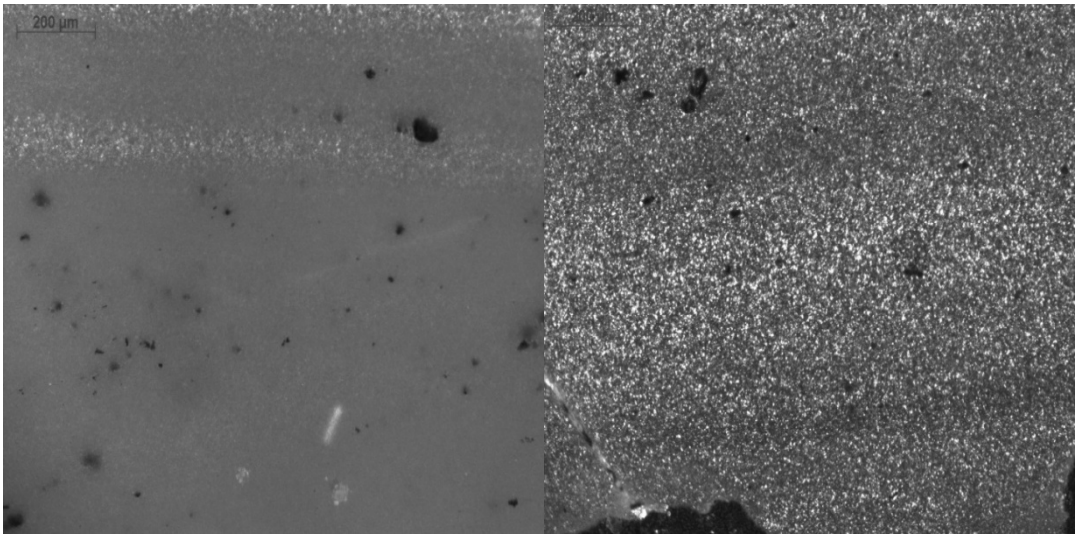


Рис. 4. Влияние времени изотермического нагрева на ступенях T_1 и T_2 на структуру и степень кристаллизации

По комплексу основных технологических свойств определены оптимальные условия синтеза. Во-первых, закристаллизованные по оптимальным режимам образцы в виде плиток были правильной геометрической формы, однородной текстуры и без видимой деформации. Во-вторых, под микроскопом отсутствуют «порфировые» образования, структура наиболее однородная, средний размер кристаллов составляет 5–8 мкм. Используя оптимальные температурно-временные параметры, получены плиты следующих размеров (в мм): 100 × 50 × 8, 150 × 150 × 15. Из них приготовлены образцы для изучения физико-химических свойств, а также пробы для рентгенофазового анализа.

Минеральный состав, структуры, текстуры и физико-химические свойства петроситаллов. Результаты рентгенофазового анализа сопоставлялись с табличными данными ACTM (Crystallographica Search-Match). Получены подтверждения оптимальности исходных составов и технологических параметров. Установлено, что синтезированные петроситаллы отвечают классу сикамов, поскольку они, в отличие от известных петро- и шлакоситаллов [22], имеют мономинеральный метасиликатный состав. По результатам РФА они соответствуют чистому диопсиду ($CaMgSi_2O_6$), либо твердым растворам моноклинных пироксенов диопсид-геденбергитового ряда, либо твердому раствору состава моноклинные пироксены – β-волластонит с субмикрокристаллическими структурами (рис. 6), что и определяет их высокие эксплуатационные свойства (табл. 4). Эксперименты показали, что в неравновесных условиях пределы изоморфизма в группе пироксенов – пирксеноидов существенно расширены, а избыточные элементы – стеклоообразователи остаются в стеклофазе.

По физико-химическим свойствам петроситаллы из природного сырья Полярного Урала могут найти широкое применение в новой технике, в различных сферах производственных процессов нефтегазовой и других отраслей. Во-первых, высокая износостойкость и химическая стойкость делают их эффективными в качестве футеровочного материала для различных трубопроводов, лотков цепных транспортеров, желобов и т.п. Срок службы трубопроводов, защищенных износостойкими ситаллами, в 20 раз больше металлических, а срок службы оборудования, футерованного износостойкими плитами, в 10–12 раз продолжительнее, чем у незащищенного стеклокристаллическими материалами оборудования [22]. Во-вторых, по причине нахождения значительной территории России в районах распространения вечной мерзлоты на первый план выступают проблемы инновационного строительства качественных промышленных автомобильных и железных дорог, аэродромов и т.д., вплоть до искусственных островов-атоллов для морской газо- и нефтедобычи.

Для автомобильных и железнодорожных трасс, в первую очередь Западносибирского Заполярья, разра-

батываются проекты с применением свайно-эстакадной плитной конструкции, внутри которой проходят все необходимые коммуникации. В основе конструкции лежит новейшая разработка винтовой сталеситалловой криосваи из нового материала – петроситалла класса «сикам» на основе местного природного сырья, на которые крепятся упрочненные (например, армированием) универсальные дорожно-фундаментные петроситалловые плиты (УДП 6–2–0,1 и 4–2–0,1 м) (рис. 7).

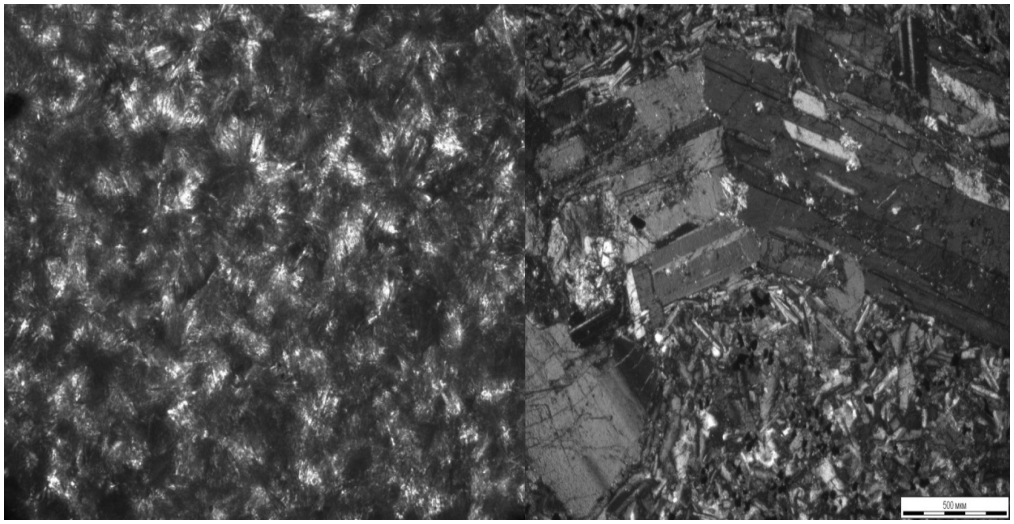


Рис. 5. Субмикросферолитовая структура мономинерального пироксенового ситалла, получаемая при оптимальных технологических параметрах (слева), в сравнении с исходным габбро-порфиритом (с вкраплениями плагиоклаза в микроаллотриоморфной основной массе)

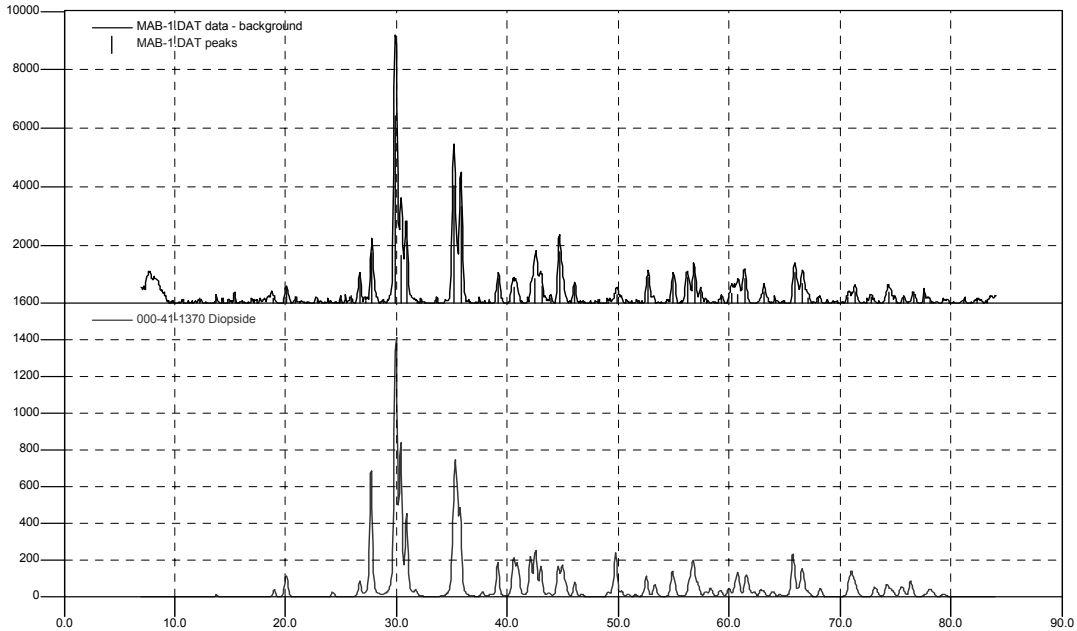


Рис. 6. Рентгенограмма петроситалла из пробы № 1 (вверху) и эталонный диопсид № 000-41-1370 (внизу)

Таблица 4

Основные свойства синтезированных петроситаллов класса «сикам», каменного литья и других конструкционных материалов

Показатель (свойство)	Петроситаллы класса «сикам»	Каменное литье*	Бетон *	Чугун *
Коэффициент линейного расширения (КТР) 107°С$^{-1}$	65–114	48–100	100	100
Температура начала размягчения, °С	950–1100	900–1050	–	–
Сопротивление истиранию, г/см^2	0,015–0,04	0,02–0,08	–	–
Предел прочности, МПА: при статическом изгибе	100–188	47–80	–	280
Предел прочности, МПА: при сжатии	707–909	250–500	5–60	800–1 000
Хим. стойкость, %: H_2SO_4 NaOH	 94,6–99,9 98,0–99,0	 99,8 98,5	 – –	 – –
Стоимость 1 м^3 материалов, руб.	9 000 на заводе петроситаллов в п. Харп, ЯНАО	30 000	9 000–24 000 в ЯНАО	112 000

* – по данным [22].

Такая конструкция позволяет организовать водопропускные сооружения, туннели для прогона скота, оленей, путепроводы и т.п. Кроме того, по своей сути, свайно-дорожная конструкция является готовым мостовым сооружением и позволяет прокладывать дороги напрямую через овраги, реки и озера либо укладывать новое полотно прямо на старые дороги. По этому же принципу возможно строительство взлетно-посадочных полос, искусственных островов-атоллов (рис. 8) для морской газо- и нефтедобычи на мелководных участках шельфа, обустройство площадок для нужд нефтегазодобывающих предприятий и других производственных нужд.

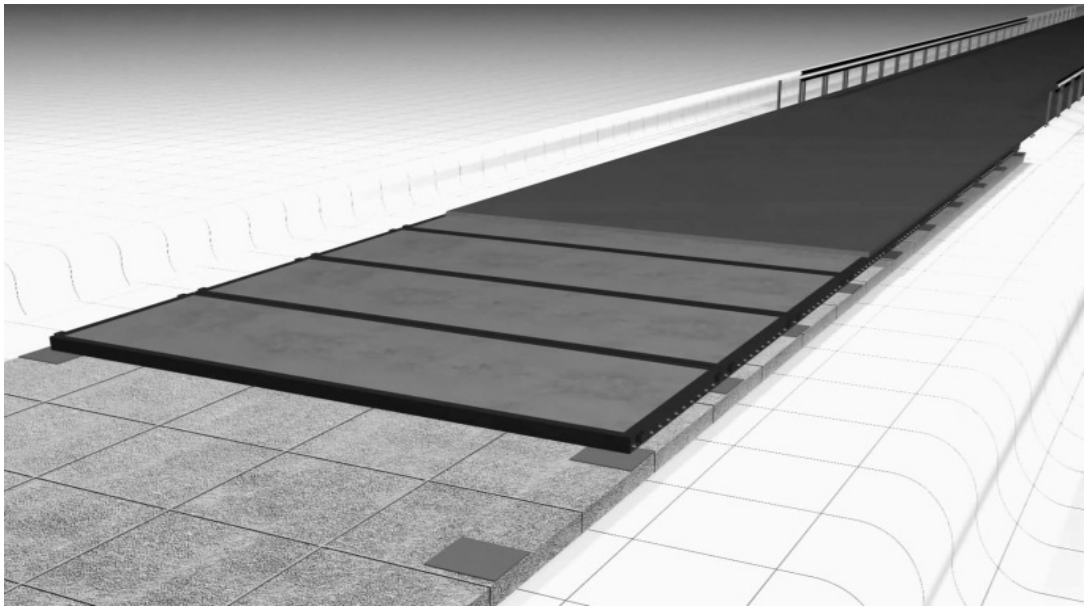


Рис. 7. Свайно-эстакадная конструкция с применением сталепетроситалловых криосвай

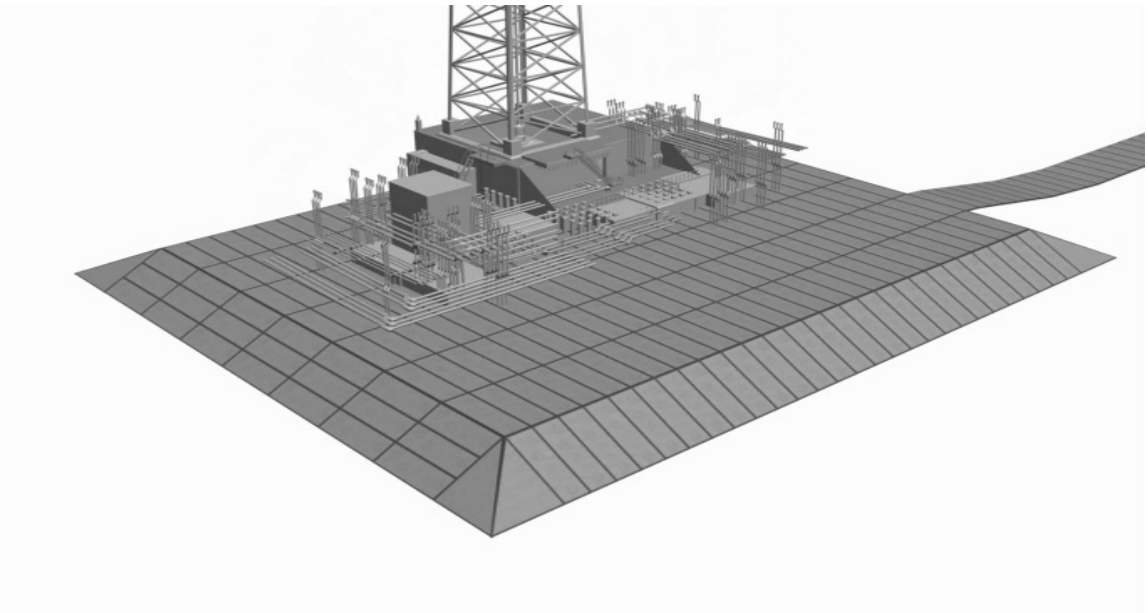


Рис. 8. Буровая площадка на основе свайно-эстакадной конструкции с покрытием сталепетроситаловыми плитами

Кроме петроситалловых труб, винтовых свай и плит, для строительства арочных мостов, туннелей и куполов можно изготовить специальные сборные элементы – тюбинги и многоугольники. Если из петроситалловых плит пятиугольной и шестиугольной формы собрать сферы и купола архитектора Б. Фуллера в форме оксаэдров диаметром 100–300 м, то их можно применить как неуязвимый для льдов искусственный остров на шельфе арктических морей на глубинах 100–300 м (рис. 9). Внутри этого высокопрочного острова-купола можно разместить нефтедобывающее оборудование. Такое инженерное решение намного дешевле применения морских буровых платформ, которые к тому же не способны работать в ледовой обстановке Арктики. Из петроситалловых тюбингов можно строить мосты и туннели по стоимости в два-три раза дешевле, чем из чугунных тюбингов.

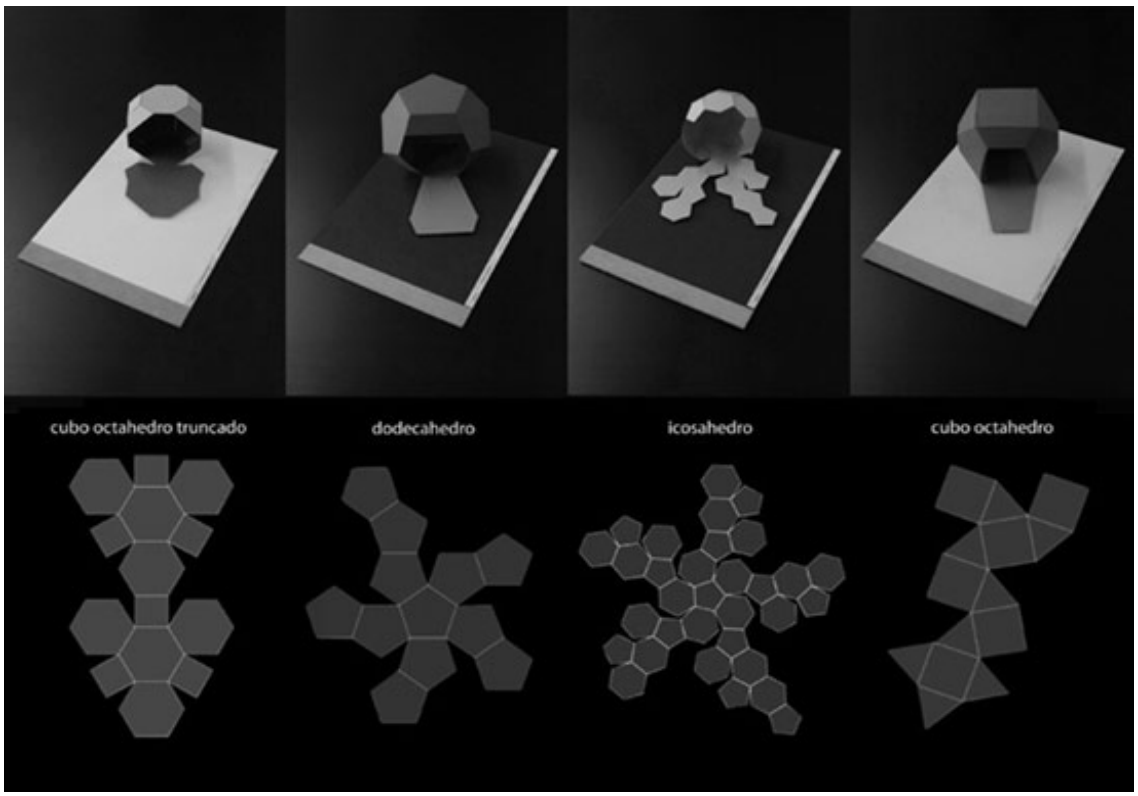


Рис 9. Сборные элементы для объемных многоугольников сфер и куполов Б. Фуллера: кубооксаэдр, додекаэдр, косаэдр и кубооктаэдр

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1) вмещающие вулканические базиты золоторудных месторождений Полярного Урала образуют ряд от свежих пикробазальтов и габбро-порфиритов до метаморфизованных пород состава андезитов;

2) при изучении трендов распределения редкоземельных и рассеянных элементов получены «точечные» факты, подтверждающие в целом современную гипотезу развития Уральского складчатого пояса;

3) теоретически рассчитанные и экспериментально уточненные химические составы и технологические параметры процесса двухстадийной ситаллизации метасиликатных стекол и расплавов позволяют получать качественный конструкционный материал;

4) установлено значение золотой пропорции для структурной гармонии ситаллов метасиликатного состава класса «сикам»;

5) исследование полученных петроситаллов показало, что по физико-химическим свойствам они превосходят традиционные материалы, удовлетворяют требованиям современной промышленности и дешевле стальных и бетонных конструкций;

6) предложенное технологическое решение может частично решить проблему утилизации отходов горнодобывающей отрасли;

7) на текущий момент методологию получения новых петроситаллов класса «сикам» можно считать полностью опробованной в лабораторных условиях и готовой к заводским испытаниям;

8) петроситалловые конструкции в виде свай, плит, тюбингов и фуллеровских сборных элементов из местного сырья в несколько раз дешевле, прочнее и долговечнее, чем из бетона и металла. Использование новых конструкций при освоении шельфа Арктики может принести экономию в сотни миллиардов рублей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мананков А.В.* Основы технической минералогии и петрографии. Томск : ТГУ, 1979. 193 с.
2. *Левинсон-Лессинг Ф.Ю.* Письмо оргкомитету совещания по экспериментальной петрографии // Труды 2-го совещания по экспериментальной минералогии и петрографии. М. ; Л. : Наука, 1937.
3. *Шапошников А.П., Суварева В.С.* Справочные материалы по каменному литью. М. : ГИС, 1968. 65 с.
4. *Шапошников А.П., Тимофеева Л.К.* Влияние структуры и фазового состава на термостойкость каменного литья // Кристаллизация окисных расплавов и свойства литых изделий. Киев : Наукова Думка, 1972. 108 с.
5. *Мананков А.В.* Современное материаловедение и нанотоксикология // Новые технологии создания и применения биокерамики в восстановительной медицине : материалы Междунар. научно-практ. конф. Томск : ТПУ, 2010. С. 107–117.
6. *Павлушкин Н.М., Саркисов П.Д.* Использование отходов промышленности в производстве стекла и стеклокристаллических материалов // ЖВХО им. Менделеева. 1975. Т. XX, № 2.
7. Экспериментальное исследования условий кристаллизации петрургических расплавов и стекол : учеб. пособие / Мананков А.В. и др. Томск : ТГУ, 1976. 202 с.
8. *Мананков А.В., Шарапов В.Н.* Кинетика фазовых переходов в базитовых расплавах и магмах Новосибирск : Наука, 1985. 175 с.
9. *Мананков А.В.* Физико-химические основы наноструктурной минералогии в получении современных материалов // Вестник ТГАСУ. 2012. № 2. С. 120–136.

10. *Мананков А.В.* О механизме микроликвации в силикатных расплавах и стеклах // ДАН СССР. 1979. Т. 244, № 6. С. 1461–1464.
11. *Мананков А.В.* О механизме ликвации в силикатных системах // ДАН СССР. 1979. Т. 246, № 4. С. 942–946.
12. *Мананков А.В.* О механизме и кинетике кристаллизации магматических расплавов основного состава // ДАН СССР. 1980. Т. 251, № 6. С. 1472–1476.
13. *Мананков А.В., Горюхин Е.Я., Локтюшин А.А.* Волластонитовые, пироксеновые и другие материалы из промышленных отходов и недефицитного природного сырья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 168 с.
14. *Мананков А.В., Бычков Д.А., Быков Н.Е., Страхов Б.С.* Петрохимия и геохимия редкоземельных и рассеянных элементов в базитах Полярного Урала и Томских диабазах // Минералогия, геохимия и полезные ископаемые Азии. Томск : Томский ЦНТИ. Вып. 2. С. 145–15015.
15. *Врублевский В.А., Нагорский М.П., Рубцов А.Ф., Эрвье Ю.Ю.* Геологическое строение области сопряжения Кузнецкого Алатау и Колывань-Томской складчатой зоны. Томск : ТГУ, 1987. 96 с.
16. *Сороко Э.М.* Структурная гармония систем. Минск : Наука и техника, 1984. 234 с.
17. *Stakhov A.* The Generalized Principle of the Golden Section and its applications in mathematics, science and engineering // Chaos, Solitons & Fractals. 2005. № 26 (2). P. 263–289.
18. *Бондар О.Я.* Золотое сечение и неевклидова геометрия в природе и искусстве. Львов : Свит, 1994. 165 с.
19. *Владимиров Ю.С.* Кварковый икосаэдр,заряды и угол Вайнберга // Проблемы Гармонии, Симметрии и Золотого Сечения в Природе, Науке и Искусстве : материалы Междунар. конф. Винница : Изд-во ВинАИ, 2003. С. 69–79.
20. *El Naschie MS.* Elementary number theory in superstrings, loop quantum mechanics, twisters and E-infinity high energy physics // Chaos, Solitons & Fractals. 2006. № 27 (2). P. 297–330.
21. *Mauldin R.D., Willams S.C.* Random recursive constructions: asymptotic geometric and topological properties // Trans. Am. Math. Soc. 1986. № 295. P. 325–346.
22. *Павлушкин Н.М.* Основы технологии ситаллов. М. : Стройиздат, 1979. 360 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 5 марта 2014 г.

HIGH-STRENGTH PETROSITALLS FOR WORKING IN SPECIAL CONDITIONS OF THE ARCTIC

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 223-232. DOI: 10.17223/15617793/386/37

Manankov Anatoliy V. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mav.39@mail.ru

Vladimirov Valeriy M. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valera.vladimirov1949@mail.ru

Strakhov Boris S. Center for Independent Forensic Examinations of the Russian Foundation Teheko (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sbs1948@list.ru

Keywords: petrositalls; subsolidus segregation; thermogram; activation energy of the nucleation and crystal growth; fractality of crystal structures; pile-elevated road construction; Fuller's dome.

The object of research is the rock of the Polar Urals and manufacture of petrositalls based on them. The purpose is a theoretical calculation and experimental glass-ceramic materials production based on class of the sikam rocks of the Polar Urals. In operation, we studied rocks petrochemicals , calculated compositions and process parameters for obtaining petrositalls. The calculated composition was performed by the method of molecular regulatory of P. Niggli. It allows adjusting the compositions of monomineral metasilicates with a vast field of isomorphic structures like clinopyroxene and wollastonite. It is these metasilicates that are the most promising because submicrocrystalline structures provide a number of materials with valuable physico-chemical and mechanical properties. The calculation of the theoretical chemical and mineral composition of petrositalls was obtained. By the basic properties of the complex we determined the optimal conditions for the synthesis of nanostructures of fractal crystals of pyroxene and wollastonites. We received the confirmation of the optimality of initial compositions and process parameters. Synthesized petrositalls meet sikam class and have a monomineral metasilicate composition. In this case by the results of XRD they correspond to either pure diopside ($CaMgSi_2O_6$), or solid solutions of clinopyroxene diopside-hedenbergite series, or a solid solution of clinopyroxene-β-wollastonite with a nano- and submicrocrystalline structure that defines their superior performance. Pictures of the processes of controlled nanocrystal synthesis made in the electron microscope prove the fractal nature of these processes. As a large territory of Russia is located in permafrost areas, there are urgent problems of innovative high quality industrial construction of roads and railways, airfields and so on, even artificial islands, atolls for offshore gas and oil production. For road and rail routes primarily West Siberian Arctic projects are being developed with the use of plate piled trestle structure within which pass all the necessary communications. Findings. In the study of the possibility of obtaining petrositalls in three fields of rocks of the Polar Urals the following results were obtained: 1) the theoretically calculated and experimentally sophisticated technological parameters of pyroxene crystallization and of wollastonite allow receiving quality construction material; 2) the study of the samples of petrositalls showed that they correspond to the expected results and meet the requirements of modern industry and are cheaper than steel and concrete structures; 3) the proposed technological solution can partially solve the problem of disposal of waste of the mining industry; 4) besides the study of trends in the distribution of rare and trace elements we obtained "point" facts in favor of the existing hypothesis of the development of the Urals fold belt; 5) the currently elaborated new methodology of petrositalls sikam class can be considered fully tested in the laboratory and finished to factory tests; 6) petrositall constructions like piles, plates, tubing are several times cheaper, stronger and more durable than concrete and metal. Using the new designs during the development of the Arctic shelf can bring savings of hundreds of billions rubles.

REFERENCES

1. Manankov A.V. *Osnovy tekhnicheskoy mineralogii i petrografii* [Fundamentals of technical mineralogy and petrography]. Tomsk: TSU Publ., 1979. 193 p.
2. Levinson-Lessing F.Yu. [Letter from the organizing committee meeting on experimental petrography]. *Trudy 2-go soveshchaniya po eksperimental'noy mineralogii i petrografii* [Proceedings of the 2nd meeting for experimental mineralogy and petrography]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1937. (In Russian).
3. Shaposhnikov A.P., Suvareva V.S. *Spravochnye materialy po kamennomu lit'yu* [Reference material on stone casting]. Moscow: GIS Publ., 1968. 65 p.

4. Shaposhnikov A.P., Timofeeva L.K. *Vliyanie struktury i fazovogo sostava na termostoykost' kamennogo lit'ya* [Influence of structure and phase composition on the heat resistance of stone casting]. In: *Kristallizatsiya okisnykh rasplavov i svoystva litykh izdeliy* [Crystallization of oxide melts and properties of cast products]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1972. 108 p.
5. Manankov A.V. [Modern materials and nanotoxicology] *Novye tekhnologii sozdaniya i primeneniya biokeramiki v vosstanovitel'noy meditsine : materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [New technologies of production and application of bioceramics in regenerative medicine: materials of the international scientific-practical conference]. Tomsk: TPU Publ., 2010, pp. 107-117. (In Russian).
6. Pavlushkin N.M., Sarkisov P.D. Ispol'zovanie otkhodov promyshlennosti v proizvodstve stekla i steklokristallicheskikh materialov [The use of industrial wastes in the production of glass and glass-ceramic materials]. *ZhVKhO im. Mendeleeva – Mendeleev Chemistry Journal*, 1975, vol XX, no. 2.
7. Manankov A.V. et al *Eksperimental'noe issledovaniya usloviy kristallizatsii petrurgicheskikh rasplavov i stekol* [Experimental studies of crystallization conditions of petrurgical melts and glasses]. Tomsk: TSU Publ., 1976. 202 p.
8. Manankov A.V., Sharapov V.N. *Kinetika fazovykh perekhodov v bazitovykh rasplavakh i magmakh* [The kinetics of phase transitions in mafic melts and magmas]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. 175 p.
9. Manankov A.V. Physical and chemical basis of nanostructural mineralogy at obtaining the modern materials. *Vestnik TGASU – Vestnik of Tomsk State University of Architecture And Building*, 2012, no. 2, pp. 120-136. (In Russian).
10. Manankov A.V. O mekhanizme mikrolikvatsii v silikatnykh rasplavakh i steklakh [On the mechanism of microphase separation in silicate melts and glasses]. *DAN SSSR*, 1979, vol. 244, no. 6, pp. 1461-1464.
11. Manankov A.V. O mekhanizme likvatsii v silikatnykh sistemakh [On the mechanism of phase separation in silicate systems]. *DAN SSSR*, 1979, vol. 246, no. 4, pp. 942-946.
12. Manankov A.V. O mekhanizme i kinetike kristallizatsii magmaticheskikh rasplavov osnovnogo sostava [On the mechanism and kinetics of crystallization of magmatic melts of basic composition]. *DAN SSSR*, 1980, vol. 251, no. 6, pp. 1472-1476.
13. Manankov A.V., Goryukhin E.Ya., Loktyushin A.A. *Vollastonitovye, piroksenovye i drugie materialy iz promyshlennykh otkhodov i nedefitsitnogo prirodnogo syr'ya* [Wollastonite, pyroxene and other materials from industrial waste and available natural resources]. Tomsk: TSU Publ., 2002. 168 p.
14. Manankov A.V., Bychkov D.A., Bykov N.E., Strakhov B.S. *Petrokhimiya i geokhimiya redkozemel'nykh i rasseyannykh elementov v bazitakh Polyarnogo Urala i Tomskikh diabazakh* [Petrochemistry and geochemistry of rare and dispersed elements in basites of the Polar Urals and Tomsk diabases]. In: Konovalenko S.I. (ed.) *Mineralogiya, geokhimiya i poleznye iskopaemye Azii* [Mineralogy, geochemistry and mineral resources of Asia]. Tomsk: Tomskiy TsNTI Publ., 2013. Issue 2, pp. 145-150.
15. Vrublevskiy V.A., Nagorskiy M.P., Rubtsov A.F., Erv'e Yu.Yu. *Geologicheskoe stroenie oblasti sopryazheniya Kuznetskogo Alatau i Kolyvan'-Tomskoy skladchatoy zony* [Geological structure of the junction area of the Kuznetsk Alatau and the Kolyvan-Tomsk folded zone]. Tomsk: TSU Publ., 1987. 96 p.
16. Soroko E.M. *Strukturnaya garmoniya sistem* [Structural harmony of systems]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1984. 234 p.
17. Stakhov A. The Generalized Principle of the Golden Section and its applications in mathematics, science and engineering. *Chaos, Solitons & Fractals*, 2005, no. 26 (2), pp. 263-289. DOI: 10.1016/j.chaos.2005.01.038
18. Bondar O.Ya. *Zolotoe sechenie i neevklidova geometriya v prirode i iskusstve* [Golden Section and non-Euclidean geometry in nature and art]. Lviv: Svit Publ., 1994. 165 p.
19. Vladimirov Yu.S. [Quark icosahedron, charges and Weinberg angle]. *Problemy Garmonii, Simmetrii i Zolotogo Secheniya v Prirode, Nauke i Iskusstve : materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Problems of Harmony, Symmetry and the Golden Section in Nature, Science and Art: Proceedings of the International conference]. Vinnitsa:VinAI Publ., 2003, pp. 69-79. (In Russian).
20. El Naschie M.S. Elementary number theory in superstrings, loop quantum mechanics, twisters and E-infinity high energy physics. *Chaos, Solitons & Fractals*, 2006, no. 27 (2), pp. 297-330. DOI: 10.1016/j.chaos.2005.04.116
21. Mauldin R.D., Willams S.C. Random recursive constructions: asymptotic geometric and topological properties. *Trans. Am. Math. Soc.*, 1986, no. 295, pp. 325-346. DOI: http://dx.doi.org/10.1090/S0002-9947-1986-0831202-5 - See more at: http://www.ams.org/journals/tran/1986-295-01/S0002-9947-1986-0831202-5/#sthash.6feiZXTC.dpuf
22. Pavlushkin N.M. *Osnovy tekhnologii sitallov* [The basic technology of glass-ceramics]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1979. 360 p.

Received: 5 March 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКЕРМАН Елена Николаевна – д-р экон. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Томского государственного университета; профессор кафедры менеджмента Томского политехнического университета; начальник контрольно-аналитического отдела Законодательной Думы Томской области. E-mail: aker@tomsk.gov.ru

АРХИПОВ Александр Леонидович – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры динамической геологии Томского государственного университета. E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru

АРХИПОВА Наталья Владимировна – ст. преподаватель кафедры динамической геологии Томского государственного университета. E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru

АФОНИН Игорь Викторович – инженер-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Структурная петрология и минерагения» Томского государственного университета. E-mail: heaven05@list.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БЕРЕЗОВСКАЯ Софья Сергеевна – ассистент кафедры музеологии, охраны природного и культурного наследия Томского государственного университета. E-mail: sofber@mail.ru

БЕТХЕР Ольга Васильевна – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры петрографии Томского государственного университета. E-mail: oolit@mail.ru

БУРЕЦ Юлия Сергеевна – аспирант кафедры менеджмента Томского политехнического университета; ведущий специалист контрольно-аналитического отдела Законодательной Думы Томской области. E-mail: buretsys@tomsk.gov.ru

ВЛАДИМИРОВ Валерий Михайлович – канд. хим. наук, доцент кафедры охраны труда и окружающей среды Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: valera.vladimirov1949@mail.ru

ГАМЕРМАН Евгений Вячеславович – канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы. E-mail: Egamerman@mail.ru

ГОРБАТОВ Алексей Александрович – аспирант кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета; мл. науч. сотр. Томского научно-исследовательского и проектного института нефти и газа. E-mail: Gaa.1988@yandex.ru

ГУМЕРОВА Жанна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: janet80@inbox.ru

ДАНИЛОВА Елена Александровна – канд. полит. наук, докторант кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

ЕЛИСЕЕВ Юрий Александрович – зам. начальника юридического отдела Законодательной Думы Томской области. E-mail: eliseev@tomsk.gov.ru

ЕРШОВА Ирина Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: iritza@mail.ru

ЗАПОРОЖЧЕНКО Галина Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: galinakoop@yandex.ru

ЗВЯГИНА Светлана Вадимовна – соискатель кафедры классической и современной литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. E-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

ЗОЛОТАРЕВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, инженер-исследователь научно-инновационной лаборатории «Современные музейные и экскурсионно-туристические технологии» Томского государственного университета. E-mail: Natashik@sibmail.com

ЗОТКИН Андрей Олегович – канд. филос. наук, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: aozotkin70@gmail.com

ИВЛЕВ Дмитрий Александрович – канд. геол.-минерал. наук, главный геолог ООО «Таас-Юрях НГД» (г. Иркутск). E-mail: heaven05@list.ru

КАЗАКОВ Владимир Владимирович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета. E-mail: prorektorsv@mail.ru

КАЗАКОВА Наталья Николаевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: kazakova-kalinkina@yandex.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КАРПОВА Анна Юрьевна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии Томского политехнического университета. E-mail: belts@tpu.ru

КОЗЛОВСКАЯ Оксана Витальевна – д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента Томского политехнического университета, Председатель Законодательной Думы Томской области. E-mail: refze70@gmail.ru

КОРОБЕЙНИКОВА Лариса Александровна – д-р филос. наук, зав. кафедрой теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

КОШЕЛЬСКАЯ Елена Владимировна – канд. мед. наук, ст. преподаватель кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail:koshelskayaev@tpu.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Борисовна – доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

КРЕМЛЕВ Максим Владимирович – адъюнкт Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний; ст. преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: mvkremlev@mail.ru

КУЧЕРЕНКО Игорь Васильевич – д-р геол.-минер. наук, профессор кафедры геологии и разведки полезных ископаемых Томского политехнического университета. E-mail: Kucherenko.o@sibmail.com

КУШНАРЕВА Маргарита Дмитриевна – канд. ист. наук, докторант кафедры истории России, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. E-mail: rita270880@mail.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: lozin@mail.tsu.ru

ЛУКОВ Евгений Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: lev74@mail2000.ru

МАКАРЕНКО Николай Андреевич – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры динамической геологии Томского государственного университета. E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru

МАНАНКОВ Анатолий Васильевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры охраны труда и окружающей среды Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: mav.39@mail.ru

МОРЕВ Владимир Алексеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: morevv@sibmail.com

НЕХАЕВА Ираида Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры инструментального исполнительства и музыкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

ПАРНАЧЁВ Валерий Петрович – д-р геол.-минерал. наук, профессор, зав. кафедрой динамической геологии Томского государственного университета. E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru

ПЕТРОВА Галина Ивановна – д-р филос. наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: seminar_2008@mail.ru

ПРОКОПЬЕВА Лилиана Борисовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: lilianaprokopeva@sibmail.com

ПУТРЕНКО Дарья Владимировна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: putdarya@yandex.ru

РАЗУВАНОВА Анна Владимировна – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: visann@tpu.ru

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtsu@yandez.ru

СЕРЫШЕВА Юлия Вячеславовна – преподаватель кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета. E-mail: eifrige@sibmail.com

СМЕРДОВА Ольга Сергеевна – студентка института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета. E-mail: o.smerdova@yandex.ru

СОКОЛОВ Виктор Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sokvu@yandex.ru

СТРАХОВ Борис Сергеевич – эксперт Центра независимых судебных экспертиз Российского экологического фонда «Техэко» (г. Томск). E-mail: sbs1948@list.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ксения Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры этики, эстетики и культурологии Томского государственного университета. E-mail: kseniya.s@mail.ru

ФЕДОРОВ Игорь Валерьевич – соискатель кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: nobelis-f@rambler.ru

ФИЛЬ Юлия Вадимовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: 2fil@inbox.ru

ШИРИЖИК Вячеслав Михайлович – ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса Тувинского государственного университета (г. Кызыл). E-mail: shirizhik-vm@yandex.ru

ШПАГИН Сергей Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: shpagin@sibmail.com

Ян Фан – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: yangfang2010@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2014 № 386 Сентябрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 18 сентября 2014 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,4. Тираж 250 экз. Заказ № 552.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина
Корректор – А.Н. Воробьёва
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2014 г. было выпущено 377 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru